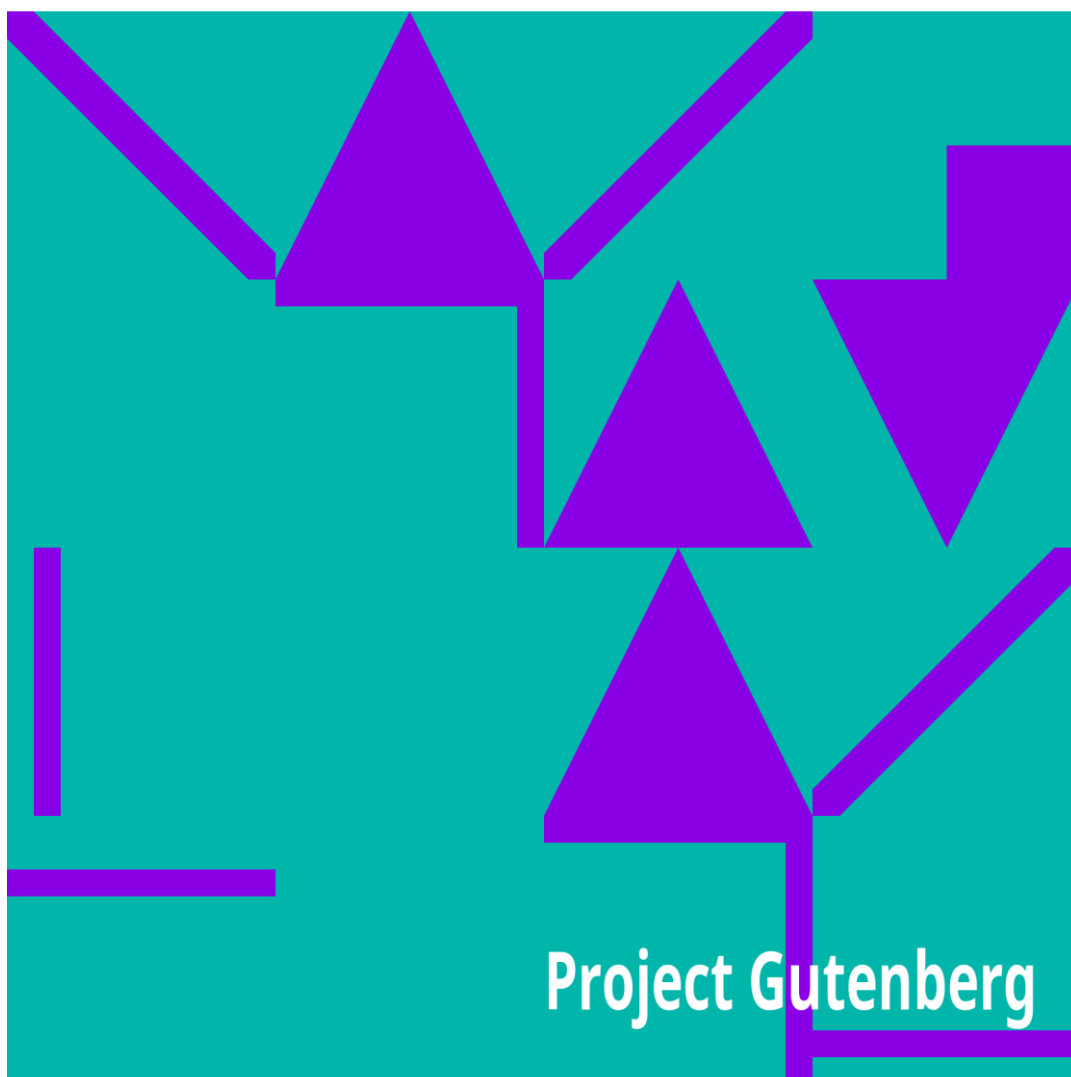

Человек прошлого и настоящего

А. Х. Кин

Man, Past and Present

A. H. Keane et al.

The Project Gutenberg eBook of Man, Past and Present.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без

ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Человек прошлого и настоящего

Автор: А. Х. Кин

Редактор: Альфред К. Хэддон

А. Хингстон Куиггин

Дата выхода: 26 марта 2011 [eBook #35685]

Последнее обновление: 29 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Адрианом Мастронарди и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/Canadian Libraries)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ЧЕЛОВЕК, ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ***

ЧЕЛОВЕК ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С. Ф. КЛЕЙ, менеджер

ЛОНДОН: ФЕТТЕР ЛЭЙН, Э.К. 4

НЬЮ-ЙОРК: G. P. PUTNAM'S SONS

БОМБАЙ }

КАЛЬКУТТА

МАДРАС

ТОРОНТО: J. M. DENT AND SONS, Ltd.

ТОКИО: МАРУЗЕН-КАБУСИКИ-КАЙША

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

MACMILLAN AND CO., Ltd.

ЧЕЛОВЕК ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

А. Х. КИН

ПЕРЕСМОТРЕНО И В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ПЕРЕПИСАНО А. ХИНГСТОНОМ КВИГГИНОМ
И А. К. ХЭДДОНОМ

ЧИТАТЕЛЬ ПО ЭТНОЛОГИИ, КЕМБРИДЖ

КЭМБРИДЖ

В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПРЕССЕ

1920

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Те, кто знаком с огромным количеством этнологической литературы, опубликованной с конца прошлого века, поймут, что пересмотреть и актуализировать работу, чей диапазон в пространстве и времени охватывает весь мир от доисторических времен до наших дней, - задача, не выполняемая в рамках одного тома. Недавние открытия коренным образом изменили наше представление о первобытном человеке, но при этом дают богатый материал для споров, и быстро растущая куча этнографических материалов, хотя еще предстоит проделать огромный объем работы лопатой, является лишь одним из признаков замечательного интереса к этнологии, который так ярко проявляется в нынешнее десятилетие. Даже слежение за периодической литературой, посвященной его предмету, обеспечивает этнологу достаточное занятие, и мало кто может претендовать на звание всезнайки.

В таких обстоятельствах при пересмотре работы профессора Кина не удалось избежать упущений и сжатия, но есть надежда, что обширные ссылки, составляющие главную особенность настоящего издания, в какой-то мере компенсируют эти очевидные недостатки. Главной целью редакторов было сохранить как можно больше оригинального текста там, где он справедливо отражает текущее мнение на данный момент, но наши взгляды настолько отличаются от взглядов 1899 года, что некоторые разделы пришлось полностью переписать, а во многих местах страницы были вырезаны, чтобы освободить место для более важной информации. В каждом случае, когда в книгу вносится новый материал, даются ссылки на ответственные органы, а также максимально полно используются прямые цитаты из цитируемых авторов.

Миссис Хингстон Куиггин несет ответственность за всю работу по пересмотру, за исключением главы XI, пересмотренной мисс Лилиан Уайтхаус, в то время как доктор А. К. Хэддон критиковал, исправлял и контролировал работу на протяжении всего времени.

А. Н. Q.

А. С. Н.

10 октября 1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.

СТРАНИЦА

I. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ	1
II. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ВЕКА - ИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА И НАРОДЫ	20
III. АФРИКАНСКИЙ НЕГР: I. СУДАНЦЫ	40
IV. АФРИКАНСКИЕ НЕГРЫ: II. БАНТУСЫ-НЕГРИЛЫ-БУШМЕНЫ-ГОТТЕНТОТЫ	84
V. ОКЕАНИЧЕСКИЕ НЕГРЫ: ПАПУАСЫ (ПАПУАСЫ И МЕЛАНЕЗИЙЦЫ)-НЕГРИТОСЫ-ТАСМАНИЙЦЫ	132
VI. ЮЖНЫЕ МОНГОЛЫ	163
VII. ОКЕАНИЧЕСКИЕ МОНГОЛЫ	219
VIII. СЕВЕРНЫЕ МОНГОЛЫ	254
IX. СЕВЕРНЫЕ МОНГОЛЫ (продолжение)	300
X. АМЕРИКАНСКИЕ АБОРИГЕНЫ	332
XI. АМЕРИКАНСКИЕ АБОРИГЕНЫ (продолжение)	388
XII. ПРЕДДРАВИДЫ: ПЛЕМЕНА ДЖУНГЛЕЙ ДЕКАНА, САКАИ, АВСТРАЛИЙЦЫ	422
XIII. КАВКАЗСКИЕ НАРОДЫ	438
XIV. Кавказские народы (продолжение)	488
XV. КАУКАЗИЙСКИЕ ЛЮДИ (продолжение)	501
ПРИЛОЖЕНИЕ	556
ИНДЕКС	562

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

(в конце тома)

ПЛАТА I.

1. Раб хауса из Туниса (негр из Западного Судана).
2. Зулусская девушка, Южная Африка (негроид банту).
3. Абрахам Лукас, возраст 32 года, Южная Африка (коранна-хоттентот).
- 4.
5. Сваартбуи, 20 лет, ЮАР (бушмен).
- 6.

ПЛАТА II.

1. Андаманцы (негритосы).
2. Семанг, Малайский полуостров (негрито).
3. Аэта, Филиппины (негрито).
4. Центральноафриканский пигмей (негрилло).
- 5-7. Тапирос, Нидерландская Новая Гвинея (негрито).

ПЛАТА III.

1. Джемми, уроженец Хэмпшир-Хиллз, Тасмания (тасманиец).

- 2.
- 3, Уроженец Оромосапуа, Кивай, Британская Новая Гвинея (папуасский).
- 4.
- 5, Уроженец Хула, Британская Новая Гвинея (папуасский).
- 6.

ПЛАТА IV.

1. Китаец (смешанный южный монгол).
2. Китайская женщина из Кульджи (смешанный южный монгол).
- 3, Кара-киргиз из Семиречинска.
- 4.
5. Кара-киргизка из Семиречинска.
6. Солон Кульджинский (маньчжуро-тунгусский).

ПЛАТА V.

1. Джелай, ибан (морской даяк) с реки Реджанг, Саравак, Борнео (смешанный прото-малайский).
2. Бугинесы, Целебес (малайцы).
3. Бонток-игорот, Лусон, Филиппины (малайцы).
4. Багобо, Минданао, Филиппины (малайцы).
- 5, Девушки кенья, Саравак, Борнео (смешанные протомалайцы).
- 6.

ПЛАТА VI.

1. Самоед, Тавджи.
2. Тунгус.
3. Остяк из Енесея (Палеосибирск).
4. Калмукская женщина (западный монгол).
5. Золото реки Амур (тунгусы).
6. Гилякская женщина (северо-восточные монголы).

ПЛАТА VII.

1. Айнуская женщина, Езо, Япония (палеосибирская).
2. Мужчина айну, Езо, Япония (Палеосибирск).
- 3, Тонкий и грубый типы японских мужчин (смешанный маньчжуро-корейский и южно-монгольский).
- 4.
5. Кореец (смешанный тунгусо-восточный монголоид).
6. Лапландский (финский).

ПЛАТА VIII.

1. Эскимос, Порт-Кларенс, Западная Аляска.

2. Индейцы северо-западного побережья Северной Америки. Квакиутль (племя вакашан).
3. Кокопа, Нижняя Калифорния (племя юман).
4. Навахо, Аризона (лингвистическая группа атапасков).
5. Призрак Буйвола, дакота из Кроу-Крик (племя сиуан).
- 6.

ПЛАТА IX.

1. Карибы, Британская Гвиана.
2. Гуатусо, Коста-Рика.
3. Уроженец Отовало, Эквадор.
4. Уроженец Замбисы, Эквадор.
5. Человек из племени теуэль-че, Патагония.
6. Женщина техуэль-че, Патагония.

ПЛАТЬЕ X.

1. Сита Вання, хенебедда-ведда, Цейлон (додравидийский период).
2. Сакаи, Перак, Малайский полуостров (додравидийский период).
3. Ирула из Чинглепута, холмы Нилгири, Южная Индия (додравидийский период).
4. Женщина Паниян, Малабар, Южная Индия (преддравидийский период).
5. Кайтиш, Центральная Австралия (австралийцы).
6. Женщина из Малгрейва (Австралия).

ПЛАТЬЯ XI.

- 1, Датчанин (скандинав).
- 2.
3. Датчанин (смешанный альпийский).
4. Бретонка из Гингама (смешанная альпийская).
5. Швейцарка (нордический стиль).
6. Швейцарская женщина (альпийская).

ПЛАТА XII.

1. Каталонец, Испания (иберийский).
2. Ирландец, ко. Роскоммон (средиземноморский).
- 3, Кабабиш, Египетский Судан (смешанный семит).
- 4.
5. Египетский бедуин (смешанный семит).
6. Афганец из Зерафшана (иранец).

ПЛАТА XIII.

- 1, Бишарин, Египетский Судан (хамит).

- 2.
3. Бени Амер, Египетский Судан (хамит).
4. Масаи, Британская Восточная Африка (смешанные нилотские и хамитские).
5. Шиллук, Египетский Судан (нилотский, демонстрирующий приближение к хамитскому типу).
6. Шиллук, Египетский Судан (нилот).

ПЛАТА XIV.

- 1, Курд, Нимруд-Даг, озеро Ван, Курдистан, Малая Азия (северный).
- 2.
- 3, Армянин, Кессаб, Джебель Акрах, Курдистан (арменоидно-альпийский).
- 4.
5. Таджичка из Восточного Туркестана (альпийская).
6. Таджичка из Ташкенда (смешанная альпийская и тюркская).

ПЛАТА XV.

- 1, Сингальцы, Цейлон (смешанные "арийцы").
- 2.
3. Индусский купец, Западная Индия (смешанный "арийский").
4. Женщина-клинг, Восточная Индия (дравидийская).
5. Линга Банаджига, Южная Индия (дравидийская).
6. Ваккалига, Канарезе, Южная Индия (смешанный альпийский).

ПЛАТА XVI.

- 1, Руатока и его жена, Раиатеа (полинезийские).
- 2.
3. Тиавиао, маори, Новая Зеландия (полинезийцы).
4. Женщина маори, Новая Зеландия (полинезийцы).
- 5, Девушки Каролинских островов (микронезийцы).
- 6.

Мы выражаем искреннюю благодарность за использование следующих фотографий:

- A. H. Keane, *Ethnology* (1896), IV. 2, 3, 4, 5, 6; IX. 3, 4; XII. 6; XIV. 5, 6.
 A. H. Keane, *Man, Past and Present* (1899), I. 2; II. 3; V. 2; VI. 4, 5, 6; VII. 5; IX. 1, 2; X. 4, 6; XII. 5.
 A. P. Браун, II. 1.
 Профессор Р. Б. Япп, II. 2.
 Полевой музей естественной истории, Чикаго, II. 4; V. 4; VII. 1, 2; VIII. 1, 2, 3, 4; IX. 5, 6; XV. 1, 2.
 Д-р Волластон, ср. *Пигмеи и папуасы*, стр. 212; II. 5, 6, 7.
 Д-р Г. Ландтман, III. 3, 4.
 Энтони Уилкин, III. 5, 6.
 Профессор К. Г. Селигман, V. 1; (*The Veddas*, pl. V) X. 1; XII. 3, 4; XIII. 1, 2, 3, 5, 6.
 L. F. Taylor, V. 3.
 A. C. Haddon, I. 3, 4, 5, 6; III. 1, 2; IV. 1; V. 5, 6; VII. 6; XI. 1, 2, 3; XII. 1, 2; XIII. 4; XVI. 1, 2, 3, 4.

Мисс М. А. Чаплицкая, VI. 1, 2, 3.

Доктор В. Крук (ср. *Северная Индия*, пл. III), XV. 3.

Baelz, VII. 3, 4.

Бюро американской этнологии, VIII. 5, 6.

Е. Thurston (*Castes and Tribes of Southern India*, II. p. 387), X. 3; (ibid. IV. pp. 236, 240), XV. 5; XV. 6.

Сэр Болдуин Спенсер и Ф. Дж. Гиллен и господа Макмиллан и Ко (*Across Australia*, II. fig. 169), X. 5.

Профессор Дж. Колманн, XI. 5, 6.

P. W. Luton, XII. 2.

Профессор Ф. фон Лушан и Совет Королевского антропологического института (*Journ. Roy. Anth. Inst.*, XLI., pl. XXIV, 1, 2, pl. XXX, 1, 2), XIV. 1, 2, 3, 4.

Доктор У. Х. Фернесс, XVI. 5, 6.

ГЛАВА I

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Мир, заселенный в результате миграции из одного центра плейстоценовым человеком - первичные группы, развивавшиеся каждая в своей особой среде обитания - плейстоценовый человек: *Pithecanthropus erectus*; Челюсть Мауэра, *Homo Heidelbergensis*; Череп Пилтдауна, *Eoanthropus Dawsoni*- *Общий* взгляд на плейстоценового человека- Первые миграции- Ранний человек и его работы- Классификация типов человека: *H. primigenius*, неандертальский или мустьерский человек; *H. recens*, человек с Галлейского холма или ауриньякский человек - Физические типы - Культура человека: Реутельская, Мафлийская, Месвинская, Стрепанская, Челлийская, Ашельская, Мустьерская, Ауриньякская, Солутская, Магдаленская, Азильская - Хронология - Ранняя история человека как геологическая проблема - Разновидности человека как результат их различных сред - Соответствие географических и расовых и культурных зон.

Мир, заселенный в результате миграции из одного центра плейстоценовым человеком.

Для ясного понимания многих сложных вопросов, связанных с естественной историей рода человеческого, необходимо неуклонно помнить о двух кардинальных моментах: специфическом единстве всех существующих разновидностей и рассеянии их обобщенных предшественников по всему миру в плейстоценовое время. Поскольку оба эти вопроса уже рассматривались мною в других источниках^[1], здесь будет достаточно показать их непосредственное отношение к общей эволюции человеческого вида с той далекой эпохи до наших дней.

Должно быть очевидно, что, если человек - это единое целое, хотя и не обязательно произошедшее от одной пары, у него должна была быть, говоря домашним языком, единая колыбель-земля, из которой население Земли происходило путем миграции, а не путем независимого развития различных видов в стольких независимых географических областях.

Первичные группы развивались каждая в своей особой среде обитания.

Отсюда следует, и это очень важно, что, поскольку мир был заселен плейстоценовым человеком, он был заселен обобщенной проточеловеческой формой, предшествующей всем более поздним расовым различиям. Существующие группы, согласно этой гипотезе,

развивались в различных областях независимо и дивергентно путем непрерывной адаптации к различным условиям окружающей среды. Если они все еще представляют собой просто разновидности, а не отдельные виды, то это объясняется тем, что все они происходят от сходных плейстоценовых предков, а расхождения были ограничены относительно узкими пределами, то есть недостаточно широкими, чтобы зоологически считаться специфическими различиями.

Битва между моногенистами и полигенистами не может быть решена до тех пор, пока в нашем распоряжении не окажется больше фактов, и, несомненно, еще некоторое время будет много сказано с обеих сторон[2]. Среди взглядов на происхождение человека, выдвинутых в последние годы, следует упомянуть смелую теорию Клаатша[3]. Признавая два различных человеческих типа, неандертальский и ауриньякский (см. стр. 8, 9 ниже), и два различных антропоидных типа, гориллу и орангутанга, он выводит неандертальского человека и африканскую гориллу от одного общего предка, а ауриньякского человека и азиатского орангутанга - от другого. Хотя анатомы, особенно те, которые знакомы со строением антропоидов[4], не могут принять эту точку зрения, они признают, что многие трудности могут быть решены признанием более чем одного первобытного фонда предков человека[5]. В дискуссию вовлечены вопросы адаптации к климату и окружающей среде[6], возможности вырождения, различной степени физиологической активности, успешных мутаций, эффектов скрещивания и все сложные проблемы наследственности, и следует признать, что наши сведения обо всем этом совершенно недостаточны.

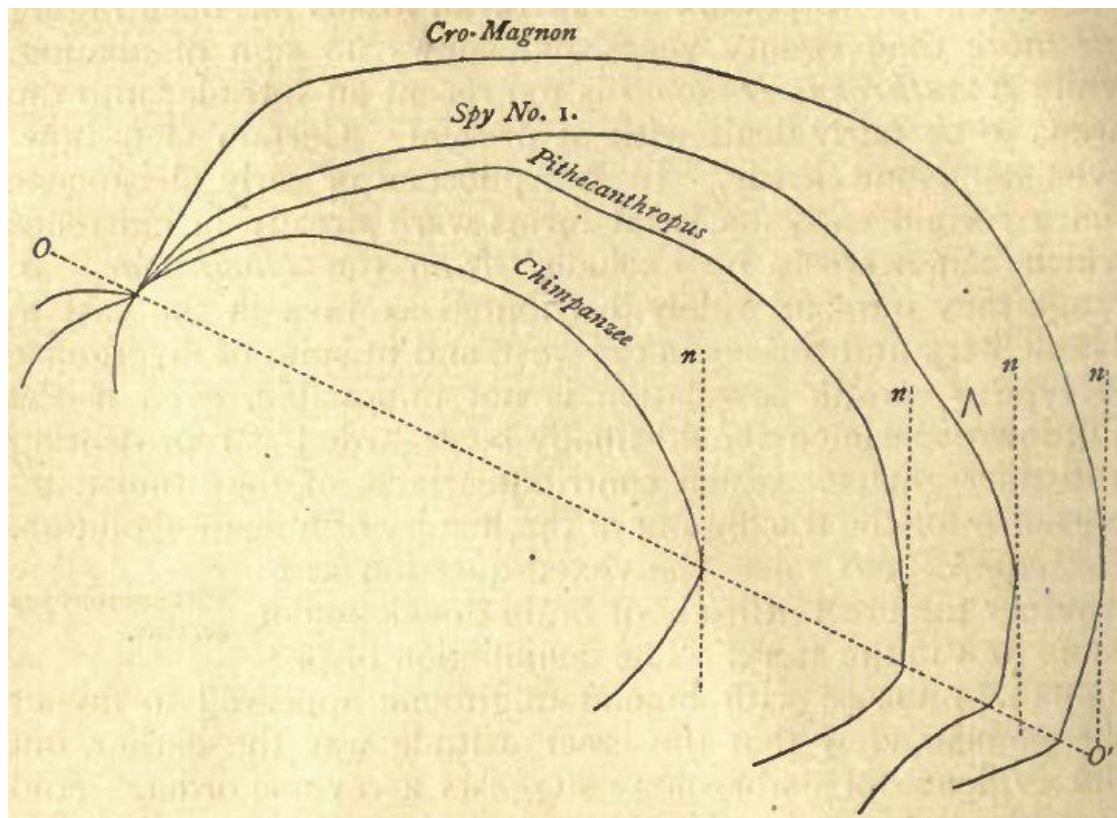
Тем не менее все рассуждения на эту тему основаны не только на гипотезах, и три открытия последних лет предоставили убедительные факты для разработки этой проблемы.

Человек плейстоцена.

Pithecanthropus erectus.

Этими открытиями стали останки *Pithecanthropus erectus*[7] на Яве в 1892 году, челюсть Мауэра[8], недалеко от Гейдельберга, в 1907 году, и череп из Пилтдауна[9] в Сассексе в 1912 году. Хотя челюсть Мауэра была принята без колебаний, споры о правильной интерпретации яванских окаменелостей ведутся уже более двадцати лет и не имеют признаков утихания, а *Eoanthropus Dawsoni* слишком недавно появился на арене, чтобы справедливо разбираться с ним в настоящее время. Тем не менее, некоторые факты четко выделяются. В позднем плиоцене или раннем плейстоцене уже существовали некоторые ранние предковые формы, которые едва ли можно исключить из *Hominidae*. Они были широко распространены от Явы на востоке до Гейдельберга и Сассекса на западе, и, несмотря на расхождения в типах, определенная корреляция не является невозможной, даже если пилтдаунский экземпляр в конечном итоге будет рассматриваться как представитель отдельного рода[10]. Каждый из них предоставляет факты, имеющие огромное значение для прослеживания истории эволюции человека. *Pithecanthropus* поднимает спорный вопрос о том, что было первым в истории - прямохождение или развитие мозга. Соединение дочеловеческого мозга с человеческой бедренной костью, казалось бы, говорит в пользу популярного мнения, что прямохождение было более ранним, но эмбриологические данные свидетельствуют об обратном порядке. И хотя сначала бедренная кость была признана явно человеческой, похоже, что в последнее время эта интерпретация подвергается сомнению[11], и даже претензии на титул *erectus* ставятся под сомнение. Характерные черты прямохождения и стройности, на которые делался большой упор, в преувеличенном виде встречаются у гиббонов и лемунов. Промежуточное положение в отношении умственных способностей (в

той мере, в какой мозг может быть оценен по объему черепа) показано на прилагаемой диаграмме, где размеры черепа *питекантропа* сравниваются с размерами шимпанзе и доисторического человека. Зубы усиливают доказательства, поскольку они описаны как слишком большие для человека и слишком маленькие для обезьяны. Таким образом, *Pithecanthropus* уверенно занял место в одной из ветвей человеческого семейного древа.

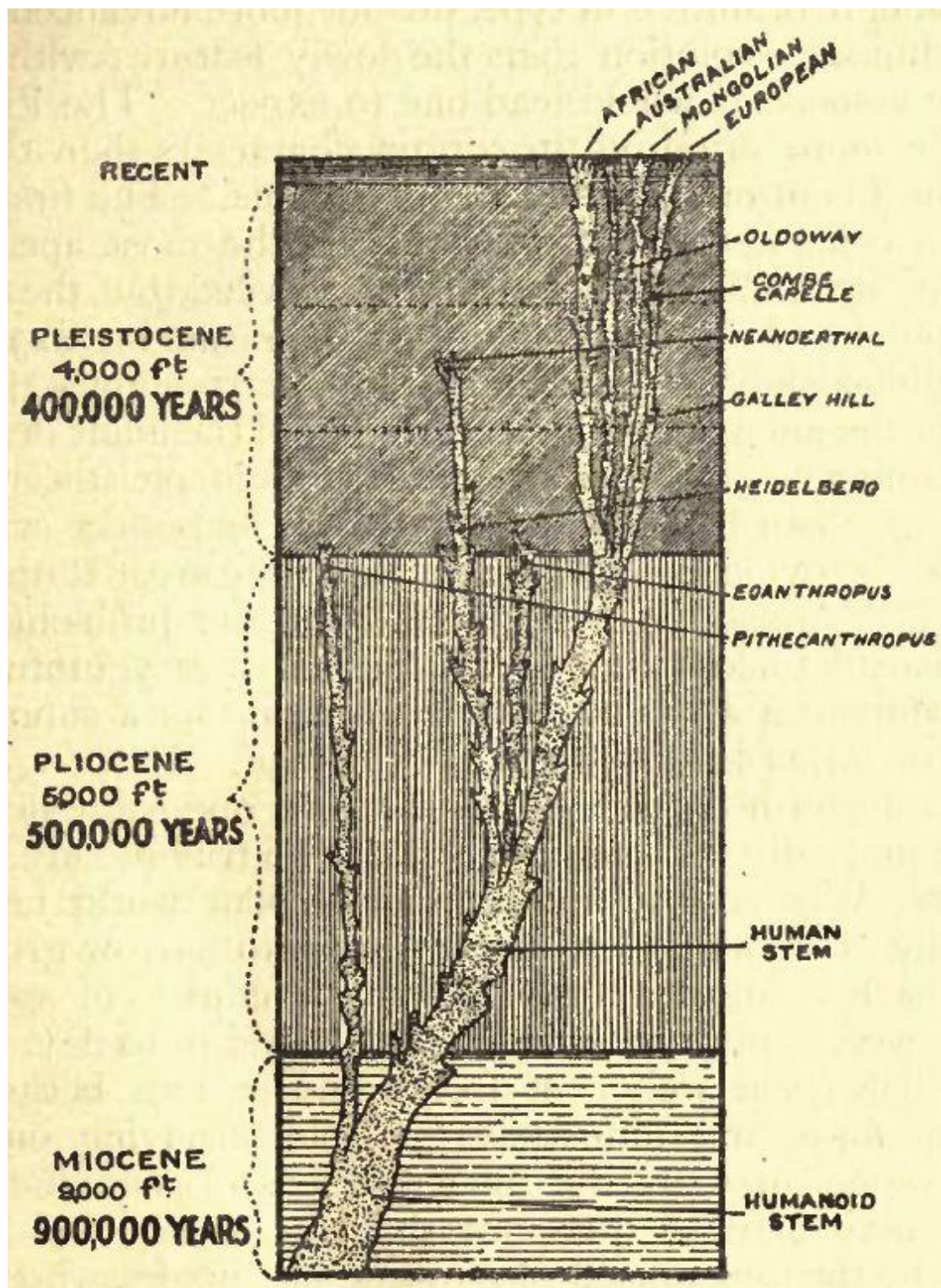
ПОЛОЖЕНИЕ Р.

ERECTUS.

(Manouvrier, *Bul. Soc. d'Anthrop.* 1896, p. 438.)

Mauer jaw. Homo Heidelbergensis.

Челюсть Мауэра, геологический возраст которой не вызывает сомнений, также представляет промежуточные признаки. Необычайная прочность и толщина кости, широкий восходящий отросток с неглубокой сигмовидной выемкой (явно симпатические черты) и полное отсутствие подбородка[12] лишили бы ее места среди человеческих челюстей, но зубы, которые все, к счастью, сохранились в своих гнездах, не только определенно человеческие, но и демонстрируют в некоторых особенностях меньше симпатических черт, чем можно найти в зубной системе современного человека .[13]

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ПРЕДКОВ ЧЕЛОВЕКА.

(A. Keith, *The Antiquity of Man*, 1915; fig. 187, p. 501.)

Пилтдаунский череп. *Eoanthropus Dawsoni*.

Объем черепа пилтдаунского черепа, хотя и оценивается по-разному^[14], несомненно, больше, чем у *питекантропа*, общие очертания с круто закругленным лбом напоминают современного человека, а кости почти без исключения типично человеческие. Челюсть, однако, хотя ее обычно относят к одному и тому же человеку^[15], напоминает примитивные черты образца Мауэра своей толстой восходящей частью и неглубокой выемкой, а по некоторым признакам отличается от любой известной челюсти, древней или современной.

[16]Еще более поразительным доказательством служат зубы. Зубы *питекантропа* и *Ното Heidelbergensis* были признаны удивительно человеческими, и, хотя они примитивны по типу, они гораздо более продвинуты в линии человеческой эволюции, чем можно было бы ожидать по их низменным чертам, с которыми они связаны. Пилтдаунские зубы по некоторым признакам более примитивны, чем зубы яванских или гейдельбергских останков. Первый коренной зуб сравнивают с зубом Таубаха, самым обезьяноподобным из всех зарегистрированных до сих пор человеческих или дочеловеческих зубов, но клык (найденный П. Тейлхардом в том же слое в 1913 году[17]) не находит аналогов ни в одной из известных человеческих челюстей; он больше похож на молочный клык шимпанзе, чем на клык взрослого человека.

Общий взгляд на плейстоценового человека.

Нельзя сказать, что из этих несовершенных обрывков свидетельств, какими бы ценными они ни были, можно составить какое-то четкое представление о плейстоценовом человеке. Скорее мы можем согласиться с Китом, что проблема становится все более сложной, а не менее сложной. "В нашем первом юношеском порыве дарвинизма мы представляли нашу эволюцию как простую процессию форм, ведущую от обезьяны к человеку. Каждая эпоха, по мере того как она проходила, превращала людей того времени на одну ступень ближе к нам - на одну, более отдаленную от обезьяны. Истинная картина совершенно иная. Мы должны представить себе древний мир, в котором семейство человекообразных было разбито на узкие группы или роды, а каждый род делился на несколько видов - примерно так, как мы видим в современном мире обезьян. Затем из этого огромного множества форм один вид стал доминирующим и в конечном итоге единственным выжившим - вид, представленный современными расами человечества[18]."

Первые миграции.

Поэтому мы можем предположить, что Земля была заселена в основном обобщенными предшественниками плейстоцена, которые, как и другие мигрирующие фауны, передвигались бессознательно, везде следуя линиям наименьшего сопротивления, продвигаясь или отступая, и действуя в целом скорее по слепому импульсу, чем с какой-то определенной целью.

То, что такова была природа первых миграций, становится очевидным, если учесть, что они осуществлялись грубыми ордами, во многом похожими друг на друга и не сильно отличающимися от других зоологических групп, а также то, что эти миграции происходили до развития всех культурных приспособлений, помимо способности орудовать сломанной веткой или саженьцем, а также откалывать или отбивать примитивные каменные орудия .[19]

Ранний человек и его произведения.

Здесь кроется объяснение любопытного феномена, который стал камнем преткновения для преждевременных систематизаторов, что все произведения раннего человека повсеместно представляют самые поразительные сходства, не давая абсолютно никаких элементов для классификации, например, во времена, соответствующие человеку или первому периоду древнекаменного века. Орудия палеолитического типа, столь распространенные в Южной Индии, Южной Африке, Судане, Египте и т.д., обнаруживают поразительное сходство друг с другом. Это, хотя и дает основание *prima facies* для миграции определенного типа человечества, не является окончательным доказательством.

Упомянув об идентичности некоторых предметов из кухонных мидденов Гастингса и кургана близ Севеноукса, У. Дж. Л. Эббот продолжает: "Первое, что бросается в глаза при просмотре нескольких подносов с этими орудиями, - это удивительное сходство их с орудиями из Дордони. Действительно, многие из фигур в великолепной "Reliquiae Aquitanicae" могли бы быть сделаны почти с этих образцов[20] ." А сэр Дж. Эванс, окинув взглядом более широкий горизонт, обнаруживает в других далеких странах орудия труда, "настолько идентичные по форме и характеру с британскими образцами, что они могли бы быть изготовлены теми же руками..... На берегах Нила, на много сотен футов выше его современного уровня, были обнаружены орудия европейского типа, а в Сомалиленде, в древней речной долине, на большой высоте над морем, Сетон-Карр собрал большое количество орудий из кремня и кварцита, которые, судя по их форме и характеру, могли быть выкопаны из дрейфующих отложений Соммы и Сены, Темзы или древнего Солента[21] ."

Раньше считалось, что и сам человек демонстрирует подобное единообразие, и все палеолитические черепа относили к одному длинноголовому типу, названному, по самому известному примеру, неандертальцем, который считался имеющим близкое родство с нынешними австралийцами. Однако Буль[22] и другие исследователи показали, что это сходство чисто поверхностное, а недавние археологические находки свидетельствуют о том, что в эпоху палеолита существовало более одного расового типа.

Классификация человеческих типов.

У. Л. Х. Дакворт на основании анатомических данных составил следующую таблицу .[23]

Группа I.	Ранние предковые формы. Экз. гр. <i>H. heidelbergensis</i> .
Группа II.	Подотряд A. <i>H. primigenius</i> . Экз. гр. <i>La Chapelle</i> . Подраздел B. <i>H. recens</i> ; с разновидностями { <i>H. fossilis</i> . Экз. гр. Галли Хилл. <i>H. sapiens</i> .

Н. Обермайер[24] утверждает следующее: *Homo primigenius* не является ни представителем промежуточного вида между обезьяной и человеком, ни более низким или отдельным видом, чем *Homo sapiens*, но более древней примитивной разновидностью (расой) последнего, сохранившейся в исключительных случаях до наших дней[25] . Очевидно, что в соответствии с правилами зоологической классификации мы должны называть эти два вида *Homo sapiens var. primigenius* по сравнению с *Homo sapiens var. recens*.

H. primigenius, неандертальский или мустьерский человек.

Какая бы классификация или номенклатура ни была принята, двойное деление в палеолите сейчас общепризнанно. Более примитивный тип обычно называют неандертальским человеком, от знаменитого черепа, найденного в пещере Неандерталь в 1857 году, или мустьерским человеком, от культурных ассоциаций. К этой группе относятся гibraltarский череп[26] , скелеты из Шпи[27] , Крапины, Хорватия[28] , а также более поздние находки (1908-11) в Ла-Шапель[29] (Коррез), Ле-Мустье[30] , Ла-Ферасси[31] (Дордонь) и многие другие.

H. recens, Галейный холм или Ауриньякский человек.

Палеолитические образцы человека современного типа были найдены в Брюксе (Богемия)[32], Брюнне (Моравия)[33] и Галли Хилл в Кенте[34], но наиболее полная находка была сделана в Комбе Капелле в 1909 году[35]. В эту группу можно включить многочисленные скелеты, найденные в Кро-Маньоне[36] и в Гротес-де-Гримальди в Ментоне[37], хотя и демонстрирующие определенные скелетные различия, самые ранние примеры которых связаны с ауриньякской культурой.[38]

Физические типы.

На основании данных, представленных этими примерами, можно выделить основные характеристики двух групп, хотя из-за несовершенства записей любые обобщения должны быть условными и подвергаться критике.

Homo primigenius.

Череп из Ла-Шапель напоминает многие примитивные черты "предковых типов". Низкий покаты́й лоб, нависающие надбровные дуги, образующие непрерывные горизонтальные полосы кости, заслоняющие орбиты, раздутая окологлазничная область, огромные челюсти с массивным восходящим отростком, неглубокая сигмовидная выемка, "отрицательный" подбородок и другие "симские" черты напоминают о *Pithecanthropus* и *Homo Heidelbergensis*. Однако объем черепа оценивается более чем в 1600 см³, что превышает объем черепа среднего современного европейца, и это развитие, даже если оно связано, как отметил М. Буль, со сравнительно низким мозгом, имеет поразительное значение. Низкий рост, вероятно, около 1600 мм. (менее 5½ футов) делает размер черепа и объем черепной коробки еще более примечательными. "Изучение особенностей неандертальского человека, проявляющихся в его скелете, мозге и зубах, убедило антропологов в двух вещах: во-первых, мы имеем дело с формой человека, полностью отличающейся от любой ныне живущей формы; и во-вторых, эта разница намного превышает ту, что разделяет наиболее дивергентные из современных человеческих рас[39]."

Homo recens.

Самым ранним полным и достоверным образцом "ауриньякского человека" является скелет, обнаруженный в 1909 году близ Комб-Капель (Дордонь)[40]. Рост низкий, не превышающий таковой у неандертальцев, но кости конечностей более тонкие, а телосложение в целом более легкое и стройное. Наибольший контраст наблюдается в черепе. Лоб вертикальный, а не покаты́й, сильно выступающие надбровные дуги уменьшены, челюсть менее массивная и менее симпатическая в отношении всех вышеперечисленных признаков. Особенно эта разница заметна в проекции подбородка, который впервые приобретает очертания современного человека. Короче говоря, нет ни одной характерной черты, которую нельзя было бы сопоставить среди ныне живущих рас.

Человеческая культура.

С культурной стороны не меньше, чем с физической, тысячи лет, которые по самым скромным подсчетам относятся к раннему каменному веку, были отмечены медленными, но непрерывными изменениями.

Реутельский, мафлийский, месвинский.

Реутельская (на стыке плиоцена и плейстоцена), маффлийская и месвинская индустрии, признанные М. Руто в Бельгии, относятся к сомнительному эолитическому периоду, еще не получившему общего признания .[41]

Стрепьян.

Самым низким палеолитическим отложением является стрепьянское, названное так от Стрепи, близ Шарлеруа, обычно представленное в Сент-Ашель, Амьен, и признанное также в долине Темзы[42]. Орудия демонстрируют преднамеренное отщепление и знаменуют переход от эолита к палеолиту. Связанная с ними фауна включает два вида слонов, *E. meridionalis* и *E. antiquus*, два вида носорогов, *R. Etruscus* и *R. Merckii*, и бегемота. Возможно, что челюсть Мауэра и пилтдаунский череп относятся к этой стадии.

Челлеан.

Челлинская индустрия[43], с типичными миндалевидными орудиями с грубыми отщепами, в изобилии встречается на юге Англии и во Франции, реже в Бельгии, Германии, Австро-Венгрии и России, а примеры были обнаружены в Палестине, Египте, Сомалиленде, Капской колонии, Мадрасе и других местах, хотя за пределами Европы дата не всегда может быть установлена, а форма не является абсолютным критерием .[44]

Acheulean.

Ахеулейские типы происходят, по-видимому, по прямой линии, но орудия в целом легче, острее, эффективнее, отличаются более тонкой работой и тщательно отретушированными краями. Небольшое ланцетовидное орудие с тонкой отделкой характерно для субиндустрии или местного развития в Ла-Микокке (Дордонь).

Челлинская индустрия связана с теплым климатом и останками *Elephas antiquus*, *Rhinoceros Merckii* и гиппопотама. В нижнем эйхелеане мало что изменилось, но в верхнем эйхелеане появляются некоторые животные, указывающие на более холодный климат, включая мамонта *Elephas primigenius* и шерстистого носорога *R. tichorhinus*, но нет северного оленя.

Мустьерский.

Мустьерская индустрия полностью отличается от своих предшественников. Теплая фауна исчезла, северный олень впервые встречается вместе с мускусным быком, песцом, сурком и другими холодолюбивыми животными. Человек, по-видимому, искал убежища в пещерах, и по полным скелетам, найденным в пещерных отложениях этого этапа, мы получаем первые четкие представления о физическом типе человека раннего палеолита. Типичные мустьерские орудия состоят из листовидных или треугольных остриев, сделанных из чешуек, выбитых из конкреции, а не из самой одетой конкреции, как на более ранних стадиях. Леваллуаские чешуйки, встречающиеся в основании мустьерского (иногда включаемого в ашельскую стадию), положили начало этому новому стилю изготовления, но мустьерское острие демонстрирует улучшение формы и большее мастерство в технике, создавая более эффективное орудие для прокалывания и резания. Характерны также скребки, тщательно отретушированные, с изогнутым краем, а также многие другие формы. Полные скелеты из Ле-Мустье, Ла-Шапель, Ла-Ферасси и Крапина относятся к этой стадии, которая знаменует конец нижнего палеолита, эпохи мамонта.

Ауриньяк.

Верхний палеолит, или эпоха северного оленя, делится на ауриньякский, солютрейский и магдаленский[45] культурные этапы, причем азильский[46] отделяет магдаленский от неолитического периода. Каждый этап отличается своими орудиями труда и искусством. Ауриньякская фауна, хотя и очень похожа на мустьерскую, свидетельствует об улучшении климата, наиболее многочисленными животными являются бизон, лошадь, пещерный лев и пещерная гиена, а поселения людей вновь встречаются на открытой местности. Среди типичных орудий труда - тонко обработанные ножевидные лезвия (острия Шательперрон, Граветт), килеватые скребки (тип Тарте), *бурины* или граверы, различные инструменты и украшения из кости. Искусство представлено гравюрами и настенными росписями, к этой стадии относятся статуэтки с изображением обнаженных женских фигур, такие как из Брасемпуи, Ментона, Пон-а-Лессе (Бельгия), Предмоста и Виллендорфа, близ Кремса. Неандертальский тип, по-видимому, вымер, и ауриньякский человек относится к современному типу, представленному в Комбе-Капелле. Если принять свидетельства статуэток, то в это время существовала стеатопигическая раса, которую Соллас склонен связывать с бушменами .[47]

Солютрий.

Солютрейская стадия характеризуется обилием лошади, которую в последующий период сменил северный олень. Солютрийцы, по-видимому, были воинственным степным народом, пришедшим с востока в Западную Европу. Их дальнейшая судьба не выяснена. Культура, по-видимому, имела ограниченный ареал распространения: за пределами Дордони и соседних департаментов найдено всего несколько стоянок. Техника, как показано на остриях из лаврового листа и ивового листа, демонстрирует совершенство исполнения, не имеющее себе равных в палеолите, и превосходит только поздние доисторические ножи Египта.

Магдаленский.

Скальное убежище в Ла-Мадлене дало название завершающей эпохе палеолита. Кремневая индустрия демонстрирует явный упадок, но обработка кости и рога была в зените; действительно, настолько заметен контраст между этой и предыдущей стадией, что Брейль убежден, что "первые магдаленцы не произошли от солютрейцев; они были новичками в нашем регионе[48]." Типичные орудия труда - колющие гарпуны из оленьего рога (позднее из оленьего), часто украшенные гравировкой. Скульптура и гравюры с изображением животных в натуральную величину являются одними из самых замечательных памятников эпохи, а полихромные изображения в пещерах Альтамиры, "Сикстинской капелле четвертичного искусства", вызывают восхищение всего мира .[49]

Азильские.

В пещере Мас-д'Азиль между магдаленскими и неолитическими отложениями находится пласт, названный азильским, который в некоторой степени преодолевает неясный переход между палеолитом и неолитом. Северный олень исчез, а его место занял олень. Реалистичное искусство магдаленцев сменяется более геометричным стилем. В обработке кремня происходит возврат к ауриньякским методам, а особое развитие пигмейского кремня получило название *тарденуазского* .[50]

Характерным орудием по-прежнему является гарпун, но он отличается по форме от магдаленского орудия, благодаря иной структуре материала. Расписные гальки, отмеченные красными и черными линиями, в некоторых случаях напоминающими письменность, вызвали много споров. Их значение в настоящее время остается неясным .[51]

Хронология.

Вопрос о доисторической хронологии - сложный, и более осторожные авторитеты не берутся утверждать даты. Однако в последние годы такие исследования, как работы А. Пенка и Э. Брюкнера в Альпах[52] и барона де Геера и В. К. Брёггера в Швеции[53], обеспечили прочную основу для расчетов. Пенк выделяет четыре периода оледенения в плейстоценовый период, которые он назвал по характерным районам: Гюнц, Миндель, Рисс и Вюрм. Он датирует Вюрмский максимум 30 000 - 50 000 лет назад и оценивает продолжительность Рисс-Вюрмского межледникового примерно в 100 000 лет. Согласно его расчетам, хеллеанская индустрия возникает в интервале Миндель-Рисс или даже Гюнц-Миндель, но чаще всего ее относят к мягкой фазе, предшествующей последнему (вюрмскому) оледенению, которая соответствует холодной мустьерской стадии. По крайней мере, четыре последующих колебания климата были признаны Пенком: Ахен, Бюль, Гшниц и Даун, и соответствие этих колебаний этапам палеолитической культуры можно увидеть в следующей таблице. [54]

Penck and Brückner			Obermaier and others		Rutot
Post-glacial with oscillations	{ Daun Gschnitz Bühl Achen	{ Azilian Magdalenian	{ Proto-Neolithic Azilian Magdalenian Solutrian and Aurignacian Mousterian Lower Mousterian and Acheulean Chellean	{ Neolithic Lower Magda- lenian Upper Mousterian	
IV. Würm. 4th Glacial					
Riss-Würm. 3rd Inter-glacial		Solutrian and Aurignacian			
III. Riss. 3rd Glacial		Warm Mousterian			
		Cold Mousterian			
Mindel-Riss. 2nd Inter-glacial		Acheulean	Mauer jaw		Lower Acheulean
		Chellean	Pre-Palaeolithic		Chellean
II. Mindel. 2nd Glacial					Strepyan
					Mesvinian
Günz-Mindel. 1st Inter-glacial		{ No artefacts	{ No artefacts		Maffian
I. Günz. 1st Glacial					

Джеймс Гейки[55] в разделе "Надежные и ненадежные оценки геологического времени" указывает, что абсолютная продолжительность плейстоцена не может быть определена, но такие исследования, как исследования Пенка, "позволяют нам сформировать некоторое представление о затраченном времени". Он принимает в качестве грубого приближения мнение Пенка, что "ледниковый период со всеми его климатическими изменениями мог длиться более полумиллиона лет, а поскольку стадия Хеллея датируется по крайней мере серединой этого периода, это дает где-то между 250 000 и 500 000 лет для древности человека в Европе. Но если, как показывают последние открытия, человек обитал на нашем континенте в первую межледниковую эпоху, а то и в еще более ранние времена, мы будем вынуждены значительно увеличить оценку его древности" (с. 303).

W. Дж. Соллас, с другой стороны, довольствуется гораздо более сжатой мерой. Основывая свои расчеты в основном на исследованиях де Геера, он приходит к выводу, что интервал, отделяющий наше время от начала конца последнего ледникового периода, составляет 17 000 лет. Он помещает азильскую эпоху в 5500 лет до н.э., середину магдаленской эпохи где-то около 8000 лет до н.э., мустьерскую - 15 000 лет до н.э., а конец чельской - 25 000 лет до н.э.[56]

Но если принять во внимание все изменения климата, периоды подъема и опускания суши, трансформации животных, эволюцию человека, постепенные этапы развития человеческой культуры, развитие человеческих рас и их распределение по поверхности земного шара, то

многие считают эту оценку недостаточной. Аллен Стердж утверждает, что только неолитический период насчитывает "десятки тысяч лет"[57], а сэр В. Тернер указывает на весьма отдаленные времена, к которым следует отнести появление неолитического человека в Шотландии. Показав, что существуют несомненные доказательства присутствия человека в Северной Британии во время формирования глины Карс, этот внимательный наблюдатель объясняет, что скалы Карс, которые сейчас местами на 45-50 футов выше современного уровня моря, образовывали дно эстуария или рукава моря, который в послеледниковое время простирался почти, если не совсем, через всю землю с востока на запад, отделяя, таким образом, регион к югу от Форты от Северной Британии. Он даже предполагает, что после отделения Британии от континента в более ранние времена существовала еще одна сухопутная связь, "неолитический сухопутный мост", по которому люди нового каменного века могли достичь Шотландии, когда поднятая 100-футовая терраса все еще была покрыта огромными лесными зарослями, которые с тех пор исчезли .[58]

Возникает вопрос: достаточно ли даже 100 000 лет для таких колебаний поверхности, переворота морского дна, появления больших эстуариев, возобновления связи Британии с континентом "неолитическим сухопутным мостом"? В округе Фалкирк неолитические кухонные могильники встречаются на обрывах или у их основания, с которых открывается вид на земли Карсе, то есть на старое морское побережье. В Карсе Гоури также было найдено выкопанное каноэ у самого основания отложений и непосредственно над погребенной лесной подстилкой долины Тэй .[59]

То, что неолитический период был длительным даже в Скандинавии, стало очевидным благодаря Карлу Виблингу, который подсчитал, что геологические изменения на юго-восточном побережье Швеции (провинция Блекинг), с тех пор как его впервые заняли люди нового каменного века, должны были занять "по меньшей мере 10 000 лет"[60]. "

Еще более поразительными являются результаты длительных исследований, проведенных Й. Ньюшем на знаменитой ныне станции Швайцербильт, расположенной недалеко от Шафхаузена в Швейцарии[61]. Эта станция, по-видимому, находилась в непрерывном пользовании человека на протяжении обоих каменных веков, и здесь было собрано до 14 000 предметов, относящихся к первому, и более 6000, относящихся ко второму периоду. Хотя раннее поселение было только послеледниковым, в чем нет места для сомнений, Л. Лалой[62] оценил "абсолютную продолжительность обеих эпох вместе от 24 000 до 29 000 лет". Поэтому мы можем спросить: если сравнительно недавняя послеледниковая станция в Швейцарии имеет возраст около 29 000 лет, то сколько лет может быть до- или межледниковой станции в Галлии или Британии?

Ранняя история человека как геологическая проблема.

Из всего этого мы видим, насколько полностью оправдано замечание Дж. У. Пауэлла о том, что естественная история раннего человека становится все более и более геологической, а не просто этнологической проблемой[63]. Мы также начинаем понимать, как получилось, что после существования в течение примерно пяти тысячелетий первые специализированные разновидности человека сильно разошлись с исходными типами, которые, таким образом, стали почти "идеальными величинами", объектами скорее палеонтологических, чем строго антропологических исследований.

Человеческие разновидности как результат их различных сред обитания.

И здесь возникает еще одно важное соображение. В течение этих долгих веков некоторые группы - большинство африканских негров к югу от экватора, большинство негров Океании

(негритосы и папуасы), австралийские и американские аборигены - оставались в своих исконных местах обитания с тех пор, как человек впервые заселил землю. Другие, более беспокойные и предприимчивые народы, такие как монголы, маньчжуры, турки, угро-финны, арабы и большинство европейцев, несомненно, перемещались несколько свободно; но эти поздние миграции, враждебные или мирные, в большинстве своем были ограничены регионами с одинаковыми или похожими физическими и климатическими условиями. Везде, куда вторгались представители разных климатических зон, им не удавалось закрепиться, они либо погибали сразу, либо исчезали в результате поглощения или более или менее полной ассимиляции с аборигенными элементами. Таковы некоторые "черные арабы" в Египетском Судане, другие семиты и хамиты в Абиссинии и Западном Судане (химьяриты, фулахи и другие), финны и турки в Венгрии и на Балканском полуострове (мадьяры, болгары, османлы), португальцы и нидерландцы в Малайзии, англичане в тропических или субтропических странах, таких как Индия, где только евразийские полукровки способны образовывать семейные группы.

Таким образом, человеческие разновидности, как и все другие зоологические виды, являются результатом воздействия различных условий окружающей среды. Они такие, какими их сделали климат, почва, диета, занятия и наследственные черты характера, так что за всеми внезапными переходами обычно следуют катастрофические результаты[64].

"Призывать к эмиграции женщин и детей, или кого-либо, кроме людей с самым крепким здоровьем, в тропики, возможно, не означает убийства в первой степени, но это должно быть классифицировано, мягко говоря, как подстрекательство к нему[65]." Акклиматизация не может быть невозможной, но во всех крайних случаях она может быть достигнута только ценой больших жертв и медленных процессов, самым эффективным из которых, возможно, является естественный отбор. Именно благодаря ему мы можем предположить, что мир был впервые заселен.

В то же время следует помнить, что нам мало что известно о климатических условиях во время первых миграций, хотя предполагается, что они везде были гораздо мягче, чем в настоящее время. Следовательно, различные температурные зоны были менее выражены, а переход из одного региона в другой был более простым, чем в более поздние времена. Одним словом, предшественникам плейстоцена было гораздо труднее приспособиться к новому окружению, чем современным народам, эмигрирующим, например, из Южной Европы в Бразилию и Парагвай или с Британских островов в Родезию и Ньяссаленд.

Соотношение географических и расовых и культурных зон.

То, что верно в отношении человека, должно быть не менее верно и в отношении его произведений; из этого следует, что расовые и культурные зоны в основном соответствуют температурным зонам, за исключением тех случаев, когда последние могут быть изменены высотой над уровнем моря, морским влиянием или другими местными условиями. Взгляд на прошлые и существующие отношения во всем мире покажет, что такие гармонии преобладали во все времена. Несомненно, наплыв ведущих европейских народов в течение последних 400 лет привел к различным смещениям, размываниям, а местами и полному исчезновению старых ориентиров.

Но если отбросить эти нарушения, можно обнаружить, что в Восточном полушарии межтропические регионы, жаркие, влажные и более благоприятные для растительной, чем для животной жизнедеятельности, обычно заняты диким, бескультурным населением. К этой же сфере относится и большая часть внетропических южных земель, сужающихся к

антарктическим водам, изолированных и по другим причинам непригодных для областей с более высокой специализацией.

Аналогичным образом, субтропические полуострова Азии, мрачный Тибет, Памир и засушливые монгольские степи в основном принадлежат несколько неподвижным сообществам, которые представляют собой все стадии между чистой дикостью и цивилизацией.

Таким же образом высшие расы и культуры приурочены к более благоприятному северному умеренному поясу, так что между параллелями 24° и 50° (но из-за местных условий опускается на дальнем Востоке до 40° и ниже, а на крайнем Западе поднимается до 55°) расположены почти все великие центры человеческой деятельности, прошлые и настоящие: египетский, вавилонский, минойский (эгейский), эллинский, этрусский, римский и современный европейский. Почти единственным исключением являются ранние цивилизации (химьяриты) Йемена (Аравия Феликс) и Абиссинии, где низкая широта нейтрализуется высотой над уровнем моря и обильными осадками.

Благодаря высоте над уровнем моря, морскому влиянию и сужению экваториальных земель, в Новом Свете отношения почти полностью изменились на противоположные. Здесь все высшие события происходили не в умеренном, а в тропическом поясе, в пределах которого располагались очаги культур Перу, Чиму, Чибча и Майя-Киче; только сфера ацтеков простиралась на север немного дальше тропика Рака.

Таким образом, в обоих полушариях изокультурные полосы следуют за изотермическими линиями во всех их отклонениях, а человеческие разновидности повсеместно точно отражают условия их различных сред обитания.

ССЫЛКИ:

[1] *Этнология*, гл. V. и VII.

[2] См. А. Н. Keane, *Ethnology*, 1909, гл. VII.

[3] Н. Klaatsch, "Die Aurignac-Rasse und ihre Stellung im Stammbaum des Menschen", *Ztschr. f. Eth.* LII. 1910. См. также *Prähistorische Zeitschrift*, Vol. I. 1909.

[4] Ср. критику А. Кейта в *Nature*, Vol. LXXXV. 1911, p. 508.

[5] W. L. H. Duckworth, *Prehistoric Man*, 1912, p. 146.

[6] В. Риджуэй, "Влияние окружающей среды на человека", *Журн. Roy. Anthr. Inst.*, Vol. XL. 1910, p. 10.

[7] Э. Дюбуа, "*Pithecanthropus erectus*, переходная форма между человеком и обезьянами", *Sci. Trans. R. Dublin Soc.* 1898.

[8] О. Schoetensack, *Der Unterkiefer des Homo Heidelbergensis*, etc., 1908.

[9] К. Доусон и А. Смит Вудворд, "О находке палеолитического черепа и нижней челюсти" и т. д., *Quart. Journ. Geol. Soc.* 1913.

[10] Такого мнения придерживался А. Смит Вудворд, когда череп был впервые представлен на выставке (*loc. cit.*), но в своей работе "Недостающие звенья среди вымерших животных", *Brit. Ass. Birmingham*, 1913, он склонен рассматривать "пилтдаунского человека или его

близкого родственника" как "находящегося на прямой линии происхождения с нами".
Критику А. Кита см. в *"Древности человека"*, 1915, с. 503.

[11] W. L. H. Duckworth, *Prehistoric Man*, 1912, p. 8.

[12] О связи между формированием подбородка и силой речи см. E. Walkhoff, "Der Unterkiefer der Anthropomorphen und des Menschen in seiner funktionellen Entwicklung und Gestalt", E. Selenka, *Menschenaffen*, 1902; H. Obermaier, *Der Mensch der Vorzeit*, 1912, p. 362; и W. Wright, "The Mandible of Man from the Morphological and Anthropological points of view", *Essays and Studies presented to W. Ridgeway*, 1913.

[13] Ср. W. L. H. Duckworth, *Prehistoric Man*, 1912, p. 10, и A. Keith, *The Antiquity of Man*, 1915, p. 237.

[14] А. Смит-Вудворд, 1070 г. до н. э.; А. Кит, 1400 г. до н. э.

[15] Г. Г. МакКерди, следуя Г. С. Миллеру, *Smithsonian Misc. Colls.* Vol. 65, No. 12 (1915), убежден, что "вместо *Eoanthropus dawsoni* мы имеем две особи, принадлежащие к разным родам", - человеческий череп и челюсть шимпанзе. *Science*, N.S. Vol. XLIII. 1916, p. 231. См. также Приложение А.

[16] Полное описание см. в *Quart. Journ. Geol. Soc.* March, 1913. Также A. Keith, *The Antiquity of Man*, 1915, p. 320, и pp. 430-452.

[17] К. Доусон и А. Смит Вудворд, "Дополнительное примечание к находке черепа и нижней челюсти человека эпохи палеолита в Пилтдауне (Сассекс)", *Кварт. Journ. Geol. Soc.* April, 1914.

[18] *The Antiquity of Man*, 1915, p. 209.

[19] Таким образом, Лукреций:

"Arma antiqua manus, ungues, dentesque fuerunt,
Et lapides, et item silvarum fragmina rami".

[20] *Jour. Anthropol. Inst.* 1896, p. 133.

[21] *Инаугурационная речь*, Brit. Ass. Meeting, Toronto, 1897.

[22] M. Boule, "L'homme fossile de la Chapelle-aux-Saints", *Annales de Paléontologie*, 1911 (1913). Ср. также H. Obermaier, *Der Mensch der Vorzeit*, 1912, p. 364.

[23] *Доисторический человек*, 1912, с. 60.

[24] *Der Mensch der Vorzeit*, 1912, p. 365.

[25] Это не является общепринятым. См. диаграмму А. Кейта, с. 5 и с. 9-10.

[26] W. J. Sollas, "On the Cranial and Facial Characters of the Neandertal Race," *Phil. Trans.* 1907, CXCIV.

[27] J. Fraipont и M. Lohest, "Recherches Ethnographiques sur les Ossements Humains," etc., *Arch. de Biologie*, 1887.

[28] Gorjanovič-Kramberger, *Der diluviale Mensch von Krapina in Kroatia*, 1906.

- [29] M. Boule, "L'homme fossile de la Chapelle-aux-Saints", *L'Anthr.* XIX. 1908, и *Annales de Paléontologie*, 1911 (1913).
- [30] H. Klaatsch, *Prähistorische Zeitschrift*, Vol. I. 1909.
- [31] Peyrony and Capitan, *Rev. de l'Ecole d'Anthrop.* 1909; *Bull. Soc. d'Anthr. de Paris*, 1910.
- [32] G. Schwalbe, "Der Schädel von Brück", *Zeitschr. f. Morph. u. Anthr.* 1906.
- [33] Makowsky, "Der diluviale Mensch in Löss von Brünn," *Mitt. Anthropol. Gesell. in Wien*, 1892.
- [34] См. A. Keith, *The Antiquity of Man*, 1915, гл. X.
- [35] H. Klaatsch, "Die Aurignac-Rasse," etc., *Zeitschr. f. Ethn.* LII. 1910.
- [36] L. Lartet, "Une sépulture des troglodytes du Périgord," and Broca, "Sur les crânes et ossements des Eyzies," *Bull. Soc. d'Anthr. de Paris*, 1868.
- [37] R. Verneau, *Les Grottes de Grimaldi*, 1906-11.
- [38] Полный список с библиографическими ссылками см. в H. Obermaier, "Les restes humains Quaternaires dans l'Europe centrale", *Anthr.* 1905, p. 385, 1906, p. 55.
- [39] A. Keith, *The Antiquity of Man*, 1915, p. 158. См. также W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, p. 186 ff.
- [40] H. Klaatsch, "Die Aurignac-Rasse", *Zeitschr. f. Eth.* 1910, LII. p. 513.
- [41] Месвинские орудия теперь принимаются за артефакты и помещаются Г. Обермайером непосредственно под челлийскими, хотя М. Коммон интерпретирует их как ашельские или даже более поздние. См. W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, p. 132 и далее.
- [42] Р. Смит и Х. Дьюи, "Стратификация в Сванском лесу", *Archaeologia*, LXIV. 1912.
- [43] Назван так по имени Шелле-сюр-Марн, недалеко от Парижа.
- [44] Ср. J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, I. 1908, p. 89.
- [45] Из Ориньяка (Верхняя Гаронна), Солютре (Сона-и-Луара) и Ла Мадлен (Дордонь).
- [46] Мас-д'Азиль, Арьеж.
- [47] W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, pp. 378-9.
- [48] "Les Subdivisions de paléolithique supérieur", *Congrès Internat. d'Anth.* 1912, XIV. pp. 190-3.
- [49] H. Breuil и E. Cartailhas, *La Caverne d'Altamira*, 1906. Список украшенных пещер с именами их первооткрывателей см. в J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, I. 1908, p. 241. Полный репертуар кватернирского искусства приведен С. Рейнахом, 1913; хронологию см. в E. Piette, "Classifications des Sédiments formés dans les cavernes pendant l'Age du Renne", *Anthr.* 1904.
- [50] Из Ла-Фер-ан-Тарденуа, Эсна.
- [51] Ср. W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, pp. 95, 534 f.
- [52] *Die Alpen in Eiszeitalter*, 1901-9. См. также "Alter des Menschengeschlechts", *Zeit. f. Eth.* XL. 1908.

- [53] См. W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, p. 561.
- [54] Н. Obermaier, *Der Mensch der Vorzeit*, 1911-2, p. 332.
- [55] *Древность человека в Европе*, 1914, с. 301.
- [56] *Древние охотники*, 1915, с. 567.
- [57] *Proc. Prehist. Soc. E. Anglia*, 1. 1911, p. 60.
- [58] Выступление в Институте Р., Лондон, *Nature*, 6 и 13 января 1898 г.
- [59] *Nature*, 1898, p. 235.
- [60] *Tiden för Blekinges första bebyggande*, Karlskrona, 1895, p. 5.
- [61] "Das Schweizersbild, eine Niederlassung aus palaeolithischer und neolithischer Zeit," in *Nouveaux Mémoires Soc. Helvétique des Sciences Naturelles*, Vol. XXXV. Zurich, 1896. Это описано Джеймсом Гейки, *"Древность человека в Европе"*, 1914, стр. 85-99.
- [62] *L'Anthropologie*, 1897, p. 350.
- [63] *Форум*, февраль 1898 г.
- [64] Эскимосские мужчины и женщины, привезенные лейтенантом Пири из его арктической экспедиции в 1897 году, не смогли перенести наш умеренный климат. Многие умерли от пневмонии, а оставшиеся в живых были настолько ослаблены, что всех пришлось вернуть в их ледяные дома, чтобы спасти им жизнь. Даже для алгонкинов Лабрадора путешествие к побережью - это путь в могилу".
- [65] У. З. Рипли, *Расы Европы*, 1900, с. 586.
-

ГЛАВА II

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ВЕК - ИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА И НАРОДЫ

Прогресс археологических исследований - последовательность металлических веков - медный век - Египет, Элам, Вавилония, Европа - бронзовый век - Египет и Вавилония, Западная Европа, Эгейское море, Ирландия - хронология медного и бронзового веков - железный век - Халльштатт, Ла-Тен - человек и его произведения в металлические века - доисторический век на Западе, и в Китае - Исторические времена - Эволюция систем письменности - Иероглифы и клинопись - Алфавит - Персидская и другие клинописи - Знаки Мас-д'Азиль - Алфавитные знаки на неолитических памятниках - Характер и последствия поздних исторических миграций - Раса сливается в народ - Отличительные черты народов - Схема классификации.

Прогресс археологических исследований.

Если, как уже было сказано выше, изучение происхождения человека в значительной степени является геологической проблемой, то исследование более позднего развития, в эпоху металлического века и доисторических времен, относится в основном к области археологии. Поэтому именно за свет, который в последние годы был брошен на неясный

промежуток между каменным веком и строго исторической эпохой, то есть на тот период, когда в своем непрерывном развитии вверх человек постепенно менял камень на более удобные металлы, Мы обязаны главным образом труду таких первопроходцев, как Ворсаэ, Стинструп, Форххаммер, Шлиман, Сайс, Лэйард, Лепсиус, Мариетт, Масперо, Монтелиус, Бругш, Петри, Питерс, Хейнс, сэр Дж. Эванс, сэр А. Дж. Эванс и многие другие, все они в первую очередь археологи, а антропологи - лишь во вторую.

Последовательность металлических веков.

Из исследований этих ученых теперь ясно, что медь, бронза и железо последовательно использовались в Европе в названном порядке, так что нынешние выражения "медный", "бронзовый" и "железный" века остаются по-прежнему оправданными. Но также оказывается, что перекрытия, начавшиеся уже в позднем неолите, были повсеместно настолько частыми, что во многих местах совершенно невозможно провести какие-либо четко очерченные границы между последовательными металлическими периодами.

То, что железо появилось последним, - факт, уже известный древним по смутной традиции[66], - не вызывает сомнений, и не менее несомненно, что между медью и железом находилась бронза различных типов. Но вокруг вопроса о меди, которая встречается в стольких могилах неолита и бронзы, до сих пор много неясностей, что этому металлу даже отказывают в самостоятельном положении в последовательности.

Но мы не будем удивляться тому, что в этом вопросе царит путаница, если вспомним, что металлы, в отличие от камня, появились на свет. Появившись, они вскоре оказались незаменимыми для цивилизованного человека, так что в некотором смысле "металлические века" все еще продолжают и должны продолжаться до конца времен. Поэтому вполне естественно, что медь находили в доисторических могилах вместе с каменными орудиями, а затем с бронзой и железом, так же как после прихода англичан в Австралию в могилах аборигенов находят ложки, глиняные трубки, перочинные ножи, панники и т.п. вперемешку с каменными предметами.

Медный век.

Но то, что существовал настоящий медный век[67], предшествовавший бронзовому, хотя, возможно, и не очень продолжительный, за исключением, конечно, Нового Света[68], было поставлено под сомнение недавними исследованиями. Значительное внимание этому вопросу уделил Дж. Х. Гладстон, который установил, что медь обрабатывалась египтянами на Синайском полуострове, то есть в знаменитых шахтах Вади-Магара, с четвертой по восемнадцатую династию, возможно, с 3000 по 1580 год до н.э.[69] В эту эпоху инструменты изготавливались из чистой меди в Египте и Сирии, а также аморитами в Палестине, часто по образцу их каменных прототипов.[70]

Египет.

Эллиот Смит[71] утверждает, что "полная история появления меди, полная во всех деталях и обстоятельствах, написанная простым и убедительным способом, который может прочитать тот, кто бежит", была выставлена в Египте с 1894 года, хотя полное значение доказательств не было признано до тех пор, пока Рейснер не обратил внимание на записи додинастических могил в Верхнем Египте, когда руководил раскопками в Нага-эд-Дер в 1908 году[72]. Эти раскопки выявили коренную цивилизацию древних египтян и, по словам Эллиота Смита, опровергли идею, которой до сих пор придерживалось большинство археологов, что Египет был обязан своими знаниями о металлах Вавилонии или какому-то другому азиатскому

источнику, где медь, а возможно, и бронза, могут быть отслезены до четвертого тысячелетия до нашей эры. С. Несомненно, между цивилизациями Египта и Вавилонии существовало взаимодействие, но "Рейснер выявил полное отсутствие каких-либо свидетельств, которые бы показывали или даже предполагали, что язык, способ письма, знания о меди... были импортированы" (с. 34). Эллиот Смит справедливо утверждает (стр. 6), что ни в одной другой стране нет столь же полной истории открытия и развития обработки меди, но до тех пор, пока не будут проведены столь же исчерпывающие раскопки на современных или более ранних участках в Шумере и Эламе, вопрос не может считаться решенным.

Элам.

Вавилония.

Работа Дж. де Моргана в Сузах[73] (1907-8 гг.) показывает чрезвычайную древность медного века в древнем Эламе, даже если его оценка в 5000 лет до н. э. считается слишком ранней[74]. В основании кургана на естественной почве, под 24 метрами археологических слоев, находились остатки города и некрополя, состоящего из около 1000 погребений. В мужских гробницах находились медные топоры примитивного типа, в женских - маленькие вазочки с краской и диски из полированной меди, служившие зеркалами. В Фаре, раскопки Кольдевея в 1902 году и Андрае и Нёльдеке в 1903 году на месте Шуруппака (дом вавилонского Ноя) в долине нижнего Евфрата, обнаружили могилы, приписываемые доисторическим шумерам, содержащие медные наконечники копий, топоры и сосуды для питья.[75]

Европа.

В Европе Северная Италия, Венгрия и Ирландия[76] могут претендовать на медный век, но в Британии очень мало свидетельств такого этапа. К этому периоду также можно отнести гнездо или *тайник* со слитками чистой меди, найденный в Турке, к западу от долины Авен, Финистерре, описанный М. де Вилье дю Терражем, и состоящий из 23 предметов общим весом почти 50 фунтов.[77] Эти предметы, относящиеся к "переходному периоду, когда медь сначала использовалась одновременно с полированным камнем, а затем исчезла по мере того, как бронза вошла в более широкое употребление[78]", были привезены, вероятно, из Венгрии, которая в то время была главным источником этого металла для большинства стран Европы. Из более чем 200 медных предметов, описанных Матеусом Махом[79], почти все имели венгерское или южногерманское происхождение, только пять были приписаны Британии и восемь - Франции.

Изучение этого вопроса значительно продвинул Й. Хампель, который на веских основаниях утверждает, что в некоторых регионах, особенно в Венгрии, медь играла доминирующую роль на протяжении многих веков и, несомненно, является характерным металлом отдельной культуры. Его выводы основаны на изучении около 500 медных предметов, найденных в Венгрии и хранящихся в коллекциях Буда-Пешта. Рассматривая все факты, свидетельствующие о медном веке в Центральной Европе, Египте, Италии, Кипре, Трое, Скандинавии, Северной Азии и других странах, он приходит к выводу, что медный век мог возникнуть независимо везде, где была найдена руда, например, на Урале и Алтае, в Италии, Испании, Британии, на Кипре, Синае; такая культура обычно была коренной и имела более или менее характерные местные черты[80]. На самом деле мы точно знаем, что такой независимый медный век был развит не только в районе Великих озер Северной Америки, но и у народов банту в Катанге и других частях Центральной Африки. Медь - это не сплав, как

бронза, а мягкий, легко обрабатываемый металл, встречающийся в больших количествах и в достаточно чистом виде вблизи поверхности земли во многих частях света. Удивительно не то, что она была найдена и обрабатывалась в несколько отдаленную эпоху в нескольких различных центрах, а то, что ее использование так скоро было вытеснено бронзовыми сплавами.

Бронзовый век.

Переход от меди к бронзе, однако, был медленным и постепенным, правильная пропорция олова, которой, вероятно, в некоторых местах предшествовал сплав с сурьмой, была достигнута, по-видимому, путем многократных экспериментов, часто проводимых с немалым мастерством теми доисторическими металлургами.

Как предположил Бибра в 1869 году, руды различных металлов, по-видимому, сначала выплавлялись вместе эмпирическим путем, и процесс продолжался до получения удовлетворительных результатов. Отсюда необычайное количество металлов, процентное соотношение которых встречается в некоторых ранних образцах, например, в образцах из музея Эльбинга, которые при анализе дали олово, свинец, серебро, железо, сурьму, мышьяк, серу, никель, кобальт и цинк в различных количествах [\[81\]](#)

Египет и Вавилония.

Некоторые бронзовые изделия из пирамиды Медум, проанализированные Дж. Х. Гладстоном [\[82\]](#), показали высокий процент содержания олова - 9,1, из чего следует сделать вывод, что бронза, причем бронза самого высокого качества, была известна египтянам уже во времена четвертой династии, т.е. в 2840 г. до н.э. Статуэтка Гудеа из Лагаша (2500 г. до н.э.), которая считается самым ранним образцом бронзы в Вавилонии, как теперь известно, является чистой медью, и хотя предметы из Телло (Лагаш) более раннего времени содержат смесь олова, цинка, мышьяка и других сплавов, их доля незначительна. Вопрос о приоритете, однако, должен оставаться открытым до тех пор, пока не будет окончательно решен вопрос об относительной хронологии Египта и Вавилонии, а это все еще остается весьма спорным моментом [\[83\]](#). Все трудности, связанные с происхождением бронзы, также не будут устранены, если Египет или Вавилония подтвердят свое право на обладание самым ранним образцом этого металла, поскольку ни в одной из стран, как представляется, нет олова. Ближайшим месторождением, известным в древности, по-видимому, является Дрангиана, упоминаемая Страбоном и отождествляемая с современным Хорасаном [\[84\]](#)

Западная Европа.

Страбон и другие классики также упоминают о наличии олова на западе, в Испании, Португалии и на Касситеридских или оловянных островах, чья принадлежность породила так много спекуляций [\[85\]](#), но "хотя в последующие времена Египет получал олово из Европы, было бы смело предположить, что она делала это [в 3000 году до н. э.], и еще смелее утверждать, что она научилась у северных народов, как делать сплав, называемый бронзой [\[86\]](#)." Если не считать исконно египетского происхождения, которого придерживается Эллиот Смит (см. выше), то гипотеза, вызывающая меньше всего трудностей, заключается в том, что самая ранняя бронза должна быть отнесена к региону Элам, и что знания распространились из Халдеи (Элам-Сумер) в Египет в третьем тысячелетии до н.э. [\[87\]](#)

Эгейское море.

Не вызывает сомнений, что Эгейское море было центром распространения новых металлов по всему Средиземноморью, и в разных точках Средиземноморья были найдены медные слитки, помеченные критскими знаками[88]. Бронза была известна на Крите еще до 2000 года до н. э.: бронзовые кинжал и наконечник копья были найдены в Агиос Онуфриос, недалеко от Фестоса, с печатями, похожими на те, что были сделаны во времена шестой-одиннадцатой династий.[89]

Из восточного Средиземноморья знания распространялись во втором тысячелетии по обычным торговым путям, которые уже давно использовались. Минеральные руды Испании разрабатывались еще в домикенские времена и, вероятно, в немалой степени способствовали промышленному развитию Южной Европы. Переходя от племени к племени вдоль атлантического побережья, торговля минералами достигла Британских островов, где были обнаружены богатые руды, которые, в свою очередь, поставлялись на рынки севера, запада и юга.

Ирландия.

Даже Ирландия не осталась нетронутой эгейским влиянием, которое достигло ее, по мнению Г. Коффи[90], через Дунай и Эльбу, а затем через Скандинавию, хотя в этом вопросе мнения сильно расходятся. Богатство Ирландии золотом в бронзовом веке сделало ее "своего рода Эльдорадо западного мира", а открытие золотого торка, найденного Шлиманом в королевской сокровищнице второго города Трои, ставит вопрос о том, была ли модель торка завезена в Ирландию с юга[90], или (что Ж. Дешелетт[91] считает менее вероятным) уже в домикенские времена существовал экспорт ирландского золота в восточное Средиземноморье.

Хронология медного и бронзового веков.

В последние годы были сделаны большие шаги в направлении установления определенной хронологии, связывающей исторические и доисторические периоды в Эгейском море, в Египте и в Вавилонии, и поскольку оценки различных авторитетов различаются иногда на тысячу лет или около того, приведенная ниже таблица будет полезна для указания хронологических схем, которым чаще всего следуют; даты во всех случаях являются лишь приблизительными.

Железный век.

Часто отмечается, что нет причин, по которым железо не должно было быть самым ранним металлом, использованным человеком. Его руды более многочисленны и легче поддаются восстановлению, чем любые другие, и обрабатываются народами, находящимися на низком уровне культуры в настоящее время[92]. Железо, возможно, было известно в Египте почти так же рано, как и бронза, поскольку один предмет в Британском музее относится к четвертой династии, а несколько бусин из железа были найдены в додинастической могиле в Эль-Герзе[93]. Но эти и другие менее достоверные случаи использования железа редки, и этот металл не был распространен в Египте до середины второго тысячелетия. К концу второго тысячелетия это знание распространилось по всему восточному Средиземноморью[94], а не позднее 900 года железо стало широко использоваться в Италии и Центральной Европе.

Хронологическая таблица.

Египет[95]

Вавилония[96]

]

Эгейское море[97]

Греция[98]

Бронзовый век в

3300	Династия I				
3200					
3100					
3000		Династия Опис	? Раннеминойс кая I	?Пре- Микенский	
2900		Династия Киш			
2800	Дина. III, IV	Дина Эреха Дина Аккад[100]			
2700					
2600	Дина. V	2-я династия Эреха			
2500	Дина. VI	Гутийское господство	Ранний Минойский период II		Период I. Энеолит
2400		Дина Ур			(орудия труда из камня, меди
2300	Дина. IX				и бронзы, бедные оловом)
2200		Дина Исин	Средний Миной I		
2100	Дина. XI		Середина. Минойский II		
2000	Дина. XII	1-я дин. Вавилон		Микены I	
1900		2-я дин.	Середина. Минойский III		Период II
1800					
1700	Дина. XIII	3-я династия.	Поздний Минойский I		
1600	Дина. XV				Период III
1500	Дина. XVIII		Поздний Минойский II	Микенский II	
1400			Поздний Минойский III		
1300	Дина. XIX				Период IV
1200	Дина. XX			Гомеровский век	

1100		4-я династия	
1000	Дина. XXI	5 - 7 дин.	Завершение бронзового века[101]
900	Дина. XXII	8-я династия.	Халльштатт

Гальштат.

Появление железа в Италии часто приписывали этрускам, которые, как считалось, привезли его из Лидии. Но самые многочисленные останки раннего железного века найдены не в Тоскане, а вдоль побережья Адриатики[102], что свидетельствует о том, что железо шло по хорошо известному маршруту торговли янтарем, попадая в Центральную Европу и *Гальштат* (который дал название раннему железному веку), где только в Европе четко прослеживается постепенный переход от использования бронзы к железу. У. Риджуэй[103] считает, что использование железа было впервые обнаружено в районе Гальштата, а затем распространилось в Швейцарии, Франции, Испании, Италии, Греции, Эгейском регионе и Египте, а не в обратном направлении. Однако нет никаких разногласий по поводу важности этого центрально-европейского региона, где находились самые известные железные рудники древности. Гальштатская культура простиралась от Пиренейского полуострова на западе до Венгрии на востоке, но почти не достигала Скандинавии, Северной Германии, Арморик и Британских островов, где бронзовый век, можно сказать, продолжался примерно до 500 года до нашей эры. На столь обширной территории культура не везде была однородной, и Хоернес[104] выделяет четыре географических подразделения, отличающиеся в основном керамикой и фибулами, и условно классифицирует их как иллирийские на юго-западе, или в Адриатическом регионе, соприкасающемся с Грецией и Италией; кельтские в Центральной или Дунайской области, с ответвлением в Западной Германии, Северной Швейцарии и Восточной Франции; и германские в части Германии, Богемии, Моравии, Силезии и Позена.

Ла-Тен.

Гальштатский период заканчивается приблизительно в 500 году до н. э., а поздний железный век получил свое название от поселения *Ла-Тен*, расположенного в бухте Невшательского озера в Швейцарии. Эта культура, хотя и во многом связана с культурой Гальштата, а также с иностранными источниками, обладает ярко выраженной индивидуальностью, и хотя на континенте она вскоре была подавлена римским влиянием, в позднекельтский период на Британских островах она достигла замечательного блеска.

Человек и его произведения в эпоху металлов.

В том, что народы Металлического века были физически хорошо развиты, а в значительной части Европы и Азии уже владели арийской речью, не может быть никаких разумных сомнений. Череп раннего гальштатского периода из могилы близ Вильденрота, Верхняя Бавария, описывается Вирховым как длинноголовый, с объемом черепа не менее 1585 см³, сильно развитым затылком, очень высоким и узким лицом и носом, и во всех отношениях превосходный образец длинноголового североευропейца с правильными чертами лица[105]. Но из-за распространенности кремации свидетельства расы недостаточны. Население Гальштата, несомненно, было смешанным, и в Гласинаце в Боснии, другом месте гальштатской цивилизации, около четверти исследованных черепов были брахицефальными.[106]

Их произведения, найденные в большом количестве в могилах, особенно бронзового и железного периодов, но подробный рассказ о которых относится к области археологии, интересуют нас во многих отношениях. Расписные глиняные вазы и металлические изделия всех видов позволяют проследить прогресс искусства дизайна и орнамента в его восходящем развитии от первых пробных попыток доисторического художника добиться приятных эффектов. Фигуры людей и животных, хотя и редко изображаемые, иногда позволяют получить любопытное представление об обычаях и моде того времени. На глиняном сосуде, найденном в 1896 году в Лаксе в Позене, изображена обычная сцена охоты, где мы видим мужчин верхом на лошади или пешком, вооруженных луком и стрелами, преследующих добычу (благородных оленей) и возвращающихся в пентхаус после погони[107]. Рисунок крайне примитивен, но от этого еще более поучителен, показывая в связи с аналогичными изображениями на современных предметах, как в доисторическом искусстве подобные фигуры становятся условными и чисто орнаментальными, как в аналогичных рисунках на вазах и текстиле из некрополя Анкон, Перу. "Большинство орнаментов первобытных народов, хотя нашему глазу они могут показаться просто геометрическими и свободно придуманными узорами, на самом деле являются ничем иным, как деградировавшими фигурами животных и людей[108]."

Возможно, именно по этой причине многие рисунки периода металла выглядят настолько хуже, чем рисунки пещерных жителей и современных бушменов. Зачастую это просто условные редукции пиктографических прототипов, сравнимые, например, с символами наших алфавитов, которые, как известно, являются деградированными формами более ранних пиктограмм.

Доисторическая эпоха на Западе,

Очевидно, что строгое определение так называемой "доисторической эпохи" невозможно. В общих чертах он включает в себя тот смутный период, предшествовавший появлению письменности, тусклые воспоминания о котором - популярные мифы, фольклор, полубоги[109], одноименные герои[110], традиции реальных событий[111] - сохранились до исторических времен и снабжали готовыми материалами ранних поэтов, основателей новых религий и поздних законодателей.

То, что буквы, хотя и не вошедшие во всеобщее употребление, уже были изобретены, очевидно из того факта, что все воспоминания об их появлении, кроме самых смутных преданий, угасли еще до начала истории. Творчество человека, хотя оно само по себе обязательно непрерывно, простиралось в столь невообразимо далекое прошлое, что даже великие вехи в развитии человеческого прогресса были давно забыты последующими поколениями.

И в Китае.

И так было повсюду, как в Новом Свете, так и в Старом, как среди восточных, так и среди западных народов. В китайских летописях "Эпоха пяти императоров" - пяти, хотя названы девять - в какой-то мере отвечает нашей доисторической эпохе. У нее есть одноименный герой, Фу Хи, считающийся основателем империи, который изобрел сети и силки для рыбалки и охоты, а также научил свой народ выращивать домашних животных. Ему же приписывают институт брака, а Цонг Чи, как считается, в его время изобрел китайские иероглифы - символы, обозначающие не звуки, а предметы и идеи.

Затем пришли другие благожелательные правители, которые научили народ земледелию, создали рынки для продажи сельскохозяйственной продукции, открыли целебные свойства

растений, написали трактаты о болезнях и средствах их лечения, изучили астрологию и астрономию и назначили "пять наблюдателей за небесными телами".

Но этой эпохе предшествовала "Эпоха трех [шести] правителей", когда люди жили в пещерах, питались дикими плодами и неприготовленной пищей, пили кровь животных и носили шкуры диких зверей (наш древнекаменный век). Позже они стали менее грубыми, научились добывать огонь трением и строить себе жилища из дерева или листвы (ранний неолит). Так повсеместно проявляется фон дикости, который лежит в основе всей человеческой культуры, а "золотой век" поэтов исчезает вместе с "Гесперидами" и платоновской Атлантидой в области сказочного.

Исторические времена.

Здесь мало что нужно говорить о строго исторических временах, наиболее характерной чертой которых, пожалуй, является повсеместное использование письма. С помощью этого самого плодотворного из человеческих изобретений было увековечено все, что стоило сохранить, и, таким образом, все полезные знания имели тенденцию к накоплению. Сейчас уже невозможно сказать, когда и где произошло чудо, в результате которого, казалось бы, многообразные звуки вполне развитых языков были исчерпывающе проанализированы и эффективно выражены десятком-другим произвольных знаков. Но сравнительное изучение различных систем письма, используемых в разных частях света, позволило выявить процесс, в ходе которого постепенно происходил переход от грубых пиктографических изображений предметов к чисто фонетическим символам.

Эволюция систем письма.

Как ясно показывают "зимние счета" североамериканских аборигенов и доисторические наскальные рисунки в Верхнем Египте, первым шагом была *пиктограмма* - реальная фигура, скажем, человека, обозначающая данного человека, а затем любого человека или человеческое существо. Затем эта фигура, более или менее уменьшенная или условная, служила для обозначения не только термина *man*, но и полного звука *man*, как в слове *manifest* и в современном ребусе. На этом этапе она превращается в *фонограмму*, или *фоноглиф*, который, будучи еще более уменьшенным до неузнаваемости, может обозначать слог *ma*, как в слове *ma-ny*, , не имея больше никакого отношения ни к идее, ни к звуку *man*. Фонограмма теперь стала символом монолога, который обычно состоит из двух элементов, согласного и гласного, как в деванагари и других слоговых системах.

Наконец, если отбросить второй или гласный элемент, тот же символ, модифицированный или нет, становится *буквой*, обозначающей звук *m*, то есть одним из немногих конечных элементов членораздельной речи. Более или менее полный набор таких символов, таким образом, изношенных по форме и значению, будет затем доступен для обозначения более или менее полных всех фонетических элементов любого данного языка. Это будет настоящий *алфавит*, о чудесной природе которого можно судить по тому факту, что только две, а возможно, и три такие алфавитные системы, как известно с абсолютной уверенностью, когда-либо были независимо разработаны человеческой изобретательностью^[112]. Из приведенного выше изложения мы видим, как неизбежно финикийский родитель почти всех поздних алфавитов сначала выражал только согласные звуки, так что гласные или знаки гласных во всех случаях являются более поздним развитием, как в иврите, сирийском, арабском, греческом, итальянской группе и рунах.

Иероглифы и клинопись.

В примитивных системах, таких как египетская, шумерская, китайская, майя-киче и мексиканская, одна или несколько различных переходных ступеней могут развиваться и использоваться одновременно, с постоянной тенденцией к продвижению по указанным выше линиям, путем постепенного замещения более поздних ступеней более ранними. Сравнение шумерской клинописи и египетских иероглифических систем приводит к некоторым любопытным результатам. Так, в чрезвычайно отдаленную эпоху, несколько тысячелетий назад, шумеры уже избавились от пиктографической и в значительной степени от идеографической, но едва достигли алфавитной фазы. Поэтому их клинописные группы, хотя и обладают фонетической ценностью, в основном выражают полные слоги, редко буквы и редко целые слова. Идеограммы уступили место сначала фонограммам, а затем и просто слогам, "сложным слогам, в которых можно различить несколько согласных, или простым слогам, состоящим только из одной согласной и одной гласной или *наоборот*[113]."

Египтяне же провели систему через всю гамму от рисунков до букв, но сохранили все промежуточные фазы, начальная имела тенденцию к отпадению, конечная - к расширению, а основная часть иероглифов в разной степени представляла несколько переходных состояний. Во многих случаях они "сохранили только одну часть слога, а именно немой согласный; они отделили, например, конечное *u* от *bu* и *ru* и дали только значения *b* и *r*

человеческой ноге и циновке. Народы Евфрата остановились на полпути и признали реальные буквы только для гласных звуков *a*, *i* и *u*[114]."

В процессе эволюции метафора и аналогия, конечно, играли большую роль, как и в эволюции самого языка. Так, лев мог обозначать и животное, и храбрость, и так далее.

Первые сочинения по фонетике имели форму современного ребуса, например: = *kha*

 = сито, = *ru* = циновка; = *ru* = рот, отсюда   = *kho-pi-ru* = быть, где внимание уделяется только звукам, а не значению нескольких компонентов.[115]

Алфавит.

Путем аналогичных процессов был сформирован настоящий алфавит, в котором, однако, каждый из фонетических элементов сначала был представлен несколькими различными символами, полученными из нескольких разных слов, имеющих один и тот же начальный слог. Таким образом, возникла *проблема богатства*, от которой можно было избавиться только путем разумного процесса элиминации, то есть отбрасывания всех сходных по звучанию символов, кроме одного, обозначающего тот же звук. Когда писцы завершили этот окончательный процесс сокращения, другими словами, когда были отброшены все фонетические знаки, кроме 23, *то есть* по одному на каждый из 23 фонетических элементов, финикийский алфавит в том виде, в котором мы его имеем сейчас, был завершен. Таково реальное происхождение этой системы, независимо от того, были ли писцы вавилоняне, египтяне, минайцы или европейцы, то есть был ли финикийский алфавит клинописным, иероглифическим, южноаравийским, критским (эгейским), лигурийским или иберийским, ибо всем этим и, возможно, другим народам приписывается его изобретение.

Время для принятия решения между этими соперничающими претендентами еще не пришло .[116]

Персидская и другие клинописи.

Но каков бы ни был источник финикийской, персидская система, существовавшая при Ахеменидах, достаточно ясна. Это настоящий алфавит из 37 знаков, полученный путем селективного отбора непосредственно из вавилонских клинописей, без каких-либо попыток модификации их форм. Поэтому, хотя он и прост по сравнению со своим прототипом, он достаточно неуклюж по сравнению с финикийским письмом: некоторые из букв требуют для своего выражения групп из четырех или даже пяти "клиньев". Ни одна из других клинописных систем, также произошедших от шумерской (ассирийская, эламская, ванская, мединская), похоже, не достигла чистого алфавитного состояния, все они по-прежнему обременены многочисленными сложными слоговыми знаками. Прилагаемая таблица, за которую я должен поблагодарить Т. Г. Пинчеса, поможет показать генезис клинописных комбинаций, начиная с самых ранних известных пиктограмм. Сами пиктограммы уже сведены к самым скромным очертаниям первоначальных пиктографических изображений. Но никаких более ранних форм, показывающих постепенный переход от примитивного рисуночного письма к деградирующим пиктограммам, которые здесь приводятся, пока не обнаружено .[117]

Знаки Мас-д'Азиль.

Здесь можно спросить, что следует думать об уже упомянутых галечных знаках из пещеры Мас-д'Азиль в конце древнего каменного века? Если они действительно фонетические, то мы должны предположить, что палеолитический человек не только изобрел алфавитную систему письма, но и сделал это сразу, как бы по интуиции, без какого-либо предварительного знания букв. По крайней мере, никто не предположит, что обитатели пещер Дордони уже владели пиктографическими или другими грубыми системами, из которых постепенно развилось "письмо" Мас-д'Азиль. Однако Э. Пьетт, который группирует эти гальки, окрашенные перекисью железа, в четыре категории: цифры, символы, пиктограммы и алфавитные знаки, утверждает в отношении последних, что 13 из 23 финикийских иероглифов в равной степени являются азильскими графическими знаками. Он даже предполагает, что может существовать подход к надписи в одной группе, где, однако, знак, обозначающий остановку, подразумевает шрифт, идущий по семитской моде справа налево, тогда как сами буквы, похоже, направлены в другую сторону[118]. Г. Г. Маккарди[119], который принимает доказательства существования письменности в азильские, если не в магдаленские времена, отмечает близкое сходство между палеолитическими знаками и финикийскими, древнегреческими и кипрскими буквами. Но Ж. Дешелетт ,[120] рассматривая (стр. 234, 236) аргументы против утверждений Пиетта, в заключение (стр. 320) указывает на невозможность признать, что население Галлии могло внезапно лишиться такого полезного открытия, как письменность. Однако до появления самых ранних эпиграфических памятников проходят тысячи лет.

EVOLUTION OF THE SUMERIAN CUNEIFORMS.

1000 B.C. and later.	About 2500 to 1500 B.C.	Oldest known line forms, 3000 B.C. and earlier.		
				"bird."
				"sheep" (probably a sheep-fold).
				"ox."
				"to go," "to stand."
				"hand."
				"man."
				"dagger."
				"fish."
				"reed."
				"reed."
				"corn" ("ear of corn").
				"god," "heaven."
				"constellation," "star."

Эволюция

шумерских клиноформ.

Алфавитные знаки на неолитических памятниках.

Серджи предположил возможную связь между знаками Мас-д'Азиль и знаками, обнаруженными на мегалитических памятниках Северной Африки, Бретани и Британских островов. Все они настолько рудиментарны, что сходство неизбежно, а сами по себе дают мало оснований для необходимых связей. Первобытный человек - это всего лишь ребенок, а все дети кричат и коверкают слова совершенно одинаково. Тем не менее К. Летурно^[121] взял на себя труд сравнить пять таких каракулей из "Ливийских надписей", хранящихся сейчас в музее Бардо в Тунисе, с аналогичными или идентичными знаками на бриттских и

ирландских дольменах. Здесь есть знакомый круг простой и пунктирный , крест в

его простейшей форме +, точечный крюк и сегментированный квадрат , все они повторяются в финикийской, кельтиберской, этрусской, ливийской или туарегской системах. Однако Летурно, который не называет их буквами, а лишь "алфавитными знаками", лишь предполагает, что если они и не были фонетическими знаками, когда впервые были высечены на неолитических памятниках, то могли стать таковыми в более поздние времена. Против этого можно возразить лишь то, что в более поздние времена все эти народы получали полные алфавитные системы с Востока, как только они в них нуждались. К тому времени все народы культурной зоны уже достигли исторического периода и давно забыли грубую резьбу своих неолитических предков.

Характер и последствия поздних (исторических) миграций.

Вооруженные почти совершенной письменностью и соответствующими культурными приспособлениями, высшие расы вскоре заняли ведущее место в общем прогрессе человечества и постепенно приобрели заметное превосходство не только над менее культурным населением земного шара, но и в значительной степени над силами самой природы. С развитием мореплавания и совершенствованием методов передвижения внутренние моря, бесплодные пустоши и горные хребты перестали быть непреодолимыми препятствиями для их передвижения, которое в определенных пределах никогда не задерживалось на протяжении всего зафиксированного времени.

Таким образом, в течение долгих веков после первого заселения Земли человеком плейстоцена постоянно происходили новые поселения и перестройки, хотя массовые перемещения следует считать редкими. За редким исключением, более поздние миграции, враждебные или мирные, по уже указанным причинам[122], как правило, носили частичный характер, а некоторые изолированные регионы, такие как Америка и Австралия, оставались мало затронутыми такими перемещениями до совсем недавних времен. Но для жителей восточного полушария результаты оказались не менее масштабными. Непрерывные инфильтрации не могли не привести в конечном итоге к значительным изменениям ранних типов, в то время как постоянно действующий принцип конвергенции имел тенденцию к общему единообразию среди новой амальгамы. Таким образом, великие сортовые подразделения, хотя и претерпевали медленные изменения от эпохи к эпохе, продолжали, как и все другие зоологические группы, сохранять отчетливый региональный характер.

Раса сливается с "народом".

Флиндерс Петри остро заметил, что единственное значение, которое сейчас может иметь термин "раса", - это группа людей, чей тип стал единым, поскольку скорость их ассимиляции превысила скорость изменений, вызванных чужеродными элементами[123]. Густаво Тости также напоминает нам, что "в настоящем состоянии науки слово "раса" - это расплывчатая формула, которой не может соответствовать ничего определенного. С одной стороны, о первоначальных расах можно говорить только как о представителях палеонтологии, в то время как более ограниченные группы, которые сейчас называют расами, - это не что иное, как народы или общества народов, братья по цивилизации больше, чем по крови. Задуманная таким образом раса заканчивается отождествлением себя с национальностью[124].". Отсюда возникает вопрос, почему, исходя из принципа конвергенции, слияние различных рас, если они достаточно долго изолированы на

определенной территории, не может в конечном итоге привести к появлению нового расового типа, не оставляя никаких следов своего многообразного происхождения .[125]

Такие новые расовые типы будут нормальными для более поздних сортовых групп, так же как старые типы были нормальными для более ранних групп, и в общем случае можно было бы применить знаменитую сентенцию Топинара о том, что *отдельные народы* - группы, занимающие определенные географические районы, - имеют объективное существование[126] , то есть народы сами по себе - группы, занимающие определенные географические районы. Таким образом, понятие расы, как зоологическое выражение в смысле чистой породы или штамма, еще больше отходит на задний план, и, как метко замечает Вирхов, "этот термин, который всегда подразумевал нечто неопределенное, в последнее время стал в высшей степени неопределенным[127] ."

Отличительные черты народов.

Поэтому Эренрайх рассматривает современное население Земли скорее как зоологические группы, которые сформировались в своих географических областях и должны отличаться не столько костным строением, сколько внешними признаками, такими как волосы, цвет кожи и выражение лица, а также средой обитания и языком. Ни один из этих факторов нельзя упускать из виду, но представляется, что характер волос составляет наиболее удовлетворительную основу для классификации человечества, и поэтому он был принят для нового издания настоящей работы. Ее преимущество заключается в простоте, она не предполагает и даже не подразумевает какой-либо конкретной теории расового или географического происхождения. Она выдержала испытание временем: ее предложил Бори де Сен-Винсент в 1827 году, а приняли Хаксли, Геккель, Брока, Топинар и многие другие.

Три основные разновидности волос - *прямые, волнистые* и так называемые *шерстяные*, обозначаемые соответственно как *Leiotrichous*, *Cymotrichous* и *Ulotrichous*[128] . Прямые волосы обычно падают прямо вниз, хотя могут завиваться на концах, они обычно грубые и жесткие, имеют круглую форму в сечении. Волнистые волосы волнистые, образуют длинные кривые или несовершенные спирали, или более близкие кольца или завитки, в сечении более или менее эллиптические. Шерстяной волос характеризуется многочисленными, тесными, часто переплетающимися спиралями диаметром 1-9 мм, в сечении имеющими форму удлинненного эллипса. Прямые волосы обычно самые длинные, а шерстяные - самые короткие, волнистые занимают промежуточное положение.

Схема классификации.

I. Улотрихи (Шерстистоволосые).

1. Африканские негры, негриллы, бушмены.
2. Негры Океании: Папуасы, частично меланезийцы, тасманийцы, негритосы.

II. Лейотрихи (прямоволосые).

1. Южные монголы.
2. Океанические монголы, частично полинезийцы.
3. Северные монголы.
4. Американские аборигены.

III. Cymotrichi (кудрявые или волнистоволосые).

1. Дравиды: Ведда, Сакаи и т.д., австралийцы.

2. "Кавказские" народы:

А. Южные долихоцефалы: Средиземноморцы, хамиты, семиты, дравиды, индонезийцы, частично полинезийцы.

В. Северные долихоцефалы: Нордики, курды, афганцы, некоторые индусы.

С. Брахицефалы: Альпийцы, включая низкорослых Северолов Западной и Центральной Европы, и высокорослые Адриатики или Динарики Восточной Европы и Армяне Западной Азии.

ССЫЛКИ:

[66] Таким образом, Лукреций:

"Posterius ferri vis est aerisque reperta,
Sed prior aeris erat quam ferri cognitus usus".

[67] Ж. Дешелетт отмечает, что термин "медный век" не оправдан для большей части Европы, поскольку он предполагает несуществующую демаркацию, а также более тщательный химический анализ ранних металлов, чем тот, которым мы располагаем. Он предпочитает термин энеолит (*aeneus*, медь, λίθος, камень), придуманный итальянцами, для обозначения переходного периода, датируемого, по мнению Монтелиуса, примерно с 2500 г. до н. э. по 1900 г. до н. э. *Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1, *Age du Bronze*, 1910, pp. 99-100, 105.

[68] *Эт.*, гл. XIII.

[69] См. G. Elliot Smith, *The Ancient Egyptians*, 1911, pp. 97-8.

[70] Доклад на тему "Переход от чистой меди к бронзе" и т. д., прочитанный на собрании Британской ассоциации египтян в Ливерпуле. Assoc. Liverpool, 1896.

[71] *Loc. cit.* p. 3. Но ср. H. R. Hall, *The Ancient History of the Near East*, 1912, pp. 33 и 90 n. 2.

[72] G. A. Reisner, *The Early Cemeteries of Naga-ed-dêr* (University of California Publications), 1908, и *Report of the Archaeological Survey of Nubia*, 1907-8.

[73] "Campagnes de 1907-8", *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1908, p. 373.

[74] Ср. J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1, *Age du Bronze*, 1910, pp. 53-4.

[75] Ср. L. W. King, *A History of Sumer and Akkad*, 1910, p. 26.

[76] Г. Коффи, *Бронзовый век в Ирландии*, 1913, с. 6.

[77] *L'Anthropologie*, 1896, p. 526 sq. Этот антиквар метко замечает, что "выражение *âge de cuivre* имеет вполне определенное значение, поскольку применяется к той части эпохи, в которой появляются металлические предметы".

[78] *L'Anthropologie*, 1896, p. 526 sq.

[79] В "*Die Kupferzeit in Europa*", 1886.

[80] "Neuere Studien über die Kupferzeit", in *Zeitschr. f. Eth.* 1896, No. 2.

[81] Otto Helm, "Chemische Untersuchungen vorgeschichtlicher Bronzen", in *Zeitschr. f. Eth.* 1897, No. 2. Этот авторитет согласен с мнением Хампеля, что дальнейшие исследования подтверждают предположение о том, что в Трансильвании (Венгрии) "существовал купфер-антимонгольский тип бронзы, который в значительной степени способствовал развитию бронзовой культуры" (ib. p. 128).

[82] *Proc. Soc. Bib. Archaeol.* 1892, pp. 223-6.

[83] Хронологию медного и бронзового веков см. на с. 27.

[84] Медь и олово в изобилии встречаются в Южном Китае, но с археологической точки зрения это неизвестная земля; "поиски места рождения бронзы в Китае, таким образом, бесплодны для положительных результатов", - *British Museum Guide to the Antiquities of the Bronze Age*, 1904, p. 10.

[85] Т. Райс Холмс, *Древняя Британия*, 1907, с. 483-498.

[86] *Путеводитель Британского музея по древностям бронзового века*, 1904 г., с. 10.

[87] J. de Morgan, *Les Premières Civilisations*, 1909, pp. 169, 337 ff.

[88] J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1, *Age du Bronze*, 1910, pp. 98 и 397 ff.

[89] J. Déchelette, *loc. cit.* p. 63 n.

[90] G. Coffey, *The Bronze Age in Ireland*, 1913, pp. v, 78.

[91] J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1, *Age du Bronze*, 1910, p. 355 n.

[92] *Путеводитель по древностям раннего железного века* (Британский музей), 1905, стр. 2.

[93] Wainwright, "Pre-dynastic iron beads in Egypt," *Man*, 1911, p. 177. См. также H. R. Hall, "Note on the early use of iron in Egypt", *Man*, 1903, p. 147.

[94] В. Белк приписывает ввоз железа на Крит в 1500 г. до н. э. финикийцам, которых он выводит из окрестностей Персидского залива. Он предполагает, что эти торговцы уже были знакомы с металлом в С. Аравии в четвертом тысячелетии, и что именно через них кусок попал в Египет при четвертой династии. "Die Erfinder des Eisentechnik", *Zeitschrift f. Ethnologie*, 1910. См. также F. Stuhlmann, *Handwerk und Industrie in Ostafrika*, 1910, p. 49 ff., который, исходя из культурных соображений, выводит знание о железе в Африке из азиатского источника.

[95] Э. Мейер, "Aegyptische Chronologie", *Abh. Berl. Akad.* 1904, и "Nachträge", ib. 1907. Эта хронология была принята Берлинской школой и другими, но она неудовлетворительна, поскольку не дает достаточно времени для династий XII-XVIII, в которых, как известно, было от 100 до 200 правителей. Поэтому Флиндерс Петри добавляет еще один софийский период (1461 год, исчисляемый от Сотиса или Сириуса), тем самым отбрасывая ранние династии на тысячелетие или два назад. Династия I, согласно этому расчету, начинается в 5546 году до н. э., а династия XII - в 3779 году. H. R. Hall, *The Ancient History of the Near East*, 1912, p. 23.

[96] L. W. King, *The History of Sumer and Akkad*, 1910, и "Babylonia," Hutchinson's *History of the Nations*, 1914.

[97] К. Х. Хоз и Х. Бойд Хоз, *Крит - предшественник Греции*, 1909.

[98] J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1, *Age du Bronze*, 1910, p. 61.

[99] J. Déchelette, *loc. cit.* p. 105 ff. основывается на работе О. Монтелиуса и П. Рейнеке.

[100] Династию Аккада часто датируют на тысячелетие раньше, опираясь на заявление Набонида (556-540 гг. до н. э.) о том, что Нарам-Син (традиционный сын Саргона Аккадского) царствовал за 3200 лет до него; однако сейчас известно, что это заявление сильно преувеличено. См. раздел о хронологии в ст. "Вавилония" в *Ency. Brit.* 1910.

[101] *Guide to the Antiquities of the Early Iron Age* (British Museum), 1905, p. 1.

[102] Ср. J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 2, *Premier Age du Fer*, 1913, pp. 546, 562-3.

[103] *Ранняя эпоха Греции*, 1900, с. 594-630.

[104] "Die Hallstattperiode", *Ass. française p. l'av. des sciences*, 1905, p. 278, и *Kultur der Urzeit*, III. *Eisenzeit*, 1912, p. 54.

[105] "Ein Schädel aus der älteren Hallstattzeit", in *Verhandl. Berlin. Ges. f. Anthropol.* 1896, pp. 243-6.

[106] *Guide to the Antiquities of the Early Iron Age* (British Museum), 1905, p. 8.

[107] Hans Seger, "Figürliche Darstellungen auf schlesischen Gräbgefäßen der Hallstattzeit", *Globus*, Nov. 20, 1897.

[108] *Ibid.* p. 297.

[109] Гомеровский ἡμιθέων γένος ἄνδρῶν, II. XII. 23, если отрывок подлинный.

[110] Таков, например, греческий *Андреас*, "Первый человек", изобретенный сравнительно недавно, о чем свидетельствует навязчивое *d* в ἄνδρες вместо более раннего ἄνερес, "люди". *Андреас*, конечно, был греком, происходящим из реки Пенея, и первым жителем Орхоменской равнины (Павсаний, IX. 34, 5).

[111] Например, затопление Фессалийской равнины, впоследствии осушенной Пенеем и вновь заселенной жителями окрестных гор (скал, камней), откуда и миф о Девкалионе и Пирре, которым оракул велел повторить мир, бросив позади себя "кости их бабушки", то есть "камни" матери-земли.

[112] Такие примеры, как система Джорджа Госта из племени чероки и грубая попытка негра из племени вей (Западный Судан), если они подлинные, здесь не рассматриваются, поскольку у обоих был английский алфавит для работы. Аналогичное замечание относится к старым ирландским и валлийским огамам, которые скорее любопытны, чем поучительны: символы, в основном состоящие из групп прямых штрихов, являются очевидными заменителями соответствующих букв римского алфавита, поэтому их можно сравнить с криптографическими системами Уитстона и других.

[113] Maspero, *The Dawn of Civilisation*, 1898, p. 728.

[114] *Там же*.

[115] *Ibid.* p. 233.

[116] См. П. Джайлс, ст. "Алфавит", *Ency. Brit.* 1910.

- [117] См. A. J. Booth, *The Discovery and Decipherment of the Trilingual Cuneiform Inscriptions*, 1902.
- [118] *L'Anthr.* xv. 1904, p. 164.
- [119] *Recent Discoveries bearing on the Antiquity of Man in Europe* (Smithsonian Report for 1909), 1910, p. 566 ff.
- [120] *Manuel d'Archéologie préhistorique*, I. 1908.
- [121] "Les signes libyques des dolmens", *Bul. Soc. d'Anthrop.* 1896, p. 319.
- [122] *Eth.* Гл. XIII.
- [123] *Выступление на собрании Британской ассоциации в Ипсвиче*, 1895.
- [124] *Amer. J. of Sociology*, Jan. 1898, pp. 467-8.
- [125] A. Vierkandt, *Globus*, 72, p. 134.
- [126] *Éléments d'Anthropologie Générale*, p. 207.
- [127] *Rassenbildung u. Erblichkeit; Bastian-Festschrift*, 1896, p. 1.
- [128] От гл. λεῖ ος, гладкий, κύμα, волна, οὔλος, ворсистый, и θρίξ, τρίχος, волосы. Дж. Деникер (*The Races of Man*, 1900, p. 38) выделяет четыре класса, австралийцы, нубийцы и т. д. относятся к группе *вьющихся*. Он приводит соответствующие термины на французском и немецком языках: прямые, фр. *droit, lisse*, нем. *straff, schlicht*; волнистые, фр. *ondé*, нем. *wellig*; вьющиеся, фр. *frisé*, нем. *lockig*; шерстистые, фр. *crépu*, нем. *kraus*.
-

ГЛАВА III

АФРИКАНСКИЙ НЕГР: I. СУДАНЦЫ

Конспект - Негро-кавказский "великий разрыв" - Негритянский домен - Происхождение негров - Сохранение негритянского типа - Две основные секции: Суданцы и банту - контрасты и аналогии - языковые области Судана и банту - "язык барабанов" - группы Западного Судана - *волофы*: Примитивная речь и керамика; религиозные представления - *Мандинганы*: Культура и промышленность; история; империи Гвинеи и Мали - *фелупы*: Контрасты между внутренними и прибрежными народами; тип и умственные особенности фелупов - тимни - *африканское масонство* - *сьерра-леоне* - *социальные* отношения - либерийцы - крумен - *народы Верхней Гвинеи* - *таблица* племен Золотого и Невольничьего побережья - фольклор ашанти - фетишизм; его истинная суть - Поклонение предкам и "обычаи" - Бенинские бронзы - *Мосси* - *Африканские агностики* - Центральный Судан - Общие этнические и социальные отношения - *Сонгай* - *Происхождение* - *Египетские теории* - Сонгайские записи - *Хауса* - *Доминирующее социальное положение* - Речь и умственные качества - Происхождение - *Канембу*; *Канури*; *Багирми*; *Мосгу* - *этнические* и политические отношения в бассейне Чада - аборигены - ислам и язычество - охота на рабов - арбореальные стойбища - типы и контрасты мосгу - культурные народы Центрального Судана - Канем - записи Борну - Восточный Судан - ареал распространения негров в Восточном Судане - *мабас* - *этнические* отношения в Вадаи - *нубас* - нубийская проблема - происхождение и родство - негритянские народы Нила

и Политические отношения - Два физических типа - *Динка* - Языковые группы - Ментальные качества - Каннибализм - Зона африканских каннибалов - Искусство и промышленность - Высокая оценка изобразительного искусства - Чувство юмора.

Конспект суданских негров.

Распространение в прошлом и настоящем.

Современный ареал. Африка к югу от Сахары, за вычетом Абиссинии, Галлы, Сомали и земель масаев; Триполитания, Мавритания и Египет - спорадически; некоторые южные районы США; Вест-Индия; Гвиана; некоторые районы Бразилии и Перу.

Физические особенности.

Волосы всегда черные, довольно короткие и четкие, вьющиеся или шерстистые, плоские в поперечном разрезе; **цвет кожи** очень темно-коричневый или шоколадный и черноватый, никогда не бывает совсем черным; **череп**, как правило, долихоцефальный (индекс 72); **челюсти** прогнатические; **скулы** довольно маленькие, умеренно выступающие, редко выдающиеся; **нос** очень широкий у основания, плоский, маленький, платирриновый; **глаза** большие, круглые, выдающиеся, черные с желтоватой роговицей; **рост**, обычно высокий, 1.78 м. (5 футов 10 дюймов); **губы** часто опухшие и оттопыренные; **руки** непропорционально длинные; **ноги** стройные с маленькими икрами; **ступни** широкие, плоские, с низким голенищем и пяткой в виде жаворонка.

Психические особенности.

Темперамент чувственный, праздный, импровизированный; вспыльчивый и жестокий, хотя часто ласковый и верный; мало чувства собственного достоинства и самосознания, поэтому легко принимает иго рабства; музыкальный.

Речь, почти везде в агглютинативном состоянии, обычно с суффиксами.

Религия, антропоморфная; духи, наделенные человеческими качествами, в основном злые и более могущественные, чем человек; очень распространены культ предков, фетишизм и колдовство; человеческие жертвоприношения мертвым - обычная черта.

Культура низкая; каннибализм, ранее широко распространенный, возможно, всеобщий, все еще распространен в некоторых регионах; нет ни науки, ни письма; искусства и промышленность ограничиваются в основном сельским хозяйством, гончарным делом, резьбой по дереву, ткачеством и металлургией; нет заметного прогресса нигде, кроме как под влиянием высших рас.

Основные^[129] деления.

Западные суданцы: Волоф; Мандинган; Фелуп; Тимни; Кру; Сьерра-Леоне; Либерия; Тши, Эве и Йоруба; Ибо; Эфик; Боргу; Мосси.

Центральные суданцы: Сонгай; Хауса; Мосгу; Канембу; Канури; Багирми; Йедина.

Восточные суданцы: Маба; Фур; Нуба; Шиллук; Динка; Бари; Абака; Бонго; Мангбатту; Зандех; Момфу; Басе; Бареа.

Негро-кавказский "великий разрыв".

С антропологической точки зрения Африка делится на две отдельные части, в которых на протяжении всего известного времени соседствовали высшее (кавказское) и низшее (негритянское) подразделения человечества. Взаимные вторжения и взаимопроникновения, вероятно, происходили и происходят до сих пор. Однако разница между этими двумя группами настолько заметна, а каждая из них так упорно держится за свои владения, что, несмотря на очень четкие географические границы, этнологическая линия разделения все еще может быть обнаружена. Стираемая в одной или двух точках, а в других отступающая всегда в пользу более высокого деления, она может быть проведена от Атлантического побережья вдоль русла реки Сенегал на восток и север до большого изгиба Нигера у Тимбукту; затем на восток и юг до озера Чад, за которым она проходит почти на восток до Хартума, у слияния Белого и Голубого Нилов.

От этой точки ныне изолированные группы негров (Басе и Бареа) на северном склоне Абиссинского плато показывают, что первоначальная граница сначала продолжалась на восток до Красного моря в Массове или около него. Но в течение многих веков линия, по-видимому, отклонялась от Хартума вдоль Белого Нила на юг до слияния с Собатом, затем непрерывно шла на юго-восток по долине Собата до Альберт-Ньянзы, вверх по Сомерсет-Нилу до Виктория-Ньянзы, а затем со значительным южным изгибом вокруг Масаиланда на восток до Индийского океана на экваторе.

Негритянский домен.

Все земли к северу от этой неровной линии принадлежат к хамито-семитской части кавказской группы, а к югу от нее - к западной (африканской) части улотрихской группы. Во всем этом регионе, который включает в себя весь Судан от Атлантики до Белого Нила, и весь юг Судана, за исключением Абиссинии, Галлы, Сомали и земель масаев, африканский негр, явно отличающийся от других основных групп вышеперечисленными физическими^[130] и умственными качествами, в основном преобладает везде и во многих местах исключительно. Маршрут, по которому он, вероятно, достиг этих межтропических земель, где он может считаться практически коренным жителем, был указан в *Этнологии*, гл. X и XI.

Негритянское происхождение.

Что касается даты этого заселения, то здесь ничего нельзя утверждать однозначно. "История Африки простирается на небольшое расстояние назад, за исключением, конечно, нижней части долины Нила и Римской Африки; в других местах не существует никаких записей, кроме племенных традиций, и те относятся только к очень недавним событиям. Даже археология, которая часто может набросать основные контуры истории народа, здесь практически бессильна из-за недостаточности данных. Правда, каменные орудия палеолитического и неолитического типов спорадически встречаются в долине Нила^[131], Сомалиленде, на Замбези, в Капской колонии и северных районах Свободного государства Конго, а также в Алжире и Тунисе; но этих мест слишком мало и они слишком сильно разделены, чтобы можно было сделать вывод о том, что они каким-либо образом связаны между собой. Более того, там, где находят каменные орудия, они, как правило, находятся очень близко, даже фактически на поверхности земли", и они редко, если вообще когда-либо, встречаются вместе с костями вымерших животных. "Здесь нет ничего, напоминающего регулярную стратификацию Европы, и, следовательно, никакие аргументы, основанные на геологических основаниях, невозможны^[132]." Исключение составляют низовья Нила и Замбези, где настоящие палеолиты были найдены не только на поверхности (что в данном случае не противоречит большой древности), но и в стратифицированном гравии. Орудия палеолитического *типа*, несомненно, встречаются часто, и их можно

сравнить с челлийскими, мустьерскими и даже солютрейскими образцами[133] , но примитивная культура не обязательно является плейстоценовой. Древние формы сохранялись в Египте вплоть до исторического периода, и даже патинирование не является надежным критерием возраста, поэтому до тех пор, пока не будут найдены новые доказательства, вопрос о древности человека в Африке должен оставаться нерешенным .[134]

Сохранение негритянского типа.

И все же с какой-то далекой, пусть и недалекой эпохи специализированный негритянский тип, изображенный на египетских памятниках несколько тысяч лет назад[135] , повсеместно сохраняется с поразительным единообразием. "В пределах этой широкой области черного негра существует удивительно общее сходство типа..... Если бы вы взяли негра с Золотого берега Западной Африки и представили его среди нескольких туземцев Ньясы, и если бы он ничем не отличался от них по одежде или племенным признакам, то его нелегко было бы отличить[136] ."

Две основные секции: суданцы и банту.

Тем не менее значительные различия заметны опытному глазу, и контрасты достаточно заметны, чтобы этнологи рассматривали *суданцев* и *банту* как два разных подразделения семьи. В обеих группах относительно полнокровные аборигены везде очень похожи друг на друга, а контрасты представлены главным образом среди смешанного или негроидного населения. В Судане мешающими элементами являются как хамитские (берберы и туареги), так и семитские (арабы); в то время как в Бантуланде они в основном хамитские (галла) во всех центральных и южных районах, и арабы на восточном побережье от экватора до Софалы за Замбези. В зависимости от пропорций этих компонентов, возможно, и объясняются часто очень заметные различия, наблюдаемые, с одной стороны, между такими суданскими народами, как волоф, мандинганы, хауса, нубийцы, занде[137] , и мангбатту, а с другой - между всеми этими народами и суахили, баганда, зулу-ксоса, бе-чуана, ова-гереро и некоторыми другими негроидными банту.

Контрасты и аналогии.

Но различие основано на социальных, лингвистических и культурных, а также физических основаниях, так что в нынешнем виде суданцы и банту действительно представляют собой две вполне определенные ветви негритянской семьи. Благодаря влиянию Мухаммеда первые достигли гораздо более высокого уровня культуры. Они возделывают не только пищевые, но и хозяйственные растения, такие как хлопок и индиго; строят каменные жилища, обнесенные стенами города, основательные мечети и минареты; основали могущественные государства, такие как Хауса и Сонгай, Гана и Борну, письменные источники которых насчитывают тысячу лет, хотя все эти исторические народы без исключения являются полукровками, в жилах которых зачастую больше семитской и хамитской, чем негритянской крови.

Таких культурных народов нет нигде в Бантуланде, кроме восточного побережья, где "мавры" основали великие города и процветающие торговые центры за много веков до появления португальцев в восточных морях. К результатам торговли золотом с этими прибрежными поселениями можно отнести памятники Зимбабве и другие руины, исследованные Теодором Бентом в горнодобывающих районах к югу от реки Замбези. Но во всех негритянских землях, свободных от иностранного влияния, никогда не развивалась настоящая культура, и здесь часто все еще процветают каннибализм, колдовство и кровожадные "обычаи", или они были недавно подавлены прямыми действиями европейских администраций.

Многочисленные авторитеты описывают негра как непрогрессивного или, если предоставить его самому себе, неспособного к прогрессу в его нынешней физической среде. Сэр Х. Х. Джонстон, который хорошо его знает, идет гораздо дальше и говорит о нем как о прекрасном животном, которое "в своем диком состоянии демонстрирует чахлый ум и скучное довольство своим окружением, что вызывает умственный застой, прекращение всякого восходящего прогресса и даже регрессию к животному состоянию. В некоторых отношениях я думаю, что тенденция негра в течение нескольких столетий была фактически ретроградной[138]."

Суданская и банту языковые области.

Есть один момент, в котором банту несколько необъяснимо выгодно отличаются от суданцев. Во всех других регионах распространение культуры имело тенденцию к языковому единству, как мы видим в эллинском мире, где все старые идиомы были постепенно поглощены "общим диалектом" Византийской империи, в Римской империи, где латынь стала универсальной речью Запада, и, наконец, в мухаммеданских странах, где большинство местных языков почти везде, кроме Судана, исчезли перед арабским, персидским и турецким языками.

Но в Негроленде ситуация обратная, и здесь менее культурное население банту все без исключения говорят на диалектах одного родного языка, в то время как среди полувцивилизованных и диких народов Судана царит величайшая языковая неразбериха.

Хотя язык банту, как полагают некоторые[139], мог возникнуть на севере и распространиться на юг в бассейны Конго, Замбези и Лимпопо, сейчас его нельзя даже отдаленно связать ни с одной из многочисленных форм речи, существующих в суданских владениях. Следовательно, чтобы дать время для его распространения на половине континента, первоначальное движение должно быть отнесено к чрезвычайно отдаленной эпохе, и соответствующий период большой продолжительности должен быть постулирован для глубокого языкового распада, который повсеместно наблюдается в регионе между Атлантикой и Абиссинией. Здесь преобладающим морфологическим строем является агглютинация, как с префиксальными, так и постфиксальными частицами, как в группах мандинганов, фулахов, нубийцев, динканов и мангбатту. Но между истинной агглютинацией и склонениями хамито-семитского типа также наблюдаются все оттенки перехода, как в хауса, канури, канем, даса или южном и теда или северном тибу.[140]

В других местах, особенно в Верхней Гвинее, первоначально агглютинирующие языки развивались по аналогии с тибетским, бирманским, китайским и отоми на других континентах, с соответствующими результатами. Так, языки тши, эве и йоруба, сохранившиеся представители ныне исчезнувшего основного языка, ранее распространенного по всему региону между мысом Пальмас и дельтой Нигера, стали настолько перегружены монослоговыми омофонами (однозвучными монослогами), что для обозначения их различных значений было разработано несколько отличительных тонов, точно как в индо-китайской группе. В языке эве (Невольничий берег) корень *do*, в зависимости от тона, может означать положить, отпустить, рассказать, пнуть, огорчить, присоединиться, изменить, вырасти большим, спать, уколоть или растереть. Фонетический упадок настолько велик, что для выражения довольно простых идей были разработаны новые средства, как, например, в тши (Золотой берег) *addanmu*, комната (*addan house, mu interior*); *akwancherifo*, проводник (*akwan road, cheri to show, fo person*); *ensahtsiabah*, палец (*ensah hand, tsia small, abbah child = hand's-little-child*); но средний палец = "hand's-little-chief" (*ensahtsiahin*, где *ehin chief* занимает место *abbah child*[141]).

"Язык барабанов".

Как для суданцев, так и для банту, особенно в западных пограничных районах (Верхняя Гвинея, Камерун и т.д.), характерен "язык барабанов", который является яркой иллюстрацией музыкальных способностей негра. "Обычно используются два или три барабана, каждый из которых выдает свою ноту, и на них играют либо пальцами, либо двумя палочками. Зрители обычно отбивают время, хлопая в ладоши. Для европейца, чей слух и ум не приспособлены к этой особой способности, ритм барабана не выражает ничего, кроме повторения одной и той же ноты через разные промежутки времени; но для туземца он выражает гораздо больше. Для него барабан может говорить, звуки, издаваемые им, образуют слова, а вся мера или ритм - предложение. Таким образом, когда барабаны роты играют на *ehsádu* [пирушке], они выражают и передают зрителям самые разные значения. В одном ритме они поносят людей из другой роты, клеймя их как глупцов и трусов; затем ритм меняется, и восхваляются доблестные деяния собственной роты. Все это и многое другое передается с помощью ударов барабанов, и туземное ухо и разум, обученные выбирать и интерпретировать каждый удар, никогда не ошибаются. Язык барабанов так же хорошо понятен, как и тот, который они используют в повседневной жизни. У каждого вождя есть свой собственный призыв или девиз, который звучит в определенном ритме его барабанов. Барабаны Аманква Тиа, генерала ашанти, который сражался против нас в войне 1873-4 годов, говорили: *Pĩrĩhũh*, поспеши. Подобные девизы также выражаются с помощью рогов, и совершенно незнакомый с местностью человек может сразу перевести ритм в слова^[142]."

Подобные контрасты и аналогии будут должным образом проиллюстрированы в последующем подробном рассказе о нескольких более представительных суданских группах.

Западные суданцы.

Волофы. На всем протяжении своего среднего и нижнего течения река Сенегал, получившая свое название от берберов Зенага, образует этнический "водораздел" между хамитами и суданскими неграми. Последние представлены здесь волофами, которые вместе с родственными *им джолофами* и *серерами* занимают обширную территорию между реками Сенегал и Гамбия. Независимо от того, означает ли термин "волоф" "говорящие", как будто только они наделены способностью говорить, или "черные" в отличие от соседних "красных" фулахов, оба толкования полностью оправдываются этими сенегамбрийцами, одновременно самыми черными и одними из самых болтливых племен во всей Африке. Их цвет называют "черным деревом", а самих их принято называть "черными из черных". Они также очень высоки даже для негров, а сереры особенно могут претендовать на звание "патагонцев Старого Света": мужчины ростом шесть футов шесть дюймов и пропорционально мускулистые далеко не редкость в прибрежных районах около Сент-Луиса и Дакара.

Примитивная речь волоф.

Их язык, широко распространенный по всей Сенегамбии, можно рассматривать как типичную суданскую форму речи, не похожую ни на какую другую по своей особой агглютинативной структуре и не затронутую даже в словарном составе хамитским языком, который был распространен на протяжении веков на противоположном берегу Сенегала. Примечательной особенностью является так называемый "артикл", всегда постфиксный и подверженный двойной серии модификаций, сначала в соответствии с начальным согласным существительного, для которого существует шесть возможных согласных изменений (*w, m, b, d, s, g*), а затем в зависимости от присутствия, близости, отсутствия и

удаленности объекта, для которого снова существует четыре возможных изменения гласных (*i, u, o, a*), или двадцать четыре в целом, огромная избыточность бесполезных вариантов по сравнению с единственной английской формой *the*. Таким образом, эта прометеевская частица начинается с *b, d* или *w*, чтобы согласоваться с *báye* - отец, *digene* - женщина или *fos* - лошадь, а затем становится *bi, bu, bo, ba; di, du* и т. д.; *wi, wu* и т. д., чтобы выразить присутствие и различную удаленность этих объектов: *báye-bi* = отец-здесь; *báye-bu* = отец-там; *báye-bo* = отец-вдалеке; *báye-bá* = отец-вдалеке.

Все это достаточно любопытно; но важно то, что это, вероятно, дает нам ключ к загадочной аллитеративной системе языков банту, как объясняется в *Ethnology*, p. 273, причем положение, конечно, обратное. Таким образом, как в зулусском языке *in-kose* требует *en-kulu*, так и в волофском *baue* требует *bi, digene di*, и так далее. Есть и другие признаки того, что ныне усовершенствованный банту вырос из аналогичных, но менее развитых процессов, все еще преобладающих в суданских языках.

Примитивная волофская керамика.

Столь же неразвитым является процесс изготовления глиняной посуды у волофов, который наблюдал М. Ф. Регно среди туземцев, привезенных в Париж на выставку 1895 года. Он заметил, как одна из женщин использовала несколько глубокую чашу, стоящую на земле таким образом, чтобы ее можно было легко вращать рукой, тем самым иллюстрируя переход от ручной работы к гончарным изделиям. Размяв комок глины и вложив его в чашу, посыпав бока черной пылью, чтобы предотвратить прилипание, она сделала в массе углубление, увеличила его и прижала к чаше тыльной стороной согнутых пальцев, при этом рука все время оставалась в вертикальном положении. Одновременно с этим чашу вращали левой ладонью, и это движение в сочетании с давлением, оказываемым правой рукой, заставляло бока сосуда подниматься и принимать форму. Когда они достигали достаточной высоты, глину уплотняли, чтобы сделать ободок. Его держали в правой руке и прикрепляли к устью сосуда за счет трения, вызванного повторным вращением чаши левой рукой. Этот переходный процесс часто встречается в Африке. [143]

Религиозные представления.

Большинство волофов исповедуют себя мухаммеданами, остальные - католиками, но в душе все одинаково язычники; только у первых есть амулеты с текстами из Корана, которые они не могут прочитать, а у вторых - медали и скапуляры "семи долуров" или Троицы, которые они не могут понять. Многие старые обряды все еще процветают, домашние боги не забыты, а для ящерицы, самого популярного из опекаемых божеств, ежедневно пополняется привычная чаша с молоком. Таким образом, мы получаем представление о тотемической системе, которая все еще сохраняется в модифицированном виде у бе-чуаны, мандинганов и некоторых других африканских народов, но в основном угасла в Негроленде. Инфантильные идеи, связанные с тотемными знаками растений и животных, остались далеко позади, когда народ, подобный серерам, пришел к такому возвышенному понятию, как Тахар, бог справедливости, или даже более материалистичный Тиурах, бог богатства, хотя к последнему все еще можно обращаться за успехом в гнусных проектах, от которого вряд ли можно ожидать одобрения. Но гармония между религиозной и этической мыслью едва ли еще достигнута даже среди некоторых высших рас.

Группы, культура и промышленность мандинганов.

Мандинганы. Во всем Судане едва ли найдется более многочисленный и распространенный народ, чем мандинганы, которые - с их бесконечными ответвлениями, *кассонке, джаллонке, сонинке, бамбара, вей* и многими другими - занимают большую часть региона между Атлантикой и бассейном Джалибы (Верхнего Нигера), вплоть до юга, около 9° северной широты. В этих пределах часто трудно сказать, кто является, а кто не является членом этой большой семьи, различные ветви которой представляют все переходные оттенки физического типа и культуры между истинными языческими неграми и негроидными суданцами, исповедующими магометанство.

Даже языковое единство существует лишь в ограниченной степени, поскольку многочисленные диалекты основного языка манде часто расходятся настолько, что образуют независимые языки, совершенно непонятные соседним племенам. Однако типичных мандинганов - группу Фейдербе "малинка-сонинке" - можно отличить от окружающего населения по более мягким чертам лица, широкому лбу, крупному носу, более полной бороде и более светлому цвету кожи. Их также отличает трудолюбие и более высокая культура, они мало с кем соперничают как умелые землепашцы, ткачи, работники по производству железа и меди. Таким образом, на западе они занимают примерно то же социальное положение, что и хауса в центральном регионе за Нигером, и французские власти считают, что "им суждено занять все более важное положение в умиротворенном Судане будущего^[144]."

Таким образом, история вершит свое возмездие, ведь сами мандинганы на плато Конг могут с полным основанием утверждать, что, несмотря на свое рабство перед завоевателями-фулахами и нынешнюю готовность принять французское правление, они являются историческим народом с бесславной историей, насчитывающей более 1000 лет, как основатели двух великих империй Мелле и Гвинеи, а также более поздних государств Моасина, Бамбара, Каарта, Конг и других, расположенных в районе водораздела между верховьями Нигера и реками, текущими на юг к Гвинейскому заливу. Здесь находится округ Мандинг, который является первоначальной родиной *Мандинг'ке, то есть "людей Мандинга"*, как их обычно называют, хотя *Манде*, по-видимому, является формой, используемой ими самими^[145]. Здесь же находился знаменитый город Мали или Мелле, от которого группа Верхнего Нигера получила название *Мали'нке*, в отличие от *Сони'нке* на реке Сенегал, *Джало'нке* в Фута-Джаллоне и *Бамана* в Бамбаре, которые являются более важными историческими и культурными группами.

История.

Империи Гвине и Мали.

Согласно туземной традиции и летописям Ахмеда Баба, спасенным от забвения Бартом^[146], первое государство мандингов Гвине (Гана, Ганата), название которого до сих пор сохранилось в расплывчатом географическом термине "Гвинея", восходит к домухаммеданским временам. Предполагается, что Вакаяманга, ее легендарный основатель, процветал за триста лет до начала эпохи Хеджиры, когда уже правили двадцать два короля. Через шестьдесят лет после этого времени арабы-мусульмане или берберы, как говорят, уже достигли Западного Судана, где у них было двенадцать мечетей в Гане, первой столице империи и их главном оплоте до основания Джинни на Верхнем Нигере (1043 г. н.э.).

Два века спустя (1235-60 гг.) центр власти Мандинганов был перенесен в Мали, который при великом царе Манса-Мусе (1311-31 гг.) стал самым могущественным суданским государством, о котором сохранились достоверные сведения. В течение некоторого времени

оно включало в себя почти весь Западный Судан и большую часть западной Сахары, а также государство Сонгай со столицей Гого и Тимбукту. Манса-Муса, который, по словам летописца, "обладал властью без меры и границ", вступил в дружеские отношения с императором Марокко и совершил знаменитое паломничество в Мекку, величие которого до сих пор хранится в памяти мусульманского населения, через земли которого пролегал нескончаемый путь процессии. Ахмед Баба говорит, что он возглавлял 60 000 человек, и везде, где он проходил, его сопровождали 500 рабов, каждый из которых нес золотой посох весом в 500 миткалей (14 фунтов), что в денежном выражении составляло около 4 000 000 фунтов стерлингов (?). Жители Каира и Мекки были ошеломлены его богатством и щедростью; но во время путешествия большая часть его последователей была охвачена болезненным недугом, называемым на их языке *туат*, и это слово до сих пор живет в оазисе Туат, где большинство из них погибло.

Даже после захвата Тимбукту туарегами (1433 г.) Мали долгое время оставалась главным государством Западной Нигритии и вела процветающую торговлю, особенно рабами и золотом. Но это золото все еще должно было поступать из более раннего королевства Гине, которое, следовательно, до сих пор ассоциируется с драгоценным металлом в народных представлениях. Около 1500 года Мали была захвачена сонгайским королем Омаром Аскией, после чего империя распалась на части, и память о ней сохранилась лишь в этническом термине *мали'нке*.

Контрасты между внутренними и прибрежными народами.

Фелупы. От полукцивилизованных мухаммеданских негроидов мандинганов к совершенно диким полнокровным неграм фелупам переход резкий, но поучительный. В других регионах разнородные этнические группы, теснящиеся в долинах возвышенностей, как на Кавказе, называли "зачистками равнин". Но в Западном Судане нет больших горных хребтов, возвышающихся над низменностями, и даже "горы Конг" из школьной географии теперь стерты с лица земли Л. Г. Бингером^[147]. Поэтому грубые аборигены внутреннего плато, отступая перед неуклонным продвижением ислама, не находили убежища, пока не достигли изрезанного фьордами атлантического побережья, где многие из них до сих пор удерживают свои позиции. Именно этим объясняются поразительные контрасты, наблюдаемые сегодня между внутренними районами и многими частями Западного побережья: с одной стороны, мощные политические организации с многочисленным, более или менее однородным и полукцивилизованным негроидным населением, с другой - бесконечный клубок этнических и языковых групп, одинаково копошащихся в жесточайшей дикости или в степенях варварства, еще более худших, чем дикое состояние.

Тип и психические особенности фелупов.

Даже *фелупы*, чья территория сейчас простирается от Гамбии до Качео, а раньше доходила до Гебы и островов Биссагос, не образуют единой группы. Изначально это было название малоизвестного прибрежного племени, но термин фелуп или фулуп был распространен португальскими торговцами на все окружающие народы - аяматов, *джоласов*, *джигушей*, *вакасов*, *джоатов*, *каронов*, *баньюнов*, *банджаров*, *фулунов*, *байотов* и некоторых других, которые при большом местном разнообразии представляли достаточно общее внешнее сходство, чтобы первые европейские поселенцы рассматривали их как единый народ. Собственно фелупы демонстрируют физические и психические характеристики типичного негра даже в преувеличенном виде - черный цвет кожи, плоский нос, широкие ноздри, очень толстые и вывернутые губы, красные на внутренней поверхности, крепкий мускулистый каркас, коррелирующий с грубыми животными страстями, грубое невежество, отсутствие

искусств, промышленности или даже племенной организации, так что каждая маленькая семейная группа независима и в основном находится в состоянии постоянной вражды со своими соседями. Все ходят голыми, вооружены луком и стрелами и живут в бревенчатых хижинах, которые, хотя и крепко построены, неописуемо грязны .[148]

Часто преобладает материнское право, ранг и собственность передаются по женской линии. Существует некое представление о сверхчеловеческом существе, смутно отождествляемом с небом, дождем, ветром или грозой. Но все живут в крайнем ужасе перед знахарем, которого открыто обхаживают, но внутренне ненавидят, так что при первой же возможности все переворачивается, знахаря хватают и пытаются до смерти.

Тимни, кру, сьерра-леонцы, либерийцы. Примерно такие же условия преобладают на всем морском побережье от Сьерра-Леоне до мыса Пальмас и за ним, нарушенные или измененные либерийскими переселенцами с североамериканских плантаций, а также рабами, спасенными в тридцатые и сороковые годы британскими крейсерами и привезенными в Сьерра-Леоне, где их потомки живут теперь в оседлых общинах под европейским влиянием. Этих "цветных" жителей Сьерра-Леоне и Либерии, которые так часто становятся объектом дешевых насмешек и сами, возможно, слишком склонны презирать родственных "негров" из буша, следует тщательно отличать от настоящих аборигенов, которые никогда не были вырваны из своей естественной среды.

В Сьерра-Леоне главными аборигенами на побережье являются *тимни* с реки Рокелле, к северу и югу от которых отходят две ветви *буламов*, а еще дальше к югу - *галлины*, *вейсы* и *голасы*; во внутренних районах - *локко*, *лимба*, *конос* и *кусса*, а во внутренних районах - *куранкос*, *мендис*, *хубус* и другие мандинганы и фулахи.

Верования тимни.

Самыми влиятельными из них во время британской оккупации всегда были тимни (тимани, темне), которые продали англичанам полуостров, на котором сейчас стоит Фритаун, но после этого, расторгнув сделку, неоднократно пытались согнать в море белых и цветных захватчиков. Это крепкий народ смягченного негритянского типа, более трудолюбивые фермеры, чем большинство других туземцев. Как и волофы, они верят в силу как христианских, так и мусульманских амулетов, но до сих пор были глухи к проповедникам обеих религий. Тем не менее протестантские миссионеры тщательно изучают язык тимни, который обладает устной литературой, богатой легендами, пословицами и фольклором .[149]

Западноафриканское масонство.

Район Тимни является главным центром так называемого братства *порро*[150], своего рода тайного общества или масонства, широко распространенного по всему побережью и обладающего собственными символами, кожными знаками, паролями и языком. Оно имеет любопытные аналогии с братствами жителей микронезийских островов, но оказывается еще более могущественным для добра и зла, настоящим религиозным и политическим государством внутри государства. "Когда выдаются их мандаты, все войны и гражданские распри должны прекратиться, устанавливается всеобщее перемирие и прекращается кровопролитие, а нарушителей порядка наказывают отряды вооруженных людей в масках. Чужаки не могут попасть в страну, если их не сопровождает член гильдии, которого узнают по паролям, символическим жестам и тому подобному. Их тайные обряды празднуются по ночам в глубине леса, а всех нарушителей предают смерти или продают в рабство[151]."

Сьерра-Леоне.

Изучая социальные условия, царящие среди собственно сьерра-леонцев, следует помнить, что они произошли не только от представителей почти всех племен морского побережья и даже внутренних районов страны, но и в значительной степени от вольноотпущенников и беглецов из Новой Шотландии и Лондона, а также многих маронов с Ямайки, которые были поселены здесь под эгидой Сьерра-Леонской компании в конце XVIII - начале XIX века. В последние годы сюда также стали прибывать представители тимни и других племен из соседних районов. Таким образом, сьерра-леонцы - это не племя и не народ, а скорее народ, находящийся в процессе формирования под влиянием новой среды и более высокой культуры. Непосредственным следствием такого внезапного скопления разнородных элементов стала утрата всех родных языков и замена их английским в качестве общего средства общения. Но английский - это язык народа, стоящего на самой высокой ступени культуры, и поэтому он не мог быть правильно усвоен *disjecta membra* племен, находящихся на самой низкой ступени социальной лестницы. Получившуюся в результате форму речи можно назвать смехотворной, настолько смехотворной, что сьерра-леонскую версию Нового Завета пришлось изъять из обращения как граничащую почти с богохульством .[152]

Социальные отношения.

Следует также учитывать, что все старые родоплеменные отношения были разрушены, и была предпринята попытка объединить этих бродяг в единую общину, основанную на социальных условиях, для которых каждый из них был совершенно чужим. Поэтому неудивительно, что эксперимент не увенчался полным успехом, а социальные отношения в Сьерра-Леоне оставляют желать лучшего. Хотя вольноотпущенники и спасенные пленники получили бесплатные земельные наделы, их нелюбовь к труду в поле побудила многих отказаться от своих наделов и заняться барышничеством и другими более приятными занятиями. Поэтому их потомки почти монополизировали мелкую торговлю и даже "профессии" во Фритауне и других колониальных поселениях. Хотя их обвиняют в лени и нечестности, они проявляют значительную степень промышленной и коммерческой предприимчивости, а ремесленники Сьерра-Леоне - кузнецы, механики, плотники, строители - пользуются хорошей репутацией во всех городах побережья. Все они - христиане различных конфессий и даже проявляют заметную склонность к "служению". Однако под поверхностью все еще дремлет старое язычество, и до сих пор можно услышать о практиках вуду, как в Вест-Индии и некоторых южных штатах.

Нравственность также находится на низком уровне, и любопытно отметить, что отчасти это объясняется свободой, которой пользовались под британским управлением. "Они перешли из сферы туземного права в сферу британского закона, который принесен в эту молодую общину как готовая одежда. Стоит ли удивляться, что одежда не подходит? Стоит ли удивляться, что короли и вожди по всей Сьерра-Леоне, вместо того чтобы пожелать своим людям приехать и посмотреть, как хорошо у нас все устроено, боятся, чтобы они приезжали в эту колонию из-за опасности для их нравственности? Приезжая в эту колонию, они попадают в условия свободы, которая для них является лицензией[153] ."

Либерийцы.

Эксперимент несколько иного порядка, но с такими же негативными результатами, был опробован благонамеренными основателями Республики Либерия. Здесь также большинство "цивилизованных аристократов" являются потомками освобожденных рабов с плантаций, первая партия которых была привезена филантропическим американским обществом в 1820-22 годах. Идея заключалась в том, чтобы дать им хорошее начало жизни под опекой белых опекунов, а затем оставить их на произвол судьбы, чтобы они сами

искупили свою вину. Соответственно, в 1848 году весь контроль был снят, и с тех пор поселение представляет собой абсолютно независимое негритянское государство, пользующееся полным самоуправлением. Несомненно, был достигнут определенный материальный прогресс. Первоначальное число "свободных граждан" увеличилось с 8000 в 1850 году до, возможно, 20 000 в 1898 году[154], а центральная администрация, созданная по образцу американской, поддерживала определенный порядок среди окружающих аборигенов, которых в пределах республики насчитывается около двух миллионов.

Но эти аборигены не получили ощутимой выгоды от контакта со своими "цивилизованными" соседями, которые в интеллектуальном и моральном плане стоят практически на том же уровне, что и их репатриированные предки. Вместо того чтобы заняться правильным управлением Республикой, "уиджи", как их называют, разделились на две фракции: "цветных", или полукровок, и полнокровных негров, которые, подобно "бланкос" и "нерос" в некоторых южноамериканских государствах, проводят большую часть времени в вечной борьбе за должности. Все они, конечно, горячо патриотичны, но их патриотизм имеет неверное направление, проявляясь главным образом в наглости по отношению к англичанам и другим европейским торговцам на побережье, а также в презрении к "вонючим кустарям", как они называют окрестных аборигенов. В 1909 году внутренние и внешние трудности привели к назначению президентом Рузвельтом комиссии, в результате чего американское правительство взяло на себя управление финансами, военной организацией, сельским хозяйством и пограничными вопросами, а также организовало заем в размере 400 000 фунтов стерлингов. Умелое правление президента Барклая, чистокровного негра, хотя и не либерийского происхождения, является, пожалуй, самым счастливым предзнаменованием для будущего Республики.[155]

Крумен.

Крусы (Kroomen, Krooboys[156]), чьи многочисленные деревушки разбросаны вдоль побережья от Монровии почти до мыса Пальмас, несомненно, один из самых интересных народов во всей Африке. Родом из внутренних районов, они развили в своих новых домах самую неафриканскую любовь к морю, поэтому регулярно нанимаются в экипажи к европейским шкиперам, курсирующим вдоль этих неласковых берегов.

В этой службе, где они известны под такими прозвищами, как "бутылка пива", "картофельное пюре", "пузырь и писк", "трубка табака" и т. п., на их слово всегда можно положиться. Но следует опасаться, что эта лояльность, которая для них является сугубо деловым вопросом, принесла им репутацию других добродетелей, на которые они мало претендуют. Несмотря на то, что они уже много лет находятся в самом тесном контакте с миссионерами и торговцами, в душе они все те же жестокие дикари, что и раньше. После каждого плавания они возвращаются в родную деревню, чтобы потратить все нажитое и награбленное на пьяных оргиях, и впадают в полное варварство до следующего парохода, огибающего соседний мыс. "Неприятно думать, - пишет епископ Ингхэм, чье свидетельство нельзя заподозрить в предвзятости, - глядя на эту толпу на нашей палубе, что, если бы корабль случайно налетел на затонувший камень и стал неуправляемым, они поднялись бы все до одного и захватили бы все, что попадется им под руку, срезали бы с наших пальцев кольца, если они не смогут достать их другим способом, и вообще разграбили бы корабль". Мало что было сделано для христианизации этих интересных, трудолюбивых, веселых, но невежественных и жадных людей, которые так долго висели на задворках цивилизации[157]."

Справедливости ради следует сказать, что эта нелестная картина о кру стоит особняком. "Среди всех, кто побывал в Западной Африке, найдется лишь один человек, который не

отдал бы должное безупречным качествам Крубоя", - говорит мисс Кингсли. Ее мнение совпадает с мнением старых каботажников, основанным на жизненном опыте, и она возмущена неблагодарностью, с которой вознаграждается преданность "Крубоя". "Они посвятили себя нам, англичанам, и они страдали, трудились, сражались, подвергались резне и так далее вместе с нами поколение за поколением. Крубои, действительно, являются опорой для белых в Западной Африке[158] ."

Народы Верхней Гвинеи.

Но самые страшные "зачистки Суданских плато", похоже, собрались на побережье Верхней Гвинеи, занятом уже упомянутыми группами *тши*, *эве* и *йоруба*[159] . Они представляют собой три ветви одной языковой, а возможно, и одной этнической семьи, о которой, в силу ее исторической и этнической важности, читатель может быть рад, что здесь приводится несколько полная табличная схема.

Фольклор ашанти.

Га из дельты Вольты заключены в скобки с *тши*, потому что А. Б. Эллис, наш великий авторитет по гвинейским народам[160] , считает, что эти два языка имеют отдаленную связь. Он также полагает, что в туземных традициях есть основа для фактов, которые приводят доминирующие племена - ашанти, фанти, дахоми, йоруба, бини - из внутренних районов в районы побережья в не очень отдаленный период. Так, о племенах ашанти и фанти, ныне наследственных врагах, говорится, что много веков назад они составляли единый народ, который был доведен до крайнего бедствия во время долгой войны с какой-то внутренней державой, возможно, с завоевателями-мухаммеданами из империи Ганы или Мали. Однако они спаслись, одни поедая растение *шан*, другие - *фан*, и от этих слов с глаголом *ди*, "есть", произошли племенные названия *шан-ди*, *фан-ди*, ныне *ашанти*, *фанти*. Растение *сепириба*, которое, как говорят, ели фанти, до сих пор называется *веером*, когда его готовят.

Племена тши и Га <i>Золотой берег</i>	Племена эве Речь <i>Западное побережье рабов</i>	Племена йоруба Речевые племена <i>Восточное побережье рабов и дельта Нигера</i>
Ашанти	Дахоми	Йоруба[161]
Сафви	Эвеаво	Ибадан
Денкера	Аготин	Кету
Беквай	Анфуэ	Эгба
Нкоранца	Крепе	Джебу
Аданси	Авенора	Ремо
Ассин	Авуна	Оде
Вассау	Агбосоми	Илорин
Аанта	Афлао	Иджеса
Фанти	Атаклу	Ондо
Агона	Крикор	Махин
Аквапим	Генг	Бенин (Бини)
Аким	Атакпами	Каканда

Акваму	Аджа	Вари
Квао	Эвеми	Ибо[161]
Га	Аппа	Эфик[161]

В других преданиях говорится о времени, когда все говорили на одном языке и жили в далекой стране за Салагой, открытой, плоской, с небольшим кустарником и большим количеством скота и овец - довольно точное описание внутренних суданских плоскогорий. Но потом пришел красный народ, говорят, что это были фулахи, мухаммедане, которые угнетали чернокожих и заставили их укрыться в лесах. Здесь они процветали и размножались, и после многих превратностей спускались, спускались, пока наконец не достигли побережья с накатывающими волнами, белой пеной, шипящей и пенящейся на берегу, и думали, что все это кипяток, пока кто-то не потрогал его и не обнаружил, что он не горячий, и поэтому по сей день они называют море *Eh-huru den o nni shew*, "Кипящая вода не горячая", но далеко в глубине страны море по-прежнему "Кипящая вода"[162]."

Фетишизм - его истинная внутренняя суть.

А. Б. Эллису мы особенно обязаны за правдивое объяснение часто используемого и злоупотребляемого термина "*фетиш*" применительно к туземным верованиям. Конечно, уже было известно, что это не африканское, а португальское слово[163], означающее талисман, амулет или даже колдовство. Но Эллис показывает, как оно стало ошибочно применяться ко всем формам поклонения животным и природе, и как путаницу усилила теория де Бросса о первобытном фетишизме и его утверждение, что невозможно представить себе более низкую форму религии, чем фетишизм, который, следовательно, можно считать началом всех религий .[164]

Напротив, он представляет собой скорее продвинутую стадию, как обнаружил Эллис после четырех или пяти лет тщательных наблюдений на месте. Фетиш, говорит он, - это нечто осязаемое и неодушевленное, которое, как считается, само по себе обладает силой, и ему поклоняются только ради него самого. Такой предмет также нельзя подобрать где-нибудь наугад, как это обычно утверждается, и он добавляет, что к этой вере "приходят только после значительного прогресса в религиозных идеях, когда старая форма религии становится вторичной и обязана своим существованием смешению осязаемого с неосязаемым, материального с нематериальным; вере в обитающего бога, которая постепенно теряется из виду, пока сила, изначально принадлежавшая богу, не будет окончательно приписана самому осязаемому и неодушевленному предмету".

Но теперь следует утверждение, которое может показаться парадоксальным для большинства изучающих эволюцию религиозных идей. Нас уверяют, что фетишизм, понимаемый таким образом, не характерен специально или вообще не характерен для религии аборигенов Золотого Берега, которые на самом деле "удивительно свободны от него" и верят в невидимые нематериальные божества. Некоторые из них могут вселяться в осязаемые неодушевленные предметы, которые в народе называют "фетишами"; но идея обитающего бога никогда не теряется из виду, как и предмет, которому поклоняются ради него самого. Истинный фетишизм, поклонение таким материальным предметам и изображениям, напротив, преобладает в гораздо большей степени "среди негров Вест-Индии, которые были христианизированы более полувека назад, чем среди жителей Западной Африки. Поэтому вера в обэа, до сих пор распространенная в Вест-Индии, которая раньше была верой в обитающих духов, населяющих определенные предметы, теперь превратилась в поклонение материальным и неодушевленным предметам, которые, как

считается, сами по себе обладают способностью причинять вред. В самой Европе среди римско-католического населения Юга мы находим свидетельства того, что фетишизм - это скорее разложение прежнего *культа*, чем исконная вера. Низшие слои населения путают нематериальное с материальным и верят, что образы святых можно видеть, слышать и чувствовать. Так, итальянские крестьяне и рыбаки бьют и жестоко обращаются со своими образами, когда их просьбы не выполняются..... Это, по-видимому, случаи настоящего фетишизма[165]."

Поклонение предкам и "обычаи".

Другой фазой религиозных верований в Верхней Гвинее является культ предков, который здесь развит до такой степени, которая неизвестна в других местах. Поскольку усопших необходимо поддерживать в том же социальном положении за могилой, что и в этом мире, они должны быть обеспечены рабами, женами и прислужгой, каждый в соответствии со своим рангом. Отсюда - учреждение так называемых "обычаев", или юбилейных праздников мертвых, сопровождавшихся принесением человеческих жертв, которые регулировались сначала статусом, а затем прихотью и капризом вождей и королей. В столицах более могущественных государств - Ашанти, Дагомея, Бенина - сцены, наблюдаемые во время этих кровавых обрядов, по ужасу соперничали с теми, что устраивались в честь ацтекских богов. Здесь можно обойтись без подробностей на отвратительную тему, о которой широкому читателю доступно множество источников. В любом случае эти зверства не преподносят никакого урока, кроме того, что большинство религий пробираются через кровь к лучшим вещам, если только их не останавливает на полпути вмешательство высших сил, как это случилось в Верхней Гвинее, где человеческие ошметки Кумасси, Абоме, Бенина и большинства других мест теперь сметены.

Бенинские бронзы.

При захвате Бенина англичанами в 1897 году в руки этнологов попал редкий и неожиданный приз. Здесь был найден большой ассортимент резных изделий из слоновой кости, изделий из дерева, и особенно серия из примерно 300 бронзовых и латунных пластин или панелей с фигурами туземцев и европейцев, вооруженных и в доспехах, в полном рельефе, все отлитые по технологии *cire perdue*[166], некоторые варварские, другие, и особенно голова в круге молодой негритянки, демонстрируют высокое художественное мастерство. Многие из этих замечательных предметов находятся в Британском музее, где их изучали К. Х. Рид и О. М. Далтон[167], которые, очевидно, правы, причисляя лучший класс к XVI веку и к помощи, если не к руке, некоторых португальских мастеров на службе у короля Бенина. Они добавляют, что "литье более низкого качества продолжается до настоящего времени", и здесь можно упомянуть, что в мухаммеданских государствах Центрального Судана кавалерия и даже их лошади долгое время носили и продолжают носить доспехи. "Вожди (*Kashelláwa*), которые служат офицерами при султанах [Борну] и выступают в качестве его телохранителей, носят куртки из цепной брони и кирасы из почтовых плащей[168]". Очевидно, что литье металлов в широких масштабах уже давно практикуется полумодернизированными народами Судана.

Мосси.

В большой излучине Нигера завеса, впервые слегка приподнятая Бартом в середине девятнадцатого века, теперь отодвинута Л. Г. Бингером, Ф. Д. Лугардом и более поздними исследователями. Здесь *мосси*, *боргу* и другие народы до сих пор более или менее успешно сопротивлялись наступлению мусульман, и, следовательно, в большинстве своем мало чем

отличаются от дикарей. Даже "правоверные" носят плащ ислама несколько свободно, а об уровне их культуры можно судить по случаю с имамом Диуласу, который приставал к Бингеру с просьбой дать ему нострумы и чары от болезней, войны и несчастий. Больше всего он хотел узнать имена двух жен Авраама . "Скажи мне их, - говорил он, - и моя судьба будет решена, потому что я видел сон этой ночью; ты должен сказать мне; я действительно должен знать эти имена, иначе я пропал[169] ."

В некоторых районах наблюдается значительная этническая путаница, и когда Бингер прибыл ко двору короля мосси, Байкари, к нему обращались поочередно на языках мосси, хауса, сонгаи и фула, пока наконец не выяснилось, что единственным родным языком, который он понимает, является мандинган. Вагадугу, столица главного государства мосси, состоит из нескольких отдельных кварталов, занятых соответственно мандинганами, маренга (сонгаи), занг-вер'ос (хауса), чильмиго (фулахи), мусульманами и язычниками-мосси, а все население едва превышает 5000 человек. Однако здесь царит полная гармония, сами мосси чрезвычайно терпимы, несмотря на долгие религиозные войны, которые им пришлось вести против фанатичных фулахов и других магометанских агрессоров .[170]

Африканские агностики.

Религиозная индифферентность - действительно характерная черта этого народа, и упоминается случай с номинальным мусульманским принцем, который даже умел читать и писать и читать молитвы, но два его сына "ничего не знали", или, как мы должны сказать, были "агностиками". На одного из них, однако, справедливости ради следует добавить, что претендуют обе стороны: мусульмане утверждают, что он читает молитвы втайне, язычники - что он пьет *доло* (пальмовое вино), чего, конечно, не должен делать ни один истинно верующий.

Центральные суданцы.

Общие этнические и социальные отношения.

В Центральном Судане, то есть в регионе, простирающемся от Нигера до Вадаи, аборигены были практически полностью вытеснены, за исключением южной окраины и некоторых районов бассейна Чада. На протяжении многих веков здесь прочно обосновался Ислам, а в Негроленде Ислам - это синоним большей или меньшей степени смешения. Туземные племена, сопротивлявшиеся пламенным арабским, туарегским или тибу прозелитам, в большинстве своем были либо истреблены, либо изгнаны на южные возвышенности, расположенные в районе водораздела Конго и Чада. Все, кто принял Коран, слились с завоевателями в единое негроидное население, которое дало новый материал для развития крупных социальных общностей и мощных политических государств.

В этих условиях старые племенные организации были в значительной степени распущены, и на протяжении всего исторического периода, длившегося около тысячелетия, Центральный Судан оказывается в основном занятым народами, объединенными в небольшое число политических систем, каждая из которых имела свой язык и особые институты, но все одинаково принимали Ислам в качестве государственной религии. Таковыми являются или являлись империя Сонгаи, государства Хауса, королевства Борну с Канемом и Багирми, которые в совокупности охватывают всю территорию Центрального Судана, как было определено выше.

Сонгайский домен.

Сонгайцы[171] . Насколько полностью племя[172] слилось с народом[172], можно судить по тому, что, хотя негроидные сонгаи больше не являются независимой нацией[172], они составляют единую этническую группу, насчитывающую около двух миллионов душ, все говорят на одном языке, исповедуют одну религию и отличаются несколько однородными физическими и умственными качествами. Эта территория лежит в основном на границе между Суданом и Сахарой, простираясь от Тимбукту на восток до оазиса Асбен и вдоль обоих берегов Нигера от озера Дебо до впадения в Сокото, а также в некоторых местах доходя до холмов Хомбори в большой излучине Нигера.

Здесь они находятся в наиболее тесной связи с туарегами ирегнатен ("смешанными"), а в других местах - с другими туарегами, а также с арабами, фулаками или хауса[173] , так что исключительно сонгайские общины теперь встречаются довольно редко. Но основная часть расы по-прежнему сосредоточена в Гурме и в районе между Гобо и Тимбукту, двумя главными городами старой империи Сонгай.

Тип и темперамент Сонгай.

Это явно негроидный народ, имеющий различные оттенки смешения с окружающими хамитами и семитами, но в целом очень глубокого коричневого или черноватого цвета, с несколько правильными чертами лица и особенными длинными, черными и кольчатыми волосами, которые так характерны для негров и кавказцев, как это видно среди трарсов и бракнов Сенегала, беджасов, данакилов и многих абиссинцев региона между Нилом и Красным морем. Барт, которому мы до сих пор обязаны лучшим рассказом об этом историческом народе, описывает их как людей тупого, угрюмого нрава, самых недружелюбных и жестоких из всех народов, которые он посетил в Негроленде.

Происхождение сонгаев.

Египетские теории.

Предположение этого писателя о том, что они, возможно, ранее имели отношения с египтянами[174] , было возрождено в преувеличенной форме М. Феликсом Дюбуа, чьи взгляды получили распространение в Англии благодаря некритическим отзывам о его книге *Timbouctou la Mystérieuse* (Paris, 1897). Но никакой "тайны" в этом вопросе нет. Сонгай - суданский народ, чей исход из Египта - миф, а язык киссура, как его называют, не имеет ни малейшего отношения к какой-либо форме речи, которая, как известно, была распространена в долине Нила[175] . Он также не имеет очевидного родства с какой-либо группой африканских языков. Х. Х. Джонстон считает сонгаев результатом смешения "ливийской части хамитских народов, усиленной берберами (иберами) из Испании" с ранее существовавшим типом фула и негроидами; а также гораздо более раннего общения между фула и неграми .[176]

Записи Сонгай.

Империя Сонгай, как и империя соперничающих Мандинганов, претендует на солидную древность, ее предполагаемый основатель За-эль-Йемени процветал около 680 г. н.э. За Каси, пятнадцатый в преемственности от основателя, был первым мухаммеданским правителем (1009); но около 1326 года страна была уменьшена Мандинганами и оставалась на протяжении четырнадцатого и значительной части пятнадцатого века фактически подвластной империи Мали, хотя Али Киллун, основатель новой династии Сонни, приобрел некоторую независимость около 1335-6 годов. Но политическое господство народа Сонгай датируется лишь 1464 годом, когда Сонни Али, шестнадцатый представитель династии

Сонни, известный в истории как "великий тиран и знаменитый злоумышленник", сбросил иго Мандингана "и изменил весь облик этой части Африки, повергнув на землю королевство Мелле[177]". При его преемнике, Мухаммаде Аскии[178], "возможно, величайшем государе, когда-либо правившем Негролендом[179]", империя Сонгай достигла наибольшего расширения, простираясь от сердца Хаусаленда до побережья Атлантического океана и от страны мосси до оазиса Туат, к югу от Марокко. Хотя Лев Африканский отзываясь о Аскии неблагоприятно, Ахмед Баба описывает его как управляющего подвластными народами "со справедливостью и равенством, обеспечивая благосостояние и комфорт повсюду в границах своих обширных владений и вводя такие институты мухаммаданской цивилизации, которые, по его мнению, могут быть полезны для его подданных[180]".

Аския также совершил паломничество в Мекку с большим великолепом. Но после его правления (1492-1529 гг.) власть Сонгай постепенно ослабевала, и в конце концов в 1591-2 гг. она была свергнута Мулай Хамедом, императором Марокко. Ахмед Баба, местный летописец, был вовлечен в гибель своего народа[181], и с тех пор народ сонгаев распался на части, подчиняясь то хаусам, то фулахам, то туарегам, а с момента оккупации Тимбукту французами (1894) - ненавистным гяурам.

Хаусы - их доминирующее социальное положение.

Хаусы. Во всем, что составляет настоящее величие нации, хауса могут по праву претендовать на первенство среди всех народов Негроленда. Несомненно, в начале девятнадцатого века исторические государства хауса, занимавшие весь регион между Нигером и Борну, были захвачены и уничтожены фанатичными бандами фулахов под предводительством Отмана Дан Фоди. Но хауса, в прямом смысле слова, как и греки, "захватили своих грубых завоевателей[182]", поскольку они даже в значительной степени ассимилировали их физически под свой собственный тип, и национальность хауса под эгидой Великобритании утверждает свое естественное социальное, промышленное и торговое преобладание во всем Центральном и даже в некоторых частях Западного Судана.

Речь и умственные качества хауса.

Иначе и быть не могло, если учесть, что хауса составляют компактную группу из примерно пяти миллионов мирных и трудолюбивых суданцев, живущих частично в многочисленных фермерских хозяйствах среди хорошо обработанных хлопковых, индиговых, бобовых и кукурузных полей, частично в больших обнесенных стенами городах и крупных торговых центрах, таких как Кано[183], Катсена, Якоба, чьи интеллигентные и законопослушные жители исчисляются многими десятками тысяч. Их мелодичный язык, словарный запас которого насчитывает, возможно, 10 000 слов[184], уже давно является основным средством общения по всему Судану от озера Чад до Нигера и за его пределами, и с каждым днем приобретает все большее превосходство среди всего оседлого и торгового населения этих регионов.

Но, несмотря на то, что хаусы предпочитают мирные занятия, они отнюдь не являются женоподобным народом. В значительной степени поступив на британскую службу, они во все времена проявляли боевые качества высокого порядка под началом своих английских офицеров, и заслуженную дань их военной доблести отдали, в частности, сэр Джордж Голди и лейтенант Ванделор[185]. С хауса на своей стороне Англия не должна опасаться соперников на ее благосклонную власть над кишачим населением плодородных равнин и плато Центрального Судана, который в целом является, возможно, самой благоприятной землей в Африке к северу от экватора.

Происхождение хауса.

Согласно национальным традициям, восходящим к не очень отдаленному периоду[186], семь исторических государств хауса, известных как "Хауса бокой" ("семь хаусов"), получили свое название от одноименных героев *Бирама, Дауры, Гобера, Кано, Рано, Кацены* и *Зегзег*, которые, как говорят, произошли от деггаров, берберского племени, поселившегося к северу от Муньо. Из Бирама, первоначального места проживания, раса и ее язык распространились в семь других провинций - *Занфара, Кебби, Нупе (Ниффи), Гвари, Яури, Яриба* и *Коророфа*, которые в презрении называются "Банза бокой" ("семь выскочек"). Все они в совокупности образуют область хауса в самом широком смысле этого слова.

Аутентичная история довольно недавняя, и даже Комайо, считающийся основателем Кацены, датируется лишь приблизительно четырнадцатым веком. Ибрагим Маджи, который был первым мусульманским правителем, относится ко второй половине пятнадцатого века, и с тех пор основные события связаны с войнами фулахов, закончившимися поглощением всех государств хауса в нестабильной империи фулахов Сокото в начале девятнадцатого века. С падением Кано и Сокото в 1903 году британское господство было окончательно установлено на всей территории штатов Хауса, которые теперь называются Северной Нигерией .[187]

Этнические и политические отношения в бассейне Чада.

Канембу; Канури[188]; *Багирми, Мосгу*. Вокруг берегов озера Чад сгруппировались еще три исторических мухаммадских народа: канембу ("люди Канема") на севере, канури из Борну на западе и багирми на юге. Последняя была завоевана султаном Вадаи в 1871 году, а в 1890 году ее захватил Рабах Зобеир, наполовину араб, наполовину негр-авантюрист. Но в 1897 году Эмиль Жантиль[189], французский комиссар округа, передал страну под защиту Франции, хотя французская власть не была прочно установлена до смерти Рабаха и разгрома его сыновей в 1901 году. В то же время Канем перешел под контроль Франции, а вскоре после этого Борну был разделен между Великобританией, Францией и Германией.

В этом регионе этнические отношения значительно сложнее, чем в государствах Хауса. Здесь Ислам столкнулся с большими препятствиями, чем на более открытых западных плато, и многие языческие аборигены смогли удержаться либо на архипелагах озера Чад (*Единас, Кури, Будума*[190]), либо на болотистых урочищах и возвышенностях бассейна Логон-Шари (*Мосгу, Мандара, Макари* и т.д.).

Аборигены.

Ислам и язычество.

Охота на рабов.

Мухаммедане, чья система основана на рабстве, также не хотели заходить слишком далеко в своем религиозном рвении, ведь если обратить всех туземцев, где они смогут найти постоянный приток рабов, ведь те, кто принимает учение Пророка, *ipso facto* имеют право на свободу? Поэтому языческие районы рассматривались и до сих пор рассматриваются как удобные заповедники, счастливые охотничьи угодья, на которые время от времени совершаются набеги, но которые не следует полностью опустошать; их посещают организованные раджи достаточно часто, чтобы поддерживать предложение на внутреннем и внешнем рынках. Эта система, контролируемая самими местными правительствами, уже давно преобладает на пограничных территориях между исламом и язычеством, как мы знаем

от Барта, Нахтигалья и еще одного или двух путешественников, которым с неохотой приходилось сопровождать периодические экспедиции работоторговцев из Борну и Багирми на территории языческого народа мосгу с его многочисленными ответвлениями (*марги, мандара, макари, логон, гамергу, керибина*) и других аборигенов (*беде, нгисем, со, керрикерри, бабир*) на северных склонах водораздела Конго и Чад. Как обычно в таких случаях, здесь много жертв, многие погибли, защищая свои дома или просто по неосторожности, кроме того, были уведены в плен. "В этот день было поймано большое количество рабов, - пишет Барт, - а вечером привели еще много; всего, как говорят, они взяли тысячу, а их было, конечно, не меньше пятисот. К нашему ужасу, не менее 170 взрослых мужчин были безжалостно и хладнокровно зарезаны, причем большей части из них позволили истечь кровью до смерти, а ногу отрезали от тела^[191] ." Вероятно, в то время на рынке был ажиотаж.

Arboreal Strongholds.

Любопытным результатом этих отношений стало то, что в лесистых районах некоторые туземцы вернулись к дендроидному образу жизни, укрываясь во время набегов в ветвях огромных деревьев бомбакса, превращенных во временные опорные пункты. Вокруг вертикального ствола этих лесных гигантов возводится смотровая площадка высотой в грудь, а более высокие горизонтальные ветви, менее подверженные огню врага, поддерживают крепко построенные хижины и склады, где укрываются семьи беглецов со своим имуществом, включая, как уверяет Нахтигаль^[192], домашнюю живность - коз, собак и домашнюю птицу. Во время осады аэриальной крепости, которая часто успешно обороняется, ночью, когда нападения можно не опасаться, спускают длинные легкие лестницы из виш, а запасы воды и провизии таким образом возобновляются из *тайников* или укрытий, расположенных поблизости. В 1872 году Нахтигаль сопровождал хищническую экскурсию в языческие районы к югу от Багирми, когда было совершено нападение на одну из этих крепостей на деревьях. Такие цитадели можно штурмовать только с большими потерями, а поскольку у воинов Габери (Багирми) не было инструментов, способных срубить огромное дерево бомбакс, они довольствовались тем, что время от времени отрывали беднягу и варварски уродовали тела, падающие с нависших ветвей.

Типы и контрасты мосгу.

Некоторые из этих аборигенов уродуют свои лица похожим на диск украшением для губ, которое также модно в Ньяссаленде и даже среди южноамериканских ботокудо. Тип часто сильно различается, и если некоторые из широко распространенных племен мосгу имеют грязно-черный оттенок лица, неприятное выражение, широко раскрытые ноздри, толстые губы, высокие скулы, грубые кустистые волосы и непропорционально длинные ноги, то другие представители той же семьи поразили Барта "красотой и симметрией своих форм и правильностью черт, которые в некоторых из них не имели ничего общего с тем, что называют негритянским типом. Но еще больше меня поразили их цвет лица, который у разных особей сильно отличался: у одних он был глянцево-черным, у других - светло-медным или, скорее, ревеневым, причем промежуточные оттенки почти полностью отсутствовали. В одном доме я наблюдал очень красивую женщину, которая вместе со своим сыном лет восьми-девяти составляла очаровательную группу, вполне достойную руки опытного художника. Форма мальчика ни в чем не уступала прекрасной симметрии самых знаменитых греческих статуй. Его волосы, правда, были очень короткими и завитыми, но не шерстяными. У него, как и у его матери и всей семьи, был бледный или желтовато-красный цвет лица, как у ревеня^[193] ."

Нет никаких намеков на альбинизм, и объяснение таких странных контрастов должно ожидать дальнейшего изучения всей этой пограничной полосы негров и банту, расположенной на границе между бассейнами Чада и Конго. До недавнего времени страна лишь изредка посещалась первопроходцами, которых больше интересовали политические, чем антропологические вопросы.

Культурные народы Центрального Судана.

Записи Канем-Борну.

Из оседлых и более или менее культурных народов бассейна Чада наиболее важными являются *канембу*^[194], которые вносят новый элемент путаницы в этот регион, будучи более близкими по типу и речи к хамитским тибу, чем к неграм, или, по крайней мере, занимая переходное положение между ними; *Канури*, правящий народ в Борну, несколько грубоватой негроидной внешности^[195]; и южные *Багирми*, также определенно негроидные, первоначально предполагалось, что они пришли из районов Верхнего Шари и Белого Нила^[196]. Их цивилизация, такая, какая она есть, развивалась исключительно под мусульманским влиянием, но она никогда не проникала далеко под поверхность. Люди повсеместно крайне грубы и по большей части неграмотны, хотя скудные и не вполне достоверные записи Канем-Борну относятся ко времени Сефа, считающегося основателем монархии около 800 г. н. э. Дуку, второй по происхождению от Сефа, сомнительно упоминается около 850 г. н. э. Хаме, основатель новой династии, процветал в конце XI века (1086-97), а Дунама, один из его преемников, как говорят, распространил свою власть на большую часть Сахары, включая весь Феззан (1221-59). При Омаре (1394-98) произошел развод между Канемом и Борну, и с тех пор последняя страна остается главным центром политической власти в бассейне Чада.

Длинную череду гражданских войн завершил Али (1472-1504), который основал нынешнюю столицу Бирни, а его внук, Мухаммад, довел империю Борну до высшей точки своего величия (1526-45). При Ахмеде (1793-1810) начались войны с фулахами, которые, поставив империю на грань разорения, были наконец свергнуты с помощью народа канем, и с 1819 года Борну правит нынешняя династия Канемиин, которая, хотя и была временно завоевана Рабахом в 1893 году, была восстановлена под британским управлением в 1902 году^[197].

Восточные суданцы.

Ареал обитания негров в Восточном Судане.

Поскольку в отношении выражения "Восточный Судан" существует некоторая путаница, я могу пояснить, что оно имеет совершенно разное значение, в зависимости от того, в каком смысле оно используется - политическом или этническом. В политическом смысле это практически синоним Египетского Судана, то есть всего региона от Дарфура до Красного моря, который находился под управлением или неправильным управлением хедивского правительства до восстания Махди (1883-4) и был возвращен Египту в результате британской оккупации Хартума в 1898 году. В этническом отношении Восточный Судан включает в себя все земли к востоку от бассейна Чада, где преобладает негритянское или негроидное население, то есть Вадаи, Дарфур и Кордофан на западе, долину Нила от границы Египта на юг до Альберт-Ньянзы, оба склона водораздела Нил-Конго (западные притоки Белого Нила и приток Конго Велле-Макуа), наконец, долина Собат с некоторыми негритянскими анклавами к востоку от Белого Нила и даже к югу от экватора (Кавирондо, долина Семлики).

Мабас.

Этнические отношения в Вадаи.

В этом регионе слияние аборигенов с хамитами и арабами, туарегами или тибумусульманами, куда бы они ни проникли, было гораздо менее полным, чем в Центральном и Западном Судане. Так, в Вадаи преобладает народ маба, отчего страну часто называют Дар-Маба ("Мабаленд"), скорее негритянский, чем негроидный, с незначительным примесью чужой крови. В северных районах *зогава*, *гураан*, *баэле* и *булала* тибус держатся в стороне от чернокожих, как и в других местах; *арамки*, как арабов называют в Вадаи. Однако *махамиды* и некоторые другие бедуинские племена живут здесь уже более 500 лет, и именно с их помощью мабы приобрели политическое господство, которым они пользуются с XVII века, когда они уменьшили или изгнали *тинджуров*[198], прежнюю правящую расу, которые, как говорят, были нубийцами родом из Донголы. Именно Абд-эль-Керим, основатель нового мусульманского государства Маба, дал стране ее нынешнее название в честь своего деда *Вадаи*. Его преемник Харуб I перенес резиденцию правительства в Вару, где в 1856 году был убит Фогель. Абешр, нынешняя столица, датируется лишь 1850 годом. За исключением Нахтигаля, который пересек границу в 1873 году, об этой земле и ее жителях ничего не было известно до французской оккупации в конце прошлого века (1899 год). С тех пор эта земля стала известна как место нападения на французскую колонну и гибели ее лидера, полковника Молла, в 1910 году, а также трагического убийства лейтенанта Бойда Александра в начале того же года .[199]

Нубийская проблема.

Нубы. Как и в Вадаи, вторгшееся и коренное население было несовершенно или вовсе не ассимилировано в Дарфуре и Кордофоне, где семиты-мухаммаданцы все еще кичатся своим чистым арабским происхождением[200], и образуют мощные конфедерации. Главные среди них - *баггара* (Ваqqара, "коровьи пастухи"), скотоводы и земледельцы, некоторые из которых смуглые, как самые черные негры, хотя многие из них красивы, с правильными, хорошо очерченными чертами лица. Их арабский язык, как известно, испорчен. Их соперники, *джаалан* (джаалин, джахалин), в основном речные "арабы", - ученое племя, в котором много писцов, а их язык, как говорят, ближе к классическому арабскому, чем к тому, который распространен в Египте. Это главные охотники за рабами в Судане, и знаменитый Зобеир принадлежал к их племени. *Йеманье* в основном занимаются торговлей и ведут свое происхождение из Южной Аравии. *Кабабиш* - самое богатое племя, владеющее верблюдами, возможно, менее загрязненное негритянской кровью, чем любое другое арабское племя в Судане[201]. *Нуба* и *нубийцы* были источником большой путаницы, но последние исследования в этой области, такие как работы К. Г. Селигмана[202] и Х. А. Макмайкла[203], а также публикации Археологического исследования Нубии, проведенного Г. А. Рейснером, помогают прояснить эту проблему. Прежде всего, мы должны избавиться от семьи "нуба-фула", которая была введена Фр. Мюллером и принята некоторыми английскими писателями, но не имеет абсолютно никакого существования. Оба языка, хотя и относятся к агглютинативному суданскому типу, радикально отличаются друг от друга во всех своих структурных, лексических и фонетических элементах, а два народа - в равной степени. Фулахи имеют североафриканское происхождение, хотя в последнее время многие из них в значительной степени ассимилировались со своими чернокожими суданцами. Нуба, напротив, изначально принадлежат к негритянскому племени, имеют волосы обычного негритянского типа и являются одними из самых темнокожих племен Судана, их цвет кожи варьируется от темного шоколадно-коричневого до самого темного оттенка коричнево-черного.

Но для правильного понимания вопроса нужно тщательно избегать путаницы между нубийцами долины Нила и *неграми-нуба*, которые дали свое имя Нубийским горам, Кордофану, где большинство аборигенов (*карго, кулфан, коладжи, тумали, лафофа, элири, талоди*) до сих пор принадлежат к этой связи[203]. Кордофан, вероятно, сам по себе является нубийским словом, означающим "Земля Кордо" (*fán* = араб, *dár* - земля, страна). Существует определенное количество антропологических свидетельств, связывающих нуба с *фурами* и *кара* из Дарфура на западе[204]. Но это другой антропологический тип, который представлен в трех группах *Матокки* (*Кенус*) между Первым катарактом и Вади-эль-Араб, *Махаи* (*Мариси*) между Короско и Вади-Хальфа, у Второго катаракта, и *Донголави* из провинции Донгола между Вади-Хальфа и Джебель Дежа около Мероэ.

Нубийское происхождение и родство.

Эти три группы, все ныне мухаммадане, но ранее христиане, составляют так называемых "нубийцев" европейских писателей, но называют себя *Barabra*, множественное число от *Berberi*, то есть народ берберов, хотя в настоящее время они не простираются так далеко вверх по Нилу, как этот город[205]. Возможно, это "нубаи, живущие на левом берегу Нила в Ливии [Африка], великий народ и т.д.[206]" Страбона; их также можно отождествить с *нобатами*, которые во времена Диоклетиана были поселены, одни в оазисе Харга, другие в долине Нила около Мероэ, чтобы охранять границы империи от вторжений беспокойных блеммеев. Но через некоторое время они, по-видимому, вступили в мирные отношения с хамитами, нынешними беджами, и даже выступили с ними против римлян; но конфедерация была разгромлена Максимином в 451 году, хотя, возможно, не раньше, чем произошли пересечения между нобатами и кавказскими беджами. Затем беджасы ушли в свои старые дома, которые они до сих пор занимают между Нилом и Красным морем над Египтом, а нобатаи, приняв христианство, как говорят, в 545 году, основали могущественное королевство Донгола, которое просуществовало более 800 лет и было окончательно свергнуто арабами в XIV веке, с тех пор нильские нубийцы являются мухаммаданами.

Остается проблема языка, который, как показал Лепсиус[207], лишь незначительно отличается от того, который сейчас бытует среди кордофанских нубийцев. Но это сходство сохраняется только на севере, и теперь доказано, что оно обусловлено иммиграцией берберийцев в Кордофан[208]. Последние исследования показывают, что нуба и барабры, несмотря на это языковое сходство, которое ввело в заблуждение некоторых авторов[209], не должны рассматриваться как представители одной расы[210]. "Нуба - это высокий, крепко сложенный мускулистый народ с темной, почти черной кожей. Они преимущественно мезатицефалы, поскольку, хотя встречаются цефалические индексы ниже 70 и выше 80, почти 60 процентов измеренных людей - мезатицефалы, а остальные - долихоцефалы и брахицефалы в примерно равных пропорциях". Шерсть неизменно шерстистая. Барабра, напротив, имеет легкое или, чаще всего, среднее телосложение, не особенно мускулиста, а цвет кожи варьируется от желтоватого до шоколадно-коричневого. Волосы обычно вьющиеся или волнистые, а могут быть и почти прямыми, а черты лица нередко абсолютно негроидные. "Таким образом, нет никаких сомнений в том, что эти два народа существенно отличаются друг от друга по физическим характеристикам, и то же самое можно сказать о культурной стороне" (стр. 611). Лепсиус отождествил барабров с ваватами, народом, часто упоминаемым в египетских записях, а недавние раскопки членов Археологической службы Нубии показывают их тесную связь с додинастическими египтянами, причем эта связь подтверждается и физическими данными. Поэтому кажется странным неоднократное упоминание на египетских памятниках негров в Нубии, когда, как доказано раскопками, ее жители отнюдь не были неграми или даже откровенно негроидными. Селигман решает эту

проблему следующим образом (стр. 619). По-видимому, существует только одно объяснение, а именно: в какой-то период после Среднего царства страна по соседству со Вторым катарактом стала по сути негритянской и, возможно, оставалась в таком состоянии некоторое время. Затем началось движение в обратном направлении; негры, уменьшившиеся в результате войны, были частично оттеснены великими завоевателями Новой империи; те, кто остался, смешались с египетскими гарнизонами и торговцами, и снова возникла гибридная раса, которая, однако, сохранила язык своих негритянских предков. Хотя Селигман считает вывод о том, что эта раса дала начало непосредственно современным жителям Нубии, "преждевременным" и предполагает дальнейшее смешение с беджа из восточных пустынь, Эллиот Смит признает существенное сходство между однородной смесью египетских и негритянских черт, характеризующих средненилоский народ (современник Средней империи, XII-XVII династии), тип, который "кажется, остается доминирующим в Нубии с тех пор, на протяжении почти 4000 лет^[211]."

Негритянские народы водоразделов Нила-Конго.

До вторжения нубийско-арабских торговцев и налетчиков, которые начали создавать поселения (*зеибы*, огороженные станции) в районах Верхнего Нила выше Хартума примерно в середине XIX века, большая часть водораздела Нил-Конго (притоки Белого Нила и бассейн Велле-Макуа) принадлежала в строгом смысле к негритянским владениям. Суданские племена и даже великие народы, исчисляемые миллионами, веками почти беспрепятственно владели не только главным течением от экваториальных озер до и за перекрестком Собат, но и самой долиной Собат, а также многочисленными юго-западными верховьями Белого Нила, сходящимися у озера Но выше перекрестка Собат. Почти все нильские народы - *шиллуки* и *динки* у впадения Собата, *бари* и *нуэры* в Бахр-эль-Джебеле, *бонго* (*доры*), *ролы*, *голо*, *митту*, *мадис*, *макараки*, *абаки*, *мунду* и многие другие у западных притоков, а также *фундж* из Сенаара - до восстания Махди были подчинены хедивскому владычеству.

Политические отношения.

Та же участь уже постигла или угрожала прежде могущественным народам *момбутту* (*мангбатту*) и *занде*^[212] на землях велле, а также *кредж* и другим, живущим на низких водоразделах бассейнов Нила - Конго и Чада. С тех пор группы велле подчиняются юрисдикции Свободного государства Конго, в то время как политические судьбы нилотских племен отныне должны контролироваться британскими хозяевами нильских земель от Великих озер до Средиземноморья.

Несмотря на то, что нилотские племена относятся к группе собственно негров, лишь немногие из нилотских народов представляют собой почти идеальный тип негров, как, например, жители Верхней Гвинеи и атлантического побережья Западного Судана. Цвет лица в целом менее смуглый, нос менее широкий у основания, губы менее вывернуты (за исключением шиллуков и еще одного-двух народов), волосы менее вьющиеся, долихоцефалия и прогнатизм менее выражены.

Два физических типа.

Помимо более тонких переходных оттенков, обусловленных различными смешениями с хамитами и семитами, можно выделить два четких типа: один - черный, часто очень высокий, с длинными тонкими ногами, длинноголовый (*шиллуки*, *динкас*, *бари*, *нуэры*, *алур*), другой - красноватый или румяный, более плотный и короткоголовый (*бонго*, *голо*, *макараки*, родственные *занде* из региона Уэлл). Не было предложено никакого объяснения их

брахицефалии, которую тем более трудно объяснить, что она не характерна ни для аборигенных негров, ни для вторгшихся хамитских и семитских элементов. Есть ли здесь указание на предполагаемый многими переход между настоящим длинноголовым негром и круглоголовым негрилло, который также имеет коричневатый оттенок и ранее обитал далеко на севере, вплоть до верховьев Нила, как следует из ранних египетских записей (гл. IV.)? Швайнфурт обнаружил, что бонго "едва ли удалены от самого низкого класса брахицефалии[213]", и то же самое в значительной степени относится к занде и их двоюродным братьям макарака, как заметил Юнкер: "Череп также у многих из этих народов приближается к круглой форме, в то время как типичный негр считается длинноголовым[214]". Но так велико разнообразие внешности во всем этом регионе, включая даже "поразительный семитский тип", что этот наблюдатель пришел к выводу, что "шерстяные волосы, общие для всех, на самом деле являются единственной надежной характеристикой негра[215]".

Динка.

Динка - это название группы независимых племен, рассеянных на обширной территории, простирающейся от 300 миль к югу от Хартума до 100 миль от Гондокоро, и достигающей многих миль к западу в провинции Бахр-эль-Газаль. Все эти племена, по словам К. Г. Селигмана[216], называют себя *джиенг* или *дженге*, искаженное арабами в динка; но никакой нации динка не возникло, поскольку племена никогда не признавали верховного вождя, как их соседи, шиллук, и даже не были объединены под властью военного деспота, как зулусы были объединены под властью Чака. Они отличаются друг от друга нравами, обычаями и даже телосложением и часто воюют друг с другом. Одно из наиболее очевидных различий в привычках - между относительно могущественными скотоводами динка и небольшими и сравнительно бедными племенами, которые не имеют скота и почти не обрабатывают землю, но живут на болотах в окрестностях Судда и во многом зависят от рыболовства и охоты на бегемотов. Их деревни, как правило, грязные и дурно пахнущие, построены на земле, которая лишь немного возвышается над покрытой тростником поверхностью страны. Община динка в значительной степени автономна под руководством вождя или старосты (*баин*), который иногда является просто местным волшебником, но в одной общине каждого племени он является наследственным создателем дождя, чье желание является законом. "Скот составляет экономическую основу общества динка; ... он является валютой, в которой выплачиваются выкуп за невесту и кровные штрафы; а желание завладеть стадами соседа является общей причиной межплеменных набегов, которые составляют войну динка".

Языковые группы.

Похоже, что среди языков нило-вельских земель преобладает определенное единообразие, и на основе довольно скудных материалов, собранных Юнкером, Фр. Мюллер смог составить "Экваториальную языковую семью", включающую мангбатту, занде, бармбо, мади, бангба, кредж, голо и другие языки по обе стороны водораздела. Лео Рейниш, однако, не был убежден в этом и в письме, адресованном автору, заявил, что "в отсутствие предложений невозможно определить грамматическую структуру мангбатту и других языков. В то же время мы можем обнаружить определенные отношения не к нилотским, а к языкам банту. Поэтому можно сделать вывод, что мангбатту и другие языки имеют довольно близкое отношение к банту, и даже могут быть отдаленно с ним сродни, судя по их склонности к префиксальным образованиям[217]". Будущие исследования покажут, насколько оправдана эта гипотеза.

Ментальные качества.

Хотя ислам добился значительных успехов, на большей части суданского региона, хотя и не среди нилотских племен, основная масса людей все еще остается практически язычниками. Среди экваториальных народов по-прежнему процветает колдовство, а важные события почти повсеместно сопровождаются кровавыми обрядами. Среди истинных нилотиков они отсутствуют. Динка - тотемисты, с культом предков. У шиллуков существует культ божественных царей.

Каннибализм.

Каннибализм, однако, в самых отвратительных формах, преобладает у зандехов, которые торгуют человеческим жиром как универсальным предметом торговли, и у мангбатту, которые сохраняют для будущего использования тела убитых в бою и "гонят перед собой пленников, как мясники гонят овец на бойни, и те остаются только для того, чтобы в более поздний день стать жертвами их ужасной и тошнотворной жадности[218]."

Зона каннибалов.

Фактически здесь мы вступаем в настоящую "зону каннибалов", которая, как я уже показывал, в прежние века была распространена по всей Центральной и Южной Африке, или, правильнее было бы сказать, по всему континенту[219], но в последнее время в основном ограничивается "регионом, простирающимся на запад и восток от Гвинейского залива до западных верховьев Белого Нила, и ниже экватора на север в направлении Адамавы, Дар-Банды и Дар-Фертита. Везде, где исследователи проникали в этот наименее известный регион континента, они находили эту практику полностью устоявшейся, не просто как религиозный обряд или привилегию священников, но как признанный социальный институт[220]."

Искусство и промышленность.

Тем не менее, многие из этих народов-каннибалов, особенно мангбатту и занде, являются искусными земледельцами и с большим успехом занимаются некоторыми полезными отраслями промышленности, такими как выплавка и литье железа и меди, ткачество, гончарное дело и резьба по дереву. Форма и орнамент их посуды демонстрируют настоящий художественный вкус, а закалка их железных орудий часто превосходит импортные европейские изделия. И здесь снова было сделано наблюдение, что племена, наиболее пристрастные к каннибализму, также отличаются умственными качествами и физической энергией. Не чужды им и более тонкие чувства человеческой натуры, а среди окружающих народов антропофагов занде отличает уважение и преданность к своим женщинам и детям.

Высокая оценка изобразительного искусства.

В одном отношении все эти народы демонстрируют более высокую степень интеллекта даже по сравнению с арабами и хамитами. "Мой более поздний опыт, - пишет Юнкер, - выявил замечательный факт, что некоторые негритянские народы, такие как ниям-нияма, мангбаттус и бантус из Уганды и Уньоро, демонстрируют удивительное понимание фигурных иллюстраций или изображений пластиковых предметов, чего, как правило, не наблюдается у арабов и арабизированных хамитов Северо-Восточной Африки. Так, вождь племени уньоро, Рионго, расставлял фотографии по местам и мог определить принадлежность портретов негров к племенам шули, ланго или другим, о которых он был лично осведомлен. Это я назвал замечательным фактом, потому что он свидетельствует о наличии у низших рас природной способности к наблюдению, способности распознавать то, что для многих арабов или египтян высокого ранга было безнадежной загадкой. Египетский паша в Хартуме

никак не мог понять, как на человеческом лице в профиль можно увидеть только один глаз и одно ухо, и он принял портрет модной парижской дамы в чрезвычайно низком платье за портрет бородатого загорелого американского морского офицера, который показал ему фотографию[221]. " Из этого можно сделать вывод, что среди мусульманских народов всякое чувство пластического, фигуративного или живописного искусства было подавлено предписанием Корана, запрещающим изображать человеческую форму в любом виде.

Чувство юмора.

Народы велле проявляют себя истинными неграми в обладании еще одним и более ценным качеством - чувством юмора, хотя это, вероятно, качество, которое появляется в жизни расы поздно. Как бы то ни было, это ярко выраженная негритянская черта, которую Юнкер смог с пользой применить во время строительства своей знаменитой станции *Лакрима* в стране Ндорума. "Во время всего этого я снова заметил, насколько негры во многих отношениях похожи на детей. За работой они, казалось, были одушевлены каким-то детским чувством чести. Они радовались похвале, хотя даже хмурый взгляд или слово упрека могли возбудить их веселье. Так, например, громкий смех раздавался после контраста между хорошей и плохой работой. Как дети, они показывали друг на друга пальцем презрения[222]. "

Однажды утром Ндорума, услышав, что они снова приступили к работе, приказал бить в большой военный барабан, после чего они бросились к оружию и собрали со всех сторон огромные силы. Но обнаружив, что никакого врага, против которого можно было бы выступить в поход, нет и что их вызвали только для того, чтобы возобновить работу на станции, они получили огромное удовольствие от этой шутки и после общего взрыва смеха над тем, как их провели, отложили оружие и бодро вернулись к работе. Некоторые английские надсмотрщики уже обнаружили, что эту особенность можно использовать гораздо эффективнее, чем жестокий курбаш. Этнология может преподать немало подобных уроков.

ССЫЛКИ:

[129] Предварительную классификацию африканских племен см. в Т. А. Joyce, Art. "Африка: Ethnology," *Ency. Brit.* 1910, p. 329.

[130] Графически суммируется в классическом описании негров:

"Afra genus, totâ patriam testante figurâ,
Torta comam labroque tumens, et fusca colorem,
Pectore lata, jacens mammis, compressor alvo,
Cruribus exilis, spatiosâ prodiga plantâ".

[131] См. H. R. Hall, papers and references in *Man*, 19, 1905.

[132] Т. А. Джойс, "Африка: Ethnology," *Ency. Brit.* 1910, I. 327.

[133] J. P. Johnson, *The Prehistoric Period in South Africa*, 1912.

[134] См. H. H. Johnston, "A Survey of the Ethnography of Africa," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913.

[135] Скелет, найденный Хансом Реком в Олдоуэе в 1914 году и признанный им плейстоценовым, имеет все типичные негритянские черты, включая подпиленные зубы,

характерные для восточноафриканских негров в настоящее время, но геологические доказательства несовершенны.

[136] Н. Н. Johnston, *British Central Africa*, 1897, p. 393.

[137] Зандех - название, обычно даваемое группам племен, родственных нилотикам, но, вероятно, с элементом фула, к которым относятся *азандех* или *ниам-ниам*, *макарака*, *мангбатту* и многие другие. Ср. Т. А. Joyce, *loc. cit.* p. 329.

[138] *British Central Africa*, p. 472. Но об африканском менталитете см. R. E. Dennett, *At the Back of the Black Man's Mind*, 1906, и A. G. Leonard, *The Lower Niger and its Tribes*, 1906.

[139] Теории миграций банту см. в Н. Н. Johnston, *George Grenfell and the Congo*, 1908, и "A Survey of the Ethnography of Africa", *Journ. Roy. Anthr. Soc.* XLIII. 1913, p. 391 ff. Также F. Stuhlmann, *Handwerk und Industrie in Ostafrika*, 1910, p. 138, f. 147, с картой, Pl. 1. В. О дате см. с. 92.

[140] Наблюдается даже тенденция к полисинтезу, как в вейском, так и в йоруба, где бог оспы *Шакпанна* состоит из трех элементов *shan* - штукатурить, *kpa* - убивать и *enja* - человек = тот, кто убивает человека, штукатуря его (пустулами).

[141] Нилотские языки в значительной степени являются тоническими.

[142] A. B. Ellis, *The Tshi-speaking Peoples*, etc., 1887, pp. 327-8. Только одному европейцу, герру Р. Бетцу, долгое время проживавшему среди дуала в районе Камерунс, удалось овладеть языком барабанов; он утверждает, что понимает почти все, что барабанят, и сам умеет барабанить. (*Athenæum*, May 7, 1898, p. 611.)

[143] Ср. Н. S. Harrison, *Handbook to the cases illustrating stages in the evolution of the Domestic Arts*. Часть II. Музей и библиотека Хорнимана. Форест-Хилл, С.Э.

[144] E. T. Hamy, "Les Races Nègres", in *L'Anthropologie*, 1897, p. 257 sq.

[145] "Chaque fois que j'ai demandé avec intention à un Mandé, "Es-tu Peul, Mossi, Dafina?" il me répondait invariablement, "Je suis Mandé. Вот почему в ходе моих отношений я всегда называл этот народ по имени *Манде*, которое является его настоящим именем". (L. G. Binger, *Du Niger au Golfe de Guinée*, 1892, Vol. II. p. 373.) На с. 375 этот авторитет приводит следующие подразделения семьи Манде, названные по их соответствующему *tenné* (идол, фетиш, тотем):

1. *Бамба*, крокодил: *Баммана*, а не *бамбара*, что означает кафир или неверный, и применяется только к немусульманским группам манде.
2. *Мали*, бегемот: *Мали'нке*, включая кагоров и тагвас.
3. *Сама*, слон: *Сама'нке*.
4. *Са* - змея: *Са-мокхо*.

В каждой из них есть несколько подгрупп, в то время как окружающие народы называют их всех вместе *Вакоре*, *Вангара*, *Сахерси* и особенно *Диула*. Внимание к этому моменту избавит читателя от путаницы при обращении к Барту, Кайе и другим ранним книгам о путешествиях.

[146] *Путешествия*, том IV. p. 579 sqq.

[147] "La chaîne des Montagnes de Kong n'a jamais existé que dans l'imagination de quelques voyageurs mal renseignés", *Du Niger au Golfe de Guinée*, 1892, I. p. 285.

[148] Bertrand-Bocandé, "Sur les Floups ou Féloups", in *Bul. Soc. de Géogr.* 1849.

[149] Полный отчет об этой литературе можно найти в ценном труде преподобного К. Ф. Шленкера "Собрание преданий, басен и пословиц темне", Лондон, 1861. Здесь дается любопытное объяснение названия племени: от *o-tem* - старик и *lé* - сам, потому что, как говорят, народ темне будет существовать вечно.

[150] Существует также сестринский союз - *бондо*, и эти два общества настолько гармонично работают, что любой человек, исключенный из одного, исключается и из другого.

[151] Reclus, Keane's English ed., XII. p. 203.

[152] "Да Нджое Завет, переведенный на негритянский английский язык миссионерами Юнитас Фратрум", Брит. и Фор. Bible Soc., London, 1829. Вот пример, процитированный Эллисом из "Ремесленника Сьерра-Леоне", 4 августа 1886 г.: "Те, кто живет в домах с потолком, любят слышать стук дождя над головой; а те, чьи дома протекают, становятся предметом беспокойства и тревоги, не говоря уже о шансах простудиться, *которые так часто возникают из-за протекающих крыш*".

[153] Преподобный Э. Г. Ингхэм (епископ Сьерра-Леоне), *Сьерра-Леоне после ста лет*, Лондон, 1894, стр. 294. Ср. Н. С. Lukach, *A Bibliography of Sierra Leone*, 1911, и Т. J. Alldridge, *A Transformed Colony*, 1910.

[154] Однако этот прирост, по-видимому, обусловлен постоянной иммиграцией из южных штатов, без которой собственно либерийцы вымерли бы или влились в окружающее туземное население.

[155] Х. Х. Джонстон, *Либерия*, 1906 г.

[156] Возможно, английское слово "crew", но более вероятно, что это распространение названия племени *краох*, живущего недалеко от Сеттра-Кру, на всю группу.

[157] *Сьерра-Леоне после ста лет*, стр. 280.

[158] Mary H. Kingsley, *Travels in West Africa*, 1899, pp. 54-5.

[159] После установления британской власти в Нигерии (1900-1907 гг.) на этнологические проблемы было брошено много света. См. среди прочих работ С. Partridge, *The Cross River Natives*, 1905; A. G. Leonard, *The Lower Niger and its Tribes*, 1906; A. J. N. Tremearne, *The Niger and the Western Sudan*, 1910, *The Tailed Head-Hunters of Nigeria*, 1912; R. E. Dennett, *Nigerian Studies*, 1910; E. D. Morel, *Nigeria, its People and its Problems*, 1911, а также антропологические отчеты N. W. Thomas, 1910, 1913, и статьи J. Parkinson в *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVI. 1906, XXXVII. 1907.

[160] Заслуги этого выдающегося сотрудника перед африканской антропологией заслуживают самого полного признания, тем более что богатые материалы, собранные в его классических работах "Народы, говорящие на языке тши" (1887), "Народы, говорящие на языке эве" (1890) и "Народы, говорящие на языке йоруба" (1894), были использованы несколько свободно и без должного признания.

[161] Н. В. Томас относит йоруба, эдо, ибо и эфик к четырем основным группам западносуданской языковой группы. "В группах эдо и ибо люди, находящиеся на расстоянии всего нескольких миль друг от друга, не могут общаться из-за различий в языке" (с. 141). *Антропологический отчет об ибоязычных народах Нигерии*, часть 1. 1913.

[162] *The Tshi-speaking Peoples*, p. 332 sq.

[163] *Feitiço*, откуда также *feiticeira*, ведьма, *feiticeria*, колдовство, и т.д., все от *feitiço*, искусственный, рукотворный, от лат. *facio* и *factitius*.

[164] *Du Culte des Dieux Fétiches*, 1760. Обычно считается, что это слово было изобретено или, по крайней мере, впервые введено де Броссом; но Эллис показывает, что это тоже ошибка, поскольку оно уже было использовано Босманом в его "*Описании Гвинеи*", Лондон, 1705.

[165] *The Tshi-speaking Peoples*, Ch. XII. p. 194 и *passim*. См. также R. H. Nassau, *Fetichism in West Africa*, 1904.

[166] То есть с восковой формы, разрушенной при литье. После операции детали часто заполнялись чеканкой или выполнялись в технике *петуши*.

[167] "Произведения искусства из города Бенин", *Journ. Anthr. Inst.* February, 1898, p. 362 sq. См. H. Ling Roth, *Great Benin, its Customs, etc.*, 1903.

[168] A. Featherman, *Social History of Mankind*, The Nigritians, p. 281. См. также Reclus, French ed., Vol. XII. p. 718: "Les cavaliers portent encore la cuirasse comme au moyen âge..... Les chevaux sont recouverts de la même manière". В мифических преданиях Буганды также упоминаются свирепые воины вакеди, облаченные в "железные доспехи" (гл. IV.). Ср. L. Frobenius, *The Voice of Africa*, II. 1913, pl. p. 608.

[169] *Du Niger au Golfe de Guinée*, 1892, I. p. 377.

[170] В начале XIV века они были достаточно сильны, чтобы перенести войну в лагерь противника и совершить не одну успешную экспедицию против Тимбукту. В настоящее время могущество мосси идет на спад, а их территория разделена между британскими и французскими суданскими владениями.

[171] Также *Сонрхай*, *gh* и *rh* взаимозаменяемы по всей Северной Африке; *Ghat* и *Rhat*,

Ghadames и *Rhadames*, и т.д. В устах араба это гортанный звук *ghain*, который берберы и негры произносят примерно как нортумберлендский *бурр*, поэтому в несемитских словах он обычно транслитерируется как *rh*.

[172] Следует отметить, что эти термины используются в строгом соответствии с определением, данным в *Eth.* Ch. I.

[173] Рассказ Барта о Вулу (IV. стр. 299), "населенном рабами-тавареками, которые *говорят на трех языках*: темашитском, сонгайском и фульфульде", в настоящее время в целом применим *mutatis mutandis* к большинству поселений Сонгай.

[174] Поскольку в этой связи так много говорилось об авторитете Барта, нелишне будет привести его точные слова: "Похоже, что в более древние времена они (сонгаи) получили несколько институтов от египтян, с которыми, я не сомневаюсь, они поддерживали связь через энергичных жителей Ауджила с относительно древнего периода" (IV. p. 426). Таким образом, Барт привозит из Египта не сам народ и не его язык, а лишь некоторые из его институтов, и то опосредованно, через оазис Ауджила в Киренаике, и можно добавить, что это взаимодействие с Ауджилой, по-видимому, датируется лишь примерно 1150 г. н. э. (IV. p. 585).

[175] Hacquard et Dupuis, *Manuel de la langue Soñgay, parlée de Tombouctou à Say, dans la boucle du Niger*, 1897, *passim*.

[176] "Обзор этнографии Африки", *Journ. Roy. Anthr. Soc.* XLIII. 1913, p. 386.

[177] Barth, IV. pp. 593-4.

[178] Искья Льва Африканского, который говорит нам, что в его время "язык, называемый сунгайским", был распространен даже в провинциях Валата и Джинни (VI. гл. 2). Однако к этому утверждению, как и к другим, сделанным Лео из вторых рук, следует относиться с осторожностью. В этих районах на сонгайском языке, возможно, говорили чиновники и некоторые представители высших классов, но вряд ли народ в целом, который говорил на мандинганском.

[179] Barth, IV. p. 414.

[180] *Ib.* p. 415.

[181] Увезен в плен в Маракеш, хотя позже был возвращен в свой любимый Тимбукту, чтобы закончить свои дни в увековечивании былой славы народа Сонгай; единственный негроидный литератор, чье имя занимает достойное место рядом с именами Льва Африканского, Ибн Халдуна, Эль Тунси и других хамитских писателей.

[182]

"Graecia capta ferum victorem cepit, et artes
Intulit agresti Latio". Hor. *Epist.* II. 1, 156-7.

Эпитет *agrestis* особенно применим к грубым пастухам фула, которые были почти варварами по сравнению с оседлым, трудолюбивым и даже культурным населением хауса, и чье деспотическое правление наконец-то было ослаблено благодаря вмешательству Англии в земли Нигер-Бенуэ.

[183] "В одном из их городов, Кано, находится, вероятно, самая большая рыночная площадь в мире, где ежедневно бывает от 25 000 до 30 000 человек. В этом же городе есть, что в центральной Африке еще более удивительно, около тридцати или сорока школ, в которых детей учат читать и писать" (Rev. C. H. Robinson, *Specimens of Hausa Literature*, University Press, Cambridge, 1896, p. x).

[184] См. C. H. Robinson, *Hausaland, or Fifteen Hundred Miles through the Central Soudan*, 1896; *Specimens of Hausa Literature*, 1896; *Hausa Grammar*, 1897; *Hausa Dictionary*, 1899. Власти не определились, относить ли хауса к семитской или хамитской семье, или к самостоятельной группе, и надо признать, что некоторые его особенности крайне озадачивают. В то время как суданский негритянский по фонологии и, возможно, по большинству корней слов, он является хамитским по своим грамматическим особенностям и местоимениям. Но хамитский элемент, как полагают эксперты, в равной степени является кушитским или даже коптским, как и ливийским. "В целом, кажется вероятным, - говорит Х. Х. Джонстон, - что речь хауса сформировалась под двойным влиянием: из Египта и хамитской Нубии, а также ливийских переселенцев из-за Сахары". "A Survey of the Ethnography of Africa," *Journ. Roy. Anthr. Soc.* XLIII. 1913, p. 385. Ср. также Julius Lippert, "Über die Stellung der Hausasprache", *Mitteilungen*

des Séminärs für Orientalische Sprachen, 1906. Примечательно, что хауса - единственный язык в тропической Африке, который был переведен на письменность самими аборигенами.

[185] *Кампания на Верхнем Ниле и Нигере*, лейтенант Сеймур Ванделор, с предисловием сэра Джорджа Голди, 1898. "В лагере, - пишет лейтенант Ванделор, - их поведение было образцовым, а грабежи и жестокое обращение с туземцами были неизвестны. Что касается их боевых качеств, то достаточно сказать, что, будучи немногим более 500 человек (во время экспедиции в Биду в 1897 году), они в течение двух дней противостояли 25 000 или 30 000 врагов; что, будучи бывшими рабами фулахов, они победили своих страшных хозяев" и т. д.

[186] Хроника Кане, переведенная Х. Р. Палмером, *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVIII. 1908 г., приводит список царей хауса (сарки), начиная с 999 г. н.э.

[187] Ссылки на новейшую литературу см. в примечании на с. 58. Также R. S. Rattray, *Hausa Folk-lore*, 1913; A. J. N. Tremearne, *Hausa Superstitions and Customs*, 1913, и *Hausa Folk-Tales*, 1914.

[188] По распространенной этимологии это *Ка-Нури*, "люди света". Но, поскольку они являются несколько вялыми мухаммеданами, ревностные фулахи говорят, что это должно быть *Ка-Nari*, "Люди огня", т.е. обреченные на Геенну!

[189] E. Gentil, *La Chute de l'Empire de Rabah*, 1902.

[190] Будума, которые по легенде происходят от фулахов, на которых они похожи по телосложению, поклоняются дереву *каррака* (разновидность акации). P. A. Talbot, "The Buduma of Lake Chad", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLI. 1911. Антропология этого региона в последнее время рассматривается в "*Научных документах миссии Тильо*" (1906-9), *Французская республика, Министерство колоний*, том III. 1914; R. Gaillard and L. Poutrin, *Étude anthropologique des Populations des Régions du Tchad et du Kanem*, 1914.

[191] III. p. 194.

[192] *Сахара и Судан*, II. p. 628.

[193] II. стр. 382-3.

[194] Это "канем-мены", постфикс *bu, be*, как в *Ti-bu, Ful-be*, отвечающий бантускому префиксу *ba, wa*, как в *Ba-Suto, Wa-Swahili* и т.д. Здесь, возможно, обнаруживается связь между суданской, теда-даза и банту языковыми группами. Перенос агглютинированных частиц не представляет трудностей; ср. умбрийский и латинский языки (*Eth.* p. 214). Канембу описаны Тильо, который исследовал бассейн Чада в 1906-9 гг. Его отчеты были опубликованы в 1914 году. *République Française Ministère des Colonies, Documents Scientifiques de la Mission Tilho* (1906-9), Vol. III. 1914.

[195] Барт рисует яркую картину контрастов, физических и ментальных, между народами канури и хауса: "Здесь мы покинули Хаусу с ее прекрасной и красивой страной, веселым и трудолюбивым населением. Примечательно, какая разница существует между характером ба-хауса и канури: первые живые, энергичные и веселые, вторые - меланхолические, унылые и жестокие; та же разница видна и в их физиономиях: у первых в целом очень приятные и правильные черты лица, более изящные формы, в то время как канури с его широким лицом, широкими ноздрями и крупными костями производят гораздо менее приятное впечатление, особенно женщины, которые очень просты и, безусловно, одни из самых уродливых во всей Негролендии" (II. pp. 163-4).

[196] См. Nachtigal, II. p. 690.

[197] Из современной литературы см. книгу леди Лугард "*Тропическая зависимость*", 1905 г., и ссылки, примечание 3, с. 58.

[198] Это тот же народ, что и *тунджуры* (*тунзеры*) в Дарфуре, относительно этнического положения которых до сих пор существуют большие сомнения. Как ни странно, сами они утверждают, что они арабы, и это утверждение допускается их соседями, хотя они и не являются мухаммаданами. Лежан считает их тибу с северо-запада, а Нахтигаль, встретивший некоторых из них далеко на западе, в Канеме, заключил по их внешнему виду и речи, что они действительно арабы, осевшие в этой стране на сотни лет (*op. cit.* II. p. 256).

[199] А. Н. Keane, "Wadai", *Travel and Exploration*, July, 1910; и Н. Н. Johnston, о лейтенанте Бойде Александре, *Geog. Journ.* от того же числа.

[200] Х. А. Макмайл проанализировал значение этих расовых утверждений в случае с кабабишами и указал на вероятную примесь негритянских, средиземноморских, хамитских и других штаммов в суданских арабах. Он говорит: "Среди более оседлых племен любой важный шейх или факи может представить таблицу своих предков (*т.е. нисбу*) в поддержку своих утверждений..... Я спросил одного деревенского шейха, может ли он показать мне свою родословную, поскольку я не знал, от кого из возвышенных источников его племя ведет свое происхождение. Он ответил, что пока не знает, но что за месяц до этого его деревня выписала 60 пиастров, чтобы нанять факи для составления *нисбы* для них, и что он покажет мне результат, когда она будет закончена." "Кабабиш: Некоторые замечания по этнологии суданского арабского племени", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910, p. 216.

[201] См. типы Кабабиш, Pl. XXXVII в работе К. Г. Селигмана "Некоторые аспекты хамитской проблемы в англо-египетском Судане", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, но см. также p. 626 и n. 2.

[202] "Физические особенности нуба из Кордофана", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910, "Некоторые аспекты хамитской проблемы" и т. д., *том. cit.* XLIII. 1913.

[203] См. Н. А. MacMichael, *The Tribes of Northern and Central Kordofán*, 1912.

[204] См. А. W. Tucker и С. S. Myers, "A Contribution to the Anthropology of the Sudan", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910, p. 149.

[205] Этот термин, однако, некоторые авторитеты отождествляют с *барабарами*, одним из 113 племен, запечатленных в надписи на воротах Тхутмеса, которым они были покорены около 1700 г. до н. э. В более поздней надписи Рамсеса II в Карнаке (1400 г. до н. э.) встречается форма *Бераберата*, название южного народа, покоренного им. Поэтому Бругш (*Reisebericht aus Ägypten*, pp. 127 и 155) склонен считать современное *Barabra* настоящим этническим именем, спутав его в классические времена с греческим и римским *Barbarus*, но возрожденным в своем собственном смысле после мусульманского завоевания. См. также редакционное примечание о термине "*бербер*" в новом английском издании Leo Africanus, Vol. 1. p. 199.

[206] Ἐξ ἀριστερῶν δὲ ῥύσεως τοῦ Νεῖλου Νοῦβαι κατοικοῦσιν ἐν τῇ Λιβύῃ, μέγα ἔθνος, etc. (Book XVII. p. 1117, Oxford ed. 1807). Поэтому Сайс совершенно ошибается, утверждая, что Страбон знал только об "эфиопах", а не о нубийцах, "обитающих на севере вдоль берегов Нила вплоть до Элефантины" (*Академия*, 14 апреля 1894 г.).

[207] *Nubische Grammatik*, 1881, *passim*.

[208] Б. З. Селигман, "Заметка о языках нуба в С. Кордофане", *Zeitschr. f. Kol.-spr.* I. 1910-11; С. G. Seligman, "Some Aspects of the Hamitic Problem," etc., *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, p. 621 ff.

[209] См. А. Н. Keane, *Man, Past and Present*, 1900, p. 74.

[210] С. G. Seligman, "The Physical Characters of the Nuba of Kordofan," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910, p. 512, и "Некоторые аспекты хамитской проблемы" и т. д., *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, *passim*.

[211] *Археологическая служба Индии*, Bull. III. p. 25.

[212] См. примечание 1, с. 44.

[213] *Op. cit.* I. p. 263.

[214] *Путешествия по Африке*, английское издание Кина, том III. p. 247.

[215] *Ibid.* p. 246.

[216] К. Г. Селигман, ст. "Динка", *Энциклопедия религии и этики*. См. также работу того же автора "Культ Ньякангано, божественного царя шиллуков", *четвертый отчет Wellcome Research Lab. Khartoum*, Vol. B, 1911, p. 216; S. L. Cummins, *Journ. Anthr. Inst.* XXXIV. 1904, и X. О'Салливан, "Законы и обычаи динка", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910. Измерения динка, шиллук и др. приведены в работе А. В. Такера и К. С. Майерса "Вклад в антропологию Судана", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910. G. A. S. Northcote, "The Nilotic Kavirondo," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVI. 1907, описывает родственный народ, *джалуо*.

[217] *Путешествия по Африке*, англ. изд. Кеане, III. p. 279. Таким образом, банту *Ба, Ва, Ама* и т.д. соответствуют *А* земель Велле, как в *А-Занде, А-Бармбо, А-Мади, А-Бангба*, т.е. народ Занде, народ Бармбо и т.д. Ср. также *Канембу, Тибу, Фульбе* и т. д., где личная частица (*bi, be*) имеет постфикс. Создается впечатление, что здесь мы имеем дело с переходом между северными суданцами и южными группами банту в том самом регионе, где такие переходы можно было бы искать.

[218] Schweinfurth, *op. cit.* II. p. 93.

[219] Г. Эллиот Смит отрицает, что каннибализм имел место в Древнем Египте, *The Ancient Egyptians*, 1911, p. 48.

[220] *Africa*, 1895, Vol. II. p. 58. В тщательно подготовленной монографии "Эндоканнибализм", Вена, 1896 г., д-р Рудольф С. Штейнметц собирает воедино огромное количество доказательств, имеющих тенденцию показать, "что эндоканнибализм (антропофагия коренного населения) - это старинное явление у людей, а также у диких животных" (стр. 59, 60). Удивительно узнать из неудачной экспедиции Боттего-Гриксоны 1892-3 годов, что антропофагия все еще распространена даже в Галлаланде и среди белых ("флориди") кормозо-галлов. Как и фаны, они предпочитают мясо "высоких", и, похоже, едят всех мертвецов. Поэтому в их стране Боттего не нашел ни одной могилы, а один из его местных проводников объяснил, что "*questa gente seppellisce i suoi cari nel ventre, invece che nella terra*", *то есть* эти люди хоронят своих близких в животе, а не в земле. Vittorio Bòttego, *Viaggi di Scoperta*, etc. Rome, 1895.

[221] I. p. 245.

ГЛАВА IV

АФРИКАНСКИЙ НЕГР: II. БАНТУСЫ-НЕГРИЛЫ-БУШМЕНЫ-ГОТТЕНТОТЫ

Суданы - разделение банту - пограничные племена - каннибалы *Бонджо* - *народ Байя* - "красный народ" - северо-восточная дверь в Бантуленд - семитские элементы в амальгаме банту - малайские элементы только на Мадагаскаре - хамитские элементы везде - *Ба-Хима* - *пастушеские* и сельскохозяйственные кланы - банту в основном негры - хамитский крест - дата миграции банту - *лакустрийцы* - их традиции - легенда кинту - *Ба-Ганда*, Прошлое и настоящее - Политические и социальные институты - Тотемическая система - Народы банту между озером Виктория и побережьем - *Ва-Гирьяма* - *Первобытное* происхождение - Поклонение - Мулунгу - *Ва-Свахили* - Империя Занг - *Зулу-Ксосы* - *Бывшие* и нынешние владения - Патриархальные институты - Генеалогия - Физический тип - Социальная организация - "Общее право" - *Ма-Шонас* и *Ма-Калакас* - Мифическая империя Мономотапа - Зимбабвийские руины - *Бе-Чуанас* - Империя *Ба-Ротсе* - Эпизод *Ма-Кололо* - Распространение христианства среди южных бантусов - Король Кхама - *Ова-Гереро* - *крупный рогатый скот и горные дамары* - *народ конго* - *старая империя конго* - язык конго - аборигены конго - извращенные христианские доктрины - *кабинды* и "*черные евреи*" - курильщики бханга *ба-шиланге* - "*железные люди*" *ба-лоло* - западно-экваториальные бантусы - *ба-калаи* - *фанаты-каннибалы* - *миграции*, Тип, Происхождение - *Камерунские банту* - *Банту* - Суданское пограничье - Ранние миграции банту - Восточное происхождение и западная природа - Поклонники - Заключение - Ваалпены - *Страндлуперы* - Негриллы - Негриллы при дворах фараонов - Негриллы и пигмейский фольклор - *Думе* и *Доко*, считающиеся карликами - Охотники *Вандороббо* - Подражатели *Вочуа* - *Бушмены и Хоттентоты* - *Прежний* и нынешний ареал - *Ва-Сандави* - географические названия *готтентотов* в Бантуланде - исчезновение готтентотов - фольклорная литература бушменов - язык и кликухи бушменов - психические особенности бушменов - раса бушменов - имена.

Конспект.

Распространение в прошлом и настоящем.

Современный ареал. Банту: Ю. Африка от суданской границы до Капской провинции; негрилло: лесные зоны Западной Экваториальной Африки и Конго; буш.-гот.: Намакваленды; Калахари; бассейны озер Нгами и Оранжевого.

Физические признаки.

Волосы. Банту: такие же, как у суданцев, но часто довольно длинные; негрилло: короткие, вьющиеся или хрустящие, ржаво-коричневые; буш.-хот.: почти такие же, как у суданцев, но пушистые, имитирующие лысый пробор. **Цвет.** Банту: все оттенки темно-коричневого, иногда почти черный; Негрилло и Буш.-Хот.: желтовато-коричневый. **Череп.** Банту: обычно долихо, но изменчив; Негрилло: почти равномерно мезати; Буш.-Хот.: долихо. **Челюсти.** Банту: умеренно prognathic и даже orthognathic; Негрилло и Буш.-Хот.:

сильно прогнатные. **Скуловые кости.** Банту: умеренно или совсем не выдаются; Негрилло и Буш: очень выдаются, часто чрезвычайно, образуя треугольное лицо с вершиной у подбородка. **Нос.** Банту: изменчивый, от платирного до лепторного; Негрилло и Буш: короткий, широкий у основания, вдавленный у корня, всегда платирный. **Глаза.** Банту: обычно большие, черные и выдающиеся, но также обычного хамитского типа; Негрилло и Буш.-Горячие: довольно маленькие, темно-карие и черные. **Рост.** Банту: высокие, от 1,72 до 1,82 м. (от 5 футов 8 дюймов до 6 футов); негрилло: всегда намного ниже 1,52 м. (5 футов), в среднем около 1,22 м. (4 фута); бушмены: короткие, с довольно широким диапазоном, от 1,42 до 1,57 м. (от 4 футов 8 дюймов до 5 футов 2 дюймов); хот: низкорослые, в среднем 1,65 м. (5 футов 5 дюймов).

Психические особенности.

Темперамент. Банту: в основном похожи на негроидных суданцев, гораздо умнее истинных негров, одинаково жестоки, но менее припадочны и более надежны; негрилло: яркие, активные и быстро соображают, но мстительны и вероломны, внешне не жестоки друг к другу, а скорее мягки и добродушны; бушмены: во всех этих отношениях очень похожи на негрилло, но более умны; хот.: довольно тупы и вялы, но полнокровные (нама) гораздо меньше, чем полукастовые (грикуа) племена.

Речь. Банту: настолько же абсолютно единообразен, насколько изменчив физический тип, один единственный язык, агглютинативного порядка, с обоими классами префиксов, аллитерацией и постфиксами[223]; негрилло: неизвестно; хот.: агглютинативный только с постфиксами, с грамматическим родом и другими примечательными особенностями; хамитского происхождения.

Религия. Банту: поклонение предкам в основном на востоке, поклонение духам в основном на западе, смешиваясь в центре, с колдовством и грубыми суевериями повсюду; негрилло: малоизвестна; буш.-гот.: анимизм, поклонение природе и почитание предков; среди хоттентотов вера в верховные силы добра и зла.

Культура. Банту: намного ниже негроидных суданцев, но выше истинных негров; в основном скотоводы, занимаются простым земледелием; негрилло и буш.: низший класс, охотники; хот.: кочевые скотоводы.

Основные разряды.

Бантус[224]: Бонджо; Байя; Ба-Ганда; Ба-Ньоро; Ва-Покомо; Ва-Гирьяма; Ва-Свахили; Зулу-Ксосо; Ма-Шона; Бе-Чуана; Ова-Гереро; Эши-Конго; Ба-Шиланге; Ба-Лоло; Ма-Ньема; Ба-Калаи; Фан; Мпонгве; Двала; Ба-Танга.

Негриллы: Акка; Вочуа; Думе(?); Вандороббо(?); Доко(?); Обонго; Вамбутте (Ба-Мбуте); Ба-Тва.

Бушмены: Семейные группы; названия племен не известны.

Хоттентоты: Ва-Сандави (?); намакуа; грикуа; гонакуа; коракуа; холмские дамары.

В этнологии единственное внятное определение банту - это полнокровный или полукровный негр с речью банту[225]; и с физической точки зрения нельзя провести очень жесткую и быструю границу между северными суданскими и южными группами банту, рассматриваемыми как две этнические единицы.

Разрыв между суданцами и банту.

Благодаря недавним политическим событиям во внутренних районах страны, лингвистический разрыв теперь можно с определенной точностью проследить на всем континенте. На крайнем западе сэр Х. Х. Джонстон показал, что он совпадает с нижним течением Рио-дель-Рей, а дальше к востоку французская экспедиция 1891 года под руководством М. Дыбовски обнаружила, что он проходит примерно по той же параллели (5° с. ш.) вдоль возвышенного плато, которое здесь образует водораздел между бассейном Конго и Чада. От этой точки линия идет в юго-восточном направлении вдоль южных границ территорий Занде и Мангбатту до долины Семлики между озерами Альберт-Эдуард и Альберт-Ньянза, недалеко от экватора. Далее она идет несколько неравномерным курсом, сначала на север по восточной стороне Альберт-Ньянзы до устья Сомерсет-Нила, затем вверх по этой реке до Мрули и вокруг восточной стороны Усоги и Виктория-Ньянзы до залива Кавирондо, где поворачивает почти на восток к истокам Таны и вниз по этой реке до ее устья в Индийском океане.

В некоторых местах линия проходит по спорной территории, как, например, в долине Семлики, где пересекаются суданцы и негрилло, и за Викторией-Ньянзой, где границы нарушены хамитскими кочевниками масаи и их союзниками вандороббо. Но если говорить в целом, то все, что находится к югу от прочерченной здесь линии, - это банту, все, что к северу от нее, - суданские негры в западных и центральных районах, а хамиты - в восточной части между Викторией-Ньянзой и Индийским океаном.

Пограничные племена - каннибалы Бонджо.

В некоторых районах демаркация не совсем четкая, как, например, в бассейне Таны, где некоторые галла и сомалийские хамиты с севера вторглись на территорию ва-покомо бантусов на южной стороне реки. Но на центральном плато М. Дыбовски резко перешел с территории бонджо, самого северного из племен банту, на территорию суданских бандзири, ветви широко распространенного народа занде. В этом регионе, около гребня Конго-Чадского водораздела, контрасты, кажется, все в пользу суданцев и против банту, вероятно, потому, что здесь первые - негроиды, а вторые - полнокровные негры. Так, Дибовски[226] обнаружил, что бонджо - это явно негритянское племя с ярко выраженным прогнатизмом и вообще грубый, дикий народ, торгующий в основном рабами, которых откармливают для мясного рынка, и когда они в хорошем состоянии, за них дают около двенадцати шиллингов. С другой стороны, бандзири, несмотря на их связь с ниям-ниямом, не каннибалы, а мирный, земледельческий народ, дружелюбный к путешественникам, с медно-коричневым цветом лица и правильными чертами, поэтому, возможно, схожи со светлокожими людьми, которых Барт встречал в стране мосгу.

Народ Байя.

Возможно, бонджо являются деградировавшей ветвью *байасов* или *ндересов*, большого народа с многочисленными подразделениями, широко рассеянного по бассейну Сангхи, где они занимают все пространство между притоками Кадея и Мамбера (3°-7°30' с. ш.; 14°-17° в. д.). По описанию М. Ф. Дж. Клозеля[227], они высокого роста, мускулистые, хорошо сложенные, с плоским носом, слегка припухлыми губами, черного цвета, но с вкраплениями медно-красного у высших классов. Хотя они, как и бонджо, каннибалы, в других отношениях это интеллигентный, дружелюбный народ, который под влиянием мухаммаданских фулахов создал полную политическую администрацию с королевским судом, канцлером, спикером, переводчиком и другими чиновниками, носящими звучные титулы, взятые в основном из

языка хауса. Их собственный язык банту широко распространен и на нем говорят с небольшими диалектическими различиями вплоть до притоков Наны.

Красный народ".

М. Клозель, считающий их умственно и морально выше большинства племен Среднего и Нижнего Конго, говорит нам, что байа, то есть "красные люди", пришли в неизвестный период с востока, "поддавшись тому великому миграционному движению, в результате которого африканское население постоянно движется на запад". Примерно двенадцать лет назад секция янгере все еще находилась в движении, но с тех пор общая миграция была остановлена фулахми из Адамавы. Человеческая плоть теперь запрещена для женщин; они одомашнили овец, коз и собак и верят в верховное существо по имени Со, чьи силы проявляются в густых лесах, в то время как второстепенные божества управляют деревней и хижинкой, то есть всей общиной и каждой отдельной семейной группой. Таким образом, их религиозная и политическая системы представляют собой некую завершенность, которая напоминает те, что распространены среди полукцивилизованных народов экваториального региона озер, и, очевидно, объясняется той же причиной - длительным контактом или связью с расой более высокой культуры и интеллекта.

Северо-восточная дверь в Бантуланд.

Чтобы понять все эти отношения, а также общую конституцию населения банту, мы должны учитывать, что уже описанная Черная зона, идущая от Атлантического побережья на восток, в течение бесчисленных поколений была почти везде арестована к северу от экватора Белым Нилом. Вероятно, с конца древнекаменного века весь регион между главным течением и Красным морем, а также от экватора на север до Средиземного моря, составлял неотъемлемую часть хамитских владений, на которые в доисторические времена посягали семиты и другие народы в Египте и Абиссинии, а в исторические времена в основном семиты (арабы) в Египте, Верхней Нубии, Сенааре и Сомалиленде. Между этим регионом и Африкой к югу от экватора нет никаких серьезных физических препятствий, в то время как дальше к западу хамитским кочевникам Сахары доступ на юг повсеместно преграждали широкие, густонаселенные плато суданской Черной зоны. Все вторжения с этой стороны неизбежно приводили к поглощению многочисленного негритянского населения Центрального Судана с теми изменениями физических и психических качеств, которые сегодня представлены у канури, хауса, сонгаев и других негроидных народов этого региона, а в настоящее время фактически происходят среди завоевательных хамитов фула, рассеянных небольшими доминирующими группами по значительной части Судана от Сенегамбии до Вадаи.

Семитские элементы в амальгаме банту.

Отсюда следует, что закваска, благодаря которой южное негритянское население претерпело разнообразные изменения на землях банту, могла быть получена только от хамитских и семитских народов северо-востока. Но в этой связи сами семиты должны рассматриваться как почти *не поддающаяся учету группа*, отчасти из-за их относительно более позднего прибытия из Азии, а отчасти потому, что, прибыв, они в значительной степени ассимилировались с коренными хамитскими жителями Египта, Абиссинии и Сомалиленда. Вера в присутствие семитского народа во внутренних районах Юго-Восточной Африки в ранние исторические времена была подкреплена группами руин (особенно зимбабвийских), найденных в основном в Южной Родезии, описанных в книге Дж. Т. Бента *"Разрушенные города Машоналанда"*. Исследования 1905 года развеяли романтику, до сих пор связанную с "храмами", и показали, что они датируются не ранее XIV или XV веков и были построены местными жителями[228]. Они, вероятно, служили распределительными

центрами для торговли золотом, которую вели семитские торговцы на побережье. Ведь, несомненно, в мухаммеданские времена семиты из Аравии образовали постоянные поселения вдоль восточного побережья вплоть до Софалы, и они более свободно смешивались с обращенными в христианство народами побережья (*ва-суахили*, от *sahel* = "побережье"), но не с *кафирами*, или "неверующими", дальше к югу и во внутренних районах страны. В наши дни эти полукровки *суахили*, с ограниченным числом полнокровных арабов[229], проникли за Великие озера в бассейн Верхнего и Среднего Конго, но скорее как охотники за рабами и разрушители, чем как мирные поселенцы, и заключили мало союзов, за исключением, возможно, племен *ва-яо* и *ма-гвангара* в Мозамбике и *каннибалов ма-ниемас* дальше вглубь страны.

Малайские элементы только на Мадагаскаре.

В этой степени семитизм можно признать фактором, влияющим на составные элементы населения банту. Малайцы также упоминаются, а некоторые этнологи даже выводят фулахов Западного Судана из Малайзии. Конечно, если они достигли Мадагаскара и образовали там поселения, то нет никаких внутренних причин, почему бы им не сделать то же самое на материке. Но мне не удалось найти никаких доказательств этого факта, а если они когда-либо и обосновались на восточном побережье, то давно исчезли, не оставив никаких явных следов своего присутствия ни во внешности, ни в речи, ни в обычаях, ни в промыслах аборигенов, которые повсеместно заметны на Мадагаскаре. Небольшие каноэ с двумя стрелами и двойными аутригерами, которые встречаются, по крайней мере, от Момбасы до Мозамбика, имеют индонезийское происхождение, как и ловушки для рыбы, которые встречаются в Момбасе.

Хамитские элементы повсюду.

Остаются северо-восточные хамиты, и особенно ветвь галла, как существенный посторонний фактор в этой неясной проблеме банту. Поток миграции, описанному М. Клозелем как направленному на восток и запад, соответствует другой, более древний поток, который много лет назад принял южное направление вдоль восточного побережья до оконечности континента, где сейчас проживают народы зулусов и *соса*, почти в большей степени хамиты, чем негры.

Ба-химы.

Импульс к двум таким разнонаправленным движениям мог прийти только с северо-востока, где мы до сих пор наблюдаем те же тенденции в действии. Во время исследования восточных экваториальных земель капитан Спейк уже заметил, что правители народов банту у Великих озер (Карагве, Ба-Ганда, Ба-Ньоро и др.) принадлежали к одной расе, известной под названием *Ба-Хима*, то есть "северяне", пастушеский народ прекрасной внешности, который, очевидно, происходил из племени галла и был родом из Галлаланда. С тех пор Шувер установил, что негры страны Афило управляются галлаской аристократией[230], и теперь мы знаем, что несколько общин Ба-Хима, носящих разные названия, живут вперемешку среди смешанных народов банту на лакустрийских плато вплоть до озера Танганьика и Уньямвезиланда[231]. Здесь *ва-туси*, *ва-хха* и *ва-руанда* принадлежат или принадлежали к одному и тому же хамитскому типу, и М. Лайонел Дёкль "был очень поражен необычайной разницей, которую можно найти между ними и их соседями банту[232]." Затем этот наблюдатель добавляет: "Чистые типы не распространены, их можно встретить только среди аристократии, если можно так выразиться об африканцах. Основная масса людей утратила свой первоначальный тип в результате смешения с соседними племенами".

Л. Роско[233] так описывает жителей Анколе. "Пастушеский народ обычно называют бахима, хотя они предпочитают, чтобы их называли баньянколе; это высокая прекрасная раса, хотя физически они не очень сильны. Рост многих из них превышает шесть футов, а их молодой король - шесть футов шесть дюймов и широк в пропорции к своему росту..... Не только мужчины так высоки, женщины также выше обычного роста своего пола среди других племен, хотя они делают несправедливость к своему росту модной сутулостью, которая заставляет их казаться намного короче, чем они есть на самом деле. Черты лица этих пастушеских людей хороши: у них прямые носы с переносицей, тонкие губы, тонко выточенные лица, головы, хорошо посаженные на достаточно развитых рамах, и хорошая осанка; фактически нет ничего, кроме их цвета кожи и коротких шерстяных волос, чтобы заставить вас думать о них как о негроидах."

Пасторальные и сельскохозяйственные кланы.

Контраст и взаимоотношения между пастушескими завоевателями и земледельческими племенами четко прослеживаются среди ба-ньоро. "Пастушеский народ - это высокая, хорошо сложенная раса мужчин и женщин с тонкими чертами лица, многие из них выше шести футов в высоту. Мужчины атлетически сложены, у них мало лишней плоти, но женщины часто очень толстые и корпулентные: действительно, их идеалом красоты является ожирение, а молочная диета вместе с тщательным избеганием физических упражнений приводит к увеличению их размеров. Сельскохозяйственные кланы, с другой стороны, - это низкорослые, плохо выглядящие мужчины и женщины с широкими носами негритянского типа, худые и неухоженные. Оба класса смуглые, от светло-коричневого до темно-черного, с короткими шерстяными волосами. Пастушьи люди по возможности воздерживаются от любого ручного труда и ожидают, что сельскохозяйственные кланы будут выполнять за них рутинную работу, например строить их дома, носить дрова и воду, а также поставлять им зерно и пиво для их хозяйств". "Тщательные наблюдения и расследования приводят к мнению, что земледельческие кланы были первоначальными жителями и что они были завоеваны скотоводами, которые довели их до нынешнего подневольного состояния[234]."

Банту в основном негро-хамитского кросса.

На основании этих и многих других признаков, которые можно было бы легко привести, можно с определенной уверенностью заключить, что большая масса населения банту - это, по сути, негры, заквашенные в различных пропорциях, в основном, завоевательными галла или хамитскими элементами, просачивавшимися на протяжении тысяч поколений из северо-восточной части хамитских владений в сердце Бантуленда.

Дата миграции банту вызывает много споров. "Насколько можно судить по лингвистическим данным, - говорит Х. Х. Джонстон[235], - предки банту обитали в каком-то регионе вроде Бахр-аль-Газала, недалеко от Горного Нила на востоке, от Кордофана на севере или бассейнов Бенуэ и Чада на западе. Их первое великое движение экспансии, по-видимому, было на восток, и они обосновались (возможно, с руководящей аристократией хамитского происхождения) в регионе между горой Элгон, северной Викторией-Ньянзой, Танганьикой и Конголезским лесом. В какой-то период, примерно в 300 году до н.э., началось их масштабное вторжение в Центральную и Южную Африку". Эта дата определяется датой занесения птицы из страны Нила, поскольку корневое слово "птица" одинаково почти по всей Африке банту, "очевидно, связано с персидскими словами для птицы, но совершенно не связано с семитскими терминами или терминами, используемыми кушитами Восточной Африки". Ф. Штульман, напротив, относит миграции практически к геологическому времени. Отнеся суданских негров из Южной Азии к концу третичного периода или началу

плейстоцена (*плювиальный период*), а протохамитов - к региону, вероятно, расположенному несколько дальше к северу и западу от первого, он продолжает: От смешения негров и протохамитов образовались, вероятно, в Восточной Африке, языки банту и народы банту, которые затем кочевали на юг и запад. Эти странствия начались во второй половине плейстоценового периода[236]. Он цитирует Th. Арльдта, который с большей точностью относит заселение Африки неграми к рисскому периоду (300 000 лет назад), а хамитами - к мустьерскому периоду (30 000-50 000 лет назад) .[237]

Все эти народы, возникшие в результате скрещивания негров с хамитами, сегодня говорят на различных формах одного и того же органического родного языка банту. Но это языковое единообразие строго аналогично тому, которое сейчас преобладает среди многообразных народов с арийской речью в Евразии, и обусловлено аналогичными причинами - распространением в крайне отдаленные времена смешанного хамито-негритянского народа с бантуязыком в Африке к югу от экватора. Можно возразить, что нынешние пасторы Ба-Химы говорят на хамитском языке, поскольку мы знаем от Стэнли, что покойный король Буганды М'теса гордился своими предками галла, на языке которых он до сих пор говорит как на своем родном. Но он также говорил на луганде, и все отголоски речи галла уже угасли среди большинства общин ба-хима в экваториальных регионах. Так было и с теми, кого я могу назвать "прото-ба-хима", первыми завоевательными племенами галла, "аристократией" Шувера и Декла, которые постепенно смешались с аборигенами в новую и высшую национальность, говорящую на языке банту, потому что "есть много смешанных рас, ... но нет смешанных языков"[238]. "

Лакустрийцы.

Эти взгляды подтверждаются традициями и фольклором, до сих пор бытующими среди "лакустрийцев", как можно назвать великие народы, которые сегодня группируются вокруг берегов озер Виктория и Альберт-Ньянза. В настоящее время, а точнее, до недавнего распространения британской администрации на Восточно-Центральную Африку, эти народы состояли из нескольких отдельных королевств, самыми могущественными из которых были Буганда (Уганда)[239], Буньоро (Уньоро) и Карагве. Но они помнят время, когда все эти ныне разрозненные фрагменты составляли часть могущественной монархии, огромной империи Китвара, которая занимала все озерное плато между хребтом Рувензори и Кавирондоландом.

Их традиции - Легенда о Кинту.

В разных государствах эту историю рассказывают по-разному, каждый народ стремится извратить ее для своего прославления, но все сходятся на том, что основателем империи был Кинту, "Непорочный", одновременно жрец, патриарх и правитель страны, пришедший с севера сотни лет назад с одной женой, одной коровой, одной козой, одной овцой, одной курицей, одним корнем банана и одним сладким картофелем. Сначала все было пустыней, необитаемой пустыней, но вскоре чудесным образом все было заселено, засеяно и засажено тем, что он принес с собой: картофель был распределен между Буньоро, банан - между Бугандой, и они составляют основную пищу тех земель и по сей день.

Затем люди стали злыми, и Кинту, устав от их злого образа жизни и ежедневного кровопролития, взял жену, корову и другие вещи, ушел в ночь и больше его не видели. Но никто не считал его мертвым, и длинная череда его мифических преемников, похоже, проводила время, которое они могли освободить от раздоров, войн и злых дел, в поисках потерянного Кинту. Кимера, один из них, был могучим великаном такой силы и веса, что оставлял следы на скалах, по которым ступал, как это до сих пор можно увидеть на утесе

недалеко от Улагаллы, старой столицы Буганды. Был также маг Кибаса, который умел летать и убивать людей ба-ниоро (такова версия Буганды), сбрасывая на них камни, а за свои услуги получил в жены прекрасную пленницу ба-ниоро, которая, подобно Делайле, узнала его секрет и предала его своему народу.

Наконец появился король Ма'анда, который выдавал себя за великого охотника, но только для того, чтобы бродить по лесам в поисках Кинту и таким образом получать о нем вести. Однажды крестьянин, повинаясь указаниям трижды виденного сна, пришел к одному месту в лесу, где на троне между двумя рядами вооруженных воинов, сидящих на циновках, стоял престарелый человек, его длинная борода была белой от старости, а все его люди были красивы, как белые люди, и одеты в белые одежды. Тогда Кинту, ибо это был он, велел крестьянину поспешить позвать Ма'анду, но только вместе с матерью и гонцом. При дворе Ма'анда узнал незнакомца, которого видел во сне той же ночью, и, поверив его словам, сразу же отправился в путь вместе с матерью и крестьянином. Но Катикиро, или премьер-министр, через которого королю было передано послание, опасаясь предательства, тоже пустился по их следу, держа их в поле зрения до самого места встречи. Но Кинту, который знал все, видел его все время, и когда он вышел вперед, обнаружив себя, разъяренный Ма'анда пронзил своего верного министра в сердце, и тот с воплем упал замертво. После этого Кинту и его сидящие воины мгновенно исчезли, а король с остальными плакал и взывал к Кинту, пока в глубине леса не раздалось эхо Кинту, Кинту-у, Кинту-у-у. Но ненавидящий кровь Кинту исчез, и по сей день его не видел и не слышал о нем ни один человек в Буганде. Упоминания о севере, о Кинту и его призрачных воинах, "прекрасных, как белые люди", не нуждаются в комментариях[240]. Примечательно, что в некоторых диалектах Ньяссаленда *Кинту* (*Каинту*) чередуется с *Мулунгу* в качестве имени Верховного существа, великого предка племени.[241]

Ба-Ганда, прошлое и настоящее.

Далее следуют более традиционные или легендарные сведения, включая рассказ о войнах со свирепыми вакеди, носившими железные доспехи, пока подлинная история не доходит до жестокого Суны II (1836-60), отца не менее жестокого М'тесы. После его смерти в 1884 году Буганда и соседние штаты быстро прошли через ряд удивительных политических, религиозных и социальных превращений, в результате чего установился нынешний *рах Британника*, и большое количество людей обратилось в ислам, а другие - в ту или иную форму христианства. Временами в ожесточенности враждующих группировок трудно было усмотреть религиозную подоплеку; но после установления гармонии светской властью был достигнут реальный прогресс, и ба-ганда, особенно в протестантской и римско-католической общинах, проявили удивительную способность и стремление к приобретению знаний о письме и религиозных принципах. Печатные станки, в которых заняты руки местных жителей, необходимы для удовлетворения постоянно растущего спроса на местную литературу в регионе, где кровь текла непрерывно с момента исчезновения "кинту" до британской оккупации.

Политические и социальные институты.

Примесью хамитских и негритянских элементов среди лакустрийцев, вероятно, можно объяснить любопытное сочетание примитивных и высших институтов в этих сообществах. Во главе государства стоял Кабака, король или император, хотя этот титул носили также королева-мать и королева-сестра. У этого самодержца был свой *Лукико*, или Совет, членами которого были *Катикиро*, премьер-министр и верховный судья, *Кимбугве*, отвечавший за пуповину короля и занимавший должность рядом с *Катикиро*, и десять окружных вождей

для управления десятью большими округами, на которые была разделена страна, каждый из которых отчитывался перед *Катикиро* и через него перед королем. Каждый начальник округа должен был содержать в порядке дорогу шириной около четырех ярдов, протянувшуюся от столицы до его загородной резиденции, что составляло около 100 миль. У каждого окружного вождя были подчиненные ему субвожди, независимые от вождя в управлении своим участком земли. Они отвечали за поддержание в рабочем состоянии дороги между своей резиденцией и резиденцией начальника округа. В каждом округе был верховный суд, и каждый субвождь, даже имея всего дюжину последователей, мог проводить суд и разбирать дела среди своих людей. Люди же могли передавать свои дела из одного суда в другой, пока в конце концов они не попадали к *катикиро* или королю.

Тотемическая система.

Вместе с этим высокоразвитым общественно-политическим развитием на всей территории Уганды действовала тотемическая экзогамная клановая система: все ба-ганда принадлежали к одному из 29 *кика* или кланов, каждый из которых обладал двумя тотемами, священными для клана. Так, у клана Льва (*Мпологома*) вторым тотемом был Орел (*Мпунгу*); у клана Грибов (*Бутико*) - Улитка (*Нсонко*); у клана Буйволов (*Мбого*) - Новый горшок для приготовления пищи (*Нтаму*). Каждый клан имел своего вождя, или отца, который проживал в родовом поместье, являвшемся также местом захоронения клана, и отвечал за поведение членов своей ветви. Все кланы были экзогамными^[242], и мужчина должен был брать вторую жену из клана своей бабушки по отцовской линии.^[243]

Народы банту между Л. Викторией и Побережьем.

Непосредственных отношений между лакустрийцами и *ва-кикуйю*, *ва-камба*, *ва-покомо*, *ва-гвено*, *ва-чага*, *ва-тейта*, *ва-тавейта* и другими^[244], занимающими область к востоку от Виктории-Ньянзы, между Таной, северо-восточной границей Бантуленда и южными склонами Килиманджаро, похоже, не существует. Их родство, по-видимому, скорее связано с *ва-ньика*, *ва-бони*, *ва-дурума*, *ва-гирьяма* и другими племенами побережья между Таной и Момбасой. Все эти племена в большей или меньшей степени переняли привычки и обычаи масаи.

От сэра А. Хардинга^[245] мы узнаем, что в Британском Восточном африканском протекторате в общей сложности насчитывается до двадцати пяти отдельных племен, как правило, находящихся на низкой стадии культуры, с рыхлой племенной организацией, полностью развитой тотемической системой и всеобщей верой в магию; но у них нет жрецов, идолов или храмов, или даже четко признанных наследственных вождей или общинных советов. Галлы, которые перешли Тану и здесь вторглись на территорию банту, хранят воспоминания о более высокой цивилизации и, по-видимому, о христианских традициях и обрядах, заимствованных, несомненно, из Абиссинии. Они рассказывают, что когда-то у них была священная книга, соблюдение предписаний которой сделало их первыми из народов. Но она валялась без дела, и ее съела корова, и с тех пор, когда коров убивают, их внутренности тщательно ищут в поисках потерянного тома.

Ва-Гирьяма.

Исключительный интерес вызывают *ва-гирьяма*, которые являются главным народом между Момбасой и Мелинди, первые достоверные сведения о которых были предоставлены У. Э. Тейлором^[246], и У. В. А. Фицджеральдом^[247]. Здесь бантусы и галласы снова находятся в тесном контакте, и мы узнаем, что *ва-гирьяма*, которые пришли из района горы Мангеа на северо-востоке, заняли свои нынешние дома всего около столетия назад "после ухода

галласов". Язык, который имеет несколько архаичный тип, по-видимому, является главным членом широко распространенной группы банту, охватывающей ки-ника и ки-покомо на крайнем севере, ки-суахили на побережье Занзибара, и, возможно, ки-камба, ки-тейта и другие языки внутренних районов между побережьем и Виктория-Ньянза. Эти внутренние языки, однако, сильно разошлись с первобытным ки-гирьяма[248], который находится в таком же отношении к ним и к еще более деградировавшему и арабизированному ки-суахили[249], в каком латынь находится к романским языкам.

Примитивное поклонение предкам.

Мулунгу и тени.

Но главный интерес ва-гирьяма представляют их религиозные представления, которые в основном связаны с поклонением предкам и позволяют неожиданно понять происхождение и природу этой, возможно, самой примитивной из всех форм верований. Конечно, в этнографических записях существует некое смутное существо, называемое "Высшим Существом", которое, подобно алгонкинскому Маниту, встречается под разными именами (здесь - *Мулунгу*) по всему восточному Бантуланду, но при анализе обычно превращается в некое смутное представление, вырастающее из поклонения предкам, великого или пожилого человека, одноименного героя или т. п., позднее обожествленного в различных формах как Хранитель, Распорядитель и особенно Создатель. Эти ва-гирьяма полагают, что от его союза с Землей произошло все сущее, а люди - это куры и цыплята Мулунгу. Но есть также идея, что он может быть манами их отцов, и таким образом все сливается в своего рода апофеоз ушедших. Они считают, что "развоплощенный дух обладает силой добра и зла". Люди поклоняются теням своих ближайших предков или старших родственников; а *к'омасам* [душам?] всей нации поклоняются в общественных местах".

Хотя европейский призрак или "реванш" неизвестен, духи ближайших предков могут являться во снах и высказывать свои пожелания живым. Они просят принести жертвы на их могилах, чтобы утолить голод, и такие жертвоприношения часто совершаются с помощью небольшого количества муки и воды, налитых в скорлупу кокосового ореха, опущенную в землю; птицы и другие жертвы убиваются так, чтобы кровь стекала в могилу. Во время жертвоприношения умерших зовут по имени, чтобы они пришли и приняли участие, а также привели с собой своих друзей, которые также упоминаются по имени. Но если христиане молятся о том, чтобы их помянули на небесах и о святых, то ва-гирьяма молятся скорее о том, чтобы новорожденный младенец был забыт Мулунгу, и так живут. "Ну!" - скажут они при известии о рождении ребенка, - "пусть Мулунгу забудет его, чтобы он стал сильным и здоровым". Это поучительная черта, напоминающая о том времени, когда Мулунгу, ныне почти безвредный или безразличный к обыденным вещам, был воплощением всего зла, которого следовало бояться и умиротворять в соответствии со старым изречением *Timor fecit deos*.

В настоящее время не проводится различия между добрыми и злыми духами, но все они рассматриваются как, конечно, часто, хотя и не всегда, более могущественные, чем живые, но все же человеческие существа, подверженные тем же чувствам, страстям и прихотям, что и они. Некоторые из них даже являются бедными слабаками, на которых тратятся подношения. "От тени отца такого-то и такого-то нет никакой пользы; она прикончила его имущество, а ему не стало лучше", - так прокомментировал один туземец результат серии жертвоприношений, которые человек тщетно приносил тени своего отца, чтобы вернуть себе здоровье. Их также можно обмануть и обмануть, а когда варится *ломбе* (пиво), его выливают

на могилы мертвых с молитвой, чтобы они выпили, а напившись, уснули и не мешали живым своими ссорами и препирательствами, как ссорящиеся феи в "*Сне в летнюю ночь*". [250]

Ва-суахили.

Далеко от такого грубого антропоморфизма, но не намного лучше в моральном плане, находятся родственные ва-суахили, которые в результате долгих контактов и смешений стали в значительной степени арабизированными в одежде, религии и общей культуре. Тейлор наглядно описывает их как "мореходную, любящую бартер расу рабовладельцев и работорговцев, растянувшуюся тонкой линией вдоль тысячи миль бухт и островов; жителей побережья, которое было свидетелем непрерывных политических изменений и череды монархических династий в различных центрах; В течение многих веков в их среду вливался непрерывный поток чужой крови, состоящий не только из сервиллов из внутренних районов, но и из иммигрантов из Персии, Аравии и Западной Индии; люди, которые приехали жить, а часто и умирать, как постоянные пришельцы, оставив во многих случаях гибридное потомство. Религия одной части этих иммигрантов - арабов - стала главной религией страны, вытеснив, если не полностью, старый культ предков банту и оказав глубокое влияние на всю семейную жизнь."

Империя Занг.

Ва-суахили - в некотором смысле исторический народ, ведь они составляли основные элементы знаменитой империи Занг (Зенг) [251], которая во времена Эдриси (XII век) простиралась вдоль морского побережья от Сомалиленда до Замбези и дальше. Когда португальцы внезапно ворвались в Индийский океан, это было великое и могущественное государство, или, скорее, обширная конфедерация государств, с множеством процветающих городов - Магдошу, Брава, Момбаса, Мелинди, Килва, Ангоша, Софала - и обширными торговыми связями, простирающимися через восточные воды в Индию и Китай, а по Красному морю - в Европу. О том, как эти великие центры торговли и восточной культуры один за другим были безжалостно уничтожены португальскими корсарами *co' o ferro e fogo* ("мечом и огнем", Камознс), рассказывает Дуарте Барбоза, который сам был португальцем и очевидцем хаоса и ужасов, нередко следовавших по следам его варварских соотечественников. [252]

Зулусы-Косы.

Бывшие и нынешние владения.

За Софалой мы вступаем во владения *ама-зулу*, *ама-ксоа* и других, которых я назвал зулу-ксоа [253], и которые в некоторых отношениях являются наиболее примечательной этнической группой во всем Бантуланде. Действительно, по общему мнению, они считаются банту в высшем смысле этого слова, а сам этот условный термин "*банту*" взят из их типичного языка банту [254]. Есть четкие доказательства того, что они сравнительно недавно прибыли, обязательно с севера, на свою нынешнюю территорию, которая была еще занята племенами бушменов и хоттентотов, вероятно, в течение последней тысячи лет или около того. До войн кафиров с англичанами (1811-77 гг.) эта территория простиралась гораздо дальше вокруг побережья, чем сейчас, и на протяжении многих лет река Грейт-Кей служила границей между поселениями белых и ксоа.

Но то, что они потеряли в этом направлении, зулусы и ксоа, или, по крайней мере, зулусы, вернули сторицей благодаря своей экспансии на север в течение XIX века. После установления военной власти зулусов при Дингисвайо и его преемнике Чаке (1793-1828)

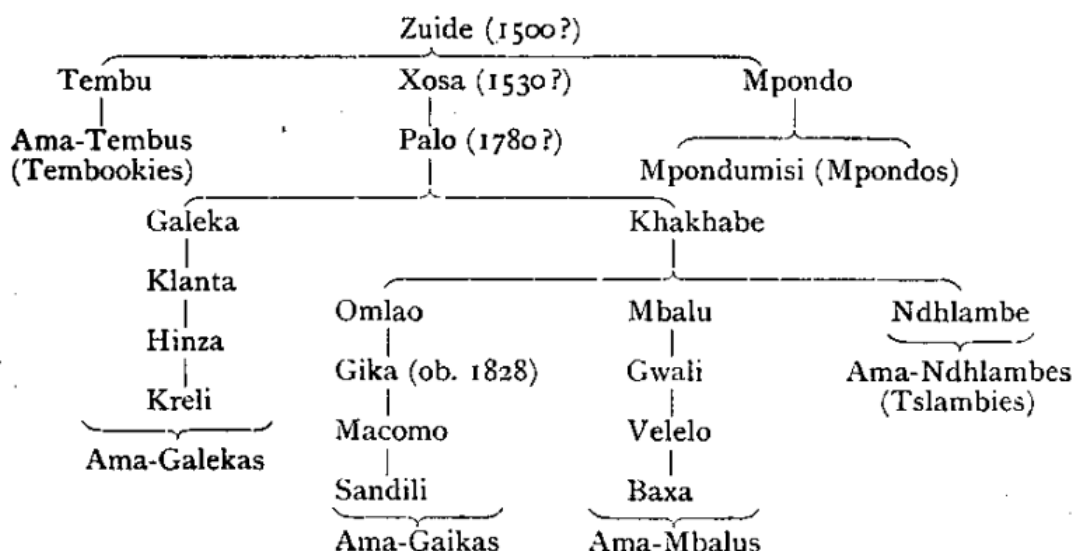
половина континента была захвачена организованными ордами зулусов, которые распространились на север до Виктории-Ньянзы и во многих местах основали более или менее нестабильные королевства или вожества по образцу ужасной деспотии, установленной в Зулуленде. Такими были, за Лимпопо, государства Газаланд и Матабилиленд, последнее из которых было основано около 1838 года Умсиликатци, отцом Лобенгулы, погибшего в безнадежной борьбе с англичанами в 1894 году. Гунгунхана, последний из вождей свази (зулусов) в Газаленде, где А-Нгони захватили Ба-Тхонга (Ба-Ронга)[255], был аналогичным образом отторгнут португальцами в 1896 году.

К северу от Замбези зулусские группы - ма-ситу, ма-вити, ма-нгони (а-нгони) и другие - нигде не создали крупных политических государств, за исключением короткого времени правления вездесущего Мирамбо в Уньямвезиленде. Но некоторые из них, особенно а-нгони[256], долгое время доставляли беспокойство в районе Ньясы, а другие - в районе Нижнего Замбези, где они известны португальцам как "ландины". Власть а-нгони была окончательно сломлена англичанами в начале 1898 года, и движение оттока теперь полностью утихло и не может возродиться, так как мешающие элементы были погашены в самом начале поглощением Зулуленда в британскую колонию Наталь (1895).

Генеалогии зулусов и косоа.

Нигде патриархальные институты не были так высоко развиты, как у зулусов-косоа, все из которых, за исключением, возможно, ама-фингусов и некоторых других разбитых групп, утверждают прямое происхождение от какого-то одноименного героя или мифического основателя племени. Так, в национальных традициях Чака был седьмым по счету потомком легендарного вождя зулусов, от которого они берут имя *Абанту ба-Ква-Зулу*, то есть "Люди земли зулусов", хотя истинным материнским племенем, по-видимому, было ныне исчезнувшее Ама-Нтомбела. Как только господство и престиж племени Чака были установлены, все остальные, по мере их последовательного уменьшения, также претендовали на звание истинных зулусов, и поскольку тот же процесс происходил на крайнем севере, термин "зулусы" теперь во многих случаях стал подразумевать скорее политическое, чем кровное родство. Здесь мы имеем наглядный пример, по которому можно судить об этнической ценности таких названий, как "ариец", "кельт", "британец", "славянин" и т. д. в других регионах.

Также большая часть южной части считает своим основателем и предком некоего *Косоа*, произошедшего от Зуиде, который, возможно, процветал около 1500 года, и которого ама-тембу и ама-мпондо также считают своим прародителем. Таким образом, вся секция связана, но не по прямой линии, с косоа, которые ведут свою родословную от Галеки и Хахабе, сыновей Пало, который, как говорят, умер около 1780 года и сам был десятым в прямом происхождении от косоа. Таким образом, мы получаем генеалогическую таблицу, в которой почти каждый исторический вождь "кафиров" в Капской колонии, где незнание этих отношений привело к большому кровопролитию во время ранних кафирских войн, занимает свое место на семейном древе:

Физический тип.

Но все, и северные зулусы, и южные ксосы, по сути, являются одним народом по речи, телосложению, обычаям и социальным институтам. Волосы однородны, несколько вьющиеся, цвет светлый или прозрачный коричневый у ама-тембу, но в других местах очень темный, у свази почти "иссиня-черный"; голова решительно длинная (72,5) и высокая (195,8); нос изменчив, как негроидный, так и совершенно правильный; рост выше среднего 1.75-1,8 м. (5 футов 9 дюймов - 5 футов 11 дюймов); фигура стройная и мускулистая, хотя измерения Фрича показывают, что она иногда далека от почти идеального стандарта красоты, которым их наделяли некоторые ранние наблюдатели.

Социальная организация.

"Общий закон".

В умственном отношении зулусы стоят гораздо выше истинных негров, что особенно проявляется в их политической организации, которая до развития военной системы Дингисвайю под европейским влиянием представляла собой разновидность патриархальной монархии, управляемой могущественной аристократией. Народ объединялся в племена, связанные кровными узами и управляемые наследственным *инкосе*, или феодальным вождем, который был верховным, обладая властью жизни и смерти, в пределах своей юрисдикции. Однако против его распоряжений дворяне могли протестовать на совете, и именно их решения создавали прецеденты и традиционный кодекс общего права. "Это общее право хорошо приспособлено для людей, находящихся в грубом состоянии общества. В нем каждый обвиняемый в преступлении считается виновным, если не докажет свою невиновность; глава семьи отвечает за поведение всех ее членов, деревня - за всех проживающих в ней, а клан - за каждую из своих деревень. Для отправления правосудия существуют суды различных степеней, из которых любой может быть обжалован в Верховном совете, возглавляемом верховным вождем, который является не только правителем, но и отцом народа^[257]."

Ма-Шонас и Ма-Калакас.

Во внутренних районах, между южными береговыми хребтами и Замбези, аборигены-хоттентоты и бушмены в доисторические времена почти повсеместно были вытеснены или обращены в рабство другими народами банту, такими как ма-калаки и ма-шона, бе-чуанас и родственные им ба-суто. Первыми из них (с севера), по-видимому, были ма-шонас и ма-

калакас, которых медленно "съедали" ма-табили, когда этот процесс был остановлен своевременным вмешательством англичан в дела Родезии.

Миф о Мономотапе.

Оба народа - трудолюбивые землепашцы, искусные в обработке металлов и горном деле, вероятно, прямые потомки туземцев, чей великий вождь *Мономотапа*, то есть "Владыка рудников", как я толкую это слово[258], правил Маникой и окрестными нефтеносными районами, когда португальцы впервые достигли Софалы в начале шестнадцатого века. По всей видимости, по политическим причинам[259] этот Мономотапа был впоследствии превращен ими из монарха в монархию, в огромную империю Мономотапаленд, которая должна была включать в себя практически все к югу от Замбези, но, не имея существования, последние двести лет ускользает от усердных поисков исторических географов.

Руины Зимбабве.

Но за несколько веков до прибытия португальцев ма-калаки с родственными им ба-ньяи, ба-сенга и другими, вполне возможно, работали в шахтах этого богатого углями региона, служа строителям руин Зимбабве, исследованных и описанных покойным Теодором Бентом[260], и приписываемых им и многими другими древним культурным людям Южной Аравии. Эта теория доисторического восточного происхождения была подкреплена расчетом ориентации зимбабвийского "храма", сообщениями о надписях и эмблемах, наводящих на мысль о "финикийских обрядах", и обнаружением во время раскопок иноземных предметов. Однако более поздние исследования показали, что ориентация была основана на неточных измерениях; ни в Зимбабве, ни в других местах не было найдено подлинных надписей, связанных с руинами; ни один из предметов, обнаруженных в ходе раскопок, не мог быть признан более чем несколько веков назад, а те, которые не были явно иностранным импортом, были африканского типа. В 1905 году научное исследование руин поставило эти факты вне споров. Средневековые предметы были найдены в таком положении, что обязательно совпадали по времени с основанием зданий, и все они могли быть отнесены к тому же периоду. Наконец, было установлено, что план и конструкция Зимбабве не уникальны, как предполагалось ранее, а лишь отличаются от других родезийских руин размерами и протяженностью. Исследователи были уверены, что постройки не ранее XIV или XV века нашей эры и что их строителями были представители народа банту, остатки каменных краалей которых встречаются во многих местах между Лимпопо и Замбези. Их выводы, однако, не встретили всеобщего признания .[261]

Бе-чуаны.

У бе-чуанов, чья территория простирается от Оранжевой реки до озера Нгами и включает Басутоленд с большей частью Трансвааля, мы снова встречаем народ, находящийся на тотемической стадии культуры. Здесь на смену одноименным героям зулусов-косачей приходят бабуины, рыбы, слоны и другие животные, о происхождении которых заявляют различные племенные группы. Животное, о котором идет речь, называется *сибоко* племени и пользуется особым почтением, члены племени (как правило) воздерживаются от его убийства или употребления в пищу. Многие племена берут свое название от *сибоко*, так, ба-тлапин - "те, что из рыбы", ба-куэна - "те, что из крокодила". *Сибоко* ба-ролонгов, которые как племя являются искусными кузнецами, - это не животное, а металл железо .[262]

Империя Ба-Роцзе.

Эпизод Ма-Кололо.

С разделом великой семьи Бе-Чуана, Ба-Суто и Ба-Ротсе связан один из самых примечательных эпизодов в бурной истории южноафриканских народов в течение девятнадцатого века. Много лет назад ответвление ба-ротсе мигрировало в Среднее Замбези выше водопада Виктория, где основало могущественное государство "Империя Баротсе (Маротсе)", которое, несмотря на временное затмение, до сих пор существует как британский протекторат. Затмение было вызвано очередной миграцией на север большого количества ма-кололо, ветви ба-суто, которые под предводительством знаменитого вождя Себитуане достигли Замбези около 1835 года и свергли династию Баротсе, низведя туземцев до подневольного состояния.

Но после смерти преемника Себитуане, Секелету Ливингстона, ба-ротсе, воспользовавшись династическим соперничеством своих угнетателей, внезапно восстали и, истребив ма-кололо почти до последнего человека, восстановили империю на более прочной основе, чем когда-либо. Теперь она занимает территорию площадью около 250 000 квадратных миль между Чобе и притоками Кафукве[263], с населением, по неопределенным оценкам, более 1 000 000 человек, включая дикие племена ба-шукулумбе из бассейна Кафукве, сокращенные в 1891 году.[264]

И все же, каким бы коротким ни было правление Ма-Кололо (1835-70), его хватило, чтобы навязать свой язык побежденным ба-ротсе[265]. Отсюда любопытное явление, наблюдаемое сейчас в Среднем Замбези, где ма-кололо исчезли, в то время как их речь сесуто остается общим средством общения во всей империи баротсе. Как часто аналогичные сдвиги и смещения происходили в течение веков в других частях мира! И в свете таких уроков, насколько осторожными должны быть этнографы, чтобы переходить от речи к расе и делать выводы из этих или подобных поверхностных отношений!

Ссылаясь на эти волнующие события, Маккензи пишет: "Так погибли макололо из числа южноафриканских племен. Никто не может ткнуть пальцем в карту Африки и сказать: "Здесь живут макололо[266]". Это озадачит многих, кто с середины XIX века неоднократно слышал о макололо и даже находился в неприятно близком контакте с ними, но не в Баротселенде, а ниже по течению Замбези в районе ее впадения в Шире.

Объяснение этому кажущемуся противоречию дает другой случай, также не лишенный этнического значения. Из *дневников* Ливингстона мы узнаем, что в 1859 году его сопровождала на восточное побережье небольшая партия ма-кололо и других людей, посланных его другом Секелету в поисках лекарства от проказы, которой страдал император. Эти Ма-Кололо, услышав о восстании Ба-Ротсе, благоразумно остановились на обратном пути у впадения Шире, и благодаря престижу своего имени здесь им удалось основать несколько так называемых "государств Макололо", которые существуют до сих пор и время от времени доставляют немало хлопот администраторам Британской Центральной Африки. Но насколько верны слова Маккензи, если отделить политические отношения от этнических, можно судить по тому факту, что из первоначальных основателей этих мелких государств шире только двое были полнокровными ма-кололо. Все остальные, как я полагаю, были ба-ротсе, ба-тока или ба-тонга, родственные дикарям ба-шукулумбе.

Смерть без вымирания.

Таким образом, ма-кололо продолжают жить, в своей речи над водопадом Виктория, в своем названии под водопадом Виктория, и только из истории мы знаем, что примерно с 1870 года весь народ был полностью истреблен повсюду в долине Замбези. Но даже среди культурных народов история насчитывает совсем немного времени, максимум 10 000 лет. Какие

изменения и сдвиги могли, следовательно, происходить в других местах и в доисторические эпохи, все знания о которых теперь уже не восстановить ![\[267\]](#)

Распространение христианства среди южных банту.

Немногие народы банту охотнее внимали учениям христианских пропагандистов, чем туземцы ксоса, ба-суто и бе-чуана. Несколько станций в самом сердце Кафирланда - Блитсвуд, Сомервиль, Лавдейл и другие - уже некоторое время работают на самоокупаемости, и только предрассудки могут отрицать, что они приносят пользу окружающим племенам гайка, галека и финго. Сого, член общины Блитсвуда, создал перевод "*Прогресса Пилигрима*", который Дж. Макдональд назвал "чудом точности и ясности изложения[\[268\]](#)"; многочисленные деревенские школы охотно посещаются, и много земли было разумно обработано.

Французские и швейцарские протестантские учителя также достигли больших успехов в Басутоленде, где их приветствовал Мошеш, основатель нынешней нации басуто. Племенная система уступила место более высокой социальной организации, и ба-тау, ба-пути и некоторые другие племенные группы слились в трудолюбивые пастушеские и сельскохозяйственные общины, исповедующие несколько строгую форму протестантского христианства и полностью забывшие о прежних языческих обычаях, связанных с колдовством и поклонением предкам. Мошеш был одним из редких случаев среди кафиров, когда лидер был наделен интеллектуальными способностями, которые ставили его на один уровень с европейцами. Он мудро и хорошо управлял своим народом на протяжении почти пятидесяти лет, и его жизненный путь оставил неизгладимый след в истории Южной Африки [\[269\]](#).

Кхама.

В Бечуаналенде одна великая личность доминирует на социальном горизонте. Кхама, король народа ба-мангватто, который, наряду с ба-ротсе, является самой могущественной частью бечуана, может быть назван истинным отцом своего народа, христианским законодателем в лучшем смысле этого слова и просвещенным реформатором даже со светской точки зрения.

Когда эти триумфы, аналогичные тем, что наблюдаются среди лакустрийцев и в других частях Бантуланда, противопоставляются унылому сопротивлению, которое повсеместно оказывают полнокровные негры любому прогрессу за пределами их нынешнего низкого уровня культуры, мы тем лучше можем признать заметное интеллектуальное превосходство негроидных банту над чисто черным элементом.

Ова гереро

Скот и холмы Дамара.

К западу от Бечуаналенда преемственность владений банту прерывается на юге готтентотами, которые все еще удерживают свои позиции в Намакваленде, а дальше на север - немногочисленными бродячими группами бушменов в пустыне Калахари. Даже в Дамараленде, который в основном является территорией банту, происходят давние смешения, которые привели к большой этнической путанице. Ова-гереро, которые здесь доминировали, и родственные им ова-мпо из Овамполанда, граничащего с португальскими владениями, - несомненные банту, обладающие несколько прекрасным телосложением, хотя интеллектуально ничем особенным не выделяющиеся. Из-за характера страны, представляющей собой несколько засушливую, ровную степь между холмами и побережьем, их часто называют "скотскими дамарами" или "дамарами равнин", в отличие от

"холмовых дамаров", обитающих на побережье. Эта популярная номенклатура объясняет распространенную путаницу в отношении этих аборигенов. Термин "дамара" имеет хоттентотское происхождение и не признается местными племенами, которые все называют себя ова-гереро, то есть "веселый народ". Но есть заметное различие между жителями низин и горцами: последние, то есть "холмы Дамара", имеют сильную примесь хоттентотской крови и теперь говорят на хоттентотском языке.

Весь регион - это переходная земля между двумя расами, где борьба за господство едва ли была остановлена временным вмешательством немецких администраторов. Хотя регион был аннексирован Германией в 1884 году, борьба продолжалась еще десять лет, и, вновь вспыхнув в 1903 году, была усмирена только в 1908 году, в результате чего Германия потеряла 5000 жизней и 15 000 000 фунтов стерлингов, в то время как от 20 000 до 30 000 гереро, по оценкам, погибли. Под властью Южно-Африканского Союза такое жестокое обращение с туземцами больше никогда не повторится. Ясности можно добиться, заменив выражение "холмовые дамара" на "ова-зороту", или "холмовики", как их называют соседи с равнин, которых, разумеется, следует называть гереро, полностью исключив выражение "скотоводческие дамара". Эти гереро проявляют необычайную неприязнь к соли; впрочем, эта особенность вряд ли может быть расовой, поскольку ее разделяет и их скот, и, возможно, она объясняется тяжелыми парами, возможно, слегка заряженными солевыми частицами, которые так часто висят над побережьем.

Между португальской Западной Африкой и прилегающей частью Бельгийского Конго к югу и западу от основного потока нельзя провести четкую этническую границу. На побережье между Кунене и устьем Конго несколько групп, таких как исторические *эши-конго*^[270] и *кабинды*, приобрели некоторые заметные черты под европейским влиянием, как и каннибалы *ма-ньяма* из Верхнего Конго в результате связи с нубийско-арабскими работорговцами. Но за исключением *ба-шиланге*, *ба-лоло* и некоторых других, многочисленные народы банту в пределах большой излучины Конго повсеместно имеют одинаковые физические и психические черты.

Старая империя Конго.

Народ, давший название этой реке, представляет особый интерес. Принято считать, что старая "империя Конго" была создана португальцами. Но Мбанза, впоследствии переименованная в Сан-Сальвадор, уже была столицей могущественного государства, когда ее впервые посетила экспедиция 1491 года, с этого времени и начинаются ее отношения с Португалией. Поначалу католические миссионеры имели большой успех, тысячи людей были крещены, и на мгновение показалось, что все земли Конго переходят в их лоно. Было большое ликование по поводу обращения самого *Мфуму* ("императора"), которому воздавались почести и португальские титулы, которые до сих пор носит его нынешний вырождающийся потомок, португальский государственный пенсионер, "Дом Педру V, католический король Конго и его зависимых территорий". Но христианство так и не пустило глубоких корней, и, за исключением окрестностей императорского и вассального дворов, языческие обычаи самого худшего свойства продолжались вплоть до середины девятнадцатого века. Около 1870 года протестантские и католические миссионеры предприняли новые попытки обратить народ в новую веру, о которой мало что напоминало, кроме руин собора Сан-Сальвадор, распятий, знамен и других религиозных эмблем, передававшихся по наследству и рассматривавшихся их владельцами как мощные фетиши. Подобная судьба, кстати, постигла и усилия португальских миссионеров по евангелизации туземцев восточного побережья, где от их учения до наших дней дошли лишь обрывки невразумительных песен, обращенных к Пресвятой Деве, таких как та, которую до сих пор

распевают лодочники Нижнего Замбези и которую записала миссис Прингл: - Sina mama, sina mama, sina mama.

Сина-мама, сина-мамаи,
Сина мама Мария, сина мамы...

Мария, я один, матери у меня нет,
Матери у меня нет, она и отец ушли и т.д.[\[271\]](#)

Язык Конго.

Аборигены Конго.

Вероятно, в какой-то отдаленный период правящая раса достигла западного побережья с северо-востока и навязала свою речь банту грубым аборигенам, которые до сих пор говорят на этом языке на обширных территориях по обе стороны Нижнего Конго. Это чрезвычайно чистый и несколько архаичный представитель семейства банту, и У. Холман Бентли, наш лучший авторитет в этой области, с энтузиазмом восхваляет его "богатство, гибкость, точность, тонкость идеи и изящество выражения", язык, превосходящий сам народ, "неграмотный народ с развитой и регулярной грамматической системой речи такой тонкостью и точностью идеи, что его ежедневное использование само по себе является образованием[\[272\]](#) ." Киши-Конго имеет честь быть первым языком банту, когда-либо переведенным в письменную форму; старейшим известным произведением на этом языке является трактат о христианской доктрине, опубликованный в Лиссабоне в 1624 году. С тех пор речь "мосиконги", как называют их Пигафетта[\[273\]](#) , претерпела лишь незначительные фонетические или иные изменения, что тем более удивительно, если учесть грубость нынешних муши-конго и других, которые до сих пор говорят на этом языке с большим единообразием. Некоторые из них считают себя произошедшими от деревьев, как будто в них еще сохранились воспоминания о древовидных привычках предков-питекантропов.

Извращенные христианские доктрины.

Среди соседнего племени *ба-мба*, чьи собы в прошлом были главнокомандующими империи *по должности*, до сих пор обитает могущественное существо, которое невидимо для всех, и хотя оно смертно, никогда не умирает, или, по крайней мере, после каждого распада вновь оживает из своих останков, собранных жрецами. Все юноши племени подвергаются подобному превращению: магические искусства знахаря ввергают их в транс, похожий на смерть, а затем через три дня воскрешают. Говорят, что способность вызывать каталептический сон действительно существует, и эти странные обряды, неизвестные в других местах, вероятно, связаны с воскресением Христа через три дня и всех в последний день, о котором проповедовали первые португальские евангелисты. Можно написать целый том о странных искажениях христианских доктрин среди диких народов, не способных понять их истинную суть.

Кабинды и "черные евреи".

В Анголе португальцы различают *претос*, то есть "цивилизованных", и *негров*, или невостребованных туземцев. Однако оба термина означают одно и то же, как и *Ba-Fiot*[\[274\]](#) , "черный народ", который произвольно применяется как к эши-конго, так и к их близким родственникам, *кабиндам* из португальского анклава к северу от Нижнего Конго. Эти кабинды, названные так по одноименному морскому порту на побережье Лоанго, -

чрезвычайно умный, энергичный и предприимчивый народ, смелые мореплаватели и активные торговцы. Но они жалуются на острую конкуренцию со стороны другого темного народа, *жудеуш претос*, или "черных евреев", которые называют себя *ма-вамбу*, и чей крючковатый нос в сочетании с другими особенностями заслужил для них португальское название. Кабинды говорят, что эти "семитские негры" были специально созданы для наказания других недобросовестных торговцев за их разорительную конкуренцию в торговле.

Большую часть обширного региона в излучине Конго занимает народ *ба-луба*, многочисленные ветви которого - *ба-санге* и *ба-сонге* у истоков Санкуру, *ба-шиланге* (*тушиланге*) у слияния Лулуа и Кассаи и многие другие - простираются от бассейна Кванго до Маньемаленда. Большинство из них - банту среднего типа, довольно умные, трудолюбивые и особенно известные своим мастерством в работе с железом и медью. Железные руды широко распространены, а медь поступает из знаменитых рудников района Катанга, которых король Мзиди и его последователи Ва-Ньямвези лишили в 1892 году в составе Свободного государства Конго .[275]

Курильщики бханга из Тушиланга.

Банту "Прогрессисты".

Особого внимания заслуживает народ *ба-шиланге*, за знание которого мы обязаны главным образом К. С. Латробу Бейтману[276] . Это те люди, которых Виссманн уже назвал "нацией мыслителей с постоянным вопросом "почему" на устах". Бейтман также описывает их как "досконально честных, храбрых до безрассудства и верных друг другу". Они с предубеждением относятся к чужим обычаям и спонтанно копируют обычаи цивилизации. Это единственное африканское племя, среди которого я наблюдал нечто похожее на становление супружеской привязанности и уважения. Не говоря уже о таких рекомендациях, как освобождение от фетишизма, древний отказ от каннибализма и национальное единство под властью действительно князя (Калемба), я считаю их наиболее открытыми для лучших влияний цивилизации из всех африканских племен, какие только есть[277] ." Их территория в районе Лулуа, притока Кассаи, - это так называемая Лубука, или земля "Дружбы", театр замечательной социальной революции, осуществленной независимо от всех европейских влияний, фактически до появления белых на сцене. Она была инициирована тайным братством *Бена-Риамба*, или "Сыновья конопля", созданным около 1870 года, когда нация разделилась на две партии по вопросу открытия страны для иностранной торговли. Король встал на сторону "прогрессистов", а "консерваторы" пострадали от кровопролития, после чего барьеры уединения были сметены. Сразу же были установлены торговые отношения с внешним миром, и обычай курения *риамбы* (бханга), к сожалению, был введен через суахильских торговцев из Занзибара. Сама эта практика вскоре стала ассоциироваться с мистическими обрядами, и за ней последовало общее ухудшение нравов по всей Тушиланде.

Ба-лоло - "люди из железа".

К северу от ба-луба следует великий народ *ба-лоло*, чьи владения охватывают почти весь регион между экватором и левым берегом Конго, и чья речь килоло еще более широко распространена, на ней говорят, возможно, 10 000 000 человек в пределах подковообразного изгиба. Эти "железные люди" в смысле "Железнобоких" Кромвеля, или "Рабочие из железа", как по-разному интерпретируется это название (от *lolo* - железо), возможно, не все, что изобразило их сияющее перо миссис Х. Граттан Гиннесс[278] ; но никто не станет отрицать их право считаться физически, если не умственно, одной из лучших

рас банту. Если бы не примесь негритянской крови, которую выдают опухшая нижняя губа, всклоченные волосы и широкие ноздри, многие из них могли бы сойти за обычных хамитов с высоким лбом, прямым или аквилонским носом, яркими глазами и умным выражением лица. По-видимому, они мигрировали около ста лет назад с востока на свои нынешние места обитания, где расчистили землю от лесов и аборигенов, возделали обширные участки и построили города по американскому образцу шахматной доски, но с домами, расположенными так далеко друг от друга, что на их обход уходит несколько часов. Они владеют многими ремеслами и понимают принцип разделения труда: "среди них уже различают фермеров, садовников, кузнецов, лодочников, ткачей, краснодеревщиков, оружейников, воинов и ораторов[279] ."

Западно-экваториальные банту.

Ба-калай.

С востока или северо-востока большой поток миграции также в течение многих лет шел прямо через зону каннибалов к западному побережью между Оговай и устьем реки Камерун. Некоторые из этих каннибальских групп, известные как *фаны*, *пахуины*, *мпангве*[280], *ошиебы* и под другими названиями, уже проникли в районы Габун и Нижний Оговай, где они вызвали значительную дислокацию прибрежных племен. В настоящее время они являются доминирующим или, по крайней мере, самым могущественным и страшным народом в Западной Экваториальной Африке, где только вмешательство французской администрации помешало им вытеснить *мпонгве*, *мбенга*, *оканда*, *ашанго*, *ишого*, *ба-теке*[281], и другие морские народы в Атлантику. Даже великий народ *ба-калаи*, который также является иммигрантом, но с юго-востока, и который прибыл за некоторое время до фанов, был сильно потеснен и вытеснен этими свирепыми антропофагами. Они все еще многочисленны, несомненно, более 100 000 человек, но ограничены в основном левым берегом реки Оговай, где их медные и железные рабочие отказались от безнадежной борьбы за конкуренцию с привозными европейскими изделиями и, следовательно, обратились к торговле. Ба-калаи теперь главные посредники и брокеры на всем экваториальном побережье, а их чистый язык банту вытесняет язык мпонгве в бассейне Оговай.

Поклонники-каннибалы.

Миграции, тип, происхождение.

Когда Боудич впервые услышал о них в 1819 году, паамвайсы, как он называет фанов, были внутренним народом с настолько выраженными хамитскими или европеоидными чертами, что он объединил их с западносуданскими фулахами. С тех пор происходили неизбежные смешения, в результате которых тип, несомненно, видоизменялся, хотя все еще представлял собой отчетливые черты небанту или негров. Бертон, Уинвуд Рид, Оскар Ленц и большинство других наблюдателей полностью отделяют их от негров, описывая их как "хорошо сложенных, высоких и стройных, со светло-коричневым цветом лица, часто склонным к желтизне, хорошо развитой бородой и очень выдающейся лобной костью, выделяющейся полукруглым выступом над надбровными дугами". В моральном отношении они также сильно отличаются от негров, будучи необычайно умными, правдивыми и серьезными, редко смеются и не предаются диким оргиям негров[282] ."

М. Х. Кингсли добавляет, что "средний рост в горных районах составляет от пяти футов шести до пяти футов восьми (1,67-1,72 м.), причем разница в росте между мужчинами и женщинами невелика. Их лица очень яркие и выразительные, и если вы однажды побывали среди них, то никогда не сможете перепутать фан. Фаны полны огня, темперамента, ума и прыти; они очень обучаемы, довольно трудно управляемы, быстро обижаются и совершенно равнодушны к человеческой жизни". Каннибализм Фанов, хотя и является распространенной привычкой, по мнению мисс Кингсли, не обусловлен жертвенными мотивами. "Он делает это в соответствии со здравым смыслом. Он съест родственников своего соседа, а взамен продаст соседу своего покойника; но он не покупает рабов и не откармливает их для своего стола, как это делают некоторые племена Среднего Конго..... У него нет ни рабов, ни военнопленных, ни кладбищ, так что выводы делайте сами[283] ." Сэр Х. Х. Джонстон отнес язык фанов к языкам банту, но он описывает его как настолько испорченный, что его можно только распознать как язык банту. Таким образом, по языковым, физическим и умственным характеристикам они демонстрируют заметное расхождение с чистыми неграми, что говорит о наличии хамитских, возможно, фулахских элементов.

Банту из Камеруна.

В регионе Камерун, который все еще находится на территории банту, сэр Х. Х. Джонстон[284] делит многочисленные местные племена на две группы: аборигены, такие как *ба-йонг*, *ба-лонг*, *ба-са*, *або* и *вури*; и более поздние вторженцы - *ба-кунду*, *ба-квири*, *двала*, "*Великая Батанга*" и *ибеа* - в основном с востока и юго-востока. Наиболее известны двала из устья реки Камерун, физически типичные банту с почти европейскими чертами лица и хорошо развитыми детенышами, что само по себе достаточно, чтобы отделить их от настоящих негров. Эти черты также не являются следствием контакта с белыми поселенцами на побережье, поскольку двалы держатся в стороне и так гордятся своей "голубой кровью", что до недавнего времени всех полукровок "выкашивали", считая их чудовищами, дискредитирующими племя .[285]

Банту-суданское пограничье.

В социальном плане уроженцы Камеруна стоят почти на том же низком уровне культуры, что и соседние полнокровные негры из дельты Калабара и Нигера. Действительно, переход в обычаях и институтах, а также во внешнем облике едва заметен между народами, живущими к северу и югу от Рио-дель-Рей, где проходит разделительная линия между землями негров и банту. *Ба-киш* с реки Меме, почти последние из банту, мало чем отличаются, кроме речи, от *негров-эфиков* Старого Калабара, а колдовство и другие грубые суеверия до недавнего времени были так же распространены среди племен *ба-квири* и *ба-кунду* на западе Камеруна, как и везде в Негроленде. Не так давно один из *ба-квири*, уличенный в том, что съел курицу за столом миссионера, был сам съеден своими соплеменниками. Закон "кровь за кровь" неумолимо соблюдался, и обвинения в колдовстве были настолько часты, что целые деревни обезлюдели или были покинуты их охваченными ужасом жителями. Так, остров Амбас в одноименном заливе некоторое время оставался абсолютно безлюдным, "большинство жителей отравили друг друга своими вечными испытаниями, а немногие оставшиеся в живых покончили с тем, что боялись самого воздуха, которым дышали[286] ."

Ранние миграции банту - ключ к их направлению.

Завершив таким образом исследование населения банту от центральной разделительной линии на водоразделе Конго и Чад, огибая восточное, южное и западное побережья, и возвращаясь к суданской зоне, мы можем сделать паузу, чтобы спросить: Какими маршрутами следовали сами банту в течение долгих веков, необходимых для их

распространения на территории, оцениваемой почти в шесть миллионов квадратных миль? Я установил, по-видимому, на твердых основаниях, фиксированную точку первоначального рассеяния на крайнем северо-востоке, и часто упоминал о миграциях, некоторые из которых продолжаются даже сейчас, в целом с востока на запад, а на восточной стороне континента - с севера на юг, с важным, но все еще довольно недавним оттоком из Зулуленда почти до Виктории-Ньянзы. Если предположить, что в доисторические времена на атлантическом континенте существовало параллельное течение с юга на север, от Херероланда до Камеруна, или, возможно, в обратном направлении, то мы получим почти все факторы, необходимые для объяснения общего рассеяния народов банту по их обширным владениям.

Восточное происхождение и западные поклонники природы.

В пользу этой точки зрения говорит любопытное распределение двух главных бантуских имен "Высшего существа", о котором уже упоминалось вскользь. Как впервые отметил д-р Блик, *(M)unkulunkulu* с его многочисленными вариантами преобладает вдоль восточного побережья, *Nzambi* - вдоль западного, и оба - во многих внутренних районах; при этом местами они встречаются, как бы указывая на доисторическое сплетение двух великих первобытных миграций. Из прилагаемой таблицы можно получить четкое представление об общем распределении:

	Мункулункулу	Нзамби	
Восточный морское побережье и части	Мпондо: Укулукулу	Эши-Конго: Нзамби	Запад
	Зулусы:	Кабинда: Нзамби-	Морское побережье
Внутренние районы	Ункулункулу	Понго	и
	Ингамбане:	Лунда: Замби	части
	Мулунгулу		Внутренние районы
	Софала: Мурунгу	Ба-Теке: Нзам~	
	Бе-Чуана: Мулунгулу	Ба-Ротсе: Ньямпе	
	Озеро Моэро:	Бихе: Нзамби	
	Мулунгу		
	Озеро Танганьика:	Лоанго: Замби,	
	Мулунгу	Ньямби	
	Макуа: Молоко	Бунда: Онзамби	
	Квиллимане:	Ба-Нгала: Нсамби	
	Млугу		
	Озеро Бангвеоло:	Ба-Келе: Ншамби	
	Мунгу		
	Тете, Замбези:	Рунгу: Аньямби	
	Муунгу		
	Ньясаленд:	Ашира: Аньемби	
	Мурунгу		
	Суахили: Муунгу	Мпонгве: Нджамби	
	Гирьяма: Мулунгу	Бенга: Аньямби	
	Покомо: Мунго	Дуала: Ньямби	
	Ньика: Мулунгу	Янзи: Ньямби	
	Камба: Мулунгу	Хереро: Ндиамби	

Янзи: Молонго
Хереро: Мукуру

Примитивное представление о *Мункулункулу* достаточно ясно из его наиболее сохранившейся формы, зулусского *Ункулункулу*, которое является повторением корня *inkulu*, великий, старый, следовательно, обожествлением великого ушедшего, прямым результатом поклонения предкам, столь распространенного среди негритянских и бантуязычных народов[287]. Таким образом, Ункулункулу становится прямым прародителем зулусов-хоса: *Unkulunkulu ukobu wetu*. Однако основное значение *Nzambi* неизвестно. Корень не встречается в Киши-Конго, и Бентли справедливо отвергает надуманное объяснение Кольбе из языка гереро, добавляя, что "знание о Боге очень смутное, едва ли более чем номинальное. Нет никакого поклонения Богу[288]."

Более вероятным кажется предположение У. Х. Тука о том, что Нзамби - это "дух природы, подобный Зевсу или Индре", и что, в то время как восточные банту являются поклонниками предков, "западные приверженцы Нзамби в большей или меньшей степени являются поклонниками природы. В этом отношении они, по-видимому, приближаются к неграм Золотого, Невольничьего и Нефтяного побережий[289].". Несомненно, культ мертвых преобладает и в этом регионе, но здесь он сочетается с натуралистическими формами верований, как на Золотом побережье, где *Бобовисси*, главный бог всех южных племен, является "нагнетателем облаков", "создателем дождя", и на Невольничьем побережье, где *дахоман Маву* и *йоруба Олорун* являются соответственно Небом или Дождем и "Владельцем Неба" (обожевленной Твердыни) .[290]

Заключение.

Таким образом, представляется вероятным, что народы мункулункулу с северо-востока постепенно распространились по указанным маршрутам по всей территории Бантуланда, повсеместно навязывая свою речь, общую культуру и культ предков аборигенам до Банту, за исключением атлантического побережья и внутренних районов. Здесь примитивное поклонение природе, воплощенное в Нзамби, удерживало и продолжает удерживать свои позиции, оба встречаются на равных - как показано в приведенной выше таблице - среди Ба-Янзи, Ова-Гереро и Бе-Чуанас (*Мулунгулу* в целом, но *Ньямпе* в Баротселенде), и, несомненно, в других внутренних регионах. Но абсолютное преобладание одних на восточной, а других на западной стороне континента кажется убедительным в отношении общих потоков миграции, а удивительное единообразие номенклатуры является еще одной иллюстрацией почти невероятного сохранения речи банту среди этих многочисленных неграмотных групп населения в течение неисчислимого периода времени .[291]

Ваалпены и Страндлуперы.

Каттеа или ваалпены.

К этнологическим проблемам Африки можно отнести *ваалпенов* и *страндлуперов*. Вдоль берегов Лимпопо между Трансваалем и Южной Родезией рассеяно несколько небольших групп крайне примитивного народа, который обычно путают с бушменами, но в некоторых важных аспектах он отличается от этой расы. Некоторые авторы называют их "землянами", но настоящее их имя - *каттеа*, хотя соседи называют их либо *ма-сарва* ("плохие люди"), либо *ваалпенс* ("серые пуанты") из-за цвета хаки, который приобрели их тела от ползания на четвереньках в своих подземных жилищах. Но на самом деле их цвет почти черный, а

поскольку их рост составляет всего около четырех футов, то они вполне отличимы и от высоких бантусов, и от желтоватых готтентотов-бушменов. Для зулусов они просто "собаки" или "стервятники" и, безусловно, самые деградировавшие из всех аборигенов, которые, несомненно, являются каннибалами, поедающими своих стариков и немощных, как некоторые племена амазонок. Их жилища - это норы в земле, скалы-убежища, пещеры, а в последнее время - несколько лачуг из грязи и листвы у подножия холмов. Об их речи ничего не известно, кроме того, что она абсолютно отлична как от банту, так и от бушменов. У них нет никаких искусств или производств, нет даже оружия, кроме того, что они приобретают в обмен на страусиные перья, шкуры или слоновую кость. Но они умеют добывать огонь и, таким образом, могут готовить отбросы, которые буры бросают им в обмен на их помощь в снятии шкур с пойманной дичи. Есть ли у них какие-либо религиозные представления, сказать невозможно: все контакты с окружающими народами ограничиваются бартером, который осуществляется на языке жестов, поскольку никто еще не овладел их языком. Говорят о "вожде", но это всего лишь староста, возглавляющий небольшие семейные группы от тридцати до пятидесяти человек (племен, называемых так, нет), чьи чисто домашние функции приобретаются не по наследству, а по личным достоинствам, то есть физической силе. В целом каттеа - это, пожалуй, самое совершенное воплощение чистого дикаря, которое еще где-либо сохранилось .[292]

Стрэндлуперы.

Когда сто и более лет назад ученые расспрашивали готтентотов Южной Африки об их традициях, они говорили о своих предшественниках на побережье Южной Африки как о дикой расе, живущей на берегу моря и питающейся моллюсками и телами выброшенных на берег китов. По их повадкам их называли по-голландски Strandloopers или "Бегущие по берегу"[293]. По мнению Ф. К. Шрубсолла, стрэндлуперы из пещер Капской колонии предшествовали бушменам в Южной Африке. Это была раса низкорослых, но не карликовых людей с гораздо большим объемом черепа, чем у среднестатистической расы бушменов. Крайний предел объема черепа у стрэндлуперов составлял более 1600 см³, в то время как крайний минимум у бушменов опускается до 955 см³. Лобная часть черепа развита гораздо лучше, чем у бушменов, и в этом отношении они больше похожи на негров. Выступ надбровной дуги практически отсутствует, а один из черепов, по крайней мере, имеет такой же ортогнатический угол лица, как и у европейцев. Л. Перингуэй также отмечает, что этот тип был менее долихоцефальным, чем бушмены и готтентоты, с цефалическим индексом менее 80. "Он был художественно одарен, как и раса, занимавшая и украшавшая Альтамиру... и другие пещеры Испании и Франции. Он рисовал; возможно, вырезал на скалах; использовал костяные орудия; изготавливал керамику; перфорировал камни для булавы или для использования в качестве грузил для землеройных инструментов; его украшения состояли из морских раковин; а диски из скорлупы страусиных яиц, которые он делал, можно назвать типичным продуктом его промышленности. И эта культура сохранилась в Южной Африке у родственной расы, но более долихоцефальной - бушменов-готтентотов. Большинство его орудий труда и проявлений культуры аналогичны орудиям труда ауриньякского человека".

Негриллы.

Негриллы.

Негриллы при дворах фараонов.

Собственным ареалом африканских негрилло являются межтропические леса, хотя в настоящее время, если не считать бушменов, они, по-видимому, обитают в довольно узких пределах, примерно между шестью градусами северной и южной широты от экватора. Но раньше они, вероятно, обитали гораздо дальше на севере, а в исторические времена, несомненно, были известны в Египте примерно 4000 или 5000 лет назад. Об этом свидетельствуют частые упоминания о них в "Книге мертвых" еще во времена VI династии. Как и гномы в средневековые времена, они пользовались большим спросом при дворах фараонов, которые отправляли экспедиции за этими *дангами (танками)* с "Острова двойников", то есть из сказочного региона Тенистой страны за Пунтом, где они обитали. Первый из них, о котором имеются достоверные сведения, был привезен из этого региона, по-видимому, Белого Нила, царю Ассу (3300 г. до н. э.) его офицером Бауртетом. Примерно 70 лет спустя Херу-Хуф, другой офицер, был послан Пепи II "вернуть пигмея живым и здоровым" из страны больших деревьев на юге[294]. О том, что Данга пришли с юга, мы знаем из более поздней надписи в Карнаке, а то, что это слово означало карлика, ясно из сопутствующего детерминатива, обозначающего невысокого человека низкого роста.

Любопытно отметить в этой связи, что известняковая статуя карлика Нем-Хотепа, найденная в его гробнице в Саккаре и изображенная Эрнестом Гроссе, имеет толстую вытянутую голову, предполагающую искусственную деформацию, бесформенный рот, тупое выражение лица, сильную полную грудь и маленькие деформированные ноги, на которых он кажется плохо сбалансированным. Следует помнить, что акки Швайнфурта из Мангбаттуленда также были представлены как грузные, хотя лучшие наблюдатели, Юнкер и другие, описывают акков из лесов Велле и Конго как стройных и ни в коем случае не плохо сбалансированных.

Негриллы и пигмейский фольклор.

Коллманн, исследовавший останки пигмеев эпохи неолита на станции Швайцербильд в Швейцарии, "совершенно уверен, что карликовые пропорции последних не имеют ничего общего с болезнью". Это, со многих точек зрения, очень интересное открытие. Возможно, как предполагает Нюэш, широко распространенная легенда о существовании в прошлом маленьких человечков, карликов и гномов, которые якобы обитали в пещерах и уединенных местах в горах, может быть реминисценцией этих неолитических пигмеев[295]. "

Думе и Доко, предполагаемые гномы.

Это то, что можно назвать живописным аспектом вопроса о негрилло, который, кажется, почти жалко портить слишком суровой критикой. Но "этнологическая правда" обязывает нас сказать, что отождествление африканских негрилло с европейскими карликами Коллманна все еще не имеет научного подтверждения. Здесь нас подводит даже краниология, и хотя негрилло в подавляющем большинстве круглоголовые, Р. Верно показал, что могут быть исключения[296], в то время как теория общего единообразия физического типа разрушилась в некоторых других моментах. Так, *думе*, к югу от Галлаланда, открытые Дональдсоном Смитом[297] в районе, где о негрилло *Доко* уже давно слышали, и даже видели Антуана д'Аббади в 1843 году, оказались в среднем пятифутовыми, или более чем на один фут выше, чем у истинных негрилло. Д'Аббади фактически заявил, что его "*доко*" вовсе не были пигмеями[298], в то время как Дональдсон Смит теперь говорит нам, что "*доко*" - это всего лишь термин презрения, применяемый местными племенами к своим "бедным родственникам". "Их главными характеристиками были черная кожа, круглые черты лица, шерстяные волосы, маленькие глаза овальной формы, довольно толстые губы, высокие скулы, широкий лоб и очень хорошо сложенные тела" (с. 273).

Выражение глаз было клыкастым, "иногда робким и подозрительным, иногда очень приветливым и веселым, а затем внезапно менялось на выражение сильного гнева". Пигмеи, добавляет он, "населяли всю страну к северу от озер Стефани и Рудольф задолго до появления любого из племен, которые сейчас можно найти по соседству; но они постепенно истреблялись в войнах и утратили свои особенности в результате межродовых браков с людьми большого роста, так что только этот маленький остаток, думе, остается доказательством существования пигмейской расы. Раньше они жили в основном охотой, и до сих пор убивают множество слонов своими отравленными стрелами" (с. 274-5).

Охотники Вандороббо.

Некоторые из этих замечаний относятся и к *вандороббо*, еще одному небольшому народу, который обитает почти так же далеко на севере, как и думе, но встречается в основном южнее, по всему Масаиланду, и, я почти не сомневаюсь, принадлежит к той же группе. Это приспешники масаи, которых они снабжают крупной дичью в обмен на услуги водолазов.

Те, кого встретил У. Астор Чанлер, также были "вооружены луками и стрелами, и каждый нес слоновое копье, которое они называют *бонати*. Это копье шести футов в длину, толстое с обоих концов и сужающееся в месте захвата рукой. В одном конце просверлено отверстие, в которое вставляется стрела длиной в два фута, толщиной с большой палец и с головкой шириной в два дюйма. Слонов они убивают так: осторожно подкрадываются к животному и втыкают копье в его поясницу. Быстрым движением копье отделяется от стрелы, и они уходят так быстро и бесшумно, как только возможно. Во всех случаях стрелы отравлены, и если они хорошо вошли в тело животного, слон не уходит далеко[299]."

Мимики вочуа.

Из некоторых особенностей негриллов ачуа (вочуа), встреченных Юнкером к югу от Велле, можно понять, почему эти маленькие люди были так любимы старыми египетскими царями. Они "отличались острой наблюдательностью, удивительным талантом к мимикрии и хорошей памятью". Ярким доказательством этого был Ахуа, которого я видел и измерял четыре года назад в Румбеке, а теперь снова встретил у Гамбари. Его комические манеры и быстрые проворные движения сделали этого малыша клоуном нашего общества. Он с удивительной точностью подражал особенностям людей, которых он когда-то видел; например, жестам и выражению лица Джуссуфа-паши эш-Шелахи и Хаджа Халиля во время их богослужений, а также обращению и движениям Эмина-паши, "с четырьмя глазами" (очками). Его имитация Хаваша Эффенди в ярости, бушующего и оскорбляющего всех, имела большой успех; и теперь он взял меня с собой в жизнь, повторив через четыре года, до мельчайших деталей и с удивительной точностью, мои антропометрические показатели при измерении его тела в Румбеке[300]."

Несколько похожий рассказ дает Людвиг Вольф о пигмеях ба-тва, которых он и Виссманн посетили в Кассайском районе. Здесь в лесных полянах есть целые деревни, населенные маленькими людьми со средним ростом около 4 футов 3 дюймов. Они кочевники, занимаются исключительно охотой и приготовлением пальмового вина, и рассматриваются своими соседями ба-кубу как доброжелательные маленькие люди, чья особая миссия заключается в обеспечении окружающих племен дичью и пальмовым вином в обмен на маниок, маис и бананы.[301]

Несмотря на вышеупомянутые отклонения, встречающиеся в основном на пограничных территориях, среди типичных групп негрило, разбросанных небольшими охотничьими общинами по лесам Уэлле, Семлики, Конго и Оговайи, наблюдается значительное

единообразие как физических, так и психических характеристик. Основные черты их характера описываются следующим образом. Кожа у них красноватого или желтовато-коричневого цвета, иногда очень темная. Их рост варьируется от 1,37 до 1,45 м (от 4 футов 4¼ дюйма до 4 футов 9¼ дюйма. [302]). Шерсть очень короткая и шерстистая, обычно темного ржаво-коричневого цвета; волосы на лице разнообразны, но тело обычно покрыто светлым пухом. Цефалический индекс составляет 79. Нос очень широкий и исключительно уплощенный у корня; губы обычно тонкие, верхняя длинная; глаза выпуклые; лицо иногда прогнатично. Встречается стеатопигия. Это заметно умный народ, врожденно музыкальный, хитрый, мстительный и подозрительный, но никогда не воровший.

Это кочевые охотники и собиратели, никогда не прибегающие к земледелию. У них нет домашних животных. Готовят только мясо. Они не носят никакой одежды. Они используют луки и отравленные стрелы . Их язык неизвестен. Они живут небольшими общинами, в центре которых стоит хитрый боец или умелый охотник. Их мертвых хоронят в земле. Они отличаются от окружающих негров тем, что не почитают усопших, не пользуются амулетами, не имеют магов и профессиональных священников. У них есть амулеты, обеспечивающие удачу на охоте, но неизвестно, исходят ли эти амулеты от верховного существа, хотя свидетельства веры в верховного бога имеются у различных пигмейских народов. [303]

Бушмены и хоттентоты.

Бушмены и хоттентоты. Прежний и нынешний ареал.

На юге владения негрилло ранее граничили с владениями бушменов, следы которых были обнаружены сэром Х. Х. Джонстоном [304] вплоть до озер Ньяса и Танганьика, и которые, как предполагается, принадлежат к одному и тому же первобытному народу. Различия в умственном и физическом развитии, разделяющие эти две части семьи, возможно, объясняются разной средой обитания - жаркой, влажной и густо заросшей лесом на севере и открытой степью на юге, - но пока об африканских пигмеех не будет известно больше, их родство должно оставаться неопределенным.

Взаимоотношения между бушменами и хоттентотами - еще один спорный вопрос. Ранние власти считали хоттентотов родительской семьей, а бушменов - потомством, но исследования Густава Фрича, Э. Т. Хами, Ф. Шрубсолла [305] и других показывают, что хоттентоты - это скрещивание бушменов - первобытной расы - и банту, причем бушменский элемент проявляется в кожистом окрасе, выдающихся скулах, остром подбородке, стеатопигии и других особенностях.

Ва-сандави.

В доисторические времена хоттентоты обитали на обширной территории. В настоящее время получены доказательства присутствия поздней группы хоттентотов или хоттентотов-бушменов далеко на севере, в районе Ква-Кокуе, между Килиманджаро и Виктория-Ньянза. Люди *ва-сандави*, которых здесь посетил Оскар Нойманн, не являются бантусами и говорят на языке, радикально отличающемся от языка соседних бантусов, но полным клише, как у бушменов [306] . Два черепа сандави, исследованные Вирховым [307] , показали отчетливые признаки хоттентотов: объем черепа 1250 и 1265 см³ , выступающая верхняя челюсть и ортодолическая голова [308] . Географический префикс *Kwa*, распространенный в округе (Kwa-Kokue, Kwa-Mtoro, Kwa-Hindi), является чистым хоттентотским, означающим "люди", как и постфикс *qua* (*Kwa*) в *Kora-qua*, *Nata-qua* и т.д. в современном домене хоттентотов. Перенос префиксов и постфиксов - распространенное языковое явление, наблюдаемое в

шумеро-аккадском языке Вавилонии, в неосанскритских языках Индии, а также в латинском, осканском и других языках древнеиталийской группы.

Географические названия хоттентотов в Бантуланде.

Еще дальше к югу широко распространенная географическая терминология хоттентотов-бушменов свидетельствует о бывшем ареале обитания этой примитивной расы по всей Южной Африке, вплоть до Замбези. Лихтенштейн уже обнаружил такие следы в стране зулусов[309], а Ватер отмечает, что "для некоторых районов этот факт полностью установлен; горы и реки, ныне занятые коосса [Ама-Хоса], сохраняют в своих хоттентотских названиях несомненное доказательство того, что когда-то они составляли постоянное владение этого народа[310]."

Благодаря обычаю возводить груды камней или каирны над могилами знаменитых вождей, миграции хоттентотов можно проследить в различных направлениях до самого сердца Южной Замбезии. Здесь память об их былом присутствии увековечена в названиях таких рек, как Нос-об, Ап, Мол-опо, Хиг-ап, Гар-иб, в которых слоги *ob*, *up*, *ap*, *ib* и другие являются вариантами хоттентотского слова *ib*, *ip*, *water*, *river*, как в *Гар-иб*, "Великой реке", ныне более известной как Оранжевая река. Те же признаки можно проследить по всему континенту до Атлантики, где почти все прибрежные ручьи - даже в Герероленде, где язык давно вымер, - имеют то же окончание.[311]

Хоттентоты исчезают.

На западе страны о бушменах еще можно услышать вплоть до Кунене, а во внутренних районах за озером Нгами - почти до правого берега Замбези. А вот готтентоты теперь обитают в основном в Большом и Малом Намакваленде. В других местах, по-видимому, нет полнокровных туземцев этой расы: кораква, гонаква, гриква и т. д. - все они готтентоты-буры или готтентоты-банту - полукасты с голландской речью. В Капской колонии племенная организация прекратила свое существование в 1810 году, когда последний вождь хоттентотов был заменен европейским магистратом. До сих пор кораквы держатся несколько обособленно в районе рек Верхний Оранжевый и Ваал, гриквас - в Грикваленд-Ист, а гонаквас, то есть "бордеры", постепенно сливаются с бантуязычным населением Восточных провинций. В настоящее время к югу от Оранжевой реки насчитывается едва ли 180 000 человек, и большинство из них - полукровки.[312]

Фольклорная литература бушменов.

Несмотря на крайне низкий уровень культуры, или, можно сказать, почти полное ее отсутствие, бушмены отличаются двумя замечательными качествами: тонким чувством живописного или графического искусства[313], и богатым воображением, проявляющимся в богатом устном фольклоре, большая часть которого, собранная Бликом, хранится в рукописном виде в библиотеке сэра Джорджа Грея в Кейптауне[314]. Материалы, хранящиеся здесь для будущего использования, возможно, спустя долгое время после того, как сама раса исчезнет навсегда, составляют не менее 84 толстых томов 3600 страниц в две колонки, а также незаконченный словарь бушменов с 11 000 записей. В нем два больших раздела: (1) Мифы, басни, легенды и поэзия, рассказывающие о солнце и луне, звездах, *богомол*ах и других животных, легенды о народах, живших на земле до бушменов, песни, заклинания и даже молитвы; (2) Истории, приключения людей и животных, обычаи, суеверия, генеалогии и так далее.

Язык и кликушество бушменов-готтентотов.

В сказках и мифах солнце, луна и животные говорят либо своими собственными кликухами, либо используют обычные кликухи в свойственной им манере. Так, Блик рассказывает, что черепаха меняет щелчки на губные, ихневмон - на нёбные, шакал заменяет язычно-палатальные на губные, а луна, заяц и муравьед используют "самый непроезжимый щелчок" собственного происхождения. Сколько их всего, и ни одно из них не может быть правильно произнесено европейцами, никто, кажется, не знает. Но грамматики перечислили девять, обозначив каждый графическим знаком, как показано ниже:

Cerebral..... !	Palatal..... ;
Dental	Lateral (Faucal)
Guttural..... }	Labial..... □
Spiro-dental 7	Linguo-palatal ... □
Undefined x	

Из языка бушменов - языка, находящегося в состоянии текучести, фрагментарного, как и небольшие племенные или, скорее, семейные группы, говорящие на нем[315], - эти странные невнятные звуки перешли в количестве четырех в отдаленно родственный язык хоттентотов, а затем в количестве трех - в совершенно не связанный с ним язык зулу-ксоа. Но, насколько мне известно, они больше нигде не звучат, кроме как среди недавно обнаруженного народа ва-сандави в Южном Масаиланде. В то же время мы почти ничего не знаем о языках негрилло, и если будет обнаружено, что щелчки составляют элемент их фонетической системы[316], это подтвердит предположение об общем происхождении всех этих карликовых рас, которое сейчас несколько дискредитировано по анатомическим причинам.

Психические особенности бушменов.

М. Г. Бертин, которому мы обязаны прекрасной монографией о бушменах[317], справедливо замечает, что он, по крайней мере, в умственном отношении, не настолько испорчен, как его описывали первые путешественники, а также соседние банту и буры, которых он всегда презирал и преследовал. "Больше всего он любит свободу, не признает ни одного хозяина и не имеет ни одного раба. Именно эта любовь к независимости заставила его предпочесть бродячую жизнь охотника мирной жизни земледельца или пастуха, как у хоттентотов. Он редко строит хижины, а предпочитает для жилья естественные пещеры, которые находит в скалах. В других местах он устраивает своеобразные гнезда в кустарнике - отсюда его название "бушмен" - или роет ногтями подземные пещеры, от которых он получил название "землянин". Его одежда состоит только из небольшой шкуры. Его оружием по-прежнему являются копье, стрелы и лук в их самой примитивной форме. Копье - это просто ветка дерева, к которой привязан кусок кости или кремня; стрела - всего лишь тростник, обработанный таким же образом. Наконечники стрел и копий всегда отравлены, чтобы сделать смертельными легкие раны, которые они наносят. Он не собирает стада, которые могли бы помешать его передвижению, и прибегает к помощи таких же диких собак, как и он сам. У бушменов, однако, есть одно орудие - округлый камень, перфорированный посередине, в который вставлен кусок дерева; этим инструментом, который переносит нас в первую эпоху человека, они выкапывают несколько съедобных корней, растущих в пустыне. Чтобы добыть огонь, он все еще сохраняет примитивную систему трения двух кусков дерева - еще одно доисторическое выживание".

Расовые названия бушменов.

Что касается их названий, то очевидно, что эти разрозненные группы, не имеющие наследственных вождей или какой-либо социальной организации, не могли иметь коллективного обозначения. Термин *кхуай*, имеющий неопределенное значение, но, вероятно, приравниваемый к хоттентотскому *кхой*, "люди", является названием только одной группы, хотя часто применяется ко всей расе. *Саан*, их хоттентотское название, является множественным числом *Са*, термин также неопределенного происхождения; *Ба-роа*, существующее среди Бе-Чуана, не было объяснено, в то время как зулусское *Абатва*, похоже, связывает их даже по названию с *Ба-Тва* Вольфа и Стэнли из лесного региона Конго. Другие так называемые племенные названия (в строгом смысле слова "племен" не существует) являются либо прозвищами, навязанными им их соседями, либо терминами, взятыми из местностей, как среди фуэгийцев.

В заключение можно привести слова В. Дж. Солласа: "Чем больше мы узнаем об этом удивительном маленьком народе, тем больше мы учимся восхищаться и любить его. Ко многим прочным достоинствам - неутомимой энергии, безграничному терпению и плодотворной изобретательности, непоколебимому мужеству, преданной верности и семейной привязанности - они добавили исконную утонченность манер и редкое эстетическое чувство. На их примере мы можем узнать, насколько тонкие жизненные качества могут быть достигнуты на стадии охоты. В свой золотой век, до прихода цивилизованного человека, они наслаждались жизнью в полной мере, радуясь с радостью первобытных существ. История их последних дней, их истребления и жестокого способа его проведения - это ужасная история, на которой мы не хотим останавливаться. Они больше не бродят по освещенным солнцем вельдам, их охота окончена, их нация уничтожена; но они оставили после себя нетленную память, они увековечили себя в своем искусстве^[318]."

ССЫЛКИ:

[223] К. Майнхоф считает, что прото-банту возник в результате смешения суданского языка с языком, родственным фула. *An Introduction to the Study of African Languages*, 1915, p. 151 sqq.

[224] Банту, правильно Аба-анту, "люди". Аба - один из многочисленных личных префиксов, каждый из которых имеет соответствующую форму единственного числа, что является причиной большой путаницы в номенклатуре банту. К *аба*, *аб*, *ба* отвечает синг. *umu*, *um*, *mu*, так что синг. *umu-ntu*, *um-ntu* или *mu-ntu*, человек, личность; plu. *aba-ntu*, *ab-ntu*, *ba-ntu*. Но в некоторых группах *му* также имеет множественное число, основные диалектические варианты: *ама*, *аба*, *ма*, *ба*, *ва*, *ова*, *ва*, *вуа*, *у*, *а*, *о*, *эши*, как в ама-зулу, му-саронго, ма-йомба, ва-суахили, ова-гереро, вуа-тва, ба-суто, эши-конго. Предварительную классификацию африканских племен см. в статье Т. А. Джойса, ст. "Африка: Ethnology," *Ency. Brit.* 1910, p. 329. Классификацию языков банту на 44 группы см. в Н. Н. Johnston, Art. "Языки банту", *loc. cit.*

[225] *Eth.* Ch. XI.

[226] *Le Naturaliste*, Jan. 1894.

[227] *Tour de Monde*, 1896, I. p. 1 sq.; и *Les Bayas; Notes Ethnographiques et Linguistiques*, Paris, 1896.

[228] Д. Рэндалл-МакИвер, *Средневековая Родезия*, 1906. Но Р. Н. Холл, "Доисторическая Родезия", 1909, решительно возражает против этой точки зрения. См. ниже, с. 105.

- [229] Даже Типу Тиб, их главный вождь и "принц работоторговцев", был полукровкой с ярко выраженными негроидными чертами лица.
- [230] "Afilo wurde mir vom Lega-König als ein Negerland bezeichnet, welches von einer Galla-Aristokratie beherrscht wird" (*Petermann's Mitt.* 1883, V. p. 194).
- [231] Ба-хима - пастухи в Буганде, своего рода аристократия в Уньоро, правящая каста в Торо и доминирующая раса с династиями в Анколе. Название варьируется в разных областях.
- [232] *Journ. Anthr. Inst.* 1895, p. 424. Подробности о типе Ба-Хима см. в *Eth.* p. 389.
- [233] J. Roscoe, *The Northern Bantu*, 1915, p. 103. Здесь также описаны бакене, обитатели озер, багесу, племя каннибалов, басога и нилотские племена батесо и кавирондо.
- [234] Дж. Роско, *loc. cit.* стр. 4, 5.
- [235] "Обзор этнографии Африки", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, p. 390.
- [236] *Handwerk und Industrie in Ostafrika*, 1910, p. 147.
- [237] "Die erste Ausbreitung des Menschengeschlechts". *Pol. Anthropol. Revue*, 1909, p. 72. Ср. хронологию на с. 14 выше.
- [238] *Этнология*, стр. 199.
- [239] Уганда - название, применяемое сейчас ко всему протекторату, Буганда - маленькое королевство, Баганда - народ, Муганда - один человек, Луганда - язык. Н. Н. Johnston, *The Uganda Protectorate*, 1902, и J. F. Cunningham, *Uganda and its Peoples*, 1905, охватывают большую часть элементарной антропологии Восточно-Центральной Африки.
- [240] Легенда подробно описана Х. М. Стэнли в "*Through the Dark Continent*", Vol. I. p. 344 sq. Другой, менее мифический рассказ о миграции "людей с белой кожей с дальнего северо-востока" приводится у Эмин-паша преподобным Р. П. Эшем в "*Two Kings of Uganda*", p. 336. Здесь прямо говорится, что иммигранты Ба-Хима "переняли язык аборигенов" (p. 337).
- [241] Sir H. N. Johnston, *op. cit.* p. 514.
- [242] За исключением клана Лунг-фиш.
- [243] J. Roscoe, *The Baganda*, 1911.
- [244] О ва-кукуйю см. W. S. and K. Routledge, *With a Prehistoric People*, 1910, и статьи К. В. Хобли в *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910, и XLI. 1911. Амхарака описаны А. М. Чемпионом, *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLII. 1912, p. 68. По этому региону см. C. Eliot, *The East Africa Protectorate*, 1905; K. Weule, *Native Life in East Africa*, 1909; C. W. Hobley, *Ethnology of the A-Kamba and other East African Tribes*, 1910; M. Weiss, *Die Völkerstämme im Norden Deutsch-Ostafrikas*, 1910; и A. Werner, "The Bantu Coast Tribes of the East Africa Protectorate," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLV. 1915.
- [245] *Официальный отчет о Восточно-Африканском протекторате*, 1897.
- [246] *Словарь языка гирьяма*, S.P.C.K., 1897.
- [247] *Путешествия по побережью Британской Восточной Африки*, Лондон, 1898, с. 103 sq.
- [248] А. Вернер, "Тексты Гирьяма", *Zeitschr. f. Kol.-spr.* Oct. 1914.

[249] Став основным средством общения в южных районах проживания банту, ки-суахили старательно культивируется, особенно английскими миссионерами, которые разумно отказались от арабского языка в пользу римских символов. Уже существует обширная литература, включающая грамматики, словари, переводы Библии и другие работы, и даже *"История Рима"*, изданная S.P.C.K. в 1898 году.

[250] У. Э. Х. Барретт, "Заметки об обычаях и верованиях ва-гириама" и т. д., *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLI. 1911, дает более подробную информацию. Полный обзор религиозных верований племен банту см. в E. S. Hartland, Art. "Bantu and S. Africa", *Ency. of Religion and Ethics*, 1909.

[251] Это название до сих пор сохранилось в *Занге-баре* ("Страна Занг") и на соседнем острове *Занзибар* (индийское искажение). *Занг* - "черный", а *бар* - то же арабское слово, означающее сухую землю, что и в *Мала-баре* на противоположном берегу Индийского океана. Ср. также *barran wa bahran*, "по суше и по морю".

[252] *Viage por Malabar y Costas de Africa*, 1512, перевод достопочтенного Генри Э. Дж. Стэнли, Хаклюйтовское общество, 1868.

[253] Предпочтение отдается более популярной форме *Зулу-Кафир*, где *Кафир* - это просто арабское "неверный", применяемое без разбора к любому народу, отвергающему Ислам; отсюда *Суах Пош Кафиры* ("Неверные в черных одеждах") в Афганистане; оазис *Куфра* в Сахаре, где *Куфра*, множественное число от *Кафир*, относится к язычникам Тибу этого района; и Кафиры вообще на восточном побережье Африки. Но согласно английскому словоупотреблению, *зулусы* относятся к северной части территории, в основном к Зулуленду и Наталю, в то время как Кафирленд или Кафрария ограничивается южной частью между Наталем и рекой Грейт-Кей. Основная масса этих южных "кафиров" принадлежит к племени ксоса; поэтому этот термин занимает место *кафиров* в сложном выражении *зулусы-ксоса*. Ама объясняется на с. 86, а X в *Xosa* представляет собой непроизносимую комбинацию гортанного и бокового щелчка, который вместе с двумя другими щелчками (зубным и палатальным) заразил речь этих банту во время их долгих доисторических войн с готтентотами или бушменами. См. с. 129.

[254] См. с. 86 выше.

[255] См. замечательную монографию о ба-тхонгах, написанную Х. А. Джунодом, *"Жизнь южноафриканского племени"*, 1912.

[256] Роберт Кодрингтон рассказывает, что эти А-Нгони (Аба-Нгони) происходят от зулусского племени, которое переправилось через Замбези около 1825 года и обосновалось к юго-востоку от Танганьики, но позже мигрировало на возвышенности к западу от Ньясы, где основало три мелких государства. Другие ушли на восток от хребта Ливингстона и здесь до сих пор известны как Магвангвара. Но все они постепенно ассимилировались с окружающим населением. Вступая в брак с женщинами страны, они сохраняют свою речь, одежду и обычаи в течение первого поколения в несколько измененном виде, хотя в повседневном общении говорят на языке матери. Затем этот класс становится аристократией всего народа, который отныне состоит из значительной части аборигенов, управляемых привилегированной кастой зулусского происхождения, "увечковеченной почти полностью среди них самих" ("Central Angoniland", *Geograph. Jour.* May, 1898, p. 512). См. A. Werner, *The Natives of British Central Africa*, 1906.

[257] Rev. J. Macdonald, *Light in Africa*, p. 194. Среди недавних работ о племенах зулусов и ксоса можно упомянуть Дадли Кидда, *The Essential Kafir*, 1904, *Savage Childhood*, 1905; H. A. Junod,

The Life of a South African Tribe (Ba-Thonga), 1912-3; G. W. Stow and G. M. Theal, *The Native Races of South Africa*, 1905.

[258] От *мвана*, господин, хозяин, и *тапа*, копать, оба слова распространены среди банту.

[259] Дело в том, что Португалия заключила договоры с этим мифическим государством, на основании которых она претендовала в "схватке за Африку" на все внутренние районы за своими владениями на восточном и западном побережьях (Мозамбик и Ангола), фактически на всю Южную Африку между реками Оранжевая и Замбези. Более подробную информацию о "вопросе Мономотапы" можно найти в моей монографии "Португальцы в Южной Африке" в книге Мюррея "*Южная Африка от арабского господства до британского правления*", 1891, с. 11 sq. Пять лет спустя мистер Г. Макколл Теал также открыл, несомненно независимо, мифический характер Мономотапаленда в своей книге "*Португальцы в Южной Африке*", 1896.

[260] *Proc. R. Geogr. Soc.* May, 1892, и *The Ruined Cities of Mashonaland*, 1892.

[261] Д. Рэндалл-МакИвер, *Средневековая Родезия*, 1906. Но Р. Н. Холл решительно опровергает его взгляды, *Great Zimbabwe*, 1905, *Prehistoric Rhodesia*, 1909, и *South African Journal of Science*, May, 1912. Х. Х. Джонстон говорит: "Я не вижу ничего невероятного в том, что протоарабы нашли золото в юго-восточной части Замбезии, а также в доисламском арабском происхождении Зимбабве", р. 396, "A Survey of the Ethnography of Africa", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913.

[262] G. W. Stow, *The Native Races of South Africa*, 1905.

[263] В 1905 г. площадь британского протектората составляла около 182 000 кв. миль.

[264] Ср. A. St. H. Gibbons, *Africa South to North through Marotseland*, 1904, и C. W. Mackintosh, *Coillard of the Zambesi*, 1907, с библиографией.

[265] Ма-Кололо дали ба-ротсе их нынешнее название. Изначально они были аалуи, но завоеватели называли их ма-ротсе, люди равнины.

[266] *Десять лет к северу от Оранжевой реки.*

[267] Ср. G. M. Theal, *The History of South Africa* 1908-9, and *The Beginning of South African History*, 1902.

[268] *Op. cit.* p. 47.

[269] G. Lagden, *The Basutos*, 1909.

[270] По-разному называются *Ба-Конго*, *Баши-Конго* или *Ба-Фиом*.

[271] *Towards the Mountains of the Moon*, 1884, p. 128.

[272] *Словарь и грамматика языка конго*, 1887, с. xxiii. Ф. Старр опубликовал библиографию языков Конго, *Bull. V.*, Департамент антропологии Чикагского университета, 1908 г.

[273] "Li Mociconghi cosi nomati nel suo proprio idioma gli abitanti del reame di Congo" (*Relatione*, etc., Rome, 1591, p. 68). Эта форма примечательна тем, что она единственного числа (*Moci* = *Mushi*), а не множественного (*Eshi*); тем не менее, она до сих пор применяется к грубым "Муши-Конго" на южной стороне устья реки. Однако их настоящее название - Баши-Конго. См. *Bpum. Mus. Ethnog. Handbook*, p. 219.

[274] Часто пишут *Ба-Фиорт* с назойливым *г*.

[275] При бельгийской администрации была проведена большая этнологическая работа, опубликованная в *Annales du Musée du Congo*, в частности, великолепная монография о бушонго (бакуба) Э. Тордея и Т. А. Джойса, 1911. См. также Н. Н. Johnston, *George Grenfell and the Congo*, 1908; M. W. Hilton-Simpson, *Land and Peoples of the Kasai*, 1911; E. Torday, *Camp and Tramp in African Wilds*, 1913; J. H. Weeks, *Among Congo Cannibals*, 1913, and *Among the Primitive Bakongo*, 1914; и Adolf Friedrich, Duke of Mecklenburg, *From the Congo to the Niger and the Nile*, 1913.

[276] *Первое восхождение на Кассаи*, 1889, с. 20 sq. См. также мое сообщение в Академии от 6 апреля 1889 г. и *Африка* (сборник Стэнфорда), 1895, т. II. с. 117 sq.

[277] *Op. cit.* p. 20.

[278] *Новый мир Центральной Африки*, 1890, с. 466 sq.

[279] *Op. cit.* p. 471.

[280] Этих дикарей *мпангве* постоянно путают с *мпонгве* из Габуна, оседлым народом банту, который долгое время находился в тесном контакте и дружеских отношениях с белыми торговцами и миссионерами в этом районе.

[281] Скучные сведения о ба-теке приведены со ссылками в работе Э. Тордея и Т. А. Джойса "Заметки по этнографии ба-хуаны", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVI. 1906.

[282] *My Africa*, II. p. 58. Оскар Ленц, который, возможно, знал их лучше всех, говорит: "Gut gebaut, schlank und kräftig gewachsen, Hautfarbe viel lichter, manchmal stark ins Gelbe spielend, Haar und Bartwuchs auffallend stark, sehr grosse Kinnbärte" (*Skizzen aus West-Afrika*, 1878, p. 73).

[283] M. H. Kingsley, *Travels in West Africa*, 1897, pp. 331-2.

[284] *Официальный отчет*, 1886 год.

[285] Н. Н. Johnston, *George Grenfell and the Congo ... and Notes on the Cameroons*, 1908.

[286] Reclus, English ed., XII. p. 376.

[287] Так же и в Минахассе, на Целебесе, *Эмпунг*, "Дед", является родовым именем богов. "Основополагающие идеи первобытного человека одинаковы во всем мире. Как маленький черный ребенок негра, коричневый ребенок малайца, желтый ребенок китайца похожи друг на друга лицом и формой, жестами и привычками, а также первыми членораздельными звуками, которые они произносят, так и разум человека, будь он арийцем или малайцем, монголом или негритосом, в ходе своей эволюции прошел через стадии, которые практически идентичны" (Sydney J. Hickson, *A Naturalist in North Celebes*, 1889, p. 240).

[288] *Op. cit.* p. 96.

[289] "Бог эфиопов", в *Nature*, 26 мая 1892 г.

[290] A. B. Ellis, *Tshi*, p. 23; *Ewe*, p. 31; *Yoruba*, p. 36.

[291] Ср. E. S. Hartland, Art. "Банту и С. Африка", *Ency. of Religion and Ethics*, 1909.

[292] Этот рассказ о ваалпенах взят из A. H. Keane, *The World's Peoples*, 1908, p. 149.

- [293] Это краткое изложение нашей информации о страндлуперах с цитатами из Ф. К. Шрубсолла и Л. Перинги взято из Н. Н. Johnston, "A Survey of the Ethnography of Africa", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, p. 377.
- [294] Schiaparelli, *Una Tomba Egiziana*, Rome, 1893.
- [295] Джеймс Гейки, *Scottish Geogr. Mag.* Sept. 1897.
- [296] Так, он находит (*L'Anthropologie*, 1896, p. 153) череп предположительно негрилло из района Бабинга, река Средняя Сангха, отчетливо длинноголовым (73,2) с огромным для этой расы объемом черепа около 1440 см³. Ср. с Акка, измеренным сэром У. Флауэром (1372 см³), и его андаманцами (1128), самый высокий из известных до сих пор - 1200 (Вирхов).
- [297] *Через неизвестные африканские страны* и т.д., 1897.
- [298] *Bul. Soc. Géogr.* XIX. p. 440.
- [299] *Через джунгли и пустыню*, 1896, с. 358-9.
- [300] *Travels*, III. p. 86.
- [301] *Im Innern Afrika's*, p. 259 sq. Как сказано в *Eth. Ch.* XI. Д-р Вольф связывает все эти народы негрилло с бушменами к югу от Замбези.
- [302] Один из мамбуте, привезенный в Англию полковником Харрисоном в 1906 году, был чуть больше 3½ футов.
- [303] См. А. С. Haddon, Art. "Негриллы и негритосы", *Ency. of Religion and Ethics*, 1917.
- [304] "Похоже, что самая ранняя известная раса людей, населявшая территорию современной Центральной Африки, была похожа на негров бушменско-хоттентотского типа. В южной части озера Танганьика были найдены округлые камни с отверстием в центре, похожие на те, которые бушмены на юге используют для утяжеления своих палок для копания. Я слышал, что другие образцы этих "бушменских" камней были найдены ближе к озеру Ньяса и т. д.". (*British Central Africa*, p. 52).
- [305] G. Fritsch, *Die Ein-geborenen Sud-Afrikas*, 1872, "Schilderungen der Hottentotten", *Globus*, 1875, p. 374 ff.; E. T. Hamy, "Les Races nègres", *L'Anthropologie*, 1897, p. 257 ff.; F. Shruballs, "Crania of African Bush Races", *Journ. Anthr. Inst.* 1897. См. также G. McCall Theal, *The Yellow and Dark-skinned People South of the Zambesi*, 1910.
- [306] "Мне не удалось обнаружить большого сходства в корнях слов между этим языком и бушменами или хоттентотами, хотя примечательно, что слово "четыре" ... почти идентично слову "четыре" во всех диалектах хоттентотов, а фонология языка напоминает бушменскую в своих носовых и гуттуральных" (Н. Н. Johnston, "Survey of the Ethnography of Africa", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, p. 380).
- [307] *Verhandl. Berliner Gesellsch. f. Anthrop.* 1895, p. 59.
- [308] О другом черепе, несомненно, готтентотском, из пещеры на границе Трансвааля и Оранжевого Свободного государства, д-р Мис замечает, что "его форма ортодолихоцефальная, как у вассандауи", хотя и отличается по некоторым другим признакам (*Centralbl. f. Anthr.* 1896, p. 50).

[309] Отсюда он добавляет, что хоттентоты "давно, после португальского Umschiffung Afrika's von Kaffer-Stämmen wieder zurückgedrängt wurden" (*Reisen*, I. p. 400).

[310] Adelung und Vater, Berlin, 1812, III. p. 290.

[311] К ним относятся, если идти на север от залива Уолвиш, Чунтоп, Куисип, Свакоп, Угаб, Хуаб, Униаб, Хоаниб, Каурасиб и Хомеб.

[312] По данным за 1904 год, численность "хоттентотского" населения составила 85 892 человека, но очень немногие из них были чистыми хоттентотами. Официальная оценка тех, в ком сильно выражена кровь хоттентотов, составляет 56 000 человек.

[313] М. Н. Tongue и E. D. Bleek, *Bushman Paintings*, 1909. Ср. W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, p. 399, с библиографией.

[314] W. H. I. Bleek и L. C. Lloyd, *Bushman Folklore*, 1911.

[315] См. W. Planert, "Über die Sprache der Hottentotten und Buschmänner," *Mitt. d. Seminars f. Oriental. Sprachen z. Berlin*, VIII. (1905), Abt. III. 104-176.

[316] "У пигмеев северо-восточной части бассейна Конго и среди племен банту экваториального побережья Восточной Африки наблюдается тенденция к фаукальным задыхающимся или взрывным согласным, что говорит об исчезновении влияния щелчков". Н. Н. Johnston, "A Survey of the Ethnography of Africa", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913.

[317] "Бушмены и их язык", в *Журн. R. Asiatic Soc.* XVIII. Part 1.

[318] *Древние охотники*", 1915, с. 425.

ГЛАВА V

ОКЕАНИЧЕСКИЕ НЕГРЫ: ПАПУАСЫ (ПАПУАСЫ И МЕЛАНЕЗИЙЦЫ) - НЕГРИТОСЫ - ТАСМАНИЙЦЫ

Общие этнические отношения в Океании - определение терминов "папуасы", "меланезийцы" и "папуасы" - папуасский домен, прошлое и настоящее - папуасы и меланезийцы - физические характеристики: Папуасы, папуасы-меланезийцы, *меланезийцы-новые каледонцы-физические* характеры-пищевой вопрос-общий обзор этнологии меланезийцев-культурные проблемы-питие кавы и жевание бетеля-каменные памятники-двойной народ- обзор культурных страт-культура меланезийцев-одежда-дома-орудия-каное и т.д.- Социальная жизнь -Тайные общества -Клубы -Религия -Западная Папуасия -Этнические элементы -Регион перехода путем перемещений и переходов -Папуасы и малайцы - Контрасты -Этнические и биологические различия -Негрито -*Андаманцы* -*Каменный век* - Личная внешность -Социальная жизнь -Религия -Речь -Метод подсчета -Грамматическая структура -*Семанги* -*Физическая* внешность -Усадьбы -Речь -Каменный век -*Аэта* - ГоловыОхотники - *Пигмеи Новой Гвинеи* - Культура *негрито* - *Тасманийцы* - Культура *тасманийцев* - Изготовление огня - Инструменты и оружие - Питание - Жилища - Вымирание.

Конспект.

Распространение в прошлом и настоящем.

Современный ареал. Папуасы: *Восточная Малайзия, Новая Гвинея, Меланезия*; тасманийцы: *вымерли*; негритосы: *Андаманы, Малайский полуостров, Филиппины, Новая Гвинея*.

Физические признаки.

Волосы. Папуасы: *черные, вьющиеся, похожие на шевелюру, борода скудная или отсутствует*; тасманийцы: *черные, более короткие и менее похожие на шевелюру, чем у папуасов*; негритосы: *короткие, шерстистые или вьющиеся, черные, иногда с коричневым или рыжим оттенком*.

Цвет. Все: *очень глубокие оттенки шоладно-коричневого, часто граничащие с черным, очень постоянный характер, более светлые оттенки имеют примесь*.

Череп. Папуасский: *чрезвычайно долихоцефальный (68-73) и высокий, но очень изменчивый в областях смешения. (70-84)*; тасманийцы: *долихоцефалический или мезатицефалический (75)*; негритосы: *брахицефалический (80-85)*.

Челюсти. Папуасские: *умеренно или совсем не прогнатные*; тасманийские и негрито: *в целом прогнатные*. **Скуловые кости.** Все: *слабо выступают или даже отступают*. **Нос.** Папуасский: *большой, прямой, обычно аквильный у настоящих папуасов*; тасманийский и негрито: *короткий, плоский, широкий, ноздри широкие (платирриновые) с большим толстым хрящом*. **Глаза.** Все: *умеренно большие, круглые, черные или очень глубокого коричневого цвета, с грязно-желтоватой роговицей, обычно глубоко посаженные с сильно нависающими дугами*.

Рост. Папуасский и тасманийский: *выше среднего, но изменчивый, с довольно широким диапазоном от 1,62 м. до 1,77 или 1,82 м. (от 5 футов 4 дюймов до 5 футов 10 дюймов или 6 футов)*; негрито: *ниже, но выше, чем африканский негрлло, от 1,37 м. до 1,52 м. (от 4 футов 6 дюймов до 5 футов)*.

Психические особенности.

Темперамент. Папуасский: *очень возбудимый, веселый и любящий посмеяться, достаточно умный и изобретательный*; тасманийский: *явно менее возбудимый и умный, но и гораздо менее жестокий, пленников никогда не пытается*; негрито: *активный, быстро соображающий или хитрый в узких пределах, от природы добрый и мягкий*.

Речь. Папуасский и тасманийский: *агглютинация с постфиксами, много языков в Западной Папуасии, по-видимому, один только в Восточной Папуасии (австронезийский)*; негрито: *почти не известны, за исключением Андаманов, где агглютинация как по префиксам классов, так и по постфиксам приобрела феноменальное развитие*.

Религия. Папуасы: *почитание предков, которые могут превращаться в благодетельных или злобных призраков; общая вера в ману или сверхъестественную силу; нет жрецов или идолов*; негрито: *крайне примитивны; вера в духов, иногда в неясные божества*.

Культура. Папуасы: *немного развиты; сельское хозяйство несколько продвинуто (Н. Гвинея, Н. Каледония)*; *значительный художественный вкус и фантазия проявляются в резьбе по дереву домов, каноэ, церемониальных предметов и т. д. Все остальные:*

находятся на низшей стадии охоты, не имеют ни искусств, ни промышленности, кроме изготовления оружия, украшений, корзин и редко (андаманцы) керамики.

Основные деления.

Папуасы: 1. Западные папуасы (*истинные папуасы*): почти все туземцы Новой Гвинеи; ару и другие островные группы, далее на запад до Флореса; Торресов пролив и острова Луизиада. 2. Восточные папуасы: почти все аборигены Меланезии от архипелага Бисмарка до Новой Каледонии, а также большая часть Фиджи и часть Новой Гвинеи.

Негритосы: 1. жители Андаманских островов. 2. Семанги, на Малайском полуострове. 3. Аеты, сохранившиеся на большей части Филиппинских островов. 4. Пигмеи в Новой Гвинее.

Папуасы.

Общие этнические отношения в Океании.

На основании данных, приведенных в "Этнологии", гл. XI, можно попытаться реконструировать неясные этнические отношения в Австралазии по следующим основным направлениям.

1. Две основные части улотрихской группы человечества, ныне разделенные водами Индийского океана, в основе своей едины.
2. Суданской и банту подсекциям в Африке соответствуют, *mutatis mutandis*, папуасская и меланезийская подсекции в Океании, причем первая отличается большим языковым разнообразием, вторая - значительным языковым единообразием, а обе - довольно широким диапазоном физического разнообразия в определенных четко очерченных пределах.
3. В Африке физическое разнообразие обусловлено в основном семитскими и хамитскими изменениями в негритянской популяции; в Океании - в основном монголоидными (малайскими) и европеоидными (индонезийскими) изменениями в папуасской популяции.
4. Негритосский элемент в Африке имеет аналог негритосского элемента в Океании (андаманцы, семанги, аэта и т. д.).
5. В обоих регионах языковое разнообразие имеет схожие черты - большое количество языков, сильно различающихся по грамматической структуре и словарям, но все они принадлежат к одному и тому же агглютинативному строю речи, а также более или менее к одной и той же фонетической системе.
6. В обоих регионах языковое единообразие, как правило, ограничивается одной или двумя географическими областями - Бантуландом в Африке и Меланезией в Океании.
7. В Бантуланде языковая система демонстрирует лишь слабое сходство с другими известными языками, в то время как меланезийская группа является лишь одной из ветвей, хотя и наиболее архаичной, обширной австронезийской семьи, распространенной в Индийском и Тихом океанах. Папуасские языки полностью отличаются от меланезийских. В некоторых отношениях они схожи с австралийскими, но их точное положение пока не доказано [\[319\]](#)

Определение терминов "папуасский", "меланезийский" и "папуасский".

8. Из-за их языковых, географических и, в некоторой степени, физических и социальных различий, желательно рассматривать папуасов и меланезийцев как две различные, хотя и тесно связанные подгруппы, и соответственно ограничивать использование терминов "папуасы" и "меланезийцы", в то время как оба они могут быть удобно включены в общий или коллективный термин "папуасы" .[320]

9. Таким образом, под *папуасами* здесь понимаются истинные аборигены Новой Гвинеи с ее восточной зависимостью от Луизиады[321] , а на западе - многих Малайских островов до Флореса включительно, где преобладает чернокожий элемент и немалайская речь; под *меланезийцами* - уроженцы Меланезии в общепринятом понимании, то есть Адмиралтейские острова, Новая Британия, Новая Ирландия и Герцог Йоркский; Соломоновы острова; Санта-Крус; Новые Гебриды, Новая Каледония, Лояли и Фиджи, где преобладают почти исключительно черный элемент и австронезийская речь. Таким образом, Папуасия будет включать в себя островной мир от Флореса до Новой Каледонии.

Папуасский домен, прошлое и настоящее.

Таковы, по-видимому, нынешние границы папуасского владения, которое ранее могло включать также Микронезию (группы Марианна, Пелеу и Каролина), а некоторые авторы предполагают, что оно, возможно, простиралось на всю Полинезию вплоть до острова Пасхи.

Папуасы и меланезийцы, физические характеристики.

Папуасы.

Папуо-меланезийцы.

Различия между жителями Новой Гвинеи часто признавались и хорошо описаны К. Г. Селигманом, который отмечает[322] , что контраст между относительно высокими, темнокожими, вьющимися волосами жителями Торресова пролива, реки Флай и соседних районов Новой Гвинеи, с одной стороны, и более маленькими светлокожими народами на востоке, настолько разителен, что эти два народа должны быть признаны расово отличными. Он ограничивает название "папуасы" слиянием вьющихся и часто шевелюристых народов, чей цвет кожи имеет оттенок коричневатого-черного, и предлагает термин "папуо-меланезийцы" для более мелких, светлоокрашенных, вьющихся рас восточного полуострова и островов за ним. Помимо этих заметных различий "папуасы" обычно выше и более долихоцефальны, чем папуо-меланезийцы: они всегда темнее, их обычный цвет - темный шоколад или сажа; голова высокая, лицо, как правило, длинное, с выдающимися надбровными дугами, над которыми довольно плоский лоб обычно наклонен назад. У папуо-меланезийцев голова обычно менее высокая, надбровные дуги менее заметны, а лоб обычно округлый и не отходит назад. Цвет кожи проходит через всю гамму оттенков *café-au-lait*, от светло-желтого с оттенком коричневого до довольно темного бронзового. Самые светлые оттенки встречаются редко, а во многих населенных пунктах, похоже, присущи только женскому полу. Папуасский нос длиннее и крепче, часто он изогнут дугой и имеет очертания, известные как "еврейские". Характер его переносицы варьируется, обычно ноздри широкие, а кончик носа часто загибается вниз. У папуасов-меланезийцев нос обычно меньше: у обеих рас вьющиеся волосы, но если у папуасов они универсальны, то у папуасов-меланезийцев вьющиеся и даже волнистые волосы распространены среди обоих [восточных и западных] подразделений[323] ."

Меланезийцы.

Меланезийцы столь же разнообразны, как и коренные жители Новой Гвинеи; волосы могут быть вьющимися или даже волнистыми, что свидетельствует о расовом смешении, а кожа - шоколадного или иногда медного цвета. Рост мужчин колеблется от 1,50 до 1,78 м (от 4 футов 11 дюймов до 5 футов 10 дюймов), в среднем от 1,56 до 1,6 м (от 5 футов 1½ дюйма до 5 футов 3 дюйма). Череп обычно долихоцефальный, но варьируется от 67 до 85, а в некоторых частях преобладает брахицефалия; нос отличается большим разнообразием. Этот тип с местными вариациями распространен от островов Адмиралтейства и части Новой Гвинеи через архипелаг Бисмарка, Соломоновы острова, Новые Гебриды и другие островные группы до Фиджи и Новой Каледонии.

Новокаледонцы.

Физические характеристики.

Канаки", как ошибочно[324] называют коренных жителей Новой Каледонии и группы Лояли их нынешние правители, были описаны различными французскими исследователями. Среди лучших рассказов о них - труд Огюстена Бернара[325], основанный на наблюдениях де Рошаса, Бургара, Вьельяра, Бертильона, Мейнике и других. За исключением нескольких спорадических полинезийских групп в Лояли[326], все они - типичные меланезийцы, длинноголовые, с очень широким лицом, по крайней мере в середине, узким лодкообразным черепом (срн. Индекс 70)[327], большая, массивная нижняя челюсть, часто с двумя дополнительными молярами[328], цвет темно-шоколадный, часто с очень характерным пурпурным оттенком; но утверждение де Рошаса, что в течение нескольких дней после рождения младенцы имеют светлый красновато-желтый оттенок, не находит подтверждения; волосы менее шерстистые, но гораздо длиннее, чем у негров; борода также длинная и вьющаяся, перчинки с имитацией лысины - эффект от усердного использования расчески; очень заметные надбровные дуги и густые брови, отсюда их несколько скрытый вид; средний рост 5 футов. 4 дюйма; речь меланезийская с тремя выраженными разновидностями, причем язык юго-восточных районов считается наиболее рудиментарным представителем всей меланезийской группы. [329]

Продовольственный вопрос.

По состоянию их промышленности, в некоторых отношениях самой грубой, а в других - одной из самых развитых в Меланезии, можно сделать вывод, что после своего прибытия новокаледонцы, как и тасманийцы, андаманцы и некоторые другие островные группы, долгое время оставались почти полностью изолированными от остального мира. Из-за бедности почвы борьба за пропитание всегда была очень острой. Поэтому самые ревностно охраняемые привилегии вождей были связаны с вопросами питания, а рай для мертвых был регионом, где они имели изобилие пищи и могли наесться ямсом.

Общий обзор этнологии меланезийцев.

Этнологическая история всего меланезийского региона неясна, но в результате недавних исследований можно выделить некоторые общие черты. Самыми первыми жителями, вероятно, была черная шерстистая раса, которую сейчас представляют пигмеи Новой Гвинеи, остатки ранее широко распространенной популяции негрито, сохранившейся также на Андаманских островах, Малайском полуострове (семанг) и Филиппинах (азта). Более высокая разновидность продвинулась в Тасманию и образовала тасманийскую группу, ныне вымершую, другие распространились по Новой Гвинее и западной части Тихого океана как

"папуасы" и составили основу меланезийских популяций[330]. Протополинезийцы в своих миграциях из Ост-Индийского архипелага в Полинезию прошли через этот регион и навязали населению свою речь, а также изменили ее иным образом. В более поздние времена другие миграции происходили с запада, и некоторые районы Меланезии также подверглись непосредственному влиянию переселенцев из Полинезии. Результатом этих предполагаемых влияний стало формирование меланезийских народов в том виде, в котором они существуют сегодня[331]. Г. Фридеричи[332] накопил огромное количество доказательств, основанных главным образом на лингвистике и материальной культуре, в поддержку теории о притоке меланезийской культуры с запада. Он считает, что меланезийцы пришли из той части Индонезии, которая простирается от южных островов Филиппинской группы, через полуостров Минахаса на Целебесе, до Молуккских островов в районе Буру и Керама. Из Молуккского региона они прошли на север Новой Гвинеи в район проливов Витиаз и Дампир, который Фридеричи считает воротами Меланезии. Здесь они колонизировали северные берега Новой Британии, а часть роя расселилась вдоль восточных и юго-восточных берегов Новой Гвинеи. Другой поток шел на Северные Луизиады, Южные Соломоны и Северные Новые Гебриды. Филиппинский или субфилиппинский поток направился более северным путем, пройдя через Адмиралтейскую группу к Новому Ганноверу, Восточной Новой Ирландии и Соломонам.

Культурные проблемы.

Первая серьезная попытка разобраться в сложном характере меланезийской этнографии была предпринята Ф. Грэнбером в 1905 году[333], а затем Г. Фридеричи, ссылки на работы которого приведены выше. Совсем недавно У. Х. Р. Риверс[334] обратился к культурной проблеме с помощью генеалогического метода, и результаты его исследований кратко изложены здесь. Он обнаружил несколько замечательных форм брака в Меланезии и вывел другие, существовавшие ранее. Он утверждает, что аномальные формы брака подразумевают бывшую двойную организацию (*то есть* разделение общины на две экзогамные группы) с матрилинейным происхождением, и вынужден предположить, что в ранние времена существовало такое состояние общества, при котором старейшины занимали настолько доминирующее положение, что могли монополизировать всех молодых женщин. Некоторые системы отношений имеют большую древность, и очевидно, что они претерпели изменения под влиянием культуры, пришедшей извне.

Питье кавы и жевание бетеля.

Большой интерес представляет распространение употребления кавы и жевания бетеля. Первое встречается по всей Полинезии (кроме острова Пасхи и Новой Зеландии) и в южной Меланезии, включая некоторые острова Санта-Крус, где оно ограничивается религиозными церемониями. Жевание бетеля начинается на этих островах и распространяется на север через Новую Гвинею и Индонезию до Индии. Кава и бетель попали в Меланезию в результате различных культурных миграций.

Введение жевания бетеля было относительно поздним и ограниченным и, возможно, произошло из Индонезии после вторжения индусов. С ним были связаны прочно укоренившиеся патрилинейные институты, брак с женой брата отца, особая святость черепа и построенного из досок каноэ. Использование свайных жилищ - более постоянный элемент бетелевой культуры, чем кава-культуры. Религиозный ритуал сосредоточен вокруг черепов предков и родственников, а культ черепа принял направление, придающее головам врагов значение, равное значению родственников, поэтому охота за головами стала главным объектом военных действий. Череп родственника является символом, если не фактическим

местом пребывания умершего, которого нужно чтить и умиловать, а черепа врагов служат средством, с помощью которого эти почести и умилование осуществляются.

Влияние народов, употреблявших каву, было более обширным во времени и пространстве, чем влияние людей, жевавших бетель. Риверс предполагает, что у них не было ни клановой организации, ни экзогамии. Некоторые из них сохраняли тело после смерти и оказывали уважение голове или черепу. Возможно, что обычай платить за жену появился в Меланезии в результате потребности мужчин-иммигрантов в женщинах коренного населения, поскольку они привозили с собой мало женщин, и большое развитие раковинных денег может быть отчасти связано с этими платежами. Контакт с более ранним населением также привел к развитию тайных обществ. Иммигранты привнесли культ мертвых и институты табу, тотемизма и вождества. Они принесли с собой форму подвешного каноэ и знания о строительстве досок для каноэ (которые, однако, были приняты лишь частично), прямоугольный дом, и, возможно, знали искусство изготовления свайных жилищ. Они ввели различные формы валюты из раковин, зубов, перьев, циновки и т. д., сверло, барабан с прорезями или гонг, трубу из конха, птицу, свинью, собаку и мегалитические памятники.

Возможно, существовало две иммиграции народов, создававших памятники из камня: 1. Те, кто возводил более дольменоподобные сооружения, вероятно, имели водные тотемы и хоронили своих умерших в вытянутом положении.

Каменные памятники.

2. Более позднее движение людей, чьи каменные сооружения, как правило, имели форму пирамид, у которых были тотемы птиц, культ солнца и кремация умерших.

Двойной народ.

Когда кавы-люди пришли в Меланезию, она оказалась уже заселенной. Самая ранняя форма социальной организации, о которой мы имеем свидетельства, была дуальной, связанной с матрилинейным происхождением, господством стариков (геронтократия) и своеобразными формами брака. Эти люди хоронили своих умерших в скорченном или сидячем положении, которое также использовалось в большинстве районов Полинезии. Очевидно, они боялись призраков и удаляли своих мертвецов как можно дальше от живых. Эти люди, о которых мы можем говорить как о "двойном народе", были коммунистами по имуществу и, вероятно, практиковали сексуальный коммунизм; изменения в сторону института индивидуальной собственности и индивидуального брака происходили под влиянием кавы-людей, если не полностью. Они практиковали обрезание. Магия была исконным институтом. Характерен культ *вуи*, безымянных местных духов с определенными местами обитания, обряды которых совершаются в определенных местах. На северных Новых Гебридах подношения, связанные с *вуи*, делаются не самим *вуи*, а человеку, который владеет местом, связанным с *вуи*. Похоже, что владение местностью влечет за собой владение *вуи*, связанными с этой местностью. Таким образом, *вуи* - это местные духи, принадлежащие коренным владельцам земли, и нет никаких оснований полагать, что они когда-либо были призраками умерших людей. Поскольку тотемизм встречается у дуал-людей архипелага Бисмарка (которые живут в некоторых частях Новой Британии и Новой Ирландии и на острове Герцога Йоркского), возможно, что кавы-люди были не единственными, кто привнес тотемизм в Меланезию. Люди-дуалы, вероятно, были знакомы с луком, который они, возможно, называли *бусур*, и с выкопанным каноэ, которое использовалось либо попарно, либо поодиночке с аутригером.

Обычно считается, что возникновение дуальной организации связано с делением, но разумнее рассматривать ее как результат слияния, поскольку между двумя группами так

часто проявляется враждебность, несмотря на то, что супруги всегда происходят из другой группы. В Новой Ирландии (и в других местах) каждый мотив ассоциируется с героем; один действует мудро, но беспринципно, другой - глупец, который всегда становится легкой жертвой первого. У каждого племени есть тотемная птица: один - рыбак, умный и способный, а второй добывает себе пищу, воруя у других, и не выходит в море. Одна из них представляет переселенцев с высокой культурой, прибывших по морю, другая - первых людей, аборигенов, с низкой культурой, которые были совершенно не в состоянии справиться с хитростью и уловками людей, поселившихся среди них. На полуострове Газель в Новой Британии эти две группы ассоциируются со светлыми и темными кокосами; с первыми связаны мужские предметы и умная птица, которую все называют *тарагау*, или разновидностью этого термина. Птица другой группы называется *малаба* или *манигулай* и ассоциируется с женскими объектами. Темные кокосы, темный цвет кожи и приплюснутые носы женщин, появившихся на свет в результате их превращения, а также выступающие брови птицы *малаба* и ее человеческих адептов, похоже, свидетельствуют в мифологии архипелага Бисмарка о негроидном (или, как предполагает Риверс, австралоидном) характере аборигенного населения. Светлый кокос, который был превращен в светлокожую женщину, по-видимому, сохранил традицию светлого цвета кожи переселенцев.

Краткое описание культурных страт.

Автохтоны Меланезии были темнокожим и улотриховым народом, у которого не было ни страха перед призраками своих умерших, ни культа манес, но был культ местных духов. Беинги с полуострова Газель в Новой Британии могут быть представителями более ранней стадии истории меланезийцев, чем дуальная система; если это так, то они, вероятно, представляют собой в измененной форме аборигенный элемент. Говорят, что они полностью лишены страха перед мертвыми.

Иммигранты, чье прибытие привело к установлению дуальной системы, были относительно справедливым народом с высокой культурой, который хоронил своих мертвых в сидячем положении и боялся их призраков. Они первыми привнесли австронезийский язык.

Все последующие миграции были связаны с австронезийскими народами из Индонезии. Сначала различными стаями пришли кава-люди, а в последнее время - бетель-люди.

Культура меланезийцев.

Платье.

Жилища.

Возможно, в Новой Каледонии последствия относительной изоляции проявляются сильнее, чем в других частях Меланезии, но, если не считать полинезийского влияния (наиболее заметного на Фиджи и в южной Меланезии), Меланезию можно считать обладателем общей культуры с некоторыми характерными чертами, которые можно резюмировать так[335]. Меланезийцы - шумный, возбудимый, демонстративный, ласковый, веселый, страстный народ. Они не могут быть охотниками везде, так как на большинстве островов нет дичи, и не могут быть пастухами везде, так как нет скота; единственные ресурсы - это рыболовство и сельское хозяйство. На больших островах обычно существует резкое различие между жителями побережья, которые в основном занимаются рыболовством, и жителями внутренних районов, которые занимаются сельским хозяйством; последние всегда намного примитивнее и во многих случаях подчиняются первым. На плантациях работают представители обоих полов. В некоторых районах Новой Гвинеи и Западных Соломонов

большое значение имеет пальма саго; на берегах большинства островов растут кокосовые пальмы, а бананы, ямс, хлебные плоды, таро и сладкий картофель дают обильную пищу. Что касается одежды, то мужчины иногда не носят ее, но обычно имеют пояса или ленты из коры, косичек или веревок, а женщины почти повсеместно носят подъюбки из мелко нашинкованных листьев. Кожа украшена шрамами в виде различных узоров, иногда встречаются татуировки, первые, естественно, характерны для людей с темной кожей, а вторые - для светлых. Каждая часть тела украшена бесчисленными раковинами, зубами, перьями, листьями, цветами и другими предметами, а плетеные ленты опоясывают шею, тело и конечности. Особенно характерны ожерелья из раковин, которые являются своего рода валютой, и искусственно деформированные кабаньи бивни, хотя каждая группа обычно имеет свои особые украшения, отличающие ее от любой другой группы. Разнообразны и дома. Типичный меланезийский дом имеет двускатную крышу, коньковый столб опирается на два основных столба, боковые стены очень низкие, а торцы заполнены бамбуковыми ширмами. Свайные жилища встречаются на архипелаге Бисмарка, Соломоновых островах и в Новой Гвинее, а некоторые новогвинейские деревни выходят в море.

Оружие.

Оружие, типичное для Меланезии, - это булава и копье (хотя последнее не встречается на островах Банкс), каждая группа и часто каждый остров имеют свой собственный характерный узор. Дубины с каменными наконечниками встречаются в Новой Гвинее, Новой Британии и на Новых Гебридах. Копья Соломоновых островов тонко украшены и имеют костяные колючки; копья Новой Каледонии заострены и имеют шип в виде жала; копья островов Адмиралтейства имеют обсидиановые наконечники; копья Новой Британии имеют на конце рукояти человеческую кость. Лук, главное оружие папуасов, распространен на большей части Меланезии, хотя на юго-востоке Новой Гвинеи он отсутствует, а на Адмиралтейских островах используется только для охоты.

Каное и т. д.

Обычно это выдолбленный ствол дерева с дощатым настилом или без него, обычно с одним аутригером, хотя на Соломоновых островах встречаются каное, построенные из досок, характерно украшенные инкрустацией из раковин. Гончарное дело - важная отрасль промышленности в некоторых частях Новой Гвинеи и на Фиджи; оно также распространено в Новой Каледонии, Эспириту-Санто (Новые Гебриды) и на островах Адмиралтейства. На большинстве островов изготавливают коровью ткань, но ткацкий станок для плетения полос из листьев сейчас есть только на Санта-Крус.

Социальная жизнь.

Очень широко распространено деление общества на две экзогамные группы, внутри которых не допускаются межродовые браки. Преобладает материнское право, происхождение и наследование считаются по материнской линии, а имущество мужчины переходит к детям его сестры. В то же время мать ни в коем случае не является главой семьи; дом принадлежит отцу, сад может быть его, правление и управление - его, хотя дядя по материнской линии иногда имеет больше власти, чем отец. Переход к праву отца определенно произошел в различных местах и происходит в других местах; так, на некоторых Новых Гебридах отцу приходится выкупать права родственников своей жены или детей своей сестры.

Тайные общества.

Вожди существуют повсюду, на Фиджи они наделены религиозной святостью, где их считают прямыми потомками предков племени. Чаще всего вождь занимает свое положение исключительно благодаря тому, что унаследовал культ какого-то могущественного духа, и его влияние не очень велико. Вероятно, везде общественные дела регулируются путем обсуждения среди старых или важных людей, и чем примитивнее общество, тем большей властью они обладают. Но самые могущественные институты - это тайные общества, встречающиеся за некоторыми исключениями по всей Меланезии. В них могут вступать только мужчины, а кандидаты на посвящение должны подвергаться обращению, которое часто бывает крайне грубым. Считается, что члены обществ находятся в тесной связи с призраками и духами, и выставляют себя в масках и замысловатых платьях, в которых, по мнению непосвященных, они являются сверхъестественными существами. Эти общества не практикуют никакого тайного культа, фактически все, что узнает посвященный, - это то, что "призраки" - это просто его товарищи в маскировке, и что таинственные звуки, возвещающие об их приближении, производятся с помощью ревуна для быков и других искусственных средств. Эти организации являются мощнейшими инструментами поддержания социального порядка и наказания за нарушение обычного права, но зачастую они представляют собой институты террора и шантажа. Женщины строго исключены.

Клубы.

Другим важным социальным фактором являются клубы, особенно на Новых Гебридах и островах Банкс. Они служат средством достижения социального ранга. Они делятся на различные классы, члены которых едят вместе у определенного камина в доме клуба. У каждого ранга есть свои знаки отличия, иногда человеческие чучела, обычно, но ошибочно, называемые "идолами". Продвижение от одного ранга к другому - это в основном вопрос оплаты, и немногие достигают высшей ступени. Те, кому это удастся, становятся персонами с очень большим влиянием, поскольку ни один кандидат не может получить повышение без их разрешения.

Религия.

Тотемизм встречается в некоторых районах Новой Гвинеи и в других местах и оказывает заметное социализирующее воздействие, поскольку тотемическая солидарность превалирует над всеми другими соображениями, но в настоящее время он выходит из употребления. Наиболее важным религиозным фактором во всей Меланезии является вера в сверхъестественную силу или влияние, обычно называемое *мана*. Это то, что приводит в действие все, что выходит за рамки обычных возможностей человека или обычных природных процессов; но эта сила, хотя сама по себе безличная, всегда связана с каким-то человеком, который направляет ее; все духи обладают ею, призраки в целом, и некоторые люди. Более или менее развитый культ предков также распространен повсеместно. Люди могут стать благодетельными или злобными призраками, но не каждый призрак становится объектом поклонения. Призрак, которому поклоняются, - это дух человека, который при жизни обладал *маной*. Добрые и злые духи, не зависящие от предков, также в изобилии встречаются повсюду. Здесь нет установленного священства, за исключением Фиджи, но, как правило, любой человек, знающий конкретный ритуал, подходящий для определенного духа, выступает в качестве посредника, а человек, общающийся с могущественным духом, становится очень важной персоной. В жизнь после смерти верят все, и душу принято представлять как отправляющуюся в путешествие, сопряженное с различными опасностями, в обитель ушедших духов, которая обычно изображается лежащей на западе. Как правило, только души храбрецов, посвященных или погибших в бою мужчин попадают в самую желанную обитель. Магические практики встречаются повсеместно для получения благ,

обильных урожаев, удачной рыбалки, хорошей погоды, дождя, детей или успеха в любви. Вредная магия, вызывающая болезнь или смерть, также распространена повсеместно .[336]

Западная Папуасия.

Этнические элементы.

Возвращаясь к собственно папуасским землям, отметим, что островные группы к западу от Новой Гвинеи представляют собой один из самых запутанных этнических регионов в мире. Здесь, несомненно, есть несколько островов, таких как группа Ару, населенных в основном полнокровными папуасами, людьми, которые дали Уоллесу модели, на основе которых он создал свой истинный папуасский тип, который с тех пор тщетно оспаривается многими более поздними наблюдателями. Но в других районах - Кераме, Буру, Тиморе и так далее до Флореса - различные этнические и языковые элементы смешались в почти безнадежной путанице. Отбросив термин "альфура" как не имеющий этнической ценности[337] , мы обнаружим, что вся территория к западу до примерно 120° восточной долготы[338] занята в разных пропорциях чистыми и смешанными представителями трех различных групп: негроидной (папуасы), монголоидной (малайцы) и европеоидной (индонезийцы). На основании данных, предоставленных Кроуфердом, Уоллесом, Форбсом, Тен Кейтом и другими заслуживающими доверия наблюдателями, я составил приведенную ниже таблицу, в которой восточные малайские острова расположены в соответствии с составляющими элементами их жителей :[339]

Группа Ару - преобладают истинные папуасы; индонезийцы (Korongoei) во внутренних районах.

Группа Кей - малайцы; индонезийцы; повсюду папуасский штамм.

Тимор; Ветта; Тимор Лаут - смесь папуасов, малайцев и индонезийцев; нигде нет чистого типа.

Группа Серватти - малайцы с небольшими следами черной крови (папуасской или негритосской).

Роти и Сумба - малайцы.

Саву - индонезийцы.

Флорес; Солор; Адонера; Ломблен; Пантар; Аллор - папуасы в чистом или смешанном доминировании; малайцы в прибрежных городах.

Буру - малайцы на побережье; предположительно папуасы, но более вероятно, что индонезийцы во внутренних районах.

Керам - малайцы на побережье; смешанные малайско-папуасские народы внутри страны.

Амбоина; банда-малайцы; голландско-малайские полукровки ("перкенеры").

Горам - малайцы с легкой папуасской примесью.

Матабелло; Тиор; Нусо Тело; Тионфолока - папуасы с малайской примесью.

Мисол - малайцы-папуасы на побережье; папуасы в глубине страны.

Тидор; Тернате; Сулла; Макиан - малайцы.

Батджан - малайцы; индонезийцы.

Гилоло - смесь папуасов; индонезийцы на севере.

Вайгуу; Салватти; Батанта - малайцы на побережье; папуасы внутри страны.

Регион, переживающий переходный период в результате перемещений и пересечений.

Из этой хаотичной картины, в которой в некоторых местах, например на Тиморе, представлены все градации от полнокровного папуаса до типичного малайца, Кроуфорд сделал вывод, что восточная часть Малайзии представляет собой переходный регион между желтовато-коричневыми землянами и темно-коричневыми или черными малахаями. В каком-то смысле это верно, но не в том смысле, который имел в виду Кроуфорд, который под "переходом" подразумевал фактический переход путем некоторого процесса развития от типа к типу независимо от смещений. Но такие экстремальные переходы нигде не происходили, так сказать, спонтанно, и в любом случае никогда не могли возникнуть на небольшой зоологической территории, представляющей везде одинаковые климатические условия. Биологические типы могут изменяться и изменялись в различных условиях, в арктических, умеренных или тропических зонах, но не в одной и той же зоне, и если два таких ярко выраженных типа, как монгол и негр, сегодня обнаруживаются рядом в тропической зоне Малайзии, этот факт следует объяснить миграциями и перемещениями, а промежуточные формы приписать светскому смешению крайностей. Почему человек, переходя с одной стороны острова длиной 10 или 20 миль на другую, должен превращаться из гладкошерстного смуглого в вьющегося черноволосого, или из меркантильного смешливого папуаса в малайца, "медлительного в движениях и глубоко флегматичного по характеру, редко смеющегося или оживляющегося в разговоре, с выражением, как правило, смутного удивления или усталой грусти" ?[340]

Контрасты папуасов и малайцев.

Классическое описание Уоллесом этих западных папуасов, которые находятся здесь, в самой колыбели расы, никогда не потеряет своего очарования, и его точность была полностью подтверждена всеми последующими наблюдателями. "Типичная папуасская раса, - пишет он, - во многих отношениях является полной противоположностью малайской. Цвет тела - глубокий сажисто-коричневый или черный, иногда приближающийся, но никогда не достигающий реактивной черноты некоторых негритянских рас. Волосы очень своеобразны, они жесткие, сухие и вьющиеся, растут небольшими пучками или завитками, которые в молодости очень короткие и компактные, но потом отрастают до значительной длины, образуя компактную вьющуюся шевелюру, которая является гордостью и славой папуасов. Моральные характеристики папуаса, как мне кажется, так же четко отделяют его от малайца, как и форма и черты лица. Он импульсивен и демонстративен в речи и действиях. Его эмоции и страсти выражаются в криках и смехе, в воплях и бешеных прыжках..... Папуасы более склонны к искусству, чем малайцы. Он украшает свое каноэ, свой дом и почти все предметы домашней утвари искусной резьбой, что редко встречается среди племен малайской расы. С другой стороны, в привязанностях и моральных чувствах папуасы, похоже, испытывают большой недостаток. В обращении со своими детьми они часто бывают жестокими и грубыми, тогда как малайцы почти неизменно добры и нежны".

Этнические и биологические различия.

Этнологическая линия раздела между малайской и папуасской расами, впервые проведенная Уоллесом, почти совпадает с его разделением между индо-малайской и

австро-малайской флорой и фауной; главные различия заключаются в положении Сумбавы и Целебеса. Оба эти острова исключены из папуасского царства, но включены в австро-малайскую зоологическую и ботаническую области.

Океанические негритосы.

Негритосы.

Последние открытия и исследования популяций пигмеев на восточной границе Индийского океана показывают, что проблема отнюдь не проста. Уже признаны две основные популяции, отличающиеся волнистыми и курчавыми волосами и долихоцефалией у сакаи и так называемой шерстяной шерстью у жителей Андаманских островов, семангов (Малайский полуостров) и аэта (Филиппины), сочетающейся с мезатицефалией или низкой брахицефалией. На Восточной Суматре и Целебесе встречаются короткие, курчавоволосые темнокожие люди, расово схожие с сакаи, а Мошковский предполагает, что этот же элемент занимал залив Гельвинк (Нидерландская Новая Гвинея). Эти люди, а также ведда на Цейлоне и некоторые племена джунглей в Декане представляют собой остатки некогда широко распространенной додравидийской расы, которая, как предполагается, также является главным элементом австралийцев .[\[341\]](#)

Андаманцы.

Каменный век.

Минкопи", как называли андаманцев, и никто, кажется, не знает почему, посетил в 1893 году Луи Лапик, который обследовал большой кухонный могильник недалеко от Порт-Блэра, но на некотором расстоянии от нынешнего побережья, поэтому он имеет большой возраст[\[342\]](#) . Тем не менее ему не удалось найти никаких обработанных каменных орудий, хотя кремнь встречается на острове. Действительно, расколотые или обломанные кремни, которые сейчас заменены битым стеклом, раньше использовались для бритья и скарификации. Но поскольку нынешние аборигены используют только рыбы кости, раковины и дерево, Лапик несколько поспешно заключил, что эти островитяне, как и некоторые другие примитивные группы, вообще не проходили через каменный век. В раковинных курганах, безусловно, были найдены наконечник стрелы и полированное лезвие, "неотличимые от любого из европейских или индийских кельтов так называемого неолитического периода[\[343\]](#) ." Но нет никаких оснований полагать, что архипелаг когда-либо был занят народом, отличным от его нынешних обитателей. Следовательно, можно предположить, что их предки прибыли в каменный век, но после этого перестали делать каменные орудия, как менее удобные для их целей и более сложные в изготовлении, чем оружие из раковин или костей и сети, которыми они ловят дичь и рыбу охотнее, "чем самый искусный рыбак крючком и леской[\[344\]](#) ." Точно так же они, по-видимому, давно утратили искусство добывать огонь, получив его когда-то от все еще действующего вулкана на соседнем острове Баррен .[\[345\]](#)

Личная внешность.

Социальная жизнь.

Цвет кожи жителей Андаманских островов варьируется от бронзового до сажево-черного. Их волосы чрезвычайно пушистые, как бы растут спиральными пучками и редко превышают 5 дюймов в длину в распущенном виде. Женщины обычно бреют голову. Их рост составляет около 1,48 м. (4 фута 10½ дюйма), с хорошо пропорциональным телом и маленькими руками.

Цефалический индекс составляет в среднем 82. Лицо широкое в скулах, глаза выдающиеся, нос сильно утоплен у корня, но прямой и маленький; губы полные, но не толстые, подбородок маленький, но не отступает, челюсти не выступают. Туземцы отличаются честностью, откровенностью, вежливостью, скромностью, супружеской верностью, уважением к старшим и настоящей привязанностью между родственниками и друзьями. Женщины находятся в равном положении с мужчинами и выполняют всю свою работу. В пищу употребляется в основном рыба (добытая сетью, копьем или выстрелом из лука и стрел), дикий ямс, черепаха, свинья и мед. Они не обрабатывают землю и не держат домашних животных. Вместо одежды представители обоих полов носят пояса, ожерелья, набедренные повязки, нарукавные повязки и т. д. из костей, дерева и раковин, а женщины, кроме того, носят простейший передник из листьев. Когда мужчины полностью одеты, они носят пучки измельченных листьев пандануса на запястьях и коленях, а также циркуль из тех же листьев, сложенный на голове. Они делают каноэ, некоторые из которых имеют аутригеры, но никогда не отплывают далеко от берега. Обычно они живут небольшими лагерями вокруг овальной площадки для танцев, их простые хижины открыты спереди и по бокам, или в большой общей хижине, в которой у каждой семьи есть свое отдельное место, а у холостяков и девах - свое. Семья состоит из мужчины, его жены и тех их детей, родных и приемных, которые еще не прошли период подросткового возраста. В период между этим периодом и вступлением в брак мальчики и девочки проживают в жилищах холостяков и девах соответственно. Мужчина не считается самостоятельным членом общины, пока не женится и не родит ребенка. Организованного самоуправления нет. Как правило, один мужчина превосходит остальных в охоте, военном деле, мудрости и доброте, и ему подчиняются, и он становится, в некотором смысле, вождем. Регулярной чертой общественной жизни андаманцев являются встречи двух или более общин через определенные промежутки времени. Визит длится несколько дней, хозяева и гости обмениваются подарками, а время проводят в охоте, пирах и танцах.

Религия.

Форм поклонения не замечено, но существует вера в различные виды духов, наиболее важным из которых является Билику, обычно считающийся женщиной, который отождествляется с северо-восточным муссоном и в паре с Тараи - юго-западным муссоном. Билику и Тараи являются производителями дождя, бури, грома и молний. Огонь был украден у Билику. В верованиях туземцев всегда присутствует большая изменчивость, поэтому некоторые племена считают Пулугу (Билику) мужчиной. Три вещи вызывают гнев Билику и заставляют ее насыпать бури: плавление или сжигание пчелиного воска, любое вмешательство в определенное количество растений и убийство цикады или шум во время пения цикад. А. Р. Браун^[346] дает интересное объяснение этому любопытному поверью. Предполагается, что Билику имеет человеческий облик, но никто никогда ее не видел. Ее происхождение неизвестно. Идея о том, что она является творцом, локальна и, вероятно, вторична, она не касается человеческих действий, кроме тех, что отмечены выше.

Речь.

Метод подсчета.

Е. Х. Ман тщательно изучил и записал андаманский язык, в котором насчитывается не менее девяти разновидностей, соответствующих стольким племенным группам. Он не имеет явного родства ни с одним другим языком^[347], предполагаемые сходства с дравидийским и австралийским крайне незначительны, если не сказать иллюзорны. Его фонетическая

система поразительно богата (не менее 24 гласных и 17 согласных, но нет сибилянтов), а арифметическая останавливается на *двух*. Никто и никогда не пытается считать до *десяти*, которое достигается с помощью необычного процесса. Сначала кончиками пальцев обеих рук постукивают по носу, начиная с мизинца и произнося *úbatúl* (один), затем *íkprór* (два), после чего каждое последующее постукивание произносит *anká*, "и это". Когда большой палец второй руки достигнет *десяти*, обе руки сводятся вместе, чтобы обозначить 5 + 5, и сумма сжимается со словом *àrdúru* = "все". Но этот подвиг исключителен, и обычно после *двух* получаются только слова, отвечающие на *several, many, numerous, countless*, полет воображения которых достигается примерно на 6 или 7.

Грамматическая структура.

Однако с помощью своей младенческой арифметики эти парадоксальные островитяне сумели создать удивительно сложную форму речи, характеризующуюся совершенно обескураживающим избытком прономинальных и других элементов. Так, притяжательные местоимения имеют целых шестнадцать возможных вариантов в зависимости от класса существительного (человеческие объекты, части тела, степени родства и т.д.), с которым они согласуются. Например, *my* - это *día, dót, dóng, dig, dab, dar, dáka, dóto, dai, dár, ad, ad-en, deb*, с *man, head, wrist, mouth, father, son, step-son, wife, etc. etc.*; и так же с *thy, his, our, your, their*! Такая группировка существительных по классам аналогична системе банту, и любопытно отметить, что количество классов примерно одинаково. С другой стороны, существует множество постфиксов, присоединяемых, как и в обычных агглютинативных формах речи, так что "при добавлении своих аффиксов они следуют принципам обычных агглютинативных языков; при добавлении своих префиксов они следуют четко определенным принципам южноафриканских языков. До сих пор, насколько мне известно, эти два принципа в полной мере не встречались вместе ни в одном другом языке..... В андаманском оба они развиты в полной мере, настолько, что мешают друг другу выполнять грамматические функции[348]". Результатом часто становятся некоторые *sesquipedalia verba*, сравнимые по длине с американскими полисинтетическими языками. Дикий народ, который едва ли может сосчитать больше двух, владеющий самым сложным языком из всех, на которых говорит человек, - это психологическая загадка, которую я не в состоянии разгадать.

Семанги.

На Малайском полуострове коренным населением, безусловно, являются негритосы, которые известны под разными именами - Семанг, Удай, Панган, Хами, Меник или Манди - и образуют единую этническую группу, представляющую поразительные аналогии с андаманцами. Но, окруженные издавна малайскими народами, некоторые из которых были полудивилизованными, некоторые почти такими же дикими, как и они сами, но все одинаково медленно вытесняли их с земли, эти аборигены развили в себе оборонительные качества, не нужные более благосклонным островным негритосам, в то время как их естественное развитие было задержано на, возможно, несколько более низком уровне культуры. Фактически, обреченные на вымирание еще до того, как пришло их время, они никогда не имели шансов в гонке, как поет Хью Клиффорд в "*Песне последних семангов*":

Пути неровны, тропы слепы
Люди джунглей ступают;
Ямс скуден и его трудно найти.
которыми питается наш народ.

Мы страдаем еще немного.
Пока мы не уйдем из жизни,
Реликты древней расы.
Которая никогда не имела своего дня.

Внешний вид.

По своим физическим характеристикам они во многом напоминают андаманцев. Волосы у них короткие, повсеместно шерстяные и черные, цвет кожи темно-шоколадно-коричневый, приближающийся к глянцевому-черному[349], иногда с красноватым оттенком[350]. Сведений о росте очень мало, но 17 мужчин, измеренных Аннандейлом и Робинсоном[351], в среднем составляли 1,52 м. (5 футов 0¼ дюйма). Средний цефалический индекс составляет от 78 до 79, крайние значения варьируются от 74 до 84. Лицо круглое, лоб округлый, узкий и выступающий, или как бы "припухший". Нос короткий и уплощенный, с заметной шириной и расширенными ноздрями. Носовой индекс пяти взрослых мужчин составил 101,2[352]. Скулы широкие, челюсти часто слегка выступают; губы, как правило, толстые. Мартин отмечает, что характерным как для семангов, так и для сакаев[353] является большое утолщение целостной части верхней губы, вся область рта выступает от нижнего края носа. Эта выпуклость встречается в 79 процентах случаев и хорошо видна на его фотографиях [354].

Хью Клиффорд, который был тесно связан с "орангутангами" (дикими людьми), как их часто называют малайцы, описывает жителей долины реки Плюс как "африканских негров, увиденных через обратный конец полевого бинокля. Они черные от копоти; их волосы короткие и шерстяные, прилипают к коже головы маленькими хрустящими локонами; их носы плоские, губы выступают вперед, а черты лица соответствуют чисто негроидному типу. Они крепко сложены и хорошо стоят на ногах, но по росту мало чем уступают карликам. Они живут охотой и не имеют постоянных жилищ, разбивая лагерь небольшими семейными группами там, где в данный момент дичь наиболее многочисленна[355]."

Использование.

Их жилища - хижинами их назвать нельзя - точно такие же, как у самых хлипких андаманцев, просто навесы из матовых пальмовых листьев, безумно подпертых грубыми стойками; одежды у них почти нет, а их пища - в основном ямс и другие корни джунглей, рыба из ручья, высушенная на солнце обезьяна, оленина и другая дичь, причем этот термин имеет широкое значение. Соль, которую редко можно достать, является большой роскошью, как и почти у всех диких племен. Это кочевой народ, живущий собирательством и охотой; самые дикие из них часто не задерживаются на одном месте дольше трех дней. Очень немногие занимаются сельским хозяйством. Они используют бамбуковые плоты для сплава по течению, но не имеют каноэ. Все мужчины находятся в равных условиях, но у каждого племени есть глава, который пользуется властью. Разделение труда между мужчинами и женщинами довольно равномерное. Мужчины охотятся, а женщины строят убежища и готовят еду. Они строго моногамны и верны друг другу.

Все способности обостряются главным образом в поисках пищи и средств, чтобы ускользнуть от врага, который сейчас обходит их самые дальние убежища в горных лесах. Когда им приходится туго и бегство кажется невозможным, они взбираются на деревья и протягивают ротанговые веревки от ветки к ветке, где они слишком широки, чтобы дотянуться до них в один миг, и по таким хрупким аэральным мостикам проходят женщины и все остальные со своими кухонными горшками и другими вещами, с младенцами у груди, а

малыши цепляются за пятки матери. Ведь они, как и андаманцы, любят своих женщин и детей и таким образом спасают их от малайских налетчиков и работорговцев. Но если британский радж не вмешается в ближайшее время, их судьба предрешена. Они могут ускользнуть от малайцев, но не от своих предательских сородичей, которые часто возглавляют охоту и всю ночь напролет сидят на верхушках деревьев, призывая друг друга и подавая сигналы с этих наблюдательных пунктов, когда листья шелестят и раттаны налетают на них, так что ничего нельзя сделать, и очередная группа семей уносится в рабство.

Речь.

Каменный век.

Исходя из их физического сходства, несомненного общего происхождения и географической близости, можно было бы ожидать и некоторого сходства в речи андаманских и малайских негритосов. Но Х. Клиффорд, специально изучивший диалекты на материке, не обнаружил ни одной точки соприкосновения между ними и какой-либо другой языковой группой[356]. Это, однако, не должно вызывать удивления, поскольку не противоречит общепризнанным принципам. Как и на Андаманах, на полуострове были найдены каменные орудия, образцы которых сейчас хранятся в коллекции Питт-Риверса в Оксфорде[357]. Но нынешние аборигены не изготавливают и не используют такие орудия, и есть все основания полагать, что они были делом рук их предков, прибывших, как и на Андаманах, в далеком прошлом. Таким образом, эти две группы были разделены на протяжении многих тысяч лет, а их речь слишком сильно разошлась, чтобы можно было проследить общий источник.

Аэты.

С негритосами Филиппин мы вступаем в область почти безнадежных этнических осложнений[358], среди которых, однако, почти повсюду в качестве коренного элемента выделяются смуглые карликовые народы *аэта*. Аэта живут в горных районах больших и некоторых малых островов Филиппин, и это название удобно распространять на различные группы филиппинских негритосов, многие из которых демонстрируют результаты смешения с другими народами. У них повсеместно шерстяные волосы, обычно грязно-черного цвета, часто выгоревшие на солнце до красновато-коричневого. Кожа не черная, а темно-шоколадно-коричневая, иногда с желтоватым оттенком. Средний рост 48 мужчин составлял 1,46 м (4 фута 9 дюймов), но значительно варьировался. Типичный нос - широкий, плоский, без мостовой, с выдающимися дугообразными ноздрями, средний носовой индекс у мужчин - 102, а у женщин - 105[359]. Губы толстые, но не выступающие, иногда наблюдается выраженная выпуклость между верхней губой и носом.

Джон Форман[360] отметил тот любопытный факт, что аэта были признаны владельцами земли еще долгое время после прибытия малайских вторженцев.

"Долгое время они были единственными хозяевами острова Лусон, где осуществляли сеньориальные права над тагалогами и другими иммигрантами, пока те не прибыли в таком количестве, что негритосы были вытеснены в высокогорные районы.

Налоги, которыми негритосы облагали первобытных малайских поселенцев, взимались натурой, а в случае отказа от уплаты они налетали всей толпой и уносили голову неплательщика". После прибытия испанцев ужас перед белым человеком заставил их окончательно уйти в горы, где, судя по всему, их численность постепенно сокращается[361]."

Охотники за головами.

На первый взгляд может показаться необъяснимым, что раса с таким низким уровнем интеллекта смогла таким образом утвердить свое превосходство над вторгшимися малайцами, которые, как предполагается, были намного выше их по физическим и умственным качествам. Но следует учесть, что вторжения происходили в очень отдаленные времена, за много веков до появления на сцене полуцивилизованных малайцев, ставших мухаммадами в истории. Будь то индонезийцы или так называемые "малайцы", вторгшиеся были грубыми океаническими народами, которые в доисторический период, до распространения цивилизующего индуистского или мусульманского влияния в Малайзии, едва ли продвинулись в общей культуре намного дальше коренного папуасского и негритосского населения этого региона. Даже в настоящее время гадданы, итавы, игороты и другие жители Лусона - это просто дикари, находящиеся на стадии охоты за головами, такие же дикие, а возможно, даже более свирепые, чем любые аэты. Нам рассказывали, что в некоторых районах племена негрито и игороте ведут регулярный счет голов должников и кредиторов. Там, где вендетта все еще преобладает, все одинаково живут в состоянии хронической племенной войны; периодические экспедиции за головами организуются молодыми мужчинами, чтобы представить отцу невесты как можно больше мрачных трофеев в доказательство своей доблести; жертвы обычно застаются врасплох и поражаются варварским оружием, таким как длинное копье с трезубцем, дротики и стрелы с двумя рядами зубов из кремня или морских раковин на острие. Чтобы избежать таких нападений, некоторые, как негры Центрального Судана, живут в хижинах на высоких столбах или деревьях на высоте 60-70 футов от земли и защищаются, осыпая мародеров камнями.

Физическая особенность полнокровных негрито, отмеченная Дж. Монтано[362], - большая, неуклюжая стопа, слегка повернутая внутрь, черта, характерная также для африканских негрилло; но у аэта этот эффект усугубляется аномальным отклонением большого пальца ноги, как и у аннамцев.

Пигмеи Новой Гвинеи.

Наличие пигмейского элемента в населении Новой Гвинеи подозревалось давно, но реальное существование пигмейского народа было впервые обнаружено экспедицией Британского союза орнитологов в 1910 году у истоков реки Мимика в хребте Нассау.[363]

Описание этого народа, тапиро, выглядит следующим образом. Их рост составляет в среднем 1,449 м. (4 фута 9 дюймов), варьируясь от 1,326 м. (4 фута 4½ дюйма) до 1,529 (5 футов 0¼ дюйма). Череп очень изменчив и имеет индексы от 66,9 до 85,1. Цвет кожи светлее, чем у соседних папуасов, некоторые особи почти желтые. Нос прямой, и хотя его описывают как "очень широкий у ноздрей", среднее значение индекса составляет всего 83, а крайние значения - 65,5 и 94. Глаза заметно больше и круглее, чем у папуасов, а верхняя губа у многих мужчин длинная и причудливо выпуклая. Элемент негрито был также признан в народе мафулу, исследованном Р. У. Уильямсоном в районе Мекео[364], здесь он смешивается с папуасским и папуо-меланезийским. Их рост колеблется от 1,47 м. (4 фута 10 дюймов) до 1,63 м. (5 футов 4 дюйма). Средний цефалический индекс 80 колеблется от 74,7 до 86,8. Цвет кожи - темно-коричневый от копоти, а волосы, хотя обычно коричневые или черные, часто намного светлее, "не то, что мы в Европе называем темным". Средний носовой индекс составляет 84, крайние значения - 71,4 и 100. Также частично негритосского происхождения являются Pēsēgēt из верхних вод реки Лоренц.[365]

Культура негрито.

Все эти народы негрито, как уже отмечалось, демонстрируют значительное разнообразие физических характеристик, ни одна из существующих групп, за исключением андаманцев, не является однородной в отношении цефалического или носового индекса, в то время как рост, хотя всегда низкий, демонстрирует значительный диапазон. У них есть некоторые общие культурные особенности[366], которые, как правило, отличают их от соседей. Они редко практикуют какую-либо деформацию лица, например, татуировку или скарификацию, хотя тапиро и мафулу носят палочку для носа. Они неизменно занимаются собирательством и охотой, никогда, если только это не изменилось в результате контакта с другими народами, не возделывая землю. Их хижины просты, свайные жилища тапиро, очевидно, скопированы у их соседей. Все они владеют луком и стрелами, хотя только семанги и азта используют яд. Андаманцы, похоже, один из немногих народов, которые владеют огнем, но не знают, как его добыть. Есть некоторые свидетельства того, что у негритосов способ разведения огня заключался в том, что они расщепляли сухую палку, держали ее концы открытыми с помощью куска дерева или камня, помещенного в расщелину, засовывали в узкую часть щели немного гари, а затем проводили по этому месту полоской ротанга туда-сюда, пока искра не поджигала гарь[367]. Социальная структура везде очень проста. Ячейкой общества является семья, а власть старосты очень ограничена. Строгая моногамия, похоже, преобладает даже там, где, как у азта, полигиния не запрещена. Мертвых хоронят, но тела тех, кого хотят почтить, помещают на платформы или на деревья.

Тасманийцы.

По некоторым физическим характеристикам с пигмеями-негритосами, хотя и не пигмейскими[368], связаны аборигены Тасмании, но их расовое родство вызывает много споров. Хаксли считал, что они проявляют некоторое сходство с жителями Новой Каледонии и Андаманских островов, но Флауэр был склонен сближать их с папуасами или меланезийцами. Ведущие антропологи Франции не принимают ни одну из этих точек зрения. Топинар утверждает, что между новокаледонцами и тасманийцами нет тесного союза, а Кватфаж и Хами отмечают, что "с какой бы точки зрения мы на это ни смотрели, тасманийская раса обладает особыми чертами, так что совершенно невозможно обнаружить какое-либо четко определенное родство с какой-либо другой существующей расой". Соллас, анализируя эти противоречивые мнения, приходит к выводу, что "это, вероятно, представляет собой преобладающее мнение в настоящее время[369]."

Тасманийцы были среднего роста, средний рост мужчин составлял 1,661 м. (5 футов 5½ дюйма) с диапазоном от 1,548 м. до 1,732 м. (от 5 футов 1 дюйма до 5 футов 8 дюймов); средний рост женщин составлял 1,503 м. (4 фута 11 дюймов) с диапазоном от 1,295 м. до 1,630 м. (от 4 футов 3 дюймов до 5 футов 4¼ дюйма). Цвет кожи почти черный с коричневым оттенком. Глаза были маленькими и глубоко посаженными под выдающимися нависающими надбровными дугами. Нос был коротким и широким, с глубокой выемкой у корня и широко расширенными ноздрями. Череп был долихоцефалический или низкий мезатицефалический, со средним индексом 75, своеобразных очертаний при взгляде сверху. Другими особенностями были наличие самых крупных зубов, особенно заметных в сравнении с маленькой челюстью, и самый маленький из известных объемов черепа (в среднем 1199 см³ у обоих полов, у женщин - 1093 см³).

Культура тасманийцев.

Неразвитая речь.

Аборигены Тасмании стояли даже на более низком уровне культуры, чем австралийцы. В период оккупации разрозненные группы, не имевшие ни наследственных вождов, ни

социальной организации, насчитывали не более 2000 человек и говорили на нескольких различных диалектах, принадлежащих к одному или нескольким родным языкам, точно неизвестно. В отсутствие сибилантов и некоторых других особенностей они напоминали австралийский, но имели более грубую или менее развитую структуру и были настолько несовершенны, что, по словам Джозефа Миллигана, нашего лучшего авторитета в этой области, "они не соблюдали никакого установленного порядка или расположения слов в построении своих предложений, но передавали дополнительным способом с помощью тона, манеры и жеста те изменения смысла, которые мы выражаем настроением, временем, числом и т.д.[\[370\]](#)". Абстрактные термины были редки, и для каждой разновидности эвкалиптового или плетеного дерева было свое название, но не было слова для "дерева" в целом или для качеств, таких как твердое, мягкое, теплое, холодное, длинное, короткое, круглое и т. д. Все твердое было "как камень", круглое - "как луна" и так далее, "обычно подбирая действие к слову и подтверждая каким-либо знаком смысл, который нужно понять".

Изготовление огня, инструменты и оружие.

Они добывали огонь методом палки и желобка, но их знакомство с огненной дрелью неясно[\[371\]](#). Каменные орудия являются предметом долгих дискуссий. Многие из них настолько грубы и неприветливы, что, если брать их отдельно, у нас не будет оснований подозревать, что они были выбиты человеком: некоторые, напротив, демонстрируют признаки искусной обработки. Ранее их классифицировали как "эолиты" и сравнивали с орудиями плато Кента и Сассекса, но сравнение не может быть устойчивым[\[372\]](#). Соллас иллюстрирует орудие, "восхитительно похожее на головку топора", и отмечает его сходство с леваллуазской чешуйкой (Acheulean). Дж. П. Джонсон[\[373\]](#) указывает на общее сходство с доавриньякскими формами, а также на поразительное сходство некоторых образцов с мустьерскими типами. Оружие было деревянным и состояло из копья, заостренного и закаленного в огне, и булавы или палицы, около двух футов длиной, иногда с зазубринами на одном конце; дальность стрельбы, как говорят, составляла около 40 ярдов.

Диета.

Жилища.

В рацион туземцев входили "змеи, ящерицы, личинки и черви", кроме того, опоссум, вомбат, кенгуру, птицы и рыбы, коренья, семена и плоды, но не человеческая плоть, по крайней мере, обычно. Как и бушмены, они были грубыми кормильцами, потребляя огромное количество пищи, когда могли ее достать; упоминается случай, когда на станции на острове Флиндерс видели женщину, съевшую от 50 до 60 яиц буревестника (размером больше утиного), помимо двойной порции хлеба. У них были хрупкие связки коры, скрепленные ремнями или камышом, наполовину плавсредства, наполовину лодки, служившие каноэ, но не было постоянных жилищ или хижин, кроме ветвей деревьев, скрепленных вместе, поддерживаемых кольями и расположенных в форме полумесяца выпуклой стороной к ветру. На возвышенностях и вдоль морского берега они укрывались в пещерах, скалах и естественных впадинах. Обычно мужчины ходили голыми, женщины носили свободный покров из шкур, а личные украшения ограничивались косметикой из красной охры, плюмбаго и толченого древесного угля, изредка - ожерельем из раковин, нанизанных на волокнистую бечевку.

Вымирание.

Будучи всего лишь охотниками и собирателями, с приходом английских колонистов их судьба была предreshена. "Только в редких случаях раса охотников может сосуществовать с земледельческим народом. Когда охотничьи угодья племени ограничиваются из-за их частичной оккупации новоприбывшими, пострадавшее племя вынуждено вторгаться в пределы своих соседей: это нарушение самого священного "закона джунглей", которое неизбежно приводит к войне: давление на одну границу распространяется на другую, древнее состояние равновесия глубоко нарушается, и межплеменные распри становятся все более частыми. Естественно, возникает горькое чувство против исконных обидчиков - чужеземных колонистов; неизбежно возникают разного рода недоразумения, которые слишком часто приводят к кровопролитию и заканчиваются общим конфликтом между туземцами и колонистами, в котором первые, уже ослабленные разногласиями между собой, вскоре должны уступить. Так было и в Тасмании". После войны 1825-1831 гг. немногие жалкие выжившие, числом около 200 человек, были собраны в поселение, и с 1834 г. прилагались все усилия для их благополучия, "но "цивилизация белого человека оказалась едва ли менее смертельной, чем пуля белого человека", и в 1877 г., со смертью Труганини, последнего выжившего, раса вымерла[374] ."

ССЫЛКИ:

[319] Cp. S. H. Ray, *Reports Camb. Anthropol. Exp. Torres Sts.* Vol. III. 1907, pp. 287, 528. О языковом родстве меланезийцев см. также W. Schmidt, *Die Mon-Khmer Völker*, 1906.

[320] К. Г. Селигман ограничивает использование термина "папуасы" жителями Новой Гвинеи и ее островов и, следуя предложению А. К. Хэддона (*Geograph. Journ.* XVI. 1900, pp. 265, 414), признает в них три большие группы: папуасов, западных папуасов-меланезийцев и восточных папуасов-меланезийцев, или масимов. Cp. C. G. Seligman, "A Classification of the Natives of British New Guinea," *Journ. Roy. Anthropol. Inst.* Vol. XXXIX. 1902, и "Меланезийцы Британской Новой Гвинеи", 1910.

[321] То есть коренные папуасы, которые, по-видимому, составляют основную массу населения Новой Гвинеи, в отличие от иммигрантов-меланезийцев (моту и другие), которые многочисленны, особенно вдоль юго-восточного побережья материка и на соседних архипелагах Луизиада и Д'Антрекасто (*Eth. Ch.* XI.).

[322] *The Melanesians of British New Guinea*, 1910, pp. 2, 27.

[323] Вьющиеся или волнистые волосы чаще встречаются у женщин, чем у мужчин.

[324] *Канака* - полинезийское слово, означающее "человек", и поэтому должно относиться только к смуглой индонезийской группе, но французские писатели без разбора применяют его ко всем жителям островов Южного моря, будь то чернокожие или смуглые. Это неправильное использование термина попало в некоторые английские книги о путешествиях даже в испорченной французской форме "canaque".

[325] *L'Archipel de la Nouvelle Calédonie*, Paris, 1895.

[326] Лифу, Маре, Увеа и остров Сосен. Все эти полинезийцы, по-видимому, прибыли из Тонга сначала на остров Увеа (Уоллис), а затем, в XVIII веке, на Увеа в Лоялти, колыбель всех полинезийских поселений Новой Каледонии. Cp. К. М. Вудфорд, "О некоторых малоизвестных полинезийских поселениях по соседству с Соломоновыми островами", *Geog. Journ.* XLVIII. 1916.

[327] Этот низкий индекс характерен для большинства папуасов и достигает крайней степени долихоцефалии у вымерших кай-коло на Фиджи (65°), а также среди некоторых прибрежных папуасов Новой Гвинеи, измеренных Миклухо-Маклаем. Но этот наблюдатель обнаружил, что в Новой Гвинее характеристики настолько изменчивы, что не смог использовать их в качестве расового теста. На Новых Гебридах, Луизиадах и в группе Бисмарка он также обнаружил, что многие туземцы широкоплечие, с индексами до 80 и 85; и даже на Соломоновых островах Гуппи регистрирует цефалические индексы от 69 до 86, но преобладает долихоцефалия ("*Соломоновы острова*", 1887, с. 112, 114). Таким образом, эта особенность не более постоянна среди жителей Океании, чем среди африканских негров. (См. также статью М.-Маклая в *Proc. Linn. Soc. New South Wales*, 1882, p. 171 sq.).

[328] *Eth. Ch.* VIII.

[329] Bernard, p. 262.

[330] A. C. Haddon, *The Wanderings of Peoples*, 1911, p. 33.

[331] A. C. Haddon, *The Races of Man*, 1909, p. 21.

[332] *Wissenschaftliche Ergebnisse einer amtlichen Forschungsreise nach dem Bismarck-Archipel im Jahre 1908; Untersuchungen über eine Melanesische Wanderstrasse*, 1913; и *Mitt. aus den deutschen Schutzgebieten, Ergänzungsheft*, Nr 5, 1912, Nr 7, 1913. См. также S. H. Ray, *Nature*, CLXXII. 1913, и *Man*, XIV. 34, 1914.

[333] *Zeitschr. f. Ethnol.* XXXVII. p. 26, 1905. Следует также ознакомиться с его более поздними работами, *Anthropos*, IV. 1909, pp. 726, 998; *Ethnologie*, 1914, p. 13.

[334] *История меланезийского общества*, 1914.

[335] A. C. Haddon, *The Races of Man*, 1909, pp. 24-8, и *Handbook to the Ethnographical Collections British Museum*, 1910, pp. 119-139.

[336] Помимо более ранних работ Х. Х. Ромилли, "*Западная часть Тихого океана и Новая Гвинея*", 1886, "*С моей веранды в Новой Гвинее*", 1889; Дж. Чалмерса, "*Работа и приключения в Новой Гвинее*", 1885; О. Финша, "*Samoafahrten: Reisen in Kaiser Wilhelms-Land und Englisch Neu-Guinea*", 1888; С. М. Woodford, *A Naturalist Among the Head-hunters*, 1890; J. P. Thompson, *British New Guinea*, 1892; и R. H. Codrington, *The Melanesians*, 1891, также можно ознакомиться со следующими более поздними работами: -A. C. Haddon, *Head-hunters, Black, White, and Brown*, 1901, and *Reports of the Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits*, 1901-; R. Parkinson, *Dreissig Jahre in der Südsee*, 1907; G. A. J. van der Sande, *Nova Guinea*, 1907; B. Thompson, *The Fijians*, 1908; G. Brown, *Melanesians and Polynesians*, 1910; F. Speiser, *Südsee Urwald Kannibalen*, 1913.

[337] *Eth. Ch.* XII.

[338] Но за исключением Целебеса, где не было обнаружено никаких следов папуасских элементов.

[339] Подробности см. в F. H. H. Guillemard, *Australasia*, Vol. II. и Reclus, Vol. XIV.

[340] S. J. Hickson, *A Naturalist in North Celebes*, 1889, p. 203.

[341] А. К. Хэддон, "Вопрос о пигмеях", Приложение В к книге А. Ф. Р. Волластона "*Пигмеи и папуасы*", 1912, с. 304.

[342] "A la Recherche des Negritos," etc., in *Tour du Monde*, New Series, Livr. 35-8. Размеры кургана составляли 150 футов в окружности и более 12 футов в высоту.

[343] Э. Х. Ман, *Журн. Anthr. Inst.* Vol. XI. 1881, p. 271, и XII. 1883, p. 71.

[344] *Ib.* p. 272.

[345] Недалеко от Баррена находится потухший кратер *Наркондам*, то есть *Нарак-андам* (*Нарак* = Ад), от которого, возможно, и получила свое название *Андаманская* группа (сэр Х. Юл, "*Марко Поло*"). Мэн отмечает, однако, что андаманцы не знали о существовании острова Баррен, пока не проплыли мимо на пароходе с поселением (стр. 368).

[346] *Folk-Lore*, 1909, p. 257. См. также критические замечания В. Шмидта, "Пулуга, верховное существо андаманцев", *Man*, 2, 1910, и А. Ланга, "Пулуга", *Man*, 30, 1910; А. Р. Брауна, *Андаманские острова* (в печати).

[347] "Андаманские языки представляют собой единую группу; у них нет родства, по которому можно было бы сделать вывод об их связи с какой-либо другой известной группой" (Р. К. Темпл, цитируется по Ман, *Anthrop. Jour.* 1882, p. 123).

[348] Р. К. Темпл, цитируется по Ман, *Anthrop. Jour.* 1882, p. 123.

[349] W. W. Skeat и C. D. Blagden, *Pagan Races of the Malay Peninsula*, 1906.

[350] R. Martin, *Die Inlandstämme der Malayischen Halbinsel*, 1905.

[351] Н. Аннандейл и Х. К. Робинсон, "Fasciculi Malayensis", *Антропология*, 1903.

[352] В. В. Скит и К. Д. Благден, *loc. cit.*

[353] Сакаи часто причисляют к негритосам, но, хотя они, несомненно, являются смешанным народом, их родство представляется додравидийским.

[354] Ср. А. С. Haddon, "The Pygmy Question", Appendix B to A. F. R. Wollaston's *Pygmies and Papuans*, 1912, p. 306.

[355] *In Court and Kampong*, 1897, p. 172.

[356] Грамматика и глоссарий языка сенои в *Jour. Straits Branch R. Asiat. Soc.* 1892, No. 24.

[357] См. статью Л. Врея "О пещерных жителях Перака" в *Jour. Anthropol. Inst.* 1897, p. 36 sq. Этот обозреватель считает, что "самыми ранними обитателями пещер, скорее всего, были негритосы" (p. 47), а о большом возрасте отложений говорит тот факт, что "в некоторых пещерах по крайней мере 12 футов смеси раковин, костей и земли было накоплено и впоследствии снова удалено в полы пещер. В некоторых местах образовались и были удалены два или три слоя твердых сталагмитов, толщина некоторых из них достигала пяти футов" (стр. 45).

[358] См. по этому вопросу статью профессора Блюментритта о мангуанцах Миндоро в *Globus*, LX. No. 14.

[359] У одной женщины племени азта из Замбалеса носовой индекс составлял 140,7. У. Аллен Рид, "Негритосы Замбалеса", *Министерство внутренних дел: Публикации Этнологической службы*, II. 1904, p. 35. Подробные сведения о физических особенностях см. в следующих изданиях: - D. Folkmar, *Album of Philippine Types*, 1904; Dean C. Worcester, "The

Non-Christian Tribes of Northern Luzon," *The Philippine Journal of Science*, I. 1906; и A. C. Haddon, "The Pygmy Question," Appendix B to A. F. R. Wollaston's *Pygmies and Papuans*, 1912.

[360] Филиппинские острова и т. д., Лондон и Гонконг, 1890.

[361] *Op. cit.* p. 210.

[362] *Voyage aux Philippines*, etc., Paris, 1886.

[363] A. F. R. Wollaston, *Pygmies and Papuans*, 1912; C. G. Rawling, *The Land of the New Guinea Pygmies*, 1913.

[364] *The Mafulu Mountain People of British New Guinea*, 1912.

[365] *Новая Гвинея*, VII. 1913, 1915.

[366] А. К. Хэддон, "Пигмейский вопрос", Приложение В к книге А. Ф. Р. Волластона "*Пигмеи и папуасы*", 1912, с. 314-9.

[367] Однако нет уверенности, что этот метод известен семангам, и он встречается у народов, не являющихся негритосами, таких как кайан из Саравака, и в других местах, где негритосский элемент еще не зафиксирован.

[368] Термин "пигмей" обычно применяется к людям, чей рост не превышает 1,5 м. (4 фута 11 дюймов).

[369] W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, и W. Turner, "The Aborigines of Australia," *Trans. R. Soc. Edin.* 1908, XLVI. 2, и 1910, XLVII. 3.

[370] Статья в работе Броу Смита, II. p. 413.

[371] H. Ling Roth, *The Aborigines of Australia* (2nd ed.), 1899, Appendix LXXXVIII., и "Tasmanian Firesticks", *Nature*, LIX. 1899, p. 606.

[372] W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, pp. 90, 106 ff.

[373] *Nature*, XCII. 1913, p. 320.

[374] W. J. Sollas, *Ancient Hunters*, 1915, pp. 104-5.

ГЛАВА VI

ЮЖНЫЕ МОНГОЛЫ

Южномонгольская область - Тибет, колыбель монголов - каменный век в Тибете - примитивный монгольский тип - балти и ладакхи - тип и происхождение балти - собственно тибетцы - тип - бхотия - доисторическая экспансия тибетской расы - субгималайские группы: Гуркхи - Ментальные качества тибетцев - Ламаизм - Хорсоки - Тангуты - Поляндия - Религия Бонбо - Буддийский и христианский ритуализм - Молитвенное колесо - Язык и буквы - Различные языковые типы - Лепча - Ангами - Нага и куки - Лушайская речь - Племена нага - Общие этнические отношения в Индо-Китае - Аборигенные и культурные народы - Талаинги -

Манипури - Религия - Игра в поло - Система кхел - Чины - Умственные и физические качества - Боги, Кахьены - кавказские элементы - Карены - тип - темперамент - христианские миссии - бирманцы - тип - характер - буддизм - положение женщины - татуировка - народы тай-шан - ахом, Кхамти и китайские шань-Шаньская колыбель и происхождение- Кавказские контакты- Тай-шаньская тональная речь- Шань, Лоло, и письменность мосо - Происхождение мосо - Аборигены Южного Китая и Аннама - Происхождение и родство - Кавказские аборигены в Южной и Восточная Азия - Сиамский Шан - Происхождение и ранние записи - Социальная система - Буддизм - Аннамы - Происхождение - Физические и психические характеристики - Язык и письмо - Социальные институты - Религиозные системы - Китайское происхождение - Вавилонская теория - Распространение китайской культуры и социальной системы - Письма и ранние записи - Традиции каменного и металлического веков - Колыбель Китая и ранние миграции - Поглощение аборигенов - Выжившие: Хок-ло, Хакка, Пун-ти-Конфуцианство, даосизм, буддизм-Фун-шуй и культ предков-Ислам и христианство-Мандаринский класс.

Конспект.

Распространение в прошлом и настоящем.

Современный ареал. Тибет; южные склоны Гималаев; Индо-Китай до перешейка Кра; Китай; Формоза; часть Малайзии.

Физические особенности.

Волосы равномерно черные, длинные, круглые в поперечном сечении; борода редкая или отсутствует, усы обычные. **Цвет**, как правило, грязно-желтовато-коричневый, на юге переходящий в оливковый и медно-коричневый, а в Северном Китае - в лимонный или беловатый. **Череп**, как правило, мозговой (от 80 до 84), но в некоторых районах Китая субдолиховый (77) и высокий. **Челюсти** слегка prognathic. **Скулы**, очень высокие и выдающиеся вбок. **Нос**, очень маленький и вогнутый, с широкими ноздрями (mesorrhine), но часто большой и прямой среди высших классов. **Глаза** маленькие, черные, косые (внешний угол слегка приподнят), вертикальная складка кожи над внутренним кантом. **Рост** ниже среднего, 1,62 м. (5 футов 4 дюйма), но в Северном Китае часто высокие, 1,77-1,82 м. (5 футов 10 дюймов - 6 футов). **Губы** довольно тонкие, иногда слегка выступающие. **Руки, ноги и ступни** нормальных пропорций, икры довольно маленькие.

Психические особенности.

Темперамент. Несколько вялый, малоинициативный, но очень выносливый; скорее хитрый, чем умный; в целом бережливый и трудолюбивый, но в Сиаме и Бирме в основном праздный; моральный уровень низкий, с небольшим чувством добра и зла.

Речь. В основном изолированная и монослоговая, вследствие фонетического распада; утрата формообразующих элементов компенсируется тоном; некоторые (южнокитайский, аннамский) сильно тонизированы, но другие (в Гималаях и Северной Бирме) сильно агглютинированы и, следовательно, лишены тона.

Религия. Поклонение предкам и духам, лежащее в основе различных видов буддизма; религиозные настроения слабы в Аннаме, сильны в Тибете; слабо распространены в Китае.

Культура. Варьируется от полной дикости (индо-китайские аборигены) до низкой стадии цивилизации; некоторые механические искусства (керамика, металлургия, ткачество) и сельское хозяйство хорошо развиты; живопись, скульптура и архитектура в основном

находятся на варварской стадии; широко распространено письмо, но настоящая литература и наука развиты слабо; застой очень распространен.

Основные разделы.

Бод-па. Тибетский; тангутский; хорсок; си-фан; балти; ладакхи; гуркхи; бхотия; мири; мишми; абори.

Бирманцы. Нага; куки-лушай; чин; кахьен; манипури; карен; талаинг; араканцы; собственно бирманцы.

Тай-Шань. Ахом; Кхамти; Нгуу; Лао; Сиамцы.

Гяо-ши. Аннамский; кочинско-китайский.

Китайцы. Собственно китайский; хакка; хок-ло; пун-ти.

Южномонгольская область.

Монгольская популяция может быть разделена на две основные ветви^[375]: монголо-татарскую, западной области, и тибето-индо-китайскую восточной области, последняя простирается во вторичную ветвь, океанических монголов. Эти две ветви, то есть главная и второстепенная, которые совместно занимают большую часть Юго-Восточной Азии с большей частью Малайзии, Мадагаскара, Филиппин и Формозы, станут предметом рассмотрения в настоящей и последующих главах. С учетом вторжений и наложений, особенно в Маньчжурии и Северном Тибете, северный "водораздел" в сторону монголо-татарских владений примерно обозначен Великой стеной и хребтом Куэнь-лунь на запад до Гиндукуша, а на юго-западе - Гималаями от Гиндукуша на восток до Ассама. Континентальная часть, таким образом, включает в себя весь Китай и Индо-Китай, а также большую часть Тибета с Малым Тибетом (Балтистан и Ладакх) и Гималайские возвышенности, включая их южные склоны. Эта часть снова отделена от океанической части перешейком Кра - Малайским полуостровом, этнически принадлежащим к изолированному малайскому миру. "Я считаю, - пишет Уорингтон Смит, - что малайцы никогда не распространялись на юг дальше перешейка Кра^[376]."

Тибет, колыбель монголов.

Исходя из соображений, изложенных в "Этнологии", гл. XII, представляется разумным предположить, что озерный Тибетский нагорье с его гималайскими уступами, стоявший в плейстоценовые времена на значительно более низком уровне, чем сейчас, был колыбелью монгольского подразделения человечества. Здесь были все природные условия, благоприятные для развития новой разновидности вида, движущегося из тропиков на север, - образцовое пространство, какое, по-видимому, требуется для всех областей с выраженной специализацией; иной, более холодный климат, чем в экваториальной области, хотя, благодаря более низкой высоте, более теплый, чем на мрачном и теперь едва обитаемом Тибетском плато; обширные равнины, нигде, возможно, не слишком густо поросшие лесом, пересеченные хребтами умеренной высоты и разнообразные системой озер, гораздо более обширной, чем та, что была обнаружена исследованиями современных путешественников ^[377]

При таких обстоятельствах, которые не являются предметом простых спекуляций, а прямо вытекают из наблюдений умных исследователей и подготовленных англо-индийских

геодезистов, кажется не только вероятным, но и неизбежным, что плейстоценовый индо-малаец должен измениться и усовершенствоваться в своей новой и более благоприятной среднеазиатской среде.

Каменный век в Тибете.

Позже, с постепенным поднятием земли на среднюю высоту около 14 000 футов над уровнем моря, климат ухудшился, и нынешние несколько грубые и суровые жители Тибета должны рассматриваться как результат медленной адаптации к медленно меняющемуся окружению с момента оккупации страны индо-малайским плейстоценовым предшественником. Для этого предшественника Тибет был доступен либо из Индии, либо из Индо-Китая, и хотя с плато до сих пор не найдено ни одного его орудия труда, можно с уверенностью сказать, что Тибет прошел через каменный и металлический века. Во времена Богла "громовые камни" все еще использовались для поглаживания лам, и даже сейчас каменные горшки для приготовления пищи встречаются среди пастухов нагорья, хотя они знакомы и с медью, и с железом. В Индии и Индо-Китае палеолиты грубого типа встречаются в различных местах - Аркот, гравий Нарбада, Мирзапур[378], долина Иравади и территория Шан - как бы указывая на маршруты, по которым двигался ранний человек в своих миграциях из Индо-Малайзии на север.

Таким образом, там, где молчит человек, говорят камни, и настолько древними являются эти связи прошлого и настоящего, что среди шанов, как и в Древней Греции, их происхождение полностью забыто, они часто используются в качестве украшений и носят как талисманы от несчастий.

Примитивный монгольский тип.

Обычно собственно монголов, то есть степных кочевников, которые не раз пересекали половину восточного полушария, принимают за типичный и первоначальный ствол монгольской расы. Но если взгляды Ш. де Ужфалви могут быть приняты, эту честь теперь придется перенести на тибетцев, которые все еще занимают предполагаемую колыбель расы. Этот ветеран изучения народов Центральной Азии описывает два монгольских типа, северный круглоголовый и южный длинноголовый, и считает, что последний, к которому относятся "ладакхи, чампы и собственно тибетцы", был "примитивным монгольским типом"[379]."

Балты и ладакхи.

Балтский тип и происхождение.

Из-за политической изоляции Тибета эта раса до сих пор изучалась в основном в отдаленных провинциях за границей, таких как Ладакх, Балтистан и Сикким[380], то есть в районах, где можно было бы заподозрить смешение с другими расами. Действительно, де Ужфальви, тщательно обследовавший Балтистан и Ладакх, уверяет, что если ладакхи представляют собой две разновидности азиатского человека с цеф. индексом 77, то балты - вовсе не тибетцы и не монголы, а потомки исторических саков, хотя теперь и с тибетской речью и мусульманской верой[381]. Они среднего роста или немного выше его, с довольно низкими бровями, очень выдающимися надбровными дугами, глубокой впадиной у корня носа, густыми изогнутыми бровями, длинным, прямым или дугообразным носом, толстыми губами, овальным подбородком, небольшими скулами, маленькими плоскими ушами, прямыми глазами, очень черными и обильными кольчатыми (букли) волосами, полной бородой, обычно черной и шелковистой, крепким волосатым телом, маленькими руками и ногами,

длинной головой (индекс 72). По таким чертам невозможно узнать монгола, и контраст наиболее разителен с соседними ладакхами, истинными монголами, о чем свидетельствуют их слегка приподнятые надбровные дуги, квадратные и едва изогнутые брови, раскосые глаза, большие выдающиеся скулы, длинные и грубые волосы, желтоватое и почти безволосое тело.

Несомненно, произошло значительное смешение балтов и ладакхов, а в недавние времена еще большее смешение балтов и дардов (индусско-кушских "арийцев"), отсюда мнение Лейтнера, что балты - это дарды, в отдаленный период завоеванные бхотами (тибетцами) и потерявшие свою речь вместе с независимостью. Но из всех этих народов бельцы в прежние времена были наиболее цивилизованными, о чем свидетельствуют замечательные наскальные рисунки, которые до сих пор находят в стране и которые нынешние жители относят к давно исчезнувшей расе. На некоторых из них изображены конные и пешие воины, причем сходство между ними и людьми, изображенными на монетах сакских царей, часто очень поразительное - и по внешнему виду, и по позам, и по вооружению, и по амуниции. Балты до сих пор являются знаменитыми наездниками, и именно у них, как говорят, зародилась игра в поло, которая затем распространилась среди окружающих народов вплоть до Читрала и Ирана.

Из всех этих соображений следует, что балты - прямые потомки саков, которые вторглись в Индию около 90 года до н. э. не с запада (из долины Кабула), как принято считать, а с севера через Каракорумские перевалы, ведущие прямо в Балтистан[382]. Таким образом, вновь появляется имя, известное в древности, и устанавливается еще одна из тех связей между прошлым и настоящим, спасение которых от забвения является уделом исторического этнолога.

Собственно тибетцы.

Бод-па, дру-па, тангуты.

В самом Тибете этнические отношения запутались из-за того, что Пржевальский и некоторые другие современные исследователи вольно называют племена и даже народы. Поэтому следует пояснить, что необходимо тщательно различать три несколько отличные друг от друга ветви расы: 1. *Бод-па*[383], "бодмены", оседлая и более или менее цивилизованная часть, занимающая большинство южных и более плодородных провинций, столицей которых является Лхаса, обрабатывающая землю, живущая в городах и перешедшая от племенного к гражданскому состоянию. 2. *Дру-па*[384], мирные, хотя и полукочевые скотоводческие племена, которые живут в палатках на северных плато, на высоте более 15 000 футов над уровнем моря. 3. *Тангуты*[385], беспокойные, хищные племена, обитающие на северо-восточном пограничье между Коко-нором и Кансу.

Все они - истинные тибетцы, говорят на тибетском языке и исповедуют ту или иную из двух национальных религий, *бонбо* и ламаизм (тибетская форма буддизма). Но лучше всего оригинальный тип сохранился не среди культурных Бод-па, которые во многих местах демонстрируют значительную примесь китайских и индуистских элементов, а среди Дру-па, которые в своих мрачных горных степях на протяжении веков почти не контактировали с окружающим монголо-тюркским населением. По описанию У. У. Рокхилл из личных наблюдений: рост около пяти футов пяти дюймов, круглоголовые, с волнистыми волосами, ясные карие и даже лесные глаза, скулы менее высокие, чем у монголов, толстый нос, вдавленный у корня, но также выдающийся и даже аквилинный, узкие, но широкие ноздри, большие лопастные уши, выступающие в меньшей степени, чем у монголов, Широкий рот, длинные черные волосы, тонкая борода, в целом безволосое тело, широкие плечи, очень

маленькие икры, большая ступня, грубая рука, кожа грубая и жирная, светло-коричневого цвета, хотя "часто почти белая, но когда подвергается воздействию погоды, темно-коричневая, почти цвета наших американских индейцев. Розовые щеки довольно часто встречаются среди молодых женщин[386]."

Некоторые из этих черт - волнистые волосы, аквилинный нос, лесные глаза, румяные щеки - не являются монгольскими, и, несмотря на свидетельство У. У. Рокхилла о расовой чистоте, можно заподозрить кавказский штамм, возможно, через соседних саларов. Их, несомненно, иногда называют кара-тангутанами, "черными тангутанами", по цвету их палаток, но от Потанина, посетившего их в 1885 году[387], мы узнаем, что это мухаммедане тюркского происхождения и речи, а мы уже знаем[388], что с отдаленных времен турки находились в тесном контакте с кавказцами. Салары ставят свои палатки на берегах Хитая и других рек Ян-Цзе-Кианга.

Бхотия.

То, что национальное название Бод-па должно иметь значительную древность, видно из санскритского выражения *Бхотия*, производного от него и давно применяемого индусами коллективно ко всем южным тибетцам, но особенно к жителям гималайских склонов, таким как Ронги (Лепча) в Сиккиме и *Лхо-па*, преобладающие в Бутане, правильно *Бхот-ант*, то есть "Конец земли" - край Тибета. На восток тибетская раса также простирается далеко за пределы политических границ в область Коко-нор (тангуты) и китайскую провинцию Се-чуань, где они объединяются со всеми другими аборигенами Си-фана. На юго-востоке живут родственные им *таванги*, *мишми*, *мири*, *абор*[389], *дафла* и многие другие, живущие на границе с Ассамом, которых в диком состоянии можно считать настоящими бхотиями.

Доисторическая экспансия тибетской расы.

Через них примитивная тибетская раса проникла в Бирму, где, однако, сильно видоизменилась и вновь стала цивилизованной под влиянием различных климатических и культурных факторов. Таким образом, мы видим, как с течением веков Бод-па расширяли свои владения, распространяясь во всех направлениях от центральной колыбели в долине Верхней Брахмапутры (Сан-По) на запад в Кашмир, на восток в Китай, на юг по склонам Гималаев до Гангских равнин, на юго-восток в Индо-Китай. В некоторых местах они вступили в контакт с другими расами и исчезли либо путем полного вымирания, либо путем поглощения (Индия, Гиндукуш), либо сохранили свой тип, приняв речь, религию и культуру более поздних вторженцев. Таковы *гархвали* и многие группы в Непале, особенно доминирующие *гуркхи* (*Khas*[390]), которых насчитывается двенадцать ветвей, все арийские и с двенадцатого века говорящие на *парбаттия бхаша*, пракрите или вульгарном санскрите, существующем среди чрезвычайно смешанного населения численностью около 2 000 000 человек.

В других направлениях миграции происходили в далекие доисторические времена, причем примитивные прототибетские группы становились все более и более специализированными по мере удаления от колыбели в Монголию, Сибирь, Китай, Дальнюю Индию и Малайзию. По крайней мере, именно так я понимаю заселение значительной части восточного полушария первоначальным ядром монгольского типа, впервые дифференцированным от плейстоценового предшественника на Тибетском нагорье.

Темперамент.

Странно противоречивые оценки были сформированы о темпераменте и умственных характеристиках Бод-па, некоторые, такие как Тернер[391], несомненно, слишком благоприятны, в то время как другие ошибаются, возможно, в противоположном направлении. Так, Десгодинс, который, тем не менее, хорошо их знал, описывает культурного тибетца юга как "раба по отношению к великому, деспота по отношению к слабому, коварного или вероломного в зависимости от обстоятельств, всегда начеку, чтобы обмануть, и нагло лгущего, чтобы достичь своей цели", и многое другое в том же духе .[392]

W. В. Рокхилл, который менее суров, считает, что "характер тибетца не так черен, как его рисуют Гораций делла Пенна и Десгодин. Общение с этими людьми на протяжении шести лет приводит меня к убеждению, что тибетец - добросердечный, ласковый и законопослушный человек[393]. " В заключение он приводит не очень лестную оценку туземцев, выведенную из любопытной национальной легенды о том, что "самые первые жители Тибета произошли от царя обезьян и самки хобгоблина, а характер расы, возможно, от характера ее первых родителей. От царя обезьян [он был воплощением бога] они получили религиозную веру и добросердечие, ум и прилежание, преданность религии и религиозным дебатам; от хобгоблина - жестокость, любовь к торговле и добыванию денег, большую телесную силу, похотливость, любовь к сплетням и плотоядный инстинкт[394]. "

Влияние ламаизма на характер тибетцев.

Несмотря на то, что они жизнерадостны в условиях унылого священнического режима, все допускают, что они злопамятны, суеверны и дрожат в присутствии лам, которых в глубине души скорее боятся, чем почитают. На самом деле весь религиозный мир - это одна огромная организованная система лицемерия, и над старыми языческими верованиями, общими для всех примитивных народов, лежит лишь оболочка буддизма, поверх которой следует другая, самая пагубная оболочка ламаизма (жречества), под игом которого естественное развитие народа почти полностью заторможено уже несколько столетий. Это бремя переносится с удивительной стойкостью, и оно было бы невыносимым, если бы не облегчение, находимое в тайном, а иногда и открытом восстании против более деспотичных предписаний церковного правления. Так, несмотря на предписания строгой вегетарианской диеты, выраженные в формуле "ешь плоть животного - ешь брата твоего", не только миряне, но и большинство лам дополняют свой скудный рацион из молока, масла, ячменной муки и фруктов дичью, яком и бараниной - последняя, по мнению Тернера, лучшая в мире. Совесть общества, однако, спасают несколько дополнительных оборотов молитвенного колеса во время таких трапез, а также всеобщее презрение, с которым относятся к потомственной касте мясников, которые, подобно евреям в средневековые времена, до сих пор заключены в собственные "гетто" во всех крупных городах.

Хорсоки.

Тангуты.

Эти замечания в большей степени относятся к оседлым южным общинам, живущим в районах, где возможно небольшое сельское хозяйство. В других местах религиозный плащ носится очень свободно, и *кочевники-хорсоки* северных степей, хотя все они номинальные буддисты, не проявляют особого уважения к указам, которые, как предполагается, исходят от Далай-ламы, хранящегося в Лхасе. Хорсок - почти уникальный этнический термин[395], представляющий собой любопытное соединение двух названий, применяемых тибетцами к *Хор-па* и *Сок-па*, которые делят между собой степь. Хор-па, занимающие западные районы, происходят от тюрков и являются единственной известной мне группой этой расы, исповедующей буддизм[396], все остальные - мухаммаданы с некоторыми шаманистами

(якутами) в бассейне Лены. Сок-па, кочующие по восточным равнинам и долинам, хотя их обычно называют монголами, являются настоящими тибетцами или, более строго говоря, тангутами, среди которых есть две ветви, *голики* и *еграи*, все, как и хор-па, тибетской речи. Еграи, по описанию Пржевальского, очень похожи на другие северо-тибетские племена: длинные, матовые локоны, спадающие на плечи, скудные усы и борода, угловатая голова, темный цвет лица и грязная одежда .[397]

Помимо скотоводства и хищнической войны, все эти группы занимаются охотой, вооруженные дротиками, луками и ружьями со спичками; оленя заманивают в ловушку, и единственное животное, которого щадят, - это олень, "конь Будды". Вкус этих грубых кочевников к жидкой крови ненасытен, и землемер Наин Сингх часто видел, как они падали на землю, чтобы слизать кровь, вытекающую из раненого зверя. Как только их отлучают от груди, детей и даже лошадей кормят диетой из сыра, масла и крови, замешанных в ужасную кашу, которую с жадностью поглощают, когда приобретают вкус. С другой стороны, алкогольные напитки употребляются мало, национальным напитком является грубый китайский чай, привозимый в виде кирпичей и приготовленный с *цампой* (ячменной мукой) и маслом, что делает его не только напитком, но и пищей. Ламы обладают монополией на торговлю этим чаем, который не выдерживает конкуренции со стороны индийских производителей; отсюда вытекает главное возражение против снятия барьеров уединения.

Тибетская полиандрия.

Тибет - один из немногих регионов, где полиандрические обычаи, тесно связанные с матриархальным укладом, все еще сохраняются почти в первозданном виде. Мужья обычно, но не обязательно все, являются братьями, а невеста всегда приобретается путем покупки. Если нет иных договоренностей, самый старший муж является предполагаемым "отцом", а все остальные считаются "дядями". Неизбежным результатом этого института является доминирующее положение женщины в обществе; отсюда "королевы" некоторых племен, о которых с таким изумлением упоминали ранние китайские летописцы. Путешественники замечали выживших членов этого "правительства в нижнем белье" среди лоло, мосо и других коренных общин на индо-китайских границах. Но из этого не следует, что полиандрия и матриархальное государство всегда и обязательно предшествовали полигинии и патриархальному государству. Напротив, представляется, что полиандрия никогда не могла быть всеобщей; возможно, она возникла в силу особых условий в отдельных регионах, где борьба за существование остра, а необходимость введения ограничений на рост населения более настоятельна, чем в других местах[398]. Поэтому мне кажется столь же большой ошибкой предполагать матриархат, как и считать промискуитет универсальной предпосылкой всех последующих семейных отношений. В самом Тибете полигиния существует бок о бок с полиандрией среди богатых классов, в то время как моногамия является правилом среди бедных кочевников северной степи.

Погребальные обычаи.

Некоторые выдающиеся антропологи придают большое этническое значение обращению с мертвыми. Но как в эпоху нового каменного и металлического веков в Европе кремация и погребение практиковались бок о бок[399], так и в Тибете от умерших теперь избавляются одновременно и разными способами. Это вопрос не столько расы, сколько касты или социальных классов, а также удовольствия ламы, который, обрив голову, чтобы облегчить переселение души, может приказывать сжечь тело, похоронить его, бросить в реку или даже бросить хищным птицам или зверям. Как ни странно, последний способ, выполненный с соблюдением определенных формальностей, является одним из самых почетных, хотя лам

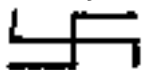
обычно хоронят в сидячей позе, а высокопоставленных чиновников сжигают, и (в Ладакхе) пепел, смешанный с небольшим количеством глины, замешивают в очень почитаемые чучела - несомненно, это пережиток культа предков.

Религия Бонбо.

Выше упоминалось о примитивных шаманистских идеях, которые все еще сохранились под буддийской и более поздней ламаистской системами. В центральных и восточных провинциях Уй и Цанг эта добуддийская религия вновь вырвалась на поверхность, а точнее, сохранилась под именем *Бонбо* (*Боа-хо*) бок о бок с национальным вероучением, от которого она даже позаимствовала многие из своих современных обрядов. По цвету одеяний, которые обычно носят его священники, он известен как секта "черных", в отличие от ортодоксальных "желтых" и раскольнических "красных" ламаистов, и в нынешнем виде его происхождение приписывается Шен-рабу (Гсен-раб), который процветал около пятого века до новой эры и почитался как равный самому Будде. Его последователи, которые были достаточно сильны, чтобы изгнать буддизм из Тибета в десятом веке, поклоняются 18 главным божествам, наиболее известными из которых являются красный и черный демоны, дьявол-змея, и особенно огненный бог-тигр, отец всех второстепенных членов этого поистине "дьявольского пантеона". Любопытно отметить, что священным символом секты Бонбо является

вездесущая свастика, только с перевернутыми крючками креста - вместо

. Это изменение, которое, похоже, ускользнуло от усердного исследования Томаса Уилсона^[400], было вызвано практикой поворота молитвенного колеса справа налево, как это делают красные ламы, а не слева направо, как принято в ортодоксальной религии. Обычная буддийская формула из шести слогов - *ом-ма-ни-пад-ме-хум* - также заменена на формулу из семи слогов - *ма-три-мон-тре-са-та-дзун* .^[401]

Буддизм и ламаизм.

Буддийский и христианский ритуализм.

Сам буддизм, привнесенный индуистскими миссионерами, является более поздним, чем принято считать. До пятого века нашей эры было совершено лишь несколько обращений, а первый храм датируется лишь 698 годом. Часто упоминаются точки соприкосновения или "совпадения", которые были замечены между этой системой и системой восточной и латинской христианских церквей. О единой догме речи не идет, а многочисленные сходства касаются лишь ритуальных деталей, таких как крест, митра, далматика и другие отличительные облачения, пение хора, экзорцизм, растопка, благословения с протянутой рукой, безбрачие, четки, посты, процессии, литании, духовные отступления, святая вода, скапуляры или другие амулеты, молитва, обращенная к святым, реликвии, паломничества, музыка и колокола на службе, монашество; Последнее развито в Тибете в гораздо большей степени, чем когда-либо в любой христианской стране, не исключая и Египет. Ламы, представляющие собой регулярное духовенство римской церкви, обладают монополией на все "науки", буквы и искусства. Печатные станки хранятся в огромных монастырях, покрывающих всю страну, и из них, соответственно, выходят только ортодоксальные труды и трактаты по магии. Религия сама по себе мало чем лучше системы магии, а единственная цель всего поклонения, сведенного к механической системе рутины, заключается в том, чтобы помешать козням демонов, которые на каждом шагу преграждают путь путнику через эту "долину слез".

Молитвенное колесо.

Для этой цели по всей стране непрерывно крутятся молитвенные колеса - хитроумное приспособление, с помощью которого бесчисленные мольбы, не менее действенные, чем заступнические, могут быть вознесены днем и ночью силам тьмы. Некоторые из них устроены так хитро, что священная формула может повторяться до 40 000 раз при каждом обороте цилиндра. Эти машины, завезенные также в Корею и Японию, работают уже несколько столетий без каких-либо заметных результатов, хотя установлены во всех домах, на берегах рек или на склонах холмов и приводятся в движение руками, ветром и водой; другие же огромных размеров, от 30 до 40 футов в высоту и от 15 до 20 в диаметре, стоят в храмах и при каждом обороте повторяют содержание целых томов литургических сочинений, упрятанных в их вместительные сосуды. Но, несмотря на все эти вечные революции, в самой жреческой стране под солнцем царит застой.

Язык и буквы.

Вместе со своей религией Тибет в VII веке завез из Индии по пути Непала или Кашмира и письменность. С тех пор язык претерпел большие изменения, всегда, как и другие члены индо-китайской семьи, в направлении от агглютинации к моносиллабизму[402]. Но орфография, за исключением нескольких слабых попыток реформирования, осталась неподвижной, так что слова по-прежнему пишутся так, как они произносились 1200 лет назад. В результате расхождение между устной и письменной речью гораздо больше, чем в любом другом языке, не считая английского. Так, провинция Уй была идентифицирована сэром А. Каннингемом с птолемеевской *Дебасой* через ее письменную форму *Dbus*, хотя сейчас она всегда произносится как *U*[403]. Это подтверждает мнение де Лакупери, что все слова действительно произносились так, как они изначально писались, хотя часто начинались с целых трех согласных. Так, *spra* (обезьяна) теперь произносится как *deu* в диалекте Лхасы, но по-прежнему как *streu-go* в диалекте провинции Кхам. Фонетическая дезинтеграция продолжается, так что, если не провести реформу, должно наступить время, когда между звуком и его графическим выражением не будет никакого соответствия.

Различные языковые типы.

Лепча.

С другой стороны, было бы ошибкой полагать, что все языки индо-китайской языковой зоны претерпели такую огромную степень фонетического распада. Неутомимый Б. Х. Ходжсон познакомил нас с некоторыми из них, особенно в Непале, которые имеют весьма консервативный характер. Дальше на восток *лепча* (правильно *ронг*) Сиккима представляет замечательную особенность отчетливой агглютинации монголо-туркского, или, возможно, я должен сказать куки-лушайского типа, в сочетании с многочисленными омофонами и полным отсутствием тона. Так, *pa-po-sa*, король, *pa-no-sang*, короли, и *pa-no-sang-sa*, короли, демонстрируют чистую агглютинацию, в то время как *tát* дает не менее двадцати трех различных значений[404], что должно было бы потребовать ряда различающих тонов, как в китайском или сиамском языках. Их отсутствие, однако, легко объясняется сохранением агглютинативного принципа, который делает их ненужными.

Речь Ангами-Нага.

Куки-лушайский язык.

Несколько похожую особенность имеет язык Ангами Нага, главный язык холмов Нага, о котором Р. Б. Маккейб пишет, что он "все еще находится на очень примитивной стадии агглютинативного класса" и "особенно богат интонациями", хотя "для одного нага, который четко отмечает эти тональные различия, двадцать не в состоянии сделать это"[405]. "Отсюда следует, что в основном нага говорят без тонов, и хотя говорят, что этот язык "отчетливо моносложен", на самом деле он

изобилует многосложными словами, *такими как merenama* - сирота, *kehutsaporimo* - нигде, *dukriwáché* - убивать и т. д. Кроме того, в нем присутствуют многочисленные глагольные формообразующие элементы, приведенные самим МакКейбом, так что Ангами, несомненно, должен быть включен в порядок агглютинации. К этому же порядку, несомненно, относится и *куки-лушайский* язык соседних холмов Северного Качара и части самого Нагаленда, общая речь *рангхолов, янсенов, лушайцев, роев* и других горных народов, которые жители низменностей называют *куки*, а себя - *дзо*^[406]. Сильно агглютинативный характер этого языка очевиден из многочисленных спряжений, приведенных Соппиттом^[407], для некоторых из которых у него нет названий, но которые можно назвать *ускорительными, замедлительными, дополняющими* и т.д. Так, с помощью корня *ahong*, come, и инфикса *jám*, slow, образуется ретардатив *náng ahongjámrangmoh*, "will-you-come-slowly?". (*rang*, будущее, *moh*, вопросительная частица) .^[408]

Племена нага.

Племена Куки, Нага и Манипури, ни одно из которых не претендует на роль исконных обитателей страны, имеют предание об общем предке, у которого было три сына, ставших родоначальниками племен. Куки встречаются почти повсюду в Манипуре. "Мы подобны воздушным птицам, - сказал один из куки Т. К. Ходсону, - в этом году мы строим гнезда здесь, и кто знает, где мы построим их в следующем году^[409] ?" Ниже приводится описание племен нага, *тангхулов, мао* и *марам нага (ангами нага)*, *колья*, или группа *майянг кхонг, кабуи, куиренги, чиру* и *марринги*. "Различия в росте, одежде, прическе и оружии позволяют легко отличить членов этих племен. По цвету кожи все они коричневые, без особых различий, хотя некоторые из тангхулов, зарабатывающих на жизнь добычей соли, кажутся более темными. Среди них, как и среди манипурцев, есть люди, у которых в молодости щеки имеют оттенок цвета. Нос тоже бывает разным: есть случаи, когда он почти прямой, в то время как у большинства людей он приплюснут у ноздри. Иногда встречаются носы, которые в профиль почти римские. Глаза обычно карие, хотя иногда встречаются и черные. Челюсть, как правило, чистая, не тяжелая, а волосы отличаются некоторым разнообразием, так как есть много людей, чьи волосы явно вьются, а у большинства из них есть волна. Бороды очень редки, и волосы на лице очень редки, настолько, что те немногие, кто имеет усы, известны как *хой-хао-бас* (слова мейтхейцев, означающие "выращивающий усы"). Мне сообщили, что дамам не нравятся волосатые мужчины, и поэтому они выдергивают все лишние волоски. Скулы часто выдаются вперед, а разрез глаз не очень заметен^[410] ." Рост умеренный, варьируется от стройных и легких Маррингов до высоких и крепких Маосов с тонкими пропорциями. Все женщины намного ниже мужчин, но крепко сложены и имеют мускулатуру, которой не постыдились бы и мужчины. Земля густо населена местными божествами, а в Мараме зафиксирован случай с божеством дождя, который когда-то был человеком из деревни, особо искусственным в создании дождя. Особый интерес в этом регионе представляют каменные памятники, до сих пор воздвигаемые в честь умерших, и обычай охоты за головами, связанный с простой кровной местью, с аграрными обрядами, с погребальными ритуалами и эсхатологическими верованиями, а в некоторых случаях не более чем социальный долг .^[411]

Общие этнические отношения в Индо-Китае.

Через этих аборигенов нага и куки мы проходим без какого-либо разрыва преемственности от населения бхотия на склонах Гималаев к населению Индо-Китае. Здесь, как и почти во всех полуцивилизованных странах, народы с различным уровнем культуры веками живут бок о бок - грубые и дикие группы на возвышенностях или в густых лесах, оседлые сообщества с большой степенью политического единства (фактически нации и народы в строгом смысле этих терминов) на низменностях, и особенно на богатых аллювиальных речных равнинах этого хорошо обводненного региона. Согласно общепринятой теории, дикие племена представляют собой

истинных аборигенов, изгнанных на холмы и в леса цивилизованными захватчиками из Индии и других стран, которые теперь представлены оседлыми общинами.

Аборигены и культурные народы одного вида.

Имели ли место подобные перемещения и смещения в других местах, мы не должны здесь спрашивать; более того, их вероятность, а в некоторых случаях и уверенность, можно откровенно признать. Но я не думаю, что эта теория отражает истинные отношения в большинстве районов Дальней Индии. Здесь цивилизованными народами и *ex hypothesi* вторженцами являются манипури, бирманцы, араканцы и почти вымершие или поглощенные талаинги или моны на западе; сиамцы, шаны или лаосцы и кхамти в центре; аннамцы (тонкинцы и кочинцы), камбоджаны и почти вымершие чампы на востоке. Почти все они, по моему мнению, являются такими же коренными жителями, как и горцы, с той лишь разницей, что благодаря более благоприятной окружающей среде они рано вышли из состояния дикости и стали более восприимчивы к иностранному цивилизующему влиянию, в основном индуистскому, но также и китайскому (в Аннаме). Все они частично или в основном принадлежат к монгольскому или индонезийскому типу и говорят на тональных индокитайских языках, за исключением камбоджанов и чампа, чьи языковые связи связаны с океаническими народами, которые здесь не рассматриваются. Культурные языки, несомненно, полны санскритских или пракритских терминов на западе и в центре, и китайских на востоке, и все они, за исключением аннамского, который использует китайскую идеографическую систему, написаны алфавитами, полученными через квадратные иероглифы пали из деванагари. Верно и то, что в огромных памятниках Бирмы, Сиамы и Камбоджи прослеживается индуистское влияние: многие храмы покрыты брахманическими или буддийскими скульптурами и надписями. Но точно такие же явления воспроизводятся на Яве, Суматре и других малайских землях, а также в Японии и отчасти в самом Китае. Следует ли из этого сделать вывод, что во всех этих регионах, самых густонаселенных на земном шаре, происходили индуистские вторжения и поселения?

Талаинги.

В течение исторического периода несколько индуизированных дравидов, особенно телинги (телугу) с Коромандельского побережья, время от времени эмигрировали в Индо-Китай (Пегу), где их название сохранилось среди "талаингов", то есть монов, которыми они были поглощены, так же как сами моны сейчас поглощаются бирманцами. Другие представители того же рода закрепились то тут, то там в Малайзии, особенно на побережье Малакки, где их называют "клингс[412]", то есть телинги, телингас.

Но помимо этих частичных перемещений, не оказывающих никакого влияния на общие этнические отношения, я не знаю никаких индусских (некоторые даже используют термин "арийский" и приводят арийцев в Камбоджу) вторжений, кроме моральных - вторжений ревностных индусских миссионеров, как брахманов, так и буддистов, которых, однако, вполне достаточно, чтобы объяснить все указанные выше точки контакта между индийским, индо-китайским и малайским населением.

Манипури.

То, что цивилизованные жители низин и грубые горцы, как правило, принадлежат к одному и тому же аборигенному роду, хорошо видно на примере района Манипур с его плодородными аллювиальными равнинами и окружающими его с севера и юга холмами Нага и Лушай. Индуизированные манипурцы равнин, то есть политически доминирующие *мейти*, как они себя

называют, по мнению Джорджа Уотта, представляют собой "смешанную расу между куки и нага[413]". Мейтисы описываются как обладающие в целом чертами лица монгольского типа, но с большим разнообразием черт. "Нередко можно встретить девушек с каштаново-черными волосами, карими глазами, светлым цветом лица, прямым носом и румяными щеками[414]". Несмотря на облик цивилизованности, приобретенный мейтисами, старый порядок вещей отнюдь не исчез. "*Майба*, врач и жрец анимистической системы, по-прежнему находит средства к существованию, несмотря на конкуренцию, с одной стороны, браминов, а с другой - ассистентов в больницах. Тем не менее *майба* часто приспособливают свои методы к изменившимся обстоятельствам, в которых они теперь находятся, и понимают, что сочетание кротонового масла и талисмана более эффективно, чем один только талисман[415]".

Религия.

"Можно выделить, по крайней мере, четыре определенных порядка духовных существ, которые выкристаллизовались из аморфной массы анимистических божеств. Есть *Лам-Лай*, боги сельской местности, которые превращаются в Богов Природы, управляющих дождем - первичной необходимостью сельскохозяйственного сообщества; *Уманг-Лай*, или Боги лесных джунглей; *Имунг-Лай*, домашние божества, повелители жизни, рождения и смерти отдельных людей, и есть Племенные Предки, ритуал поклонения которым представляет собой странное соединение магии и поклонения Природе. Помимо этих божественных существ, обладающих в некотором роде величием упорядоченного достойного поведения, существуют духи горных перевалов, духи озер и рек, вампиры и весь ужасный легион колдовства..... Трудно оценить точное влияние индуизма на цивилизацию народа, поскольку внешнему наблюдателю кажется, что они переняли только праздники, внешние ритуалы, кастовые знаки и исключительность индуизма, не помня при этом о его духе и внутренних сущностях. Полковник Маккалох почти пятьдесят лет назад заметил: "На самом деле они соблюдают правила лишь для видимости, а не по велению сердца[416]".

Система Кхел.

Примечательно, что манипури также преданы игре в поло, в которую, по словам Р. К. Темпла, они играют точно так же, как балтийцы и ладакхи на противоположном краю Гималаев. Еще одной примечательной связью с "Дальним Западом" является термин "*кхел*", который прошел весь путь из Персии или Парфии через Афганистан в Нагаленд, где он сохранил то же значение клана или части деревни и производит тот же дезинтегрирующий эффект, что и среди афганцев. В Ангамиленде каждая деревня разделена на два или более кхелов, и "нет ничего необычного в том, что кхел А одной деревни воюет с кхелом Б другой, в то время как не воюет с кхелом Б своей собственной деревни". Кхелы часто полностью разделены большими стенами, люди по обе стороны живут в нескольких ярдах друг от друга, но не имеют никаких дел. У каждого кхела есть свой староста, но вождю не оказывают особого уважения: каждый кхел можно описать как маленькую республику[417]". Похоже, что нет даже следов *джирги*, или совета старейшин, с помощью которого афганская система кхел обретала бы некоторую степень сплоченности.

Чины.

От куки-нагас происходит непрерывный переход к большой группе *чинов* долины Чиндвин, названной по их имени, и далее на север к грубым *кахинам* (*качинам*) в верховьях Иравади и на юг к многочисленным племенам *карен*, которые занимают этническую границу между Бирмой и Сиамом вплоть до Тенассерима.

За первый подробный рассказ о чинах мы обязаны С. Кэри и Х. Н. Туку[418], которые принимают теорию Б. Хоутона о том, что эти племена, как и куки-лушай, "первоначально жили на территории, которую мы теперь знаем как Тибет, и принадлежат к одному и тому же роду; их форма

правления, способ обработки земли, манеры и обычаи, верования и традиции - все указывает на одно происхождение". Термин "чин", который, как говорят, является бирманской формой китайского "цзинь", "люди", неизвестен этим аборигенам, которые называют себя "йо" на севере и "лай" на юге, а в Нижней Бирме они - "шу".

Запутанная номенклатура племен.

По правде говоря, не существует признанного коллективного названия, и *Шенду* (*Синдху*), часто применяемое так, относится только к некогда грозным пограничным племенам Читтагонга и Аракана, *Клангклангам* и *Хакам*, которые вместе с *Сокте*, *Ташонами*, *Сиурами* и другими теперь сокращены и управляются из Фалама. Каждая маленькая группа имеет свое собственное племенное название, а часто и одно или два других, описательных, ругательных и т. д., которые им дали соседи. Так, *нвенгалы* (*нун*, река, *нгал*, через) - это только та часть сокте, которая сейчас живет на дальнем или правом берегу Манипура, а сами сокте (*сок*, спускаться, *те*, люди) называются так потому, что они мигрировали из Чин Нве (9 миль от Тиддима), колыбели расы чин, вниз до Молбема, их самого раннего поселения, которое является бирманским Мобинги. Так же и с Сиин, бирманской формой *Шейанте* (*she, alkali, yan, side, té, men*), группой, поселившейся у щелочных источников к востоку от Чин Нве, которые являются *Тауме* ("крепкие" или "выносливые" люди) Лушаи и южных Чиннов. Пусть эти несколько образцов послужат небольшим уроком по запутанной племенной номенклатуре, которая преобладает не только среди чиннов, но и повсюду в тибето-индокитайских владениях, от северо-западных Гималаев до мыса Сент-Джеймс на юго-восточной оконечности Дальней Индии. Я сам собрал около тысячи таких названий кланов, септов и фрагментарных групп в этой области и прекрасно понимаю, что этот список не является и никогда не сможет быть полным, поскольку сами группы часто представляют собой нестабильные величины, находящиеся в состоянии постоянного колебания.

Легенды о создании.

Большинство групп чин имеют популярные легенды, объясняющие либо их происхождение, либо их нынешнее сокращенное состояние. Так, тауяны, ветвь ташонов, утверждают, что они - Торры, то есть жители района Рауван, которые раньше были очень могущественными, но их погубила безумная попытка захватить солнце. Построив нечто вроде лестницы Иакова, они поднимались все выше и выше, но, устав, перессорились между собой, и однажды, когда половина из них карабкалась вверх по шесту, другая половина внизу срубила его как раз в тот момент, когда они собирались захватить солнце. А вот Whenohs, другая группа ташонов, которые, как говорят, были лушаи, оставшиеся в районе, ныне составляющем часть Чинланда, рассказывают другую историю. Они говорят, что вышли из скал в Сепи, которые, по их мнению, были их первоначальным домом. Однако эту легенду о своем подземном происхождении они разделяют с сокте и некоторыми другими племенами чин.

Психические и физические качества.

При большом разнообразии речи и телосложения чины обладают некоторыми общими психическими качествами, такими как "медленная речь, серьезные манеры, уважение к рождению и знание родословной, долг мести, вкус к вероломному способу ведения войны, проклятие пьянства, добродетель гостеприимства, клановость, порок скупости, грязное состояние тела, взаимное недоверие, нетерпение под контролем, недостаток силы комбинации и постоянных усилий, высокомерие в победе, быстрое уныние и паника в поражении^[419]".

Физически они представляют собой прекрасную расу, более высокую и крепкую, чем окружающие их жители низменностей, мужчины ростом 5 футов 10 или 11 дюймов достаточно распространены среди независимых южан. Есть несколько "гигантов с идеальными пропорциями и великолепно

развитой мускулатурой". Однако в некоторых районах встречаются карлики, а в других "жители представляют собой жалкую массу, сильно страдающую от гуты, среди которых можно увидеть кретинов, ползающих на четвереньках со свиньями в сточной канаве". В Димло, в урочище Сокте, проказа крепко держится за жителей".

Боги, наты и загробная жизнь.

Хотя китайцев часто называют дьяволопоклонниками, на самом деле они не поклоняются ни богу, ни дьяволу. Северяне верят, что нет никакого Высшего Существа, и хотя южане признают "Козина", или главного бога, которому они приносят жертвы, они не поклоняются ему и никогда не ищут у него никакой милости или милосердия, кроме того, что он удерживает от чумы и несчастий, которые он способен обрушить на всех в этом мире, кто его оскорбляет. Кроме Козина, существуют *наты*, или духи дома, семьи, клана, полей, и другие, обитающие в определенных местах - в воздухе, в ручьях, в джунглях и на холмах. Добрых *натов* игнорируют; все остальные могут и будут причинять вред, если их не умиловить. [420]

Умершие отправляются в *Митикву*, "Древню мертвецов", которая делится на *Пветхикву*, приятную обитель, и *Сатикву*, убогую обитель *неуспокоенных*. Хорошие или плохие поступки не влияют на будущее человека, который должен отправиться в Пветхикву, если умрет естественной или случайной смертью, и в Сатикву, если будет убит, и там прозябать, пока не будет отомщен кровью. Таким образом, вендетта получает своего рода религиозную санкцию, подкрепленную верой в то, что убитый становится рабом убийцы в следующем мире. "Если сам убийца будет убит, то первый убитый становится рабом второго убитого, который, в свою очередь, становится рабом того, кто его убил".

Был ли человек честным или нечестным в этом мире, не имеет значения в следующем существовании; но если он убил много людей в этом мире, у него будет много рабов, которые будут служить ему в будущем существовании; если он убил много диких животных, то он будет хорошо обеспечен пищей, так как все, что он убьет на земле, будет принадлежать ему в будущем существовании. В следующем существовании охота и пьянство, безусловно, будут практиковаться, но будут ли там драки и набеги - неизвестно.

Холера и оспа - это духи, и когда холера вспыхнула среди чинов, посетивших Рангун в 1895 году, они носили с собой *дахы* (ножи), чтобы отпугнуть *ната*, и весь день прятались под кустами, чтобы дух их не нашел. Некоторые даже хотели принести в жертву мальчика-раба, но их уговорили заменить его собаками-изгоями. Они твердо верят в *сглаз*, а хакасы считают суджинов и других волшебниками, один взгляд которых может околдовать их, а ящерицы могут проникнуть в тело и сожрать внутренности. Однажды один из чинов пожаловался хирургу-майору Ньюланду, что при взгляде яхоу в его желудок проникла *ящерица*, и он отправился в больницу, готовый умереть. Но эметик привел его в чувство, и он ушел счастливый, уверенный, что вырвал *ната*.

Кахьены.

Кавказские элементы.

С группами куки-нага этнически связаны *кахиены*, живущие в верховьях Иравади, и *карены*, образующие многочисленные деревенские общины на бирманско-сиамском пограничье. Кахьены, которых бирманцы называют так оскорбительно, - это *какоби* ранних писателей [421], чье собственное имя *Сингпах* (*Чингпах*), то есть "Люди" [422], и чья любопытная полуагглютинативная речь, произносимая в восходящем тоне, каждое предложение заканчивается протяжным *î* в более высоком ключе (бигандет), показывает родство скорее с мишми и другими североассамскими языками, чем с культурными бирманцами. Они образуют

очень распространенную семью, простирающуюся от Восточных Гималаев до Юньнана и представляющую два несколько выраженных физических типа: (1) истинные чингпау, с короткой круглой головой, низким лбом, выдающимися скулами, раскосыми глазами, широким носом, толстыми выступающими губами, очень темными каштановыми волосами и глазами, грязно-бурого цвета, среднего роста (около 5 футов. 5 или 6 дюймов) с непропорционально короткими ногами; (2) гораздо более тонкая раса, с правильными кавказскими чертами, длинным овальным лицом, острым подбородком, аквилинным носом. Одна кахьенская красавица, встреченная в Бхамо, "с большими блестящими глазами и светлой кожей, могла бы сойти за европейку[423]."

Важно отметить этот европеоидный элемент, который мы впервые встречаем здесь, идя на восток от Гималаев, но который встречается либо отдельно, либо перемежается среди монголоидного населения по всей юго-восточной Азиатской возвышенности от Тибета до Кочин-Китая, а затем переходит в Океанию .[424]

Карены

Родство кахьенов с еще более многочисленными каренцами теперь общепризнано, и уже нет необходимости приводить последних из Туркестана. Они составляют большую часть, возможно, одну шестую, всего населения Бирмы, и вливаются в западносиамские пограничные земли. Их подразделы бесконечны, хотя все они могут быть сведены к трем основным ветвям: *сгау*, *пво* и *бвай*, причем последняя включает в себя несколько обособленную группу *каренни*, или "красных карен". Хотя Д. М. Смитон называет язык "монослоговым", он, очевидно, агглютинативный, нормального субгималайского типа .[425]

Тип.

Каренцы - невысокая, крепкая раса, с прямыми черными, а также каштановыми волосами, черными и даже ореховыми глазами, светлым или желтовато-коричневым цветом лица, так что здесь также можно заподозрить кавказское происхождение.

Темперамент.

Процветающие христианские миссии.

Несмотря на благоприятную картину, созданную миссионерами, чья пропаганда была особенно успешной среди этих аборигенов, каренцы не являются приветливым или особенно дружелюбным народом, а скорее застенчивым, замкнутым и даже угрюмым, хотя надежным и преданным тем вождям и проводникам, которые однажды завоевали их доверие. В войне они скорее вероломны, чем храбры, и, как ни странно, жестоки даже к маленьким детям. Их вера в покинувшего их божественного Творца похожа на веру народа куки, а *натам* куки соответствуют *ла* каренов, которые еще более многочисленны: каждая гора, поток, порог, гребень, пик или другой заметный объект имеет своего *обитателя-ла*. Есть также семь особо вредоносных духов, которых нужно умиротворять семейными подношениями. В целом их вера в личного бога, традиция о существовании в прошлом "закона" и ожидание пророка сделали их восприимчивыми к христианству в почти уникальной степени. Этой великолепной возможностью американская миссия воспользовалась в полной мере, обучая, цивилизуя, объединяя и делая из угнетенных племен каренов народ, одновременно христианизируя их[426]."

Бирманцы.

Запутанная номенклатура племен.

В самом бирманском подразделении есть несколько групп, представляющих все уровни культуры, от абсолютной дикости мросов, кхонгов и других племен Араканского хребта Йома, и земледельческих мугов Араканских равнин, до доминирующей исторической бирманской нации долины Иравади. Здесь также терминология вызывает недоумение, и, возможно, стоит пояснить, что Йома, применяемое Логаном коллективно ко всем племенам Араканского холма, не имеет этнического значения вообще, означая просто горный хребет на бирманском языке[427]. *Тунг-гну*, одно из подразделений бирманской семьи у Мейсона, было всего лишь мелким государством, основанным младшей ветвью королевского дома, и "имеет не больше претензий на звание отдельного племени, чем любой другой бирманский город"[428]. "*Тавойеры*" - это просто жители района Тавой, Тенассерим, родом из Аракана, а теперь говорящие на бирманском диалекте, в котором много сиамских элементов; *Тунгтхас*, как и Йома, означает "горец" и даже имеет более широкое применение; Типперах, Мрунгс, Куми, Мрос, Кхемис и Хьенгс - все Тунгтхас бирманского происхождения и говорят на грубых бирманских диалектах.

Коррелятом тунгтхов является *кхьюнгтх*, "речной народ", то есть жители Араканской низменности, включающие более цивилизованные народы, живущие в среднем и нижнем течении рек, которых бенгальцы неправильно называют *мугами* (*магхами*), а их настоящее название - *ракхаингтхи*, то есть люди Ракхаинга (Аракана). Они, несомненно, принадлежат к тому же роду, что и культурные бирманцы, чьи традиции указывают на Аракан как на колыбель расы, и в чьих хрониках *ракхаингтхи* называются *M'ranmákríh*, "Великие М'ранмы" или "Старшие бирманцы". Обе ветви называют себя *M'ранма*, *M'рама* (правильная форма *Барма*, *Бирма*, но сейчас обычно произносится Мьямма), вероятно, от корня *mro*, *туо*, "человек", хотя Бурнуф связывает их с Брахмой, причем брахманизм предшествовал буддийской религии в этом регионе. В любом случае М'рама может претендовать на почтенную древность, будучи упомянутой в национальных записях уже в первом веке новой эры, когда "говорили, что эта земля была наводнена сказочными чудовищами и другими ужасами, которые суеверные туземцы до сих пор называют пятью врагами. Это были свирепый тигр, огромный кабан, летающий дракон, чудовищная птица-людоед и огромная ползучая тыква, которая грозила опутать всю страну"[429]. "

Тип.

Бирманский тип небезосновательно описывается как промежуточный между китайским и малайским, более утонченный или, по крайней мере, более мягкий, чем любой из них, желтовато-коричневый или оливковый цвет лица, часто с очень темными оттенками, полные черные и длинные волосы, без бороды, маленький, но прямой нос, слабые конечности, гибкая фигура и средний рост.[430]

Характер.

Бирманский буддизм.

Большинство европейцев хорошо отзываются о бирманцах, чей яркий гениальный темперамент и чрезвычайное дружелюбие к незнакомцам с лихвой перекрывают природную леность, которая не вредит никому, кроме них самих, и немного высокомерия или тщеславия, навеянного еще помнящей славу нации, которая когда-то владела большей частью Индо-Китая. Возможно, самой примечательной чертой бирманского общества является почти демократическая независимость и равенство всех классов, развитые в условиях исключительно суровой азиатской автократии. "Они совершенно республиканские в той свободе, с которой все сословия смешиваются и разговаривают друг с другом, без какого-либо заметного различия в связи с разницей в ранге или богатстве"[431]. " Скотт приписывает эту черту, я думаю, справедливо, великому нивелировщику, буддизму, истинный дух которого, возможно, сохранился в Бирме лучше, чем в любой другой стране.

Священство не стало тем привилегированным и деспотичным классом, который узурпировал все духовные и мирские функции в Тибете, поскольку в Бирме каждый является или был священником в течение определенного периода своей жизни. Все поступают в монастыри - национальные школы - не только для получения общего образования, но и как члены священнического ордена. Они принимают постриг, принимают, так сказать, "малые ордена" и надевают желтую рясу, хотя бы на несколько месяцев, недель или дней. Но пока что они должны отречься от "мира, плоти и дьявола" и играть в нищенство, хотя бы раз обойти деревню с нищенской миской на шее в компании с обычными членами общины. Таким образом, они становятся посвященными, и братство больше не может навязываться ни правителям, ни управляемым. "Учение - это все, что братья ордена делают для людей. У них нет никаких духовных сил. Они просто становятся членами святого общества, чтобы совершеннее соблюдать предписания Мастера, и все, что они делают на милостыню, которую им дают благочестивые миряне, - это обучают детей чтению, письму и основам религии[432]."

Р. Грант Браун опровергает распространенное мнение, которое "появляется почти в каждой работе, где рассматривается религия в Бирме", о том, что бирманский буддизм поверхностен. "Бирманский буддист подвержен влиянию своей религии, по крайней мере, в той же степени, что и средний христианин. Монахи, вероятно, столь же строги в своих религиозных обрядах, как и любая другая крупная религиозная организация в мире. Большинство мирян также соблюдают запреты на алкоголь и лишение жизни, хотя они противоречат как сильным человеческим инстинктам, так и анимистическим практикам[433]."

Положение женщины.

Личная свобода, о которой здесь идет речь, не ограничивается только мужчинами. Ни в одной другой части света женщины не пользуются большей свободой действий, чем в Бирме, в результате чего они признаны гораздо более добродетельными, бережливыми и умными, чем жительницы всех близлежащих стран. Их способность к бизнесу и мелким сделкам соперничает только с их галльскими сестрами; Х. С. Халлетт рассказывает, что в каждом городе и деревне "вы увидите дам, сидящих на полу веранды с маленькими, а иногда и большими прилавками перед ними, заваленными овощами, фруктами, бетелевым орехом, сигарами и другими товарами. Как бы многочисленны они ни были, цена всего известна им; и таково их представление о честности, что воровство среди них совершенно неизвестно. С самого раннего возраста они полностью доверяют своим родителям; даже когда они превращаются в молодых женщин, *сопровождающие* никогда не являются необходимостью; и все же безнравственность среди них, как мне кажется, распространена гораздо меньше, чем в любой стране Европы[434]."

Этот обозреватель приводит слова епископа Биганде, прожившего среди туземцев сорок лет, о том, что "в Бирме и Сиаме доктрины буддизма привели к поразительному и для ценителя истинной цивилизации интереснейшему результату - почти полному равенству положения женщин и мужчин. В этих странах женщин можно увидеть свободно разгуливающими по улицам; они председательствуют в *буфетах* и почти единолично владеют базарами. Их социальное положение во всех отношениях более возвышенное, чем в регионах, где буддизм не является преобладающим вероисповеданием. Можно сказать, что они являются спутниками людей, а не их рабами".

Татуировка.

Бирма - один из тех регионов, где татуировка приобрела ранг высокого искусства. Действительно, замысловатые узоры и общий живописный эффект, создаваемый бирманскими художниками на живом теле, соперничают только с татуировками Японии, Новой Зеландии и некоторых других полинезийских групп. Халлетт, утверждающий, что "бирманцы, шаны и некоторые бирманские

племена - единственные народы на юге Азии, которые, как известно, татуируют свое тело", рассказывает, что эта сложная операция выполняется только на мужском полу, все лицо от талии до колен, а в некоторых племенах шанов - от шеи до ступней, покрыто геральдическими фигурами животных, с промежуточными трассировками, так что на небольшом расстоянии эффект напоминает пару темно-синих бриджей[435]. Пигменты - лампово-черный или вермилион, а рисунок обычно сначала прорисовывается тонким волосным карандашом, а затем прорабатывается серией проколов, сделанных длинным заостренным латунным стилем.[436]

Народы Тай-Шаня.

Ахом, Кхамти и китайские шаны.

К востоку от Бирмы мы попадаем в страну *шанов*, одного из самых многочисленных и широко распространенных народов Азии, которые называют себя *тай* (*m'хай*), "благородные" или "свободные", хотя рабство в различных формах с незапамятных времен было социальным институтом среди всех южных групп. Здесь опять же племенная и национальная терминология вызывает некоторое недоумение; но можно заметить, что *Шан*, как говорят, китайского происхождения[437], является собирательным бирманским именем, и поэтому соответствует *Лао*, собирательному сиамскому имени. Таким образом, эти два термина являются скорее политическими, чем этническими: Шан обозначает все народы Тай, ранее подчинявшиеся Бирме, а теперь в основном британские подданные, Лао - все народы Тай, ранее подчинявшиеся Сиаму, а теперь (с 1896 года) в основном французские подданные[438]. Сиамцы делят их на две группы: *лау-панг-дун*, "чернопузые лао", названные так потому, что они одеваются в темную одежду, обтягивающую кожу, путем нанесения татуировок; и *лау-панг-ка*, "белопузые лао", которые не делают татуировок. Бирманские группы называют себя коллективно *Ngiau*[439], в то время как наиболее распространенное китайское название - *Paï* (*Pa-y*). Принц Анри д'Орлеан, осторожно указывающий, что Пай - это лишь другое название Лао[440], постоянно встречал группы Пай на всем пути от Тонкинга до Ассама, а основная часть населения низменности в самом Ассаме изначально[441] к той же семье, хотя сейчас в основном ассимилировалась с индусами по речи, религии и общей культуре. На самом деле Ассам получил свое название от *ахомов*, "несравненных", титул, впервые принятый вождем мау-шаньцев Чукупхой, который вторгся в страну из северо-восточной Бирмы и в 1228 году основал династию ахомов, которая была свергнута в 1810 году бирманцами, изгнанными в 1827 году англичанами.[442]

Эти Ахомы происходили из района Кхамти (Кампти) около истоков Иравади, где принц Анри был удивлен, обнаружив цивилизованный и образованный буддийский народ Пай (Шан), все еще пользующийся политической автономией в опасной близости *от британского леопарда*. Они называют себя *падао*, и любопытно отметить, что и *падам*, и *ассаами* также являются племенными названиями среди соседних аборигенов. Французскому путешественнику сказали, что *падао*, которые утверждали, что *они m'хай* (тай), как и лаосцы[443], были коренными жителями, и он описывает их тип как лаосский: прямые глаза, довольно широко расставленные, нос широкий у основания, лоб дугообразный, надбровные дуги выдаются, толстые губы, заостренный подбородок, оливковый цвет, слегка бронзовый и темнее, чем в стране Лаоса; мужчины недоброжелательны, молодые женщины с приятными чертами лица, а некоторые с очень красивыми глазами.

Родина и происхождение Шан.

Въезжая в Китай, мы все еще находимся среди шанских народов, чей ареал, по-видимому, ранее простирался до правого берега Ян-Цзе-Кианга, и чья колыбель была прослежена де Лакупери до "гор Киу-лунг к северу от Сечуэня и к югу от Шэньси в самом Китае[444]". Этот авторитет считает, что они представляют собой главный элемент китайской расы, которая, распространяясь на юг за

Ян-Цзе-Кян, слилась с шанскими аборигенами и таким образом глубоко изменилась как по типу, так и по речи; нынешний китайский язык более чем на тридцать процентов состоит из шанских компонентов. Колхун также во время своих исследований в южных провинциях обнаружил, что "большинство аборигенов, хотя и известных китайцам под различными прозвищами, были шанами; и что их родство с китайцами медленно меняло их привычки, манеры и одежду, постепенно объединяя их с этим народом[445] ."

Контакты шанцев и кавказцев.

Этот процесс слияния происходил на протяжении многих веков не только между южными китайцами и шанами, но и между шанами и кавказскими аборигенами, которых мы впервые встретили среди кахьенов, но которые разбросаны небольшими группами по всем возвышенностям между Тибетом и Кочинско-китайским побережьем. В результате шанцы, как правило, отличаются более тонким телосложением, чем родственные им сиамцы и малайцы на юге или более отдаленно связанные с ними китайцы на севере. Цвет кожи, говорит Бок, "гораздо светлее, чем у сиамцев", а "в выражении лица лаосцы выглядят лучше малайцев, у них хорошие высокие лбы, а у мужчин особенно правильной формы носы, с ноздрями не такими широкими, как у их соседей[446] ." Еще более категоричным является свидетельство Крейтнера из экспедиции Сечени, который говорит нам, что бирманские шаны имеют "более благородную голову, чем китайцы; темные глаза расположены примерно горизонтально, нос прямой, все выражение лица приближается к кавказской расе[447] ."

Тай-шаньская тональная речь.

Несмотря на широкое распространение, смешение с другими расами, разный уровень культуры и отсутствие политической сплоченности, тай-шаньские группы приобретают определенное этническое и даже национальное единство благодаря общему типу, социальным обычаям, буддийской религии и общей индо-китайской речи. На фоне хаоса радикально отличающихся друг от друга идиом, бытующих среди окружающего коренного населения, они повсеместно сохранили удивительную степень языкового единообразия, говоря на различных, более или менее отличающихся друг от друга диалектах одного и того же родного языка. За исключением большого количества санскритских терминов, введенных в литературный язык их индусскими просветителями, этот радикальный родной язык включает в себя около 1860 отдельных слов или, скорее, звуков, которые были сведены фонетическим распадом к большому количеству монослогов, каждый из которых произносится с пятью тонами, естественным тоном, двумя высшими тонами и двумя низшими[448] . Каждый термин, таким образом, приобретает пять различных значений и фактически представляет собой пять различных слов, которые в первобытном языке были фонетически различными дислалиями или даже полислагами.

Тот же процесс распада происходит во всем индокитайском языковом ареале, где все ведущие языки - китайский, аннамский, тайшаньский, бирманский - принадлежат к одной и той же изолирующей форме речи, которая, как объясняется в *Этнологии*, гл. IX, является не первобытным состоянием, а более поздним развитием, результатом глубокого фонетического разложения.

Шанская и другие индокитайские системы письма.

Замечательное единообразие тай-шаньского языка этого порядка речи может быть отчасти обусловлено консервативным влиянием литературного стандарта. Вероятно, более 2000 лет назад большинство шанских групп попали под индуистское влияние брахманов, а затем и буддийских миссионеров, которые перевели их грубую речь в письменную форму, введя при этом большое количество санскритских терминов, неотделимых от новых религиозных идей. Системы письма,

основанные на квадратной палийской форме слоговых знаков деванагари, были адаптированы к фонетическим требованиям различных диалектов, в результате чего тай-шаньская языковая семья имеет четыре различных письменности. "Западные шаны используют одну, очень похожую на бирманскую; сиамцы имеют свой собственный иероглиф, который очень похож на пали; у шанов, называемых лю, есть свой собственный иероглиф; а к северу от Сиам у лаосских шанов есть еще один[449] ."

Эти шанские алфавиты индуистского происхождения, как полагает де Лакупери, связаны с системами письма, которые приписываются мосо, лоло и некоторым другим горным народам в китайском и индо-китайском пограничье. В Лан-Чу в стране Лоло принц Анри обнаружил, что письменных памятников очень много, и ему показали несколько прекрасных образцов "enluminés". Здесь, по его словам, шрифт все еще используется, его применяют совместно с китайским при составлении юридических документов, связанных с имуществом. Ему сообщили, что эта письменность лоло состоит из 300 знаков, которые читаются сверху вниз и слева направо[450] , хотя другие авторитеты говорят, что справа налево.

Образцов лоло он не приводит[451] , но воспроизводит две или три страницы книги Моссо с транслитерацией и переводом. Другие образцы, но без объяснений, уже были известны благодаря Гиллу и Десгодинсу, и их расшифровка вызвала изобретательность нескольких китайских ученых. Неудачу в их интерпретации теперь объясняет принц Анри, который заявляет, что, "строго говоря, у мохоков нет письменности. Маги хранят и до сих пор делают тетради, полные иероглифов; каждая страница разделена на маленькие секции (*cahiers*), идущие горизонтально слева направо, в которых начертаны одна или несколько грубых фигур, головы животных, людей, домов, условные знаки, обозначающие небо или молнию, и так далее". Некоторые маги толковали две из этих книг, которые содержали заклинания, начинавшиеся с сотворения мира и заканчивавшиеся перечислением всех бед, угрожавших смертным, но от которых можно было избавиться, будучи благочестивым, то есть делая подношения магам. Одни и те же идеи всегда выражаются одними и теми же знаками; однако маги утверждали, что алфавита не существует, а иероглифы передаются от одного знатока к другому телесно. Тем не менее принц Анри рассматривает это как один из первых шагов в истории письменности: "Изначально многие китайские иероглифы были просто изобразительными, и если бы моссо, вместо того чтобы быть скованными, приобрели большую территорию, их священные книги, возможно, также породили бы настоящие иероглифы[452] ."

Mosso Origins.

Несмотря на то, что сейчас они "зажаты", мохоки - исторический и несколько культурный народ, принадлежащий к той же группе, что и *иунги* (*нжунги*), которые пришли из регионов к северо-востоку от Тибета и появились на китайских границах около 600 года до н. э. Они упоминаются в китайских записях 796 года н. э., когда они были покорены королем Наньчао. После различных перипетий они признали китайский сюзеренитет в четырнадцатом веке, а окончательно были покорены в восемнадцатом. Де Лакупери[453] считает, что они, вероятно, того же происхождения, что и лоло, поскольку два языка имеют много общего, а имена у обоих китайские, в то время как лоло и мосо называют себя соответственно *носу* (*Несу*) и *наши* (*Нашри*).

Аборигены Южного Китая и Аннама.

Повсюду среди этих пограничных племен встречаются группы аборигенов, обладающих более или менее регулярными чертами, которые описываются различными путешественниками как "кавказские" или "европейские". Так, *киу-тсе*, которые являются *ханунгами* на английских картах и родственны большой семье *лу-тсе* (*мелам*, *ану*, *диасу* и т.д.), напомнили принцу Анри некоторых европейцев, с которыми он был знаком[454] , и он говорит о светлом цвете кожи,

прямом носе и глазах и в целом прекрасном типе яйо (яо), как их называют китайцы, но настоящее имя которых - *Линь-тин-юй*.

Тот же кавказский элемент в ярко выраженной форме проявляется среди коренного населения Тонкинга, которому А. Билле посвятил поучительную монографию[455]. Этот наблюдатель, утверждающий, что эти аборигены совершенно отличны как от китайцев, так и от аннамцев, делит их на три основные группы - *тхо*, *нонг* и *ман*[456], которые аннамцы в совокупности называют *муи*, *муонг* и *мыонг*. То, наиболее многочисленные, занимаются сельским хозяйством, занимают все возвышенные долины и редуют к лесистым высотам. Они высокие по сравнению с монголами (5 футов 6 или 7 дюймов), легче аннамцев, круглоголовые, с овальным лицом, глубоко посаженными прямыми глазами, низкими скулами, прямым и даже слегка аквильным носом, не вдавленным в корень, и мускулистым телом. Это терпеливый, трудолюбивый и бережливый народ, который в настоящее время в основном подвержен китайскому и аннамскому влиянию в своих социальных обычаях и религии. Тем не менее, очень своеобразны некоторые из их сохранившихся обычаев, такие как праздник молодости, развлечение с качелями, и особенно шахматы, в которые играют живыми фигурами, движениями которых руководят два игрока. Язык, по-видимому, представляет собой диалект шанского языка, и к этой семье писатель относит как тосов, так и нонгов. Последние представляют собой гораздо более смешанный народ, в настоящее время в значительной степени ассимилированный с китайцами, хотя примитивный тип все еще сохраняется, особенно среди женщин, как это часто бывает. А. Билле рассказывает, что часто встречал женщин-нонг "со светлыми, а иногда даже рыжими волосами"[457]."

Происхождение и родство ман-це.

Чрезвычайно интересно узнать, что мань традиционно пришли "из далекой западной земли, где их предки, как говорят, жили в контакте с народами белой крови тысячи лет назад". В пользу этой традиции, отождествляющей их с вышеупомянутыми ман-це, говорит их внешность - длинная голова, овальное лицо, небольшие скулы, глаза без монгольской складки, кожа не желтоватая, а скорее "подрумяненная солнцем", правильные черты лица, ничем не напоминающие черты желтой расы.

Кавказские аборигены в Юго-Восточной Азии.

Обратимся теперь к комментариям М. Р. Верно к богатым материалам, собранным А. Билле, которому, "будучи не только медиком, но и дипломированным специалистом в области естественных наук, можно абсолютно доверять"[458]."

"Мань-Тьен, Мань-Кок, Мань-Мео (Мяо, Мяо-Це или Миеу) представляют собой довольно полное тождество с Пан-И и Пан-Яо из Южного Кван-Си; они являются обломками очень древней расы, которую вместе с Т. де Лакупери можно назвать докитайской. Эта ранняя раса, носившая имя *Пан-ху* или *Нгао*, занимала Центральный Китай до прихода китайцев. По мнению М. д'Эрви де Сен-Дени, горы и долины Квей-чау, где до сих пор сохранились эти Мяо-це, были колыбелью Пань-ху. В любом случае, кажется несомненным, что расы тхай и ман пришли из Центральной Азии, и что с антропологической точки зрения они полностью отличаются от монгольской группы, представленной китайцами и аннамцами. Человек особенно обнаруживает поразительное сходство с арийским типом".

Таким образом, новейшие исследования и выводы некоторых ведущих представителей французской антропологической школы вновь подтверждают мнение, впервые выдвинутое мной в 1879 году, о том, что народы кавказской (здесь называемой "арийской") группы уже распространились до самых границ юго-восточной Азии в далекие доисторические времена и

даже предшествовали в этом регионе первым волнам монгольской миграции, исходившим от их колыбели на Тибетском плато .[\[459\]](#)

Сиамские шаны.

Выше уже упоминалось об отсутствии политической сплоченности у тай-шаньских народов во все времена. Единственным примечательным исключением является сиамская ветвь, которая составляет основную часть населения в бассейне Менама. В этом благоприятном регионе обширных аллювиальных равнин, окруженных холмами и обладающих неисчерпаемым плодородием, пересекаемых многочисленными судоходными реками и дающих прямой доступ к внутренним водам Малайзии, южные шаны смогли в ранние времена объединить примитивные племенные группы в великую народность и основать мощную империю, которая в свое время господствовала над большей частью Индо-Китая и Малайского полуострова.

Сиам, единственное из всех шанских государств, даже до сих пор сохраняет шаткую независимость, хотя теперь снова сведен европейской агрессией не более чем к естественным пределам речной долины, которую южные шаны обычно считают родиной своей расы. Однако, судя по всему, им здесь предшествовали кавказские кхмеры (камбоджийцы), чье появление в национальных хрониках относится к 543 году до н.э. и которые, согласно индуистским записям, были изгнаны около 443 года н.э. Именно через этих кхмеров, а не напрямую из Индии, "саямы" получили свою индуистскую культуру, а сиамские летописи, смешивая факты с вымыслом, рассказывают о чудесном рождении национального героя Пхра-Руанга, который сбросил иноземное иго, объявил народ отныне т'хай, "свободными людьми", изобрел нынешний сиамский алфавит и приказал впредь использовать кхом (камбоджан) для копирования священных писаний.

Введение буддизма относят к 638 году н. э. - это одна из первых достоверных дат в туземных записях. Древний город Лабонг уже был основан (575 г.), и за ним быстро последовали другие поселения, всегда в направлении на юг, по мере того как раса Шан неуклонно продвигалась к морскому побережью, вытесняя или смешиваясь с кхмерами, лавами, каренцами и другими аборигенами, некоторые из которых теперь вымерли, а некоторые все еще сохранились на лесистых возвышенностях и плато, окружающих долину Менам. Аютия, великий центр национальной жизни в более поздние времена, датируется лишь 1350 годом, когда империя достигла своего наибольшего расширения, включив в себя всю Камбоджу, Пегу, Тенассерим и Малайский полуостров и протянув свои завоевательные руки по внутренним водам вплоть до Явы[\[460\]](#) . Затем последовали опустошительные войны с Бирмой, которая дважды захватывала и в конце концов разрушила Аютию (1767), ныне живописный слоновий парк, посещаемый туристами из нынешней столицы, Бангкока, основанного в 1772 году чуть ниже по течению Менама.

Сиамская социальная система.

Но элементы упадка существовали с самого начала в институте рабства или крепостного права, которое не ограничивалось отдельным сословием, как в других странах, а до современных реформ распространялось в принципе на всех подданных короля, в насмешку объявленных основателями монархии "вольными людьми". Это, однако, можно считать не более чем юридической фикцией, поскольку во все времена действительно признавались классовые различия, включавшие членов королевской семьи - несколько многочисленную группу - дворян, назначаемых королем, *леков* или вассалов и народ, который опять-таки подразделялся на три части - тех, кто подлежал налогообложению, тех, кого заставляли работать, и собственно рабов. Но чувство личного достоинства и свободы было развито так слабо, что любой, от самого

высокородного до самого скромного гражданина, мог в любой момент оказаться в низшей категории. Как и большинство монголоидных народов, сиамцы - неизлечимые игроки, и раньше для свободного человека было обычным делом поставить на кон все свое имущество, жену, детей и самого себя.

Положение женщины.

Однако женщины, как и их бирманские сестры, всегда занимали несколько почетное положение в обществе, могли свободно гулять за границей, ходить за покупками, навещать друзей, осматривать достопримечательности и принимать участие в частых общественных пирах без ограничений. Те же, кто не приносил дани и должен был быть куплен, могли быть снова проданы в любой момент, и многие таким образом постоянно опускались из достоинства матрон до положения самых простых грузчиков без прав и привилегий какого-либо рода. Эти странные отношения были вполне терпимы, благодаря мягкому характеру национального темперамента, благодаря которому тяжелая участь рабов смягчалась, и немного света проникало в самые темные уголки[461] социальной системы. Открытые невольничьи рынки, которые в вассальных лаосских государствах способствовали систематическим набегам на невоспитанных аборигенов, были упразднены в 1873 году, а с 1890 года все рожденные в рабстве становятся свободными по достижении 21 года.

Буддизм.

Сиамский буддизм представляет собой несколько измененную форму буддизма, преобладающего на Цейлоне, хотя строго практикуется лишь немногими. Есть два класса или "секты": реформаторы, которые придают большее значение соблюдению канонического права, чем медитации, и старообрядцы, одни из которых посвящают себя созерцательной жизни, другие - изучению бескрайних дебрей буддийских писаний. Но под всем этим все еще широко распространено поклонение духам или дьяволу, и во многих районах чистый анимизм является практически единственной религией. Даже храмы и святилища воздвигнуты бесчисленным богам земли и воды, леса, гор, деревень и домов. Этим богам приписывают всевозможные бедствия, а чтобы они не попали в тела умерших, последних выносят не через дверь или окно, а через пролом в стене, который потом тщательно заделывают. Подобные идеи преобладают у многих других народов, как на более высоких, так и на более низких уровнях культуры, ведь нет ничего более неискоренимого, чем подобные народные верования, связанные с отношениями, которые, как предполагается, существуют между настоящей и загробной жизнью.

Невероятные суммы ежегодно тратятся на подношения духам, которые порождают бесконечную череду пиров и веселья, а также на содержание многочисленных буддийских храмов, монастырей и их обитателей. Сокровища, накопленные в "королевских обителях" и других святилищах, представляют собой большую часть национальных сбережений, вложенных в потусторонний мир, среди которых, как говорят, множество золотых статуй, сверкающих рубинами, сапфирами и другими бесценными драгоценными камнями. Но в этих вопросах вкус талапоинов[462], как раньше называли священников, несколько католический, включая изображения обзоров и батальных сцен из европейских иллюстрированных газет, а иногда даже статуи Наполеона, установленные рядом с Буддой.

Монашество и пессимизм.

Правила монашеских общин настолько многочисленны, абсурдны и требовательны, что, если бы не помощь служителей храма и послушников, существование было бы невозможным. Перечень подобных пакостей занимает несколько страниц в работе A. R. Colquhoun's work *Amongst the Shans* (219-231), и из них мы узнаем, что монахи не должны копать землю, так как не могут ни сажать, ни

сеять; не должны варить рис, так как это убивает зародыш; есть кукурузу по той же причине; лазить по деревьям, чтобы не сломать ветку; разжигать огонь, так как это уничтожает топливо; тушить пламя, так как это также уничтожает жизнь; ковать железо, так как искры вылетают и погибают; размахивать руками при ходьбе; подмигивать при разговоре; покупать или продавать; вытягивать ноги при сидении; разводить домашнюю птицу, свиней или других животных; садиться на слона или паланкин; носить красные, черные, зеленые или белые одежды; оплакивать мертвых и т. д., и т. д. Одним словом, все можно свести к общему предписанию: ничего не делать, ничего не предпринимать, а затем отчаиваться в достижении *Нирваны*; ибо невозможно представить себе более пессимистичную систему в теории[463]. На практике все обстоит иначе, и в действительности среди всех классов преобладает крайнее религиозное безразличие.

Аннамцы.

Происхождение.

В пределах монгольской группы трудно представить себе более яркий контраст, чем тот, который представляют собой мягкие, добродушные и в целом не слишком благосклонные сиамцы и их жесткие, жестокосердные и хваткие соседи аннамцы. Пусть каждый, кто считает, что в крови мало или вообще ничего нет, быстро перейдет из яркой, веселой, хотя и несколько вялой и развращенной общественной жизни Бангкока в сухую, не располагающую к общению моральную атмосферу Ха-ноя или Сайгона, и он будет склонен изменить свои взгляды на этот вопрос. Мало кто из наблюдателей может сказать доброе слово в адрес тонкинцев, кочинских китайцев или любой другой ветви аннамской семьи, а некоторые даже из наименее предвзятых настолько откровенны, что мы должны сделать вывод, что у них есть веские основания для суровой строгости в отношении этих странных, неотесанных материалистов. Номинально они, конечно, буддисты; но морального чувства у них почти нет, если только оно не является (в среде образованных классов) бледным отражением бледного китайского этического кодекса. Весь регион, по сути, представляет собой некий ослабленный Китай, которому он обязан своим искусством и промышленностью, своей письменностью, моральными системами, общей культурой и даже значительной частью своих жителей. *Гяо-ши (Киао-ши)*, название аборигенов, которое, как говорят, означает "Раздвоенные" или "Скращенные пальцы"[464], в связи с широким пространством между большим пальцем ноги и следующим, встречается в легендарных китайских записях еще в 2285 году до н.э., с тех пор, как предполагается, две страны поддерживают почти непрерывные отношения, дружеские или враждебные, вплоть до сегодняшнего дня. Сначала Гяо-ши занимали только северные районы Лу-кианга, нынешнего Тонкинга, а все остальное побережье принадлежало могущественному народу Чампа (Тсиампа), чье родство с океаническим населением. Но в 218 году до н.э. Лу-кианг был уменьшен и включен в состав собственно Китая, большое количество китайских эмигрантов поселилось в стране и постепенно слилось с гяо-ши в единую народность, чье двойное происхождение до сих пор отражается в физических и психических характеристиках аннамцев.

Однако термин "Аннам"[465] вошел в обиход лишь в седьмом веке, когда он был официально применен к пограничной реке между Китаем и Тонкингом, а затем распространен на весь Тонкинг и Кочин-Китай. Само название Тонкинг, означающее "Восточный двор"[466], первоначально было только для города Ха-ной, когда он был королевской резиденцией, но позже было распространено на все северное царство, истинное название которого - *Юэх-нань*. Ему соответствовало южное Кве-Чен-Цзин, "Королевство Чен-Цзин", которое было названо так в девятом веке по своей столице Чен-Цзин, и от которого наш Кочин-Китай, по-видимому, является искаженной формой.

Но, несмотря на всю эту сложную политическую номенклатуру, доминирующая аннамская нация верно сохранила свой однородный характер, распространяясь, подобно сиамам, неуклонно на юг и постепенно поглощая все владения Чампы на южной оконечности полуострова, а также большую часть древнего королевства Камбоджа в дельте Меххонга. Таким образом, в настоящее время они составляют почти исключительный этнический элемент во всех низменных и возделываемых частях Тонкинга, верхнего и нижнего Кочин-Кита и южной Камбоджи, с общей численностью населения в 1898 году около двадцати миллионов человек.

Физические и психические характеристики.

В полуофициальном отчете^[467] аннамцы характеризуются высоким широким лбом, высокими скулами, маленьким вдавленным носом, довольно толстыми губами, черными волосами, скудной бородой, средним ростом, медным цветом лица, обманчивым (*русый*) выражением, грубым или наглым поведением. Голова круглая (индекс 83-84), черты лица в целом плоские и грубые, а невыразительной внешности соответствует суровый несимпатичный темперамент. Аббат Гагелин, проживший много лет в их среде, откровенно заявляет, что они одновременно высокомерны и бесчестны, и мертвы для всех тонких чувств человеческой природы, так что после многих лет отсутствия ближайшие родственники встречаются без каких-либо внешних признаков удовольствия или привязанности. Другие идут дальше, и Дж. Г. Скотт подвел итог, заявив, что "чем меньше аннамцев, тем меньше пятен на человеческой расе". Несомненно, лорд Керзон дает более благоприятную картину, но этот путешественник провел в стране совсем немного времени, и даже он допускает, что они "хитры и обманчивы, склонны к воровству при первой же возможности, лживы и неизлечимо азартны"^[468].

И все же у них есть одно искупительное качество - сильная любовь к личной свободе, странно контрастирующая с почти рабским духом сиамцев. Это чувство распространяется на все классы, так что рабство вызывает отвращение, и, как и в Бирме, демократическое чувство равенства пронизывает социальную систему^[469]. Таким образом, хотя государство всегда было абсолютной монархией, каждая отдельная коммуна представляет собой настоящее маленькое олигархическое содружество. Это стало большой неожиданностью для нынешних французских администраторов страны, которые откровенно заявляют, что не могут надеяться улучшить социальное или политическое положение народа, заменив европейские законы и обычаи местными. На самом деле аннамцам нечему учиться у западных социальных институтов.

Язык и письмо.

Их язык, на котором повсеместно говорят с удивительным единообразием, относится к обычному индо-китайскому изолированному типу, имеет шесть тонов, три высоких и три низких, и написан идеографическими знаками, основанными на китайских, но с многочисленными изменениями и дополнениями. Но, хотя они плохо подходят для этой цели, попытка первых португальских миссионеров заменить их так называемой *qiôc-ngù*, или римской фонетической системой, потерпела поражение благодаря консервативному духу народа. Начальное обучение уже давно широко распространено, и почти каждый может читать и писать столько многочисленных иероглифов, сколько необходимо для обычного повседневного общения. В каждой деревне есть бесплатная школа, а более высокий уровень обучения поощряется государственными экзаменами, которым, как и в Китае, подвергаются все кандидаты на государственные должности. При такой схеме можно было бы добиться удивительных результатов, если бы курс обучения не основывался исключительно на пустых формулах китайской классической литературы. Предметы, которые преподаются, по большей части, несерьезны, а настоящая наука заменена сухими моральными наставлениями Конфуция. В результате среди образованных слоев населения царит насмешливый, скептический дух, свободный от всех религиозных предрассудков и не

ограниченный теологическими верованиями или догмами, в сочетании с возвышенным моральным тоном, не всегда, однако, согласующимся с повседневным поведением.

Религиозные системы.

Еще в большей степени, чем в Китае, семья является истинной основой социальной системы, а глава семьи - не только верховный жрец культа предков, но и своего рода патриарх, обладающий почти абсолютным контролем над своими детьми. В этом отношении отношения несколько односторонние: у отца нет никаких признанных обязательств по отношению к своим отпрыскам, в то время как от них ожидается совершенное послушание при жизни и почитание после смерти. Помимо поклонения предкам и конфуцианской этической философии, здесь распространена национальная форма буддизма. Некоторые даже исповедуют все три эти так называемые "религии", под которыми все еще сохраняются многие примитивные суеверия, связанные с еще не исчезнувшей верой в духов и сверхъестественную силу магов. В то время как буддийские храмы заброшены, а немногочисленные бонзы[470] презираются, все еще совершаются подношения джинам земледелия, воды, тигра, дельфина, мира, войны, болезней и так далее, чьи грубые статуи в виде драконов или других сказочных чудовищ даже устанавливаются в пагодах. С начала XVII века римско-католические миссионеры с большим успехом трудятся на этом бесперспективном поприще, где в 1898 году численность общины оценивалась примерно в 900 000 человек.

Китайцы.

От Аннама легко перейти к Китаю[471] и его кишачим народам, относительно происхождения которых, расового и культурного, в настоящее время существуют две противоположные точки зрения. Старая, но отнюдь не устаревшая школа считает китайское население прямыми потомками аборигенов, которые в каменном веке проникли в долину Хоангхо, вероятно, с Тибетского плато, развили там свою особую культуру независимо от чужеземного влияния, а затем постепенно распространились на юг по всей территории Китая, истребив, поглотив или вытеснив на окружающие западные и южные возвышенности более грубых аборигенов бассейнов Ян-Цзе-Кианг и Си-Кианг.

Вавилонская теория.

В прямой оппозиции к этой точке зрения новая школа, особенно отстаиваемая Т. де Лакупери[472], считает, что нынешние жители Китая являются поздними вторженцами из юго-западной Азии, и что они прибыли не как грубые аборигены, а как культурный народ со значительными знаниями в области письма, науки и искусств, которые они приобрели прямо или косвенно от цивилизованных аккадо-шумерских жителей Вавилонии.

Между двумя культурами и даже между двумя языками отмечаются не просто аналогии и сходства, а то, что называется фактической идентичностью, достаточной для того, чтобы установить общее происхождение обеих культур, причем Месопотамия была источником, откуда поток по нечетко определенным каналам стекал в долину Хоангхо. Так, чинское *уи*, первоначально *го*, приравнивается к аккадскому *гу*, говорить; *уе* - к *ге*, ночь, и так далее. Затем сравниваются астрономическая и хронологическая системы: Бероссус и клинописные таблички делят доисторическую эпоху Аккада на 10 периодов по 10 царей, продолжительностью 120 сари, или 432 000 лет, в то время как соответствующий китайский астрономический миф также состоит из 10 царей (или династий), охватывающих тот же период в 432 000 лет. Астрономическая система, приписываемая императору Яо (2000 г. до н. э.), аналогично соответствует аккадской: в обеих системах пять планет с именами, имеющими одинаковое значение, год состоит из 12 месяцев и 30 дней, с тем же циклом интеркальных дней, а некоторые из ныне устаревших

названий китайских месяцев соответствуют вавилонским. Даже имя первого китайского императора, построившего обсерваторию, Най-Кван-ти, несколько напоминает имя эламского царя Кудер-на-Ханги, завоевавшего Халдею около 2280 года до нашей эры.

Все это вряд ли можно объяснить простым совпадением; тем не менее, ни кинологи, ни аккадисты в этом не убеждены, и очевидно, что многие из сходств могут быть обусловлены торговлей или взаимодействием как по старым сухопутным караванным путям, так и морским транспортом из Эриду в верховьях Персидского залива, который был процветающей империей 4000 или 5000 лет назад.

Но, несмотря на некоторые словесные аналогии, почти непреодолимую трудность представляют аккадский и китайский языки, которые никакая филологическая изобретательность не может привести в такое соотношение, как того требует гипотеза. Т. Г. Пинчес показал, что в очень ранний период, скажем, около 5000 лет назад, аккадский язык уже состоял, "по большей части, из слов в один слог" и был "сильно подвержен фонетическому распаду, в результате чего из корней, первоначально совершенно разных, образовалось огромное количество омофонов[473]". Этот аккадский ученый присылает мне ряд примеров, таких как *tu* от *tura* - входить; *tī* от *tila* - жить; *du* от *dumu* - сын; *du* от *dugu* - хороший, как в Эриду, для Гурудугу, "хорошего города", добавляя, что "список можно продолжать бесконечно[474]". Но племена бака де Лакупери, то есть первые переселенцы из юго-западной Азии, не должны были достигать Северного Китая до 2500 или 3000 г. до н. э., а в это время китайский язык все еще находился в состоянии нетонированной агглютинации, с небольшим количеством односложных омофонов, и, следовательно, совершенно отличался от аккадского, известного нам по ассирийским слоговым таблицам, двуязычным спискам и более ранним табличкам из Ниппура или Лагаша.

Таким образом, лингвистический аргумент кажется полностью несостоятельным, а вавилонское происхождение китайской письменности, или, скорее, происхождение китайского и шумерского от какого-то общего родителя в Центральной Азии, ожидает дальнейших доказательств. Многие из китайских и аккадских "линейных форм", собранных К. Дж. Боллом[475], настолько просты и, можно сказать, очевидны, что, кажется, ничего не доказывают. Их можно сравнить с такими инфантильными выражениями, как *па*, *ма*, *да*, *та*, встречающимися в половине языков мира, не доказывая связи или родства между ними. Но даже если бы было установлено общее происхождение этих двух письменностей, это ничего не доказывало бы в отношении общего происхождения двух народов, а лишь свидетельствовало бы о культурном влиянии, которое не нужно отрицать.

Китайская культура и социальная система.

Но если происхождение Китая нельзя четко проследить до Вавилонии, китайская культура все же может в некотором смысле претендовать на звание самой древней в мире, поскольку она сохранилась с небольшими изменениями с момента своего возникновения около 4500 лет назад и до наших дней. Все другие ранние цивилизации - месопотамская, египетская, ассирийская, персидская, эллинская - погибли или существуют только в своих памятниках, традициях, устных или письменных записях. Но китайская, несмотря на неоднократные политические и социальные потрясения, все еще так же глубоко укоренена в прошлом, как и прежде, не прерывая преемственности от тусклых отголосков далеких доисторических веков до последней революции и установления республики. Все это лишь поверхностный взгляд на великий океан китайского человечества, которое удерживается вместе не общим духом национальных чувств (все чувства чужды китайскому темпераменту), не общностью речи, поскольку многие провинциальные диалекты глубоко отличаются друг от друга, а непомерной силой инерции, которая до сих пор

сопротивлялась всем попыткам перемен либо под давлением извне, либо под спонтанным импульсом изнутри.

Письма и ранние записи.

Какими они были тысячи лет назад, такими остаются и сейчас: бережливый, миролюбивый, трудолюбивый народ, занимающийся в основном земледелием и торговлей, не владеющий никакими искусствами, кроме ткачества, фарфора и работы с металлом, но широко знающий буквы и систему письма, которая до сих пор находится на стадии идеографической, требующей столько же различных символов, сколько и понятий для выражения. И все же у этой системы есть одно преимущество: она позволяет людям, говорящим на непонятных друг другу идиомах, общаться друг с другом, используя карандаш вместо языка. Именно по этой причине от попыток заменить фонетический шрифт, предпринятых правительством несколько веков назад, пришлось отказаться. Оказалось, что императорские указы и другие документы, написанные таким образом, не могут быть поняты населением, говорящим на диалектах, отличных от литературного стандарта, в то время как иероглифы, подобно нашим шифрам 1, 2, 3..., могли быть прочитаны всеми образованными людьми с любой формой речи.

Первоначально китайская система, независимо от того, была ли она разработана на месте или заимствована из аккадского или любого другого иностранного источника, была, конечно, пиктографической или идеографической, и принято считать, что она осталась на этой стадии с тех пор, единственные существенные изменения носили графический характер. Пиктограммы были конвенционализированы и сведены к своей нынешней форме, но все еще оставались идеограммами, дополненными ограниченным числом фонетических детерминантов. Но де Лакупери показал, что эта точка зрения ошибочна, и что эволюция от пиктограммы к фонетическому символу была практически завершена в Китае за много веков до новой эры. Стиль *Ку-вэнь*, существовавший до IX века до н. э., "действительно был фонетическим выражением речи^[476]". Но по указанной причине его пришлось отменить и вернуться к более раннему идеографическому стилю. Изменения были осуществлены около 820 г. до н. э. Ше Чоу, министром императора Сюэнь Вана, который ввел стиль *Та-чуэнь*, в котором "он старался говорить для глаза, а не для уха", то есть вернулся к более раннему идеографическому процессу, который с тех пор преобладает. Он был упрощен около 227 г. до н. э. (стиль *Сяо Чуэнь*), и после некоторых других изменений нынешняя калиграфическая форма (*Куай Шу*) была введена Ван Хи в 350 г. н. э. Таким образом, одним из последствий "расширения Китая" стал возврат к варварству, по крайней мере, в отношении национальной графической системы, которая препятствовала развитию китайской мысли и литературы на протяжении почти 3000 лет.

Письменные источники, хотя поначалу они носили в основном мифический характер, датируются примерно 3000 годом до н. э.^[477] В ранних документах упоминаются грубые и дикие времена, которые в Китае, как и в других странах, безусловно, предшествовали историческому периоду. Даже выделяются три различные доисторические эпохи, а традиция рассказывает о том, как Фу-хи ввел деревянные, Тин-мин каменные, а Ши-ю металлические орудия. ^[478] Позже, когда их происхождение и использование были забыты, нефритовые топоры, как и юньнаньские, рассматривались как болты, брошенные на землю богом грома, а наконечники стрел, предположительно также божественного происхождения, были наделены в народном воображении особыми достоинствами и даже считались эмблемами суверенитета. Таким образом, возможно, объясняется тот любопытный факт, что в ранние времена, до двенадцатого века до нашей эры, дань кремневым оружием платили императорскому правительству некоторые из уменьшенных диких племен западных возвышенностей.

Ранние миграции.

Поглощение аборигенов.

Эти люди каменного и металлического веков, несомненно, все еще широко представлены не только среди грубых горных племен южных и западных пограничных районов, но и среди оседлых и культурных жителей низин великих речных долин. Сотня семей", как называли себя первые переселенцы, традиционно происходила из северо-западных районов за Хоангхо. Согласно Ю-кунгу, их первоначальная родина находилась в юго-западной части Восточного Туркестана, откуда они сначала мигрировали на восток в оазисы к северу от хребта Нань-Шань, а затем, в четвертом тысячелетии до новой эры, - в плодородные долины Хоан-хо и его притока Хоэй-хо. Затем они медленно распространились по долинам других великих рек, частично изгоняя, частично смешиваясь с аборигенами, но к седьмому веку до нашей эры все еще оставались в основном в регионе между Пэй-хо и нижним течением Ян-цзе-Кианга. Даже здесь несколько коренных групп, таких как хоэи, чье название сохранилось в названии реки Хоэй, и лаи с полуострова Шаньтун, долго удерживали свои позиции, но в конечном итоге все они были поглощены или ассимилированы на северных землях вплоть до левого берега Ян-цзе-Кианга.

Выжили хок-ло; хакка; пун-ти.

За этой рекой многие из них также влились в доминирующий народ, постоянно продвигающийся на юг; но другие, коллективно или неопределенно известные как си-фаны, мань, мяо-цзе, пай, то, и-жэнь[479], лоло и т.д., были вытеснены на юго-западные нагорья, которые они занимают до сих пор. Даже некоторые из жителей оседлых районов, такие как хок-ло[480], хакка[481], Кванг-тунг, и пун-ти[482] Кантонского района, едва ли еще полностью ассимилированы. Они сильно отличаются по темпераменту, обычаям, внешнему виду и речи от типичных китайцев Центральной и Северной провинций, на которых они смотрят как на "иностранцев" и с которыми общаются на "пиджин инглиш"[483], лингва-франка китайского побережья.[484]

Конфуцианство.

Тем не менее общий однородный характер всему народу придают общие политические, социальные и религиозные институты, а также тот принцип конвергенции, в силу которого различные этнические группы, собранные вместе на одной территории и находящиеся под единым управлением, стремятся слиться в единый новый национальный тип. Это общее единообразие особенно заметно в религиозных идеях, которые, за исключением скептических кругов, повсеместно лежат в основе трех признанных национальных религий, или "государственных церквей", как их можно было бы назвать: цзю-киао - конфуцианство; тао-киао - даосизм; фо-киао - буддизм (Фо = Будда). Первая, распространенная в основном среди образованных представителей высших классов, является не столько религией, сколько философской системой, холодным этическим кодексом, основанным на моральных и фактических учениях Конфуция[485]. Конфуций был, по сути, социальным и политическим реформатором, который учил примером и наставлениями; главным стимулом к добродетели были не награды или наказания в загробной жизни, а благополучие или неблагополучие в настоящем. Его система обобщена в выражении "житейская мудрость", воплощенном в таких популярных изречениях, как: Друг вряд ли приобретается за год, но не приобретается за мгновение; В безопасности помни об опасности, в мире не забывай о войне; Филиальный отец, филиальный сын, нефилиальный отец, нефилиальный сын; При мытье посуды тарелки и блюда могут разбиться; Не делай того, чего не знал бы; Накрой крышу перед дождем, вырой колодец перед жаждой; The gambler's success is his ruin; Money goes to the gambling den as the criminal to execution (never returns); Money hides many faults; Stop the hand, stop the mouth (stop work and starve); To open a shop is easy, to keep it open hard; Win your lawsuit and lose your money.

Не создав никакой религиозной системы, Конфуций, тем не менее, предписывал соблюдать уже существующие формы культа, а после смерти сам стал объектом широко распространенного культа, который сохраняется до сих пор. "В каждом городе есть храм, построенный за государственный счет, в котором находится либо статуя философа, либо табличка с его титулами. Каждую весну и осень в этих храмах ему поклоняются главные официальные лица города. В школах также, первого и пятнадцатого числа каждого месяца, его титул написан на красной бумаге и прикреплен к табличке, поклонение совершается в специальном помещении путем возжигания благовоний и свечей, а также с помощью простираний[486] ."

Даосизм.

Даосизм, разновидность пантеистической мистики, названная ее основателем Лао-цзе (600 г. до н. э.) *Дао*, или "путь спасения", воплощался в формуле "материя и видимый мир - лишь проявления возвышенного, вечного, непостижимого принципа". В преддверии Сакья-Муни оно учило, что, контролируя свои страсти, человек может избежать или прервать бесконечную череду перевоплощений и таким образом прийти с помощью Дао к вечному блаженству - сну? бессознательному покою или поглощению вечной сущностью? Нирвана? Из возвышенного, но абсолютно невразумительного языка, в который облечены учения мастера, этого не понять.

Но это не имеет большого значения, потому что его ученики давно забыли принципы, которых так и не поняли, а даосизм почти повсеместно превратился в систему магии, связанную с неумирающими первобытными суевериями. Изначально не существовало иерархии жрецов, единственным особо религиозным сословием были аскеты, которые проводили свою жизнь созерцании вечных истин. Но из этого класса, объединенного общими интересами, развилось своего рода монашество, с организованным братством астрологов, магов, шаманистов, сомнамбул, "медиумов", "чтецов мыслей", шарлатанов и самозванцев всех мастей, укрывавшихся под нитяной одеждой религии.

Буддизм.

Буддизм также, хотя и иностранного происхождения, полностью соответствует национальному духу и представляет собой любопытную смесь индуистской метафизики с примитивной китайской верой в духов и обожествленное происхождение. В каждом районе практикуются различные формы культа, между которыми невозможно провести четкую границу, и, как в Аннаме, одни и те же люди могут быть одновременно последователями Конфуция, Лао-цзы и Будды. Фактически таково было положение императора, который *по должности* принадлежал ко всем трем государственным религиям и неукоснительно принимал участие в их различных обрядах. В китайском представлении о том, что "все три религии составляют одну религию", есть даже доля истины: первая апеллирует к нравственной природе человека, вторая - к инстинкту самосохранения, третья - к высшей сфере мысли и созерцания.

Фун-шуй и культ предков.

Но за всем этим, можно сказать, над всем этим, все еще преобладает старый анимизм, проявляющийся во множестве суеверных практик, цель которых - успокоить зло и заручиться благосклонностью добрых духов, *Фэн-шуй* или *Фун-шуй*, "воздушных и водных" джинов, с которыми приходится считаться во всех самых весомых и самых тривиальных событиях повседневной жизни. Они, а также призраки предков, которые преследуют всю землю, являются бичом существования китайца. Все зависит от поддержания идеального баланса между фун-шуй, то есть двумя принципами, представленными "Белым тигром" и "Лазурным драконом", которые охраняют подступы к каждому жилищу, и чьи противоположные влияния должны быть хорошо отрегулированы высокооплачиваемыми профессорами магических искусств. После смерти

императора Тунг Чиха (1875 г.) государственные астрологи столкнулись с большой проблемой, обнаружив, что царство окажется под угрозой, если его похоронить, согласно правилам, на императорском кладбище в 100 милях к западу от Пекина, в то время как его отец покоится на другом императорском кладбище, расположенном на таком же расстоянии к востоку от столицы. По какой-то тонкой причине баланс между Тигром и Драконом был бы нарушен, и на решение этого вопроса ушло девять месяцев, в течение которых, как сообщает американское представительство, вся империя была взбудоражена, государственные советы взбудоражены, а 50 000 фунтов стерлингов потрачены на то, чтобы решить, где должны быть захоронены останки никчемного и порочного молодого человека.

Из-за необходимого нарушения мест захоронения предков ожидалось много неприятностей при строительстве железных дорог, на которые теперь предоставляются концессии европейским синдикатам. Но один англичанин, давно проживающий в стране, заявил, что сопротивления со стороны населения не будет. "Мертвые могут быть убраны с должным уважением к Фунг Шуй; несколько долларов сделают это в порядке вещей". Это полностью соответствует бережливому характеру китайцев, который превалирует над всеми другими соображениями, что выражается в популярной поговорке: "С помощью денег можно сдвинуть богов, а без них - людей". Но боги могут быть подвижны даже без денег или, по крайней мере, с помощью фальшивых бумажных денег, поскольку их почитатели твердо убеждены, что их, как и смертных, можно перехитрить с помощью таких приспособлений. Когда в одном из популярных святилищ китаец поддержал идею сжечь флэш-банкноты, поскольку ни один дух-банк не станет их обналичивать, он ответил на это: "Зачем мне сжигать хорошие банкноты? Жосс не может их обмануть". В таком же духе бог войны был обманут деревянными досками, развешанными на валах Пекина и раскрашенными под тяжелые снаряды.

На самом деле внешний вид, внешняя показуха, соблюдение "одиннадцатой заповеди", одним словом, "лицо", как его называют, - это все в Китае. "Чтобы понять, пусть и не совсем точно, что подразумевается под "лицом", мы должны принять во внимание тот факт, что китайцы как раса обладают сильным драматическим инстинктом. При малейшей провокации любой китаец рассматривает себя в свете актера в драме. Китаец мыслит театральными категориями. Если его проблемы улажены, он говорит о себе, что "сошел со сцены" с почетом, а если они не улажены, он не находит способа "уйти со сцены". Вопрос никогда не в фактах, а всегда в форме. Если правильно понять "лицо", то окажется, что оно само по себе является ключом к замку многих важнейших характеристик китайцев^[487]."

Ислам и христианство.

Из иностранных религий ислам, наряду с буддизмом, добился наибольшего прогресса. Привнесенный первыми арабскими и персидскими торговцами и ревностно проповедуемый по всей империи Джагатай в двенадцатом веке, он прочно укрепился, особенно в Кан-су, Шэнь-си и Юньнани, и, конечно, является доминирующим в Восточном (Китайском) Туркестане. Несмотря на массовые убийства, последовавшие за неоднократными восстаниями в период с 1855 по 1877 год, *хоэй-хоэй*, *пантай* или *дунгане*, как по-разному называют мухаммаданцев, в 1898 году составляли около 22 000 000 человек во всей империи.

Исламу предшествовало христианство, которое, как свидетельствует подлинная надпись из Си-нгань-фу, проникло в западные провинции под видом несторианства примерно в седьмом веке. Знаменитые римско-католические миссии со штаб-квартирой в Пекине появились в конце XVI века, и, несмотря на внутренние разногласия, добились немалого успеха, а их общины насчитывают в общей сложности более миллиона членов. Протестантские миссии появились в 1807 году (Лондонское миссионерское общество) и в

1910 году насчитывали более 200 000 членов церкви и крещеных христиан, причем с 1900 года их число увеличилось более чем в два раза .[488]

Вышеупомянутые разногласия возникли из-за практики, связанной с поклонением предкам, подношениями цветов, фруктов и т. д., которые иезуиты рассматривали просто как доказательство сыновней преданности, но доминиканцы осуждали как акты идолопоклонства. После долгих лет пустых споров Климент XI в знаменитой булле "*Ex illa die*" (1715) решил вопрос против иезуитов, и с тех пор неопиты вынуждены отказываться от национального культа своих предков, а обращение в иезуиты ограничивается в основном низшими классами, слишком скромными, чтобы похвастаться родословной, или слишком бедными, чтобы поминать мертвых постоянно повторяющимися дорогостоящими погребальными обрядами.

Мандаринский класс.

В Китае нет наследственной знати, да и вообще нет знати, если не считать довольно многочисленных потомков Конфуция, которые живут вместе и пользуются определенными социальными привилегиями, в этом они несколько напоминают *шорфа* (потомков пророка) в мусульманских землях. Если за великие деяния и полагаются какие-то титулы, то они достаются не герою, а его предкам, и таким образом одним взмахом фиолетового карандаша облагораживаются бесчисленные прошлые поколения, а последний представитель рода остается без почестей, пока не перейдет к большинству. Между императором, "патриархом своего народа", и самим народом, однако, стояла аристократия талантов или, по крайней мере, китайской учености, правящий класс Мандарин[489], который был открыт как для самых высоких, так и для самых низких. Все должности присваивались исключительно тем, кто успешно сдал государственные экзамены, так что, подобно французскому новобранцу с гипотетическим маршальским батоном в ранце, каждый китайский гражданин носил в своем вместительном рукаве застегнутую фуражку официального ранга. Существует девять классов, обозначаемых в порядке убывания рубином, красным кораллом, сапфиром, непрозрачной синевой, хрусталем, белой раковиной, золотом (два) и серебряной пуговицей или, скорее, маленьким глобусом на фуражке, которым соответствуют девять птиц - маньчжурский журавль, золотой фазан, павлин, дикий гусь, серебряный фазан, цапля, мандариновая утка, перепел и сойка, - вышитых на груди и спине государственного халата.

Теоретически эта система достойна восхищения и, во всяком случае, лучше, чем назначение по благосклонности двора. Но на практике она оказалась порочной, во-первых, из-за узкого, устаревшего курса изучения сухой китайской классики, рассчитанного на подготовку педантов, а не государственных деятелей, а во-вторых, из-за монополии на предпочтение, которую она давала касте буквоедов, исключая людей деятельных, энергичных и предприимчивых. Более того, назначаясь пожизненно, если не совершать преступлений или промахов, мандарины, пока они считали себя ревностными сторонниками царствующей династии, имели возможность свободно накапливать богатства путем грабежа, а приобретенные таким образом богатства использовались для приобретения дальнейшего продвижения по службе, а не для улучшения благосостояния народа.

У них репутация вежливых людей, таких же пунктуальных, как и сами малайцы; и они таковы друг с другом. Но их отношение к чужакам - это воплощение агрессивной самоуверенности, самодовольного чувства превосходства, которое ничто не может нарушить. Даже представители высших классов, при всем их старании быть хотя бы вежливыми, часто выдают это чувство в сдержанном высокомерии, которое не всегда можно отличить от вульгарной наглости. "После вежливых, любезных японцев китайцы кажутся равнодушными,

грубыми и неприятными, за исключением зажиточных торговцев в магазинах, которые безразличны, благодущны и вежливы. Их грубый взгляд и то, как они толкаются на улицах и кричат на своем "пиджунском" английском, не привлекает[490]." Но пристальный взгляд, суэта и крики могут быть вызваны вовсе не невежливостью. Несомненно, китаец считает иностранца "дьяволом", но у него есть основания, и он не перестает удивляться иностранным манерам и обычаям, "чрезвычайно свирепым и почти полностью нецивилизованным[491]."

ССЫЛКИ:

[375] *Ethnology*, p. 300.

[376] *Geogr. Journ.*, May, 1898, p. 491. Это утверждение, конечно, следует воспринимать как относящееся только к историческим малайцам и их сравнительно поздним миграциям.

[377] Об иссушении Азии см. P. Kropotkin, *Geogr. Journ.* XXIII. 1904; E. Huntington, *The Pulse of Asia*, 1907.

[378] См. статью Дж. Кокберна "О палеолитических орудиях" и т. д. в *Journ. Anthr. Inst.* 1887, p. 57 sq.

[379] "Le type. primitif des Mongols est pour nous dolichocéphale" (*Les Aryens au Nord et au Sud de l'Hindou-Kouch*, 1896, p. 50).

[380] Таким образом, все тибетские измерения Рисли были сделаны на предметах из Сиккима и Непала (*Tribes and Castes of Bengal*, Calcutta, 1896, *passim*). Однако на Востоке у Десгодена и других французских миссионеров было больше возможностей изучать истинных тибетцев среди си-фан ("западных чужаков"), как называют китайцы пограничное население.

[381] Указ. соч. С. 319.

[382] *Op. cit.* p. 327. Здесь нам напоминают, что, хотя Геродот и другие древние писатели называют саков "скифами", под этим расплывчатым выражением скрывалось множество разнородных народов, среди которых были типы, соответствующие всем основным разновидностям монгольских, западноазиатских и восточноевропейских народов. "Aujourd'hui l'ancien type sace, adouci parmi les mélanges, reparaît et constitue le type si caractéristique, si complexe et si différent de ses voisins que nous appelons le type balti" (p. 328).

[383] У. У. Рокхилл, наш лучший живой авторитет, не принимает ни одного из существующих объяснений широко распространенного термина *bod* (*bhót*, *bhot*), который, по-видимому, образует второй элемент в слове *Tibet* (*Stod-Bod*, произносится *Teu-Beu*, "Верхний Бод", то есть центральная и западная части в противоположность *Män-Bod*, "Нижнему Боду", восточным провинциям). *Notes on the Ethnology of Tibet*, Washington, 1895, p. 669. Этот автор находит первое упоминание Тибета в форме *Тоббат* (существует множество вариантов) в трудах араба Истахри, около 590 г. н.э., а Т. де Лакупери связывает его с татарским царством *Ту-бат* (397-475 гг. н.э.). Это название легко могло быть распространено китайцами с татар Кансу на соседних тангутов и, таким образом, на всех тибетцев.

[384] *Хброк-па*, *Дрок-па*, произносится как *Дру-па*.

[385] Монголы применяют название *Тангут* к Тибету и называют всех тибетцев *Тангуту*, "что следует отбросить как бесполезное и вводящее в заблуждение, поскольку люди, населяющие эту часть страны, являются чистыми тибетцами" (Rockhill, p. 670). Любопытно отметить, что монгольское *Tangutu* уравнивается тибетским *Sok-pa*, которое часто применяется ко всем монголам.

[386] *Notes on the Ethnology of Tibet*, 1895, p. 675; см. также S. Chandra Das, *Journey to Lhasa and Central Tibet*, 1904; F. Grenard, *Tibet: the Country and its Inhabitants*, 1904; G. Sandberg, *Tibet and the Tibetans*, 1906; и L. A. Waddell, *Lhasa and its Mysteries, with a record of the Expedition of 1903-1904*, 1905.

[387] *Известия*, XXI. 3.

[388] *Этнология*, с. 305.

[389] *Абор*, т.е. "независимые", - это название, применяемое ассамцами к племенам восточно-гималайских холмов, *Миньонг*, *Падам* и *Храссо*, которые являются *Сло* тибетцев. Десгодины связывают их с Лхо-па из Бутана (*Bul. Soc. Géogr.*, October, 1877, p. 431) и отличают от племен *бору* (т.е. "зависимых") на равнинах, более или менее индуизированных бхотийцев (*Dalton, Ethnology of Bengal*, p. 22 sq.). См. A. Hamilton, *In Abor Jungles*, 1912.

[390] Не следует путать с *кхас*, как собирательно называют дикие племена страны Лаоса (Сиам). Капитан Иден Ванситтарт считает, что в Непале этот термин является сокращением от "кшатрия", или же означает "падший". Этот авторитет говорит нам, что, хотя *кхасы* и являются истинными гуркхами, в наши полки гуркхов записываются не *кхасы*, а в основном *магары* и *гурунги*, которые принадлежат к более чистой расе *бхотия* и менее полностью индуизированы ("The Tribes, Clans, and Castes of Nepal", in *Journ. As. Soc. Bengal*; LXIII. I, No. 4).

[391] *Посольство ко двору Тешу-ламы*, p. 350 sq.

[392] "Voilà, je crois, le vrai Tibetain des pays cultivés du sud, qui se regarde comme bien plus civilisé que les pasteurs ou bergers du nord" (*Le Thibet*, p. 253).

[393] *Заметки по этнологии* и т.д., с. 677. Здесь можно заметить, что недружелюбие, на которое часто жалуются путешественники, в основном вызвано буддийской теократией, которая правит страной и ревниво относится ко всем "интерлоперам".

[394] *Ibid.* p. 678.

[395] С ней можно сравнить китайскую провинцию *Кан-су*, названную так по двум главным городам *Кан-чау* и *Су-чау* (*Yule's Marco Polo*, I. p. 222).

[396] "Буддийские турки", - говорит сэр Х. Х. Хауорт (*Geogr. Journ.* 1887, p. 230).

[397] Э. Делмар Морган, *Geogr. Journ.* 1887, p. 226.

[398] "Каково бы ни было происхождение полиандрии, не может быть сомнений в том, что бедность, желание сократить численность населения и сохранить собственность, разделенную на семьи, дают достаточные основания для ее продолжения. Те же мотивы объясняют его существование среди низших каст Малабара, среди джатов (сикхов) Панджаба, среди тодасов и, вероятно, в большинстве других стран, где этот обычай преобладает" (*Rockhill*, p. 726).

[399] Т. Райс Холмс, *Древняя Британия*, 1907, с. 110 и 465-6.

[400] По крайней мере, в его почти исчерпывающей монографии о *свастике*, Вашингтон, 1896, нет никаких упоминаний о практике Бонбо. Однако перевернутая форма, упомянутая Максом Мюллером и Бурнуфом, изображена на с. 767 и в других местах.

[401] Sarat Chandra Das, *Journ. As. Soc. Bengal*, 1881-2.

[402] Этот момент, столь важный для истории языковой эволюции, был, как мне кажется, достаточно полно установлен Т. де Лакупери в серии статей в "*Oriental and Babylonian Record*", 1888-90. См. "*Лингвистический обзор Индии*" Г. А. Гриерсона, III. Тибето-бирманская семья, 1906, автор Стен Конов.

[403] *Ладак*, Лондон, 1854.

[404] G. B. Mainwaring, *A Grammar of the Rong (Lepcha) Language*, etc., Calcutta, 1876, pp. 128-9.

[405] *Outline Grammar of the Angami-Naga Language*, Calcutta, 1887, pp. 4, 5. О поразительном количестве различных языков во всем этом регионе см. статью Гертруды М. Годден "О нага и других пограничных племенах Северо-Восточной Индии" в *Journ. Anthr. Inst.* 1897, p. 165. Под рубрикой "Тибето-бирманские языки" Стен Коноу выделяет *тибетский, гималайский, североассамский, бодо, нага, куки-чин, мейтей и качин*. Группа нага включает в себя диалекты самых разных типов; некоторые из них приближаются к тибетскому и североассамской группе, другие ведут к бодо, третьи соединяются с тибето-бирманским. Мейтейский язык лежит посередине между куки-чином и качином, и они сливаются в бирманский. *Лингвистическое исследование Индии* Гриерсона, том III. 1903-6.

[406] В племенной номенклатуре этих многочисленных горных народов по-прежнему царит почти безнадежная путаница. Можно сожалеть об официальном утверждении терминов *Куки* и *Лушай* в качестве собирательных названий, но, похоже, теперь это уже не исправить. Сам народ *Куки* неизвестен, а *Лушай* - это название лишь одной группы, гордящейся своими склонностями к охоте за головами, поэтому они называют себя или, возможно, их называют *Лу-Шай*, "Головорезы", от *lu* - голова, *sha* - резать (Г. Х. Дамант). Другие объяснения, предложенные К. А. Соппиттом (*Kuki-Lushai Tribes, with an Outline Grammar of the Rangkhoh-Lushai Language*, Shillong, 1887), не могут быть приняты.

[407] Указ. соч.

[408] См. Г. А. Гриерсон и Стен Конов в "*Лингвистическом обзоре Индии*" Гриерсона, том III. Часть II. Бодо, Нага и Качин, 1903, Часть III. Куки-Чин и Бирма, 1904.

[409] *The Nāga Tribes of Manipur*, 1911, p. 2. Cp. J. Shakespear, "The Kuki-Lushai Clans," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXIX. 1909.

[410] *Op. cit.* p. 5.

[411] *Op. cit.* p. 122. Обычай человеческих жертвоприношений у нага описан в журнале *Бирманского исследовательского общества* за 1911 год, "Человеческие жертвоприношения в районе Верхнего Чиндвина".

[412] Любопытный фонетический феномен заключается в том, что сочетания *kl* и *tl* неразличимы в произношении, так что не имеет значения, пишется ли этот термин *Kling* или *Tling*, хотя последняя форма была бы предпочтительнее, поскольку указывает на его происхождение от *Телинги*.

[413] "Аборигенные племена Манипура", *Журн. Anthr. Inst.* 1887, p. 350.

[414] R. Brown, *Statistical Account of Manipur*, 1874.

[415] T. C. Hodson, *The Meitheids*, 1908, p. 96.

[416] T. C. Hodson, *The Meitheids*, 1908, pp. 96-7.

[417] G. Watt, *loc. cit.* p. 362.

[418] *The Chin Hills, etc.*, Vol. I., Rangoon, 1896.

[419] *Op. cit.* p. 165.

[420] P. К. Темпл, ст. "Бирма", Hastings, *Ency. Religion and Ethics*, 1910.

[421] Dalton, *Ethnology of Bengal*, p. 9.

[422] Принц Анри д'Орлеан пишет, что "ле Сингфо и ле Катчин [Кахьены] не имеют одного языка, что первый мотив - *тайский*, а второй - бирманский". *Du Tonkin aux Indes*, 1898, p. 311. Вот так увековечивается этническая путаница в этих пограничных районах. *Сингпхо* - это не *тайское*, т.е. шанское или сиамское, а туземное слово, как объясняется здесь.

[423] Джон Андерсон, *Мандалай - Момейн*, 1876, с. 131.

[424] Три черепа, обнаруженные М. Мансуем в пещере в Фо-Бинь-Гиа (Индокитай), относящиеся к неолитической культуре, были явно долихоцефальными и в некоторых отношениях напоминали кромафонскую расу периода оленеводства. Ср. R. Verneau, *L'Anthropologie*, XX. 1909.

[425] *Лояльные карены Бирмы*, 1887.

[426] R. C. Temple, *Academy*, Jan. 29, 1887, p. 72.

[427] Forbes, *Languages of Further India*, p. 61.

[428] *Ibid.* p. 55.

[429] G. W. Bird, *Wanderings in Burma*, 1897, p. 335.

[430] Бирманцы - самая смешанная раса в провинции. "Изначально дравиды какого-то рода, они, похоже, получили кровь из различных источников - индусов, мусалманов, китайцев, шанов, талаингов, европейцев и других". У. Крук, "Стабильность каст и племенных групп в Индии", *Journ. Roy. Anthr. Soc.* XLIV. 1914, p. 279, цитируя *Этнографический обзор Индии*, 1906.

[431] J. G. Scott, *Burma, etc.*, 1886, p. 115.

[432] *Op. cit.* p. 118.

[433] "Фестиваль в Таунгбьоне, Бирма", *Journ. Roy. Anthr. Soc.* XLV. 1915, p. 355.

[434] *Amongst the Shans, etc.*, 1885, p. 233.

[435] Ср. с шанами Юньнани, которые почти все "покрыты татуировками, начиная от потолка и до гениталий, с голубыми пятнами, настолько сильными, что они могут быть похожи на настоящие кулоты", Pr. Henri d'Orléans, *Du Tonkin aux Indes*, 1898, p. 83.

[436] Из новейшей литературы о Бирме и бирманцах, помимо "*Этнографического обзора Индии*", 1906 г., и "*Отчета о переписи населения*" 1911 г., следует упомянуть "*Бирман*" Дж. Г. Скотта, 1896 г., и "*Бирма*", 1906 г.; "*Провинция Бирма*" А. Айрленда, 1907 г.; "*Душа народа*" Г. Филдинга Холла, 1898 г., и "*Народ в школе*", 1906 г.

[437] Вероятно, от *Shan-tsě*, *Shan-yen*, "горцы" (*Shan*, mountain), *Shan* само по себе является тем же словом, что и *Siam*, форма, которая дошла до нас через португальское *Sião*.

[438] О Лаосе см. L. de Reinach, *Le Laos*, 1902, с библиографией.

[439] Карл Бок, примечание MS. Этот наблюдатель отмечает, что многие из нгиу в значительной степени ассимилировались по типу с бирманцами, и в одном месте заходит так далеко, что утверждает: "Нгиу определенно принадлежат к той же расе, что и бирманцы. У меня была возможность увидеть сотни представителей обеих стран и внимательно рассмотреть их черты лица и телосложение. Нгиу носят волосы в узле, как и бирманцы, но их легко отличить по татуировкам, которые гораздо более искусны" (*Temples and Elephants*, 1884, p. 297). Конечно, все они происходят от одного первобытного фонда, но в настоящее время представляют собой отдельные этнические группы, и, за исключением пограничных районов, где можно заподозрить смешение, физические и психические характеристики значительно различаются. *Нгиу* у Бока - это, несомненно, то же название, что и *Нгнио*, которое Х. С. Халлетт в одном месте применяет к шанам Моссе к северу от Зимме, а в другом - к бирманским шанам в целом (*A Thousand Miles on an Elephant*, 1890, pp. 158 и 358).

[440] "Les Paï ne sont autres que des Laotiens" (Prince Henri, p. 42).

[441] Одна из групп шанцев, деодхайнги, все еще сохранилась и занимает несколько деревень вблизи Сибсагара (S. E. Peal, *Nature*, June 19, 1884, p. 169). Далтон также упоминает камджангов, племя кхамти (тай) в районе Садия, Ассам (*Ethnology of Bengal*, p. 6).

[442] Много неожиданного света на раннюю историю этих ахемов бросил Э. Гейт, который обнаружил и описал в журнале *"Journ. As. Soc. Bengal"*, 1894, большое количество *путти* (28 только в районе Сибсагара) на ныне почти исчезнувшем языке ахемов, некоторые из которых дают непрерывную историю ахомских раджей с 568 по 1795 г. н. э. Большинство других, похоже, являются трактатами по религиозному мистицизму или гаданию, например "книга о расчете будущих событий путем исследования ноги птицы" (ib.).

[443] *Op. cit.* p. 309.

[444] A. R. Colquhoun, *Amongst the Shans*, 1885, Introduction, p. lv.

[445] *Op. cit.* p. 328.

[446] *Храмы и слоны*, p. 320.

[447] "Der Gesichtsausdruck überhaupt nähert sich der kaukasischen Race" (*Im fernen Osten*, p. 959).

[448] Low's *Siamese Grammar*, p. 14.

[449] R. G. Woodthorpe, "The Shans and Hill Tribes of the Mekong," in *Journ. Anthr. Inst.* 1897, p. 16.

[450] *Op. cit.* p. 55.

[451] Это упущение, однако, частично восполняет Т. де Лакупери, который рассказывает о замечательной рукописи Лоло на атласе, красном с одной стороны, синем с другой, содержащей почти 5750 слов, написанных черным, "очевидно, китайской кистью". Эта рукопись была получена Э. Колборном Бэйбером от вождя лоло, переправлена в Европу в 1881 году и описана де Лакупери, *Journ. R. As. Soc. Vol. XIV. Часть I. "Письмо идет строками сверху вниз и слева направо, как в китайском языке"* (стр. 1), и этот авторитет рассматривает его как звено, которое должно было соединить различных членов широко распространенной семьи, простирающейся от Индии (печать Харапа, Индо-Пали, Ваттелутту) до Малайзии

(Батта, Реджанг, Лампонг, Бугис, Макассар, Тагал), до Индо-Китая (Лао, Сиамский, Лоло), Кореи и Японии, а также включая китайскую систему Сиао-чуен, "использовавшуюся несколько веков до н.э.". (р. 5). Было бы преждевременно утверждать, что все эти связи установлены.

[452] *Op. cit.* p. 193.

[453] *Зарождение письменности в Центральной и Восточной Азии, passim.* О лолосах см. A. F. Legendre, "Les Lolos. Étude ethnologique et anthropologique", *T'oung Pao II*. Том X. 1909.

[454] "Quelques-uns de ces Kiou-tsés me rappellent des Européens que je connais." (*Op. cit.* p. 252).

[455] *Deux Ans dans le Haut-Tonkin, etc.*, Paris, 1896.

[456] Что касается "Ман" (Ман-цзе), то следует пояснить, что по-китайски оно означает "неприрученные черви", то есть *дикие* или *варварские*, и Десгодин предупреждает нас, что "не следует воспринимать эти слова как собственные имена племен" (*Bul. Soc. Géogr.* XII. p. 410). В 1877 году капитан У. Гилл посетил большой народ *мань-цзе* с 18 племенными подразделениями, простирающийся от Западной Юньнани до крайнего севера Сечуэна, своего рода федерацию, признающую короля, с китайскими привычками и одеждой, но говорящую на языке, напоминающем санскрит (?). Это были *суму*, или "белые люди-це", по-видимому, те же самые, которых в 1896 году посетила миссис Бишоп, и которых она описывала как полунезависимых, управляемых собственными вождями и по внешнему виду "вполне кавказских, как мужчины, так и женщины очень красивы", строгих буддистов, дружелюбных и гостеприимных, живущих в больших каменных домах (Письмо в *Times*, 18 августа 1896 г.).

[457] "Des paysannes nóngs dont les cheveux étaient blonds, quelquefois même roux". *Op. cit.*

[458] *L'Anthropologie*, 1896, p. 602 sq.

[459] "О взаимоотношениях индо-китайских и межокеанских рас и языков". Доклад, прочитанный на собрании Британской ассоциации, Шеффилд, 1879 г., и напечатанный в "Журнале". Association, Sheffield, 1879, и напечатана в *Journ. Anthr. Inst.*, February, 1880.

[460] В яванских анналах захватчики называются "камбоджанцами", но в это время (около 1340 г.) Камбоджа уже была низложена, и сиамские завоеватели привели из ее знаменитой столицы Ангкор-Ват более 90 000 пленников. Они в значительной степени были использованы в войнах того периода, которые, таким образом, были приписаны Камбодже, а не Сиаму иностранными народами, не знающими об изменившихся отношениях в Индо-Китае.

[461] Насколько мрачными могут быть некоторые из этих уголков, можно судить по печальной картине злоупотреблений, порока и коррупции, все еще распространенных в 1890 году, которую дает Халлетт в книге *"Тысяча миль на слоне"*, гл. xxxv. и еще более поздний Х. Уорингтон Смит в книге *"Пять лет в Сиаме, с 1891 по 1896 год"* (1898). Этот наблюдатель приписывает сиамцам неразвитое чувство добра и зла, так что они становятся хорошими только случайно. "Сделать что-то, потому что это правильно, - это выше их сил; воздержаться от чего-то, потому что это противоречит их доброму имени или влечет за собой серьезные последствия, возможно, под силу немногим; вопрос о правильном и неправильном не входит в расчеты". Однако он считает, что они могут обладать высоким уровнем интеллекта, и упоминает случай с крестьянином, который по атласу выучил себя географии и политике. В

книге П. А. Томпсона "Земля лотоса", 1906 г., рассказывается о стране и жителях Южного Сиама.

[462] Вероятно, это слово произошло от "талапат" - названия пальмы, дающей веерные листья, которыми постоянно пользуются монахи.

[463] "В разговоре с монахами М'Гилвари сказали, что, скорее всего, пройдет бесчисленное количество веков, прежде чем они достигнут столь желанного состояния Нирваны, и что один проступок в любой момент может низвергнуть их в самый низкий ад, чтобы они снова начали свое меланхоличное паломничество" (Hallett, *A Thousand Miles on an Elephant*, p. 337).

[464] "Le gros orteil est très développé et écarté des autres doigts du pied. По этому отличительному признаку, который можно обнаружить и в наши дни у индейцев чистой расы, можно легко определить, что гяо-чи - это аннамиты" (*La Cochinchine française en 1878*, p. 231). См. также заметку по этому вопросу К. Ф. Тремлетта в *Journ. Anthr. Inst.* 1879, p. 460.

[465] Правильно *Ан-нан*, измененная форма *нган-нан*, "Южный мир".

[466] Ср. *Нан-кунг*, *Пе-кунг*, "Южный" и "Северный" суды (столицы).

[467] *La Gazette Géographique*, 12 марта 1885 года.

[468] *Geogr. Journ.*, Sept. 1893, p. 194.

[469] "Parmi les citoyens règne la plus parfaite égalité. В точке esclavage, la servitude est en horreur. Aussi tout homme peut-il aspirer aux emplois, se plaindre aux mêmes tribunaux que son adversaire" (*op. cit.* p. 6).

[470] От *bonzo*, португальского варианта японского *busso*, благочестивого человека, применявшегося сначала к буддийским священникам Японии, а затем распространившегося на священников Китая и соседних стран.

[471] Это имя, вероятно, китайское *jín*, мен, реопле, уже встречается в санскритских

письменах в своей нынешней форме: चीन, Чина, откуда хинди چین, Чин, и

арабо-персидское صين, Син, от которого происходит классическое *Sinae*. Наиболее распространенное национальное название - *Chûng-kûe*, "срединное царство" (предположительно центр вселенной), отсюда *Chûng-kûe-Jín*, китайский народ. Некоторые относят *Китай* к династии *Чин* (*Цин*) (909 г. до н.э.), а "*Катай*" Марко Поло (русский *Китай*) - это *Хата* (Северный Китай) монгольского периода, от маньчжуров *К'и-тан*, основателей династии Ляо, которая была свергнута в 1115 г. н.э. татарами Ню-Чэн. Птолемеевское *Thinae* справедливо рассматривается Эдкинсом как то же слово, что и *Sinae*, замена t на s была обычной в Аннаме, откуда эта форма могла попасть на запад через южный морской порт Каттигара.

[472] *Western Origin of the Early Chinese Civilization, from 2300 B.C. to 200 A.D., or Chapters on the Elements Derived from the Old Civilizations of West Asia in the Formation of the Ancient Chinese Culture*, London, 1894.

[473] "Наблюдения над языками ранних жителей Месопотамии", в *Журн. R. As. Soc.* XVI. Часть 2.

[474] MS. note, May 7, 1896.

[475] К. Дж. Болл, *Китайский и шумерский языки*, 1913.

[476] *История архаической китайской письменности и текстов*, 1882, с. 5.

[477] Первой фактической датой является дата Тай Хао (Фу-хи), 2953 г. до н. э., но этот правитель относится к сказочному периоду и, как утверждается, царствовал 115 лет. Первая определенная дата, по-видимому, принадлежит Яу, первому из китайских мудрецов и реформатору календаря (2357 г. до н. э.). Дата 2254 г. до н. э. для царя Шуня, который был моделью Конфуция, также кажется установленной. Но, конечно, все это современная история по сравнению с установленными сейчас вавилонскими и египетскими записями.

[478] Среди металлов железо упоминается уже во времена императора Та Ю (2200 г. до н.э.), когда оно упоминается в качестве предмета дани в "*Шу-Кинге*". Ф. Хирт, который констатирует этот факт, добавляет, что в тот же период, если не раньше, железо уже было процветающей отраслью промышленности в районе Лян (доклад на тему "История китайской культуры", Мюнхенское антропологическое общество, апрель, 1898 г.). В ходе дискуссии, последовавшей за чтением этой работы, Монтелиус утверждал, что железо было неизвестно в Западной Азии и Египте до 1500 года до н. э., хотя этот тезис оспаривался Хоммелем, который привел слово, обозначающее железо, в самых ранних египетских текстах. Монтелиус, однако, объяснил, что термины, первоначально означавшие "руда" или "металл", впоследствии стали использоваться для обозначения "железа". Так было с глаголом *χαλκός*, сначала означавшим "медь", затем металл вообще, а позже использовавшимся для *σίδηρος*, "железо"; отсюда *χαλκεύς* = медник, кузнец и даже золотых дел мастер. Так же и с лат. *aes* (санскр. *ayas*, родственное *auroga*, с простой идеей яркости), используемое сначала особенно для меди (*aes cuprium*, *cuprum*), а затем для бронзы (Lewis и Short). Более поздние взгляды Хирта см. в его "*Древней истории Китая*", 1908 г. (от баснословных времен до 221 г. до н.э.).

[479] Этот термин *И-жэнь* (*Yi-jen*), означающий то же самое, что и *Мань*, *Мань-цзе*, дикарь, грубый, неукротимый, приобрел своего рода дипломатическое значение. В Тянь-цинском договоре (1858 г.) было оговорено, что в официальных документах оно больше не должно, как раньше, применяться к англичанам или любым подданным королевы.

[480] См. J. Edkins, *China's Place in Philology*, p. 117. Хок-ло были родом из Фо-киен, отсюда их альтернативное название *Фо-ло*. *Ло*, по-видимому, то же самое слово, что и в редуплицированном *Ло-ло*, означающее что-то вроде греческого и латинского *Бар-бар*, заикающиеся, грубые, некультурные.

[481] *Хакки*, то есть "чужаки", говорят на хорошо заметном диалекте, распространенном на возвышенностях между Кванг-тунгом, Кианг-си и Фо-киен. Дж. Дайер Болл, "*Легкие уроки диалекта хакка*", 1884.

[482] Многочисленны в западных районах Кванг-тунга и в Кантонском округе. J. Dyer Ball, *Cantonese Made Easy*, Hongkong, 1884.

[483] В этом выражении "пиджин", по-видимому, является разновидностью слова *бизнес*, взятого в очень широком смысле, как в таких терминах, как *talkee-pidgin* = разговор, дискуссия; *singsong pidgin* = концерт и т. д. Нет ничего необычного в том, что люди из разных китайских провинций, встречающиеся в Англии, вынуждены использовать в разговоре этот общий жаргон.

[484] Об аборигенах с библиографией см. перевод М. Кеннели из книги Л. Ричарда "Всеобъемлющая география Китайской империи и ее зависимых территорий", 1908, с. 371-3.

[485] Кун-цзе, "учитель Кун", или более полно Кун-фу-цзе, "выдающийся учитель Кун", что дает латинизированную форму Конфуций.

[486] *Kwong Ki Chiu*, 1881, p. 875. Конфуций родился в 550 году и умер в 477 году до н. э., и ему в настоящее время посвящено до 1560 храмов, в которых соблюдаются настоящие жертвенные обряды. Для этих жертвоприношений государство ежегодно поставляет 26 606 овец, свиней, кроликов и других животных, а также 27 000 кусков шелка, большинство из которых, однако, становятся "привилегиями" прислуги в святилищах.

[487] Артур Х. Смит, "Китайские черты", Нью-Йорк, 1895. Этот проникательный наблюдатель называет хорошими или, по крайней мере, полезными качествами китайцев любовь к промышленности, миру и социальному порядку, несравненное терпение и терпимость к несчастьям и злу, не поддающемуся лечению, счастливый темперамент, отсутствие нервов и "пищеварение, как у страуса". См. также Н. А. Giles, *China and the Chinese*, 1902; Е. Н. Parker, *John Chinaman and a Few Others*, 1901; J. Dyer Ball, *Things Chinese*, 1903; и М. Kennelly в *Richard's Comprehensive Geography of the Chinese Empire and its Dependencies*, 1908.

[488] См. *Contemporary Review*, Feb. 1908, "Отчет о христианских миссиях в Китае", авторы: мистер Ф. У. Фокс, профессор Макалистер и сэр Александр Симпсон.

[489] Счастливая португальская чеканка от малайского *mantri*, государственный министр, что является санскритским *mantrin*, советник, от *mantra*, священный текст, совет, от арийского корня *man*, думать, знать, откуда также английское *mind*.

[490] Miss Bird (Mrs Bishop), *The Golden Chersonese*, 1883, p. 37.

[491] Н. А. Giles, *The Civilisation of China*, 1911, p. 237. См. особенно гл. XI, "Китайцы и иностранцы", об этикете уличных правил и привычке перекидывать собеседников.

ГЛАВА VII

ОКЕАНСКИЕ МОНГОЛЫ

Океанские монголы - "малайская земля" - исторические малайцы - колыбель малайцев - миграции и нынешний ареал - малайцы - яванцы - балийцы и сасаки - индуистские легенды на Бали - малайские мореплаватели и мореходы - Малайзия и Пеласгия: Историческая параллель - Малайский фольклор - Борнео - Пунан - Клемантан - Бахау - Кения - Каян - Ибан (морской даяк) - Сумма - Религия - Ранний человек и его работы на Суматре - Островитяне Ментави - Яванское и индуистское влияние - Малайзийские алфавиты - Баттас: Культурные каннибалы - Индусы и примитивные выжившие - Ахинеи - Ранние записи - Ислам и индуистские реминисценции - Этнические отношения на Мадагаскаре - Доисторические народы - Океанические иммигранты - Негроидный элемент - Арабский элемент - Однородность языка - Малагасийцы Готамиты - Частичное слияние рас - Тип хова - Черный

элемент из Африки - Психические качества малагасийцев - Распространение христианства - Культура - Малагасийский фольклор - Филиппинские аборигены - Влияние христианского теократического правительства на национальный характер - Социальные группы: индиос, инфилос и морос - малайцы и индонезийцы на Формозе - китайские поселенцы - расовое и языковое родство - Формоза как связующее звено между континентальным и океаническим населением - никобарезе.

Конспект.

Распространение.

Современный ареал. *Индонезия, Филиппины, Формоза, Никобарские острова, Мадагаскар.*

Физические признаки.

Волосы, как у южных монголов, скудные или без бороды. **Цвет кожи** желтоватый или оливково-коричневый, желтый оттенок иногда очень слабый или отсутствует, на Мадагаскаре распространен светлый кожистый оттенок.

Череп брахицефалический или суббрахицефалический (78-85). **Челюсти** слегка выступающие. **Скулы** выдающиеся, но меньше, чем у настоящего монгола. **Нос**, довольно маленький, часто прямой с широкими ноздрями (мезоррин). **Глаза** черные, среднего размера, горизонтальные или слегка косые, часто с монгольской складкой. **Рост** низкий, от 1,52 до 1,65 м. (от 5 футов до 5 футов 5 дюймов). **Губы** толстоватые, слегка выступающие, в состоянии покоя немного раздвинуты. **Руки и ноги** довольно маленькие, стройные и тонкие; **ступни** маленькие.

Психические особенности.

Темперамент. Обычно спокойный, сдержанный и неразговорчивый, , но при волнении подвержен приступам слепой ярости; достаточно интеллигентный, вежливый и церемонный, но неуверенный, недоверчивый и даже вероломный; смелый, авантюрный и безрассудный; музыкальный; не отличается особой жестокостью, хотя равнодушен к физическим страданиям других.

Речь, различные ветви одного основного языка - **австронезийского (океанийского или малайско-полинезийского)**, на разных стадиях агглютинации.

Религия, у примитивных малайцев несколько неразвита - смутный страх перед призраками и другими духами, но обряды и церемонии в основном отсутствуют, хотя человеческие жертвоприношения усопшим имели место на Борнео; культурные малайцы ранее были индуистами (брахманами и буддистами), теперь в основном мусульмане, а на Филиппинах и Мадагаскаре - христиане; повсюду распространена вера в колдовство, чары и заклинания.

Культура первобытных малайцев очень низкая - охота, увечья, распространенные на Борнео; охота, рыболовство; никакого сельского хозяйства; простые искусства и промышленность; мусульманские и христианские малайцы полукцивилизованы; промышленные искусства - ткачество, крашение, гончарное дело, обработка металлов, а также торговля, мореплавание, строительство домов и лодок - хорошо развиты; архитектура, ранее процветавшая на Яве под влиянием индуизма; письмо широко

распространено даже среди некоторых грубых малайцев, но литература и наука зачаточны; богатый устный фольклор.

Основные разделы.

Малайцы (протомалайцы): Лампонги, Реджанги, Батты, Ачине и Палембанги на Суматре; сунданцы, собственно яванцы и мадуресе на Яве; даяки на Борнео; балийцы; сассаки (Ломбок); буги и мангкассары на Целебесе; тагалы, висайцы, биколы, илоканосы и пангасинанесы на Филиппинах; аборигены Формозы; жители Никобарских островов; ховасы, бетсимисараки и сакалавы на Мадагаскаре.

Собственно малайцы (исторические малайцы): Менангкабау (Суматра); Малайский полуостров; Пинанг, Сингапур, Лингга, Бангка; побережье Борнео; Тидор, Тернате; Амбоина; часть архипелага Сулу.

Ареал Океанских монголов.

В Океании, которая в этнических целях начинается у оконечности Малайского полуострова, монгольские народы распространены от Мадагаскара на восток до Формозы и Микронезии, но компактными массами встречаются главным образом на материке, на Зондских островах (Суматра, Ява, Бали, Ломбок, Борнео, Целебес) и на Филиппинах. Даже здесь они во многих местах смешались с другим населением, образовав новые этнические группы, в которых монгольский элемент не всегда заметен. Такие слияния произошли с аборигенами-негрито на Малайском полуострове и Филиппинах; с папуасами в Микронезии, на Флоресе и других островах к востоку от Ломбока; с долихоцефальными индонезийцами на Суматре, Борнео, Целебесе, Хальмахере (Джилоло), части Филиппин^[492], а также, возможно, на Тиморе и Кераме; и с африканскими неграми (банту) на Мадагаскаре. Распутать некоторые из этих расовых переплетений - одна из самых сложных задач в антропологии, и в отсутствие подробной информации пока не везде можно попытаться сделать это с какой-либо перспективой на успех.

Термин "малайцы".

Проблема была значительно, хотя, возможно, и неизбежно осложнена огульным распространением термина "малайцы" на все эти и даже на другие смешанные океанические народы дальше на восток, как, например, в выражении "малайско-полинезийцы", применяемом многими авторами не только в лингвистическом, но и в этническом смысле к большинству островных народов от Мадагаскара до острова Пасхи и от Гавайских островов до Новой Зеландии. Сейчас, конечно, уже поздно надеяться исправить это неправильное использование терминов, предложив новую номенклатуру. Но значительной части последующей путаницы можно будет избежать, если ограничить *малайско-полинезийский*^[493] полностью языковыми вопросами и тщательно различать *индонезийцев*, домалайский долихоцефальный элемент в Океании^[494], *малайцев* или *протомалайцев*, собирательное название всех океанических монголов, которые являются брахицефалами, и *малайцев*, особую ветвь малайской семьи, как полностью объясняется в *Этнологии*, стр. 326-30.^[495]

Исторические малайцы.

Миграции и нынешний ареал.

Важно помнить, что настоящие малайцы, которые называют себя *оранг-малаю*, говорят на стандартном, но вполне современном малайском языке и являются мухаммаданами, - это исторический народ, который появился на сцене в относительно недавние времена, спустя века после того, как островной мир был занят монгольскими народами, на которых распространилось их название, но которые никогда не называли себя малайцами. Оранг-малайцы, которые приобрели столь поразительное преобладание на Восточном архипелаге, первоначально были малоизвестным племенем, пришедшим к власти в районе Менагкабау на Суматре не ранее XII века, и их миграция датируется лишь примерно 1160 годом нашей эры. В это время, согласно местным записям[496], было основано первое иностранное поселение, Сингапур, название на чистом санскрите, означающее "Город Льва", из чего можно сделать вывод, что эти первые поселенцы были не мухаммедами, как принято считать, а брахманами или буддистами - обе эти формы индуизма были распространены на Суматре и других островах Сунда за много веков до этого времени. Примечательно также, что первые поселенцы на материке, как утверждается, были язычниками или исповедовали какую-то развращенную форму индуистского идолопоклонства, пока их не обратил в ислам знаменитый султан Махмуд Шах примерно в середине тринадцатого века. Поэтому достаточно вероятно, что ранние движения происходили под индуистским влиянием и могли начаться задолго до исторической даты 1160 года. Менагкабау, однако, был первым мусульманским государством, которое приобрело политическое господство на Суматре, и этот район стал главным центром последующего распространения культурных малайцев, их языка, обычаев и религии по всему полуострову и архипелагу. Сейчас их можно встретить компактными массами в основном на юге Суматры (Менагкабау, Палембанг, Лампонг); во всех островных группах между Суматрой и Борнео; на Малайском полуострове до самого севера перешейка Кра, где они смешиваются с сиамами как "сам-сам", частично буддисты, частично мухаммадане; вокруг побережья Борнео и в устьях рек этого острова; в Тидоре, Тернате и на прилегающем побережье Джилоло; в группах Банда, Сула и Сулу; в Батавии, Сингапуре и всех других крупных морских портах Архипелага. Таким образом, во всех этих землях за Суматрой оранг-малайцы являются сравнительно недавними переселенцами[497], фактически вторгшимися на территорию других малайских народов, вместе с которыми они составляют океаническую ветвь монгольской группы. Их распространение везде происходило примерно так же, как и на Тернате, где, по словам А. Р. Уоллеса, правящий народ "представляет собой вторгшуюся малайскую расу, несколько родственную макассарцам, которые поселились в стране в очень раннюю эпоху, вытеснили коренных жителей, которые, несомненно, были такими же, как и жители соседнего острова Гилоло, и установили монархию. Возможно, многих своих жен они получили от туземцев, что объясняет необычный язык, на котором они говорят - в некоторых отношениях он близок к языку туземцев Гилоло, но в то же время содержит много указаний на малайское происхождение. Для большинства этих людей малайский язык совершенно непонятен[498]."

Малайцы - два класса; грубые и культурные.

Население Малайзии, в отличие от собственно малайцев, в социальном отношении образует два совершенно различных класса: *оранг бенуа*, "люди земли", грубые аборигены, многочисленные, в частности, во внутренних районах Малайского полуострова, на Борнео, Целебесе, Джилоло, Тиморе, Кераме, Филиппинах, Формозе и Мадагаскаре; и культурные народы, ранее индусы, а теперь в основном мухаммадане, которые уже давно сформировались в крупные общины и народности с историческими документами, процветающими искусствами и промышленностью. Они говорят на культурных языках австронезийской семьи, как правило, гораздо лучше сохранившихся и имеющих более богатую грамматическую структуру, чем упрощенная современная речь оранг-малаю.

Таковы ачинцы, реджанги и пассумахи на Суматре; буги, мангассары и некоторые минахасаны на Целебесе[499]; тагалы и висайцы на Филиппинах; сасаки и балийцы на Ломбоке и Бали (большинство из них по-прежнему индусы); мадуресе и собственно яванцы на Яве; ховасы на Мадагаскаре. Называть кого-либо из них "малайцами"[500], "все равно что называть итальянцев "французами" или немцев "англичанами" из-за их соответствующих романских и тевтонских связей.

Яванцы.

Среди всех малайских народов *яванцы - сунданцы* на западе, *собственно яванцы* в центре, *мадуресе* на востоке - занимают важнейшее положение среди высокоцивилизованных народов, в то время как суматранские малайцы были еще дикарями, возможно, охотниками за головами и каннибалами, как соседние батты. Хотя сейчас они почти исключительно мухаммаданы, они уже приняли индуизм в той или иной форме, вероятно, более 2000 лет назад, и под руководством своих индийских учителей быстро достигли очень высокого уровня культуры. "При полностью организованном, хотя и деспотичном правительстве мирные и военные искусства были доведены до значительного совершенства, а уроженцы Явы прославились на весь Восток как искусные музыканты и мастера по обработке золота, железа и меди, ни один из которых не был найден на самом острове. У них был регулярный календарь с астрономическими эрами и метрическая литература, в которой, однако, история неразрывно сочеталась с романтикой. Бронзовые и каменные надписи на кави, или старом яванском языке, сохранились с одиннадцатого или двенадцатого века, и к этим же датам можно отнести обширные руины Брамбанама и грандиозный храм Боро-Будор в центре острова. В этом храме мало статуй индуистских божеств, но их много в непосредственной близости от него, а из различных археологических предметов, собранных в районе, очевидно, что и буддийская, и брахманическая формы индуизма были введены в ранний период.

"Но все закончилось после свержения главной индуистской власти в 1478 году, после чего ислам быстро распространился по всей Яве и Мадуре. Брахманизм, однако, до сих пор удерживает свои позиции на Бали и Ломбоке, последних оплотах индуизма на Восточном архипелаге[501]."

Балийцы и сасаки.

Примитивные и более поздние религии и культуры.

На неясные религиозные и социальные отношения на этих Малых Сунданских островах много света пролил капитан У. Кул, английский перевод работы которого "*С голландцами на Востоке*" был издан Э. Дж. Тейлором в 1897 году. Здесь показано, как индуизм, ранее господствовавший на большей части Малайзии, постепенно уступил в одних местах возрождению никогда не исчезавшего первобытного поклонения природе, в других - распространению ислама, который только на Бали не смог закрепиться. На этом острове любопытное смешение буддистских и брахманических форм с первобытным язычеством не только сохранилось, но и оказалось достаточно сильным, чтобы приобрести политическое превосходство над сасаками-мусульманами соседнего острова Ломбок. Таким образом, в то время как ислам господствует исключительно на Яве - бывшей главной области индуизма на Архипелаге - Бали, Ломбок и даже Сумбава представляют собой странное зрелище больших общин, исповедующих все формы веры, от грубейшего язычества до чистого монотеизма.

Как я уже отмечал в другом месте[502], то же самое можно сказать о культуре и общих социальных условиях, которые демонстрируют почти непрерывный переход от дикости

Сумбавы к относительной степени утонченности, достигнутой туземцами Ломбока и особенно Бали. Здесь, правда, в силу неблагоприятных политических отношений, в разрушающихся храмах, заросших травой дорогах и запущенных усадьбах заметно ретроградное движение. Но везде достаточно очевидно, что "так же, как индуизм коснулся лишь внешней поверхности их религии, он не смог проникнуть в их социальные институты, которые, как и их боги, происходят из тех времен, когда полинезийское язычество было всесильным[503]."

Индуистские легенды на Бали.

Яркой иллюстрацией живучести ранних верований служат местные предания, рассказывающие о том, как эти чужеземные боги обосновались на Малых Зонданских островах после их изгнания с Явы магометанами в XV веке. Будучи сильно возмущены введением Корана, а также желая избежать контакта с "чужеземными дьяволами", индуистские божества двинулись на восток с намерением установить свой трон на Бали. Но на Бали уже были свои боги, злобные ракшасы, которые яростно возмущались вторжением, но в завязавшейся борьбе были уничтожены, все, кроме все еще царствующего Мраяя Деваны. Тогда новые троны пришлось воздвигнуть на возвышенностях, как на Яве, но в то время на Бали, который был очень плоской страной, не было гор. Поэтому трудность была преодолена путем телесного переноса четырех холмов на восточной оконечности Явы на соседний остров. Гунонг Агонг, самый высокий из четырех, был посажен на востоке и стал Олимпом Бали, в то время как три других были посажены на западе, юге и севере и назначены различным богам в соответствии с их рангами. Таким образом, были сразу объяснены местная теогония и нынешние физические особенности острова.

Бегущий Амок.

Несмотря на спокойный, молчаливый характер, все эти сунданские народы, как и сам оранг-малайю, подвержены внезапным вспышкам демонического безумия и мании убийства, которые они называют *měng-ámok*, а мы - "бег амок". Действительно, А. Р. Уоллес говорит нам, что такие дикие вспышки происходят чаще (примерно одна или две в месяц) среди цивилизованных мангкассаров и бугисов на юге Целебеса, чем в других местах архипелага. "Это национальный и, следовательно, почетный способ самоубийства среди туземцев Целебеса, а также модный способ спасения от трудностей. Римлянин падает на свой меч, японец вспарывает себе живот, а англичанин вышибает себе мозги из пистолета. Бугисский способ имеет много преимуществ для тех, кто склонен к суициду. Человек считает себя обиженным обществом, он в долгах и не может расплатиться, его взяли в рабство или он отдал в рабство свою жену или ребенка, он не видит возможности вернуть потерянное и впадает в отчаяние. Он не хочет мириться с такой жестокой обидой, а хочет отомстить человечеству и умереть как герой. Он хватается за рукоятку криса, а в следующее мгновение выхватывает оружие и вонзает нож в сердце человека. Он бежит дальше, с окровавленным крисом в руке, нанося удары каждому встречному. "Амок! Амок!" - раздается по улицам. Против него выдвигаются копья, крисы, ножи и пистолеты. Он бешено мчится вперед, убивает всех, кого может - мужчин, женщин, детей - и умирает, подавленный числом, среди всеобщего возбуждения битвы[504]."

Болезнь Латы.

Возможно, с этим слепым порывом связано странное нервное заболевание под названием *латах*, которое также распространено среди малайцев и которое впервые четко описал выдающийся малайский ученый сэр Фрэнк Ательстейн Свэттенхэм[505]. До сих пор не было сделано ни одной попытки тщательно диагностировать это странное расстройство[506],

которое, казалось бы, гораздо более характерно для напряженной или расшатанной нервной системы ультрарафинированного европейского общества, чем для этого бесхитростного неискушенного дитя природы, оранга-малайца. Его воздействие на психику таково, что нарушает нормальную работу мозга, и Свэттенхэм упоминает о двух пораженных латой малайцах, которые стали бы восхитительными "субъектами" на сеансе теософских психологов. Любое простое устройство привлекало их внимание, и, просто посмотрев им в лицо, они беспомощно падали в руки оператора, мгновенно теряли всякий самоконтроль и пассивно выполняли любое представление, навязанное устно или даже просто предложенное знаком.

Малайские моряки и мореходы.

Малайцам часто приписывают особый женский темперамент, однако этот океанический народ во многом проявляет родство с обычным англичанином, как, например, в любви к азартным играм, боксу, петушиным боям, полевым видам спорта[507], и приключениям. Нигде не найти более бесстрашных исследователей открытого моря, в прошлом скитальцев и корсаров, а во все времена предприимчивых торговцев, чем малайцы Менангкабау и их ближайшие родственники, знаменитые бугисские "купцы-авантюристы" с юга Целебеса. Их неуклюжие, но мореходные прау встречаются в каждом морском порту от Суматры до островов Ару, и они основали постоянные торговые станции и даже поселения на Борнео, Филиппинах, Тиморе и даже на востоке Новой Гвинеи. Однажды Уоллес отплыл из Доббо в компании с пятнадцатью большими макаassarскими прау, на каждом из которых был груз стоимостью около 1000 фунтов, а поскольку многие буги селятся среди грубых аборигенов восточных островов, они таким образом сотрудничают с суматранскими малайцами в расширении зоны цивилизующего влияния на всю Папуасию.

Раньше они совмещали пиратство с законной торговлей, и еще долго после подавления северо-борнейских корсаров Кеппелем и Бруком внутренние воды продолжали населять, особенно *баджауские* бродяги с Целебеса и *баланьинцы* с архипелага Сулу, самые страшные из всех *оранг-лаутов*, "людей моря", "морских цыган" англичан. Это были "целлаты" (*Orang-Selat*, "люди проливов") ранних португальских писателей, которые описывали их как людей, с незапамятных времен занимавшихся рыболовством и грабежами в открытом море. [508]

Малайзия и Пеласгия - историческая параллель.

В те времена, и даже сравнительно поздно, отношения на Восточном архипелаге сильно напоминали те, что царили в Эгейском море на заре греческой истории, а беспокойное мореходное население все еще находилось в состоянии текучки, переходя с острова на остров в поисках добычи или бартера, прежде чем окончательно обосноваться в благоприятных местах[509]. С философскими изысканиями греческого историка об этих пеласгийских и протоэллинских связях можно сравнить рассказ А. Р. Уоллеса о побережье Батжана, которое он посетил в конце пятидесятих годов. "Напротив нас и вдоль всего побережья Батчана тянется ряд прекрасных островов, совершенно необитаемых. Когда бы я ни спрашивал, почему никто не едет на них жить, ответом всегда было: "Из-за страха перед пиратами Магиндано[510]. Каждый год эти бичи Архипелага странствуют в том или ином направлении, назначая встречу на каком-нибудь необитаемом острове, и несут опустошение всем маленьким поселениям вокруг; грабят, разрушают, убивают или берут плен всех, кто им встречается. Их длинные, хорошо оснащенные праусы уходят от преследования любого парусного судна, удаляясь прямо по ветру, а предупреждающий дым парохода обычно позволяет им скрыться в какой-нибудь мелкой бухте, или узкой реке, или покрытом лесом заливе, пока опасность не минует[511]. " Таким образом, схожее географическое окружение

с соответствующими социальными условиями приводит к схожим результатам во все времена у всех народов.

Малайский фольклор - тигр-зверолов.

Эта фундаментальная истина находит дальнейшее подтверждение в распространенных среди малайцев представлениях о колдовстве, магических искусствах, чарах и заклинаниях, и особенно в вере в способность некоторых злобных человеческих существ превращаться в диких зверей и охотиться на своих собратьев. Подобные суеверия опоясывают земной шар, принимая местную окраску от фауны различных регионов, так что волк средневековой Европы находит свой аналог в человеке-ягуаре Южной Америки, человеческом льве или леопарде Африки[512], и человеческом тигре Малайского полуострова. Хью Клиффорд, рассказывая об известном ему случае, связанном с историей о "тигре" из района Перак, метко замечает, что "белый человек и коричневый, желтый и черный, независимо друг от друга и не получая идеи друг от друга, нашли одно и то же объяснение подобным явлениям, все, очевидно, признавая истинность малайской пословицы, что мы подобны рыбе *таман*, которая охотится на себе подобных[513]". В этой истории речь идет о молодой невесте, муж которой три ночи подряд приходит домой поздно, а на третью, когда за ним следят, обнаруживает его в виде тигра в полный рост, растянувшегося на лестнице, которая, как и во всех малайских домах, ведет от земли к порогу двери. "Патима смотрела на тигра с расстояния всего в фут или два, потому что была слишком парализована страхом, чтобы двигаться или кричать, и пока она смотрела, в существе у ее ног происходило постепенное превращение. Медленно, как рябь от ветра по поверхности неподвижной воды, черты тигра прощупывались и менялись, пока девушка, охваченная ужасом, не увидела, как лицо ее мужа проступает сквозь лицо зверя, подобно тому как лицо ныряльщика всплывает на поверхность бассейна. Еще через мгновение Патима увидела, что это Хаджи Али поднимается по лестнице своего дома, и чары, сковывавшие ее до сих пор, были сняты".

Эти же малайцы из Перака, рассказывает нам Его Высочество Раджа Дрис, до сих пор отличаются многими странными обычаями и суевериями, "полностью противоречащими учению Мухаммада и сильно смахивающими на дьяволопоклонничество". Эта огромная вера в сверхъестественное, возможно, является пережитком доисламского государства[514]."

Борнео.

Мы не знаем, кто был первобытными обитателями Борнео. Можно было бы ожидать найти негритосов во внутренних районах, но, несмотря на утверждение А. де Кватрефажа[515], нельзя не заметить выводов А. Б. Мейера[516], что никаких авторитетных свидетельств их появления нет, а А. К. Хаддон[517] уверенно заявляет, что в Сараваке их нет. Можно было бы предположить, что додравидийский элемент, обнаруженный на Суматре и Целебесе, может встречаться и на Борнео, но единственным признаком такого влияния является "черная кожа", замеченная у некоторых улу-айяр из Верхнего Капуаса в Западном Голландском Борнео[518]. За исключением некоторых народов, таких как европейцы, индийцы, китайцы и оранг-малайцы, чье иностранное происхождение очевидно, население в целом можно считать состоящим из двух основных рас - индонезийской и протомалайской. Вероятно, все племена имеют смешанное происхождение, но некоторые, такие как *муруты*, *дусуны*, *калабиты* и *сухопутные даяки*, больше похожи на индонезийцев, в то время как *ибаны* (*морские даяки*) явно протомалайцы. *Сухопутные даяки*, несомненно, были скрещены с индо-яванцами.

Пунан.

На значительной части джунглей живут кочевники *пунан* и *укит*. Это стройные бледные люди с немного широкой головой. Они объединяются в небольшие общины и обитают в густых джунглях у истоков главных рек Борнео. Они живут тем, что могут найти в джунглях, не обрабатывают землю и не живут в постоянных домах. Их немногочисленные потребности удовлетворяются за счет бартера с дружественными оседлыми народами, или в обмен на железные орудия, бязь, бусы, табак и т.д. они предлагают продукцию джунглей, в основном гутту, индиаруббер, камфору, даммар и ратаны. Это очень мягкие дикари, не охотники за головами, они щедры друг к другу, в меру правдивы, добры к женщинам и очень любят своих детей.

Клемантан.

Бахау-Кения-Каян.

Хоуз и Хэддон ввели термин *клемантан* (*каламатан*) для обозначения слабых земледельческих племен, таких как *муруты*, *калабиты*, *земля даяков*, *себоп*, *бараван*, *миланау* и др.[519] Брук Лоу[520], хорошо знавший ланд-даяков, дает очень благоприятный отзыв об этих людях, и это мнение подтверждают другие путешественники. Их описывают как приветливых, честных, благодарных, нравственных и гостеприимных. Преступления, связанные с насилием, кроме охоты за головами, неизвестны. Круглая *панга* - это "дом, предназначенный для проживания молодых неженатых мужчин, в котором хранятся трофейные головы, и здесь же проходят все церемониальные приемы[521]". *Балой* От-Даном на реке Кахаджан очень похож[522]. Очень энергичная и доминирующая группа *Бахау-Кения-Каян* довольно низкого роста, с немного широкими головами. Они занимают лучшие участки земли, расположенные на волнистых холмах в верховьях рек, между болотистой низиной и горами. Каяны, особенно каяны, почти истребили некоторые из меньших племен. Племена *клемантан* и *кения-каян* занимаются сельским хозяйством. Они вырубают джунгли на невысоких холмах, примыкающих к притокам больших рек, но всегда оставляют несколько разрозненных деревьев; ирригацией занимаются только *калабиты*, поскольку рис *пади* выращивается, как и другие злаки, на сухой земле; болотный *пади* также выращивается на низменных участках. На своих огородах они выращивают ямс, тыквы, сахарный тростник, бананы, иногда кокосы и другие продукты. Они охотятся на всех сухопутных животных, которые служат им пищей, и ловят рыбу, обычно сетями, в реках или копьем рыбу, одурманенную *тубой*; речные креветки также являются излюбленным продуктом питания.

Все они живут в длинных общинных домах, расположенных на берегах рек. Среди племен *клемантанов* староста не имеет большого влияния, если только он не человек исключительной силы и энергии, но среди более крупных племен, особенно среди *кайянов* и *кения*, старосты являются настоящими вождями и пользуются неоспоримой властью. *Кения*, возможно, наиболее продвинутые в социальной эволюции, держатся за счет превосходной солидарности и интеллекта против беспокойных *кайянов*.

Все земледельческие племена артистичны, но в разной степени; они также музыкальны и поют восхитительные хоровые песни. В некоторых племенах на концах балок домов вырезаны изображения различных животных, в других веранды украшены смелыми резными досками или расписными досками и дверями. Бамбуковые сосуды, вырезанные с низким рельефом, костяные рукоятки их мечей и мелкие предметы повседневной жизни украшены таким образом, что в них проявляется истинный художественный дух. И *кенийцы*, и *кайяны* выплавляют железо и делают наконечники копий и лезвия мечей, причем первые особенно

славятся хорошей сталью. Кузница с двумя мехи - форма, широко распространенная в Малайзии.

Ибан (морские даяки).

Жестокие *ибаны* (*морские даяки*) распространились с ограниченной территории в Сараваке[523]. Они невысокого роста и с более широкими головами, чем у других племен; цвет кожи в целом темнее, чем у племен, живущих в глубине острова. У них такие же длинные, слегка волнистые, черные волосы с красноватым оттенком при определенном освещении, что характерно для борнейцев в целом. Большинство ибанов населяют низменные земли; они предпочитают жить на невысоких холмах, но поскольку это не всегда возможно, они сажают *пади* на болотах; все те, кто селится в верховьях рек, сажают *пади* на холмах так же, как и аборигены, живущие выше по реке. Они также выращивают кукурузу, сахарный тростник, сладкий картофель, тыквы, тыквы, огурцы, дыни, горчицу, имбирь и другие овощи. Как правило, на полях они работают вместе. Хотя по своей сути они занимаются сельским хозяйством, они воинственны и страстно преданы охоте за головами. Ибаны из Батанг Лупар и Сарибас в былые времена присоединялись к малайцам на своих больших военных праусах в пиратских набегах вдоль побережья и вверх по некоторым рекам, и этой практике они обязаны своим названием "морские даяки". Набеги организовывали малайцы, которые отправлялись за грабежом, но они всегда могли заручиться помощью ибанов, подкупая их головами убитых в качестве своей доли. Женщины Ибан ткут красивые хлопчатобумажные ткани на очень простом ткацком станке. Замысловатые узоры получаются путем перевязывания нескольких нитей основы листьями через разные промежутки, а затем окунация всего полотна в краску, которая не проникает в перевязанные части. Этот процесс повторяют, если хотят получить трехцветный узор. Узор создается исключительно на основе, нити мотка самоокрашиваются и не видны в ткани, которая, таким образом, представляет собой хлопчатобумажный репс. Среди женщин ибанов мало татуировок, хотя мужчины переняли этот обычай у кайанов.

Вполне вероятно, что ибаны принадлежат к тому же роду, что и малайцы, и если это так, то их миграцию можно считать первой волной движения, которое привело к созданию Малайской империи. Малайцы пришли на Борнео не позднее начала пятнадцатого века, поскольку в 1521 году Бруней был крупным и богатым городом. Вероятно, малайцы пришли непосредственно с Малайского полуострова, но они должны были в значительной степени смешаться с *кадаянами*, *миланау* и другими прибрежными народами. Малайцы Саравака и Брунея, вероятно, в основном прибрежные борнейцы с некоторой примесью малайской крови, но они впитали в себя малайскую культуру, дух и религию.

Резюме.

С социологической точки зрения пунаны, живущие за счет погони и эксплуатации продукции джунглей, представляют собой низший уровень культуры на Борнео. Без социальной организации они не способны ни к реальному эндемическому улучшению, ни к серьезному влиянию на другие народы. Чисто сельскохозяйственные племена, выращивающие *пади* на невысоких холмах или в болотах, образуют следующий социальный слой. Этим коренным землепашцам пришлось несладко от различных наплывов чужеземцев.

Кенийско-кайанская миграция была миграцией людей с несколько более высоким уровнем культуры. Они занимались сельским хозяйством, но их социальная организация была более крепкой, а телосложение, вероятно, выше. Если бы они ввели железное оружие, это дало бы им огромное преимущество. Эти иммигранты-земледельцы, руководимые могущественными вождями, без труда завладевали самыми желанными землями.

С противоположной точки компаса в ранние времена пришел другой земледельческий народ, который, как ни странно, имеет сильные индивидуалистические тенденции, обычно мирные привычки земледельцев были осложнены жаждой голов и другими воинственными наклонностями. Но ибаны, похоже, не добились больших успехов в борьбе с кения и кайянами. Завоевание предполагает наличие сильного лидера, повиновение власти и согласованные действия. Ибаны кажутся грозными только тогда, когда ими руководят и организуют европейцы.

Малайцы относились к более высокому социальному типу. Его политическая организация была хорошо налажена, и у него было преимущество религиозного энтузиазма, ведь ислам сыграл немалую роль в экспансии малайцев. Он - торговец, а еще больше эксплуататор, в его характере присутствует спортивный элемент, не совсем совместимый с устойчивой торговлей. Затем на сцене появился англосаксонский владыка. Качества твердости в сочетании со справедливостью дали о себе знать. Временами низшие социальные слои бросались на инструмент, который был выкован и закален в аналогичной суматохе иберов, кельтов, англов и викингов в Северной Европе, но тщетно. Теперь они признают, что безопасность жизни и собственности и почти полная свобода полностью стоят той небольшой цены, которую им приходится за них платить .[524]

Религия.

На Борнео распространен культ животных-знамений, чаще всего птиц. Они наделены духом неких невидимых существ, носят их имена и призываются для обеспечения хорошего урожая, отсутствия несчастных случаев, победы в войне, прибыли в обмене, умения вести беседу и ловкости во всех местных ремеслах. Ибаны верят в *нгаронгов*, или духов-помощников, несколько напоминающих *маниту* из Северной Америки. *Нгаронг* - это дух умершего родственника, который посещает сновидца, который после этого ищет внешний и видимый знак своего духовного покровителя и находит его в какой-то форме, возможно, в виде природного объекта или какого-то животного, которое отныне пользуется особым уважением .[525]

Ранний человек и его работы на Суматре.

Жители острова Ментави.

На Суматре встречаются остатки индуистских храмов ,[526] , а также другие загадочные памятники в землях Пассума вглубь от Бенкулена, реликты прежней культуры, восходящей к доисторическим временам. Они имеют форму огромных монолитов, грубо обтесанных по подобию человеческих фигур, со странными чертами, сильно отличающимися от малайских или индуистских типов. Нынешние уроженцы района Сарави, которые были бы совершенно неспособны выполнить такие работы, ничего не знают об их происхождении и приписывают их неким легендарным существам, которые раньше бродили по земле, превращая всех своих врагов в камень. Дальнейшие исследования, возможно, обнаружат какую-то связь между этими реликвиями забытого прошлого и многочисленными доисторическими памятниками острова Пасхи и других мест в Тихом океане. Из всех индонезийских народов, до сих пор сохранившихся в Малайзии, ни один не имеет столько точек соприкосновения с восточными полинезийцами, как аборигены островов Ментави, огибающих юго-западное побережье Суматры. "При ближайшем рассмотрении жителей внимательный наблюдатель сразу же понимает, что аборигены Ментави имеют мало общего с народами и племенами соседних островов, а в том, что касается внешнего вида, речи, обычаев и нравов, они почти полностью обособлены. Они несут на себе столь явную печать полинезийского племени, что гораздо больше хочется сравнить их с жителями островов Южных морей[527] ."

Яванское и индуистское влияние.

Индийское происхождение малайзийских алфавитов.

Выживание индонезийской группы на западной границе Малайзии тем более примечательно, что жители острова *Ниас*, расположенного чуть дальше к северу, имеют монгольское происхождение, как и большинство, если не все жители материковой части Суматры. Здесь типичные малайцы центральных районов (Менангкабау, Коринчи и Сиак) сливаются на юге со смешанными малайско-яванскими народами районов *Реджанг*, *Палембанг* и *Лампонг*. Хотя мухаммедане, вероятно, с XIII века, все эти народы рано попали под индуистское влияние миссионеров и даже переселенцев с Явы, и это влияние до сих пор заметно во многих обычаях, народных традициях, языке и письме южносуматранских оседлых общин. Так, лампонги, несмотря на то, что исповедуют ислам, используют не арабские знаки, как собственно малайцы, а шрифт, заимствованный из своеобразной яванской письменности. Сама эта система, первоначально завезенная из Индии, вероятно, более 2000 лет назад, основана на некоторых ранних формах деванагари, например, на наскальных надписях знаменитого буддийского царя Ас'оки (III век до н. э.)^[528]. С острова Ява, который, как теперь не вызывает сомнений, является истинным центром распространения^[529], родоначальный алфавит под индуистским влиянием распространился в домухаммадовские времена по всей Малайзии, от Суматры до Филиппин.

Но тонко распространенная индо-яванская культура, в немногих местах проникающая далеко под поверхность, получила грубый удар от магометанского вторжения, ее естественное развитие было почти повсеместно задержано, либо вытеснено или вытеснено исламом. На Борнео больше нельзя обнаружить никаких следов графических знаков, где аборигены сохранили дикарское состояние даже в тех южных районах, где буддизм или брахманизм, несомненно, распространялись задолго до прибытия малайцев-мухаммеданцев. Но в других местах яванский алфавит проявил необычайную жизнеспособность, сохраняясь в различных формах до наших дней не только среди полуцивилизованных народов-мусульман, таких как суматранские реджанги^[530], коринчи и лампонги, Бугис и Мангкасары на Целебесе, а также (теперь уже христианские) тагалы и висайцы на Филиппинах, но даже среди несколько грубых и языческих туземцев Палавана, диких мангуанцев Миндоро и каннибалов Баттас^[531] Северной Суматры.

Батты - культурные каннибалы.

Этих баттов, несмотря на их несомненный каннибализм^[532], нельзя назвать дикарями, по крайней мере, без некоторой оговорки. Они умело разводят скот и занимаются сельским хозяйством, выращивая прекрасные урожаи кукурузы и риса; они живут большими оседлыми общинами с организованным правительством, наследственными вождями, народными собраниями, письменным гражданским и уголовным кодексом. Существует даже эффективная почтовая система, которая использует для почтовых ящиков дуплистые стволы деревьев на всех перекрестках, и которой в значительной степени покровительствуют молодые мужчины и женщины, все из которых читают и пишут, и ведут оживленную переписку на своем деградировавшем шрифте деванагари, который написан на пальмовых листьях вертикальными линиями, идущими вверх и справа налево. Батты также преуспели в нескольких отраслях промышленности, таких как гончарное дело, ткачество, ювелирное дело, работа с железом и домостроение. Их живописные жилища, напоминающие швейцарские шале, возвышаются на два этажа над первым этажом, предназначенным для скота. Этим искусством они, несомненно, во многом обязаны своим индуистским учителям, от которых они также унаследовали некоторые из своих религиозных идей, таких как

триединое божество - Создатель, Хранитель и Разрушитель - помимо других низших божеств, называемых в совокупности *diebata*, модифицированная форма индийского *devatē* .[533]

Каннибализм.

В странном контрасте с этими остатками чужой культуры, которая, вероятно, никогда не пускала глубоких корней, стоят дикие остатки еще более древних времен. Среди них выделяются каннибальские обычаи, которые если и не стали повсеместными, то все же принимают некоторые особенно отвратительные формы. Так, пленников и преступников при определенных обстоятельствах приговаривали к поеданию живьем, та же участь уготована и тем, кто не способен работать по возрасту или немощи. Когда наступало время, рассказывают первые европейские наблюдатели и арабы, "деды" добровольно подвешивали себя за руки к нависающей ветке, а друзья и соседи танцевали вокруг, выкрикивая: "Когда плод созревает, он падает". И когда он падал, то есть как только он переставал держаться, компания набрасывалась на него со своими крисами, разрывая его на куски и пожирая остатки, приправленные соком лайма, поскольку такие пиры обычно устраивались, когда лаймы были спелыми .[534]

Ахинея.

Ранние записи.

Сгруппировавшись в основном вокруг озера Тоба, батты занимают очень обширные владения, простирающиеся на юг примерно до параллели горы Офир и граничащие на севере с территорией народа ачин. Эти доблестные туземцы, которые до недавнего времени упорно отстаивали свою политическую независимость от голландцев, в свое время также были индуизированы, о чем свидетельствуют многие их традиции, их малайский язык, в котором много санскритских терминов, и даже их внешность, свидетельствующая о значительной примеси индуистской и арабской крови. Вместе с арабскими торговцами и поселенцами пришел Коран, и с конца двенадцатого века ачинцы не были слишком ревностными последователями Пророка. Мухаммеданское государство, основанное в 1205 году, заняло доминирующее положение на архипелаге в начале XVI века, когда оно управляло примерно половиной Суматры, взимало дань со многих вассальных князей, содержало мощное сухопутное и морское вооружение и вступило в политические и торговые отношения с Египтом, Японией и несколькими европейскими государствами.

Исламские и индуистские реминисценции.

Существуют две несколько отличные друг от друга этнические группы: *оранг-тунонг* с возвышенностей, сравнительно однородный малайский народ, и смешанные *оранг-барух* с низменностей, которые, по описанию А. Лубберса[535], выше среднего малайца (5 футов 5 или 6 дюймов.), также менее круглоголовые (индекс 80,5), с выдающимся носом, довольно правильными чертами лица и мускулистым каркасом; но цвет лица темнее, чем у *оранг-малайцев*, что объясняется большим вливанием дравидийской крови (клингов и тамулов) из Южной Индии. Обвинения в жестокости и вероломстве, выдвинутые против них голландцами, можно воспринимать с некоторой долей осторожности: такие термины, как "патриот" и "мятежник", взаимозаменяемы в зависимости от того, с какой точки зрения их рассматривать. В любом случае никто не отрицает в них добродетели доблести и любви к свободе, с которыми связаны трудолюбие и удивительная способность к таким ремеслам,

как обработка металлов, ювелирное дело, ткачество и кораблестроение. Ачинцы не кажутся очень строгими мухаммеданами; полигамия практикуется редко, их женщины могут свободно выезжать за границу без одежды, не обрекая себя на уединение в гареме, а приятным наследием буддийских времен является *Кандури* - торжественный пир, в котором разрешено участвовать беднякам. Еще одним отголоском индуистской философии, возможно, стал всплеск религиозного пыла, принявший форму пантеистического вероучения и так рьяно проповедовавшийся, что его пришлось огнем и мечом искоренять господствующим мусульманам-монотеистам .[536]

Этнические отношения на Мадагаскаре.

После оккупации Мадагаскара французами малагасийская проблема, естественно, оживилась. Но можно сожалеть, что столько времени и таланта было потрачено на несколько проработанный вопрос рядом авторов, которые не взяли на себя труд сначала ознакомиться с литературой по этому вопросу.

Доисторические народы.

Какой расой был впервые заселен Мадагаскар, сказать уже невозможно. Местные сообщения или традиции первобытных народов, вымерших или все еще сохранившихся во внутренних районах, относятся скорее к сфере малагасийского фольклора, чем к этнологическим исследованиям. В этих сообщениях часто упоминаются *кимосы*, которые, как говорят, сейчас или раньше живут в стране Бара, и *вазимба*, которые, как предполагают некоторые, были галласами (*Ба-Симба*) - хотя они не знали железа - чьи могилы, как предполагается, представляют собой некие монолитные памятники, имеющие форму менгиров, расположенных кругами, и которые, как считают нынешние жители этих земель, все еще преследуются злыми духами, то есть призраками давно вымерших *вазимбасов*.

Океанские иммигранты.

Негроидный элемент.

Путаницы в этнических отношениях можно избежать, если иметь в виду несколько моментов (хорошо изложенных Т. А. Джойсом[537]). Большая часть населения - негроиды; язык, на котором говорят на всем острове, и многие институты и обычаи - малайско-полинезийские. Небольшая часть (*Antimerina*, обычно называемая *Novas*), составляющая доминирующий народ в XIX веке, имеет довольно чистую малайскую (или яванскую) кровь, но состоит из иммигрантов XVI века, в то время как язык принадлежит к очень ранней ветви малайско-полинезийской (австронезийской) семьи. Естественно предположить, что негроидный элемент был африканским[538], поскольку в более поздние времена арабы и другие рабовладельцы привозили большое количество африканцев; но против этой точки зрения есть несколько возражений. Во-первых, аборигены соседнего побережья не являются моряками, а плавание на Мадагаскар сопряжено с особыми трудностями из-за сильных течений. Во-вторых, кажется невозможным, чтобы первые жители, если предположить, что они были африканцами, отказались от своего родного языка в пользу языка, привнесенного небольшим меньшинством иммигрантов; те немногие слова банту, которые встречаются на Мадагаскаре, вполне могли быть переняты от рабов. В-третьих, культура не имеет ярко выраженных африканских черт, а гораздо больше похожа на культуру Юго-Восточной Азии. Поэтому есть много аргументов в пользу мнения, что самыми первыми и негроидными обитателями Мадагаскара были океанические негроиды, которые всегда были известны как опытные моряки.

Арабский элемент.

С момента появления негроидного населения, которое, вероятно, появилось очень рано, различные небольшие группы иммигрантов или кастово высаживались на берегах Мадагаскара и навязывали себя в качестве правящих династий окрестным деревням, каждая из которых таким образом формировала ядро того, что сейчас представляется как племя. Среди них были переселенцы из Аравии, и Дж. Т. Ласт, который отождествляет Мадагаскар с островом *Менутиас*, описанным Аррианом в III веке н. э. [539], предполагает "возможность того, что Мадагаскар мог быть достигнут арабами до христианской эры". Эта "возможность" превращается почти в уверенность благодаря анализу арабо-малагасийских терминов, проведенному Дале, который ясно показывает, что таких терминов "сравнительно очень мало", а также они "очень древние", более того, как уже предполагал Флейшер из Лейпцига, многие, возможно, большинство из них, "могут быть прослежены до химьяритского влияния [540]", то есть не просто до мухаммеданских, а до христианских времен, как и санскритские элементы в океанических языках.

Единообразие языка.

Доказательства того, что малагасийский язык сам по себе является одним из этих океанических языков, а не ответвлением сравнительно недавнего стандартного малайского, просто ошеломляют, и нет необходимости задерживать нас здесь [541]. Распространение этого австронезийского языка по всему острову - даже среди явно негроидных популяций банту, таких как бетсилео и таналас, до абсолютного исключения всех других форм речи, - это необыкновенный лингвистический феномен, который легче доказать, чем объяснить. Конечно, существуют провинциализмы и даже то, что можно назвать местными диалектами, как, например, у народа антанкарана на северной оконечности острова, который, хотя обычно включается в большую группу западных сакалава, на самом деле образует отдельную этническую группу, говорящую на несколько выраженной разновидности малагасийского языка. Но даже это отличается от нормальной формы гораздо меньше, чем можно предположить, сравнив, например, такой термин, как *maso-mahama*, солнце, с хова *maso-andro*, где *maso* в обоих случаях означает "глаз", *mahama* в в обоих случаях = "горение", а *andro* в обоих случаях = "день". Таким образом, разница лишь в том, что одни называют солнце "горящим глазом", а хова называют его "дневным глазом", как и многие народы Малайзии. [542]

Малагасийские готамиты.

Так же и рыбацкие *анорохоро*, ветвь *сиханаков* в долине Алаотры, как говорят, имеют "совершенно отличный от них диалект [543]". Но к этому утверждению не стоит относиться слишком серьезно, поскольку эти деревенские рыбаки, которых можно назвать готами Мадагаскара, по мнению их презрительных соседей, делают все "наоборот". О них рассказывают, что однажды при приготовлении яиц они варили их несколько часов, чтобы они стали мягкими, а потом, обнаружив, что они становятся все тверже и тверже, выбросили их как непригодные для еды. Другие, имея только одного раба, который не мог нормально грести на каноэ, разрезали его на две части, поставив одну половину на нос, а другую на корму, и были удивлены результатом. Не стоило ожидать, что такие простаки будут правильно говорить на малагасийском языке, на котором, тем не менее, с удивительным единообразием говорят все малайцы и негры или негроидные народы в равной степени.

Частичное слияние малайской и негроидной расы.

На Мадагаскаре, однако, слияние двух рас гораздо менее полное, чем принято считать. Различные оттенки перехода между двумя крайностями, несомненно, представлены *сакалавами* на западе, *бетсимисараками*, *ситанаками* и другими на восточном побережье. Но, как ни странно, на центральном плоскогорье эти два вида, кажется, почти полностью отделены друг от друга, так что здесь политически доминирующие хова все еще представляют все основные характеристики океанического монгола, в то время как их южные соседи, *бетсileo*, а также *таналы* и *ибары*, описываются как "чистые и простые африканцы, связанные с юго-восточными племенами этого континента[544]."

Особенно примечателен рассказ внимательного наблюдателя Г. А. Шоу о бетсileo, чей "средний рост не ниже шести футов у мужчин и на несколько дюймов меньше у женщин. Они крупнокостные и мускулистые, а их цвет кожи на несколько градусов темнее, чем у ховасов, приближаясь к черному. Лоб низкий и широкий, нос более плоский, а губы толще, чем у их завоевателей, а волосы *неизменно* хрустящие и шерстяные. Ни один чистый бетсileo не может похвастаться гладкими длинными волосами, как у ховасов. В этом, как и в других пунктах, наблюдается очень явное отклонение от малайского типа и близкое сближение с негритянскими расами соседнего континента[545]."

Тип Хова.

Теперь сравните этих мускулистых негроидных гигантов с жилистыми низкорослыми малайскими хова. По описанию А. Вушера[546], их тип очень напоминает яванский - низкий рост, желтоватый или светлый цвет кожи, длинные, черные, гладкие и довольно грубые волосы, круглая голова (85,25), плоский и прямой лоб, плоское лицо, выдающиеся скулы, небольшой прямой нос, довольно широкие ноздри, маленькие черные и слегка косые глаза, довольно толстые губы, стройная фигура, маленькие конечности, тупое беспокойное выражение лица, объем черепа 1516 см³, превосходящий как негров, так и сакалава.[547]

Черный элемент из Африки.

За исключением такого большого объема черепа, измерения трех малагасийских черепов в Анатомическом музее Кембриджского университета, изученные В. Л. Х. Даквортом[548], довольно хорошо соответствуют этим описаниям. Так, цефалический индекс предполагаемого бетсимисарака (негроида) и бетсileo (негра) составляет соответственно 71 и 72,4, а у хова - 82,1; первые два, следовательно, длинноголовые, третий - круглоголовый, как и следовало ожидать. Но кубическая емкость хова (предположительно монголоида) составляет всего 1315, по сравнению с 1450 и 1480 у двух других, предположительно африканских негров. Дакворт обсуждает вопрос о том, какого происхождения чернокожий элемент на Мадагаскаре - африканского или океанического (меланезийско-папуасского), по поводу которого до сих пор существует множество различных мнений, и на основании имеющихся немногочисленных черепных образцов решает его в пользу африканского.

Психические качества малагасийцев.

Распространение христианства.

Несмотря на малую кубическую емкость хова Дакворта, умственные способности этих людей, да и малагасийцев в целом, далеко не презренны. До французской оккупации Лондонскому миссионерскому обществу удалось распространить христианские принципы и даже некоторую степень культуры среди значительного числа людей как в столице Хова, так и в прилегающих районах. Местная пресса поддерживалась местными композиторами, которые издавали довольно обширную литературу как на малагасийском, так и на

английском языках. Были усовершенствованы методы ведения сельского хозяйства и промышленности, предприняты некоторые инженерные работы, а мастера Хоа научились строить, но не достраивать дома в европейском стиле, поскольку, хотя они и освоили европейские технологии, им не удалось, хотя они и были христианами, избавиться от старых суеверий, одно из которых гласит, что владелец дома всегда умирает в течение года после его завершения. Поэтому долголетие обеспечивается тем, что дом не достраивается, в результате чего весь город выглядит недостроенным или обветшалым. В доме, где остановилась миссис Колвилл, "одно окно было обрамлено и застеклено, другое заколочено грубыми досками; часть лестничных перил не имела верхней перекладины; снаружи только часть крыши была покрыта черепицей; и так далее по всему дому[549] ."

Культура.

Культура была кратко описана Т. А. Джойсом[550] . Одежда полностью растительная, малайский *саронг* распространен на востоке страны, а корявая ткань - на юго-востоке и западе. Прически значительно варьируются, а у бара и сакалава часто бывают сложными. Среди антимеринов и некоторых других восточных племен встречаются серебряные украшения, сделанные в основном из европейских монет шестнадцатого века. Обрезание является всеобщим. На востоке племена занимаются в основном сельским хозяйством, на севере, западе и юге - скотоводством. Среди племен, живущих на побережье, озере или реке, большое значение имеет рыболовство. Все дома прямоугольные, в некоторых местах встречаются свайные жилища. Рис - основная культура, а скот - горбатый. Антимерины превосходят остальных во всех ремеслах. Хорошо развиты ткачество, плетение (плетеные изделия) и обработка железа; говорят, что до сравнительно недавнего времени использование железа было неизвестно Бара и Вазимбе. Гончарное дело развито плохо. Резьба в круге (люди и животные) встречается у сакалава и бара, в рельефе (арабески и т. д.) - у бетсилео и других. До появления огнестрельного оружия универсальным оружием было копье; луки встречаются редко и, возможно, появились поздно; встречаются также рогатки и духовое ружье. Щиты круглые, сделаны из дерева, покрытого шкурой. Ранняя система управления была патриархальной, а деревни - независимыми; более поздние переселенцы ввели систему феодальной монархии с собственной правящей кастой. Таким образом, у антимеринов есть три основные касты: *андрианы*, или дворяне (*то есть* чистокровные потомки завоевателей), *хова*, или свободные (потомки инкорпорированных вазимбов, более или менее смешанные с завоевателями), и *андево*, или рабы. Король считался почти богом. В малайско-полинезийской социологии прослеживается институт *фади* или табу, который проникает во все сферы человеческой деятельности. Неопределенный бог-создатель признавался, но более важными были многочисленные духи и фетиши, последние имели определенные функции. Признаки поклонения деревьям и веры в переселение носят спорадический характер. В настоящее время половина населения острова, по крайней мере номинально, исповедует христианство.

Малагасийский фольклор.

Немало фантазии проявляется в устной литературе, включающей в себя истории или, по крайней мере, легенды, басни, песни, загадки и огромную массу фольклора, большая часть которого уже спасена от забвения "Малагасийским фольклорным обществом". Некоторые из этих историй представляют собой обычные аналогии с другими историями в широко разделенных странах, которые, кажется, являются вечными и всплывают везде, где поверхность немного потревожена исследователями. Одну из них в обширной коллекции Дале, озаглавленную "История Андрианарисаинабониамасобониаманоро", можно описать как вариант нашей "Красавицы и Чудовища". Кроме принца с длинным именем, называемого

Бониа "для краткости", есть принцесса "Золотая красавица", обе они чудесного происхождения, но последняя была калекой и уродливой, пока ее не нашел и не женился на ней Бониа. Затем она так преображается, что "Чудовище" пленяется и пытается унести ее с собой. Далее следует череда необыкновенных приключений, которые, конечно же, заканчиваются спасением Золотой Красавицы Боней, когда все заканчивается счастливо не только для влюбленных, но и для всех остальных людей, чьи жены также были похищены. Теперь они возвращаются к своим мужьям благодаря герою, который побеждает и убивает чудовище в жестокой схватке, как в наших детских сказках о рыцарях и драконах.

Филиппинские аборигены.

На Филиппинах, где этническая путаница, вероятно, больше, чем в любой другой части Малайзии, большая часть жителей, по-видимому, принадлежит к индонезийскому и протомалайскому происхождению. За исключением южного острова Минданао, который до сих пор остается преимущественно магометанским или языческим, большинство оседлого населения уже давно является номинальными римскими католиками под управлением любопытной теократической администрации, в которой истинными правителями являются не гражданские чиновники, а священники, и особенно штатные священнослужители^[551]. Одним из результатов стали более трех веков нестабильных политических и социальных отношений, закончившихся оккупацией архипелага Соединенными Штатами (1898). Другим результатом, который нас больше интересует, стала такая трансформация тонкого малайского характера, что те, кто дольше всех прожил среди туземцев, называют их темперамент непостижимым. Вынужденные внешне подчиняться многочисленным христианским обрядам, они ищут облегчения двумя способами: во-первых, максимально используя католический церемониал и превращая многочисленные праздники календаря в поводы для веселья и разгула, к которым попустительски относятся падре^[552]; во-вторых, тайно лелея старые верования и маскируя свои истинные чувства, пока не представится возможность сбросить маску и предстать в своем истинном обличье. Один францисканский монах, проведенный среди них полжизни, записал, что "туземец - это непостижимое явление, чей образ мыслей и мотивы действий никогда не были и, возможно, никогда не будут открыты. Туземец может удовлетворительно служить хозяину годами, а затем внезапно скрыться или совершить какое-нибудь ужасное преступление, например, сговориться с бандой разбойников, чтобы убить семью и разграбить дом^[553]".

На самом деле никто никогда не может сказать, что сделает тагал, а особенно висайя, в тот или иной момент. Его характер - это череда сюрпризов; "опыт каждого года заставляет делать новые выводы, и самое точное определение такого калейдоскопического существа, в конце концов, гипотетично".

После столетий господства неудивительно, что между туземцами и белыми не возникло никакой симпатии. Форман рассказывает, что повсюду на архипелаге он видел, как матери учили своих малышей смотреть на белых правителей как на демонических существ, злых духов или, по крайней мере, на то, чего следует бояться. "Если ребенок плачет, его заглушают восклицанием *"Кастила!"* (испанец); если белый человек приближается к жилищу туземцев, всегда звучит *"Кастила!"*, и дети спешат отступить от страшного объекта".

Три социальные группы.

Индиос.

Для административных целей туземцы были разделены на три социальные группы - *индиос*, *инфиле* и *морос*, что, как метко заметил Ф. Х. Х. Гийемар, является "скорее церковной, чем

научной классификацией[554]. "Индиос - это христианизированное и более или менее культурное население всех городов и оседлых сельскохозяйственных районов, говорящее на отдельном малайско-полинезийском языке гораздо более архаичного типа, чем стандартный малайский. Согласно переписи 1903 года, общая численность населения островов составляла 7 635 428 человек, из которых почти 7 000 000 были отнесены к цивилизованному, а остальные - к диким, включая 23 000 негритосов (*Аэта*, см. с. 156). Во времена испанской оккупации в XVI веке *висайцы* на центральных островах и часть Минданао были самыми развитыми среди местных племен, но теперь на это отличие претендуют *тагалы*, которые составляют основную часть населения Манилы и других частей Лусона, а также Минданао, и чей язык постепенно вытесняет другие диалекты на всем архипелаге. Другие цивилизованные племена - *илокано*, *бикол*, *пангасинан*, *пампанган* и *кагаян*, все на Лусоне. Менее цивилизованные племена - *манобо*, *мандайя*, *субано* и *багобо* на Минданао, *букиднон* на Минданао и центральных островах, *тагбануа* и *батак* на Палаване, *игороты* на Лусоне, некоторые из которых являются трудолюбивыми фермерами, а среди других до сих пор распространена охота за головами. Они были описаны А. Е. Дженксом в монографии[555]. Форма головы очень изменчива. Из 32 мужчин, измеренных Дженксом, крайние значения цефалического индекса составили 91,48 и 67,48. Рост всегда низкий, в среднем 1,62 м. (5 футов 4 дюйма), но может показаться, что рост больше. Волосы черные, прямые, длинные, грубые и обильные, но "я сомневаюсь, что сегодня на архипелаге существует целое племя совершенно прямоволосых первобытных малайцев[556]."

Моросы.

К моросам ("маврам") относятся исключительно мухаммедане, часть которых - малайцы (в основном на Минданао, Басилане и Палаване), часть - истинные малайцы (в основном на архипелаге Сулу). Многие из них все еще независимы, а некоторые, если и не совсем дикие, то уж точно мало чем отличаются от дикарей. Тем не менее, как и суматранские батты, они владеют письмом: сулуанцы пользуются арабской графикой, как и все оранг-малаю, а аборигены Палавана используют вариант прототипа деванагари, заимствованный непосредственно у яванцев, как уже объяснялось выше. Их численность составляет около 280 000 человек, из которых более половины проживают на Минданао, и они составляют основную часть населения некоторых островов архипелага Сулу.

Некоторые из этих сулу, до недавнего времени свирепые морские разбойники, время от времени принимают крещение; но, по словам Формана, "они оказались такими же христианами, как я - мусульманами[557]". Гаремы у них все те же, а на вопрос, сколько богов существует, они отвечают "четыре", предположительно Аллах плюс Афанасьевская Троица. Так ба-фиоты Анголы добавили распятие в свой "уголовный кодекс", так во времена короля Мтесы баганда неукоснительно соблюдала два еженедельных праздника - мусульманскую пятницу и христианское воскресенье. Возвышенные верования, слишком быстро наложенные на примитивные верования, склонны к "смешению"; им нужно время, чтобы ассимилироваться.

Малайцы и индонезийцы на Формозе.

Китайские поселенцы.

То, что в аборигенах Формозы представлены как монгольские (протомалайские), так и индонезийские элементы, теперь, вероятно, можно принять как установленный факт. Давние сообщения о негритосах, как и о филиппинских *аэта*, так и не подтвердились и могут быть исключены из рассмотрения. Вероятно, пять шестых всего населения - это китайские иммигранты, среди которых большое количество хакков и хок-ло из провинций Фо-Киен и

Кванг-Тунг[558] . Они занимают всю возделываемую западную низменность, которую с этнологической точки зрения можно рассматривать как приморский форпост материкового Китая. Остальная часть острова, то есть центральное нагорье и обрывистые восточные склоны, также может рассматриваться как северо-восточный форпост Малайзии, где живут почти исключительно индонезийские и малайские аборигены из Малайзии (особенно с Филиппин), а также, возможно, некоторые ранние переселенцы из Полинезии и с севера (Япония). Китайские поселенцы, по своему обыкновению, разделили всех на три социальные группы: - 1.

1. *Пепохваны* на равнинах, которых хотя и называют "варварами", но они ведут оседлый образ жизни, занимаются сельским хозяйством и вполне цивилизованы, как и их китайские соседи, с которыми они постепенно сливаются в одну этническую группу. Пепохваны описываются П. Ибисом как прекрасная раса, очень высокая и "фетишисты", хотя таинственные обряды остаются за женщинами. Их национальные праздники, танцы и другие обычаи напоминают микронезийцев и полинезийцев. Поэтому, возможно, их можно считать ранними переселенцами с островов Южных морей, во всех отношениях отличными от настоящих аборигенов.

2. *Сехваны*, "прирученные дикари"[559] , "которые также являются оседлыми земледельцами, подчиняются китайской (с 1895 года - японской) администрации, но физически отличаются от всех остальных формозцев - светлый цвет лица, большой рот, толстые губы, удивительно длинные и выдающиеся зубы, слабое телосложение. П. Ибис подозревает, что в нем течет голландская кровь, датируемая семнадцатым веком. Это подтверждают найденные среди них старые книги и другие любопытные документы, которые породили столько догадок и, можно сказать, загадок, касающихся своеобразной письменности и литературы, бытовавшей среди формозских аборигенов .[560]

3. *Чинхваны*, "зеленые варвары", то есть полные дикари, настоящие независимые аборигены, которых существует неизвестное количество племен, но о которых китайцы имеют мало точных сведений. Но не таковы их японские преемники, один из которых, Кисак Тамаи[561] , рассказывает, что чинхваны очень похожи на малайцев Малайского полуострова, а также на жителей Филиппин, а в некоторых отношениях и на самих японцев. Когда они одеваются как японцы и смешиваются с японскими женщинами, их трудно отличить от них. Среди многих более грубых племен до сих пор бушует вендетта, а их традиционная ненависть к китайским захватчикам такова, что никому нельзя делать татуировку или носить браслет, пока он не снесет голову или две головы Небесного. В каждом доме есть рамка или кронштейн, на котором закреплены эти головы, и некоторые из их воинов могут с гордостью назвать более семидесяти таких трофеев. Отрадно слышать, что со своими новыми японскими хозяевами они поклялись в дружбе, что эти новые правители страны - их "братья и сестры". Клятву вечного союза дают, выкапывая яму в земле, кладя в нее камень, бросая друг в друга землю, а затем засыпая камень землей, что означает, что "как камень в земле сохраняет звук, так и мы сохраняем наше слово непоколебимым".

Расовое родство.

Интересно отметить, что замечания этого японского этнолога о физическом сходстве аборигенов полностью совпадают с мнением европейских наблюдателей. Так, по словам Хэми, "они напоминали игоротов Северного Лусона, а также малайцев Сингапура[562] ." Г. Тейлор, посетивший несколько самых диких групп в южных и восточных районах[563] (*типуны, пайваны, диарамоки, никас, амиа* и многие другие), "вероятно", относит одних к

Японии (типуны); других - к Малайзии (жестокие, хищные охотники за головами пайванов); третьих - к архипелагу Лю-Киу (пепохваны, говорящие теперь на китайском языке). Он описывает диарамоков как самую страшную из всех южных групп, но сомневается, что обвинение в каннибализме, выдвинутое против них их соседями, вполне обоснованно.

Можно сомневаться в том, что на Формозе действительно представлены исторические малайцы из Сингапура или других мест, как предполагалось выше, поскольку среди аборигенов не обнаружено никаких следов индуистских или магометанских обрядов. Конечно, возможно, что они достигли острова в какое-то отдаленное время и с тех пор вернулись к дикости, от которой оранг-лауты никогда не были очень далеки. Но в отсутствие доказательств будет безопаснее рассматривать все дикие племена как частично индонезийские, частично протомалайские.

Лингвистическое родство.

Эта точка зрения также соответствует характеру многочисленных формозанских диалектов, чье родство либо с гьярунгом и другими азиатскими индонезийскими языками, либо с австронезийской органической речью в целом, но не с каким-либо конкретным членом этой семьи, в первую очередь со сравнительно недавним стандартным малайским. Так, Арнольд Шетелиг указывает, что только примерно шестая часть формозской лексики, взятой в целом, соответствует современной малайской[564]. Аналогии всего остального следует искать в различных ветвях океанических языков, а также в гьярунгах и некитайских языках Восточного Китая[565]. Таким образом, Формоза представляет собой любопытное этническое и лингвистическое связующее звено между континентальным и океаническим населением.

Никобары.

На Никобарском архипелаге выделяются две этнические группы: жители побережья, т.е. собственно *никобарцы*[566], и *шом пен*, аборигены менее доступных внутренних районов Большого Никобара. Но различия, по-видимому, скорее социальные, чем расовые, и теперь мы можем заключить вместе с Э. Х. Маном, что все жители острова принадлежат по существу к монгольскому типу, внутренние жители представляют чистый тип, а остальные "происходят беспородного малайского народа, скрещиваясь, вероятно, в большинстве случаев с бирманцами и иногда с уроженцами противоположного побережья Сиама, а возможно, и в отдаленные времена с теми из Шом Пен, которые могли поселиться в их среде[567]."

Среди многочисленных обычаев, указывающих на индо-китайскую и океаническую связь, - свайные жилища; жевание бетеля, который, по-видимому, здесь смешивается с каким-то земляным веществом, вызывающим инкрустацию зубов, настолько толстую, что даже не позволяет сомкнуть губы; сдавливание мочки уха деревянными цилиндрами; отказ от употребления молока; *кувад*, как у некоторых борнейских даяков. Язык, обладающий чрезвычайно богатой фонетической системой (25 согласных и 35 гласных звуков), полисиллабичен и не имеет тонов, как австронезийские языки, а его тип, похоже, больше напоминает океанический, чем континентальный монгольский. Средний рост 5 футов 3 дюйма (у Шом Пена на дюйм меньше); нос широкий и плоский; глаза довольно косо поставлены; скулы выдаются; черты лица плоские, хотя и менее, чем у обычного малайца; цвет лица в основном желтоватый или красновато-коричневый (у Шом Пена тускло-коричневый); волосы темно-ржаво-коричневые, редко совсем черные, прямые, хотя нередко волнистые и даже кольчатые, но у Шом Пена обычно прямые.

С другой стороны, они ближе к бирманцам по складу ума, по откровенному, независимому духу, любознательности и доброте к своим женщинам, которые пользуются полным

социальным равенством, как и в Бирме; и, наконец, по всеобщей вере в духов, называемых *иви* или *сийя*, которые, как и у *натов* Индо-Китая, вызывают болезни и смерть, если их не отпугнуть или не успокоить подношениями. Как и бирманцы, перед погребением они кладут в рот или к щеке трупа кусочек денег, чтобы помочь на том свете.

Одна из немногих отраслей промышленности - производство особого вида грубой расписной керамики, которое полностью ограничивается островком Чоура, расположенным в 5 милях к северу от Терессы. Причину такого ограничения объясняет народная легенда, согласно которой в далекие времена Великий Неизвестный постановил, что под страхом внезапной смерти, землетрясения или другого подобного бедствия изготовление глиняной посуды должно осуществляться только в Чоуре, а вся работа по подготовке глины, лепке и обжигу горшков должна быть возложена на женщин. Однажды, давным-давно, одна из этих женщин, находясь в гостях на другом острове, начала, не обращая внимания на божественное предписание, лепить сосуд и упала замертво на месте. Так была подтверждена традиция, и с тех пор не было сделано ни одной попытки нарушить "монополию Чауры[568]".

Из всего сказанного можно сделать вывод, что изначально архипелаг был заселен примитивными народами малайского происхождения, которые сегодня представлены шом пен Большого Никобара, а затем на побережье вновь поселились индокитайские и малайские переселенцы, которые смешались и либо истребили, либо поглотили, либо вытеснили вглубь острова первых обитателей. Никобар, таким образом, напоминает Формозу, занимая промежуточное положение между континентальным и океаническим монгольским населением. Еще одним моментом аналогии является отсутствие негритосов в обеих этих островных областях, где антропологи с уверенностью ожидали присутствия темного элемента, как у андаманцев и филиппинских аэта.

СНОСКИ:

[492] Здесь Э. Т. Хэми находит связующие звенья между истинными малайцами и индонезийцами в бикольях Албая и бисаях Паная ("Les Races Malaïques et Américaines", in *L'Anthropologie*, 1896, p. 136). Используемое в этом расширенном смысле, "малайцы" Хами в целом соответствует нашим *малайцам*, как они определены в настоящее время.

[493] Этнически малайско-полинезийское выражение невозможно, поскольку оно объединяет малайцев, принадлежащих к монгольской группе, и полинезийцев, принадлежащих к кавказской группе. Но поскольку и те, и другие, несомненно, говорят на языках одного языкового фонда, это выражение допустимо в филологии, хотя, как указывает П. В. Шмидт, "малайцы" и "полинезийцы" не равны по рангу: это сочетание так же несбалансировано, как "индо-баварский" для "индо-германского"; поэтому лучше всего принять термин Шмидта *Austronesian* для этой семьи языков (*Die Mon-Khmer Völker*, 1906, p. 69).

[494] Индонезийский тип: волнистые черные волосы, часто с рыжим оттенком; смуглая кожа, часто довольно светлая; низкий рост, 1,54 м.-1,57 м. (5 футов 0½ дюйма-5 футов 1¾ дюйма); голова мезатицефальная (76-78), вероятно, первоначально долихоцефальная; скулы иногда выступают; нос часто уплощенный, иногда вогнутый. Трудно выделить этот тип, так как он почти везде смешивался с брахицефальными протомалайцами, но муруты Борнео (черепной индекс 73), вероятно, являются типичными (A. C. Haddon, *The Races of Man*, 1909, p. 14).

[495] Литература последних лет по этому направлению включает F. A. Swettenham, *The Real Malay*, 1900, *British Malaya*, 1906; W. W. Skeat, *Malay Magic*, 1900; N. Annandale and H. C.

Robinson, *Fasciculi Malayenses*, 1903; W. W. Skeat and C. O. Blagden, *Pagan Races of the Malay Peninsula*, 1903.

[496] Дж. Лейден, *Малайские анналы*, 1821, с. 44.

[497] В некоторых местах совсем недавно, как в Рембау, Малайский полуостров, жители которого в основном переселенцы с Суматры в семнадцатом веке; и в соседней группе мелких штатов Негри Сембилан, где сами племенные названия, такие как *Анак Ачех* и *Шри Лемак Менангкабау*, выдают их позднее прибытие из суматранских районов Ачин и Менангкабау.

[498] *The Malay Archipelago*, p. 310.

[499] О Целебесе см. Von Paul und Fritz Sarasin, *Reisen in Celebes ausgeführt in den Jahren 1893-6 und 1902-3*, 1905, и *Versuch einer Anthropologie der Insel Celebes*, 1905.

[500] В 1898 году Лондон посетила группа яванских менестрелей, и один из них, к которому я обратился на нескольких ломаных малайских фразах, сонно возмущался тем, что его обвиняют в том, что он оранг-малаю, объясняя, что он *оранг Ява*, яванец, и (когда его спросили дальше) *оранг Соло*, уроженец района Соло, Восточная Ява. Интересно было заметить очень выраженные монгольские черты этих туземцев, живо напомнившие замечание А. Р. Уоллеса о том, как трудно отличить яванца от китайца, когда оба одеты одинаково. Сходство может быть в небольшой степени обусловлено "смешением с китайской кровью" (Б. Хаген, *Журн. антроп. обществ.* Вены, 1889); но оно встречается на столь обширной территории, что в основном должно быть объяснено общим происхождением китайского и яванского народов.

[501] A. H. Keane, *Eastern Geography*, 2nd ed. 1892, p. 121.

[502] Академия, 1 мая 1897 г., с. 469.

[503] Прохлада, с. 139.

[504] *The Malay Archipelago*, p. 175.

[505] В "*Малайских очерках*", 1895.

[506] Ср. M. A. Czaplicka on Arctic Hysteria in *Aboriginal Siberia*, 1914, p. 307.

[507] Об этих национальных забавах см. Sir Hugh Clifford, *In Court and Kampong*, 1897, p. 46 sq.

[508] *Sujo officio he rubar e pescar*, "чье дело - грабить и ловить рыбу" (Баррос). Многие из баджау жили исключительно на плаву, проводя свою жизнь в лодках от колыбели до могилы и моля Аллаха, чтобы они умерли в море.

[509] Фукидид, *Пел. Война*, I. 1-16.

[510] Это известные *иллануны*, которые занимают южную часть большого филиппинского острова Минданао, но многие из них, подобно баджау из Целебеса и жителям острова Сулу, создали поселения на северо-восточном побережье Борнео. "Давным-давно их война с испанцами переросла во всеобщее пиратство. Обычно они не брали пленных, а убивали всех на борту любого захваченного ими судна. Те, кто живет у нас [на британском Северном Борнео], перешли к более упорядоченному образу жизни" (W. B. Pryer, *Journ. Anthr. Inst.* 1886, p. 231).

[511] *The Malay Archipelago*, p. 341.

[512] В Центральной Африке "вера в "бывших" животных, то есть в людей, которые превратились во львов, леопардов или других подобных опасных зверей, почти всеобщая. Более того, есть люди, которые воображают, что обладают этой способностью принимать облик животного и убивать людей в таком виде". Сэр Х. Х. Джонстон, *Британская Центральная Африка*, стр. 439.

[513] *In Court and Kampong*, p. 63.

[514] *Journ. Anthr. Inst.* 1886, p. 227. Раджа называет главные черты характера своих соотечественников: "гордость расой и рождением, исключительное соблюдение punctilio и фанатичная приверженность древним обычаям и традициям".

[515] *The Pygmies* (Translation), 1895, p. 26, fig. 15.

[516] *The Distribution of the Negritos*, 1899, p. 50.

[517] В приложении к С. Hose и W. McDougall, *The Pagan Tribes of Borneo*, 1912, p. 311.

[518] J. H. Kohlbrugge, *L'Anthropologie*, IX. 1898.

[519] A. C. Haddon, "A Sketch of the Ethnography of Sarawak," *Archivio per l'Antropologia e l'Etnologia*, XXXI. 1901; C. Hose and W. McDougall, *The Pagan Tribes of Borneo*, 1912, Appendix, p. 314.

[520] H. Ling Roth, *The Natives of Sarawak and British North Borneo*, 1896.

[521] О. Беккари, *Странствия по великим лесам Борнео*, 1904, с. 54.

[522] Schwaner, in H. Ling Roth, *The Natives of Sarawak*, etc., 1896.

[523] A. C. Haddon, *Head-Hunters, Black, White and Brown*, 1901, p. 324.

[524] A. C. Haddon, *Head-Hunters, Black, White and Brown*, 1901, pp. 327-8.

[525] Дополнительную литературу о Борнео см. в W. H. Furness, *The Home-life of the Borneo Head-Hunters*, 1902; A. W. Nieuwenhuis, *Quer durch Borneo*, 1904; E. H. Gomes, *Seventeen Years among the Sea-Dyaks of Borneo*, 1911; C. Hose and W. McDougall, *Journ. Anthr. Inst.*, XXXI. 1901, и *The Pagan Tribes of Borneo*, 1912.

[526] Не только в южных районах, веками подвергавшихся яванскому влиянию, но и в Батталанде, где они были впервые обнаружены Х. фон Розенбергом в 1853 году, а также изображены и описаны в *Der Malayische Archipel*, Leipzig, 1878, Vol. I. p. 27 sq. "Nach ihrer Form und ihren Bildwerken zu urtheilen, waren die Gebäude Tempel, worin der Buddha-Kultus gefeiert wurde" (p. 28). Они тем более интересны, что индуистские руины в других случаях редко встречаются на Суматре, где нет ничего сравнимого с грандиозными памятниками Центральной и Восточной Явы.

[527] Фон Розенберг, указ. соч. Vol. I. p. 189. Среди моментов близкого сходства можно упомянуть аутригеры, для которых у ментави есть то же слово (*abak*), что и у самоанцев (*va'r = вака*); похоронные обряды; табу; выражение лица; язык, в котором системы счисления идентичны; ср. мент. *limongapula* с сам. *limagafulu*, малайское - *limapulah* (пятьдесят), где сам. инфикс *ga* (отсутствующий в малайском) произносится *gna*, точно как в мент.

[528] См. Fr. Müller, *Ueber den Ursprung der Schrift der Malaiischen Völker*, Vienna, 1865; и мое приложение к Stanford's *Australasia*, First Series, 1879, p. 624.

[529] *Die Mangianenschrift von Mindoro, herausgegeben von A. B. Meyer u. A. Schadenberg, speciell bearbeitet von W. Foy*, Dresden, 1895; см. также мои замечания в *Journ. Anthr. Inst.* 1896, p. 277 sq.

[530] Реджанг, который, несомненно, принадлежит к той же индо-яванской системе, что и все остальные малайские алфавиты, рассматривается Сайсом и Ренаном как "чисто финикийский", а Нойбауэр сравнивает его с алфавитом, существовавшим в четвертом и пятом веках до нашей эры. Предположение о том, что он мог быть завезен финикийскими экипажами адмирала Александра Непхаса (*Archaeol. Oxon.* 1895, No. 6), не могло быть сделано кем-либо, кто знал о его тесной связи с лампонгом на Южной и баттой на Северной Суматре (см. также Prof. Kern, *Globus*, 70, p. 116).

[531] Синг. *Batta*, pl. *Battak*, следовательно, нынешняя форма *Battaks* является солецизмом, и мы должны писать либо *Battas*, либо *Battak*. Лассен выводит это слово из санскритского *b'hāta*, "дикарь".

[532] Это вновь подтверждают Фольц и Х. фон Аутенриет, которые исследовали Батталанд в начале 1898 года и проникли на территорию "Пакпаков-каннибалов" (*Geogr. Journ.*, June, 1898, p. 672); однако не "в первый раз", как здесь утверждается. Пакпаки уже посещал в 1853 году фон Розенберг, который обнаружил, что каннибализм настолько распространен, что "ни один человек не может понять, что это Меншенфлейш" (*Указ. соч.* С. 1. С. 56).

[533] Интересно отметить, что с помощью алфавита лампонга (Южная Суматра) Джон Мэтью прочитал слово *Daibattah* в легенде на головном уборе гигантской фигуры, которую сэр Джордж Грей видел на крыше пещеры на реке Гленелг на северо-западе Австралии ("The Cave Paintings of Australia," etc., in *Journ. Anthr. Inst.* 1894, p. 44 sq.). Он цитирует из "*Мифологии индусов*" Коулмана утверждение, что "батты Суматры верят в существование одного высшего существа, которого они называют *Дебати Хаси Аси*. Они полагают, что с момента завершения творения он оставался совершенно спокойным, полностью передавая управление трем своим сыновьям, которые управляют не лично, а через ваялов или доверенных лиц". Это, возможно, еще одно подтверждение мнения о том, что ранние малайские миграции или экспедиции, некоторые даже в Австралию, имели место в доисламские времена, задолго до появления и распространения оранг-малайцев на архипелаге.

[534] *Мемуары о жизни и т. д. сэра Т. С. Раффлза*, написанные его вдовой, 1830 г.

[535] "Anthropologie des Atjehs", in *Rev. Med.*, Batavia, XXX. 6, 1890.

[536] См. C. Snouck Hurgronje, *The Achenese*, 1906.

[537] *Handbook to the Ethnographical Collections, British Museum*, 1910, p. 245.

[538] Этому мнению до сих пор придерживаются многие авторитетные специалисты. Ср. J. Deniker, *The Races of Man*, 1900, p. 469 ff.

[539] "Его замечания вряд ли применимы к какому-либо другому острову у восточноафриканского побережья, его описания рек, крокодилов, сухопутных черепах, каноэ, морских черепах и плетеных плотин для ловли рыбы в точности относятся к

современному Мадагаскару, но ни к одному из других островов" (*Journ. Anthr. Inst.* 1896, p. 47).

[540] *Loc. cit.* p. 77. Таким образом, для обозначения дней недели мы имеем: - малагасийское *alahady, alatsinainy*; старое араб. (химьяр.) *al-áhadu, al-itsnání*; совр. араб. *el-áhad, el-etnén* (воскресенье, понедельник), где мал. формы явно заимствованы не из современного, а из древнеарабского. Из всего этого можно сделать вывод, что раннее семитское влияние на Мадагаскаре может быть связано с теми же сабейскими или минейскими народами Южной Аравии, которым Теодор Бент приписывал зимбабвийские памятники в ауроносном регионе к югу от Замбези.

[541] Тем, кто все еще сомневается, следует обратиться к М. Аристиду Марпе, *Les Affinités de la Langue Malgache*, Leyden, 1884; выше цитированной статье Ласта в *Journ. Anthr. Inst.* и R. H. Codrington's *Melanesian Languages*, Oxford, 1885.

[542] Малайское *mata-ari*; баджау *mata-lon*; менадо *mata-roū*; салаер *mato-allo*, все означают буквально "дневной глаз" (*mata, mato* = малагасийское *maso* = глаз; *ari, allo* и т. д. = день, с обычным чередованием *r* и *l*).

[543] J. Sibree, *Antananarivo Annual*, 1877, p. 62.

[544] У. Д. Коуэн, *Земля Бара*, Антананариву, 1881, с. 67.

[545] "Бетсileo, страна и народ", *Antananarivo Annual*, 1877, p. 79.

[546] "Заметка об антропологии Мадагаскара" и т.д., в *L'Anthropologie*, 1897, p. 149 sq.

[547] Контраст между этими двумя элементами нарисован несколькими жирными штрихами миссис З. Колвил, которая обнаружила, что в районах восточного побережья туземцы (в основном бетсимисаракасы) были чернокожими "с короткими, вьющимися волосами и негритянским типом черт лица, и демонстрировали все признаки африканского происхождения. У ховасов, напротив, цвет лица был чуть темнее, чем у крестьян Южной Европы, прямые черные волосы, довольно резкие черты, стройные фигуры, и они безошибочно относились к азиатскому типу" (*Round the Black Man's Garden*, 1893, p. 143). Но даже среди ховасов примесь черной крови проявляется в довольно толстых губах, а среди низших классов - в волнистых волосах и смуглой коже.

[548] *Journ. Anthr. Inst.* 1897, p. 285 sq.

[549] *Journ. Anthr. Inst.* 1897, p. 153.

[550] *Handbook to the Ethnological Collection, British Museum*, 1910, pp. 246-7.

[551] Августинцы, доминиканцы, реколлекты (младшие монахи строгого послушания) и иезуиты.

[552] На самом деле ни одна из сторон не устраивает парад нравственности, и рождение детей от священника никак не отражается на женщине.

[553] J. Foreman, *The Philippine Islands*, 1899, p. 181.

[554] *Australasia*, 1894, II. p. 49.

[555] *Бонтоксские игороты*, Eth. Survey Pub. Vol. I. 1904. Дальнейшая информация о Филиппинах опубликована в *отчетах о переписи населения за 1903 и 1905 годы*;

публикации Этнологической службы, 1904-; C. A. Koeze, *Crania Ethnica Philippinica, ein Beitrag zur Anthropologie der Philippinen*, 1901-; Henry Gannett, *People of the Philippines*, 1904; R. B. Bean, *The Racial Anatomy of the Philippine Islanders*, 1910; Fay-Cooper Cole, *Wild Tribes of Davao District, Mindanao*, 1913.

[556] A. E. Jenks, *The Bontoc Igorot*, 1904, p. 41.

[557] *Op. cit.* p. 247.

[558] Жирар де Риаль, *Rev. d'Anthrop.*, янв. и апрель, 1885. Эти исследования в значительной степени основаны на данных, предоставленных М. Полем Ибисом и более ранними путешественниками по острову. С тех пор не появилось ничего лучшего, кроме ценных материалов Г. Тейлора в "*Чайна ревью*" (см. ниже). Перепись 1904 г. дала данные о 2 860 574 китайцах, 51 770 японцах и 104 334 аборигенах.

[559] Лит. "созревшие варвары" (*barbares mûrs*, Ibis).

[560] См. факсимиле двуязычных и других MSS с Формозы в книге Т. де Лакупери "*Formosa Notes on MSS., Languages, and Races*", Hertford, 1887. Здесь полностью обсуждается весь вопрос, хотя автор, кажется, не может прийти к какому-либо определенному выводу даже относительно *добросовестности* или *недобросовестности* известного самозванца Джорджа Псалманазара.

[561] *Globus*, 70, p. 93 sq.

[562] "Les Races Malaïques", etc., в *L'Anthropologie*, 1896.

[563] "The Aborigines of Formosa", в *China Review*, XIV. p. 198 sq., также xvi. No. 3 ("A Ramble through Southern Formosa"). Услуги, оказанные этим умным наблюдателем формозской этнологии, заслуживают более широкого признания, чем то, которое они получили до сих пор. См. также *Отчет о контроле над аборигенами Формозы*, Бюро по делам аборигенов, Формоза, 1911.

[564] "Sprachen der Ureinwohner Formosa's", in *Zeitschr. f. Völkerpsychologie*, etc., v. p. 437 sq. Этот антрополог к своему большому удивлению обнаружил, что черепа полинезийцев и маори в Лондонском колледже хирургов представляют поразительные аналогии с черепами, собранными им самим на Формозе. Здесь, по крайней мере, наблюдается удивительная гармония между речью и физическими характеристиками.

[565] De Lacouperie, *op. cit.* p. 73.

[566] Туземцы, конечно, не знают этого слова и говорят о своих островных домах как о *Маттау* - расплывчатом термине, одинаково применимом к земле, стране, деревне и даже всему миру.

[567] "The Nicobar Islanders", in *Journ. Anthr. Inst.* 1889, p. 354 sq. Ср. C. B. Kloss, *In the Andamans and Nicobars*, 1903.

[568] E. H. Man, *Journ. Anthr. Inst.* 1894, p. 21.

ГЛАВА VIII

СЕВЕРНЫЕ МОНГОЛЫ

Домен монголов Ранние контакты с кавказскими народами - Первобытный человек в Сибири и Монголии - Ранний человек в Корее и Японии - В Финляндии и Восточной Европе - Ранний человек в Вавилонии - Шумеры - Аккадцы - Вавилонская хронология - Происхождение эламитов - Исторические записи - Вавилония Религия-Социальный строй-Общая культура- Монголы собственно-Физический тип-Этническое и административное деление-Буддизм-Тунгусы-Колыбель и тип-Ментальные черты-Шаманизм-Маньчжуры-Оригиналы и ранние записи-Тип-Дауры-Монголо-тюркская речь - язык и расовые признаки - монгольская и маньчжурская письменность - юагиры - примитивная письменность - чукчи и коряки - отношения чукчей и эскимосов - тип и социальное положение - коряки и камчадалы - гиляки - корейцы - этнические элементы - происхождение и записи - религия - корейская письменность - японцы - происхождение - составные элементы - тип японцев - японцы и лю-Островитяне Киу - их языки и религии - культ мертвых - синтоизм и буддизм.

Конспект.

Распространение.

Современный ареал. Северное полушарие от Японии до Лапландии и от Северного Ледовитого океана до Великой стены и Тибета; Арало-Каспийский бассейн; часть Ирана; Малая Азия; часть Восточной России, Балканский полуостров и нижний Дунай.

Физические особенности.

Волосы, как правило, такие же, как у южных монголов, но в монголо-кавказских переходных группах коричневые, каштановые и даже полотенчатые или светло-льняные, также волнистые и кольчатые; борода в основном отсутствует, за исключением западных тюрков и некоторых корейцев.

Цвет кожи, светлый или грязно-желтоватый у всех настоящих монголов и сибиряков; очень изменчивый (белый, бледный, смуглый) у переходных групп (финны, саамы, мадьяры, болгары, западные тюрки), а также у многих маньчжуров и корейцев; в Японии незащищенные части тела также белые.

Череп, сильно брахицефалический у истинных монголов (80-85); изменчивый (суббрахи- и субдолихо) у большинства переходных групп и даже у некоторых сибиряков (остяков и вогулов 77). **Челюсти, скулы, нос и глаза** такие же, как у южных монголов; но нос часто большой и прямой, а глаза прямые, сероватые или даже голубые у финнов, маньчжуров, корейцев и некоторых других монголо-кавказцев.

Рост, как правило, невысокий (ниже 1,68 м., 5 футов 6 дюймов), но многие маньчжуры и корейцы высокие, от 1,728 до 1,778 м. (5 футов 8 или 10 дюймов). **Губы, руки, ноги и ступни**, как правило, такие же, как у южных монголов; но у японцев ноги непропорционально короткие.

Психические особенности.

Темперамент у всех настоящих монголов и многих монголоидов скучный, замкнутый, несколько угрюмый и апатичный; но в некоторых группах (финны, японцы) активный и энергичный; почти все храбрые, воинственные, даже свирепые, способные на большие

зверства, хотя обычно не жестокие; за исторический период характер почти везде претерпел заметные изменения от грубого и свирепого к более мягкому и гуманному; этический тон выше, чем у южных монголов, с более развитым чувством добра и зла.

Речь, очень однородная; по-видимому, только один язык (**финно-татарский или урало-алтайской семьи**), очень типичная агглютинативная форма без префиксов, но многочисленные постфиксы, свободно прикрепленные к неизменному корню, с помощью которых гласные изменяются в соответствии с тонкими законами вокальной гармонии; главные члены семьи (финский, мадьярский, турецкий, монгольский, и особенно корейский и японский) сильно отличаются от общего прототипа.

Религия, первоначально поклонение духу через посредника (шамана), возможно, повсеместно, и до сих пор преобладает исключительно среди сибирских и всех других нецивилизованных групп; все собственно монголы, маньчжуры и корейцы номинальные буддисты; все тюркские народы мусульмане; японцы буддисты и синтоисты; финны, саамы, болгары, мадьяры и некоторые сибиряки настоящие или номинальные христиане.

Культура, скорее грубая и варварская, чем дикая у сибирских аборигенов, которые почти все кочевые охотники и рыболовы с полудикими оленьими стадами, но почти без промышленности; собственно монголы, киргизы, узбеки и туркоманы - полукочевые пастыри; анатолийские и балканские турки, маньчжуры и корейцы - оседлые земледельцы, почти без искусства и литературы и без науки; японцы, финны, болгары и мадьяры - цивилизованные до, а в некоторых отношениях и выше среднего европейского уровня (мадьярская и финская литература, японское искусство).

Основные разделы.

Собственно монгольская. Шарра (восточные), калмак (западные), буряты (сибирские) монголы.

Тунгусы. Собственно тунгусы, маньчжуры, гольды, орочи, ламуты.

Корейцы; японцы и лю-киу.

Тюрки. Якуты; киргизы; узбеки; таранчи; кара-калпаки; ногайцы; туркоманы; анатолийцы; османы.

Финно-угры. Балтийский финн; саамский; самодийский; черемисский; вотяк; вогул; остяк; болгар; мадьяр.

Востоносибирские. Юкагиры; чукчи; коряки; камчадалы; гиляки.

Домен северных монголов.

Под "северными монголами" здесь следует понимать все те ветви монгольской части человечества, которые обычно объединяются под собирательным географическим выражением *урало-алтайцы*, которым соответствует этническое обозначение *монголо-татар*, или более правильно *монголо-тюрков*^[569]. Их владения отделены от владений южных монголов (гл. VI.) Великой стеной и хребтом Куэнь-лунь, за которым они простираются на запад над большей частью Западной Азии и значительной частью Северной Европы, с многочисленными разрозненными группами в Центральной и Южной России, на Балканском полуострове и в бассейне Среднего Дуная. На крайнем севере их территория простирается

от берегов Тихого океана с Японией и частью Сахалина на запад через Корею, Сибирь, Центральную и Северную Россию до Финляндии и Лапландии. Но ее южные границы можно лишь приблизительно обозначить линией, проведенной от хребта Куэнь-лунь на запад вдоль северных уступов Иранского плоскогорья и огибающей южные берега Каспия до Средиземноморья. Эта линия, однако, должна быть проведена таким образом, чтобы включить Афганский Туркестан, большую часть североперсидских и кавказских степей и почти всю Малую Азию, исключая Армению, Курдестан и Сирию.

Ранние контакты с кавказскими народами.

Не следует думать, что даже в этих пределах северомонгольская территория везде непрерывна. В Восточной Европе, где они в большинстве своем появились сравнительно недавно, монголы встречаются лишь изолированными и исчезающими группами в Нижнем и Среднем Поволжье, Крыму и Северо-Кавказской степи, а также более компактными группами в Румелии, Болгарии и Венгрии. Во всех этих районах, однако, процесс поглощения или ассимиляции нормального европейского физического типа настолько завершен, что многие ногайцы и другие русские "татары", как их называют, волжские и балтийские финны, мадьяры и турки-османы, едва ли были бы признаны членами северомонгольской семьи, если бы не их общая финно-тюркская речь и исторические свидетельства, устанавливающие их первоначальную связь с этим делением, не вызывают никаких сомнений.

В Центральной Азии (Северный Иран, Арало-Каспийский и Таримский бассейны) монголы также находились в тесном контакте с кавказскими народами, вероятно, со времен нового каменного века, и здесь развились промежуточные типы, благодаря которым произошел почти непрерывный переход между желтой и белой расами.

Первобытный человек в Сибири и Монголии.

За последние годы было пролито много света на физико-географические условия Центральной Азии в ранние времена. Исследования Стейна[570] в 1900-1 и 1906-8 годах в Китайском Туркестане, экспедиции Пампелли[571] в 1903 и 1904 годах в Русском Туркестане, путешествия Свена Хедина[572] в 1899-1902 и 1906-8 годах, Каррутерса[573] в северо-западной части Монголии и исследования Эллсворта Хантингтона (члена первой экспедиции Пампелли) в Монголии. Монголии, а также исследования Эллсворта Хантингтона[574] (члена первой экспедиции Пампелли) в 1905-7 гг. свидетельствуют о колебаниях климата, которым подвергались районы Центральной Азии с ледниковых времен. Наблюдается общая тенденция к засушливым условиям, чередующимся с периодами повышенной влажности, когда на территориях, ныне заброшенных, могло проживать густое население. Многочисленные свидетельства пребывания человека были найдены в дельтах оазисов, образованных горными потоками, питаемыми снегом, или на берегах исчезнувших рек, где сегодня царит запустение, хотя, как отмечает Т. Пейскер[575], климат не был единственным или даже главным фактором во многих районах. В некоторых местах, как, например, в Мерве, самые ранние поселения были обнаружены лишь за несколько веков до христианской эры, а в Анау близ Асхабада в 300 милях к востоку от Каспия, исследованном экспедицией Пампелли, самые ранние пласты содержали остатки культуры каменного века. Северный Курган или курган, возвышающийся над равниной на 40 или 50 футов, демонстрирует определенную стратификацию строений из высушенных на солнце кирпичей, возведенных сменяющими друг друга поколениями жильцов. Г. Шмидту, руководившему раскопками, удалось собрать ценную серию горшков, демонстрирующую постепенную эволюцию форм, техники и орнаментации от ранних до поздних периодов. Одним из моментов, имеющих большое значение для установления культурных, а то и

физических связей в этом малоизвестном регионе, является сходство между геометрическими узорами на горшках раннего периода и аналогичной керамикой, найденной ММ. Готье и Лампре[576] в Муссине и М. Ж. де Морганом[576] в Сузах, а глиняные фигурки из Южного Кургана (медная культура) явно вавилонского типа, влияние которого прослеживается гораздо позже в терракотовых фигурках, обнаруженных Штейном[577] в Йоткане.

С развитием археологических исследований становится все более очевидным, что вся северомонгольская территория, от Финляндии до Японии, прошла через каменный и металлический века, как и большинство других обитаемых частей земного шара. Во время своих странствий по Сибири и Монголии в начале девяностых годов Ханс Ледер[578] наткнулся на бесчисленные доисторические стоянки, курганы, каменные круги и множество мегалитических памятников различных типов. В Западной Сибири курганы, состоящие исключительно из земли без какой-либо каменной кладки, нынешние жители называют *Чудскими курганами*, "Чудскими могилами", и, как и в Северной России, этот термин "чудь" приписывается ныне исчезнувшей неизвестной расе, ранее населявшей эти земли. Им, как и "тольтекам" в Центральной Америке, приписываются все древние памятники, и если одни считают их доисторическими финнами, то другие отождествляют их с историческими скифами, скифами Геродота.

Однако есть основания полагать, что чуди могут представлять более раннюю расу, людей каменного века, которые, мигрируя из Северной Европы на восток, достигли долины Томи (впадающей в Обь) еще до вымирания мамонта, а затем распространились по всей Северной Азии, оставив повсюду свидетельства своего присутствия в мегалитических памятниках, которые сегодня ежедневно обнаруживаются в Восточной Сибири, Монголии, Корее и Японии. Это мнение подтверждается характером двух черепов, найденных в 1895 году А. П. Мостицем в одной из пяти доисторических стоянок на левом берегу притока Савы к реке Селенге, близ Усть-Киакты в Забайкалье. Они заметно отличаются от нормального бурятского (сибирско-монгольского) типа, напоминая скорее удлиненные черепа южнорусских курганов, с цефалическими индексами 73,2 и 73,5, измеренными М. Я. Д. Талько-Грынцевичем[579]. Таким образом, в самом сердце монгольского ареала характерной круглоголовой расе, как и в Европе, предшествовал длинноголовый тип.

В Восточной Сибири, особенно в районе озера Байкал, Ледер обнаружил обширные территории, усеянные курганами, многие из которых уже исследованы, а их содержимое передано на хранение в Иркутский музей. Среди них большое количество каменных орудий, предметов из кости и бивня мамонта, а также тщательно обработанная медная посуда, свидетельствующая о техническом мастерстве и художественном вкусе в оформлении. В Забайкалье, еще дальше на восток, с курганами связаны так называемые *Камени Бабы*, "Каменные бабы", монолиты, грубо обтесанные в виде человеческих фигур. На многих из этих монолитов имеются надписи, которые, однако, судя по всему, относятся к недавнему времени (в основном буддийские молитвы и формулы), и их не следует путать с гораздо более древними наскальными надписями, расшифрованными В. Томсеном с помощью тюркского языка.

Продолжая свои исследования в Монголии, Ледер и здесь обнаружил глинобитные курганы, которые, однако, отличались от сибирских тем, что в большинстве своем были увенчаны либо круглыми или прямоугольными каменными сооружениями, либо монолитами. Нынешние жители называют их *Кюрюкцур*, относятся к ним с большим трепетом и никогда не осмеливаются их трогать. К сожалению, чужаки также не могут исследовать их содержимое: китайские чиновники под страхом смерти запрещают тревожить землю

лопатай или лопатой, боясь разбудить злых духов, мирно дремлющих под поверхностью. В сибирских курганах не найдено бронзы, что свидетельствует о значительной древности, хотя дату ее появления в этих регионах установить невозможно. Лучшим доказательством древности являются климатические изменения, приведшие к недавнему высыханию, которое, должно быть, происходило здесь, как и в других местах, поскольку захоронения свидетельствуют о существовании более плотного населения, чем могло бы быть в настоящее время .[580]

Ранний человек в Корее и Японии.

Такая древность действительно необходима, чтобы объяснить распространение неолитических останков на побережье Тихого океана, и особенно в Корее и Японии. В Корее В. Гоулэнд исследовал дольмен в 30 милях от Сеула, который он описывает и изображает[581] , и который примечателен, прежде всего, непропорциональным размером верхнего камня, огромного неотесанного мегалита 14½ на более чем 13 футов. Он упоминает еще четыре или пять других, все в северной части полуострова, и считает их "промежуточными по форме между цистами и дольменами". Но он считает вероятным, что они никогда не были покрыты курганами, а всегда стояли как памятники над землей, в этом отношении отличаясь от японцев, большинство из которых похоронены в тумулях. В некоторых своих чертах они представляют любопытное сходство с бриттскими сооружениями, но ни в одном из курганов не было найдено каменных орудий, а японские камерные гробницы, по мнению Хамады, профессора археологии Киотского университета, обычно относят к железному веку (пятый-седьмой века н.э.[582]).

Во многих районах Японии сохранились памятники далекого прошлого - ракушечные курганы, пещерные жилища, а в Йезо - ямы, которые не заняты нынешним населением айнов, но приписываются ими *Коро-пок-гуру*, "людям пустоты", которые занимали эти земли до их прихода и жили в хижинах, построенных над этими ямами. Аналогичные останки на островке близ Немуро на северо-восточном побережье Йезо японцы считают принадлежащими *кобито*, карликовой расе, истребленной айнами, и, следовательно, идентичными коро-пок-гуру. Джон Милн ассоциирует их с некоторыми первобытными народами Курильских островов, Сахалина и Камчатки, которые, подобно эскимосам американского побережья, ранее проживали гораздо южнее, чем в настоящее время.

В кухонном склепе размером 330 на 200 футов, расположенном недалеко от Сиидзуки в провинции Ибараки, японские антиквары С. Яги и М. Шиномура[583] обнаружили множество предметов, относящихся к каменному веку Японии. Среди них были кремневые орудия, обработанные кости, пепел, керамика и целая серия глиняных фигурок людей. Авторы предполагают, что эти останки могли принадлежать однородной расе каменного периода, которая, однако, не была предками айнов, до сих пор считавшихся первыми жителями Японии. В национальных записях нечетко упоминаются другие аборигены, такие как "длинноногие" и "восемь диких племен", описанные как враги первых японских поселенцев на Киу-сиу и уменьшенные Дзимму Тэнно, полумифическим основателем нынешней династии; *эбису*, которых, вероятно, следует отождествлять с айнами; и *секи-манзи*, "каменные люди", также проживающие на южном острове Киу-сиу. Последние, о которых, однако, мало что известно, по-видимому, имеют некоторые претензии на то, чтобы быть связанными с вышеописанными останками раннего человека в Японии .[584]

Ранний человек в Финляндии и Восточной Европе.

На крайнем западе нынешние монгольские народы, будучи совсем недавними вторженцами, никак не могут быть связаны с обильными доисторическими реликвиями,

ежедневно обнаруживаемыми в этом регионе (Южная Россия, Балканский полуостров, Венгрия). Это же замечание относится и к самой Финляндии, которая в свое время считалась колыбелью финского народа, но теперь доказано, что сначала была заселена германскими племенами. На основании всестороннего изучения бронзовых тумулусов А. Хакман[585] делает вывод, что население бронзового периода было тевтонским, и в этом он согласен как с Монтелиусом, так и с В. Томсеном. Последний на основании лингвистических данных считает, что в начале новой эры финны еще жили к востоку от Финского залива, откуда в более поздние времена они переместились на запад.

Ранний человек в Вавилонии.

К сожалению, остатки каменного века в Вавилонии отсутствуют, что, вероятно, связано с характером страны, поэтому сравнение с неолитическими культурами Египта и Эгейского моря пока невозможно. Постоянные наводнения, которым постоянно подвергалась Вавилония, смыли все следы ранних поселений до прихода шумеров, которые построили свои города на искусственных курганах. Вопрос о происхождении аккадо-шумерских[586] ни в коем случае не ясен, так как многие важные города не исследованы и даже не идентифицированы, но можно отметить общую тенденцию последних мнений.

Лингвистическая проблема особенно осложняется тем, что почти все шумерские тексты демонстрируют признаки семитского влияния и в значительной степени состоят из религиозных гимнов и заклинаний, которые часто кажутся просто переводами семитских идей, переложенных семитскими жрецами на официальный религиозный шумерский язык. Ж. Халеви, за которым последовали и другие, считал шумерский не настоящим языком, а всего лишь жреческой системой криптографии[587], основанной на семитском языке. Что касается лингвистического родства, то К. А. Герман[588] пытался установить связь ранних текстов с урало-алтайским языком, особенно с угро-финским. Более позднее предположение о том, что язык имеет индоевропейское происхождение и структуру, основывается на столь же незначительных сходствах. Сравнение с китайским языком уже было отмечено. Дж. Д. Принс[589] предостерегает от сравнения древних текстов с идиомами более поздних народов Западной Азии, несмотря на многие заманчивые сходства, и утверждает, что до тех пор, пока не будет пролит свет на эту проблему, шумерский язык следует рассматривать как совершенно отдельный, "доисторический филологический пережиток".

Шумеры.

Е. Мейер[590] утверждает, что шумеры не только лингвистически, но и физически изолированы. Шумерский тип, представленный на памятниках, демонстрирует узкий заостренный нос с прямой переносицей и маленькими ноздрями, щеки и губы не мясистые, как у семитов, с выдающимися скулами, маленький рот, узкие губы тонко изогнуты, нижняя челюсть очень короткая, с угловатым резко выступающим подбородком, косые монгольские глаза, низкий лоб, обычно наклоненный в сторону прямо от корня носа. Фактически нос имеет почти вид птичьего клюва, выступая далеко вперед перед ртом и подбородком, в то время как лоб почти исчезает. Волосы и борода тщательно выбриты. Шумеры, несомненно, были воинственным народом, сражавшимся, подобно семитам, не разрозненными боевыми порядками, а тесной фалангой, большие щиты которой защищали их тела от шеи до ног, образуя вал, за который выступали наклоненные копья передовой шеренги. Также использовались боевой топор и копье. Шлемы защищали голову и шею. Кроме копья или копьеметания, царские вожди носили с собой изогнутое метательное оружие, состоящее из трех нитей, скрепленных между собой кожаными или металлическими ремнями; впоследствии оно, по-видимому, превратилось в знак власти и, следовательно, в скипетр.

Лук, типичное оружие семитов и горных народов на востоке, не был представлен. Боги носили булавы с каменными наконечниками. Важно отметить, что, в отличие от самих шумеров, их боги имели обильные волосы на голове, тщательно завитые и уложенные, и длинную курчавую бороду на подбородке, хотя щеки и губы были тщательно выбриты; эта мода напоминает моду семитов. Таким образом, хотя по общему мнению шумеры - автохтоны, а семиты - поздние вторженцы в Вавилонию, семитский характер шумерских богов указывает на противоположный вывод. Но время для однозначного вывода еще не пришло. Все, что можно сказать, это то, что согласно нашим сегодняшним знаниям, предположение о том, что самое раннее население было шумерским, а семиты были завоевателями, лишь немного более вероятно, чем обратное .[591]

Недавние археологические открытия делают происхождение шумеров немного более ясным. Исследования в Центральной Азии (как упоминалось выше, стр. 257) показывают, что районы, некогда хорошо орошаемые и способные содержать большое население, подвергались периодам чрезмерной засухи, и это, несомненно, является главной причиной расовых волнений, которые всегда были характерны для жителей этих регионов. Цикл засух вполне мог послужить причиной миграции шумеров в четвертом тысячелетии до нашей эры, как, как показано, он послужил причиной более поздних вторжений последних двух тысяч лет[592]. Хотя нет никаких доказательств, связывающих первоначальную родину шумеров с каким-либо из оазисов, раскопанных в Центральной Азии, тем не менее, признаки культурного контакта не являются недостаточными, и можно с уверенностью предположить, что их цивилизация развивалась в каком-то регионе к востоку от долины Евфрата до их входа в Вавилонию .[593]

Аккадцы.

Поскольку семитское влияние впервые ощущается на севере Вавилонии, в Аккаде, предполагается, что иммиграция происходила с северо-запада из Аравии через сирийское побережье, и в этом случае толчком также могло послужить наступление засушливого периода в центре Аравийского континента. Семиты предстают не как варвары-захватчики, а как высококультурный народ. Они впитали некоторые культурные элементы шумеров, в частности их письменность, и испытали глубокое влияние шумерской религии. Аккадцы изображены с тщательно завитыми волосами и бородой, и поэтому, в отличие от бритых шумеров, их называют "черноголовыми". Их главным оружием был лук, но у них также были копья и боевые топоры. Как и у шумеров, знаком царской власти был скипетр, похожий на бумеранг[594]. За исключением Вавилона и Сиппара, которые проливают мало света на ранние периоды, в северной Вавилонии не проводилось систематических раскопок, а местоположение Аккада до сих пор не идентифицировано.

Вавилонская хронология.

Хронология раннего периода Вавилонии вызывает много споров. Очень высокие даты в 5000 или 6000 лет до н.э., ранее приписываемые многими авторами самым ранним останкам шумеров и вавилонских семитов, в значительной степени зависели от заявления Набонида (556 г. до н.э.), что 3200 лет отделяют его собственный возраст от возраста Нарам-Сина, сына Саргона Агадского; ибо Саргону, только на основании этого заявления, обычно приписывается дата 3800 лет[595]. Эта дата представляет собой множество трудностей, оставляя многие века не представленными никакими царскими именами или записями. Даже предложенная правка текста, уменьшающая оценку на тысячу лет, не является общепринятой. Большинство авторитетов не решаются датировать какие-либо вавилонские

записи ранее 3000 года до н. э.^[596] и соглашаются, что время для установления каких-либо определенных дат для раннего периода еще не пришло.

Несмотря на легендарную подоплеку, связанную с его памятью, Шар-Гани-Шарри, обычно называемый Саргоном Аккадским, около 2500 г. до н. э. (Мейер), 2650 г. до н. э. (царь), несомненно, был исторической личностью, хотя, похоже, произошла путаница с Шарру-ги, или Шаррукином, также называемым Саргоном, самым ранним царем Киша^[597]. Традиция рассказывает, что его мать, царская принцесса, скрыла его рождение, положив его в камышовую корзину, закрытую битумом, и отправив его в плавание по ручью, откуда его спас водовоз Акки, который воспитал его как своего ребенка. Этот случай, в котором нет ничего чудесного, представляет собой любопытную параллель, если не источник подобных историй, связанных с Моисеем, Киром и другими древними вождями людей. Саргон также рассказывает, что он 45 лет правил из своей столицы Агаде Верхней и Нижней Месопотамией, управлял черноголовыми, как постоянно называют аккадов, ездил на бронзовых колесницах по труднопроходимым землям и трижды совершал походы к морскому побережью. Эти походы подтверждаются надписями из Сирии, хотя цилиндр его сына, Нарам-Сина, найденный Чеснолой на Кипре, теперь считается более поздней датой^[598]. Поскольку они проникли и на Синай, их влияние, по-видимому, распространялось на всю Сирию и Северную Аравию. Они возвели великие сооружения в Ниппуре, который в то время был настолько древним, что огромная кирпичная платформа Нарам-Сина стояла на массе толщиной в 30 футов из накопившихся обломков более ранних зданий. Среди наиболее интересных недавних находок в Ниппуре - досемитские таблички, содержащие рассказы, схожие с теми, что записаны в книге Бытия, причем в некоторых случаях последние были явно заимствованы. Опубликованный в 1910 году "Фрагмент потопа" рассказывает о предупреждении, данном богом Эа Утнапиштиму, вавилонскому Ною, и указаниях по строительству корабля, с помощью которого он и его семья смогут спастись, вместе с полевыми зверями и небесными птицами^[599]. Еще более поздняя находка более близко согласуется с библейской версией, называя имя одного благочестивого человека Тагтог, семитское Нуху, и назначая девять месяцев в качестве периода продолжительности потопа. В той же табличке содержится рассказ о грехопадении; но искушение и падение совершает Ной, а не Адам, а запретным плодом является кассия.^[600]

Эламские истоки.

Внук Сеннахериба, Ашшурбанипал, относящийся к позднему периоду Ассирийской империи, когда центр власти был перенесен из Вавилонии в Ниневию, оставил на своих кирпичных табличках запись о том, как он захватил Элам и разрушил его столицу Сузы (645 г. до н. э.). Он сообщает, что оттуда он привез чучело богини Наны, которое было унесено из ее храма в Эрехе эламским царем, которым Аккад был завоеван за 1635 лет до этого, т.е. в 2280 г. до н. э. 2280 г. до н. э. Над Аккадом Элам властвовал 300 лет, и именно царь этой династии, Худур-Лагамар, был отождествлен Т. Г. Пинчесом с "Хедорлаомером, царем Элама", побежденным Авраамом (Быт. xiv. 14-17)^[601]. Таким образом, объясняется присутствие эламитов в это время далеко на западе, вплоть до Сирии, их собственная резиденция находилась среди курдских гор в бассейне Верхнего Тигра.

Исторические записи.

Эламиты, по-видимому, не принадлежали к тому же роду, что и шумеры. Их описывают как мирных, трудолюбивых и искусных земледельцев, обладающих удивительными знаниями в области ирригации. Несемитский язык указывает на возможные связи с митаннийским^[602]. Однако в целом тип кажется скорее семитским, если судить хотя бы по большому

дугообразному носу и густой бороде сусийского бога Раммана, привезенного Ашшурбанипалом из Элама и изображенного в "Памятниках Ниневии" Лэйарда, 1-я серия, таблица 65. Это, однако, можно объяснить тем, что эламиты были рано покорены вторгшимися семитами, хотя впоследствии они сбросили иго и стали достаточно сильны, чтобы завоевать Месопотамию и распространить свои походы на Сирию и Иорданию. Столицей Элама был знаменитый город Сузы (Шушан, отсюда Сузиана, современный Хузистан). Недавние раскопки показывают, что поселение датируется неолитическим временем .[603]

Даже после захвата Суз Ашшурбанипалом Элам снова возвысился при Кире Великом, который, однако, не был персидским авантюристом, как утверждает Геродот, а законным эламским правителем, как записано на его цилиндре и табличке, хранящихся сейчас в Британском музее: -"Кир, великий царь, царь Вавилона, царь Сумира и Аккада, царь четырех зон, сын Камбиса, великого царя, царь Элама, внук Кира, великого царя", который по милости Меродаха победил черноголовый народ (*т.е.* аккадов) и, по его словам, "одержал победу над эламским народом". *т.е.* аккадов) и наконец-то спокойно вошел в Вавилон. В более раннем цилиндре Набонид, последний царь Вавилона, рассказывает, как тот же Кир покорил мидийцев - здесь их называют *манды*, "варвары" - и захватил их царя Астиагеса и его столицу Экбатану. Но хотя Кир, которого до сих пор считали персом и зороастрийским монотеистом, здесь предстает эламитом и политеистом, "совершенно точно, что, хотя он и происходил от эламских царей, это были [в то время] цари персидского рода, которые после разрушения старой [эламской] монархии Ашшурбанипалом основали новую династию в городе Сузы". Кир всегда ведет свое происхождение от Ахемена, вождя ведущего персидского клана Пасаргад[604]. " Поэтому, хотя Геродот и ошибается, говоря о Кире как об авантюристе, он справедливо называет его персом, а сам Элам в это позднее время, вполне возможно, уже был арийским в речи[605], сохраняя при этом свою старую шумерскую религию. Вавилонский пантеон просуществовал, по сути, до времен Дария Гистаспеса, который ввел зороастризм с его верховными богами, Ахура-Маздой, творцом всего доброго, и Ахриманом, автором всего злого.

Вавилонская религия.

Теперь можно получить некоторое представление о постепенном росте городов-государств Вавилонии. Начавшись с грубых тростниковых хижин, они сменились строениями из высушенного на солнце кирпича, построенными группой для взаимной защиты, вероятно, вокруг центра местного бога и окруженными стеной. Земля вокруг поселения орошалась каналами, здесь выращивали кукурузу и овощи, а также ухаживали за стадами и пастухами для содержания населения. Центральной фигурой всегда был бог, который иногда давал свое имя месту, и который был владельцем всей земли, а жители были лишь его арендаторами, которые должны были платить ему ренту за свои владения. Именно бог вел войны с соседями и с ним заключались договоры. Договор между Лагашем и Уммой, устанавливающий границы их владений и являющийся предметом постоянных споров, был заключен Нингирсу, богом Лагаша, и городским богом Уммы под арбитражем Энлиля, главного из богов, чье центральное святилище находилось в Ниппуре.

С ростом городов непременно возникали территориальные споры, и путем завоевания или слияния города превращались в государства. Тогда возникла проблема согласования различных городских богов, каждый из которых был верховным в своем городе, но занимал более высокое или низкое место в вавилонском пантеоне. Когда один город получал превосходство над всеми своими соседями, его правитель мог принять титул царя. Но царь был всего лишь *патеси*, управителем городского бога. Даже если господство было

достаточно постоянным для установления династии, это была династия города, а не семьи, поскольку сменявшие друг друга цари не обязательно принадлежали к одной и той же семье .[606]

Среди городских богов, превратившихся в могущественные божества, были Ану из Урука (Эреха), Энлиль из Ниппура и Эа из Эриду (первоначально морского порта). Они стали верховной триадой: Ану, правящий небесами, восседающий на северном полюсе, как царь и отец богов; Энлиль, семитский Бел, бог земли, повелитель земель, бывший главным из всех богов; и Эа, бог водных глубин, сын которого в конце концов затмил своего отца в лице Мардука из Вавилона. Вторая триада состоит из местных божеств, которые превратились в Сина, бога луны из Ура, Шамаша, бога солнца из Ларсы, и знаменитую Иштар, великую мать, богиню любви и царицу небес. Царство мертвых было темным местом под землей, где мертвые жили как тени, питаясь земной пылью. Их судьба частично зависела от их прежней жизни, а частично - от преданности оставшихся в живых родственников. Хотя их мертвые цари обожествлялись, нет никаких свидетельств веры во всеобщее воскресение или переселение душ. Однако гимны и молитвы богам демонстрируют очень высокий религиозный уровень, несмотря на важную роль, которую играют прорицания и экзорцизм - реликты более ранней культуры. Их постоянство можно отчасти объяснить теократическим характером вавилонского правления. Царь был всего лишь представителем бога, чьи желания истолковывали жрецы-прорицатели и экзорцисты, и ни одно действие в мирских или религиозных делах не могло быть предпринято без их надзора. Цари иногда пытались освободиться от власти жрецов, но эти попытки всегда оказывались тщетными. Власть жрецов часто имела прочную экономическую основу, ведь храмы великих городов были центрами огромного богатства и далеко идущей торговли, о чем свидетельствуют коммерческие контракты, хранящиеся в храмовых архивах .[607]

Социальная система.

Как семья развивается через род и племя в нацию, хорошо видно на примере вавилонской социальной системы, в которой жители каждого города все еще "делились на кланы, все члены которых утверждали, что происходят от общего предка, процветавшего в более или менее отдаленные времена". Члены каждого клана далеко не все занимали одинаковое социальное положение: одни спустились в мир, другие возвысились; среди них мы находим множество различных профессий - от сельскохозяйственных рабочих до писцов, от купцов до ремесленников. Между большинством этих членов не существовало никаких естественных связей, кроме воспоминаний об общем происхождении, возможно, общей религии, и возможных прав наследования или претензий на то, что принадлежало каждому в отдельности [608]. " Предполагается, что бог или богиня, которые присматривали за каждым мужчиной, и сыном которых был каждый, изначально были богом или богиней клана (его тотемом). Так и в Египте члены общины должны были происходить из одного рода (*páit*) и принадлежать к одной семье (*páitu*), вожди которой (*ropáitu*) были хранителями семьи, несколько групп таких семей находились под властью *ropáitú-há*, или главного вождя .[609]

Среди местных институтов поразительно обнаружить полностью развитую систему землевладельцев, хотя и не такую плохую, как та, что до сих пор терпеливо переносится в Англии, но уже процветавшую много веков назад в Вавилонии. "Расходы на ремонт обычно ложились на арендатора, которому также разрешалось строить на арендованной им земле, и в этом случае она объявлялась свободной от всех платежей на срок около десяти лет; но дом и, как правило, все, что он построил, затем возвращались к землевладельцу [610]. "

Общая культура.

Во многих других отношениях был достигнут большой прогресс, и фон Иринг^[611], Хоммель^[612] и другие считают, что из Вавилонии впервые распространились знания о письме, астрономии, сельском хозяйстве, навигации, архитектуре и других искусствах, в долину Нила, и в основном через Египет в Западный мир, а через Иран в Китай и Индию. В этом обобщении, вероятно, есть большая доля истины, хотя далее будет показано, что азиатское происхождение египетской культуры еще далеко не доказано.^[613]

Один элемент у этих двух народов, безусловно, был общим - высокоразвитая сельскохозяйственная система, которая лежала в основе их величия и поддерживалась в условиях бездождного климата благодаря огромной системе ирригационных сооружений. Такие работы в огромных масштабах были проведены древними вавилонянами шесть или восемь тысяч лет назад. Равнины нижнего Евфрата и Тигра, опустевшие под властью турок, пересекаются остатками сложной сети каналов, охватывающих все пространство между двумя реками, и усеяны руинами многих великих городов, чьи жители, насчитывающие десятки тысяч, обеспечивали себя продуктами высококультурного региона, который сейчас представляет собой засушливую пустошь, отличающуюся лишь осыпающимися курганами, застоявшимися водами и стоянками нескольких арабских палаток.

Собственно монголы.

Те, кто придает значение отличительным расовым качествам, всегда испытывали затруднения, приписывая эту удивительную цивилизацию одному и тому же монгольскому народу, который у себя дома едва ли продвинулся дальше охоты, рыболовства или пастушеского состояния. Но всегда нужно помнить, что человек, как и все другие зоологические формы, обязательно отражает характер окружающей среды. Монголы могут со временем стать земледельцами в аллювиальных месопотамских землях, хотя родственный им народ, давший название всему этносу и представляющий его физические характеристики в преувеличенном виде, навсегда останется палаточным кочевником в сухой среднеазиатской степи, которая мало что дает, кроме травы, и пригодна для обработки лишь в нескольких более благоприятных районах. Здесь типичные монголы, отрезанные от пахотных земель Южной Сибири хребтами Тянь-шаня и Алтая и в некоторой степени лишенные доступа к богатым речным долинам Срединного царства барьером Великой стены, испокон веков вели пастушеский образ жизни в пригодных для жизни урочищах и оазисах пустыни Гоби и области Ордос в пределах большой излучины Хоанхо. В течение исторического периода эти естественные и искусственные валы несколько раз преодолевались свирепыми монгольскими ордами, заливавшими, подобно неодолимым потокам, весь Китай и многие районы Сибири, и распространявшими свои хищнические или завоевательные походы по более открытым северным равнинам на запад почти до берегов Атлантики. Но такие разрушительные потоки, которые через определенные промежутки времени приводили к конвульсиям и смещениям половины оседлого населения земного шара, мало повлияли на племенные группы, которые остались позади. Они продолжали и продолжают занимать первоначальные места стоянок, такие же неизменные и однообразные по своему внешнему виду, психическим особенностям и социальным обычаям, как арабские бедуины и все остальные обитатели однообразных неразнообразных степных земель.

Физический тип.

Предположение де Ужфалви о том, что типичные монголы равнин, с которыми мы сейчас имеем дело, изначально были длинноголовыми, вряд ли можно воспринимать всерьез. В настоящее время и, фактически, на протяжении исторических времен, все настоящие монгольские народы отличаются высокой степенью брахицефалии, с цефалическим индексом, как правило, от 87 и выше, и можно вспомнить, что самый высокий известный индекс любого недеформированного черепа был у монгола Хаксли (98,21). Но, как уже отмечалось, черепа, извлеченные из доисторических или неолитических курганов, оказываются долихоцефальными, как у палеолитического и раннего неолитического человека в Европе.

Взятый в связи с многочисленными доисторическими останками из всех частей Центральной Азии и Сибири, этот факт, возможно, поможет привести взгляд де Ужфалви в соответствие с реальными условиями. Все можно объяснить, если предположить, что протомонгольские племена, распространившиеся с Тибетского нагорья по равнинам, носящим их имя, нашли этот регион уже занятым длинноголовыми кавказскими народами каменного века, которых они либо истребили, либо вытеснили на север в Алтайские нагорья и на восток в Маньчжурию и Корею, где до сих пор сохраняется сильное кавказское влияние. Таким образом, длинноголовыми у де Ужфалви будут не протомонголы, которые всегда были круглоголовыми, а изгнанная ими из Монголии длинноголовая неолитическая домонгольская раса, которую можно условно назвать протонордиками.

Этническое и административное деление.

То, что этот регион был их истинным домом с момента первых миграций с юга, не подлежит сомнению. Здесь земля и люди находятся в самой тесной связи друг с другом; здесь каждая заметная физическая особенность вызывает народную память; каждый изрезанный гребень связан с именем национального героя, каждому озеру или ручью до сих пор поклоняются или относятся с благоговением как к местному божеству, а то и как к обители родовых теней. Здесь же собственно монголы образуют две основные группы: *Шарра* на востоке и *Калмук* на западе, а третья группа, несколько смешанные *буряты*, уже давно обосновалась в сибирских провинциях Иркутск и Забайкалье. Под китайской полувоенной администрацией все буряты, кроме бурят, которые являются российскими подданными, состоят с XVII века из 41 *аймака* (крупных племенных групп или княжеств с наследственными ханами) и 226 *кошунгов*, "знамен", то есть более мелких групп, чьи вожди зависят от ханов соответствующих аймаков, которые сами непосредственно ответственны перед императорским правительством. Ниже приводится таблица этих административных делений, которые представляют собой любопытное, но эффективное сочетание племенной и политической систем, аналогичное устройству в Пондоленде и некоторых других районах Капской колонии, где наследственный племенной вождь принимает на себя функции ответственного британского магистрата.

Племенные или территориальные Подразделения	Аймаки (княжества)	Кошунги (знамена)
Халкас	4	86
Внутренняя Монголия с Ордосом	25	51
Чакары	1	8
Ала-Шан	1	3

Коко-нор и Цайдам	5	29
Сунгария	4	32
Урианхай	1	17
	-	--
	41	226

Со времени своей организации в аймаки и кошунги монголы перестали быть ужасом для окружающих народов. Непрекращающаяся борьба между этими воинами в палатках и мирным китайским населением, начавшаяся задолго до зари истории, завершилась со свержением сунгарийской власти в XVIII веке, когда их политическая сплоченность была нарушена, а весь народ доведен до состояния крайней беспомощности, от которой он теперь не надеется оправиться. Рука китайского владычества может быть заменена только более крепкой хваткой северного самодержца, чья тень уже лежит на пустыне Гоби.

Буддизм.

Таким образом, единственным спасением от тягостного однообразия чисто пастушеской жизни, уже не разбавляемой перерывами на военные или хищнические походы, является сохранение старых шаманских суеверий или дальнейшее развитие деградирующего тибетского ламаизма, представленного в Урге *Кутухту*, воплощением Будды, лишь менее почитаемым, чем сам Далай-лама[614]. Помимо этого верховного жреца в Урге существует более сотни более мелких *воплощений* - гигенов, как их называют, и эти святые существа обладают неограниченными возможностями грабить своих почитателей. Малейшая услуга, прикосновение к их одежде, благочестивое изречение или благословение, рассматриваются как бесценный духовный дар, и за них нужно платить дорогими подношениями. Даже мертвые не избегают этих поборов. Как бы ни распорядились ими, похоронили или кремировали, как ханов и лам, или отдали на растерзание зверям и хищным птицам, как это делают простые люди, "мессы", которые также имеют высокую цену, должны произноситься в течение сорока дней, чтобы избавить их души от мук буддийского чистилища.

Необычный факт, который, однако, возможно, требует объяснения, заключается в том, что почти все истинные монгольские народы являются буддистами со времен распространения учения Сакья-Муни по всей Центральной Азии, в то время как их родственники турки являются ревностными последователями Пророка. Так, например, можно наблюдать странное зрелище: две монгольские группы, киргизы тюркской ветви и калмуки западномонгольской ветви, расположились бок о бок на равнинах Нижней Волги, первые - под знаменем Полумесяца, вторые - благочестивые поклонники всех воплощений Будды. Аналогичные явления происходят и среди европейских народов: тевтоны в основном протестанты, неолатинцы - католики, восточные - православные. Из всего этого, однако, можно сделать лишь вывод, что религии отчасти являются вопросом географии, отчасти определяются расовым темпераментом и политическими условиями, а религиозное чувство, будучи универсальным, стоит выше всех местных или этнических соображений.

Под первым термином выражения "*монголо-турки*" (стр. 256), помимо собственно монголов, подразумеваются почти все те ветви, которые лежат к востоку и северо-востоку от Монголии и в большинстве отношений более тесно связаны с монголами, чем с турками. Таковы *тунгусы* с родственными им *маньчжурами*, *гольдами*, *орочонами*, *ламутами* и другими из бассейна Амура, верховьев Лены, восточных притоков Енисея и берегов Охотского моря; *гиляки* в устье Амура и на севере Сахалина; *камчадалы* на Южной Камчатке; на крайнем северо-востоке - *коряки*, *чукчи* и *юкагиры*; наконец, *корейцы*, *японцы* и *жители острова*

Лю-Киу (Лю-Чу). Таким образом, к монгольской части относятся почти все народы, лежащие между Енисеем и Тихим океаном (включая большинство прилегающих архипелагов), а также между Великой стеной и Северным Ледовитым океаном. Единственные два исключения - *якуты* средней и нижней Лены и соседних арктических рек, которые происходят из тюркского рода; и *айны* Езо, Южного Сахалина и некоторых Курильских островов, которые принадлежат к кавказской группе.

М. А. Чаплицкая предлагает полезную классификацию различных народов Сибири, обычно объединяемых по признаку языкового родства как урало-алтайцы, и поскольку "ни в одной другой части мира расовая проблема не представляет такой сложности и в отношении ни одной другой части жителей мира этнологи последних ста лет не выдвигали столь широко различающихся гипотез их происхождения^[615]", ее таблица может послужить для прояснения ситуации. Она делит всю территорию^[616] на *палеосибирцев*, представляющих наиболее древнюю группу обитателей Сибири, и *неосибирцев*, включающих различные племена центральноазиатского происхождения, которые достаточно сильно отличаются от родственных народов их прежних мест обитания, чтобы заслужить собственное родовое название. К палеосибирцам относятся *чукчи, коряки, камчадалы, айны, гиляки, эскимосы, алеуты, юкагиры, чуванцы и остяки* Енисея. К неосибирцам относятся финские племена (угорские *остяки* и *вогулы*), самодийские племена, тюркские племена (*якуты* и тюрко-татары Тобольского и Томского правительств), монгольские племена (западные монголы или *калмуки*, восточные монголы и *буряты*) и тунгусские племена (*тунгусы, чапогиры, гольды, ламуты, маньчжуры, манярги, орочи, ороконы* ("оленные тунгусы"), *ороке*).

Тунгусы.

Колыбель и тип.

Яркой иллюстрацией к общему утверждению, что различные культурные состояния являются вопросом не расы, а среды, служат различные социальные условия широко распространенной тунгусской семьи, которая является рыболовом на арктическом побережье, охотником в лесах Восточной Сибири, а в большинстве своем оседлым земледельцем и горожанином в богатых аллювиальных долинах Амура и его южных притоков. Русские, от которых мы получили термин "тунгус"^[617], признают эти различные занятия и говорят о *лошадиных, рогатых, оленьих, собачьих, степных и лесных* тунгусах, помимо оседлых земледельцев и скотоводов Амура. Их первоначальной родиной, по-видимому, были Шань-Алинские возвышенности, где они жили вместе с родственными *Нуучи* (маньчжурами) до тринадцатого века, когда беспорядки, вызванные войнами и завоеваниями Чингиз-хана, привели их к нынешнему местонахождению в Восточной Сибири. Тип, хотя и является по сути монгольским в несколько плоских чертах лица, очень выдающихся скулах, раскосых глазах, длинных длинных волосах, желтовато-коричневом цвете и низком росте, кажется, показывает примесь более высокой расы в стройном каркасе, проворной, активной фигуре, быстром, умном выражении лица, и особенно в изменчивом черепе. Хотя в целом он круглый (индексы 80°-84°), голова иногда плоская на макушке, как у истинного монгола, иногда высокая и короткая, что, как говорит Хами, особенно характерно для расы турков.^[618]

Психические особенности.

Все наблюдатели восторженно отзываются о темпераменте и моральных качествах тунгусов, и особенно о тех группах, которые бродят по лесам в районе тунгусских притоков Енисея и которые получили свое название от этих смелых охотников и ловцов. "Полные оживления и естественного порыва, всегда веселые даже в самых глубоких страданиях, относящиеся к

себе и другим с одинаковым уважением, с мягкими манерами и поэтической речью, услужливые без раболепия, безудержно гордые, презирующие ложь, равнодушные к страданиям и смерти, тунгусы, бесспорно, героический народ[619]."

Шаманизм.

Некоторые из них вошли в лоно православной церкви, а на крайнем юге некоторые причислены к буддистам. Но большая часть тунгусского народа по-прежнему остается шаманистами. Само слово "*шаман*" имеет тунгусское происхождение, хотя распространено также среди бурят и якутов. Его часто принимают за эквивалент священника; но на самом деле оно представляет собой стадию в развитии естественной религии, которая едва ли еще достигла состояния священнодействия. "Хотя во многих случаях шаманы действуют как жрецы и принимают участие в народных и семейных праздниках, молитвах и жертвоприношениях, их главное значение основано на выполнении обязанностей, которые резко отличают их от обычных жрецов[620]. " Они выполняют три функции: знахаря (пиявки, или целителя сверхъестественными средствами); прорицателя (пророка через общение с невидимым миром); и жреца, особенно в его качестве экзорциста, и в его общей власти влиять, контролировать или даже принуждать добрых и злых духов от имени своих почитателей. Но поскольку все духи отождествляются или изначально отождествлялись с душами усопших, из этого следует, что в конечном счете шаманизм превращается в форму поклонения предкам.

Эта система, имеющая множество фаз, отражающих различные культурные состояния ее приверженцев, до сих пор преобладает среди всех сибирских аборигенов[621], и вообще среди всех нецивилизованных урало-алтайских народов, так что и здесь религии строго отражают социальное состояние народов. Так, несколько культурных финны, турки, монголы и маньчжуры - все либо христиане, либо мухаммедане, либо буддисты; в то время как некультурные, но близкородственные самодийцы, остяки, орочоны, тунгусы, гольды, гиляки, коряки и чукчи почти без исключения являются шаманистами.

Шаманы не образуют особой касты или священного ордена, подобно иерархии христианских церквей. Некоторые из них являются наследственными, другие избираются, так сказать, народным голосованием. Они могут быть как мужчинами, так и женщинами (*шаманками*), женатыми или холостыми; и если говорят о "ранге", то это означает лишь большую или меньшую квалификацию в выполнении возложенных на них обязанностей. Все, таким образом, зависит от их личных заслуг, что, естественно, порождает большую ревность между членами ремесла. Так, между "белыми" и "черными", то есть теми, кто имеет дело с добрыми и злыми духами соответственно, в некоторых районах существует постоянная вражда, часто приводящая к ожесточенным схваткам и кровопролитию. Буряты рассказывают, как две группировки бросают друг в друга топоры на большом расстоянии, и борьба обычно заканчивается смертью одного из участников. Наименее популярны, но и наиболее страшны, конечно, черные, которые служат злым духам, приносят только болезни, смерть или несчастье, а то и убивают людей, пожирая их души. Многим из них приписывают необыкновенные и даже чудодейственные способности, и нет сомнений, что они часто оправдывают свою репутацию, выполняя почти невероятные фокусы, чтобы подействовать на доверчивость невежественных людей или перебить своих конкурентов в борьбе за расположение публики. Старый Ричард Джонсон из экспедиции Чанселора в Московию рассказывает, как он видел, как шаман самоедов проткнул себя мечом, затем раскалил меч докрасна и вонзил его в свое тело, так что острие торчало сзади, и Джонсон смог дотронуться до него пальцем. Затем они крепко связали волшебника оленьей веревкой и

устроили несколько представлений, удивительно похожих на те, что показывают братья Дэвенпорт и другие современные фокусники .[622]

На часто обсуждаемый вопрос, являются ли шаманы самозванцами, лучший ответ, пожалуй, дал Кастрен, который, говоря о тех же самоедских фокусниках, замечает, что если бы они были просто обманщиками, мы должны были бы предположить, что они не разделяли религиозных верований своих соплеменников, а были своего рода рационалистами, намного опередившими свое время. Поэтому гораздо вероятнее, что они обманывали и себя, и других[623] , в то время как многие, несомненно, подкрепляли свою слабеющую репутацию, играя в барыгу там, где нет опасности быть обнаруженным.

"Шаманизм среди сибирских народов, - заключает наш русский авторитет, - в настоящее время находится в болезненном состоянии; он должен вымереть вместе с теми верованиями, среди которых только и могут возникать и процветать подобные явления. Буддизм, с одной стороны, и магометанство, с другой, не говоря уже о христианстве, быстро разрушают старые представления племен, среди которых выступали шаманы. Особенно сильно древняя Черная вера пострадала от Желтой веры, которую проповедуют ламы. Но шаманы с их темными таинственными обрядами успешно борются за жизнь и до сих пор часто встречаются среди местных христиан и мухаммеданцев. Муллы и ламы даже вынуждены были в значительной степени стать шаманами, и многие сибирские племена, которые номинально являются христианами, верят в шаманов и прибегают к их услугам".

Маньчжуры.

Происхождение и ранние записи.

Из всех представителей тунгусской семьи только маньчжуры могут быть названы историческим народом. Если они действительно произошли от *хитанцев* из долины Сунгари, то их подлинные записи относятся к десятому веку нашей эры, когда эти прославленные воины, свергнув Пу-хай (925 г.), основали династию Ляо и подчинили себе большую часть Северного Китая и прилегающих земель. Хитанцы, от которых Китай был известен Марко Поло как *Хитай* (Катай), как он известен и русским, были завоеваны в 1125 году *Ниу-чи* (*Ю-чи*, *Ню-чин*) из Шань-алиньских нагорий, считающихся колыбелью маньчжурской расы. Эти Ниу-чи, прямые предки маньчжуров, основали (1115 г.) государство, известное как "Золотые татары", от *Кин* - "золото", титул, принятый их вождем Агудой, "потому что железо (по отношению к династии *Ляо*, "железной") может ржаветь, а золото остается всегда чистым и ярким". Однако Кин сохранили свою яркость лишь немногим более века, будучи затмеваемы Чженгиз-ханом в 1234 году. Но примерно в середине XIV века Ниу-чи снова поднялись к власти при Айсигу-Гиоро, который, хотя и имел чудесное рождение и был окружен другими легендарными событиями, кажется, был исторической личностью. Его можно считать истинным основателем маньчжурской династии, ведь именно в его время это имя вошло в обиход. Один из его потомков Синг-цу построил палисад, слабое подражание Великой стене, участки которого существуют до сих пор. Тхай-цзу, еще более знаменитый представитель рода, значительно расширил Маньчжурское королевство (1580-1626), и именно его сын Тай-цзун впервые принял императорское достоинство под титулом Тай-цзун. После его смерти династия Мин была свергнута мятежным вождем, маньчжуры были приглашены империалистами для помощи в восстановлении порядка, с триумфом вошли в Пекин и, обнаружив, что последний из Минов покончил с собой, посадили на трон племянника Тай-Цуна, основав таким образом маньчжурскую династию (1644), которая просуществовала до 1912 года.

Таков был вклад маньчжуров в историю; их вклад в искусство, литературу, науку, словом, в общий прогресс человечества, был *нулевым*. Они нашли Срединное царство, после веков вялого роста, в состоянии абсолютного застоя, и там они его и оставили. С другой стороны, принятие ими на себя императорской власти привело к их собственному разорению, вытеснению и почти исчезновению как отдельной национальности[624]. Маньчжурия, как и Монголия, состоит из нескольких наполовину военных, наполовину гражданских подразделений, так называемых *паки*, или "Восемь знамен", и постоянная потребность в этих резервах для поддержки династии и обеспечения надежных гарнизонов для всех опорных пунктов империи отняла лучшую кровь народа, фактически истощив его жизненную силу в самом истоке. Затем богатые пахотные угодья, истощенные таким образом, были постепенно заняты сельскохозяйственными поселенцами с юга, в результате чего маньчжурская раса почти исчезла. С этнической точки зрения весь регион за Великой стеной на север до Амура практически стал неотъемлемой частью Китая, а с политической точки зрения с 1898 года - неотъемлемой частью Российской империи. К середине XIX века численность Восьми Знамен не превышала четверти миллиона человек, и примерно в это время аббат Гук заявил, что "маньчжурская национальность уничтожена до неузнаваемости". В настоящее время мы тщетно будем искать хоть один город или деревню в Маньчжурии, которые не были бы населены исключительно китайцами. Местный колорит полностью уничтожен, и за исключением нескольких групп кочевников никто не говорит на маньчжурском языке[625]."

Аналогичные свидетельства приводят и более поздние наблюдатели, и Генри Ланселл, в частности, отмечает, что "маньчжуры в течение двух столетий своего правления в Китае, можно сказать, занимались своим собственным уничтожением. Их манеры, язык, сама страна стали китайскими, и некоторые утверждают, что собственно маньчжуры теперь вымерли[626]."

Тип.

Но тип, далеко не исчезнувший, можно сказать, получил значительное распространение, особенно среди населения северо-восточного Китая. Высокий рост и значительное превосходство жителей Тянь-цзиня и прилегающих районов[627] над жителями южных провинций (Фокиен, Кван-тун), которые являются главными представителями китайской расы за рубежом, лучше всего объясняются постоянными пересечениями с соседними маньчжурами, по крайней мере, с XII века, если не раньше.

Даури.

Тесно связанные с маньчжурами (из одного и того же рода, говорит сэр Х. Х. Хауорт, различие чисто политическое) - *дауры*, которые дали свое название обширному плато Даур, и ранее занимали оба берега Верхнего Амура. Даур - это, по сути, название, применяемое бурятами ко всем тунгусским народам бассейна Амура. Сами дауры, которые в настоящее время являются, возможно, лучшими представителями первоначального маньчжурского типа, по-видимому, смешались в отдаленные времена с длинноголовым домонгольским населением Центральной Азии. Они "выше и сильнее, чем оронхонцы [тунгусские группы ниже по течению Амура]; лицо овальное и более интеллектуальное, а щеки менее широкие. Нос довольно выдающийся, а брови прямые. Кожа коричневая, а волосы каштановые[628]."

Большинство этих черт характера таковы, какие мы ожидали бы найти у людей смешанного монголо-кавказского происхождения, причем последний элемент происходит от длинноголовой расы, которая уже в неолитические времена достигла нынешней Монголии, Маньчжурии, Кореи и прилегающих островов. Этим можно объяснить высокий рост, несколько правильные черты лица, каштановые волосы, светлые глаза и даже цветочный

цвет кожи, столь часто наблюдаемые среди современных жителей Маньчжурии, Кореи и некоторых районов Северного Китая.

Монголо-тюркская речь.

Но в маньчжурском языке, который, как и монгольский, является типичным представителем агглютинативной урало-алтайской семьи, не наблюдается никаких примесей, кроме китайских литературных терминов. Несмотря на значительные различия, лексические, фонетические и даже структурные, все члены этого широко распространенного строя речи имеют ряд общих фундаментальных черт, которые оправдывают предположение о том, что все они происходят от первоначального исходного языка, который давно вымер, и зародыши которого, возможно, впервые развились на Тибетском плато. Существенными признаками системы являются:-(1) "корень" или понятийный термин, обычно закрытый слог, номинальный или вербальный, с гласным или дифтонгом, сильным или слабым (твердым или мягким) в соответствии со значением термина, следовательно, неспособным к изменению; (2) ряд частиц или реляционных терминов, несколько слабо постфиксированных к корню, но объединенных с ним по принципу (3) гармонии гласных, своего рода вокального конкорданса, в силу которого гласные всех постфиксов должны гармонизировать с неизменяемой гласной корня. Если она сильная, то все последующие гласные сочетания, независимо от их длины, должны быть сильными; если слабая, то они должны соответствовать таким же образом. С именными корнями постфиксы обязательно ограничиваются выражением нескольких простых отношений; но с глагольными корнями они в принципе неограниченны, так что все многообразные отношения глагола к субъекту и объекту включаются в само глагольное соединение, которое может иногда достигать запредельной длины. Отсюда и выражение "инкорпорация", обычно применяемое к этой агглютинативной системе, которая иногда заходит так далеко, что воплощает понятия причинности, возможности, пассивности, отрицания, интенсивности, состояния и так далее, помимо прямых прономинальных объектов, в одном бесконечном конгломерате, который затем рассматривается как простой глагол и проходит через все вторичные изменения числа, лица, времени и настроения. В результате получается бесконечное число теоретически возможных глагольных форм, которые, хотя на практике естественно ограничены обычными требованиями речи, слишком многочисленны, чтобы можно было построить полную глагольную парадигму любого полностью развитого члена урало-алтайской группы, такого, например, как якутский, тунгусский, тюркский, мордовский, финский или мадьярский.

В этой системе гласные делятся на сильные или твердые (*a, o, u*), слабые или мягкие (те же *умлаутированные: ä, ö, ü*) и нейтральные (обычно *e, i*); последние называются так потому, что они встречаются безразлично с двумя другими классами. Таким образом, если определяющим корневым гласным является *a* (сильный), то в постфиксах может быть либо *a* (сильный), либо *e* или *i* (нейтральный); если *ä* (слабый), то в постфиксах может быть либо *ä* (слабый), либо *e* или *i*, как и раньше. Сами постфиксы, несомненно, первоначально были условными терминами, изношенными по форме и значению, чтобы выразить просто абстрактное отношение, как в мадьярском *vel* = с, от *veli* = компаньон. Присоединенный к корню *fa* = дерево, он дает аблатив, сначала негармонизированный, *fa-vel*, затем гармонизированный, *fa-val* = дерево с, с деревом. В ранних мадьярских текстах двенадцатого века негармоничные соединения, такие как *halál-nek*, позже *halák-nak* = at death, многочисленны, из чего было сделано заключение, что принцип гармонии гласных не является изначальной чертой урало-алтайских языков, а является более поздним развитием, вызванным фактически фонетическим упадком, и все еще малоизвестным в некоторых

членах группы, таких как вотякский и горно-черемисский (волжские финны). Однако М. Люсьен Адам считает, что эти идиомы утратили этот принцип в результате иностранного (русского) влияния, и что те немногие следы, которые еще заметны, являются пережитками того времени, когда все урало-алтайские языки были подвержены прогрессирующей гармонии гласных .[629]

Язык и расовые черты.

Но как бы то ни было, Дин Бирн склонен рассматривать чередование энергичного произнесения твердых и вялого произнесения мягких гласных как выражение чередования активного и вялого темперамента расы, причем такие чередования сами по себе обусловлены климатическими условиями окружающей среды. "Конечно, жизнь великих кочевых рас включает в себя двойной опыт такого рода, поскольку они должны во время обильного лета обеспечивать суровую зиму, когда мало что можно сделать. Их характер также предполагает поразительное сочетание периодической праздности и энергии; и очень примечательно, что это различие корней свойственно языкам, на которых изначально говорили там, где существует это большое различие времен года. Тот факт, что различие [между твердым и мягким] передается всем суффиксам корня, доказывает, что радикальная характеристика, которую он выражает, мыслится вместе с ними; и, следовательно, что радикальная идея сохраняется в сознании, пока они добавляются к ней[630] ."

Это весьма характерный пример методов, которых придерживался Дин Бирн в своей гениальной, но безнадежной попытке объяснить тонкую структуру речи еще более тонким темпераментом говорящего, взятым в связи с переменчивым характером климата. Рассматриваемая особенность не может быть обусловлена таким чередованием настроения и климата, поскольку она устойчива во все времена года, в то время как жесткие и мягкие элементы встречаются одновременно, можно сказать, беспорядочно, в разговоре при любом психическом состоянии собеседников.

Истинное объяснение дает Шлейхер, который указывает, что прогрессивная вокальная ассимиляция является необходимым результатом агглютинации, которая таким образом связывает идею и ее отношения в их внешнем выражении, точно так же, как они уже неразрывно связаны в сознании говорящего. Поэтому такой ассонанс не ограничивается урало-алтайской группой, аналогичные процессы происходят на определенных этапах своего развития во всех формах речи, как в волофском, зулусском, кельтском (выражаясь формулой ирландских грамматистов: "широкий к широкому, стройный к стройному"), и даже в латыни, как в таких вокалических согласованиях, как: *annus, perennis; ars, iners; lego, diligo*. В этих примерах корневой гласный подвергается влиянию префикса, в то время как в монголо-тюркской семье корневой гласный, стоящий на первом месте, неизменен, но, как объясняется, влияет на гласные постфикса, фонетический принцип одинаков в обеих системах.

Монгольская и маньчжурская письменность.

Монгольский и маньчжурский языки - это культурные языки, использующие модифицированные формы уйгурской (тюркской) письменности, которая основана на сирийском языке, введенном христианскими (несторианскими) миссионерами в седьмом веке. Впервые она была принята монголами около 1280 года и усовершенствована писцом Цоржи Осиром при хане Дженезеке (1307-1311). Буквы, соединенные между собой непрерывными штрихами и слегка измененные, как в сирийском языке, в зависимости от их положения в начале, середине или конце слова, расположены в вертикальных колонках слева направо, что, несомненно, объясняется китайским влиянием. Это тем более вероятно,

что маньчжуры, до введения монгольской системы в XVI веке, использовали китайские иероглифы со времен династии Кин.

Юкагиры.

Ни один из других тунгусских народов северо-восточной Сибири не обладает письменностью, кроме юкагиров Ясачной притоки Колымаривера, которых в 1892 году посетил русский путешественник С. Шаргородский. Из его отчета[631] следует, что эта символическая письменность вырезается острым ножом из мягкой свежей бересты, причем этих простых материалов достаточно для описания следов, пройденных во время охотничьих и рыболовных экспедиций, а также чувств молодых женщин в их переписке со своими возлюбленными. Приведены образцы этих любопытных документов, некоторые из которых трогательны и даже патетичны. "Ты уходишь, а я остаюсь одна, ради тебя все еще плачу и стону", - пишет одна разочарованная дева своему разлучнику. Другая с оттенком ревности: "Ты идешь искать свой русский огонь, который стоит между тобой и мной, твое сердце от меня отдельно, чтобы сохранить. В новом доме радость ты найдешь, а я должна вечно горевать, как и ты, о чем я помню, хотя еще есть тот, кто меня любит". Или еще: "Каждый юноша свою половинку находит; мне же судьба одна - мечтать о нем, который с другой сочетается браком, и я должна быть довольна, если только он меня не забудет". И с нотками плача: "Ты ушла, и в последнее время кажется, что это место для меня опустело; и я тоже должна идти вперед, чтобы забыть старые воспоминания и избавиться от мук тех светлых дней, которыми я когда-то наслаждалась здесь с тобой".

Можно даже привести подробности домашней жизни, а одна опытная девица способна записать в своем блокноте гребни, шали, иглы, наперстки, кусок мыла, леденцы, мотки шерсти и прочие мелочи, которые она получила от якутского упаковщика в обмен на сшитую им одежду. Без иллюстраций ни одно описание процесса не было бы понятным. И действительно, похоже, что эти примитивные документы не всегда понятны самим молодым людям. Временами они собираются группами, чтобы понаблюдать за процессом составления документа какой-нибудь опытной девушкой, деревенским "нотариусом", и, как нам сказали, много веселья вызывают ошибки тех, кто не может правильно прочитать текст.

Неизвестно, распространена ли эта система среди других юкагирских племен, живущих на берегах Индигирки, Яны, Керкодона и соседних районов. Таким образом, они огибают Ледовитый океан от дельты Лены до Колымы и за ее пределами и граничат по суше с якутами на юго-западе и чукчами на северо-востоке. Вместе с чукчами, коряками, камчадалами и гиляками они составляют отдельную ветвь монгольской группы, которую иногда объединяют в группу "гиперборейцев", но отличают от других урало-алтайских народов, возможно, только по языковому признаку. Хотя сейчас численность юкагиров не превышает 1500 человек, раньше они были многочисленным народом, и народная поговорка о том, что их очаги на берегах Колымы в свое время превышали количество звезд на небе, кажется воспоминанием о более благополучных временах. Но эпидемии, войны между племенами, чрезмерное употребление грубого украинского табака и дурных духов, которым предаются даже женщины и дети, нанесли большой урон. "Юкагир, говорят, никогда не опьяняет себя в одиночку, а призывает свою семью разделить с ним выпивку, даже дети на руках получают свою порцию[632]". Их язык, который А. Шифнер считает радикально отличным от всех других[633], исчезает еще быстрее, чем сам народ, если уже не исчез совсем. В восьмидесятые годы на нем говорило всего около десятка стариков, а его место почти повсеместно занял тюркский диалект якутов.[634]

Чукчи и коряки.

Между чукчами и их соседями коряками существует любопытный обмен племенными названиями: *коряки* называют чукчей *хорана*, "олень", а коряки, как говорят, называют себя *чаучау*, откуда некоторые выводят слово *чукчи*. Хупер, однако, говорит нам, что правильная форма чукчи - *туски*, "братья" или "конфедераты"[635], и в любом случае этот момент не имеет большого значения, так как Диттмар, вероятно, прав, считая обе группы тесно связанными и произошедшими от одного источника[636]. Вместе они занимают северо-восточную оконечность континента между Колымой и Беринговым проливом, вместе с северными частями Камчатки; чукчи лежат к северу, коряки - к югу, в основном вокруг северо-восточных заливов Охотского моря. Уже были приведены доводы в пользу предположения, что чукчи были тунгусским народом, пришедшим из бассейна Амура. На своей арктической родине они, по-видимому, вели длительные войны с аборигенами онкилон (анг-кали), постепенно сливаясь с оставшимися в живых, а также смешиваясь с коряками и эскимосами-чуклукимитами, осевшими на азиатской стороне Берингова пролива.

Взаимоотношения чукчей и эскимосов.

Тип и социальное состояние.

Но их отношения со всеми этими народами очень туманны, и если одни связывают их с ительменами Камчатки[637], то другие относят их к эскимосам, благодаря эскимосскому диалекту, на котором, как говорят, они говорят. Но этот "диалект" - всего лишь торговый жаргон, своего рода "эскимосский пиджин", распространенный по всему побережью и состоящий из чукотских, инуитских, корякских, английских, и даже гавайских элементов, смешанных в разных пропорциях. Настоящий чукотский язык, на котором Норденшельд собрал 1000 слов, совершенно отличен от эскимосского и, вероятно, сродни корякскому[638], и шведский исследователь метко замечает, что "эта раса, поселившаяся на первобытном пути между Старым и Новым Светом, несет на себе безошибочную печать монголов Азии и эскимосов и индейцев Америки". Его поразило большое сходство оружия и домашней утвари чукчей с оружием и утварью гренландских эскимосов, а Сигне Ринк показывает, что даже народные легенды были распространены среди населения по обе стороны Берингова пролива[639]. Такие общие элементы, однако, мало что дают для расового родства, которое, кажется, исключается чрезвычайно круглой формой черепа чукчей по сравнению с длинноголовыми эскимосами. Но тип значительно варьируется как среди так называемых "рыболовецких чукчей", которые занимают постоянные стоянки вдоль морского побережья, так и среди "оленных чукчей", которые кочуют по внутренним районам, меняя места стоянок в зависимости от времени года. У них нет наследственных вождей, и даже владелец самого большого оленьего стада не пользуется авторитетом, которому русские присвоили титул *иерема*, считая его главой чукотской нации и возлагая на него ответственность за хорошее поведение его грубых подданных. Будучи номинальными христианами, они продолжают приносить животных в жертву духам рек и гор, а также совершать шаманские обряды. Они верят в загробную жизнь, но только для тех, кто умирает насильственной смертью. Отсюда покорность и даже готовность, с которой безнадежно немощные и престарелые люди подчиняются, когда приходит время, чтобы их отправили родственники, в соответствии с племенным обычаем *камиток*, который до сих пор сохранился в полной силе среди чукчей, как и среди суматранских баттов, и может быть прослежен во многих других частях мира.

"Обреченный, - пишет Гарри де Виндт, - проявляет живой интерес к процессу и часто помогает в подготовке к собственной смерти. Казни всегда предшествует пиршество, на котором с жадностью поглощают мясо тюленя и моржа, а виски пьют до полного опьянения.

Спонтанный взрыв пения и приглушенная дробь барабанов из моржовой шкуры возвещают роковой момент. По заданному сигналу родственники и друзья образуют кольцо, а все поселение наблюдает за происходящим с заднего плана. Палач (обычно сын или брат жертвы) выходит вперед и, поставив правую ногу за спину приговоренного, медленно душит его до смерти моржовым языком. Камиток произошел во время нашей последней части пребывания на острове[640]."

Этот обычай "добровольной смерти" иногда объясняется скорбью по поводу смерти близкого родственника, ссорой в доме или просто усталостью от жизни, и Богорас считает, что обычай убивать стариков не существует как таковой, а добровольно выбирается в предпочтение тяжелой жизни инвалида.[641]

Коряки и камчадалы.

В последнее время большинство наблюдателей считают чукчей и *коряков*, по сути, одним и тем же народом, с той лишь разницей, что последние, по возможности, еще более деградировали, чем их северные соседи[642]. Как и они, они делятся на оседлых рыболовов и кочевых оленеводов, причем последние, называющие себя тумугулу, "странники", кочуют в основном между Гийгинским заливом и рекой Анадырь. Через них чукчи постепенно сливаются с *ительменами*, которые более известны как камчадалы, с реки Камчатки, где они в настоящее время в основном сосредоточены. Большинство ительменов уже русифицированы в речи и, по крайней мере, в религии; но они все еще тайком от всех время от времени закалывают собаку, чтобы умиловить злобных существ, которые создают препятствия на пути их охотничьих и рыболовных экспедиций. Однако само их существование зависит от их собачьих помощников - крепких, почти волчьих, приспособленных к голоду и лишениям и отлично подходящих для работы в санях.

Гиляки.

Несколько отличными как от всех этих гипербореев, так и от их соседей, орохонов, гольдов, манегров и других тунгусских народов, являются *гиляки*, ранее широко распространенные, а теперь ограниченные дельтой Амура и северными районами Сахалина[643]. Некоторые наблюдатели связывают их с айнами и корейскими аборигенами, а А. Анучин выделяет два типа - монголоидный с редкой бородой, высокими скулами и плоским лицом и европеоидный с кустистой бородой и более правильными чертами[644]. Последние черты приписывались русскому смешению, но, по предположению Г. фон Зибольда, более вероятно, что они обусловлены фундаментальной связью с их соседями айнами.[645]

В умственном отношении гиляки занимают низкое положение - Г. Ланселл считал их самыми низкими из всех людей, которых он встречал в Сибири[646]. Несмотря на рвение русских миссионеров и побуждения присоединиться к общине, они остаются упрямыми шаманистами и даже фаталистами, так что "если один упадет в воду, другие не помогут ему выбраться, мотивируя это тем, что таким образом они будут противостоять высшей силе, которая желает, чтобы он погиб..... Предполагается, что душа гиляка после смерти переходит в его любимую собаку, которую, соответственно, кормят отборной пищей; и когда шаманы вымолят дух из собаки, животное приносят в жертву на могиле хозяина. После этого душа представляется как ушедшая под землю, освещенная и ведомая своими собственными солнцем и луной, и продолжает вести там, в своей духовной обители, тот же образ жизни и занятия, что и во плоти[647]."

Особенностью гиляков, как и их золотых соседей, является костюм из рыбьей кожи, сделанный из шкур двух видов лосося, отчего все эти аборигены известны китайцам как

юпитатсе, "люди, одетые в рыбью кожу". "Они снимают ее с большой ловкостью, а ударами молотка удаляют чешую и таким образом делают ее эластичной. Одежда, сделанная таким образом, непромокаема. Я видел дорожную сумку и даже парус лодки, сделанные из этого материала[648]."

Как и айны, гиляки могут быть названы медведепоклонниками. По крайней мере, это животное считается одним из их главных богов, хотя зимой они заманивают его в ловушку, держат в заточении, а когда откормят, разрывают на куски, пожирая растерзанные останки с большим пиршеством и ликованием.

Корейцы.

Этические элементы.

С тех пор как была открыта Корея, на происхождение и этнические отношения ее нынешних жителей был брошен новый свет. В своей монографии о желтых расах[649] Хами включил их в состав монголов, но не без оговорки, добавив, что "в то время как некоторых можно принять за тибетцев, другие похожи на океанский крест; отсюда противоречивые отчеты и теории современных путешественников". С тех пор изучение некоторых черепов, присланных в Париж, позволило ему прояснить некоторую путаницу, которая, очевидно, вызвана смешением различных элементов, относящихся к отдаленным (неолитическим) временам. На основании данных, предоставленных этими черепами, Хами разделяет корейцев на три группы: 1. уроженцы северных провинций (Пинган-тао и Хиенкин-тао), поразительно похожие на своих монгольских соседей; 2. Жители южных провинций (Klingchang-tao и Thsiusan-lo-tao), потомки древних Chinhans и Pien-hans, показывающие японское родство; 3. Жители внутренних провинций (Hoanghae-tao и Ching-tsing-tao), которые представляют переходную форму между северными и южными, как по своему физическому типу, так и по географическому положению .[650]

Кавказские черты - светлые глаза, крупный нос, волосы часто русые, полная борода, светлая и даже белая кожа, высокий рост - бросаются в глаза, особенно среди высших классов и многих южных корейцев[651]. Таким образом, они представляют собой смешанную расу, где на севере, как и следовало ожидать, преобладает монгольский элемент, а на юге - европеоидный.

Корейские истоки и записи.

Эти выводы подтверждаются тем, что известно о ранних перемещениях, миграциях и смещениях населения северо-восточной Азии на заре истории. В этих превратностях корейцы, как их сейчас называют[652], по-видимому, впервые приняли участие в двенадцатом веке до нашей эры, когда полуостров уже был занят, как и сейчас, монголами, *сиен-пи*, на севере, и на юге несколькими ветвями *ханьцев* (*сан-сан*), о которых говорится, что они говорили на языке, непонятном сиен-пи, и походили на японцев внешне, нравами и обычаями. Из этого можно сделать вывод, что ханьцы были истинными аборигенами, вероятно, прямыми потомками кавказских народов нового каменного века, а сиен-пи - монгольскими (тунгусскими) вторженцами из нынешней Маньчжурии. В течение некоторого времени сиен-пи играли ведущую роль в политических потрясениях до и после возведения Великой стены Ши Хван Ти, основателем династии Цинь (221-209 гг. до н.э.)[653]. Вскоре после завершения строительства этого барьера *Хиун-ну*, не имея больше возможности опустошать плодородные равнины Среднего царства, обратили свое оружие против

соседних *Юэ-чи*, которых они вытеснили на запад в Сунгарийские долины. Здесь их вскоре вытеснили *усуни* (*Wusun*), светловолосый, голубоглазый народ неизвестного происхождения, которых называли "арийцами" и даже "тевтонами", и которых Ш. де Ужфальви отождествляет с высокими длинноголовыми западными блондинами (*Homo Europaeus* де Лапужа), смешанными с коричневыми круглоголовыми ордами белого цвета лица[654]. Принимая эту точку зрения, мы можем пойти дальше и отождествить усуней, как и другие белые народы ранних китайских записей, с уже описанными центральноазиатскими кавказцами каменного века, чьими костными останками мы сегодня располагаем, и которые выходят на поверхность в самых первых китайских документах, касающихся беспокойного населения за Великой стеной. Существование белого элемента со всеми сопутствующими признаками не вызывает сомнений, поскольку он постоянно упоминается в этих документах. Как же объяснить его присутствие в восточной части Центральной Азии, включая Маньчжурию и Корею, ? Только двумя предположениями - *протоисторическими* миграциями с Дальнего Запада, которым препятствовали протоисторические миграции с Дальнего Востока, что в значительной степени определялось возведением Великой стены; или *доисторическими* (неолитическими) миграциями, также с Дальнего Запада, но без серьезных препятствий, поскольку предшествовали приходу протомонгольских племен с Тибетского нагорья. Истинное решение бесконечных этнических осложнений на крайнем Востоке, как и в океаническом мире, все же будет найдено в ныне продемонстрированном присутствии в этих регионах кавказского элемента, предшествующего монгольскому.

Когда власть Хиун-ну[655] была ослаблена их западными миграциями в Сунгарию и юго-западную Сибирь (Верхний Иртыш и впадина озера Балкаш) и разделена на две части во время войн с двумя династиями Хань (201 г. до н.э.-220 г. н.э.), корейские Сиен-пи стали доминирующим народом к северу от Великой стены. Уничтожив последние остатки нестабильной империи Хиун-ну и оттеснив монголо-тюркские орды на запад, юань-юаньцы, самые могущественные из всех племен сиен-пи, оставались хозяевами Восточной Центральной Азии около 400 лет, а затем исчезли из истории[656]. По крайней мере после VI в. н. э. о княжествах синь-пи больше не упоминается ни в Маньчжурии, ни в Корее. Здесь, однако, они, по-видимому, все еще составляют доминирующий элемент в северных (монгольских) провинциях, называя себя Гири́н (Хири́н), от долины Хи́рин (Сунга́ри) на Амуре, где они когда-то властвовали.

С тех пор Корея попеременно становилась то вассальным государством, то провинцией Срединного царства, с перерывами на японское господство, прерванное лишь четырьмя веками правления Кораи (934-1368). Это была самая блестящая эпоха в истории страны, когда Корея была скорее союзником, чем вассалом Китая, и когда торговля, промышленность и искусство, особенно фарфор и бронза, процветали в стране. Но за века последующего правления народ, наделенный прекрасными природными качествами, был низведен до самого низкого состояния деградации. До реформ, начатых политическими событиями 1895-96 годов, "страна была изъедена чиновничеством". Мало того, что злоупотребления преобладали без числа, но вся система управления была злоупотреблением, морем коррупции, без дна и берегов, двигателем грабежа, подавляющим жизнь всей промышленности[657]. "Но вскоре были замечены улучшения. "Воздух мужчин претерпел тонкие и реальные изменения, а женщины, хотя они номинально поддерживают свои привычки, уединяясь, утратили тот похмельный дух, который отличал их дома. Изменилась и резвость движений, сменившая самодовольную развязность *ян-бана* (дворянина) и бессердечную приторность крестьянина". Это улучшение было лишь временным. Последние годы века ознаменовались ослаблением японского влияния из-за русских интриг, восстановлением абсолютной монархии с ее худшими злоупотреблениями,

отказом от реформ и ретроградным движением во всем королевстве. Успехи Японии в 1904-5 годах привели к восстановлению ее господства, кульминацией которого в 1910 году стала уступка суверенитета императором Кореи императору Японии.

Религия.

Религиозные настроения, пожалуй, менее развиты, чем у любого другого азиатского народа. Буддизм, введенный около 380 года н.э., так и не прижился, и если *литераторы* довольствуются моральными наставлениями Конфуция, то остальные не продвинулись дальше поклонения природе, которое было древней религией этой страны. На каждой горе, перевале, броне или даже заводи реки есть свой дух, которому приносят жертвы. Предкам, как королевским, так и домашним, воздаются почести в их храмах или алтарях, строятся часовни и посвящаются людям, особо отличившимся в верности, добродетели или возвышенном учении.

Корейская письменность.

В настоящее время филологи признают некоторое родство между корейским и японским языками, оба из которых, по-видимому, отдаленно связаны с урало-алтайской семьей. Корейцы обладают настоящим алфавитом из 28 букв, который, однако, не является местным изобретением, как иногда утверждают. По-видимому, он был введен буддийскими монахами около или до X века и основан на какой-то скорописной форме индийской системы (деванагари)[658], хотя сейчас едва ли можно проследить какое-либо сходство между этими двумя алфавитами. Эта письменность мало используется, за исключением низших классов и женщин, *литераторы* предпочитают писать либо на китайском, либо на так называемом *нидо*, то есть адаптации китайских символов к фонетическому выражению корейских слогов. *Нидо* является точным аналогом японской письменности *катакана*, в которой измененные формы китайских идеограмм используются фонетически для выражения 47 слогов (так называемая слоговая система *И-ро-фа*), увеличенных до 73 с помощью диакритических знаков *нигори* и *мару*.

Японцы.

Современное население Японии, по мнению Э. Базельца, представляет собой следующие типы. Первый и самый важный - маньчжуро-корейский тип, характерный для Северного Китая и Кореи и наиболее часто встречающийся среди высших классов Японии. Рост заметно высокий, эффект усиливается стройной и изящной фигурой. Лицо длинное, с более или менее косыми глазами, но без заметного выступа скул. Нос аквильный, подбородок слегка покатый. С этим типом ассоциируется узкая грудь, придающая скорее элегантность, чем мускулистость, эффект которой усиливают чрезвычайно нежные руки с длинными тонкими пальцами. Второй тип - монгольский, представляет собой явный контраст: крепкая, квадратного телосложения фигура, широкое лицо, выдающиеся скулы, косые глаза, плоский нос и широкий рот. Этот тип не распространен на Японских островах. Третий тип, более заметный, чем предыдущие, - малайцы. Он небольшого роста, с хорошо сложенным каркасом и широкой, хорошо развитой грудной клеткой. Лицо обычно круглое, нос короткий, челюсти и подбородок часто выступают. Ни один из этих трех типов не представляет собой коренную расу Японии, поскольку нет никаких сомнений в том, что айны, которые сейчас проживают на части северного острова Едзо, в более ранние времена занимали большую территорию, и именно им обычно приписывают доисторические раковинные курганы и другие остатки[659]. Айны плотно и крепко сложены, но отличаются от всех других восточных типов волосатостью лица и тела. Голова длинная, с цефалическим индексом 77,8. Лицо и нос широкие, глаза горизонтальные, а не косые, лишены монгольской складки.

Происхождение - составные элементы.

Принято считать, что эта популяция представляет собой восточную миграцию того длинноголового типа, который можно проследить по континентам Европы и Азии в каменном веке, и что их проникновение на острова произошло в то время, когда канал, отделяющий их от материка, не был ни таким широким, ни таким глубоким, как в настоящее время. Позднее маньчжуро-корейские захватчики с запада, монголы с юга и малайцы с востока теснили аборигенов все дальше и дальше на север, к Езо, Сахалину и Курилам. Но вполне возможно, что айны не были самыми ранними жителями Японии, ведь они сами свидетельствуют о предшественниках - *коро-пок-гуру*, о которых говорилось выше (с. 260). Предположение о родстве между айнами и доисторическим населением Западной Европы также не принимается без сомнений. Деникер, признавая сходство с некоторыми европейскими типами, относит айнов к отдельной расе, *палеазиатам*. Ибо, хотя по длине головы, выдающимся надбровным дугам, волосатости и форме носа их можно сравнить с русскими, тогда и австралийцами, цвет кожи, выдающиеся скулы и другие соматические особенности делают невозможным любое близкое родство .[660]

Японский тип.

Несмотря на эти различные составляющие, японский народ можно считать достаточно однородным. За исключением некоторых высоких и крепких людей среди высших классов, а также спортсменов, акробатов и борцов, общее впечатление о том, что японцы - невысокая, тонкокостная раса, полностью подтверждается регулярно регистрируемыми сейчас военными измерениями новобранцев, показывающими рост в среднем от 1,585 м. (5 футов 2½ дюйма) до 1,639 м. (5 футов 4½ дюйма), грудь - 33 дюйма, и непропорционально короткие ноги. Другими отличительными чертами, накладывающими печать индивидуальности на людей, взятых в целом и независимо от местных особенностей, являются плоский лоб, большое расстояние между бровями, очень маленький нос с приподнятыми ноздрями, без глабеллы, без осязаемого корня носа[661]; активная, жилистая фигура; открытая кожа менее желтая, чем у китайцев, и скорее склонна к светлому оттенку, но покрытые участки очень светлые, некоторые говорят даже белые; глаза также менее косые, а все остальные характерные монгольские черты в целом смягчены, за исключением черных длинных волос, которые в поперечном разрезе, пожалуй, даже круглее, чем у большинства других монгольских народов .[662]

Японцы и жители острова Лю-Киу.

С этим будет поучительно сравнить наглядный рассказ Ф. Х. Гиллемара об островитянах Лю-Киу, чье корейско-японское родство теперь не вызывает сомнений: "Это невысокая раса, возможно, даже короче японцев, но гораздо лучше пропорциональная, без длинного тела и коротких ног последних, и, как правило, с чрезвычайно хорошо развитой грудью. Цвет кожи, конечно, зависит от социального положения человека. Те, кто работает в поле, одетые только в поясную одежду, почти такие же темные, как малайцы, но представители высших классов гораздо светлее, и в то же время лишены желтого оттенка, присущего китайцам. На последнюю расу они действительно не могут иметь никакого сходства, и хотя их тип гораздо ближе к японскому, он все же очень отчетлив. В Лю-Киу японцы и туземцы были легко узнаваемы с первого взгляда, и поэтому они должны иметь очень значительные различия. У лю-киуанцев лицо менее приплюснуто, глаза более глубоко посажены, а нос более выдается вперед. Лоб высокий, а скулы несколько менее выражены, чем у японцев; брови дугообразные и густые, а ресницы длинные. Выражение лица нежное и приятное, хотя и несколько грустное, и, по-видимому, является верным показателем их характера[663]."

Это описание не без некоторой сдержанности принимается Чемберленом, который на самом деле считает, что "физический тип лукуанцев похож на японский почти до идентичности[664]". Однако, объясняя необычайно мягкий, незлобивый и "даже робкий нрав" лю-киуанцев, этот наблюдатель предполагает "вероятное отсутствие какой-либо примеси малайской крови в расе[665]". Но все признают наличие малайского элемента в Японии. Таким образом, получается, что Гиллемар прав, и что, как показывают даже хорошие фотографии, различия существуют, и на самом деле они связаны с присутствием этого самого малайского штамма в японской расе.

Языки и религии.

В другом месте[666] Чемберлен дал нам научный отчет о языке Лю-Киу, который является не просто "сестрой", как он говорит, но очевидно *старшей* сестрой, более архаичной по структуре и частично по фонетике, чем самая старая из известных форм японского языка. В глаголе, например, японский сохранил только одно прошедшее время изъявительного наклонения с одной грамматической формой, в то время как Лю-Киуан сохранил три оригинальных прошедших времени, каждое из которых имеет пятикратное изменение. Все эти расовые, языковые и даже ментальные сходства, как и фундаментальное сходство многих их обычаев и образа мыслей, он с большой долей вероятности объясняет маршрутами, по которым шли первые эмигранты с материка. В то время как основная масса распространялась на восток и север по большому архипелагу, повсюду "гоня перед собой аборигенов", меньший поток, возможно, направлялся на юг к маленькой южной группе, островки которой тянутся как ступеньки на всем пути от Японии до Великого Лю-Киу.[667]

Куль мертвых.

Среди общих ментальных черт упоминается религия синто, "простейшая и наиболее грубая форма" которой все еще сохранилась в Лю-Киу. Здесь, как и в Японии, это была первоначально грубая система поклонения природе, нормальное развитие которой было приостановлено китайским и буддийским влиянием. Позже она стала ассоциироваться с поклонением духам, причем сначала духами были души умерших, и хотя в настоящее время культа мертвых в строгом смысле этого слова не существует, жители острова Лю-Киу, вероятно, оказывают усопшим больше уважения, чем любой другой народ в мире.

Синтоизм.

В Японии синтоизм, реформированный в последнее время, стал в большей степени политическим институтом, чем религиозной системой. *Ками-но мичи*, то есть японская форма китайского *син-то*, "путь богов" или "духов", является не просто национальной верой, но неразрывно связана с интересами царствующей династии, считающей микадо прямым потомком богини Солнца Поэтому три ее основных заповеди теперь таковы: -1. Почитай *Ками* (духов), главным представителем которых на земле является император; 2. Почитай его как своего государя; 3. Подчиняйся воле его двора, и в этом заключается весь долг человека. Морального кодекса не существует, и верные толкователи заявляют, что воля микадо - единственный критерий добра и зла.

Но если не считать этой политической экзегезы, синтоизм в его высшей форме можно назвать культурным деизмом, в низшей - "слепым повиновением правительственным и священническим диктатам[668]". Существуют смутные представления о верховном творце, бессмертии и даже о наградах и наказаниях в загробной жизни. Некоторые также смутно, как пантеисты, говорят о возвышенном существе или сущности, пронизывающей всю природу, слишком обширной и бесплотной, чтобы быть олицетворенной или обращенной в

молитве, отождествляемой с *тенка*, "небесами", от которых все исходит и к которым все возвращается. И все же, хотя личное божество, по-видимому, исключается, в синто существуют храмы для поклонения небесным телам и силам природы, воспринимаемым как самосуществующие личности - так называемые *ками*, "духи", "боги", которых "восемь миллионов", то есть они бесчисленны.

Буддизм.

Нельзя не подозревать, что некоторые из этих понятий были привиты к старой национальной вере буддизмом, который был введен около 550 года н. э. и некоторое время пользовался большой популярностью. Особенно он поощрялся сёгунами, или военными узурпаторами функций микадо[669], очевидно, в противовес синтоистской теократии. Во время их правления (1192-1868 гг. н. э.) земля была покрыта буддийскими святынями и храмами, некоторые из которых были огромных размеров и причудливого дизайна, наполненные отвратительными идолами, огромными колоколами и колоссальными статуями Будды.

Но с падением сёгуна небольшой престиж буддизма был подорван, и храмы, лишенные своих сокровищ, стали больше, чем когда-либо, местом отдыха искателей удовольствий, а не благочестивых поклонников. "При всех крупных храмах регулярно устраиваются зрелища, игровые дома, панорамы, а также лотереи, игры разного рода, включая знаменитое "метание веера", и тир, где лук и стрелы и духовая трубка заменяют винтовку. Накопленные священниками сокровища были конфискованы, монахи изгнаны из своих монастырей, а многие из этих зданий переоборудованы для использования в мирских целях. Бесчисленные храмовые колокола уже попали в Америку или были проданы за старый металл[670]."

Кроме этих форм верований, существует еще третья религиозная или, скорее, философская система, так называемая *сиза*, основанная на этических учениях Конфуция, своего рода утонченный материализм, лежащий в основе всей религиозной мысли нации. Сиза, всегда остававшаяся уделом *литераторов*, в последние годы обрела грозного соперника в лице "английской философии", представленной такими писателями, как Бакл, Милль, Герберт Спенсер, Дарвин и Хаксли, большинство работ которых уже переведены на японский язык.

Таким образом, этот высокоодаренный народ ассимилируется с западным миром в его социальных и религиозных, а также политических институтах. Их интеллектуальные способности, уже проверенные в области войны, науки, дипломатии и самоуправления, несомненно, превосходят способности всех других азиатских народов, и это, пожалуй, лучшая гарантия стабильности грандиозного преобразования, свидетелем которого стало одно поколение, от преувеличенной формы средневекового феодализма к политической и социальной системе, гармонирующей с самыми передовыми фазами современной мысли. Эта система, несомненно, еще не проникла в низшие слои, особенно среди сельского населения. Но их естественная восприимчивость в сочетании с исключительной свободой от "изолированных предрассудков" должна обеспечить окончательное принятие нового порядка всеми классами общества.

ССЫЛКИ:

[569] Полностью объяснено в *Eth.* p. 303.

[570] Марк Аурел Штайн, *Засыпанные песком города Хотана*, 1903, и *Geog. Journ.*, July, Sept. 1909.

[571] Р. Пампелли, *Исследования в Туркестане*, 1905, и *Исследования в Туркестане; Экспедиция 1904*, 1908.

- [572] Свен Хедин, *Научные результаты путешествия по Центральной Азии*, 1899-1902, 1906, и *Geog. Journ.*, April, 1909.
- [573] Дуглас Каррутерс, *Неизвестная Монголия*, 1913 (с библиографией).
- [574] Эллсуорт Хантингтон, *Пульс Азии*, 1910.
- [575] "Азиатский фон", *Кембриджская средневековая история*, т. I. 1911.
- [576] *Mémoires de la Délégation en Perse; Recherches archéologiques* (с 1899 г.).
- [577] *Засыпанные песком города Хотана*, 1903.
- [578] "Ueber Alte Grabstätten in Sibirien und der Mongolei", in *Mitt. d. Anthropol. Ges.*, Vienna, 1895, xxv. 9.
- [579] Th. Volkov, in *L'Anthropologie*, 1896, p. 82.
- [580] Не следует, однако, придавать слишком большое значение теории постепенного высыхания как фактору депопуляции. Существует множество причин, таких как землетрясения, излияния воды, смещение течений, пренебрежение ирригацией и, прежде всего, работа врагов, которые объясняют засыпанные песком руины густонаселенных городов в Центральной Азии. См. T. Peisker, "The Asiatic Background", *Cambridge Medieval History*, Vol. I. 1911, p. 326.
- [581] *Journ. Anthropol. Inst.* 1895, p. 318 sq.
- [582] Cp. *Archæologia Cambrensis*, 6th Ser. XIV. Part 1, 1914, p. 131, и *Zeitschr. f. Ethnol.* 1910, p. 601.
- [583] "Zur Prähistorik Japans", *Globus*, 1896, No. 10.
- [584] Лучшее изложение археологии Японии можно найти в книге *"Доисторическая Япония"* Н. Г. Манро, 1912.
- [585] *Die Bronzezeit Finnlands*, Helsingfors, 1897.
- [586] "Аккадский язык", впервые примененный Роулинсоном к несемитским текстам, найденным в Ниневии, до сих пор часто используется английскими писателями вместо более правильного *шумерского*, поскольку теперь доказано, что аккадцы были семитскими переселенцами в Северную Вавилонию (стр. 264).
- [587] Cp. L. W. King, *History of Sumer and Akkad*, 1910, pp. 5, 6.
- [588] *Ueber die Summerische Sprache*, доклад, прочитанный на Российском археологическом конгрессе, Рига, 1896.
- [589] "Шумер и шумерский язык", *Ency. Brit.* 1911, со ссылками.
- [590] *Geschichte des Altertums*, I. 2, 2nd ed. 1909, p. 404.
- [591] E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I. 2, 2nd ed. 1909, p. 406. Л. В. Кинг (*История Шумера и Аккада*, 1910) обсуждает аргументы Мейера и отмечает, что самые ранние шумерские боги, по-видимому, свободны от семитского влияния (p. 51). Однако он склонен считать, что шумеры вытеснили более ранний семитский народ (*Hutchinson's History of the Nations*, 1914, pp. 221 и 229).

[592] Эллсворт Хантингтон, *Пульс Азии*, 1910, с. 382.

[593] Л. В. Кинг, *История Шумера и Аккада*, 1910, с. 357.

[594] E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I. 2, 2nd ed. 1909, p. 463.

[595] L. W. King, *History of Sumer and Akkad*, 1910, p. 61, и статья "Хронология. Вавилония и Ассирия", *Ency. Brit.* 1911. Ср. также E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I. 2, 2nd ed. 1909, §§ 329 и 383.

[596] Цилиндрические печати и таблички из Фары, раскопанные Колдеевым, Андреем и Ноэльдеке в 1902-3 годах, могут восходить к 3400 году до н. э. Ср. L. W. King, *loc. cit.* p. 65.

[597] С. Н. W. Johns, *Ancient Babylonia*, 1913, рассматривает Шаррукина как "Саргона Аккадского", p. 39.

[598] L. W. King, *History of Sumer and Akkad*, 1910, pp. 234, 343, где печать отнесена к периоду не намного более раннему, чем Первая династия Вавилона.

[599] H. V. Hilprecht, *The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania*, Series D, Vol. v. 1. 1910.

[600] См. *The Times*, 24 июня 1914 г.

[601] "Вавилония и Элам четыре тысячи лет назад", в *Knowledge*, May 1, 1896, p. 116 sq. и в других изданиях.

[602] Считается, что термин "Элам" имеет то же значение, что и "Аккад" (*т. е.* высокогорье) в отличие от "Шумера" (низменности). Следует отметить, что ни Аккад, ни Шумер не встречаются в древнейших текстах, где Аккад называется *Киш* от названия его столицы, а Шумер *Киенги* (*Кенги*), вероятно, общее название, означающее "земля". Киш был отождествлен с Кушем из Быт. х., одним из наиболее употребительных слов в палетнологии. Для такого отождествления, однако, есть некоторые основания, поскольку Куш упоминается в самой тесной связи с "Вавилом, и Эрехом, и Аккадом, и Калнехом, в земле Шинар" (Месопотамия), *см.* 10.

[603] J. de Morgan, *Mémoires de la Délégation en Perse*, 1899-1906.

[604] S. Laing, *Human Origins*, p. 74.

[605] И так оно и осталось с тех пор: нынешние лурские и бахтиарские жители Сузианы говорят не на стандартном неоперсидском, а на диалектах более грубой курдской ветви иранской семьи, как будто они были арианизированы из Медии, столицей которой была Экбатана. Возможно, здесь мы имеем ключ к происхождению самих медов, которые, несомненно, были вышеупомянутыми мандами Набонида, их столицей также была та же Экбатана. Сайс (*Academy*, Sept. 7, 1895, p. 189) отождествляет киммерийцев с этими кочевниками Манда, чей царь Тукдамме (Тугдамме) был Лигданисом Страбона (I. 3, 16), который привел орду киммерийцев в Лидию и захватил Сарды. Из надписей Эсархаддона мы знаем, что ассирийцы называли этих киммерийцев Манда, а их князь Теупса (Тейспе) был описан как "из народа Манда". Прорицание, данное Эсар-Хаддону, начинается так: "Киммерийцы в горах подожгли землю Эллип", *то есть* землю, где впоследствии была основана Экбатана, которая, как теперь показано, уже была занята киммерийскими или мандинскими ордами. Отсюда следует, что киммерийцы, манды, меды с их современными представителями курдами и бахтиарами были одним народом, который почти наверняка

имел арийскую речь, если не протоарийскую основу. "Курды являются потомками арийских захватчиков и сохраняют свой тип и язык на протяжении более 3300 лет", - F. v. Luschan, "The Early Inhabitants of Western Asia", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLI. 1911, p. 230. Классификацию курдов см. в книге Марка Сайкса "Курдские племена Османской империи", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVIII. 1908, p. 451. Ср. также D. G. Hogarth, *The Nearer East*, 1902.

[606] C. H. W. Johns, *Ancient Babylonia*, 1913, p. 27.

[607] Ср. X. Циммерн, статья "Вавилоняне и ассирийцы", *Ency. Religion and Ethics*, 1909.

[608] G. Maspero, *Dawn of Civilisation*, p. 733.

[609] *Ibid.* p. 71.

[610] *Ibid.* p. 752.

[611] *Vorgeschichte*, etc., Book II. *passim*.

[612] *Geschichte Babyloniens u. Assyriens*.

[613] Г. Масперо, *Борьба народов, Египет, Сирия и Ассирия*, 1910.

[614] Примечательно, что "далай", "океан", само по себе является монгольским словом, хотя "лама", "жрец", - тибетское. Объясняется это тем, что в тринадцатом веке местное воплощение Будды было возведено господствовавшими тогда монголами в первый ранг, и этот титул *Далай-ламы*, "Жреца Океана", то есть Жреца бездонной мудрости, был присвоен одному из его преемников в шестнадцатом веке и до сих пор сохраняется за Верховным понтификом в Лхасе.

[615] *Аборигены Сибири*, 1914, с. 13.

[616] *Loc. cit.* pp. 18-21.

[617] Либо от китайского *Tunghu*, "восточные варвары", либо от тюркского *Tinghiz*, как у Исаака Массы: *per interpretes se Tingoesi vocari dixerunt* (*Descriptio*, etc., Amsterdam, 1612). Но коллективного национального названия нет, и в настоящее время они называют себя *Дон-ки*, *Бойя*, *Бойе* и т.д., все термины означают "люди", "народ". В китайских записях они упоминаются под именем *И-лу* еще в 263 году н.э., когда они обитали в лесных районах между верховьями рек Темен и Ялу с одной стороны и Тихим океаном с другой, и платили дань соболиными мехами, луками и каменными наконечниками стрел. Стрелы и каменные наконечники стрел также были данью, которую *су-шэнь*, обитавшие к северу от полуострова Ляо-тун, платили императорам династии Шан (1766-1154 гг. до н. э.), так что здесь мы имеем официальное доказательство длительного каменного века в Маньчжурии. Позже в китайских хрониках упоминаются *У-ки* или *Мо-хо*, воинственный народ долины Сунгари и прилегающих возвышенностей, который в VII веке основал царство *Лу-хай*, свергнутое в 925 году хитанцами из Нижней Сунгари ниже впадения в нее Нони, которые сами были тунгусами и, по мнению некоторых китайских властей, прямыми предками маньчжуров.

[618] "Это тенденция к развитию темени по высоте, как раз в смысле, обратном вертикальной аппликации монголов. Тюркская макушка до сих пор более высокая и более высокая" (*L'Anthropologie*, VI. 3, p. 8).

[619] Reclus, VI.; англ. изд. p. 360.

[620] В. М. Михайловский, *Шаманизм в Сибири и Европейской России*, перевод Оливера Уордропа, *Journ. Anthr. Inst.* 1895, p. 91.

[621] М. А. Чаплицкая, *Аборигены Сибири*, 1914. В части III обсуждается шаманизм, с. 166-255.

[622] Hakluyt, 1809 ed., I. p. 317 sq.

[623] Цитируется Михайловским, с. 144.

[624] Ср. Н. А. Giles, *China and the Manchus*, 1912.

[625] *Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie*, 1853, I. 162.

[626] *Через Сибирь*, 1882, т. II. с. 172.

[627] Европейские гости часто с удивлением отмечают прекрасное телосложение этих туземцев, многие из которых в среднем достигают почти шести футов в высоту. Но между представителями обоих полов существует необычайное различие, возможно, большее, чем в любой другой стране. Более низкий рост и слабое телосложение женщин, несомненно, объясняются отвратительным обычаем калечить ноги в детстве, лишая их естественной физической нагрузки в период роста. Можно отметить, что движение против бинтования ног прогрессирует по всему Китаю, цель которого - отменить эту жестокую практику, сделав немодными *кин лиен* ("золотые лилии"), а вместо них популярными *ти миен*, "небесные ноги", то есть естественные.

[628] Н. Lansdell, *Through Siberia*, 1882, II. p. 172.

[629] *De l'Harmonie des Voyelles dans les Langues Uralo-Altaïques*, 1874, p. 67 sq.

[630] *General Principles of the Structure of Language*, 1885, Vol. I. p. 357. Доказательством, на которое здесь в основном опираются, является якутский язык, чистый тюркский идиом, на котором говорят в регионе экстремальной жары и холода (бассейн Средней и Нижней Лены), и в котором принцип прогрессивного ассонанса достигает своего наибольшего развития.

[631] Объяснение и иллюстрация генерала Крамера в *Globus*, 1896, p. 208 sq.

[632] Н. Lansdell, *Through Siberia*, 1882, I. p. 299.

[633] "Ueber die Sprache der Jukagiren," in *Mélanges Asiatiques*, 1859, III. p. 595 sq.

[634] W. I. Джочелсон недавно открыл два независимых юкагирских диалекта. "Очерк грамматики юкагирского языка", *Annals N. Y. Ac. Sc.* 1905; *The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Memoir of the Jesup North Pacific Expedition*, Vol. IX. 1910. О коряках см. его монографию в той же серии, т. VI. 1905-8.

[635] *Десять месяцев среди палаток туски*.

[636] "Ueber die Koriaken u. ihnen nahe verwandten Tchouktchen", in *Bul. Акад. Sc.*, St. Petersburg, XII. p. 99.

[637] Peschel, *Races of Man*, p. 391, который говорит, что чукчи "так же тесно связаны с ительменами по речи, как испанцы с португальцами".

[638] *Petermann's Mitt.* Vol. 25, 1879, p. 138.

[639] "Девушка и собаки, эскимосская народная сказка", *Amer. Anthropologist*, June 1898, p. 181 sq.

[640] *Через золотые поля Аляски к Берингову проливу*, 1898.

[641] Ср. W. Bogoras, *The Chukchee, Memoir of the Jesup North Pacific Expedition*, Vol. VII. 1904-10

[642] Это, однако, относится только к рыболовецким корякам, поскольку Г. Кеннан высоко отзывается о домашних добродетелях, гостеприимстве и других хороших качествах кочевых групп ("*Палаточная жизнь в Сибири*", 1871).

[643] См. L. Sternberg, *The Tribes of the Amur River, Memoirs of the Jesup North Pacific Expedition*, Vol. IV. 1900.

[644] *Mem. Imp. Soc. Nat. Sc. XX. Дополнение*, Москва, 1877.

[645] "Scheinen grosse Aenlichkeit in Sprache, Gesichtsbildung und Sitten mit den Aino zu haben" (*Ueber die Aino*, Berlin, 1881, p. 12).

[646] *Через Сибирь*, 1882, II. с. 227.

[647] *Ibid.* p. 235.

[648] *Ibid.* p. 221.

[649] *L'Anthropologie*, VI. No. 3.

[650] *Bul. du Muséum d'Hist. Nat.* 1896, No. 4. Все черепа были брахи или суббрахи, от 81 до 83,8 и 84,8. Автор в целом отмечает, что "фотографы и краны различают, в общем и целом, сходные места до настоящего времени в Монголии и Китае, и предпочитают говорить о Японии, Формозе, а также об этом обширном ансамбле морских народов, который Урок назвал в прошлом именем "монголы-пеласги"", стр. 3.

[651] Об этом сопоставлении желтого и светлого типов в Корее В. де Сен-Мартена весьма показательно: "Эта двойственность типа, один тип, совершенно точно кавказский, а другой - монгольский, является общей чертой для всей целой группы островов, охватывающих восточные берега Азии, от Курил до Формоза, и тем более до восточной зоны Индо-Китая" (*Art. Corée*, p. 800).

[652] От *Кораи*, по-японски *Комэ* (по-китайски *Каоли*), название мелкого государства, которое пользовалось политическим господством на полуострове около 500 лет (с X по XIV век н.э.). Более старое обозначение, которое до сих пор используется официально, - *Цюо-сянь*, то есть китайское *Чао-сянь*, "Яркий рассвет" (Klaproth, *Asia Polyglotta*, p. 334 sq.).

[653] Эта грандиозная работа, над которой, как говорят, в течение пяти лет трудилось около 1 000 000 человек, имеет большое этническое и политическое значение. Протянувшись более чем на 1500 миль по холмам, долинам и рекам вдоль северной границы собственно Китая, она надолго задержала южные движения беспокойных монголо-тюркских орд и, таким образом, придала западное направление их вторжениям за много веков до великих нашествий Чженгиз-хана и его преемников. Странно думать, что этнологические отношения были так глубоко нарушены во всем восточном полушарии благодаря деятельности безжалостного деспота, который правил всего двенадцать лет и за это время вел войну против всех лучших традиций империи, уничтожив книги Конфуция и других мудрецов и похоронив заживо 460 литераторов за их усилия спасти эти труды от полного исчезновения.

[654] *Les Aryens au Nord et au Sud de l'Hindou-Kouch*, 1896, p. 25. Этот писатель не считает, что усуней следует отождествлять с высокой расой с лошадиным лицом, большим носом и глубоко посаженными глазами, упоминаемой в ранних китайских записях, поскольку в них нет упоминания о "голубых глазах", которые не были бы опущены, если бы они существовали. Но, если мне не изменяет память, говорится о "зеленых глазах", а мы знаем, что никто из ранних авторов не использует цветовые термины со строгой точностью.

[655] Я не счел нужным затрагивать бесконечные споры об этнических отношениях хиун-ну, рассматривая их не как отдельную этническую группу, а, подобно гуннам, их более поздним западным представителям, как разнородное собрание монгольских, тунгусских, тюркских и, возможно, даже финских орд под властью монгольской военной касты. В то же время я не сомневаюсь, что монголо-тунгусские элементы значительно преобладали в восточных регионах (собственно Монголия, Маньчжурия) как среди Хиун-ну, так и среди их преемников Юань-юаней (Сиен-пи), и что все основатели первых великих империй до тюркской Ассены на Алтае (VI век н. э.) были полнокровными монголами, что признавал и сам Чженгиз-хан. О миграциях этих и соседних народов см. A. C. Haddon, *The Wanderings of Peoples*, 1911, pp. 16 и 28.

[656] Основываясь на документах Вэй-шу, содержащихся в Вэй-чи, Э. Х. Паркер (в *China Review* и *A Thousand Years of the Tartars*, Shanghai, 1895) называет 386-556 гг. н. э. периодом, охватываемым "династией татар Сиен-пи в Вэй". Это не следует путать с китайской династией Вэй (224-264 гг., или, согласно Квонг Ки-Чиу, 234-274 гг. н.э.). Термин "тартар" (Та-Та), как можно объяснить, используется Паркером, как и китайскими историками в целом, в несколько широком смысле, чтобы включить все кочевые народы к северу от Великой стены, будь то тунгусы (маньчжуры), монголы или даже тюрки. Изначально племена, носящие это название, были монголами, а сам Дженгиз-хан был тата по материнской линии.

[657] Миссис Бишоп, *Корея и ее соседи*, 1898.

[658] Т. де Лакупери говорит о "тибето-индийской основе" (*Beginnings of Writing in Central and Eastern Asia*, 1894, p. 148); и Э. Х. Паркер: "Доказано, что корейские буквы являются адаптацией санскрита, *т. е.* деванагари" (*Academy*, Dec. 21, 1895, p. 550).

[659] См. с. 261. Также Koganei, "Ueber die Urbewohner von Japan", *Mitt. d. Deutsch. Gesell. f. Natur- u. Völkerkunde Ostasiens*, IX. 3, 1903, содержащий исчерпывающий обзор новейшей литературы, и Н. Г. Манро, *Докторическая Япония*, 1912.

[660] J. Deniker, *Races of Man*, 1900, pp. 371-2. См. также J. Batchelor, *The Ainu of Japan*, 1892, и статью "Ainus" в *Ency. of Religion and Ethics*, 1908.

[661] G. Baudens, *Bul. Soc. Geogr.* X. p. 419.

[662] См. особенно E. Baelz, "Die körperlichen Eigenschaften der Japaner," in *Mitt. der Deutsch. Gesell. f. Natur- u. Völkerkunde Ostasiens*, 28 и 32.

[663] *Круиз "Маркезы"*, 1886, I. с. 36.

[664] *Geogr. Journ.* 1895, II. p. 318.

[665] *Geogr. Journ.* 1895, II. p. 460.

[666] *Journ. Anthropol. Soc.* 1897, p. 47 sq.

[667] *Ibid.* p. 58.

[668] Рипли и Дана, *Amer. Сус.* IX. 538.

[669] Сёгун - от сё = генерал и гун = армия, отсюда главнокомандующий; микадо - от ми = возвышенный и кадо = ворота, с чем можно сравнить "Возвышенную Порту" (J. J. Rein, *Japan nach Reisen u. Studien*, 1881, I. p. 245). Но Микадо стал несколько устаревшим, и теперь его обычно заменяют титулом *Комэй*, "император".

[670] Keane's *Asia*, I. p. 487.

ГЛАВА IX

СЕВЕРНЫЕ МОНГОЛЫ (продолжение)

Финно-тюркские народы - Ассимиляция с кавказским типом - Колыбель тюрков - Урало-алтайские вторжения - Скифы - Парфяне и туркмены - Массагеты и Юэ-чи - Индо-скифы и греко-бактрийцы - Дахэ, Ят, и раджпуты - "Белые гунны" - уйгуры - Орхонские надписи - династия Асена Тюрки - Тогуз-Уйгурская империя - кашгарское и сунгарское население - тюрки-огузы и их миграции - сельджуки и османлы - якуты - киргизы - казаки и косаки - кара-Киргизы - Финские народы - Прежние и нынешние владения - Позднее распространение финнов на запад - Бронзовый и железный века в финских землях - Балтийские финны - Связь с готами, Леттами, и славянами - Финно-Происхождение русов - Тавастийские и карельские финны - Квены - Саамы и пермские финны - Происхождение и миграции саамов - Темперамент - Религия - Волжские финны - Язычники-вотяки - Человеческие жертвоприношения - Булгары - Происхождение и миграции - Этническая трансформация - Великая и Малая Болгария - Авары и мадьяры - Происхождение мадьяр и ранние записи - Современное положение мадьяр - Этнические и языковые отношения в Восточной Европе.

Финно-тюркские народы.

Ассимиляция с кавказским типом.

В очень широком смысле все западные ветви северомонгольской группы можно объединить под общим названием финно-тюркские монголы. Вместе они представляют собой хорошо заметную часть семьи, отличающуюся от восточной части несколькими общими чертами, наиболее важной из которых, несомненно, является гораздо большее вливание кавказской крови, чем в любой из монголо-тунгусских групп. Эта особенность настолько ярко выражена у многих финских и турецких народов, что некоторые антропологи склонны отрицать любую прямую связь между восточным и западным подразделениями монгольского человека и рассматривать балтийских финнов, например, скорее как "аллофильных белых", чем как коренных представителей желтой расы. Причард, которому мы обязаны этим ныне почти устаревшим термином "аллофил", придерживался этой точки зрения^[671], и даже Сайс "более чем сомневается в том, что мы можем физиологически классифицировать монголов с турками-татарами [тюркскими народами] или угро-финнами^[672]."

Действительно, можно допустить, что в настоящее время подавляющее большинство финно-тюркского населения занимает среди разновидностей человечества положение, которое крайне озадачивает строгого систематизатора. При исследовании всего подразделения наблюдаются все оттенки перехода между сибирскими самоедами финской ветви и степными киргизами тюркской ветви, с одной стороны, которые проявляют монгольские

черты в преувеличенной форме, и турками-османами и венгерскими мадьярами, большинство из которых можно рассматривать как типичных европеоидов. Кроме того, сложность увеличивается тем фактом, на который уже указывалось, что эти смешанные монголо-кавказские черты встречаются не только среди поздних исторических групп, но и среди самых ранних известных групп - "чуди", усуней, уйгуров и других, которых можно назвать протофинскими и прототюркскими народами. Но именно здесь кроется решение проблемы. Большая часть территории, которую сейчас занимают тюркские и финские народы, изначально была занята длинноголовыми европеоидами конца каменного века (см. выше). Затем последовали протомонголы, вторгшиеся с Тибетского нагорья, которые частично погрузились, частично смешались со своими неолитическими соседями, многие из которых приобрели те смешанные черты, по которым они выделялись с самых ранних исторических времен. Позднее происходили дальнейшие смешения, по мере того как финно-тюркские орды, покидая свои первоначальные места на Алтае и в прилегающих регионах, продвигались на запад и все больше и больше вступали в контакт с европейским населением европеоидного типа.

Поэтому мы можем заключить, что большинство финно-тюрков почти с самого начала были несколько смешанной расой, и что в течение исторического времени первоначальный монгольский элемент постепенно уступал кавказскому в направлении с востока на запад. Такова картина, которую сейчас представляют эти разнородные народы, которые в своих первобытных восточных местах все еще являются в основном типичными монголами, но все больше и больше ассимилируются с европейским типом в своих новых анатолийских, балтийских, дунайских и балканских домах.

Наблюдательные путешественники часто поражались этому прогрессирующему соответствию монголо-тюрков европейцам. Во время своего путешествия на запад через Центральную Азию Юнгхазбенд, проезжая из Монголии в Восточный Туркестан, обнаружил, что люди, хотя и высокие и прекрасные на вид, поначалу имели больше монгольских черт, чем он ожидал. "Их лица, хотя и несколько круглые, были немного более вытянутыми, чем у монголов, и в них было значительно больше интеллекта. Но в очертаниях было больше округлости, меньше интеллекта, меньше резкости, чем у жителей Кашгара и Яркенда". Затем он добавляет: "По мере продвижения на запад я заметил постепенное, едва уловимое изменение от круглого монгольского типа к более резкому и все более острому типу черты..... По мере удаления от Монголии мы замечаем, что лица постепенно удлиняются и становятся более узкими; а еще дальше на запад, среди некоторых жителей афганского Туркестана, мы видим, что татарский или монгольский тип черт почти полностью утрачен^[673] ." Для полноты картины остается добавить, что еще дальше на запад, в Малой Азии, на Балканском полуострове, в Венгрии и Финляндии, монгольские черты часто полностью утрачиваются. "В западных турках так много арийской и семитской крови, что последние остатки их первоначальных физических черт утрачены, и только их язык указывает на их предыдущее происхождение^[674] ."

Колыбель Турки.

До того, как они были разбиты и рассеяны по половине северного полушария монгольским натиском с востока, первобытные племена тюрков обитали, согласно Хауорту, в основном между горами Улуг-даг и рекой Орхон в Монголии, то есть вдоль южных склонов и отрогов Алтае-Саянской системы от верховьев Иртыша до долин, стекающих на север к озеру Байкал. Но колыбель тюрков сдвинута Рихтгофеном дальше на восток, который считает, что их истинная родина лежала между Амуром, Леной и Селенгой, где в свое время они располагали свои стоянки в непосредственной близости от своих монгольских и тунгусских

сородичей. Ничто не свидетельствует о том, что якуты, которые, по общему признанию, принадлежат к тюркскому роду, когда-либо переселялись в свои нынешние северные дома в бассейне Лены, которая, скорее всего, всегда была их родной землей .[675]

Но когда они попадают в горизонт истории, тюрки уже являются многочисленным народом, с северо-западным и юго-восточным [676] подразделением, которые вполне могли совместно занимать весь регион от Иртыша до Лены, и оба мнения могут быть, таким образом, примирены. В любом случае, владения тюрков лежали к западу от монголов, и Алтайская возвышенность, взятая в самом широком смысле, все еще может рассматриваться как наиболее вероятная зона специализации тюркского физического типа. Характерными чертами являются желтовато-белый цвет лица, высокая брахицефалическая голова, часто почти кубовидная из-за уплощения темени и затылка (особенно заметно у якутов), удлинённый овал лица, прямой, несколько выдающийся нос, немонгольские глаза. Рост умеренный, в среднем 1,675 м. (5 футов 6 дюймов), склонность к тучности.

Промежуточное положение между типичными тюрками и монголами Хами занимают узбеки, киргизы, башкиры и ногайцы; а между турками и финнами - крайне смешанные группы Восточной России, обычно, но ошибочно называемые "татарами", а также другие переходные группы между турками, славянами, греками, арабами, османли из Константинополя, куругли из Алжира и другие, изучение которых показывает чрезвычайную трудность точного определения границ желтой и белой расы .[677]

Аналогичные трудности возникают при изучении северных (сибирских) групп - самоедов, остяков, вогулов и других угров, - которые представляют собой большие индивидуальные вариации, ведущие почти без перерыва от монголов к саамам, от саамов к финнам, от финнов к славянам и тевтонам. Таким образом, может быть показан ряд наблюдений, непрерывных между наиболее типичными монголами и теми абберантными монголо-кавказскими группами, которые соответствуют "аллофильным расам" Причарда. Таким образом, изучение деталей также подтверждает вышеприведенное широкое обобщение, в котором я попытался определить отношение финно-тюркских народов к первичным монгольским и кавказским подразделениям.

Урало-алтайские вторжения.

Скифы.

Описание Пейскером скифских вторжений в Иран[678] может быть принято как типичное для всего региона и объясняет сложность этнологических проблем. Степи и пустыни Центральной Азии являются непроходимой преградой для южноазиатов, ариев, но не для североазиата, алтайца; для него они - открытая страна, предоставляющая ему незаменимые зимние пастбища. С другой стороны, для южноазиатского арийца эти пустыни - объект ужаса, и, кроме того, его не тянет к ним, поскольку зимние пастбища у него рядом. Именно эта разница в удаленности летних и зимних пастбищ делает североазиатского алтайца вечно странствующим пастухом, а пасущуюся часть индоевропейской расы - скотоводом, оседающим в ограниченных районах. Таким образом, в то время как коренной иранец вынужден останавливаться перед бескрайними степями и пустынями и не может следовать туда за хорошо оседланным кочевником-грабителем, сам Иран является для кочевника-алтайца объектом величайшей тоски. Здесь он может грабить и порабощать в свое удовольствие, а если ему удастся продержаться значительное время среди арийцев, он выучит язык покоренного народа и, смешиваясь с ним, все больше и больше утратит свои монгольские черты. Если теперь иранцу посчастливилось стряхнуть иго, то лишенный собственности иранизированный алтайский вторженец проникает в другие земли. Так было

и со скифами. Оставив свои семьи в южнорусских степях, скифы вторглись в Медию около 630 г. до н. э. и продвинулись в Месопотамию до Египта.

В Медине они взяли себе медийских жен и выучили медийский язык. После изгнания Киаксаром, вернувшись через 28 лет, они встретились с новым поколением - потомством оставленных ими жен и дочерей и рабами чужой расы. Сто пятьдесят лет спустя Гиппократ отметил их желтовато-красный цвет лица, тучность, гладкую кожу и, как следствие, евнухоподобный вид - все это типично монгольские черты. Гиппократ был самым знаменитым врачом и натурфилософом древнего мира. Его свидетельства непоколебимы и не могут быть опровергнуты арийской речью скифов. Монгольский тип речи был у них врожденным, в то время как иранская речь была приобретенной и не является опровержением свидетельства Гиппократа. На более поздних греческих вазах из южнорусских раскопок они уже выглядят сильно демонголизованными, а на алтайца указывают только их волосы, жесткие, как лошадиная грива - отсюда эпитет Аристотеля εὐθύτριχες - характеристика, сохранившаяся дольше всего среди всех урало-алтайских гибридных народов.

Парфяне и туркоманы.

Е. Х. Паркер, к сожалению, придал вес своему авторитету утверждению, что слово "Türkö" [тюрки] "восходит не далее пятого века нашей эры", и что "насколько можно судить по истории, имя тюрк датируется этим временем[679]". Но племена тюрков, носящие это национальное имя, проникли в Восточную Европу за сотни лет до этого времени и уже сидели на Танаисе (Дону) около новой эры. О них упоминают Помпоний Мела[680] и Плиний[681], и к этой же связи, вне всякого сомнения, принадлежат воинственные *парфяне*, которые за 300 лет до этого уже расположились на границах Ирана и Турана, разгромили легионы Красса и Антония и в течение пяти веков (250 г. до н.э.-229 г. н.э.) узурпировали власть. н.э.) узурпировали трон "царя царей", властвуя от Евфрата до Ганга и от Каспия до Индийского океана. Прямыми потомками парфян являются свирепые кочевники-туркоманы, которые на протяжении многих веков наводили ужас на все оседлое население, окружающее Арало-Каспийскую впадину. Их власть наконец-то была сломлена русскими, но они все еще политически доминируют в Персии[682]. Таким образом, в течение многих веков они находились в самом тесном контакте с кавказскими иранцами, в результате чего современный туркоманский тип, по наблюдениям Я.Л. Яворского, чрезвычайно изменчив [683].

Массагеты и юэ-чи.

Индоскифы и греко-бактрийцы.

Происхождение дахов, ятов и раджпутов.

И парфян, и *массагетов* отождествляют с *юэ-чи*, которые занимают столь значительное место в летописях династий Хань и, как упоминалось выше, были изгнаны на запад в Сунгарию Хиун-ну после возведения Великой стены. Говорят, что, если бы мы могли проследить путь групп Юэ-чи от их ранних мест у подножия гор Кинган до их исчезновения среди снегов Западных Гималаев, мы бы получили ключ к решению неясных проблем, связанных с миграциями монголо-тюркских орд с тех пор, как поток вторжения был отведен на запад могучим барьером Ши Хванг Ти. Однако одно обстоятельство представляется достаточно ясным: юэ-чи отличались как от парфян, которые уже заняли Гирканию (Хорасан) по крайней мере в III веке до н. э., если не раньше, так и от массагетов. Последние во времена Кира (VI век до н. э.) сидели на Яксарте (Сир-дарья), тогда как юэ-чи в III веке все

еще обитали к востоку от озера Лоб (бассейн Тарима). После поражения от хиун-ну и усуней (201 и 165 гг. до н.э.) они ушли в Согдиану (Трансоксиана), уменьшили *Та-Хиа* Бактрии и в 126 г. до н.э. свергли Греко-Бактрийское царство, основанное после смерти Александра к концу IV века. Но в долине Кабула, к югу от Гиндукуша, греки удерживали свои позиции еще более 100 лет, пока Кадфис I, царь кушанов - ветви юэ-чи - после объединения всего народа в единое индо-скифское государство не распространил свои завоевания на Кабул и не сменил Гермия, последнего представителя греческой династии (40-20 гг. до н. э.). Сын Кадфиса Кадафес (10 г. н. э.) присоединил к своей империи значительную часть Северной Индии, где его преемники из династии Юэ-чи правили с середины I до конца IV века н. э. Здесь они, как полагают некоторые авторитеты, были в роли правителей. Здесь они, как предполагают некоторые власти, все еще представлены *ятами* и *раджпутами*, и даже Причард допускает, что это предположение "не кажется совершенно абсурдным", хотя "физические характеристики ятов сильно отличаются от тех, что приписываются юэтчи [Yué-chi] и родственным им племенам [сунцы, кушаны и т.д.] писателями, цитируемыми Клапротом и Абелем Ремусатом, которые говорят, что они имеют сангвинический цвет лица с голубыми глазами[684]."

Теперь мы знаем, что эти персонажи не представляют особых трудностей, если иметь в виду составное происхождение народа тюрков. С другой стороны, интересно отметить, что вышеупомянутые Та-Хиа некоторые отождествляют с воинственными скифами Дахае[685], а те - с Дехия или Дхе, одним из великих подразделений индийских ятов. Но если Роулинсон[686] прав, термин *дахи* был не расовым, а социальным, означающим *rustici*, - крестьянство в противоположность кочевникам; поэтому о дахах можно услышать повсюду в Иране, так же как *дехвар*[687] до сих пор является общим обозначением таджикского (персидского) крестьянства в Афганистане и Белуджистане. Этой же точки зрения придерживается и де Ужфальви, который отождествляет та-хиа не со скифскими дахами или каким-либо другим конкретным племенем, а с мирным сельским населением Бактрианы[688], за сокращением которого юэ-чи, возможно, тохари Страбона, последовало свержение греко-бактрийцев. Таким образом, решение загадочной проблемы юэ-чи-джатов заключается в том, что дехия и другие джаты, которые всегда были земледельческим народом, происходят от старого иранского крестьянства Бактрианы, часть которого последовала за судьбой своих греческих правителей в долину Кабула, а другая часть сопровождала основателей индо-скифской империи юэ-чи в северную Индию.

Белые гунны".

Затем последовало свержение самих Юэ-чи китайскими индейцами *Йе-та* (*Йе-та-и-ли-то*), то есть *эфталитами*, или так называемыми "белыми гуннами" греческих и арабских писателей, которые около 425 года н.э. захватили Трансоксиану и вскоре после этого проникли через горные перевалы в долины Кабула и Инда. Хотя некоторые современные авторы (Зосима, Ам. Марцеллин) путали их с гуннами Аттилы, М. Друэн ясно показал, что йе-та вовсе не были гуннами (монголами), а, как и юэ-чи, тюркским народом, который был изгнан на запад примерно в то же время, что и хиун-ну, юань-юанями (см. выше). От хуннов у них осталось только имя, и более точный Прокопий знал, что они полностью отличаются от "известных нам хуннов, не являясь кочевниками, а осев надолго в плодородном регионе". Он также говорит об их белом цвете кожи и правильных чертах лица, а также об их оседлой жизни[689], как в китайских рассказах, где они описываются как воинственные завоеватели двадцати царств, вплоть до царства А-си (Арсакидов, парфян), а по своим обычаям напоминают Ту-Киу (тюрков), будучи фактически "одной расы". На руинах Индо-Скифской (Юэ-чи) империи белые гунны правили в Индии и прилегающих землях с 425 года до

середины шестого века. Чуть позже пришли арабы, которые в 706 году захватили Самарканд и при Абассидах верховодили в Средней Азии, пока их не рассеяли по ветру тюркские орды огузов.

Из всего этого следует, что в то время как бактрийские крестьяне пришли в Индию как поселенцы и теперь представлены земледельческими джатами, юэ-чи и йе-та, оба из рода тюрков, пришли как завоеватели и теперь представлены раджпутами, "сыновьями царей", воинственной и землевладельческой расой северной Индии. Примечательно, что эти тхакуры, "феодалы", в основном ведут свою генеалогию примерно с начала седьмого века, как будто они стали индуизированными вскоре после падения чужеземной династии Йе-тха, а с другой стороны, "деревенские легенды изобилуют примерами конфликта между раджпутами и брахманами в доисторические времена[690]." Это подтверждает предположение о том, что раджпуты пришли в Индию не как "арийцы" из касты кшатриев или военных, как принято считать, а как пришельцы (тюрки), заклятые враги истинных арийцев, то есть брахманов или теократической (жреческой) касты. Таким образом объясняется и тесная связь Раджпутов и Джатов с самого начала - Раджпуты были тюркскими лидерами вторжений, а Джаты - их мирными бактрийскими подданными, следовавшими за ними.

Теория о том, что надменные раджпуты имеют незапятнанную "арийскую кровь", уже почти не поддерживается даже самими раджпутами; они, несомненно, имеют смешанное происхождение. Но определенный физический тип, который Х. Х. Рисли[691] описывает как характерный для раджпутов и джатов в Кашмирской долине, Пенджабе и Раджпутане, показывает, что они являются волнистоволосыми темнокожими долихоцефалами, связанными скорее с "кавказским", чем с "монгольским" направлением.

Уйгуры.

Почти родственными белым гуннам были *уйгуры*, *као-че* из китайских летописей, которые могут претендовать на звание первого тюркского народа, основавшего относительно цивилизованное государство в Центральной Азии. До всеобщего волнения, вызванного натиском Хиун-ну на запад, они, по-видимому, обитали в Восточном Туркестане (Кашгари) между усунями и саками, и здесь они уже добились значительного прогресса под буддийским влиянием примерно в четвертом или пятом веке новой эры. Позже буддийских миссионеров из Тибета сменили христианские (несторианские) евангелисты из Западной Азии, которые в седьмом веке перевели уйгурский язык в письменную форму, адаптировав для этой цели сирийский алфавит, который впоследствии был заимствован монголами и маньчжурами.

Орхонские надписи.

Этот сирийский алфавит, который, как показывает подлинная надпись Си-нгань-фу, был завезен в Китай в 635 году н. э., не следует путать с орхонскими надписями[692], датированными 732 годом н. э. и имеющими определенное сходство с некоторыми руническими иероглифами, а также с корейскими, по крайней мере, по форме, но никогда по звучанию. Тем не менее, несмотря на отличие от уйгурского, профессор Томсен, успешно расшифровавший орхонский текст, считает, что эта письменность также может происходить, по крайней мере косвенно, через некоторые иранские разновидности, от той же арамейской (сирийской) формы семитского алфавита, которая дала начало уйгурскому.[693]

Важно отметить, что все некитайские надписи сделаны на тюркском языке, а китайский текст называет по имени отца, деда и прадеда царствующего хана Бильги, что возвращает нас почти к тому времени, когда Синджибу (Дизабул), великий хан алтайских тюрков, был

посещен византийским посланником Зимархом в 569 г. н.э. В дошедшем до нас отчете этого посольства[694] тюрки (Тоѳркоі) упоминаются по имени и описываются как кочевники, которые жили в шатрах, установленных на повозках, сжигали мертвых и воздвигали в память о них памятники, статуи и каирны с таким количеством камней, сколько врагов было убито умершим в бою. Также говорится, что у них была особая система письма, которая, должно быть, и была использована в этих орхонских надписях, а уйгурский язык, очевидно, был введен несколько позже.

Первоначально уйгуры состояли из девятнадцати кланов, которые уже в отдаленные времена образовали две большие части: он-уйгуров ("десять уйгуров") на юге и тогуз-уйгуров ("девять уйгуров") на севере. Первые проникли на запад до Аральского моря[695] еще во II веке н.э., и многие из них, несомненно, участвовали в нашествии Аттилы на Европу.

Династия Асена Тюрки.

Тогуз-Уйгурская империя.

Позднее все эти западные уйгуры, упоминаемые среди орд, преследовавших Восточную империю в V и VI веках, в частности, вместе с тюркскими аварами, исчезают из истории, слившись с уграми и другими финскими народами Поволжья. Тогузская часть также, сбросив в V веке иго монгольских или тунгусских геугенов (джеу-джен), на некоторое время оказалась погруженной в обширную империю алтайских тюрок, основанную в 552 году Туменом из дома Ассены (А-ши-на), который первым принял титул Ха-хана, "Великого хана", и чья династия правила объединенными тюркскими и монгольскими народами от Тихого океана до Каспия и от Замерзшего океана до границ Китая и Тибета. И вышеупомянутый Синджибу, принявший византийского посланника, и Бильга-хан с орхонской *стелы* принадлежали к этой династии, которую в 774 году сменил Пэй-ло (Хуэй-ху), вождь тогуз-уйгуров. Именно так следует понимать утверждение о том, что все тюркские народы, которые за время нестабильного правления династии Асена с 552 по 774 год претерпели множество превратностей, а около 580 года даже распались на две большие части (восточные тюрки Каракорума и западные тюрки бассейна Тарима), были вновь объединены в одну огромную политическую систему под властью тогуз-уйгуров. Отныне они известны в истории просто как уйгуры, ветвь Оп, как уже говорилось, давно исчезла на Западе. Центр их власти, по-видимому, колебался между Каракорумом и Турфаном в Восточном Туркестане, обширные руины которого были исследованы Д. А. Клементсом, Свенон Хедином и М. А. Штейном. Их обширные владения были постепенно расчленены, сначала *хакасами*, или *ки-ли-кисе*, предшественниками нынешних киргизов, которые захватили восточные (орхонские) районы около 840 года, а затем мухаммеданами из Мавар-ан-Нахара (Трансоксиана), которые свергли "царей-львов", как называли уйгурских ханов Турфана, и основали несколько мелких мусульманских государств в Восточном Туркестане. Позже они попали под иго кара-китаев и одними из первых присоединились к опустошительным ордам Дженгиз-хана; их имя, которое отныне исчезает из истории[696], было популярно под формой "Людоеды" в баснях и детских сказках, но это происхождение не имеет исторического основания.

В настоящее время разнородное население бассейна Тарима (Кашгария, Восточный Туркестан), где различные элементы перемешались, представляет собой поразительный контраст с населением долины Или (Сунгария), где одна орда захватчиков сменила другую и наложила на нее. Отсюда сложность кашгарского типа, в котором изначальное "лошадиное лицо" повсеместно проявляется, вбирая в себя более поздние монголо-тюркские пришествия. Но в Сунгарии калмукская, китайская, дунганская, таранчинская и киргизская группы все еще резко выделяются и заметны с первого взгляда. Среди кашгарцев

- термин столь же неопределенный в этническом отношении, как и "арийцы", - Рихтгофен определил последовательное присутствие орд Су, Юэ-чи и Усунь, как описано в ранних китайских хрониках[697]."

Недавние исследования М. А. Штейна пролили свет на этнологию этого региона, а предварительный обзор результатов был подготовлен и опубликован Т. А. Джойсом. Он приходит к выводу, что первоначальные жители были альпийского типа, с запада - следы индо-афганцев, и что монголы оказали очень малое влияние на население .[698]

Тюрки-огузы и их миграции.

В непосредственной близости от тогузов-уйгуров жили *огузы* (*гузы, узы*), для которых в легендарных записях восточных тюрков были даны эпонимы, хотя все эти термины, по-видимому, являются лишь сокращенными формами тогузов[699]. Но будь то настоящие уйгуры или отдельная ветвь тюркского народа, гузы, как их обычно называют арабские писатели, начали свои миграции на запад около 780 года. Заняв Трансоксиану, где они сейчас представлены узбеками[700] Бохары и прилегающих земель, они постепенно распространились как завоеватели по всем северным районам Ирана, Малой Азии, Сирии, русским и кавказским степям, Украине, Дакии и Балканскому полуострову. В большинстве этих земель они образовали новые этнические сочетания как с аборигенами Кавказа, так и с родственными тюркскими и монгольскими народами, некоторые из которых были расселены в этих регионах еще с неолитических времен, другие же либо сопровождали походы Аттилы, либо шли по его следам (печенеги, команы, аланы, кипчаки, кара-калпаки), либо прибыли позже в сопровождении Дженгиз-хана и его преемников (казанские и ногайские "татары"[701]).

В России, Румынии (Дакии) и на большей части Балканского полуострова эти монголо-тюркские смеси были вновь вытеснены доминирующими славянскими и румынскими народами (великорусами и малорусами, сербохорватами, черногорцами, молдаванами и валахами). Но в юго-западной Азии они по-прежнему составляют, пожалуй, большинство населения между Индом и Константинополем, во многих местах образуя многочисленные компактные общины, в которых ярко выражены монголо-тюркские физические и психические черты. Таковы, помимо уже упомянутых туркоманов парфянского рода, все кочевые и многие оседлые жители Хивы, Ферганы, Каратегина, Бохары, обычно объединяемые под названием узбеков и "сартов". К ним также относятся тюркские народы афганского Туркестана и соседних возвышенностей (хазары и аймаки, которые утверждают о своем монгольском происхождении, хотя сейчас говорят на персидском языке); азербайджанцы и многие другие более разрозненные группы в Персии; ногайские и кумукские племена Кавказа, и особенно большинство кочевого и оседлого земледельческого населения Малой Азии. Анатолийское крестьянство, по сути, является самым многочисленным и компактным подразделением семьи тюрков, сохранившимся в любой части их обширных владений между Босфором и Леной.

Сельджуки и Османлы.

Из этого плодородного огузского рода вышли многие знаменитые вожди, основатели обширных, но несколько неустойчивых империй, таких как Гасневиды, правившие от Персии до Инда; Сельджуки, которые первыми отвоевали у Византии азиатские провинции; Османлы, названные так от Османа, арабизированной формы имени Атман, которые подготовили путь для Орхана (1326-60), истинного строителя Османской державы, которая одна пережила кораблекрушение из всех исторических тюркских государств. Превратности этих монархий, на которые Гиббон смотрел, возможно, слишком доброжелательно,

относятся к области истории, и здесь достаточно сказать, что с этнической точки зрения наибольший интерес представляет период Сельджукидов, охватывающий примерно с середины XI до середины XIII века. Именно при Тогрул-беге из этой династии (1038-63) "все тело турецкой нации с пылом и искренностью приняло религию Магомета^[702]." Чуть позже началась постоянная оккупация тюрками Малой Азии, где после завоевания Армении (1065-68) и свержения византийского императора Романа Диогена (1071) великие сельджукские правители Алп-Арслан и Малек-шах (1063-92) основали во всех стратегических пунктах многочисленные военные поселения, а затем и лагеря кочевых туркоманов. К этим первым прибывшим позже присоединились другие, бежавшие от монгольских войск, возглавляемых преемниками Дженгиз-хана вплоть до Тимур-бека. Но христиане (греки и более ранние аборигены) не были истреблены, и мы читаем, что, хотя многие отступили, "многие тысячи детей были отмечены ножом обрезания; и многие тысячи пленников были посвящены службе или удовольствиям своих господ" (там же). Иными словами, и без того смешанные тюркские вторженцы были еще более изменены дальнейшим смешением с более ранними жителями Малой Азии. Те, кто, следуя судьбе династии Османов, пересек Босфор и поселился в Румелии и некоторых других частях Балканского полуострова, теперь предпочитают называть себя *османами*, даже отвергая национальное имя "тюрк", которое до сих пор с гордостью сохраняют более грубые крестьянские классы Малой Азии. О последних часто говорят как о "турках-сельджуках", как будто между ними и европейскими османами есть какое-то расовое различие, и это различие имеет под собой некоторые основания. Как отмечает Арминий Вамбери^[703], на османов повлияла и изменила их более тесная связь с христианским населением балканских земель, в то время как в Анатолии сельджуки смогли лучше сохранить национальный тип и темперамент. Истинно тюркский дух ("das Türkentum") сохранился особенно в провинциях Ликаония и Каппадокия, где немногие уцелевшие коренные жители были не только исламизированы, но и этнически слиты, тогда как в Европе большинство из них (боснийцы, албанцы) были только исламизированы, и здесь тюркский элемент всегда был незначительным.

Якуты.

В настоящее время оригинальный тюркский тип и темперамент, пожалуй, лучше всего сохранился среди отдаленных *якутов* на Лене и *киргизов* (*киргизских казаков* и *кара-киргизов*) в западносибирских степях и на Памирских нагорьях. Связь якутов с тюрками, по поводу которой возникали ненужные сомнения, была опровергнута В. А. Серочевским^[704], который, однако, описывает их как в настоящее время очень смешанный народ, вследствие союзов с тунгусами и русскими. Они невысокого роста, в среднем не более 5 футов 4 дюймов, и, по мнению этого наблюдателя, их темные, но не блестящие черные глаза, глубоко запавшие в узкие орбиты, придают им скорее красно-индейский, чем монгольский оттенок. Они являются почти единственным прогрессивным аборигенным народом в Сибири, хотя их численность не превышает 200 000 душ, сосредоточенных главным образом по берегам рек на плато между Леной и Алданом.

Якуты - это крайний пример способности человека приспособливаться к *окружающей среде*. Они не просто существуют, а процветают и проявляют значительную энергию и предприимчивость в самом холодном регионе земного шара. Только Верхоянск, в самом сердце их территории, находится в пределах изотермы -72° по Фарре в период с ноября по февраль, и при этой температуре, при которой замерзает зыбь, якутских детей можно увидеть голыми на снегу. В середине зимы Р. Кеннан встретил некоторых из этих "людей из железа", как их называет Врангель, одетых в одну лишь рубашку и дубленку и отдыхающих, как будто наслаждаясь бальзамическими зефирами какой-то гениальной субтропической зоны.

Хотя почти все они православные христиане или, по крайней мере, крещеные, в душе они просто шаманисты, по-прежнему колдующие над силами природы, но не поклоняющиеся верховному божеству, о котором они имеют смутное представление, хотя он слишком далек, чтобы услышать, или слишком добр, чтобы нуждаться в их мольбах. Мир добрых и злых духов, однако, обогатился пополнением из русского календаря и столпотворения. Благодаря их торговому духу якутский язык, очень чистый тюркский идиом, распространен даже больше, чем раса, став общим средством общения тунгусов, русских, монголов и других торговцев по всей Восточной Сибири, от Иркутска до Охотского моря и от китайской границы до Северного Ледовитого океана .[705]

Киргизы.

В какой-то степени В. Радлофф прав, описывая великий род киргизских тюрков как "из всех тюрков наиболее близкий к монголам по своим физическим качествам, а по своим фамилиям, таким как Кыпчак, Аргын, Найман, свидетельствующим о монгольском происхождении или, по крайней мере, о смешении с монголами[706] ." Но нас уже предостерегали от опасности придавать слишком большое значение этим племенным обозначениям, многие из которых, похоже, приобретая известность на поле боя, легко переходили от одной этнической группы к другой. Есть некоторые племена Гиндукуша и Афганистана, которые считают себя греками или арабами из-за предполагаемого происхождения их вождей от Александра Македонского или семьи пророка, и генеалогические деревья вырастают, как манговое растение фокусника, в поддержку такой прославленной родословной. Племена чагатаев (джагатаев), тюркского происхождения и речи, берут свое название от полнокровного монгола Чагатая, второго сына Дженгиз-хана, которому достался Восточный Туркестан при разделе империи.

Точно так же многие племена узбеков и киргизских тюрков названы по имени знаменитых монгольских вождей, хотя никто не станет отрицать наличие примеси настоящей монгольской крови во всех этих разнородных группах. Об этом свидетельствуют квадратные и несколько плоские монгольские черты лица, выдающиеся скулы, косые глаза, большой рот, ступни и кисти рук, желтовато-коричневый цвет лица, нескладная тучная фигура и низкий рост - все это характерно обеих групп, кара-киргизских горцев и казахов низменности. Некоторые этнологи рассматривают эти киргизские группы не как отдельную ветвь монголо-тюркской расы, а скорее как конфедерацию нескольких кочевых племен, простирающихся от Гоби до Нижней Волги, и смешанных вместе Дженгиз-ханом и его преемниками .[707]

Казаки и косаки.

Кара-Киргизы.

Истинное национальное название - *казак*, "всадник", и поскольку первоначально это были по большей части конные мародеры, или вольные копьеносцы степи, термин постепенно стал применяться ко всем кочевникам и другим всадникам, ведущим хищническую войну. Таким образом, он рано попал в южнорусские степи, где был принят в форме "*козак*" самими русскими. Следует отметить, что сложный термин "киргиз-казак", введенный русскими для отличия этих кочевников от их собственных казаков, на самом деле является ошибочным. Слово "киргиз", независимо от его происхождения, никогда не используется казаками по отношению к себе, а только к своим близким родственникам, киргизам или кара-киргизам[708] , живущим на возвышенностях.

Эти горцы, кочующие по долинам Тянь-Шаня и Памира, образуют две части: "правую", или восточную, и "левую", или западную, - "*сол*". Они - *Дико-Каменные*, то есть "Люди Диких Скал" русских, откуда и выражение "Блочные Киргизы", до сих пор встречающееся в некоторых английских книгах о путешествиях. Но сами они называют себя просто киргизами, утверждая, что происходят от первоначального племени с таким названием, которое само произошло от легендарного киргиз-бега, от которого также произошли чилики, китары и другие, воссоединившиеся теперь с онгами и солами.

КазакИ также объединены в давно сложившиеся и до сих пор ревностно поддерживаемые секции - *Великую, Среднюю, Малую и Внутреннюю Орду*, чьи совместные владения простираются от озера Балкаш вокруг северного берега Каспия до Нижней Волги[709]. Все они приняли учение ислама много веков назад, но их мухаммаданизм[710] носит несколько негативный характер, без мечетей, моллахов и фанатизма, и на практике мало чем отличается от старого сибирского шаманизма. Кумыс, перебродившее кобылье молоко, их универсальный напиток, как и у древних скифов, играет большую роль в жизни этих гостеприимных степных кочевников.

Финны.

Одним из долговременных результатов трудов Кастрена стало то, что алтайское происхождение финских народов не вызывает сомнений[711]. Их колыбель теперь можно с некоторой уверенностью локализовать в верховьях Енисея, по соседству с колыбелью их тюркских сородичей. Здесь находится место обитания *сойотов* и близкородственных им *койбалов, камасинцев, маторов, карагасов* и других, которые занимают значительную территорию по обоим склонам Саян и могут рассматриваться как примитивный фонд широко распространенной финской расы. Некоторые из этих групп смешались с соседними тюркскими народами и даже говорят на тюркских диалектах. Но исконно финский тип и речь хорошо представлены сойотами, которые являются здесь коренными жителями, и "от них их ... сородичи, самоеды, распространились как разводчики оленей на север континента от Белого моря до залива Чатанга[712]." Другие, следуя западным путем вдоль подножия Алтая и вниз по Иртышу до Урала, по-видимому, издавна занимали оба склона этого хребта, где они приобрели определенную степень культуры, и особенно знание и умение обрабатывать драгоценные и другие металлы, которыми славилась "белоглазые чуди" и о которых неоднократно упоминается в песнях "*Калевалы*"[713]. Поскольку в самой Финляндии нет рудников или полезных ископаемых, кажется очевидным, что легендарные герои финского национального эпоса должны были обитать в каком-то металлоносном регионе, которым мог быть только Алтай или Урал, возможно, оба.

В любом случае Урал стал вторым домом и точкой рассеяния для финских племен (*угорских финнов*), миграции которых - некоторые доисторические, некоторые исторические - можно проследить по Печоре и Двине до Ледовитого океана[714], а по Каме - до Волги. От этой артерии, где образовались постоянные поселения (*волжские финны*), некоторые завоевательные орды уходили на юг и запад (*дунайские финны*), а более мирные странники поднимались по великой реке к Ладожскому и Онежскому озерам, а затем к берегам Балтики и Лапландии (*балтийские и озерные финны*).

Прежние и нынешние владения.

Таким образом, были сформированы основные ветви широко распространенного финского рода, чьи владения в прошлом простирались от Катанги за Енисеем до Лапландии, от

Северного Ледовитого океана до Алтайского хребта, Каспия и Волги, со значительными *анклавами* в бассейне Дуная. Но на протяжении всей своей относительно короткой исторической жизни финские народы, несмотря на характерную стойкость и силу сопротивления, во многих местах подвергались посягательствам, поглощению или даже полному уничтожению со стороны более агрессивных рас, таких как сибирские "татары" в их алтайской колыбели, тюрки-киргизы и башкиры в западносибирских степях и на Урале, русские в Поволжье и Приозерье, немцы и литовцы в Прибалтике (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия), румыны, славяне и другие в придунайских областях, где угорские булгары и мадьяры почти полностью ассимилировались по типу (а первые и по речи) с окружающим европейским населением.

Позднее распространение финнов на запад.

Мало кто из антропологов сегодня придает большое значение еще не совсем устаревшим взглядам на бывшее распространение финской расы по всей Европе и Британским островам. Несмотря на то, что все финны по сути своей круглоголовые, их отождествляли сначала с длинноголовыми пещерными людьми, которые отступили на север вместе с оленями, как это было излюбленной гипотезой, а затем с ранними неолитическими расами, которые также были длинноголовыми. Ученые филологи писали сложные, но ныне забытые сочинения, чтобы установить общее происхождение баскского и финского языков, не имеющих между собой ничего общего, а половина мифов, фольклора и легендарных героев западных народов восходила к финно-угорским источникам.

Теперь мы знаем больше, и археологи, и филологи убедились, что финские народы относительно недавно пришли в Европу, что люди бронзового века в самой Финляндии были не финнами, а тевтонами, и что в начале новой эры все финские племена еще обитали к востоку от Финского залива [\[715\]](#)

Железный и бронзовый века в финских землях.

Но не только это, но и сами восточные миграции, о которых говорилось выше, по-видимому, произошли в относительно позднюю эпоху, задолго после того, как жители Западной Сибири перешли от нового каменного к металлическому веку. Основатель финно-угорской археологии Ж. Р. Аспелин указывает, что финно-угорские народы изначально занимали географическое положение между индогерманскими и монгольскими расами, и что их первый железный век, скорее всего, был развитием между Енисеем и Камой так называемого урало-алтайского бронзового века, последние отголоски которого можно проследить на запад до Финляндии и Северной Скандинавии. В районах Верхнего Енисея железные предметы еще сохраняли формы бронзового века, когда эта древняя цивилизация, связанная с именем "чуди", была прервана нашествием, которое принесло еще сохраняющийся тюркский железный век, изгнало аборигенов и дало начало великим миграциям сначала финно-угров, а затем тюркских народов (башкир, волжских "татар" и других) на Урал и за Урал. Именно здесь, на пермской территории между Иртышом и Камой, западносибирский (чудской) железный век продолжил свою нормальную и непрерывную эволюцию. Предметы, извлеченные из старых могил и курганов на территории современных Тверской и Ярославской областей, и особенно в Ананьино на Каме, центре этой культуры, показывают, что здесь примерно за 300 лет до новой эры произошел переход от бронзового к железному веку, и здесь же развился более поздний железный век, формы которого характерны для северных финно-угорских земель. Таким образом, весь регион, по-видимому, был впервые заселен этими переселенцами из Азии после вторжения орд тюрков в Западную Сибирь в первом железном веке, максимум за 500 или 600 лет до христианской

эры. Таким образом, финно-угорские миграции ограничиваются периодом не более 2600 лет от настоящего времени, и этот вывод, основанный на археологических данных, достаточно хорошо согласуется с историческими, лингвистическими и этническими данными.

Балтийские финны.

Именно в этой малоизвестной области исследований выдающийся датский ученый Вильгельм Томсен оказал неоценимые услуги европейской этнологии. В свете его лингвистических исследований А. Х. Снеллман[716] прояснил происхождение балтийских финнов, протоэстонцев, ныне почти исчезнувших ливов и совсем вымерших курляндцев, начиная с того времени, когда они еще обитали к востоку и юго-востоку от балтийских земель под влиянием окружающих литовских и готских племен, и вплоть до немецкого завоевания балтийских провинций. От Иордана, которому принадлежит первый достоверный рассказ об этих народах, мы узнаем, что различные финские племена подчинялись готскому королю Германариху, а Томсен теперь показывает, что все западные финны (эстонцы, ливы, вотяки, вепсы, карелы, тавастийцы и другие финны) в первые века новой эры должны были жить практически как один народ в самом тесном социальном союзе, говорить на одном языке и следовать одним и тем же религиозным, племенным и политическим институтам. Более ранним, чем готский, был летто-литовский контакт, о чем свидетельствует тот факт, что его следы заметны в языке поволжских финнов, в котором отсутствуют германские заимствования. Из этих исследований становится ясно, что финские владения в то время должны были простирались от нынешней Эстляндии, Ливонии и Ладожского озера на юг до Западной Двины.

Отношения с готами, леттами и славянами.

Движение на запад было связано с миграциями славян. Когда славяне к югу от леттов двинулись на запад, другие славянские племена, должно быть, двинулись на север, тем самым оттеснив и леттов, и финнов на запад, в балтийские провинции, которые ранее были заняты германцами (готами). Некоторые из западных финнов, должно быть, около 500 года н.э., а может быть, и раньше, попали в этот регион, где вступили во враждебные и дружественные контакты с норманнами. Эти отношения даже нашли отражение в норвежской мифологии, которую можно считать в значительной степени отголоском исторических событий. Войны шведских и датских королей, о которых говорится в устных записях, можно интерпретировать как грабительские экспедиции, а не постоянные завоевания, а несомненно активное взаимодействие между восточным и западным побережьями Балтики можно объяснить, исходя из того, что после ухода готов в балтийских провинциях остались остатки германского населения.

Финно-русское происхождение.

Из заявления Нестора о том, что все три варяжских князя поселились не среди славянских, а среди финских народов, можно сделать вывод, что финский элемент составлял наиболее важную часть в новообразованном Русском государстве; здесь можно упомянуть, что сам термин "русь" теперь восходит к финскому слову *Ruost* (*Ruosti*), "норманн". Но, хотя поначалу финские народы значительно превосходили славян по численности, вскоре они утратили политическое превосходство, и их дальнейшая история может быть подытожена выражением - постепенное поглощение окружающим славянским населением. Этот неизбежный процесс до сих пор продолжается среди всех поволжских, озерных и прибалтийских финнов, за исключением Финляндии и Лапландии, где действуют другие условия .[717]

Тавастийские и карельские финны.

Большинство финских этнологов сходятся во мнении, что, как бы сильно они ни различались сейчас по своим физическим и психическим характеристикам и обычаям, финны и саамы изначально были одним народом. Какой-то вариант *Suoma*^[718] вошел в национальное название всех балтийских групп - *Suomalaiset* - финны Финляндии, *Somelaized* - финны Эстонии, *Samelats* (*Sabmelad*) - саамы, *Samoyad* - самоеды. Во времена Охтере норманны называли всех саамов "финнами" (как и норвежцы до сих пор), и уже тот ранний мореплаватель заметил, что эти "финны", похоже, говорят на том же языке, что и беормы, которые были настоящими финнами^[719]. Нынешние жители Финляндии, взятые в целом, по внешнему виду и темпераменту отличаются от своих соседей-лапландцев не больше, чем тавастийцы и карелы, то есть их западная и восточная части, друг от друга. Тавастийцы, называющие себя хемелайсет, "озерный народ", имеют довольно широкую, тяжелую фигуру, маленькие и косые голубые или серые глаза, русые волосы и белый цвет лица, без ясного цветового оттенка, свойственного северогерманским и английским народам. Характер несколько вялый, пассивный и выносливый, угрюмый и злопамятный, но честный и надежный.

Совсем другие - высокие, стройные, активные карелы (*Karialaiset*, "Коровьи пастухи", от *Kari*, "корова"), с более правильными чертами лица, прямыми серыми глазами, смуглым цветом кожи и каштановыми волосами, как у героя "Калевалы", свисающими кольцами до плеч. Многие карелы и большинство соседних *ингерманландцев*, живущих у Финского залива, а также вотяки и вепсы на великих озерах ассимилировались в речи, религии и обычаях с окружающим русским населением. Но более консервативные тавастийцы до сих пор упорно сохраняли национальные чувства, язык и традиции. Несмотря на давление Швеции на западе и России на востоке, финны по-прежнему выделяются как отдельная европейская национальность и продолжают успешно культивировать свой гармоничный и очень поэтичный язык. С XII века они являются христианами, обращенными в католическую веру "святым" Эриком, королем Швеции, а затем в лютеранство, опять же шведами^[720]. Национальный университет, перенесенный в 1827 году из Або в Гельсингфорс, является центром большой научной и литературной работы, и здесь Э. Лённрот, отец финской литературы, выпустил свои различные издания "Калевалы", которое в 1849 году насчитывало около 50 000 строф.^[721]

Квэны.

Своеобразный переход от этих оседлых и культурных финнов к саамам Скандинавии и России образуют все еще почти кочевые или, по крайней мере, беспокойные *квэны*, которые раньше кочевали вплоть до Белого моря, которое во времена Альфреда было известно как *Swen Sæ* (Квенское море). Этих квэнов, численность которых до сих пор составляет около 300 000 человек, Й. А. Фриис даже называет кочевниками, рассказывая, что между Финляндией и Скандинавией постоянно перемещаются небольшие группы. "Бродячие квэны обходят Ботнический залив и поднимаются через Лаппмаркен до Китталы, где разделяются, одни идут в Варангер, другие в Альтен. Они следуют тем же путем, которым, по мнению историков, шли некоторые норманны в своих странствиях из Финляндии^[722]." Саги в основном упоминают этих первобытных ботнийских финнов, с которыми впервые столкнулись норманны и которые в шестом и последующих веках все еще находились в грубом состоянии, не сильно отличавшемся от состояния их угорских предков. Как показали исследования Альмквиста, они жили почти исключительно охотой и рыболовством, не имели даже зачаточных знаний о земледелии и не умели готовить ни масло, ни сыр из молока своих полудиких оленьих стад.

Саамы, самодийцы и пермские финны.

Таковыми были и в какой-то мере остаются родственные саамы, которые вместе с родственными *им самодийцами-юраками* Арктической России являются единственными настоящими кочевниками, сохранившимися в Европе. А. Х. Кокс, путешествовавший среди этих грубых аборигенов в 1888 году, описывает квэнов, обитающих к северу от озера Энара, как "по большей части очень грубый класс", и обнаружил, что русские саамы Кольского полуострова, "за исключением одежды и добавления кофе и сахара в пищу, живут сейчас почти так же, как их предки, вероятно, жили 2000 или более лет назад, гораздо более примитивной жизнью, чем оленные саамы [Скандинавии]. Они еще не начали употреблять табак, а чтение и письмо среди них совершенно неизвестны. В отличие от трех других представителей расы [норвежских, шведских и финских саамов], они очень веселый, легкомысленный народ и имеют любопытную привычку выражать свои мысли вслух в песнопениях extempore^[723]."

Аналогичные черты были замечены у самоедов, которых Ф. Г. Джексон описывает как чрезвычайно общительный и гостеприимный народ, любящий посплетничать, много смеяться и веселиться^[724]. Он называет их средний рост почти 5 футов 2 дюйма, что примерно соответствует росту саамов (фон Дюбен - 5 футов 2 дюйма, другие - меньше), в то время как рост финнов составляет в среднем 5 футов 5 дюймов (Топинард). Хотя общий монгольский облик выражен у саамов гораздо меньше, чем у самодийцев, в некоторых отношениях - низкий рост, плоское лицо с особым круглым контуром - последние напоминают Джексону зырян, которые являются ветвью беормов (пермских финнов), хотя, как и они, сейчас сильно смешались с русскими. Так называемые доисторические "саамские могилы", встречающиеся на юге Скандинавии, как теперь известно, принадлежали норвежцам, которые, судя по их содержанию, занимали этот регион с нового каменного века, в то время как владения саамов, похоже, никогда не простирались дальше Тронхьема на юг.

Происхождение и миграции саамов.

Все эти факты, особенно в связи с поздним появлением финнов в Финляндии, подтверждают мнение, что саамы являются ветвью не суомалайсетских, а пермских финнов и достигли своего нынешнего местожительства не из Финляндии, а из Северной России через Канинский и Кольский полуострова, если не вокруг берегов Белого моря, в какой-то отдаленный период до занятия Финляндии ее нынешними жителями. Это предположение также объясняет заявление Охтере о том, что саамы и пермяки, похоже, говорили почти на одном языке. Сходство все еще близко, хотя я не компетентен сказать, к какой ветви финно-угорской семьи саамы наиболее близки.

Темперамент-Религия.

Из физических особенностей монголов саамцы по-прежнему сохраняют круглый низкий череп (индекс 83), выдающиеся скулы, несколько плоские черты лица и нескладную фигуру. Нрав также, пожалуй, больше азиатский, чем европейский, хотя с восемнадцатого века они стали христианами - лютеранами в Скандинавии, православными в России. В языческие времена шаманизм нигде не получил такого развития, как у саамов. Большой особенностью этой системы были "рунные деревья" из сосновой или березовой коры, исписанные фигурами богов, людей или животных, к которым обращались во всех важных случаях, а их таинственные знаки толковались шаманами. К голосу этих прославленных магов прислушивались даже иностранные властители, а в Англии выражение "лапландские ведьмы" стало нарицательным, хотя, судя по всему, в Лапландии никогда не было ведьм, а

только волшебники. Подобные обряды уже давно перестали практиковаться, хотя некоторые грубые представления о материальной загробной жизни все еще сохраняются. Деньги и другие сокровища часто закапывают или прячут, а их владельцы умирают, не раскрывая тайны, либо по забывчивости, либо, что более вероятно, с определенной целью в надежде таким образом обеспечить себя на том свете.

Среди родственных самодийцев, несмотря на их русскую ортодоксальность, старые языческие верования живут еще более энергично. "Пока у него все идет хорошо, он христианин; но стоит его оленям умереть или случиться другой катастрофе, как он тут же возвращается к своему старому богу *Нуму* или *Чадди*..... Он проводит свои языческие службы ночью и тайно, и тщательно скрывает от глаз любое изображение *Чадди*^[725] ." Джексон заметил несколько примеров такого компромисса между старым и новым, например, деревянный крест, дополненный на могилах самодийцев перевернутыми санями для безопасной перевозки мертвых по снегам подземного мира, и кольца из камней, внутри которых, возможно, раньше приносили человеческие жертвы, чтобы умиловать *Чадди*; и хотя эти вещи прекратились, "всего несколько лет назад *самоядец*, живущий на Новой Земле, принес в жертву молодую девушку^[726] ."

Поволжские финны.

Подобные верования и обычаи до сих пор распространены не только среди сибирских финнов - остяков Енисея и Оби, вогулов Урала, но и среди вотяков, мордвин, черемисов и других разрозненных групп, еще сохранившихся в бассейне Волги. Не так давно, в 1896 году, несколько вотяков были судимы за убийство проезжего богомольца, которого они обезглавили, чтобы утихомирить гнев *Киремета*, *Духа Зла* и виновника голода, свирепствовавшего в то время в Центральной России. Кроме *Киремета*, вотяки, которые, судя по всему, переселились с Урала на свои нынешние места обитания между реками *Камой* и *Вяткой* около 400 года н.э. и в основном являются язычниками, также поклоняются *Инмару*, Богу Неба, которому они приносят в жертву животных и людей, когда это можно безопасно сделать. Барон де Байе уверяет нас, что даже те немногие, кто крещен, тайно участвуют в этих нечестивых обрядах .^[727]

К угорской ветви, самой грубой и дикой из всех финских народов, принадлежат эти ныне безжизненные волжские группы, а также свирепые болгарские и мадьярские орды, если не считать их предшественников, *языгов* и *роксоланов*, которые во втором веке н.э. Во II веке н.э. они хлынули в Паннонию из русских степей и в компании с германскими квади и маркоманнами дважды (168 и 172 гг.) подступали к стенам Аквилеи и дважды были задержаны легионами Марка Аврелия и Вера. От некогда многочисленных *языгов*, которых Плиний называет сарматами, было несколько ветвей - *маоты*, *метанасты*, *василии* ("королевские"), которых сначала уменьшили готы, распространившиеся от Балтики до Эвксинского моря и нижнего Дуная, а затем вместе с *даками*, *гетами*, *бастарнами* и сотней других древних народов захлестнул великий потоп гуннского нашествия.

Булгары - происхождение и миграции.

Из тех же южнорусских степей - равнин, орошаемых нижним Доном и Днепром, - пришли *булгары*, сначала вместе с гуннами, от которых их едва ли отличают ранние византийские писатели, а затем как отдельный народ, который, сбросив иго аваров (635 г. н.э.), ушел под натиском хазар на запад до нижнего Дуная (678 г.). Но их записи уходят гораздо дальше этих дат, и если филологи и археологи могут проследить их скитания шаг за шагом на север до Средней Волги и Уральских гор, то подлинные армянские документы относят их историю ко II веку до нашей эры. При Арсакидах многочисленные группы *булгар*, изгнанные из своих

домов в районе впадения Камы в результате гражданской междоусобицы, поселились на берегах Араса, и с этого времени (150-114 гг. до н.э.) булгары были известны армянам как великий народ, обитающий на севере далеко за Кавказом.

Первоначально название, которое впоследствии приобрело столь одиозную славу среди европейских народов, возможно, было скорее географическим, чем этническим, подразумевая не столько конкретный народ, сколько всех жителей *Булги* (Волги) между Камой и Каспием. Но в то время этот участок великой реки, по-видимому, в основном принадлежал более или менее однородным ветвям финно-угорской семьи, и палеонтологи теперь показали, что к этой связи, вне всякого сомнения, принадлежали по внешнему виду, речи и обычаям те группы, известные как булгары, которые образовали постоянные поселения в Моезии к югу от Нижнего Дуная к концу седьмого века[728]. Здесь "эти смелые и ловкие лучники, которые пили молоко и питались мясом своего флота и неутомимых лошадей; чьи стада и пастбища следовали, или, скорее, направляли, движения их бродячих лагерей; для чьих вторжений ни одна страна не была отдаленной или непроницаемой, и которые были практичны в бегстве, хотя и неспособны к страху[729], " создали мощное государство, которое сохраняло свою независимость более семисот лет (678-1392).

Действуя сначала совместно со славянами, а затем взяв на себя "смутное господство" над своими беспокойными сарматскими союзниками, булгары распространили ужас от своего ненавистного имени по всем балканским землям, и только мастерство Белисария помешало им опередить своих сородичей турков в свержении самой Византийской империи. Прокопий и Иорнанд оставили ужасные картины свирепости, унижения и абсолютной дикости как булгар, так и их славянских единомышленников в период, предшествовавший основанию болгарской династии в Моезии. Где бы ни проходили славяне (анты, славины), ни одна душа не оставалась в живых; Фракия и Иллирия были усеяны непогребенными трупами; пленников закрывали в стойлах вместе с лошадьми и скотом, и всех их съедали вместе, а жестокие полчища танцевали под музыку их криков и стонов. Неописуемый ужас внушали булгары, убивавшие ради убийства, опустошавшие ради любви к разрушению, сметавшие все творения рук человеческих, сжигавшие, разрушавшие города, оставлявшие после себя лишь картину своих невеселых родных степей. Из всех варваров, преследовавших империю, булгары оставили после себя самое отвратительное имя, хотя с ними тесно соперничают славяне.

Для этнолога позднейшая история булгар представляет исключительный интерес. Они пришли в придунайские земли в седьмом веке как типичные угро-финны, отвратительные как внешне, так и по складу характера. Их страшный вождь Крум отмечал свои победы кровавыми обрядами, а его последователи ни в чем не уступали в грубости и жестокости самим гуннам. Однако почти полное моральное, если не физическое, преобразование произошло к середине IX века, когда булгары были евангелизированы византийскими миссионерами, сменили свою грубую угорскую речь на славянский язык, так называемый "церковнославянский" или даже "древнеболгарский", и отныне слились с окружающим славянским населением. Сохранилось только национальное название "булгар", как название несколько миролюбивого южного "славянского" народа, который в наше время вновь обрел политическую независимость, которой его лишил Баязет I. в 1392 году.

Великая и Малая Болгария.

Не исчезло это название и с волжских земель после великого переселения болгарских орд в бассейн Дона в III-IV веках н. э. Напротив, здесь возникла другая, более крупная Булгарская империя, которая была известна византийцам X века как "Черная Болгария", а позднее

арабам и западным народам как "Великая Болгария", в отличие от "Малой Болгарии" к югу от Дуная[730]. Она распалась на части во время позднейших "татарских" войн, и от волжских болгар теперь не осталось ничего, кроме самой Волги, от которой они получили свое название.

Авары и мадьяры.

В том же регионе, но дальше на север[731], находилась и "Великая Венгрия", первоначальная резиденция других угорских финнов, известных как венгры и мадьяры, которые позже пошли по пути болгар и, как и они, образовали постоянные поселения в бассейне Дуная, но выше, в Паннонии, нынешнем королевстве Венгрия. Здесь, однако, мадьярам предшествовали родственные (или, по крайней мере, отдаленно связанные с ними) авары, доминирующий народ в среднедунайских землях на протяжении значительной части периода между уходом гуннов и приходом мадьяр[732]. Надвигаясь, как грозная туча, из глубин Сибири на Волгу и Эвксин, сметая все на своем пути, уменьшая кутигуров, утигуров, болгар и славян, авары в шестом веке появились на границах империи как нежелательные союзники Юстиниана. Арестованные на Эльбе австразийскими франками и сильно потесненные гепидами, они отошли к Нижнему Дунаю под предводительством свирепого кагана Баяна, который до своего свержения императором Маврикием и смерти в 602 году перешел Дунай, захватил Сирмиум и подчинил себе всю область, граничащую с Византийской империей. Позже все еще могущественные авары со своими последователями-славянами, "аварской гадюкой и славянской саранчой", захватили балканские земли, а в 625 году едва не взяли Константинополь. Наконец их разбил Пипин, король Италии, который вновь захватил Сирмиум в 799 году и привез такие сокровища, что стоимость золота на некоторое время сильно снизилась.

Происхождение и ранние записи мадьяр.

Затем настал черед *гунагаров* (венгров), которые, продвинувшись от Урала до Волги (550 г. н. э.), около 886 г. достигли Дуная. Здесь они были приглашены на помощь германскому королю Арнульфу, которому угрожала грозная коалиция западных славян под предводительством грозного Звентиболга, номинального христианина, который въезжал в церковь верхом на коне, сопровождаемый своими дикими приспешниками, и угрожал священнику у алтаря плетью. В горных трансильванских долинах к гунагарам присоединились восемь заброшенных хазарских племен, среди которых были *мегеры* или *могеры*, чье имя в форме *мадьяр* в конечном итоге распространилось на объединенный гунагаро-хазарский народ. Под предводительством своего знаменитого короля Арпада, сына Альмута, они сначала свергли Звентиболга, а затем с помощью уцелевших аваров сократили численность окружающего славянского населения. Так к концу IX века в Паннонии было основано нынешнее королевство Венгрия, в которое влились все родственные монгольские и финно-тюркские элементы, еще сохранившиеся от двух предыдущих монголо-тюркских империй, созданных в том же регионе гуннами при Аттиле (430-453) и аварами при кагане Баяне (562-602).

Покорив всю Паннонию и опустошив Каринтию и Фриули, гунгары совершили набег на Баварию и Италию (899-900), обложили данью слабого преемника Арнульфа (910) и направили свои грабительские экспедиции на запад, в Эльзас, Лотарингию и Бургундию, везде совершая зверства, напоминавшие о диких полчищах Аттилы. Обученные с младенчества всадникам, лучникам и копьейметателям, они шли в атаку многочисленными отрядами, упорно следуя друг за другом, избегая тесных кварталов, но изматывая

противников настойчивостью своих ударов. Они были бичом и ужасом Европы и были публично провозглашены императором Оттоном I (955 г.) врагами Бога и человечества.

Этот период беззакония и дикости был завершен обращением святого Стефана I (997-1038), после чего мадьяры постепенно ассимилировались по типу и общей культуре, но не по речи, с западными народами[733]. Их гармоничный и высококультурный язык до сих пор остается типичным представителем урало-алтайской семьи, отражая в своей несколько составной лексике различные финно-угорские и тюркские элементы (угров и пермяков с Урала, поволжских финнов, тюркских авар и хазар), из которых и состоит субстрат мадьярской нации.[734]

"Современные мадьяры, - говорит Пейскер, - представляют собой одну из самых разнообразных расовых смесей на земле, а один из двух главных мадьярских типов современности, прослеживаемый по находкам гробниц до эпохи Арпада [конец IX века], - долихоцефалический с узким лицом. Перед нами алтайское происхождение, угорская речь и индоевропейский тип в сочетании[735]."

В политическом отношении мадьяры продолжают занимать жизненно важное положение в Восточной Европе, вклиниваясь между северными и южными славянскими народами и представляя собой непреодолимое препятствие для устремлений панславистских мечтателей. Пламенная и энергичная национальность мадьяр, компактное тело численностью около 8 000 000 человек (1898), занимает бескрайние равнины, орошаемые Средним Дунаем и Тиссой, и таким образом навсегда отделяет чехов, моравов и словаков Чехии и северных Карпат от их родственников, юго-славян ("южных славян") Сербии и других ныне славонизированных балканских земель. Эти юго-славяне, в свою очередь, отделены румынами неолатинской речи от своих северных и восточных братьев - русинов, поляков, великороссов и малороссов. Если бы мадьяры и румыны переняли какой-либо из соседних славянских идиомов, можно с уверенностью сказать, что, подобно угорским болгарам, они давно бы уже были поглощены окружающим панславянским миром, с последствиями для народов Центральной Европы, которые нетрудно было бы предсказать. Здесь мы имеем яркую иллюстрацию влияния языка на развитие и сохранение национальных чувств, во многом аналогичную той, что наблюдается сегодня в более широком масштабе среди англоязычного населения по обе стороны Атлантики и в Австралийских землях. С этой точки зрения этнолог может безоговорочно согласиться с язвительным замечанием Эренрайха о том, что "нация стоит и падает вместе со своей речью[736]."

ССЫЛКИ:

[671] *Natural History of Man*, 1865 ed. pp. 185-6.

[672] *Наука о языке*, 1879, II. с. 190.

[673] *The Heart of a Continent*, 1896, p. 118.

[674] О. Пешель, *Расы человека*, 1894, с. 380.

[675] См. Ch. de Ujfalvy, *Les Aryens*, etc., 1896, p. 25. Возможно, следует также упомянуть теорию Э. Х. Паркера (*Академия*, 21 декабря 1895 г.) о том, что колыбель тюрков находилась не на Алтае или Алтун-даге ("Золотые горы") Северной Монголии, а на 1000 миль южнее, в "Золотых горах" (*Кин-шань*) нынешней китайской провинции Кансу. Но доказательства, на которые опираются, неудовлетворительны, а в одном или двух важных случаях и вовсе не являются доказательствами.

[676] Дж. Б. Бьюри, *Английский исторический журнал*, июль, 1897 г.

[677] *L'Anthropologie*, VI. No. 3.

[678] Т. Пейскер, "Азиатский фон", *Кембриджская средневековая история*, т. I. 1911, с. 354.

[679] *Академия*, 21 декабря 1895 г., с. 548.

[680] "Budini Gelonion urbem ligneam habitant; juxta Thyssagetae *Turcae*que vastas silvas occupant, alunturque venando" (I. 19, p. 27 Лейпцигского изд. 1880 г.).

[681] "Dein Tanain amnem gemino ore influentem incolunt Sarmatae ... Tindari, Thussagetae, *Tyrcae*, usque ad solitudines saltuosas convallibus asperas, etc." (Bk. VIII. 7, Vol. I. p. 234 Берлинского изд. 1886 г.). Варианты *Turcae* и *Tyrcae* заслуживают внимания, поскольку указывают на тот же колеблющийся звук корневого гласного (*u* и *y* = *ü*), который сохраняется до сих пор.

[682] Не только узурпатор Надир-шах был туркоманом из племени Афшар, но и нынешняя царствующая семья принадлежит к соперничающему клану туркоманов Каджаров, давно обосновавшихся в Хорасане, на родине своих парфянских предков.

[683] Из 59 туркоманов волосы в целом были темно-каштановыми; глаза карие (45) и светло-серые (14); лицо ортогнатическое (52) и прогнатическое (7); глаза в основном не косые; цефалический индекс от 68,69 до 81,76, в среднем 75,64; долихо 28, субдолихо 18, 9 мезати, 4 суббрахи. Пять черепов из старого кладбища в Самарканде также были очень неоднородны, цефалический индекс варьировался от 77,72 до 94,93. Этот последний, если он не деформирован, превосходит по брахицефалии "легендарный череп раба-венда, который приводится в учебниках антропологии" (Th. Volkov, *L'Anthropologie*, 1897, pp. 355-7).

[684] Цитируется В. Круком, который отмечает, что "мнение лучших индийских авторитетов, похоже, постепенно склоняется к убеждению, что связь между ятами и раджпутами более тесная, чем предполагалось ранее" (*The Tribes and Castes of the North-Western Provinces and Oudh*, Calcutta, 1896, III. p. 27).

[685] У Вергилия "indomiti Dahae" (*Aen.* VIII. 728): возможно, дехавиты (Dievi) из Ездры iv. 9.

[686] *Геродот*, т. I. с. 413.

[687] Из перс. , *dih*, *dah*, деревня (парси *даху*).

[688] *Les Aryens*, etc., p. 68 sq.

[689] *De Bello Persico*, *passim*.

[690] Crooke, *op. cit.* IV. p. 221.

[691] *The Tribes and Castes of Bengal*, 1892; *The People of India*, 1908.

[692] Обнаружена в 1889 г. Н. М. Ядринцевым в долине Орхона, впадающего в приток Селенги озера Байкал. Надписи, одна на китайском и три на тюркском языках, покрывают четыре стороны памятника, воздвигнутого китайским императором в память Кюль-тегина, брата царствовавшего тогда тюркского хана Бильги (Могилана). В том же историческом районе, где находятся развалины Каракорума, бывшего долгое время центром тюркской, а затем монгольской власти, были найдены и другие памятники с надписями, все, очевидно, на том же тюркском языке и шрифте, но совершенно отличные от глиптических наскальных

рисунков Верхнего Енисея (Сибирь). Главными работниками в этой области были финские археологи Я. Р. Аспелин, А. Снеллман и Аксель О. Хейкель, результаты трудов которых собраны в *"Надписях из Енисея", собранных и опубликованных Финляндским обществом археологии*, Гельсингфорс, 1889; и *"Надписях из Орхона"* и т. д., Гельсингфорс, 1892.

[693] "Источник, из которого происходит происхождение тюркского алфавита, а затем незамедлительно, как минимум через посредника, он стал формой семитического алфавита, который мы называем арамеенским" (*Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées*, Helsingfors, 1894).

[694] См. Klaproth, *Tableau Historique de l'Asie*, p. 116 sq.

[695] Это *онои*, "десятники", которые в это время обитали за скифами Каспийского моря (Дионисий Периегет).

[696] Однако оно до сих пор сохраняется в качестве племенного обозначения как у киргизов, так и у узбеков, а в 1885 году Потанин посетил *егуров* долины Эдзин-гол на юго-востоке Монголии, которые, как говорят, являются последними выжившими представителями уйгурского народа (H. Schott, "Zur Uigurenfrage", in *Abhandl. d. k. Akad. d. Wiss.*, Berlin, 1873, pp. 101-21).

[697] Ch. de Ujfalvy, *Les Aryens au Nord et au Sud de l'Hindou-Kouch*, p. 28.

[698] "Заметки по физической антропологии Китайского Туркестана и Памира", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLII. 1912.

[699] "Узи у греков - это гозз [гуз] у восточных народов. Они появляются на Дунае и Волге, в Армении, Сирии и Хорасане, и их имя, кажется, было распространено на всю расу туркоманов" [арабские писатели]; Гиббон, гл. LVII.

[700] Которые берут свое имя от мифического Уз-бега, "принца Уз" (*beg* в тюркском языке = вождь или наследственный правитель).

[701] Оба они берут свое имя не от мифических, а от исторических вождей: *Казан-хан* Волги, "соперник Кира и Александра", который, однако, был из дома Дженгиза, следовательно, не тюрк, как большинство его подданных, а истинный монгол (ум. 1304); и *Нога*, союзник и защитник Михаила Палеолога против монголов, шедших под началом ужасного Холагу почти до берегов Босфора.

[702] Гиббон, гл. LVII. Под "турецкой нацией" здесь следует понимать только западную часть. Турки Мавар-ан-Нахара и Кашгарии (Восточного Туркестана) были приведены под влияние ислама первыми арабскими захватчиками из Персии двумя столетиями ранее.

[703] "Die Stellung der Türken in Europa", in *Geogr. Zeitschrift*, Leipzig, 1897, Part 5, p. 250 sq.

[704] "Этнографические исследования", под редакцией Н. Е. Васильевского для *Императорского Геогр. Soc.* 1896, цитируется в *Nature*, Dec. 3, 1896, p. 97.

[705] A. Erman, *Reise um die Erde*, 1835, Vol. III. p. 51.

[706] Цитируется по Peschel, *Races of Man*, p. 383.

[707] М. Балкашин в *Известиях Русск. Geogr. Soc.*, April, 1883.

[708] *Кара* = "черный", по цвету их круглых войлочных палаток.

[709] На неясные отношения этих орд к кара-киргизам и доисторическим усуням пролили свет исследования Н. А. Аристова, резюме выводов которого приводит А. Ивановский в *Centralblatt für Anthropologie*, etc., 1896, p. 47.

[710] Хотя официально они возвращены как мухаммедане суннитской секты, Левчин говорит, что трудно сказать, являются ли они мусульманами, язычниками (шаманистами) или манихеями, последнее потому, что они верят, что Бог создал хороших ангелов, называемых *Манкир*, и плохих ангелов, называемых *Нанкир*. Два этих духа незримо сидят на плечах каждого человека с момента его рождения, хороший - справа, плохой - слева, каждый из них отмечает его поступки в своих книгах и сводит счета после его смерти. Интересно сравнить эти идеи с представлениями узбекского принца, который объяснил Лэнсделлу, что при воскресении, когда земля плоская, мертвые вырастают из нее, как трава; затем Бог разделяет хороших и плохих, отправляя тех, кто внизу, и тех, кто наверху. На небесах никто не умирает, и любое желание исполняется; даже злой кредитор может разыскать своего должника и вместо причитающихся ему денег взять эквивалент в его добрых делах, если таковые имеются, и таким образом спастись (*Through Central Asia*, 1887, p. 438).

[711] См. особенно его *"Reiseberichte u. Briefe aus den Jahren 1845-49"*, p. 401 sq.; и *"Versuch einer Koibalischen u. Karagassischen Sprachlehre"*, 1858, Vol. I. *passim*. Но ср. J. Szinnyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, 1910, pp. 19-20.

[712] Peschel, *Races of Man*, p. 386.

[713] В своей работе, посвященной этому сборнику финских песен, К. У. Кларк (*Forum*, April, 1898, p. 238 sq.), основываясь на примитивном характере мифологии, частых упоминаниях меди или бронзы и почти полном отсутствии христианских идей и других признаков, показывает, что эти песни должны иметь большую древность. "Нет никаких сомнений в том, что некоторые части восходят по меньшей мере к 3000 годам назад, до того как финны и венгры стали отдельными народами; ведь имена божеств, многие обычаи и даже отдельные заклинания и суеверия, упоминаемые в "Калевале", любопытным образом дублируются в древних венгерских писаниях".

[714] Когда Охтэр совершил свое знаменитое путешествие вокруг Северного мыса до моря Квен (Белого моря), все это арктическое побережье было заселено не самоедами, как сейчас, а настоящими финнами, которых король Альфред называет *беормами*, то есть *биармийцами* у норманнов и *пермяками* у русских (*Орозий*, I. 13). В средневековые времена весь регион между Белым морем и Уралом часто назывался Пермией; но со времени ухода на юг зырян и других пермских финнов этот арктический регион был слабо занят самодийскими племенами, медленно распространявшимися на запад из Сибири до Печоры и Нижней Двины.

[715] См. A. Hackman, *Die Bronzezeit Finnlands*, Helsingfors, 1897; также M. Aspelin, O. Montelius, V. Thomsen и другие, которые на различных основаниях пришли к тому же выводу. Даже Д. Э. Д. Европеус, который выдвинул столько неортодоксальных взглядов на финскую прародину и на отношения финских и монголо-тюркских языков, соглашается, что "начиная с эпохи рождения Й. К., то есть задолго до того, как эти племена иммигрировали в Финляндию, они [западные финны] были установлены непосредственно к югу от озер Онега и Ладога". (*Travaux Géographiques exécutés en Finlande jusqu'en 1895*, Helsingfors, 1895, p. 141.)

[716] *Finska Forminnesföreningens Tidskrift, Journ. Fin. Antiq. Soc.* 1896, p. 137 sq.

[717] "Финны и их сородичи занимали ранее, на огромных пространствах, обширные лесные районы сепентральной и центральной России и Западной Сибири; но впоследствии, отторгнутые и разделенные другими народами, они оказались оттесненными в изолированные племена, где до сих пор не осталось ничего, кроме огромных обломков" (*Travaux Géographiques*, p. 132).

[718] Слово с сомнительным значением, обычно, но ошибочно предполагается, что оно означает *болото* или *омут* и, таким образом, является оригиналом тевтонских *финнов*, "людей болот" (см. Thomsen, *Einfluss d. ger. Spr. auf die finnisch-lappischen*, p. 14).

[719] "Þa Finnas, him þuhte, and þa Beormas spræcon neah án geðeode" (Orosius, l. 14).

[720] См. мою статью о финнах в Cassel's *Storehouse of Information*, p. 296.

[721] Самая полная информация о Финляндии и ее жителях содержится в "*Атласе Финляндии с текстом*" (2 тома), изданном Soc. Géog. Finland в 1910 году.

[722] *Laila*, английское издание графа Дьюси, p. 58. Утверждается, что шведское *Bothnia* - это перевод *Kwæn*, что означает "низменные берега"; следовательно, *Kainulaiset*, как они себя называют, означает "жители берегов".

[723] *Путешествие на лодке в Инари*, Клуб викингов, 1 февраля 1895 г.

[724] *Великая замерзшая земля*, 1895, с. 61.

[725] *The Great Frozen Land*, p. 84.

[726] Ср. М. А. Czaplicka, *Aboriginal Siberia*, 1914, pp. 162, 289 n.

[727] *Notes sur les Votiaks payens des Gouvernements de Kazan et Viatka*, Paris, 1897. Они все еще многочисленны, особенно в Вятке, где в 1897 году их насчитывалось 240 000 человек.

[728] См. особенно классический труд Шафарика "*Slavische Alterthümer*", II. p. 159 sq. и V. de Saint-Martin, *Études de Géographie Ancienne et d'Ethnographie asiatique*, II. p. 10 sq., также незаменимый Гиббон, Ch. XLII. и др.

[729] *Упадок и падение*, XLII.

[730] Рубруки (тринадцатый век): "Мы пришли к Этилю, очень большой и глубокой реке, в четыре раза шире Сены, вытекающей из "Великой Болгарии", которая лежит к северу". Далее он добавляет: "Именно из этой Великой Болгарии вышли те болгары, которые находятся за Дунаем, на константинопольской стороне" (цитируется по В. де Сен-Мартену).

[731] Очевидно, гораздо ближе к Уральским горам, поскольку Жан дю План Карпен говорит, что эта "Великая Венгрия была землей *Баскарта*", то есть *башкир*, большого финно-тюркского народа, который до сих пор занимает значительную территорию в Оренбургском государстве на южных склонах Урала.

[732] С ними были связаны многие из оставшихся в живых беглых он-уйгуров ("огоры или вархониты" Гиббона), откуда и пошло сообщение, что они не были настоящими аvaraми. Но генеалогии тюрков, по-видимому, признают их право на это имя, и в любом случае уйгуров и аваров тех времен сейчас невозможно отличить по этническому признаку. *Кандиш*, один из их посланников к Юстиниану, явно тюркское имя, а *Вархониты*, похоже, указывают на Вархон (Орхон), где в разные эпохи жили восточные тюрки, уйгуры и настоящие монголы.

[733] *Этнология*, с. 309.

[734] Вамбери, возможно, лучший авторитет в этом вопросе, считает, что по своей структуре мадьярский язык больше склоняется к финно-угорскому, а по лексике - к тюркской ветви урало-алтайской языковой семьи. Он объясняет стирание физического типа частично влиянием окружающей среды, частично постоянным смешением угорских, тюркских, славянских и германских народов в Паннонии ("Ueber den Ursprung der Magyaren", in *Mitt. d. K. K. Geograph. Ges.*, Vienna, 1897, XL. №№ 3 и 4).

[735] Т. Пейскер, "Азиатский фон", *Кембриджская средневековая история*, т. I. 1911, с. 356.

[736] "Das Volk steht und fällt mit der Sprache" (*Urbewohner Brasiliens*, 1897, p. 14).

ГЛАВА X

АМЕРИКАНСКИЕ АБОРИГЕНЫ

Происхождение Америки - Ископаемый человек в Америке - Раса Лагоа-Санта - Физический тип в Северной Америке - Деформация черепа - Тольтеки - Тип индейцев северо-западного побережья - Дата миграции - Свидетельства лингвистики - Стоковые языки - Культура - Классификация - По лингвистике - Этнические перемещения - Археологические раскопки - Археологические раскопки - Повседневная жизнь - Повседневная жизнь. Индейцы побережья - Дата миграции - Свидетельства лингвистики - Стоковые языки - Культура - Классификация по языкам - Этнические перемещения - Археологическая классификация - Культурная классификация - Эскимосский район - Материальная культура - Происхождение и родственные связи - Физический тип - Социальная жизнь - Район Маккензи - Дене - Материальная культура - Физический тип - Социальная жизнь - Север Тихого океана Побережье - Материальная культура - Физический тип - Социальная жизнь - Плато - Материальная культура - Внутренние салиши - Социальная организация - Калифорнийский район - Материальная культура - Социальная жизнь - Район равнин - Материальная культура - Дакота - Религия - Танец солнца - Пауни - Блэкфит - Арапахо - Чейенн - Восточный Вудленд - Материальная культура - Центральная группа - Восточная группа - Ирокезские племена: Оджибвеи - Религия - Ирокезы - Юго-восточная область - Материальная культура - Крики - Ючи - Строители курганов - Юго-западная область - Материальная культура - Переходные или промежуточные племена - Пуэблос - Жилища на скалах - Религия - Физический тип - Социальная жизнь.

Конспект.

Распространение в прошлом и настоящем.

Современный ареал. Северо-западное побережье Тихого океана; берега Северного Ледовитого океана, Лабрадор и Гренландия; незаселенные части Аляски и Доминиона; резервации и агентства в Доминионе и США; части Флориды, Аризоны и Нью-Мексико; большая часть Центральной и Южной Америки, где фуэгия либо дикие и полнокровные, либо полукцивилизованные полукровки.

Физические особенности.

Волосы черные, длинные, грубые, часто очень длинные, почти круглые в поперечном сечении; очень скудные на лице и практически отсутствуют на теле; **цвет**, в зависимости от местности, варьируется от сумрачного желтовато-белого до шоколадного, но преобладает коричневый цвет; **череп**, как правило, мезатицефальный (79), но в широком диапазоне от 65 (некоторые эскимосы) до 89 или 90 (некоторые жители Британской Колумбии, перуанцы); **os Incae** присутствует чаще, чем у других рас, но **os linguae** (подъязычная кость) часто развита слабо; **челюсти** массивные, но умеренно выступающие; **скуловая кость**, как правило, довольно выдающаяся вбок, а также высокая; **Нос**, как правило, большой, прямой или даже аквилиный, и мезорин; **глаза**, почти всегда темно-карие, с желтоватой конъюнктивой, а глазные щели имеют преобладающую тенденцию к небольшому наклону вверх; **рост**, обычно выше среднего 1.728 м. (5 футов 8 или 10 дюймов), но варьируется - ниже 1,677 м. (5 футов 6 дюймов) на западных плато (перуанцы и др.), также в Фуэгии и на Аляске; 1,829 м. (6 футов.) и выше в Патагонии (техуэльчи), Центральной Бразилии (бороро) и прериях (алгонки, ирокезы); относительные пропорции двух элементов рук и ног (радиально-плечевой и тиббио-фemorальный индексы) являются промежуточными между таковыми у белых и негров.

Психические особенности.

Темперамент: угрюмые, сдержанные и настороженные; внешне бесстрастные и способные переносить сильную физическую боль; внимательные друг к другу, добрые и нежные по отношению к своим женщинам и детям, но не демонстративные; обостренное чувство справедливости, поэтому легко обижаются, но и легко успокаиваются. Внешняя демонстрация достоинства и возвышенности, которой придерживаются многие, кажется, объясняется скорее тщеславием или показной гордостью, чем чувством истинной гордости. Умственные способности значительные, намного выше, чем у негров, но в целом уступают монголам.

Речь, исключительно полисинтетическая, тип, неизвестный в других странах; это не примитивное состояние, а высокоспециализированная форма агглютинации, в которой все члены предложения стремятся объединиться в одно полисиллабическое слово; языки-фонды очень многочисленны, возможно, более многочисленны, чем все языки-фонды всех других порядков речи в остальном мире.

Религия, различные уровни поклонения духам и природе, соответствующие различным культурным уровням; грубая форма шаманизма, распространенная среди большинства аборигенов Северной Америки, политеизм с жертвоприношениями и жречеством среди культурных народов (ацтеков, майя и т. д.); монотеистическая концепция нигде четко не развита; вера в естественную загробную жизнь очень распространена, если не универсальна.

Культура, весьма разнообразная, начиная от низших стадий дикости через различные степени варварства до развитого социального состояния более или менее цивилизованных майя, ацтеков, чибча, юнга, кичуа и аймара; среди них довольно хорошо развиты гончарное дело, ткачество, металлообработка, сельское хозяйство и особенно архитектура; Письменность менее развита, хотя письменность майя, кажется, достигла истинного фонетического состояния; навигация и наука рудиментарны или отсутствуют; дикость в целом гораздо более распространена и интенсивна в Южной, чем в Северной Америке, но племенное состояние почти везде сохраняется.

I. Эскимос.

II. Район Маккензи. Племена дренеев.

1 Желтые ножи, 2 Собачье ребро, 3 Зайцы, 4 Рабы, 5 Чипеуян, 6 Бобры, 7 Нахане, 8 Секани, 9 Бабине, 10 Перевозчик, 11 Луше, 12 Ахтена, 13 Хотана.

III. Северная часть Тихого океана.

14 Тлингиты, 15 Хайда, 16 Квакиутль, 17 Беллакула, 18 Береговые салиши, 19 Нутка, 20 Чинук, 21 Калапуа.

IV. Область плато.

22 Шахалты или нез-персе, 23 Шошони, 24 внутренние салиши, Томпсон, 25 Лиллуэт, 26 Шушвап.

V. Калифорнийская область.

27 Винтун, 28 Помо, 29 Мивок, 30 Йокут.

VI. Равнинная область.

31 Ассинибойн, 32 Арапахо, 33 Сиксика или Блэкфут, 34 Блад, 35 Пиган, 36 Кроу, 37 Шайенны, 38 Команчи, 39 Грос Вентре, 40 Киова, 41 Сарси, 42 Тетон-Дакота (Сиу), 43 Арикара, Хидатса, Мандан, 44 Айова, 45 Миссури, 46 Омаха, 47 Осаге, 48 Ото, 49 Пауни, 50 Понка, 51 Санте-Дакота (сиу), 52 Янктон-Дакота (сиу), 53 Уичита, 54 Винд-Ривер-Шошони, 55 Плейнс-Оджибвей, 56 Плейнс-Кри.

VII. Восточная лесистая местность.

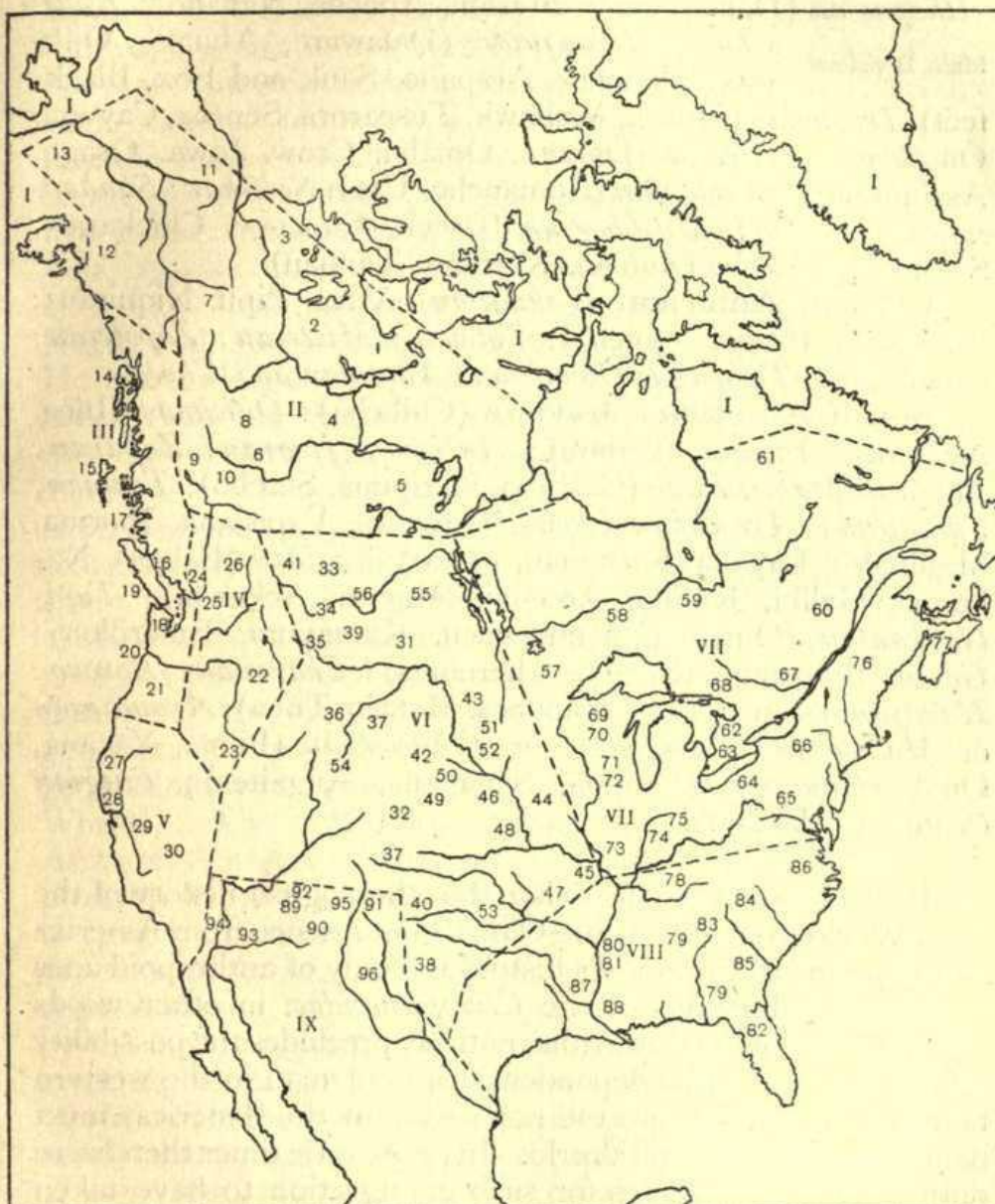
57 Оджибвеи, 58 Саулто, 59 Вуд-Кри, 60 Монтаньи, 61 Наскапи, 62 Гуроны, 63 Уайандот, 64 Эри, 65 Саскуэханна, 66 Ирокезы, 67 Алгонкин, 68 Оттава, 69 Меномини, 70 Саук и Фокс, 71 Потаватоми, 72 Пеория, 73 Иллинойс, 74 Кикапу, 75 Майами, 76 Абнаки, 77 Микмак.

VIII. Юго-восточная область.

78 Шауни, 79 Крик, 80 Чикасо, 81 Чоктау, 82 Семинолы, 83 Чероки, 84 Тускарора, 85 Ючи, 86 Поухатан, 87 Туникан, 88 Натчез.

IX. Юго-западная область. Племена пуэбло.

89 Хопи, 90 Зуньи, 91 Рио-Гранде, 92 Навахо, 93 Пима, 94 Мохаве, 95 Джикарилла, 96 Мескалери.

MAP OF AREAS OF MATERIAL CULTURE IN NORTH AMERICA (after C. Wissler, *Am. Anth.* XVI, 1914).

Карта районов материальной культуры в Северной Америке (по К. Висслеру, *Am. Anth.* XVI. 1914).

Основные деления.

Северная Америка: Эскимауанская (иннуиты, алеуты, каралиты); атапаскинская (дэне, тихоокеанское подразделение, апачи, навахо); колусская; алгонкинская (делавары, абнаки, оджибвеи, шауни, арапахо, саук и фокс, блэкфит); ирокезская (гуроны, могавки, тоскарора, сенека, кайюга, онондага); Сиуан (дакота, омаха, кроу, айова, осаге, ассинибойн); шошониан (команчи, юте); салишан; шахаптиан; каддоан; мускогеан (крик, чоктау, чикасо, семинолы); пуэбло (зуньян, кересан, таноан).

Центральная Америка: Нахуатлан (ацтеки, пипиль, никиран); уастекан (майя, киче); тотонак; мицтекан; сапотекан; чоротеган; тараскан; отомитлан; таламанкан; чоко.

Южная Америка: *Муйскан* (Чибча); *Кичуан* (Инка, Аймара); *Юнган* (Чиму); *Антисан*; *Дживаран*; *Сапаран*; *Бетоян*; *Маку*; *Пана* (Кашибо, Карипуна, Сетебо); *Тикунан*; *Чикитан*; *Араваканские* (Аруа, Майпуре, Ваписиана, Ипурина, Махинаку, Лаяна, Кустенау, Моксо); *Карибанские* (Бакаири, Наукуа, Галиби, Калина, Арекуна, Макуси, Акавой); *тупи-гуаранские* (омагуа, мундуруку, камаюра, эмерильон); *гесанские* (ботокудо, каяпо, чентес); *чарруанские*; *бороро*; *караян*; *гуайкуруанские* (абипонес, матако, тоба); *арауканский* или *молучеанский*; *патагонский* или *теуэльчеанский* (пильма, якана, она); *эннеманский* (ленгуа, санапана, ангаитес); *фуэгуианский* (яхган, алакалуф).

Американское происхождение.

Невозможно отделить этнологическую историю Нового Света от истории Старого. Отсутствие в Америке в любой период мировой истории не только антропоидных обезьян, но и *Cercopithecidae*, другими словами, Catarrhini, полностью исключает возможность независимого происхождения человека в западном полушарии. Поэтому население Северной и Южной Америки должно было прийти из Старого Света. В доисторические времена существовало только два возможных пути для такой иммиграции. Ведь срединно-атлантическая сухопутная связь была прервана задолго до появления человека, а связь Южной Америки с Антарктидой также давно исчезла^[737]. Поэтому мы вынуждены искать более дальнее расширение суши между Северной Америкой и Северной Европой, с одной стороны, и между северо-западной Америкой и северо-восточной Азией - с другой. Мы знаем, что в конце третичного периода существовал сухопутный мост, соединявший северо-западную Европу с Гренландией, и Шарфф^[738] считает, что северные олени из Барренграунда шли этим путем в Норвегию и западную Европу в раннеледниковый период, но "к последней части ледникового периода сухопутная связь... прервалась". Другие авторитеты считают, что непрерывная суша между двумя континентами в высоких широтах сохранялась до послеледниковых времен. Бринтон^[739] считает, что человек не мог попасть в Америку из Азии, поскольку Сибирь была покрыта ледниками и не заселялась до позднего неолита, в то время как человек жил в Северной и Южной Америке в конце ледникового периода. Он признавал, что в более поздние времена между Азией и Америкой происходили частые контакты, но утверждал, что движение происходило скорее из Америки в Азию, чем наоборот. Поэтому он был убежденным сторонником европейского происхождения американской расы. Нет никаких сомнений в том, что Северная Америка была связана с Азией в третичные времена, хотя некоторые геологи утверждают, что "крайний Северо-Запад поднялся из волн Тихого океана (который когда-то протекал безбрежным простором до Северного полюса) только после ледникового периода". В таком случае "первые жители Америки, конечно, не попали туда таким образом, ведь к тому времени кости многих поколений уже белели на почве Нового Света^[740]". "Миоценовый мост", как называют землю, соединяющую Азию и Америку в поздние геологические времена, вероятно, был очень широким: одна его сторона простиралась от Камчатки до Британской Колумбии, а другая - через пролив Беринга. Если, что кажется вероятным, эта связь сохранялась до человеческого периода или была восстановлена во время него, то племена, мигрировавшие в Америку более северным путем, попадали на землю к востоку от великого барьера Скалистых гор. Путь из Старого Света в Новый по тихоокеанской границе, вероятно, оставался почти всегда открытым. Таким образом, не отрицая возможности очень ранней миграции из Северной Европы в Северную Америку через Гренландию, представляется более вероятным, что Америка получила свое население из Северной Азии.

Ископаемый человек в Америке.

Далее нам предстоит определить, каковы были характеристики самых ранних обитателей Америки, а также приблизительную дату их прибытия. Существует множество сенсационных сообщений об обнаружении ископаемого человека в Америке, которые не выдерживают критики научного исследования. Следует всегда помнить, что доказательства в первую очередь относятся к стратиграфии. Если, конечно, предположить, что человеческие скелетные останки, найденные в том или ином месторождении, относятся к периоду формирования этого месторождения, а не были захоронены в нем впоследствии, то определение возраста остается за геологом. Количество окаменелостей и степень сохранности костей не имеют никакого значения, как и анатомический характер останков. Можно ожидать, что останки первобытного человека будут в значительной степени демонстрировать признаки предков, но поскольку у нас недостаточно данных, позволяющих определить скорость эволюции, анатомические соображения должны вписываться во временную шкалу, предоставляемую геологом.

Помимо чистой стратиграфии, останки животных могут служить подтверждением или опровержением утверждений о древности, а наличие артефактов - предметов, сделанных или использованных человеком, - может служить доказательством для определения относительной даты, если культурная стратиграфия района была достаточно установлена.

К счастью, ископаемые человеческие останки в Америке были тщательно изучены компетентным специалистом, который утверждает: "Независимо от других соображений, в каждом случае, когда сохранилось достаточно костей для сравнения, соматологические данные свидетельствуют против геологической древности останков и в пользу их близкого родства или идентичности с костями современных индейцев. При таких обстоятельствах оправдан только один вывод, который заключается в том, что до сих пор на этом континенте не известны человеческие кости бесспорной геологической древности[741]". Впоследствии Хрдличка изучал останки Южной Америки и говорит: "Добросовестное, непредвзятое изучение всех имеющихся фактов показало, что вся конструкция, возведенная в поддержку теории геологически древнего человека на этом континенте, опирается на очень несовершенные и неверно интерпретированные данные и во многих случаях на ложные предпосылки, и вследствие этих недостатков должна полностью рухнуть, если подвергнется тщательной критике. Что касается древности различных археологических останков из Аргентины, приписываемых раннему человеку, то все, которым придавалось особое значение, были найдены без обоснованных претензий на большой возраст, в то время как другие, в основном одиночные предметы, без исключения попадают в категорию сомнительных[742]".

Выводы В. Х. Холмса, Бэйли Уиллиса, Ф. Э. Райта и К. Н. Феннера, сотрудничавших с Хрдличкой, относительно представленных доказательств таковы: "Они не позволяют утверждать, что в Южной Америке до сих пор были обнаружены ощутимые следы либо самого геологически древнего человека, либо каких-либо предшественников человеческой расы[743]". Однако Хрдличка осторожно добавляет: "Это не следует воспринимать как категорическое отрицание существования раннего человека в Южной Америке, каким бы маловероятным ни казалось такое присутствие в настоящее время".

По мнению Дж. В. Гидли[744], данные палеонтологии позвоночных указывают на то, что (1) человек не существовал в Северной Америке в начале плейстоцена, хотя в то время между Азией и Северной Америкой существовала сухопутная связь, позволявшая свободно перемещаться крупным млекопитающим. (2) Что подобная сухопутная связь вновь возникла в конце последней ледниковой эпохи и, вероятно, продолжалась вплоть до сравнительно недавних времен, на что указывает близкое сходство родственных видов млекопитающих по

обе стороны нынешнего пролива Беринга. (3) Первые достоверные сведения о доисторическом человеке в Америке были найдены в отложениях, возраст которых не превышает последней ледниковой эпохи, а возможно, и более позднего времени, из чего можно сделать вывод, что человек впервые попал в Северную Америку в период, близкий к окончанию существования этого последнего сухопутного моста. (4) Этот сухопутный мост был широким и растительным, а климат, предположительно, мягким, по крайней мере, вдоль границы южного побережья, что сделало его пригодным для жизни человека.

Раса Лагоа-Санта.

Риве[745] указывает, что от Бразилии до Терра-дель-Фуэгия на атлантическом склоне, в Боливии и Перу, на высоких плато Анд, на тихоокеанском побережье и, возможно, на юге Калифорнии встречаются следы отдельной расы, иногда в виде отдельных особей, иногда в виде целых групп. Эта раса Лагоа Санта является важным первобытным элементом в населении Южной Америки и названа Деникером палеоамериканской подрасой .[746]

Мужчины были невысокого роста, но значительной силы, череп длинный, узкий и высокий, умеренного размера, прогнатический, с сильными надбровными дугами, но без отступающего лба. Достоверных данных о возрасте этих останков нет. Хрдличка, рассмотрев все доказательства, говорит: "Помимо того, что этот тип тесно связан с долихоцефалическим американским типом, который был широко представлен по всей Бразилии, включая провинцию Минас-Жераес, и во многих других частях Южной Америки, Это тот же тип, который встречается дальше на север среди ацтеков, тараско, отоми, тараумаре, пима, калифорнийцев, древних обитателей скал Юты, древних северо-восточных пуэбло, шошони, многих равнинных племен, ирокезов, восточных сиуанов и алгонкинов. Но это не считая эскимосов, которые образуют отдельный подтип желто-коричневого штамма человечества[747] ."

Риве[748] добавляет, что изучение современного распространения потомков типа Лагоа-Санта показывает, что все они - пограничные народы, в Восточной Бразилии, на юге Патагонии и Терра-дель-Фуэгия, где климат суровый, на пустынных островах западного и южного Чили, на побережье Эквадора и, возможно, в Калифорнии. Это позволяет предположить, что они были вытеснены в ходе большого эксцентричного движения из своих старых мест обитания в новые условия, создающие новые переходы.

На севере Южной Америки отсутствует этот высокий узкоголовый тип, а преобладают средние или суббрахицефалические головы, которые всегда низко посажены в макушке. Сейчас их представляют карибы и араваки, но брахицефалические народы не раз переселялись с севера.

Физический тип в Северной Америке.

Вернемся к Северной Америке. Как мы только что видели, Хрдличка признает наличие долихоцефального элемента в Северной Америке, а различные этнические группы - ярко выраженной брахицефалии. Тем не менее он верит в изначальное единство индейской расы в Америке, основывая свои выводы на цвете кожи, который варьируется от желтовато-белого до темно-коричневого, прямых черных волосах, скудной бороде, безволосом теле, карих и часто более или менее раскосых глазах, мезорском носе, среднем прогнатизме, скелетных пропорциях и других существенных признаках. По всем этим признакам американские индейцы напоминают желтовато-коричневые народы восточной Азии и значительной части Полинезии[749] . Он также считает, что было много последовательных миграций из Азии.

Различия во мнениях между Хрдличкой и другими студентами, вероятно, больше связаны с номенклатурой, чем с фактами. Восточные азиаты и полинезийцы - смешанные народы, и если бы из Азии происходили многочисленные миграции, растянувшиеся на очень долгий период времени, то в Америку попали бы люди разного происхождения. "Действительно, вероятно, - добавляет Хрдличка, - что западное побережье Америки в течение последних двух тысяч лет не раз достигалось небольшими партиями полинезийцев, а восточное побережье - небольшими группами белых; но эти переселения не сильно изменили, если вообще изменили, массу коренного населения[750]."

Жители равнин к востоку от Скалистых гор и восточной лесистой местности характеризуются головой, которая колеблется около нижнего предела брахицефалии, и высоким ростом. Этот вид, вероятно, прибыл по Северо-Тихоокеанскому мосту до конца последнего ледникового периода и распространился по континенту к востоку от великого водораздела. Наконец, группы с севера, востока и юга мигрировали в прерии. Брахицефалические иммигранты из Азии, по-видимому, двигались в основном по тихоокеанскому склону и заселили Центральную и Южную Америку, а также юг Северной Америки. Вполне вероятно, что в ранние времена из Азии происходило несколько миграций родственных, но не схожих широкоплечих народов, и мы знаем, что в последнее время между соседними частями Америки и Азии происходили расовые и культурные дрейфы[751]. Действительно, Богорас[752] предполагает, что этнографическая линия, разделяющая Азию и Америку, должна проходить от низовьев Колымы до бухты Гишига.

Вследствие этих различных иммиграций и последующих смешений черепные формы демонстрируют значительные различия, которые не являются достаточно значительными, чтобы служить основой для классификации. В некоторых частях Северной Америки круглоголовые строители курганов и другие были вытеснены популяциями все более долихоцефального типа - индейцами Плейнса и чероки, чичимеками, тепанеками, акольхуа. Еще долихоцефалия характерна для ирокезов, коауилов, сонорцев, а промежуточные показатели, встречающиеся в прериях и на плоскогорьях, несомненно, указывают на смешение длинноголовых захватчиков с круглоголовыми, которых они сметали по мере продвижения на юг. Таким образом, миннетари сильно долихо; понка и осаги суббрахи; алгонкины изменчивы, а сиуанцы широко колеблются вокруг среднего мезатицефального значения.

Деформация черепа.

Тольтеки".

Однородны только атапаски, а суббрахицефалия встречается у апачей и других их южных сородичей, которые придали ей преувеличенную форму благодаря широко распространенной практике искусственной деформации, которая берет начало в далекие времена. Наиболее типичные случаи как брахи-, так и долихо-деформации происходят из могил Серро-де-лас-Пальмас на юго-западе Мексики. Деформация преобладает также в Перу и Боливии, а также в Сеаре и Рио-Негро на атлантической стороне. Плоскоголовая форма, столь распространенная от устья Колумбии до Перу, встречается среди широколицых уастеков, их ближайших родственников майя-киче и науатланов. Она также встречается среди вымерших себуни Кубы, Хайти и Ямайки и так называемых "тольтеков", то есть людей из Толлана (Тулы), которые впервые основали цивилизованное государство на мексиканской столовой земле (шестой и седьмой века нашей эры), и чье имя впоследствии стало ассоциироваться с каждым древним памятником по всей Центральной Америке. По этому "тольтекскому вопросу" существуют самые противоречивые теории; одни считают, что

тольтеки были великим и могущественным народом, который после свержения своей империи мигрировал на юг, распространяя свою культуру по всей Центральной Америке; другие считают их "сказочными" или, во всяком случае, "не более чем септом самих науа, предками тех мексиканцев, которые построили Теночтитлан", то есть современный город Мексику. Третья точка зрения Валентини, согласно которой тольтеки были не науа, а майя, сегодня поддерживается как Э. П. Дизельдорфом[753], так и Фёрстеманном[754]. Т. А. Джойс[755] предполагает, что авангард науа, достигнув мексиканской долины, перенял и усовершенствовал культуру земледельческого народа, родственного тараскам, чья культура отчасти была вдохновлена майя, которых они обнаружили поселившимися там. На последующие миграции науа большое впечатление произвела культура "тольтеков", которая возникла в результате воздействия мужественного охотничьего народа на более пассивных земледельцев.

Тип индейцев северо-западного побережья изменчив.

На северо-западе Тихоокеанского побережья происходят аналогичные этнические смешения, и Франц Боас[756] выделяет здесь целых четыре типа: северные (цимшиан и другие), квакиутль, лиллуэт из района озера Харрисон и внутренние салишан (плоскоголовые, шусвапы и т.д.). Все они брахицефалы, но если цимшианцы среднего роста - 1,675 м. (5 футов 6 дюймов) с низким, вогнутым носом, очень большой головой и чрезвычайно широким лицом, превышающим средний показатель для Северной Америки на 6 мм, Квакиутли короче - 1,645 м. (5 футов 4¾ дюйма) с очень высоким и относительно узким крючковатым носом и исключительно высоким лицом; Харрисон Лейк очень короткий - 1,600 м. (5 футов 3 дюйма) с чрезвычайно короткой и широкой головой (С. I. почти 89), "превосходящий в этом отношении все другие формы, известные в Северной Америке"; наконец, внутренний салиш среднего роста 1,679 м. (5 футов 6 дюймов) с высоким и широким носом характерной индейской формы и короткой головой.

Дата миграции.

Трудно найти где-либо больший контраст, чем тот, который представляют некоторые из этих уроженцев Британской Колумбии, например, уроженцы озера Харрисон с почти круглой головой (88,8), а некоторые эскимосы Лабрадора с такой степенью долихоцефалии, которую не превзошли даже фиджийские кай-коло (65)[757]. Но этот резкий контраст несколько сглаживается промежуточными формами, такими как у тлинкитов, жителей Алеутских островов и западных (аласкинских) эскимосов, с помощью которых осуществляется переход между арктическими и более южными популяциями. В настоящее время невозможно даже в общих чертах указать хронологию любого из вышеописанных этнических движений. Уоррен К. Мурхед[758] согласен с подавляющим большинством американских археологов в том, что существование палеолитического человека в Северной Америке не доказано[759], а так называемые палеолиты являются либо отбросами, либо грубыми орудиями для грубых целей. Когда человек мигрировал в Америку из Северной и Восточной Азии, когда бы это ни было, он, по-видимому, находился на той стадии культуры - или, скорее, каменной техники, - которую мы называем неолитической, и дрейф прекратился до того, как он научился использовать металлы.

Доказательства из лингвистики.

Еще одно доказательство древности миграций дает лингвистика. А. Ф. Чемберлен утверждает[760], что "можно с уверенностью сказать, насколько это касается всех представленных до сих пор данных, что не было представлено ни одного удовлетворительного доказательства, побуждающего нас считать, что какой-либо один язык

или группа языков американских индейцев произошли от какой-либо формы речи Старого Света, существующей в настоящее время или существовавшей в прошлом. Каким бы образом ни возникло множество языков и диалектов американских индейцев, можно быть уверенным, что дифференциация и дивергенция возникли здесь, в Америке, и ни в коем случае не являются следствием случайного проникновения языков Старого Света по отдельности или в массовом порядке..... Определенные реальные отношения между американскими индейцами и народами северо-восточной Азии, известными как "палеоазиаты", были, однако, выявлены в результате обширных исследований Северо-Тихоокеанской экспедиции Джесупа..... Общий вывод, который можно сделать на основании полученных данных, заключается в том, что так называемые "палеоазиатские" народы северо-восточной Азии, т.е. чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, юкагиры и т.д. действительно принадлежат физически и культурно к аборигенам северо-западной Америки..... Как и современные азиатские эскимосы, они представляют собой рефлекс от Америки и Азии, а не наоборот..... По мнению авторитетных специалистов, "палеоазиатские" народы лингвистически относятся к американским индейцам, а не к другим племенам и группам северной или южной Азии. Таким образом, мы имеем единственную реальную связь лингвистического характера, которая когда-либо была убедительно доказана между языками Нового Света и языками Старого".

Американские языки не просто отличаются от других форм речи общими фонетическими, структурными и лексическими особенностями; они отличаются от них самой морфологией, так же, например, как в зоологическом мире класс отличается от класса, порядок от порядка. Все они развивались по одной и той же полисинтетической линии, от которой если и отходят некоторые из них, то только потому, что в ходе своей дальнейшей эволюции они, так сказать, оторвались от этого прототипа[761]. Возьмите самый грубый или самый высококультурный язык от Аляски до Фуэгии - эскимауанский, ирокезский, алгонкинский, ацтекский, тарасканский, ипуринский, перуанский, яхганский - и вы найдете в каждом из них множество свидетельств этого универсального полисинтетического характера, ни одного подлинного примера которого нельзя найти нигде в восточном полушарии. Есть инкорпорация с глаголом, как в баскском, многих кавказских языках и урало-алтайской группе; но она везде ограничена прономинальными и чисто реляционными элементами.

Но в американском строе речи такого ограничения нет, и в глагольную парадигму обязательно входят не только местоимения, число которых ограничено, но и существительные с их атрибутами, число которых практически бесчисленно. Так, в тарасканском языке (Мексика): *hopocuni* = мыть руки; *hopodini* = мыть уши, от *hoponi* = мыть, которое не может использоваться отдельно[762]. Так в ипуринском (Амазония): *nicaçacatçaurumatinii* = я затягиваю шнур вокруг твоей талии, от *ni*, я; *siçasa*, затягивать; *tça*, шнур; *túruma*, талия; *tini*, характерный глагольный аффикс; *í*, твой, относящийся к талии. [763]

Из таких примеров видно, что полисинтез - это не примитивное состояние речи, как часто утверждается, а, напротив, высокоразвитая система, в которой первоначальный агглютинативный процесс зашел так далеко, что привлек все элементы предложения к глаголу, вокруг которого они группируются, как роящиеся пчелы вокруг своей королевы. В эскимауанском языке эта тенденция проявляется в построении существительных и глаголов, при котором другие классы слов становятся почти ненужными, а одно слово, иногда бесконечно длинное, способно выразить целое предложение с подчиненными пунктами. Х. Ринк, один из первых эскимосских ученых современности, приводит такой пример: "Suérúkame-autdlásassoq-tusaramiuk-tuningingmago-iluarín-gilát = они не одобрили, что он (а) не дал ему (б) что-то, так как он (а) слышал, что тот (б) собирался уехать из-за того, что был

лишен всего[764]. " Подобные чудовища "настолько сложны, что в повседневной речи они вряд ли когда-либо встречались; но все же они правильны и могут быть поняты умными людьми[765]. "

Он приводит еще один и гораздо более длинный пример, от которого читатель может быть избавлен, добавляя, что всего существует около 200 частиц, до десяти из которых могут быть нагромождены на любой данной ножке. Этот процесс также часто сопровождается значительными фонетическими изменениями, в результате которых первоначальная форма элементов становится завуалированной, как, например, в английском *hap'oth* = half-penny-worth. Попытка определить количество слов, которые могут быть образованы таким образом от одной основы, например, *igdlo* - дом, была оставлена после того, как мы дошли до соединения *igdlorssualiortugssarsiumavog* = он хочет найти того, кто построит большой дом.

Фондовые языки.

Очевидно, что такая языковая эволюция предполагает как изоляцию от других влияний, которые должны были нарушить и разрушить этот громоздкий процесс, так и длительный период времени для развития и консолидации системы во всем Новом Свете. Но времени еще более настоятельно требует огромное количество языков-фондов, многие из которых уже вымерли, а многие все еще существуют по всему континенту, и все они сильно различаются по своему словарному запасу, часто также по своему фонетическому составу, и фактически не имеют ничего общего, кроме этого необыкновенного полисинтетического желобка, в который они попали. Вероятно, в Северной Америке насчитывается около 75 коренных языков, из которых 58 распространены к северу от Мексики.

Но даже это дает лишь слабое представление о поразительном разнообразии речи, царящем в этом поистине лингвистическом Вавилоне. Дж. У. Пауэлл[766] отмечает, что практически различных идиом гораздо больше, чем можно было бы предположить, исходя даже из такого большого количества родных языков. Так, в алгонкинской языковой семье[767], по его данным, насчитывается около 40 идиом, ни одна из которых не может быть понята народом, говорящим на другом языке; в атапасканском - от 30 до 40; в сиуанском - более 20; в шошонском - еще больше[768]. Наибольшее языковое разнообразие на сравнительно небольшой территории наблюдается в штате Калифорния, где, согласно классификации Пауэлла, говорят на 22 различных языковых группах. Р. Б. Диксон и А. Л. Крёбер[769] показывают, однако, что они делятся на три морфологические группы, которые также характеризуются определенными культурными особенностями. То же самое, а может быть, даже хуже, происходит в Центральной и Южной Америке, где лингвистическая путаница настолько велика, что ни одна полная классификация родных языков не представляется возможной. Клементс Р. Маркхэм в третьем издании своего исчерпывающего списка племен Амазонии[770] насчитывает не менее 1087 наименований. Он приходит к выводу, что их можно отнести к 485 отдельным племенам во все периоды, начиная со времен Акуны (1639). Если вычесть 111 вымерших или почти вымерших племен, то общее число составит "323 на внешней стороне" (с. 135). Если бы не такие языковые различия, большое количество этих групп было бы совершенно неотличимо друг от друга, настолько велико преобладающее сходство во внешнем облике и обычаях во многих районах. Так, Эренрайх сообщает нам, что, "несмотря на этнолингвистические различия, племена в верховьях Сингу демонстрируют полное единообразие в повседневных привычках, условиях существования и общей культуре[771], " хотя любопытно отметить, что искусство изготовления керамики здесь присуще только племенам араваков .[772] Однако среди них представлены три радикально отличающиеся друг от друга языковые группы Бразилии: одни (бакаири и наукуа) относятся к карибам, другие (ауэто и камаюра) - к тупи-

гуарани, а третьи (мехинаку и ваура) - к аравакской семье. Очевидно, что их нельзя было бы так различать, если бы не их языковые различия. С другой стороны, иногда наблюдается обратное явление: племена, значительно отличающиеся друг от друга в своих социальных отношениях, тем не менее имеют одинаковое происхождение или, что Эренрайх считает одним и тем же, принадлежат к одной языковой группе. Таковы ипурина, паумари и ямамади из долины Пуруса, которых относят к аравакам, поскольку они говорят на диалектах аравакского языка. В то же время следует отметить, что социальные различия, отмечаемые некоторыми современными путешественниками, часто объясняются все более частыми контактами с белыми, которые в настоящее время вторгаются на равнины Гран-Чако и поднимаются по всем притокам Амазонки в поисках каучука и других природных продуктов, которыми изобилуют эти регионы. О последующем перемещении племен рассказывает Г. Э. Черч [\[773\]](#)

В предисловии к своему ценному списку Клементс Маркхэм отмечает, что языковые данные свидетельствуют в пользу теории, что амазонские племена, "которые теперь подобны пескам на морском берегу по численности, первоначально произошли от двух или, самое большее, трех родительских групп". Диалекты языка *тупи* простираются от корней Анд до Атлантики и на юг до Парагвая... и установлено, что различия в корнях между многочисленными амазонскими языками не так велики, как принято считать [\[774\]](#). " Это, несомненно, правда, и многое объясняет. Но когда мы видим, что здесь записано, что у карабуянов (река Джапура) есть или было 16 ветвей, что группа чикито (Боливия) состоит из 40 племен, говорящих на "семи разных языках"; что у юрисов (верхние амазонки) есть десять подразделений; моксос (реки Бени и Маморе) - 26 ветвей, "говорящих на девяти или, по словам Саути, тринадцати языках"; уаупе (Рио-Негро) - 30 ветвей, и так далее, и мы чувствуем, как много еще осталось неучтенного. Были предприняты попытки ослабить силу лингвистического аргумента предположением, которое одно время было очень популярным, что американские языки имеют несколько мимолетную природу, находятся в неустойчивом состоянии, часто меняют свою форму и структуру в течение нескольких поколений. Но, говорит Пауэлл, "это широко распространенное мнение не находит подтверждения в фактах, обнаруженных в ходе данного исследования. Автора всегда впечатлял тот факт, что языки дикарей отличаются необычайной стойкостью, и что язык, существование которого зависит от устной традиции, нелегко изменить [\[775\]](#) ". В качестве примера можно привести язык делаваров (Leni Lenaré), алгонкинский язык, который, судя по образцам, собранным Th. Кампаниусом около 1645 года, претерпел лишь незначительные изменения за последние 250 лет.

В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что некоторые языки-фонды имеют огромный ареал распространения, в то время как другие теснятся в неопишуемой неразберихе в труднопроходимых горных долинах, устьях рек или в глухих лесных массивах, и это странное неравномерное распределение преобладает во всех основных частях континента. Так, из 58 языковых семей Северной Америки, описанных Пауэллом, 40 ограничены относительно узкой полосой побережья между Скалистыми горами и Тихим океаном, десять - вокруг Мексиканского залива от Флориды до Рио-Гранде, и две - вокруг Калифорнийского залива, в то время как почти вся остальная территория - около шести миллионов квадратных миль - занята шестью широко распространенными эскиманской, атапаскинской, алгонкинской, ирокезской, сиуанской и шошонской семьями. Такое же явление наблюдается в Центральной и Южной Америке, где менее дюжины родственных языков - опатанский, науатланский, уастеканский, чоротеганский, кичуанский, аравакский, гесанский (тапуян), тупи-гуаранский, карибанский - распространены на миллионах квадратных миль, а многие десятки других ограничены крайне узкими территориями. Здесь,

как и на Кавказе, скученность в значительной степени определяется высотой над уровнем моря (Анды в Колумбии, Эквадоре, Перу и Боливии; Сьерры в Мексике).

Культура.

Многие американские этнологи твердо придерживаются мнения, что различные культуры Америки являются автохтонными, ничего не заимствуя из Старого Света. Дж. У. Пауэлл[776], оказавший столь неоценимые услуги американской антропологии, утверждал, что "аборигенные народы Америки не могут быть предпочтительно связаны с какой-либо одной ветвью человеческой расы в Старом Свете"; что "нет никаких доказательств того, что какое-либо из искусств американских индейцев было заимствовано с Востока"; что "промышленные искусства Америки зародились в Америке, Америка была населена племенами во время зарождения промышленных искусств. Они покинули Старый Свет до того, как научились делать ножи, копья и наконечники стрел, или, по крайней мере, когда они знали это искусство только в самом грубом виде. Таким образом, первобытный человек появился здесь с момента изобретения каменного ножа и каменного молота". Далее он утверждал, что "американские индейцы не заимствовали свои формы правления, свои промышленные или декоративные искусства, свои языки или свои мифологические представления из Старого Света, а развили их в Новом"; и что "в демотических характеристиках американских индейцев все, что характерно для племен Востока, является универсальным, все, что отличает одну группу племен от другой в Америке, отличает их от всех других племен мира".

Эта точка зрения была заново подчеркнута Фьюксом[777], хотя в последние годы она встречает активную оппозицию. В заключение своей статьи "Die melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten[778]" Грэбнер пытается проследить культурную связь Южной Америки с Юго-Восточной Азией, а не с Южными морями, причем основные связи представлены охотой за головами, некоторыми типами кожаных барабанов и корзин, и в особенности тремя типами весел с костыльной ручкой. По его мнению, распространение культуры происходило по сухопутному пути и через пролив Беринга, а не через Тихий океан через Южные моря, и этой точки зрения он придерживается в своих более поздних работах. Гениальная и подробная попытка проследить различные культуры, определенные для Океании и Африки, в Южной Америке была также предпринята Патером Шмидтом[779]. Помимо больших языковых групп, обычно принимаемых за основу классификации, Шмидт разделил южноамериканских индейцев в соответствии с их стадией экономического развития на собирателей, земледельцев и цивилизованные народы Андского нагорья. Хотя этот ряд может иметь вид эволюции, на самом деле "каждая группа состоит из народов, абсолютно отличающихся по языку и расе, которые принесли с собой в Южную Америку в ходе исторически различных миграций, во всяком случае, основы своих соответствующих культур..... Когда мы рассматриваем культурные элементы отдельных групп, их оружие, орудия труда, жилища, их социологию, мифологию и религию, мы обнаруживаем врожденное сходство этих групп с культурными зонами Старого Света во всех существенных чертах[780]". Далее автор детально разрабатывает свою теорию; ранние культуры, по его мнению, также путешествовали по чрезвычайно длинному сухопутному пути через Северную Америку, и только "свободная патрилинейная культура" (Полинезия и Индонезия) достигла западного побережья непосредственно по морю.[781]

W. H. Holmes[782] обращает внимание на аналогии между американскими и иностранными археологическими остатками, например, каменными отщепами Новой Англии и Европы. Он намекает на влияние, пришедшее из Средиземноморья и даже из Африки. "Еще более примечательными и разнообразными являются соответствия между архитектурными

остатками Юкатана и Камбоджи и Явы на Дальнем Востоке. На тихоокеанской стороне американского континента странные совпадения встречаются в той же степени, как кажется, указывая на то, что широкий Тихий океан не оказался полным препятствием для общения народов противоположных континентов... кажется весьма вероятным, учитывая характер археологических данных, что Западный мир не был всегда и полностью недоступен для представителей белой, полинезийской и, возможно, даже черной расы".

Уолтер Хаф[783] приводит различные культурные параллели между Америкой и другим берегом Тихого океана, но не берет на себя обязательств. С. Хагар[784] приводит некоторые интересные соответствия между астрономией Нового и Старого Света, но занимает осторожную позицию.

В последнее время на эту проблему с большой энергией набросился Г. Эллиот Смит[785]. Его исследования процессов мумификации и гробниц Древнего Египта привели его к сравнительным исследованиям, и он отмечает, что определенные обычаи, похоже, встречаются в ассоциации, образуя то, что известно как культурный комплекс. Например, "в большинстве регионов люди, которые привнесли привычку строить мегалиты и поклоняться солнцу, также принесли с собой практику мумификации". С ними также связаны: истории о карликах и гигантах, вера в обитание богов и великих людей в мегалитических памятниках, использование этих сооружений особым образом для проведения специальных советов, практика развешивания тряпок на деревьях в связи с такими памятниками, поклонение змеям, татуировка, увеличение мочки уха, использование жемчуга, труба из раковины конха и т.д. На карте, показывающей распространение этого "гелиолитического" культурного комплекса, он указывает основные линии миграции в Америку: одна - через Алеутскую цепь и вниз по западному побережью до Калифорнии, другая, более важная, - через Тихий океан в Перу, а оттуда в различные части Южной Америки, через Центральную Америку в южную половину Соединенных Штатов. В отличие от Шмидта, Эллиот Смит предполагает скорее контакт культур, чем фактическую миграцию людей; он считает возможным, что небольшое число пришельцев, прибывших морем в Перу, например, может привнести обычаи весьма новаторского и подрывного характера, которые укоренятся и распространятся далеко и широко. Перуанский обычай бальзамирования мертвых, безусловно, имеет аналогии с обычаями Древнего Египта, а Эллиот Смит убежден, что "грубая мегалитическая архитектура Америки несет в себе очевидные свидетельства того же вдохновения, что и архитектура Старого Света". В более поздней работе Эллиот Смит[786] приводит дополнительные доказательства в поддержку своего тезиса о том, "что основные элементы древней цивилизации Индии, Дальней Азии, Малайского архипелага, Океании и Америки были последовательно принесены в каждое из этих мест мореплавателями, чьи восточные миграции (в широком масштабе) начались как торговые сношения между Восточным Средиземноморьем и Индией примерно после 800 года до н.э. и продолжались в течение многих веков". Это распространение произошло в первую очередь благодаря финикийцам, и есть "безошибочные признаки того, что те же самые финикийские методы, которые привели к распространению этого культурного комплекса в Старом Свете, также были ответственны за его распространение в Новом[787] спустя несколько веков после того, как сами финикийцы перестали существовать" (l.c. p. 27). Дальнейшие доказательства в том же духе предлагает У. Дж. Перри[788], который отметил географическое распределение террасного земледелия и ирригации и обнаружил, что оно в значительной степени совпадает с таковым у "гелиолитического" культурного комплекса, а также Дж. Уилфрида Джексона[789], который исследовал лунный культ ацтеков и его связь с культом чанка в Индии, денежную каури как священный предмет у североамериканских индейцев[790], раковинные трубы и их распространение в Старом и Новом Свете[791] и географическое распространение

индустрии пурпура из раковин[792] . Он отмечает, что у нас есть множество доказательств существования этой древней индустрии в нескольких местах Центральной Америки, и ссылается на интересную статью Зеили Натталл по этому вопросу[793] . Эллиот Смит также обсуждает "Доколумбовы представления слона в Америке[794] " и замечает: "Совпадения столь замечательного характера не могут быть следствием случайности. Они не только подтверждают идентификацию слона в рисунках в Америке, но и случайно указывают на вывод, что индуистский бог Индра был принят в Центральной Америке практически со всеми атрибутами, приписываемыми ему на его азиатской родине." Эллиот Смит считает, что практически все элементы ранней цивилизации Америки были заимствованы из Старого Света. Небольшие группы иммигрантов время от времени приносили с собой некоторые верования, обычаи и изобретения из Средиземноморья, Египта, Эфиопии, Аравии, Вавилонии, Индонезии, Восточной Азии и Океании, и эта путаница практик ассимилировалась и "американизировалась" в новом доме по другую сторону Тихого океана в результате доминирования над огромным бескультурным аборигенным населением небольших групп более культурных иностранцев. Эти весьма наводящие на размышления исследования заставят приверженцев теории коренного происхождения американской культуры пересмотреть основания для своего мнения и заставят их вновь обратиться к трудам Бэнкрофта[795] , Тайлора[796] , Натталла[797] , Макмиллана Брауна[798] , Эноха[799] и других.

Классификация.

Не существует удовлетворительной схемы классификации американских народов. Хотя существует большое количество разрозненной информации о физической антропологии аборигенов, она еще не систематизирована, и в настоящее время ни одна классификация не может быть основана на ней. Поэтому обычно используется лингвистическая классификация, но географическая или культурная группировка, или их комбинация, гораздо удобнее с практической точки зрения. Как отмечает Фарранд[800] , "никогда не следует забывать, что границы физических, лингвистических и культурных групп не совпадают; и перекрытие запасов, определяемых этими критериями, является неизбежным осложнением".

Лингвистическая классификация.

Ознакомление с картой распределения языковых групп Северной Америки, подготовленной Дж. В. Пауэллом[801] , которая отражает вероятное положение дел около 1500 г. н. э., показывает, что несколько языковых групп имеют широкое распространение, в то время как большое количество ограниченных групп теснится вдоль тихоокеанского склона. Ниже перечислены наиболее известные племена, относящиеся к наиболее важным языковым группам, а также их распространение.

Эскимауан (эскимосы), вдоль арктических берегов от 60° северной широты на западе до 50° на востоке. *Атхапаскан* - северная группа, дене или тинне (включая многие племена), внутренние районы Аляски, север Британской Колумбии и бассейн Маккензи, а также сарси в юго-восточной Альберте и северной Монтане; южная группа, навахо и апачи в Аризоне, Нью-Мексико и северной Мексике; тихоокеанская группа, небольшая группа в южной Британской Колумбии, другие в Вашингтоне, Орегоне и северной Калифорнии. *Алгонкианцы*, юг и запад Канады, США к востоку от Миссисипи, вся долина Огайо и штаты Атлантического побережья. *Блэкфут* - в Монтане, Альберте, на юге и востоке, *шайенны* и *арапахо* - в Миннесоте. Основная группа диалектов делится на массачусетский, оджибвейский

(оджибвей, оттава, иллинойс, майами и т. д.) и кри. К последним относятся кри, монтанье, саук и фокс, меномини, шауни, абнаки и др. *Ирокезы* - в провинциях Онтарио и Квебек; гуроны - в долине реки Святого Лаврентия и на озере Симко. Нейтральная конфедерация на западе Нью-Йорка и к северу и западу от озера Эри. Великая конфедерация ирокезов или "пяти наций" (сенека, каюга, онейда, онондага и могаук, к которым в 1712 году были добавлены тускарора) в центральной части Нью-Йорка; коннестога и саскуэханна на юге. Южная группа располагалась в восточной Вирджинии и Северной Каролине, а чероки - в южных Аппалачах от части Вирджинии и Кентукки до северной Алабамы. *Мусхогеаны* Джорджии, Алабамы и Миссисипи, включая чоктау, чикасо, криков, семинолов и т.д., а также натчезов. Есть несколько небольших групп в районе устья Миссисипи. *Каддоан*. Самые ранние обитатели центральных и южных равнин за Миссури принадлежали к этому народу, самая большая группа занимала часть Луизианы, Арканзаса, Оклахомы и Техаса, в нее входят племена каддо, вичита и др. и кичаи, племена пауни в некоторых районах Небраски и Канзаса и ответвление арикара в Северной Дакоте. *Сиуан*, небольшая группа в Вирджинии, Каролине, Катавбе и т.д. и очень большая группа, практически занимающая бассейны Миссури и Арканзаса, с продолжением через Висконсин, где жили Виннебаго. Основными племенами являются мандан, кроу, дакота, ассинибойн, омаха и осаге. *Шошонианцы* Великого плато и южной Калифорнии. Два периферийных племени - хопи из северной Аризоны и команчи, обитавшие на южных равнинах. Среди племен плато - юте, шошони, моно и луисеньо. *Юман*, от Аризоны до Нижней Калифорнии.

Этнические перемещения.

На основании имеющихся данных Дж. Р. Суонтон и Р. Б. Диксон делают следующие выводы^[802]. "По-видимому, происхождение племен нескольких наших народов можно отнести к роевой земле, обычно довольно неопределенного размера, но тем не менее примерно обозначенной. Для мусхогеев, включая, вероятно, некоторые из небольших южных племен, это место должно быть отнесено к Луизиане, Арканзасу и, возможно, западным частям Миссисипи и Теннесси, хотя несколько племен, кажется, пришли из региона Огайо. Территория расселения ирокезов проходит вдоль Огайо и, возможно, дальше на запад, а сиуанцев - в низовьях Огайо и в северной части страны, включая, по крайней мере, часть Висконсина. Территория расселения алгонкинов находилась дальше на север в районе Великих озер и, возможно, реки Святого Лаврентия, а эскимосов - в районе Гудзонова залива или между ним и рекой Маккензи. Каддоанцы, по-видимому, с древнейших времен жили на южных равнинах. На северном побережье Тихого океана мы имеем признаки того, что поток населения шел из внутренних районов на побережье. Это кажется несомненным в случае с индейцами чиммесайской группы и некоторыми подразделениями тлинкитов. Некоторые тлинкитские кланы, однако, переселились из окрестностей Насса на север. Если посмотреть дальше на юг, то можно обнаружить свидетельства того, что прибрежные салиши переместились с внутренней стороны береговых хребтов, а небольшая ветвь впоследствии переместилась на север к западу от них. Атапаски, по всей вероятности, двинулись на юг, направив один рукав вниз по Тихоокеанскому побережью, а более крупное тело, предположительно через равнины, дошло до северной Мексики. Большинство индейцев Великого плато, а также Орегона и Калифорнии не обнаруживают особых признаков перемещения, однако те признаки, которые имеются, как правило, указывают на юг. Индейцы пуэбло, по-видимому, имели смешанное происхождение, часть из них пришла с севера, часть - с юга. В целом следует отметить разительный контраст между сравнительно оседлым состоянием племен к западу от Скалистых гор и многочисленными перемещениями, особенно в более поздние времена, тех, кто находится к востоку".

Что касается Тихоокеанского побережья, то Диксон[803] отмечает, что оно, "по-видимому, с древнейших времен было занято народами, мало отличающимися по своей культуре от племен, заселенных в шестнадцатом веке. Отрезанные от остальной части страны великой цепью Кордильер и негостеприимными и засушливыми внутренними плоскогорьями, племена этой узкой прибрежной полосы развивали в сравнительном уединении свои различные культуры, каждая из которых была адаптирована к той среде, в которой она была найдена.....

"В ряде хитроумных теорий, касающихся развития и происхождения американских культур в целом, утверждается, что вдоль этого прибрежного шоссе с севера на юг проходили значительные миграции как народов, так и культурных элементов. Однако если опираться на археологические данные, то такие масштабные перемещения, включающие множество элементов чужой культуры, вряд ли могли иметь место, так как не видно никаких следов их прохождения или модифицирующего воздействия..... Мы можем быть вполне уверены, что доисторические народы каждой области были в основном прямыми предками современных местных племен....

"По сравнению с относительной простотой археологической летописи тихоокеанского побережья, археологическая летопись восточной части континента сложна и может быть действительно лучше всего описана как палимпсест. Эта сложность неизбежно приводит к выводу, что здесь происходили многочисленные и далеко идущие этнические перемещения, приведшие к расслоению культур."

Археологическая классификация.

W. X. Холмс составил карту, обозначающую границы одиннадцати областей, которые могут быть распознаны по археологическим остаткам[804]. Он отмечает, что единицы культуры, как правило, не являются четко определенными. Культуры обязательно пересекаются и смешиваются вдоль границ и, особенно, вдоль линий коммуникации. В некоторых случаях были получены данные о ранних культурах, радикально отличающихся от типа, принятого в качестве характерного для данной местности, и, как полагают, были признаны предковые формы, переходящие в более поздние и в исторические формы. Холмс откровенно признает предварительный характер этой схемы, которая является частью готовящегося им синтеза древностей всего американского континента.

Культурная классификация.

Северную Америку принято делить на девять областей материальной культуры, и хотя это удобно, более правильным методом, как отмечает К. Висслер[805], является выделение соответствующих групп типичных племен в качестве культурных центров, классифицируя остальные племена как промежуточные или переходные. Географическая стабильность центров материальной культуры подтверждается археологическими данными, которые позволяют предположить, что поразительная индивидуальность, которой они обладают в настоящее время, стала результатом более или менее постепенного расширения по оригинальным линиям. Материальные культуры этих центров обладают большой жизнеспособностью и часто способны полностью доминировать над вторгшимся культурным единством. Таким образом, племена переходят от промежуточного состояния к типичному, как это произошло, когда шайены были вынуждены стать центром равнин, а шошоны хопи приняли типичную культуру пуэбло. Висслер приходит к выводу, что "расположение этих центров в значительной степени является вопросом этнической случайности, но после того, как они расположены и внесены коррективы, стабильность окружающей среды, несомненно, имеет тенденцию удерживать каждый конкретный тип

материальной культуры в его первоначальном месте, даже перед лицом многих изменений в крови и языке". Именно из его ценной работы были получены черты материальной культуры следующих областей.

Эскимосы: Материальная культура.

I. Эскимосский район. Тот факт, что эскимосы живут у моря и питаются в основном морской пищей, не отличает их от племен северного побережья Тихого океана, но они отличаются от последних тем, что зимой разбивают лагерь на морском льду и питаются тюленями, а летом - сухопутными животными. Каяк и "женская лодка", фонарь, гарпун, поплавки, женский нож, боудрилл, снежные очки, лук с фермой и собачья тяга - почти универсальны. Тип зимнего жилища значительно варьируется, но летом обычно используется палатка из шкур, а снежный дом, как более или менее постоянное зимнее жилище, преобладает к востоку от Пойнт-Бэрроу.

Образ жизни всех эскимосов, как отмечает Ф. Боас[806], довольно однообразен и зависит от распределения пищи в разные времена года. Миграции дичи заставляют аборигенов время от времени перемещать свои жилища, а поскольку негостеприимная страна не производит растительности в объеме, достаточном для поддержания жизни человека, они вынуждены полностью зависеть от животной пищи. Обилие тюленей в Арктической Америке позволяет человеку противостоять суровости климата и бесплодию почвы. Шкуры тюленей служат материалом для летней одежды и палатки, их мясо - почти единственная пища, а ворвань - незаменимое топливо в течение долгой темной зимы, когда они живут в прочных снежных домах. Когда весной лед вскрывается, эскимосы основывают свои поселения в верховьях фьордов, где легко поймать лосося. Когда в июле снег на земле тает, аборигены отправляются на охоту вглубь страны, чтобы добыть драгоценные шкуры северного оленя или ондатры, из тяжелых шкурок которых шьют зимнюю одежду. Приходят также морж и тюлень, в изобилии водятся птицы, которых едят сырыми.

Происхождение и родственные связи.

Эскимосы[807] занимают более 5000 миль морского побережья от северо-восточной Гренландии до устья реки Медной на западе Аляски. Было выдвинуто множество мнений о местоположении центра их расселения; наиболее вероятно, что он лежал к западу от Гудзонова залива. Ринк[808] считает, что они возникли как отдельный народ на Аляске, где они развили арктическую культуру; но Боас[809] считает их "сравнительно говоря, новоприбывшими на Аляску, которую они достигли с востока". Движение на запад подтверждается мифами и обычаями, а также родством эскимосов с северными азиатами. Между эскимосами и североамериканскими индейцами всегда существовала враждебность, которая, помимо их очень специализированного образа жизни, исключала возможность продвижения эскимосов на юг. Экспансия эскимосов в Гренландию объясняется Стинсби[810] следующим образом: основное движение на юг должно было идти вдоль западного побережья от залива Мелвилл, огибать южную точку и продвигаться на некоторое расстояние вверх по восточному побережью. Из Бесплодных земель к северо-западу от Гудзонова залива полярные эскимосы следовали за ондатрой, продвигались на север до Земли Элсмира, затем пересекали Гренландию и, продолжая охотиться на ондатру, продвигались вдоль северного и восточного побережья к Скорсби-Саунд. Другая линия миграции, очевидно, началась в районе острова Саутгемптон и преследовала северных оленей до Баффиновой Земли; достигнув Пондс-Инлета, эти эскимосы, охотившиеся на оленей, в большинстве своем повернули вдоль восточного побережья.

Физический тип.

Физически эскимосы представляют собой отдельный тип. Они среднего роста, но обладают необычайной силой и выносливостью; их кожа светло-коричневато-желтая с румяным оттенком на открытых участках; руки и ноги маленькие и хорошо сложены; головы высокие, с широкими лицами, узкими высокими носами и глазами монгольского характера. Но в разных частях обширной территории, на которой они обитают, встречаются самые разные виды. Полярные эскимосы Гренландии, изученные Стинсби, были скорее американскими индейцами, чем азиатским типом[811]. Об их психологии этот писатель говорит: "Для полярных эскимосов жизнь смертельно реальна и трезва, постоянное стремление к еде и теплу, которое переносится с хорошим настроением, а все неурядицы принимаются как естественные последствия, о которых бесполезно рассуждать или жаловаться". "Тяжелая борьба за существование не позволила полярному эскимосу стать не иначе как закоренелым эгоистом, не знающим ничего о бескорыстии. По отношению к своим врагам он хитер и коварен - он не нападает на них открыто, а потакает им в спину..... Только во время охоты общие интересы и общая опасность вызывают более глубокое чувство товарищества[812]."

Еще менее монгольскими по типу являются "белокурые эскимосы", недавно встреченные Стефанссоном на юго-западе острова Виктория[813], которые, по его мнению, очень возможно, являются смешанными потомками скандинавских предков, дрейфовавших туда из западной Гренландии. Известно, что Эрик Рыжий открыл Гренландию в 982 году, а через 3 года туда пришли переселенцы из норвежской колонии в Исландии.

Социальная жизнь.

В зимних снежных домах диаметром 12 × 15 футов и высотой 12 футов, обычно с пристройками, всегда живут две семьи, каждая женщина имеет свою лампу и сидит на карнизе перед ней. Если в снежном доме участвуют несколько семей, они делают две основные комнаты. Когда есть возможность, мужчины проводят короткие дни на охоте, а каждая женщина готовит еду для своего мужа. Длинные ночи в основном проходят за различными развлечениями. Общественная жизнь в летнем поселении несколько отличается. Семьи не готовят себе еду сами, но одной порции хватает на все поселение. Накануне своей очереди готовить женщина отправляется в горы, чтобы нарвать достаточно кустарника для костра. Когда еда готова, хозяин дома зовет всех, и каждый выходит из своей палатки с ножом, мужчины садятся в один круг, а женщины - в другой. Эти ужины, которые всегда проходят вечером, почти всегда оживляются мимическими представлениями. Большие религиозные праздники проходят перед самым началом зимы.

Существует три формы социальной группировки: семья, соседи по дому и соседи по месту жительства. (1) Семья состоит из мужчины, его жены или жен, их детей и усыновленных детей; вдовы и их дети могут быть усыновлены, но женщина сохраняет свой собственный камин. Иногда усыновляются мужчины, например холостяки, не имеющие родственников, калеки или обедневшие мужчины. Совместное владение и пользование лодкой и домом, общий труд и работа по добыванию средств к существованию определяют реальную общность семьи. (2) Соседи по дому - это семьи, которые объединяются, чтобы построить, занять и содержать один и тот же дом. Такая форма проживания особенно распространена в Гренландии, но каждая семья сохраняет свое отдельное хозяйство внутри общего дома. (3) Родственники. Жители одной и той же деревни или зимнего поселения образуют единую общину, хотя вождь не избирается и власть не признается.

Как правило, детей обручают в раннем возрасте. Новобрачные обычно сначала живут в семье жены. Встречается как полигиния, так и полиандрия. Мужчина может одолжить или обменять свою жену на целый сезон или дольше в знак дружбы. В некоторых случаях это

даже предписывается религиозным законом. Правительства нет, но в поселении есть своего рода вождь, хотя его власть очень ограничена. Его называют "пимайн", то есть тот, кто знает все лучше всех. Он решает, когда лучше перенести хижины с одного места на другое, он может попросить одних мужчин заняться тюленем, других - охотой на оленей, но нет ни малейшей обязанности подчиняться ему. Мужчины в общине могут объединиться в неформальный совет для регулирования дел. Декоративное искусство эскимосов не слишком развито, но живописное искусство состоит из искусных зарисовок бытовых сцен, а также хорошо развито пластическое искусство. Многие резные изделия представляют собой игрушки и делаются ради удовольствия от работы. "Религиозные взгляды и практика эскимосов, хотя в целом и схожи в своих основных чертах, демонстрируют значительную дифференциацию на крайнем востоке и крайнем западе. Представляется, что характерные черты шаманизма являются общими для всех эскимосских племен. Искусство шамана (ангакок) приобретает через обретение духов-хранителей..... Помимо духов, которые могут стать духами-хранителями людей, эскимосы верят во множество других, враждебных, приносящих бедствия и смерть..... Ритуалистика в религии эскимосов развита очень слабо[814]."

Déné: Материальная культура.

II. Район Маккензи. За пределами эскимосской области находится пояс полуарктических земель, почти рассеченный надвое Гудзоновым заливом. На западе живут племена дрене, которые, как считается, делятся на три культурные группы: восточную - Желтые Ножи, Собачье Ребро, Харес, Славей, Чипевиян и Бивер; юго-западную - Нахане, Секани, Бабинэ и Карриер; и северо-западную - Кутчин, Луше, Ахтена и Хотана. О материальной культуре юго-западной группы можно судить по трудам отца Мориса[815]. Все племена охотятся на крупную и мелкую дичь, карибу часто загоняют в загоны, мелкую дичь берут в силки или ловушки; широко используется рыба различных видов, а некоторые племена в верховьях Тихого океана ловят лосося; широко используются ягоды, их пюрируют и сушат особым способом; съедобные корни и другие растительные продукты используются в некоторой степени; утварь - из дерева и коры; керамики нет; для варки используются берестяные сосуды с камнями или без них; летом передвигаются в основном на каноэ, зимой - на снегоступах; Собачьи упряжки используются в некоторой степени, но в основном со времен торговли, преобладает саночная форма; одежда - из шкур; носят рукавицы и шапки; ткачества нет, кроме одежды из кроличьих шкур, но тонкая сеть встречается на снегоступах, мешках и рыболовных сетях, материалы - волокна коры, сухожилия и бабич; Также есть особая форма плетеной работы пером; типичным жилищем, по-видимому, является двойная хижина, хотя встречается много интрузивных форм; другие черты материальной культуры включают изготовление рыболовных крючков и копий; ограниченное использование меди; и слабо развитая работа по камню.

Физический тип.

Физические характеристики очень сильно варьируются от племени к племени. Секани, по словам Мориса, стройные и костлявые, ростом ниже среднего, с узким лбом, впалыми щеками, выдающимися скулами, маленькими глазами, глубоко запавшими в орбиту, верхней губой очень тонкой, а нижней несколько выступающей, подбородком очень маленьким и прямым носом. Носители, напротив, высокие и крепкие, но, как правило, не слишком корпулентные. Средний рост мужчин составляет 1,66 м. Лоб у них гораздо шире, чем у секани, и менее покатый, чем обычно у американских аборигенов. Лицо полное, а нос аквильный. Все племена удивительно недружелюбны, робки и даже трусливы. Оружие используется редко, а в личном бою, который представляет собой разновидность борьбы,

ножи предварительно откладываются в сторону. Страх перед врагами - заметная черта, отчасти, несомненно, обусловленная традиционными воспоминаниями о набегах прежних времен. Все путешественники отмечают их честность. Морис пишет, что среди секани торговец иногда отправляется в экспедицию, оставляя свой магазин незапертым, не опасаясь, что его содержимое пропадет. В то же время туземец может зайти в его отсутствие, взять столько пороха и дрови или любого другого товара, сколько ему понадобится, но он никогда не откажется оставить там точный эквивалент в мехах.

Социальная жизнь.

Восточные дреanei - кочевники-охотники, собирающие ягоды и корни, а западные - полуседлые, большую часть года живут в деревнях, где питаются в основном лососем. Первые являются патрилинейными, а вторые объединяются в матрилинейные экзогамические тотемические кланы. Старосты кланов составляли класс привилегированной знати, которая единолично владела охотничьими угодьями. Морис говорит о клановых, почетных и личных тотемах. Первые два были переняты у прибрежных племен, почетный был принят некоторыми индивидами, чтобы достичь ранга, на который они не имели права по наследству. Личный тотем" - это дух-хранитель или гений, вера в которого характерна почти для всех народов Северной Америки. Шаманизм преобладает на всей территории. В мифологии почти всегда говорится о "преобразователе", который посетил мир в незавершенном состоянии и привел его в порядок. У них существует обычай потлача[816]. Если мужчина желает чужую жену, он может вызвать мужа на борцовский поединок, победитель которого получает женщину.[817]

N. Тихоокеанское побережье: Материальная культура.

III. Северная часть Тихоокеанского побережья. Эта культура довольно сложная, с племенными вариациями, но ее можно рассматривать в трех подразделениях: северная группа, тлингиты, хайда и цимшиан; центральная группа, племена квакиутль и беллакула; и южная группа, береговые салиши, нутка, чинук, калапуа, ваилатпуан, чимакуан и некоторые атапаскинские племена. Первые из них, по-видимому, представляют собой тип и характеризуются: большая зависимость от морской пищи, некоторая охота на материке, большое использование ягод (сушеная рыба, моллюски и ягоды являются основной пищей); приготовление пищи с помощью горячих камней в коробках и корзинах; большие прямоугольные двускатные дома из вертикальных кедровых досок с резными столбами и тотемными столбами; передвижение преимущественно по воде на больших морских каноэ, некоторые из которых имели паруса; ни гончарных, ни каменных сосудов, кроме ступок; корзины из шашки, а корзины из бечевки достигли у тлинкитов высокого совершенства; плетеные корзины не делаются; циновки из кедровой коры и мягкие мешки в изобилии; нет настоящего ткацкого станка, нить висит на перекладине и ткется пальцами вниз; одежда довольно скудная, в основном из кожи, широкополая корзинная шляпа (единственная на континенте, видимо, для защиты от дождя); ноги обычно голые, но иногда делаются кожаные мокасины и леггинсы; Из оружия - лук, дубина и своеобразный кинжал, копий нет; доспехи из реек, прутьев и кожи; деревянные шлемы, щитов нет; каменных орудий практически нет, но используется нефрит или зеленый камень; высоко развита обработка дерева; обработка меди, возможно, исконная, но если это так, то слабо развитая. Центральная группа отличается несколькими незначительными моментами; скрученная и свободно сплетенная кора или шерсть заменяет шкуры в одежде, а корзины все в шашечном орнаменте. Среди южной группы наблюдается сильная тенденция к использованию каменных наконечников стрел, встречается своеобразная плоская дубина, смутно похожая на новозеландский тип.[818]

Физический тип.

Физически типичные северотихоокеанские племена среднего роста, с длинными руками и коротким телом. Среди северных ветвей рост составляет в среднем 1,675 м. (5 футов 6 дюймов), голова очень большая со средним индексом 82,5. Лицо очень широкое, нос вогнутый или прямой, редко выпуклый, с небольшим возвышением. Среди южных племен, в частности квакиутль, рост составляет в среднем 1,645 м. (5 футов 4¾ дюйма), цефалический индекс - 84,5, лицо очень широкое, но и большой длины, нос очень высокий, довольно узкий и часто выпуклый.

Социальная жизнь.

Социальные отношения этих народов варьируются от племени к племени, но в целом они располагаются в последовательности с севера на юг. В северной части происхождение матрилинейное, а на юге - патрилинейное. Дж. Г. Фрейзер не принимает точку зрения Боаса, "что северные квакиутль заимствовали как правило материнского происхождения, так и деление на тотемические кланы у своих более северных соседей из чужого рода; другими словами, что тотемизм и материнское родство распространились на юг среди народа, у которого был отец-родственник и не было тотемической системы[819]". Он склоняется "к другому мнению, ранее поддерживаемому самим Боасом, а именно, что квакиутль находятся на стадии перехода от материнского рода к отцовскому[820]".

Каждая деревня автономна и первоначально могла быть ограничена одним тотемным кланом. Население делится на три сословия: дворян, простых людей и низшую касту, состоящую из бедняков и крепостных, которые не могут участвовать в тайных обществах. Кроме того, существует тотемическая группировка. В одной деревне может быть несколько тотемических кланов, и один и тот же тотем может встречаться не только в каждой деревне, но и распространяться от одного племени к другому. Это говорит о том, что изначально существовало два, а в некоторых случаях и более двух тотемических кланов, которые со временем разделились на подкланы; эти кланы, сохранив герб первоначального клана, приобрели новые, и семьи, входящие в каждый подклан, могут иметь свой особый герб или гербы в дополнение к нему. Постоянно появляются новые гербы и имена. Браки между людьми с одним и тем же гербом запрещены, независимо от племени. Туземцы, по словам Боаса, не считают себя потомками своего тотема. Жена приносит положение, герб и привилегии своего отца в качестве дани мужу, который не имеет права пользоваться ими сам, но приобретает их для использования своим сыном, иными словами, это наследование по женской линии.

Широко распространенный в Америке обычай приобретения юношей духа-хранителя гораздо более распространен в южных районах, чем в северных, но среди квакиутль он может получить в качестве покровителя только одного или нескольких из ограниченного числа духов, которые являются наследственными в его клане. В северных племенах тайные общества сопряжены с тотемическими кланами; у квакиутль они связаны с духами-хранителями, и важно, что летом, когда люди разбросаны, общество основано на старой клановой системе, но когда зимой люди живут вместе в деревнях, общество реорганизуется на основе тайных обществ. Существует высокоразвитая система бартера, в которой единицей стоимости теперь является одеяло, раньше же единицами были лосиные шкуры, каноэ или рабы. Некоторые символические предметы приобрели причудливую ценность. Выросла обширная кредитная система, основанная на обычае давать имущество взаймы под высокие проценты на больших праздниках, называемых "потлатч", и благодаря этому даритель приобретает большой почет. Религия тесно связана с тотемическими верованиями;

сверхъестественная помощь оказывается духами тем, кто завоевывает их расположение. Ворон - главная фигура в мифологии; он управляет явлениями природы, добывает огонь, дневной свет и пресную воду, а также обучает людей искусствам.

К югу от них и вглубь страны до водораздела, образуя гораздо менее характерную группу, живут салиши, или плоскоголовые, которые родственны атапасканцам. Прибрежные салиши усваивают только что описанную культуру, но салиши с плато более демократичны, менее оседлы и более индивидуалистичны в религиозных вопросах[821]. Чинуки, или плоскоголовые, в нижнем течении реки Колумбия почти вымерли. Они деформировали головы младенцев. Эти племена и шахапты или нез-персе отличаются одеждой из сырых шкур, деформацией черепа, отсутствием татуировок и простыми луками, но у них все еще есть общинные дома, хотя и без тотемных столбов. Они готовят пищу с помощью раскаленных камней и имеют зооморфные маски.[822]

Район плато: Материальная культура.

IV. Район плато. Область плато лежит между северной частью Тихоокеанского побережья и равнинами. По своему рельефу она гораздо менее однородна, чем те и другие: юг представляет собой настоящую пустыню, а север - влажный и плодородный. Характерные черты можно свести к следующему: широкое использование лосося, оленей, корней (особенно камаса) и ягод; использование палки для копания, приготовление пищи на горячих камнях в ямах и корзинах; измельчение сушеного лосося и корней для хранения; зимние дома, полуподземные, круглые ямы с конической крышей и дымовым отверстием; летние дома, передвижные или временные, палатки из циновки или камыша и навесы, двойные и одинарные; собака иногда использовалась как вьючное животное; водный транспорт развит слабо, использовались грубые землянки и берестяные каноэ; керамика неизвестна; высоко развито плетение, катушки, прямоугольные формы, переплетенная техника; плетение из шпагата гибких мешков и циновки; некоторые простые плетения из коры для одежды; одежда для всего тела обычно из оленьих шкур; кожаные шапки для мужчин, и в некоторых случаях корзинные шапки для женщин; одеяла из плетеной кроличьей шкуры; преобладал лук с сухожилием; в войне использовались дубины, копья и ножи, доспехи из прутьев и планок, а также тяжелые кожаные рубашки; использовались копья, крючки, ловушки и сети из мешков; Выделка оленьих шкур высоко развита; вертикальные рамы для растягивания и прямые длинноручные скребки; обработка дерева более развита, чем у равнинных племен, но незначительна по сравнению с племенами северного тихоокеанского побережья; обработка камня ограничивается изготовлением инструментов и остриев, отбивкой и отщепом; работа по кости, металлу и перьям очень слабая.[823]

Внутренние салиши.

Из всех племен этого района, наиболее типичными из тех, о которых имеется какая-либо информация, представляются внутренние салиши - томпсон, шушвап и лиллуэт. Шахапты, или нез-персе, и шошони демонстрируют некоторые выраженные черты равнинных племен. "Внутренние салиши - землепашцы и охотники, и с незапамятных времен привыкли преследовать свою дичь по гористой местности. Такой образ жизни породил среди них активный, стройный, атлетический тип мужчин; они значительно выше и обладают гораздо более тонким телосложением, чем их сородичи из прибрежных районов, которые являются рыбаками и проводят большую часть своего времени на воде, сидя на корточках в своих каноэ, никогда не ходят пешком до какого-либо места, если они могут добраться до него по воде. Типичные прибрежные салиши - это приземистые толстокожие люди с

непропорционально большими ногами и телами, медлительные и тяжелые в движениях, и настолько не похожие на своих собратьев из внутренних районов, насколько это вообще возможно[824]."

Томпсоны представляли салишей в их самом высоком и лучшем виде, как морально, так и физически, а их этические заповеди и учение устанавливали очень высокий стандарт добродетели до прихода европейцев. Хилл-Таут говорит, что восприимчивость и массовое принятие иностранных мод и обычаев - их поразительные качества, и "если они отступили от этих высоких стандартов, как мы опасаемся, то вина не их, а наша..... Мы взяли на себя серьезную ответственность, когда взялись цивилизовать эти расы[825]."

Социальная организация.

Самая простая форма социальной организации встречается среди охотничьих племен внутренних районов, где, как можно сказать, раньше царила чистая анархия: каждая семья была сама себе законом и не признавала никакого авторитета, кроме авторитета своего старейшины. Каждая местная община состояла из большего или меньшего числа таких самоуправляющихся семей. В некоторых крупных общинах, когда того требовали обстоятельства или когда возникала необходимость в центральном представителе, старейшему и мудрейшему из старейшин предоставлялась своего рода власть главы или номинальная власть. Это привело к тому, что в некоторых центрах стали регулярно назначать местных вождей или глав, в чьи обязанности входило заботиться о материальных интересах общины, которую они возглавляли; но эта должность всегда была строго выборной и имела множество ограничений в отношении полномочий и привилегий. Например, местный вождь не обязательно возглавлял все дела. Он не возглавлял войну или погоню, если не был лучшим охотником или самым храбрым и умелым воином среди них; и он мог быть смещен в одно мгновение, если его поведение не встречало одобрения старейшин коммуны. Таким образом, его должность или руководство были чисто номинальными. Все охотничьи, рыболовные, корневые и ягодные уголья были общим достоянием и находились в совместном пользовании у всех alike..... В одном конкретном племени даже пища хранилась и еда принималась сообща, председательствующий старейшина или староста каждый день призывал определенную семью обеспечить и приготовить еду для всех остальных, каждый, в большей или меньшей степени, по очереди выполнял этот общественный долг .[826]

Калифорния: Материальная культура.

V. Калифорнийская область. Из четырех субкультурных областей, отмеченных Крёбером[827], центральная группа является наиболее обширной и типичной. Ее основными характеристиками являются: желуди как основная растительная пища, дополняемая дикими семенами, в то время как корни и ягоды почти не используются; желуди превращаются в хлеб окольным путем; охота в основном на мелкую дичь, рыбалка по возможности; дома имеют различные формы, все простые навесы из кустарника или тулеса, или более существенные конические конструкции из жердей; Собака не использовалась для упаковки, и не было каноэ, но плоты из туле использовались для переправы; нет гончарных изделий, но высоко развито плетение из прутьев и бечевки; мешки и циновки скудны; ткань или другое плетение из простых элементов не известно; одежда проста и скудна; ноги обычно голые; лук - единственное оружие, обычно из сухожилия; работа из шкур, дерева, кости и т.д., слабая, в металлах отсутствует, в работе с камнем не развита. На юге модификации вступают с большими группами племен юманов и шошонов, где навязчиво встречаются керамика, сандалии и деревянные боевые дубинки. Вымершие Санта-Барбара были прекрасными работниками по камню, кости и раковине и делали дощатые каноэ.

Социальная жизнь.

Топографические различия приводят к изменениям в образе жизни, поскольку хорошо обводненная и лесистая местность Орегона и Северной Калифорнии постепенно переходит в теплый сухой климат Южной Калифорнии с уменьшением влажности по направлению к тропикам. Как пишет Крёбер[828], "со времен первого заселения Калифорнии ее индейцев описывали как более примитивных и более мирных, чем большинство коренных жителей Северной Америки..... Практическое искусство жизни, социальные институты и церемонии калифорнийских индейцев необычайно просты и неразвиты. Здесь не было ни войны ради войны, ни конфедерации могущественных племен, ни общинных каменных пуэбло, ни тотемов, ни потлачей. Живописность и достоинство индейцев отсутствуют. По общей грубости культуры калифорнийские индейцы едва ли превосходят эскимосов. Если степень цивилизованности людей в значительной степени зависит от среды их обитания, что представляется маловероятным, то на примере калифорнийских индейцев можно сделать вывод, что природные преимущества были скорее препятствием, чем стимулом к прогрессу..... Можно говорить о типичных калифорнийских индейцах и признать типичную область калифорнийской культуры. Нельзя упускать из виду такую особенность, как большая стабильность населения..... Социальная организация была одновременно простой и свободной..... За пределами семьи единственными основами организации были деревня и язык". В таком простом обществе различия в рангах, естественно, не находили себе места. Влияние вождя было сравнительно небольшим, а отдельные классы, такие как дворяне или рабы, были неизвестны. Были развиты права индивидуальной собственности, и та организация общества, которая существовала, в значительной степени основывалась на собственности. Церемонии характеризуются очень слабым развитием крайнего ритуализма, столь характерного для американских индейцев, и почти полным отсутствием символизма любого рода. Фетишизм также необычен. Один набор церемоний обычно был связан с тайным религиозным обществом; во время инициации члены маскировались перьями и краской, но масок не носили. Существовала также ежегодная племенная зрелищная церемония, проводимая в память об умерших. В северо-западной части штата существовала несколько более высокоразвитая и специализированная культура, которая имеет некоторое сходство с культурой северо-западных племен, на что указывает более высокий уровень развития технологий, социальная организация, основанная в основном на имущественной основе, и система мифологии, напоминающая мифологию северных племен. Ныне исчезнувшие племена островов Санта-Барбара и прилегающего материка были более развитыми. Только они использовали каноэ из досок, а не бальсы или пучки камыша в форме каноэ, которые использовались в большей части Калифорнии. Они делали каменные чаши и занимались инкрустацией. Как и северные калифорнийцы и племена, живущие дальше на север, они хоронили, а не сжигали своих мертвых. Восточные племена разделились на своих соседей. У луисеньо, самого южного из шошонов, были обряды полового созревания для девочек и мальчиков[829]. Вера в череду рождений "напоминает об океаническом и азиатском образе мышления[830]". [Около] 1788 года возник тайный культ, прививавший посвящаемым, с наказаниями, послушание, пост и самопожертвование.[831]

Равнинная область: Материальная культура.

VI. Равнинная область. Главные черты этой культуры - зависимость от бизона ("буйвола") и очень ограниченное использование кореньев и ягод; отсутствие рыболовства; отсутствие земледелия; *типи* или палатка как передвижное жилище и передвижение только по суше, с помощью собаки и травоятора (в исторические времена - с помощью лошади); отсутствие корзин, керамики или настоящего ткачества; одежда из бизоньих и оленьих шкур; высокое

развитие работы по шкурам и специальной техники бисера и работы по сырой шкуре (парфлеше, цилиндрическая сумка и др.), и слабое развитие работ по дереву, камню и кости. Эта типичная культура проявляется у ассинибойнов, арапах, черноногих, воронов, шайенов, команчей, Gros Ventre, Kiowa, Kiowa-Apache, Sarcee и Teton-Dakota [832]. Среди племен восточной границы можно добавить ограниченное использование керамики и плетения корзин, некоторое прядение и плетение мешков, а также довольно обширное сельское хозяйство. Здесь типи чередовались с более крупными и постоянными домами, покрытыми травой, корой или землей, и были попытки водного транспорта. К этим племенам относятся Arikara, Hidatsa, Айова, Канса, Мандан, Миссури, Омаха, Осаге, Ото, Пауни, Понка, Санти-дакота [833], Янктон-дакота [833] и Уичита.

На западной границе другие племена (Wind River Shoshoni, Uinta и Uncompahgre Ute) не имеют керамики, но производят довольно высокий тип плетения, в меньшей степени завися от бизонов, но больше от оленей и мелкой дичи, широко используя семена диких трав.

На северо-восточной границе равнинные оджибвеи и равнинные кри сочетают многие черты лесных охотничьих племен с теми, что встречаются на равнинах.

Дакота (сиу).

Дакота, или сиу, по всеобщему признанию, представляют собой самый высокий тип, физически, умственно и, вероятно, морально, среди всех западных племен. Их храбрость никогда не подвергалась сомнению ни белыми, ни индейцами, и они покорили или изгнали всех соперников, кроме оджибвеев. Их физические характеристики таковы: темная кожа, слабо окрашенная в красный цвет, черты лица более выражены, чем у индейцев Тихоокеанского побережья, нос и нижняя челюсть особенно выдающиеся и тяжелые, голова в целом мезоцефалическая и не деформирована искусственно. Это свободная и доминирующая раса охотников и воинов, обязательно сильных и активных. Их оружие из камня, дерева, кости и рога - томагавк, дубина, кремневый нож, лук и стрелы. Все их привычки сосредоточены на бизоне, который обеспечивал основные материалы для питания и промышленности. Рисование и живопись выполнялись на подготовленных бизоньих шкурах, а для церемониального использования изготавливались искусно вырезанные трубы.

Они делятся на родственные группы, причем наследование, как правило, происходит по мужской линии. Женщина является самодержцем в доме. В клане строго соблюдалась экзогамия, но поощрялись браки внутри племени или с родственными племенами. Брак заключался по договоренности родителей, и полигиния была распространена там, где позволяли средства. Управление состояло в вожестве, приобретаемом за личные заслуги, и старики пользовались значительным влиянием.

Религия.

Религиозные представления основывались на вере в *Ваконду* или *Манито* [834], всепроникающую силу духа, культ которой включал различные шаманские церемонии, состоящие из танцев, песнопений, пиров и постов. Наиболее характерным из них является танец Солнца, который практикуют почти все племена равнин, кроме команчей. Это ежегодный фестиваль, длящийся несколько дней, в честь солнца, чтобы получить обильные плоды в течение всего года.

Танец Солнца.

Танец Солнца был не только величайшей церемонией равнинных племен, но и условием их существования. Как никакая другая церемония или повод, он давал племени возможность выразить свои эмоции в ритме и был поводом для более тесного сплочения племени. Она давала возможность выразить и обновить общие интересы, начать племенную политику и обновить ранг вождей; выразить с помощью траурных пиров скорбь по поводу потери членов семьи; выполнить социальные обязательства с помощью пиров; и, наконец, проявить и удовлетворить чувства любви со стороны молодых в различных социальных танцах, которые всегда составляли интересную особенность церемонии .[835]

Будучи решительно отвергнутым миссионерами, поскольку его совершенно не понимали[836] , и не найдя поддержки в официальных кругах, танец Солнца в течение многих лет был объектом преследования, и, как следствие, вымер среди дакота, кроу, мандан, пауни и киова. Но его до сих пор исполняют кри, сиксика (черноногие), арапахо, шайены, ассинибойны, понка, шошони и уте, хотя во многих из этих племен его исчезновение уже близко, поскольку он утратил часть своих обрядов и стал в значительной степени зрелищем ради выгоды, а не великой религиозной церемонией .[837]

Пауни.

Пауни не сильно отличаются от дакотов, но имеют несколько более тонкие черты лица. Они больше занимаются сельским хозяйством, выращивая кукурузу, тыквы и т. д. Для пауни характерен тип хижины, состоящей из круглого каркаса из жердей или бревен, покрытого хворостом, корой и землей. Их религиозные церемонии были связаны с космическими силами и небесными телами. Главенствующей силой был Тирава, которого обычно называют "Отец". Ветры, гром, молнии и дождь были его посланниками. У скиди утренние и вечерние звезды олицетворяли мужское и женское начало и были связаны с появлением и увековечиванием на земле всех живых форм. Серия церемоний, связанных с зарождением жизни и ее увеличением, начиналась с первым весенним громом и достигала кульминации в летнее солнцестояние в человеческом жертвоприношении, но серия не завершалась до тех пор, пока не собирался урожай маиса, называемого "материнской кукурузой". На каждом этапе серии определенные святилища или "связки" становились центром церемонии. Каждое святилище находилось в ведении наследственного хранителя, но его ритуалы и церемонии находились в ведении жречества, открытого для всех желающих. Считалось, что через священные и символические предметы святилищ и их ритуалов и церемоний между людьми и сверхъестественными силами открывался канал связи, через который можно было получить пищу, долгую жизнь и процветание. Мифология пауни удивительно богата символизмом и поэтической фантазией, а их религиозная система отличается продуманностью и продуманностью. Тайные общества, которых было несколько в каждом племени, были связаны с верой в сверхъестественных животных. В функции этих обществ входило вызывать дичь, исцелять болезни и наделять оккультными способностями. Их обряды были тщательно продуманы, а церемонии драматичны .[838]

Блэкфиты.

Блэкфиты или сиксика[839] , алгонкинская конфедерация на северных равнинах, по культуре в целом сходны с племенами равнин, хотя есть свидетельства более ранней культуры, примерно такой, как у восточных лесных племен. Они делятся на собственно сиксика, или блэкфитов, кайна, или кровников, и пиеган; все они известны как блэкфут или блэкфиты. Раньше их основной пищей были бизоны и олени, и нет никаких свидетельств того, что они когда-либо занимались сельским хозяйством, хотя табак выращивали и использовали

исключительно в церемониальных целях. Двери их типи всегда обращены на восток. У них огромное количество танцев - религиозных, военных и социальных - помимо тайных обществ для различных целей, а также множество "священных связок", вокруг каждой из которых проводится ритуал. Практически у каждого взрослого есть свое личное "лекарство". Главными божествами являются Солнце и сверхъестественное существо, известное как *Напи* "Старик", который может быть воплощением одной и той же идеи. Религиозная деятельность черноногих заключается в том, чтобы поставить себя в такое положение, когда космическая сила сжалится над ним и даст ему что-то взамен. Не было концепции единого личного бога .[840]

Арапахо.

Арапахо, еще одно алгонкинское племя равнин, согласно их собственным традициям, когда-то были оседлым земледельческим народом далеко к северу от их нынешнего ареала, по-видимому, в Северной Миннесоте. На протяжении многих поколений они были тесно связаны с шайенами[841]. Ежегодный Танец Солнца - их величайшая племенная церемония, и они были активными пропагандистами религии танца призраков прошлого века, в центре которой была вера в приход мессии и возвращение страны индейцам .[842]

Шайены.

Шайены, также имеющие сельскохозяйственное происхождение, на протяжении многих поколений были типичным племенем прерий, живя в кожаных типи, следуя за бизонами на больших территориях, путешествуя и сражаясь на лошадях. По характеру они гордые, спорные, храбрые до отчаяния, с исключительно высокими требованиями к женщинам. По старой системе у них был совет из 44 выборных вождей, четыре из которых составляли высший орган, с правом избирать одного из них главным вождем племени. Во всех советах, которые касались отношений с другими племенами, один из членов совета назначался, чтобы выступать в качестве доверенного лица или "адвоката дьявола" за чужой народ. Совет 44 до сих пор символизируется связкой из 44 пригласительных палочек, хранящихся вместе со священными медицинскими стрелами, которые раньше рассылались по округе, когда возникал повод для созыва собрания. Четыре лекарственных стрелы составляют племенной палладий, который, как они утверждают, был у них от начала мира. Он выставлялся раз в год с соответствующими обрядами и до сих пор хранится с религиозным почтением. Ни женщине, ни белому мужчине, ни даже представителю смешанной крови племени никогда не разрешалось приближаться к священным стрелам. В жреческом достоинстве хранители лекарственных стрел и жрецы обрядов танца Солнца стояли первыми и равными .[843]

Восточные Леса: Материальная культура.

VII. Восточная лесистая местность[844]. Культура к северу от Великих озер и к востоку от реки Святого Лаврентия сопоставима с культурой дренеев (см. с. 361), основными чертами которой являются: отлов карibu в загонах; добыча дичи; значение мелкой дичи и рыбы, а также ягод; плетение из кроличьих шкур; березовое каноэ; сани; конусообразный навес из кожи или коры; отсутствие плетения и керамики и использование бересты и деревянной утвари. К этой северной группе относятся оджибвеи к северу от озер, включая саулто, вуд-кри, монтанье и наסקапи. Далее к югу основная масса распадается на три больших подразделения: ирокезские племена (гуроны, уайандоты, эри, саскуэханна и пять наций); центральные алгонкины к западу от ирокезов (некоторые оджибвеи, оттава, меномини, сауки и фокс[845], потаватоми, пеория, иллинойс, кикапу, майами, пианкашо, шауни и сиуан виннебаго); восточные алгонкины (группа абнаки и микмак).

Центральная группа.

Центральная группа к западу от ирокезов представляется наиболее типичной и наиболее известной, и основные черты ее культуры заключаются в следующем: выращивались кукуруза, кабачки и бобы, дикий рис, где он был доступен, был основным продуктом питания, производился кленовый сахар; охотились на оленей, медведей и даже бизонов, а также на дикую птицу; было довольно развито рыболовство, особенно ловля осетровых на озерах; гончарное дело бедное, но раньше использовалось для приготовления пищи; распространены сосуды из дерева и коры; некоторые плетеные корзины; преобладали два типа жилищ: куполообразный домик из коры или циновки для зимы и прямоугольный домик из коры для лета, хотя оджибвеи использовали конический тип северной пограничной группы; использовались выкопанные и берестяные каноэ и снегоступы, иногда сани и собачья тяга; ткачество было из берестяных волокон (вниз пальцами), изготавливались мягкие мешки, вьюки и рыболовные сети; одежда была из шкур; мокасины на мягкой подошве с откидывающимися клапанами, гамаши, штаны и рубашки с рукавами для мужчин, для женщин - юбка и жакет, хотя было известно и цельное платье; Одежда из кожи или кроличьей шкуры; доспехов и копий нет; луки из простого дерева и булавы; в торговые дни - томагавк; работа по дереву, камню и кости развита слабо; вероятно, в доисторические времена широко использовалась медь; редко встречаются изделия из перьев.

Восточная группа.

В восточной группе сельское хозяйство было более интенсивным (за исключением севера), а гончарное дело - более развитым. Были распространены тканые плащи из перьев, особое развитие получила работа со стеатитом, больше использовались съедобные корни.

Ирокезские племена.

Ирокезские племена были еще более интенсивными земледельцами и гончарами. Они использовали духовое ружье, развили плетение из кукурузного песка, вырезали из дерева сложные маски, жили в прямоугольных домах своеобразной формы, строили укрепления и превосходили всех в работе по кости .[846]

Оджибвеи.

Физический тип оджибвеев[847] , которых можно считать типичными представителями центральных алгонкинов, составлял 1,73 м (5 футов 8 дюймов) в высоту, с брахицефальными головами (82 на востоке, 80 на западе, но варьируется), тяжелыми сильно развитыми скулами и тяжелым и выдающимся носом. Они были стойкими бойцами и отбивали набеги ирокезов на востоке и фоксов на юге, а также вытеснили сиу на равнины. По словам Школкрафта, который был лично знаком с ними и женился на женщине из этого племени, по внешнему виду воины равнялись лучшим представителям северо-западных индейцев, за исключением, возможно, фоксов.

Они были объединены в многочисленные экзогамные кланы; происхождение было патрилинейным, хотя в большинстве алгонкинских племен оно было матрилинейным. Клановая система была тотемической. Был вождь клана и, как правило, вождь племени, выбранный из одного клана, в котором эта должность была наследственной. Его власть была довольно неопределенной.

Религия.

Что касается религии, У. Джонс[848] отмечает их веру в космическую тайну, присутствующую во всей природе и называемую "Манито". Естественно было отождествлять Манито как с одушевленными, так и с неодушевленными предметами, и был силен импульс вступить в личные отношения с мистической силой. Было одно олицетворение космической тайны, и это было одушевленное существо, называемое Великим Манито. Хотя индейцы долгое время находились в дружеских отношениях с белыми, христианство оказало на них незначительное влияние, во многом благодаря консерватизму местных знахарей. *Медевивин*, или Великое общество знахарей, был могущественной организацией, которая контролировала все движения племени .[849]

Ирокезы.

Ирокезы[850] мало чем отличаются в общей культуре от окружающих их племен, но в политическом развитии они уникальны. Пять наций - ирокезы, онондага, онейда, каюга и сенека (к которым впоследствии присоединились тускарора) - образовали знаменитую Лигу ирокезов около 1570 года. Каждое племя оставалось независимым в вопросах местного значения, но верховная власть была передана совету избранных сакхемов. Они не уступали ни одному другому индейскому народу к северу от Мексики в политической организации, государственном управлении и военной доблести, а их проницательные дипломаты не уступали хитрым французским и английским государственным деятелям, с которыми они вели дела. Эта конфедерация была настолько успешной, что на протяжении веков пользовалась полным господством над своими соседями, пока не стала контролировать страну от Гудзонова залива до Северной Каролины. Могущественные оджибвеи в конце озера Верхнее сдержали их экспансию на северо-запад, а их сородичи чероки остановили их продвижение на юг.

Социальная организация, как правило, была намного сложнее и сплоченнее, чем у других индейцев, и наиболее заметным отличием было важное положение, отводимое женщинам. У чероки, ирокезов и гуронов женщины выполняли важные и необходимые функции в управлении государством. Каждый вождь избирался и сохранял свой пост, а все важные меры принимались с согласия и при содействии рожениц, а кандидат на пост вождя выдвигался голосами матрон этой группы. Его выбор из числа их сыновей должен был быть утвержден племенным и федеральным советами соответственно, и, наконец, он вводился в должность федеральными чиновниками. Земли и "длинные дома" родственных семей принадлежали исключительно женщинам.

Юго-восточный регион: Материальная культура.

VIII. Юго-восточная область. Эта область удобно разделена рекой Миссисипи, типичная культура распространена на востоке. Группа Поухатан и Шоуни занимают промежуточное положение, а главными племенами являются мускогейские (крики, чоктау, чикасо, семинолы и др.) и ирокезские (чероки и тускарора), а также ючи, восточные сиуаны, туниканы и квапау. Основные черты культуры: широкое использование растительной пищи и интенсивное сельское хозяйство; выращивание кукурузы, тростника (разновидность проса), тыквы, арбузов и табака. Большое использование диких овощей, собака, единственное домашнее животное, употреблялась в пищу; позже быстро появились куры, свиньи, лошади и крупный рогатый скот; крупная дичь, олени, медведи и бизоны, на западе; индейки и мелкая дичь также охотились; немного рыбалки (с использованием рыбьего яда); Из продуктов питания следует отметить медвежий жир, масло ореха гикори, хлеб из хурмы и гомини, а также знаменитый черный напиток[851]; дома, как правило, прямоугольные с изогнутыми крышами, покрытые соломой или корой, часто с гипсовыми стенами, укрепленными

плетеными изделиями; города были укреплены частоколами; для транспортировки использовались вырытые каноэ. Одежда состояла в основном из оленьих шкур и бизоньих халатов, рубашек для мужчин, юбок и тоги, верхней одежды для женщин, мокасин, похожих на сапоги, зимой; были плетеные ткани из коры, плащи из мелких сетчатых перьев, а на западе - плетение из бизоньих волос (плетение велось пальцами вниз); корзины из тростника и шин, двойная или сетчатая корзина и сито для муки - особые формы; ножи из тростника, дротики из тростника и кости; духовые ружья в общем пользовании; керамика хорошая, змеевиковая, с украшениями в виде лопаток; особый способ выделки кожи (мацерация в ступах), хорошая работа по камню, но мало по металлу .[852]

Крики.

Женщины криков были невысокого роста, хотя и хорошо сложены, в то время как воины, по словам Пикетта[853] , были "крупнее обычных европейцев, часто выше 6 футов ростом, но неизменно хорошо сложены, прямые в своей осанке и грациозны в каждом движении. Они были гордыми, надменными и высокомерными, храбрыми и доблестными в войне". Как народ они больше, чем обычно, уделяли внимание украшениям и орнаменту; они любили музыку, а игра в мяч была их самой важной игрой. Каждый город Крик имел свое независимое правительство под руководством выборного вождя, которому совет города давал советы по всем важным вопросам. Некоторые города были посвящены мирным церемониям и назывались "белыми городами", в то время как другие, отведенные для военных церемоний, были известны как "красные города". Торжественным ежегодным праздником криков был "буск" или *лускита* - ликование по поводу первых плодов года. Каждый город отмечал свой буск, когда урожай достигал зрелости. Всю изношенную одежду, домашнюю мебель, горшки и сковородки, мусор, зерно и другие продукты собирали в кучу и съедали. После поста все костры в городе гасили, и священник разжигал новый огонь, из которого разжигали все костры в городе. Объявлялась всеобщая амнистия, все злоумышленники могли вернуться в свои города, и их преступления прощались. Действительно, новый огонь означал новую жизнь, физическую и моральную, которая должна была начаться с наступлением нового года .[854]

Ючи.

Дома ючи группируются вокруг квадратного участка земли, который считается священным, и здесь проводятся религиозные церемонии и общественные собрания. По краям стоят четыре церемониальных домика, соответствующие четырем кардинальным точкам, в которых различные клановые группы отвели себе места. Квадратная площадка символизирует радугу, где в небесном мире Солнце, мифический культурный герой, проходил церемониальные испытания, которые он передал первым ючи. Солнце, как вождь небесного мира, автор жизни, церемоний и культуры народа, является, безусловно, самой важной фигурой в их религиозной жизни. Кроме тотемических духов предков, которые играют важную роль, признаются различные животные небесного мира и духи растительности.

Согласно Спеку[855] , "члены каждого клана верят, что они родственники и, в некотором роде, потомки определенных ранее существовавших животных, чьи имена и идентичность они теперь носят. Животные-предки, соответственно, тотемичны. Что касается ныне живущих животных, то они тоже являются земными типами и потомками ранее существовавших, поэтому, поскольку они ведут свое происхождение от тех же источников, что и человеческие кланы, между ними существует кровное родство". Таким образом, члены клана чувствуют себя обязанными не причинять вреда диким животным, имеющим форму или имя их покровителей, хотя плоть и мех могут быть получены от членов других кланов,

которые не имеют подобных обязательств. Различные представители клана наследуют защиту клановых тотемов во время обрядов инициации и в дальнейшем сохраняют их в качестве своих покровителей на протяжении всей жизни.

Общественное религиозное почитание сосредоточено в сложной ежегодной церемонии, связанной с урожаем кукурузы и включающей в себя разжигание нового огня, клановые танцы, олицетворяющие тотемических предков, танцы, умиляющие злых духов и признающие помощь благодетельных в надежде на продолжение их благодеяний, скарификацию мужчин для жертвоприношения и очищения, принятие эметика в качестве очистительного средства, причастие первой зеленой кукурузы сезона и исполнение характерной игры в мяч двумя палками.

Строители курганов.

В средней и нижней частях долины Миссисипи с прилегающими территориями обнаружены археологические свидетельства замечательной культуры, более высокой, чем в любой другой области к северу от Мексики. Эта культура характеризовалась "устоявшейся оседлой жизнью, широкой практикой сельскохозяйственных занятий и строительством постоянных сооружений - домицилиарных, религиозных, гражданских, оборонительных и морг, огромного масштаба и большого разнообразия форм". Люди, если не все, то некоторые из них были строителями курганов, принадлежали к многочисленным языковым группам, сиуанской, алгонкинской, ирокезской, мусхогейской, тунической, читимачанской, каддоанской и другим, и "этим историческим народам, остатки которых все еще встречаются в этом районе, несомненно, предшествовали другие группы, не принадлежавшие к отдельной расе, но, вероятно, принадлежавшие к той же или родственной языковой семье". Эта точка зрения в последние годы постепенно заняла место раннего предположения о том, что культура курганов принадлежала народу с высокими культурными достижениями, которому на смену пришли индейские племена. То, что строительство курганов продолжалось вплоть до периода европейского заселения, является общепризнанным фактом, и многие курганы содержат в качестве оригинальных включений предметы европейского производства[856]. "

Эти общие выводы никак не противоречат предположению де Надайяка о том, что курганы, безусловно, были делом рук индейцев, но более цивилизованных племен, чем нынешние алгонкины, которыми они были вытеснены на юг, во Флориду, и там обнаружены вместе со своими городами, домами советов и другими сооружениями первыми белыми поселенцами[857]. Однако из исследований Ф. Х. Кушинга следует, что эти племенные дома советов индейцев семинолов были местным развитием, выросшим на месте в условиях, совершенно отличных от тех, что преобладали на севере. Многие из обширных раковинных курганов, особенно между Тампой и мысом Сейбл, явно искусственного происхождения, то есть сделанные с определенной целью и симметрично возведенные в большие курганы, сравнимые по размерам с индейскими курганами внутренних районов. Они возникли как свайные жилища на мелководье, где кухонные отходы, в основном ракушки, накапливаются и поднимаются над поверхностью, когда здание кажется стоящим на столбах в виде невысокого кургана. Затем этот тип строения стал рассматриваться как нормальный для повсеместного домостроения. "Через этот естественный ряд изменений в типе прослеживается тенденция к развитию курганов как мест для жилья и дома совета клана или племени, причем местами являются либо отдельные курганы, либо единые большие курганы, в зависимости от обстоятельств. Таким образом, изучение живых индейцев семинолов и раковинных курганов в том же районе ... позволяет предположить возможное происхождение обычая строительства курганов, в свое время столь распространенного

среди североамериканских индейцев[858]. " Но если это генезис подобных сооружений, то обычай должен был распространиться от берегов Персидского залива вглубь страны, а не из долины Огайо на юг до Флориды.

Юго-западный регион: Материальная культура.

IX. Юго-западный район. В силу своего высокоразвитого состояния и доисторических предков культура пуэбло предстает как тип, хотя в разных деревнях она отнюдь не однородна. Можно выделить три географические группы: хопи[859], зуны[860] и рио-гранде.[861]

Культуру всех этих групп можно охарактеризовать следующим образом: основная зависимость от маиса и других культурных продуктов (мужчины занимаются земледелием и ткачеством вместо женщин); использование точильного камня вместо ступки; искусство каменной кладки; ткачество на станке или вверху; культивируемый хлопок как текстильный материал; керамика, украшенная цветом; уникальный стиль строительства и одомашнивание индейки. Несмотря на то, что основной пищей была растительная, некоторые виды охоты были распространены; восточные деревни охотились на бизонов и оленей, особенно Таос. Практиковалась охота на кроликов и антилоп, а уникальным охотничьим оружием была изогнутая кроличья палка. Обычной одеждой были тканые халаты. Мужчины носили фартуки и халаты, когда это было необходимо. Женщины носили одежду от плеча до колена, застегивающуюся только на правом плече. Помимо матерчатых халатов, некоторые были сплетены из кроличьей шкуры, а некоторые - из индюшачьих перьев. Носили мокасины на твердой подошве, у женщин - с длинными полосками оленьей кожи, обмотанными вокруг ноги. Гончарное дело было очень развито, причем не только для практического использования. Плетение корзин было известно, но не так высоко развито, как у племен, не относящихся к пуэбло. Собака не использовалась для передвижения, а лодок не было. Работы по камню и дереву не превосходили таковые в других регионах; некоторые работы по бирюзе, но ни одной по металлу.

Переходные или промежуточные племена.

Многие племена кажутся переходными к типу пуэбло. Так, пима когда-то жили в саманных домах, хотя и не по типу пуэбло; они развивали ирригацию, но при этом широко использовали дикие растения, выращивали хлопок, ткали полотно, были безразличными гончарами, но экспертами в плетении корзин. Мохаве, юма, кокопа, марикопы и явапай строили квадратные деревянные дома с плоской крышей, не имели ирригации, плохо плели корзины (кроме явапай), но в остальном были похожи на пима. Валапай и хавасупай были несколько более кочевыми.

Племена атапасков на востоке демонстрируют промежуточную культуру. Джикариллы и мескалеры использовали равнинные типы, собирали дикую растительную пищу, охотились на бизонов, не имели земледелия и ткачества, но одевались в шкуры и использовали технику стеклянных бус, характерную для равнин. Западные апачи мало чем отличались от них, но редко использовали типы и уделяли чуть больше внимания земледелию. В целом апачи имеют некоторые несомненные черты пуэбло, они также напоминают о равнинах, плато и, в виде навеса, о районе Маккензи. Навахо, похоже, переняли свои наиболее яркие черты от европейского влияния, но их жилище - северного типа, а костюм, керамика и слабые попытки плетения корзин и, в прошлом, земледелия указывают на влияние пуэбло.[862]

Пуэбло.

Культура пуэбло получила свое название от городов или деревень, состоящих из каменных или саманных домов, которые являются характерной особенностью данной местности. Они различаются в зависимости от местности: на севере обычно строили из песчаника, а на юге - из саманного или высушенного на солнце кирпича. Группы домов, как правило, представляли собой компактные строения в несколько этажей с множеством маленьких комнат, построенные по типу террасы, крыша одного этажа образует променады для соседнего этажа. Таким образом, спереди строение напоминает гигантскую лестницу, а сзади - перпендикулярную стену. В верхние дома попадали и продолжают попадать с помощью передвижных лестниц и люка в крыше. В основном на севере, но по всей территории разбросаны остатки жилищ, построенных в естественных углублениях скал, а в некоторых местах поверхность скалы выложена сотами для жилья.

Жилища в скалах.

Хотя, несомненно, они предназначались для целей укрытия и защиты, многие дома на скалах находились вблизи ручьев и полей и были заняты, потому что давали укрытие и были естественными местами для жилья; многие служили хранилищами для кукурузы и другого имущества: другие были местами для обзора, откуда можно было наблюдать за полями или за приближением чужаков. В некоторых районах есть свидетельства того, что здесь жили после испанцев. Интенсивное исследование скальных жилищ показало, что их обитатели имели ту же материальную культуру, что и существующие индейцы пуэбло, а обнаруженные ритуальные предметы и символический декор также свидетельствуют о том, что их религия была в основном схожей. Более того, различные типы черепов, которые были найдены, схожи с черепами современного населения района. Поэтому можно с уверенностью сказать, что нет никаких доказательств того, что в прошлом этот регион был заселен народами, отличными от тех, кого сейчас относят к индейцам пуэбло или их соседям.

Л. В. Фьюкс отмечает, что район представляет собой засушливое плато, разделенное и рассеченное глубокими каньонами, часто состоящими из плоских пластов горных пород, образующих уступы-обрывы под действием эрозии редких бурь. "Только вдоль немногих ручьев, текущих в горах, есть постоянная вода, а вдоль скал в изобилии встречаются плиты камня, пригодные для строительства; и первобытные древние, зависящие от окружающей среды, естественно, создали жилища на скалах. Тенденция к этому типу была усилена межплеменными отношениями; обитатели скал, вероятно, происходили от сельскохозяйственных или полусельскохозяйственных жителей, которые искали защиты от врагов и контроля над землей и водой путем объединения в общины..... На местном уровне древние деревни Каньон-де-Челли известны как руины ацтеков, и это обозначение справедливо, поскольку подразумевает связь с аборигенами умеренно развитой культуры в Мексике и Центральной Америке, хотя оно введет в заблуждение, если считать, что оно указывает на существенные различия между древними жителями и их современными потомками и соседями, все еще занимающими пуэблос[863]."

Религия.

В каждом пуэбло есть по крайней мере одна *кива*, полностью или частично подземная, в которую можно попасть с помощью лестницы и люка, образующая священную камеру для ведения гражданских или религиозных дел, а также клуб для мужчин. В некоторых деревнях каждый тотемический клан имеет свою собственную *киву*. Индейцы - исключительно религиозный народ, и много времени уделяют сложным обрядам, чтобы обеспечить приток дождя, который является их главной заботой, и рост урожая. Среди хопи от четырех до шестнадцати дней в каждом месяце то или иное общество занято проведением религиозных

обрядов. Тайные части этих сложных церемоний проходят в *киве*, а так называемые "танцы" исполняются под открытым небом.

Предков клана могут изображать люди в масках, называемые *катчинами*; это название также применяется к религиозным драмам, в которых они появляются .[864]

Змеиные танцы.

В связи с рассказом Дж. Уолтера Фьюкса о "Змеиных церемониях в Тусаяне" отмечается, что "индейцы пуэбло обожают множество божеств, которым приписываются различные способности. Этим зоическим божествам, или звериным богам, поклоняются с помощью церемоний, которые иногда бывают очень сложными; и, насколько это возможно, мистическая зоическая потенция представлена в церемонии живым животным того же вида или искусственным символом. Среди одушевленных представителей зоического пантеона во всех засушливых районах выделяется змея, особенно ядовитая и, следовательно, обладающая таинственной силой гремучая змея. Для первобытного ума существует тесная связь между стремительной и смертоносной гадюкой и молнией с сопутствующими ей дождем и громом; существует тесная связь между влаголюбивой рептилией пустынь и живительными бурями и ливнями; и поэтому местная гремучая змея играет важную роль в церемониях, особенно в призывах к дождю, которые характеризуют весь засушливый регион[865] ."

Фьюкс продолжает ту же плодотворную линию мысли в своей монографии "*Символ пера в древних рисунках хопи*"[866] , показывая, как среди пуэбло Тусаян, хотя они не оставили письменных записей, сохранилась сложная палеография, *мотив* пера в керамике, найденной в старых руинах, которая на самом деле является "картинным письмом, часто очень символическим и сложным", раскрывающим определенные фазы мышления хопи в отдаленные времена. "Таким образом, мы возвращаемся к убеждению, которому нас научили другие рассуждения, что орнаментация древней керамики была чем-то более высоким, чем простое стремление украсить керамические изделия. Господствующим мотивом был религиозный, ибо в их системе все было подчинено одному и тому же. Эстетические и религиозные чувства не различались, одно подразумевало другое, и тщательно украсить сосуд без введения религиозного символа было для древнего гончара невозможно[867] ."

Физический тип.

Социальная жизнь.

Физически индейцы пуэбло невысокого роста, с длинной, низко посаженной головой, нежным лицом и темной кожей. Они мускулисты и очень выносливы, способны нести тяжелые ноши по крутым и трудным тропам, ходить и даже бегать на большие расстояния. Говорят, что для хопи не редкость пробежать 40 миль по горячей пустыне до своего кукурузного поля, сгрести кукурузу и вернуться домой через 24 часа. Расстояния в 140 миль часто преодолеваются за 36 часов[868] . По характеру они мягкие и миролюбивые, трудолюбивые и необычайно консервативные, что проявляется в верности, с которой они сохраняют и увековечивают свои древние обычаи[869] . Труд распределяется более равномерно, чем в большинстве индейских племен. Мужчины помогают женщинам в более тяжелой работе по строительству дома, собирают топливо, ткнут одеяла и делают мокасины - занятия, которые обычно считаются женскими. Женщины носят воду и делают керамику, которой славится этот регион .[870]

А. Л. Крёбер провел тщательное исследование социологии зуны^[871] и пришел к выводу, что семья является основополагающей, а клан - вторичным, хотя термины родства применяются к членам клана беспорядочно, и даже истинные термины родства применяются вольно. Ввиду очевидного главенства женщины, которая принимает мужа в свой дом и дом своей матери, стоит отметить, что она и ее дети признают родственников мужа своими в той же мере, в какой он признает ее. Зуны не являются народом, где правят женщины. Что касается правительства, то женщины не претендуют на него и не имеют никакого права голоса, нет ни женщин-священников, ни офицеров братства. Даже внутри дома, пока мужчина является его законным обитателем, он является хозяином дома и его дел. Это моногамный народ. Развод дается легче, чем брак, и большинство мужчин и женщин среднего возраста состояли в браке с несколькими партнерами. Брак в клане матери запрещен, в клане отца - не одобряется. Фратрии не имеют никакого социального значения, нет центрального дома клана, нет признанного главы, нет собрания, совета или какой-либо организации, и клан как таковой никогда не действует как орган. Клань слабо связаны с религиозными обществами или братствами. Нет ни тотемических табу, ни поклонения клановому тотему. Люди считаются принадлежащими к клану отца почти в той же степени, что и к клану матери. Если кто-то из семьи человека, принадлежащего к братству, заболевает, братство вызывается вылечить больного, который впоследствии принимается в его ряды. Братство зуны - это в основном религиозные врачи, членство в котором является добровольным и не ограничивается полом. В Хопи мы больше слышим о создании дождя, чем о врачевании, больше о "жрецах", чем о "теургах". Религиозные функции зуны наиболее заметны в церемониях ко-тиккианне, "общества бога" или "общества танцоров в масках", и именно с ними связаны *кивы*. Они почти полностью посвящены дождю. Членами общества могут стать только мужчины, и вход в него обязателен. Крёбер считает, что "самое верное понимание жизни зуны, кроме ее чисто практического проявления, можно получить, поставив в центр эттове ["фетиш"]. Вокруг них группируются жречество, братства, клановая организация, а также большинство эзотерических представлений и священных традиций; в свою очередь, кивы, танцы и акты общественного поклонения можно рассматривать лишь как внешние средства выражения внутренней активности, которая излучается вокруг ядра физических фетишей и связанных с ними идей^[872]."

FOOTNOTES:

[737] A. C. Haddon, *The Wanderings of Peoples*, 1911, p. 72.

[738] R. F. Scharff, *The History of the European Fauna*, 1899, pp. 155, 186.

[739] Д. Г. Бринтон, *Американская раса*, 1891.

[740] К. Хеблер, *Всемирная история* (под ред. Гельмольта), I. 1901, с. 181.

[741] А. Хрдличка, "Скелетные останки, предполагающие или приписываемые раннему человеку в Северной Америке", *Bureau Am. Eth. Bull.* 33, 1907, p. 98.

[742] А. Хрдличка, "Ранний человек в Южной Америке", *Bureau Am. Eth. Bull.* 52, 1912.

[743] *Loc. cit.* pp. 385-6.

[744] *Американский антрополог*, XIV. 1912, p. 22.

[745] P. Rivet, "La Race de Lagoa-Santa chez les populations précolombiennes de l'Équateur", *Bull. Soc. d'Anth.* V. 2, 1908, p. 264.

[746] Дж. Деникер, *Человеческие расы*, 1900, с. 512.

[747] *Bur. Am. Eth. Bull.* 52, 1912, pp. 183-4.

[748] *Loc. cit.* p. 267.

[749] A. Hrdlička, *Am. Anth.* XIV. 1912, p. 10.

[750] *Ibid.* p. 12.

[751] A. C. Haddon, *The Wanderings of Peoples*, 1911, pp. 78-9.

[752] В. Богорас, *Am. Anth.* IV. 1902, p. 577.

[753] *Bur. Am. Eth. Bull.* 28, 1904, p. 535.

[754] *Globus*, LXX. No. 3.

[755] *Mexican Archaeology*, 1914, p. 7 ff.

[756] "Социальная организация и т.д. индейцев квакиутль", *Rep. U.S. Nat. Mus.* 1895, Washington (1897), p. 321 sq. и *Ann. Arch. Rep.* 1905, Toronto, 1906, p. 84.

[757] W. L. H. Duckworth, *Journ. Anthr. Inst.*, August, 1895.

[758] *The Stone Age in North America*, 1911.

[759] С другой стороны, есть несколько американских археологов, которые верят в появление орудий палеолитического типа в Соединенных Штатах, но у них нет никаких подтверждающих доказательств со стороны современных окаменелостей. См. N. H. Winchell, "The weathering of aboriginal stone artifacts," No. 1. *Collection of the Minnesota Hist. Soc.* Vol. XVI. 1913.

[760] *Am. Anth.* XIV. 1912, p. 55.

[761] Подобная дезинтеграция хорошо видна на примере карибов, все еще сохранившихся в Доминике, о которых Дж. Нума Рат дал несколько полный отчет в *Journ. Anthr.* Здесь разорванная форма *arametakuahátina buka*, по-видимому, представляет собой полисинтетическое *arametakuaniéntibubuka* (корень *arameta*, скрывать), как и в "*Грамматике Караиба*" Пьера Бретона, с. 45, где мы также имеем форму *arametakualubatibubasubutuiruni* = знай, что он скроет тебя (с. 48). В то же время можно допустить, что принцип полисинтеза был сильно нарушен даже в континентальных (южноамериканских) карибах, а также в колумбийских чибча, мексиканских отоми и пима, и, несомненно, в некоторых других языковых группах. Но то, что эта система, должно быть, ранее была непрерывной на всей территории Америки, доказывается сохранением чрезвычайно полисинтетических языков в таких широко разделенных регионах, как Гренландия (эскимосский), Мексика (ацтекский), Перу (кичуанский) и Чили (арауканский).

[762] Р. де ла Грассери и Н. Леон, *Язык тарасков*, Париж, 1896.

[763] J. E. R. Polak, *Ipurina Grammar*, etc., London, 1894.

[764] *Эскимосские племена, их распространение и особенности*, Копенгаген, 1887, I. p. 62 sq.

[765] На самом деле именно это слово впервые было приведено "в качестве обычного примера" Кляйншмидтом, *Грамматика греческого языка*, раздел 99, а также процитировано

Бирном, который переводит: "Они не одобряли его, потому что он не дал ему, когда услышал, что он уйдет, потому что у него ничего нет" (*Principles, etc.*, I. p. 140).

[766] "Индийские языковые семьи Америки к северу от Мексики", *Седьмая анна. Rept. Bureau of Ethnology*, 1885-6 (1891). См. также "Справочник по языкам американских индейцев", часть I, составленный Францем Боасом и другими, *Бюро американской этнологии, Бюллетень 40*, 1911. Введение Ф. Боаса дает хорошее общее представление о характеристиках этих языков и кратко рассматривает связанные с ними проблемы.

[767] Следуя удобному прецеденту этого этнолога, я использую как в "*Этнологии*", так и здесь конечный слог *an* для обозначения расовых и языковых групп в Америке. Таким образом, *алгонкин* = конкретное племя и язык с таким названием; *алгонкин* = вся семья; *ирокез*, *ирокез*, *кариб*, *карибан* и т. д.

[768] *Forum*, Feb. 1898, p. 683.

[769] Исследования этих языков, проведенные Крёбером и другими, можно найти в публикациях *Калифорнийского университета; American Archaeology and Ethnology*, L. 1903 и далее. Ср. также A. L. Kroeber, "The Languages of the American Indians," *Pop. Sci. Monthly*, LXXVIII. 1911.

[770] *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910, p. 73.

[771] *Urbewohner Brasiliens*, 1897, p. 46.

[772] Karl v. d. Steinen, *Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens*, 1894, p. 215.

[773] *Аборигены Южной Америки*, 1912.

[774] *Loc. cit.* p. 75.

[775] *Indian Linguistic Families*, p. 141.

[776] "Откуда пришли американские индейцы?". *Forum*, Feb. 1898.

[777] Дж. Уолтер Фьюкс, "Великие каменные памятники в истории и географии", *Пресс. Anthropol. Soc., Washington*, 1912.

[778] Ф. Грэнбер, *Антропос*, IV. 1909, esp. pp. 1013-24. Ср. также его "*Этнологию*", 1914.

[779] В. Шмидт, "Kulturkreise und Kulturschichten in Südamerika", *Zeitschrift für Ethnologie*, Jg. 45, 1913, p. 1014 ff.

[780] *Loc. cit.* pp. 1020, 1021.

[781] *Ibid.* p. 1093; ср. также p. 1098, где перуанская парусная бальса прослеживается до Полинезии: парусные плоты все еще используются на восточных островах Паумоту.

[782] *Am. Anth.* XIV. 1912, pp. 34-6.

[783] *Loc. cit.* p. 39.

[784] *Loc. cit.* p. 43.

[785] Г. Эллиот Смит, "*Миграции ранней культуры*", 1915.

- [786] Г. Эллиот Смит, "Влияние древнеегипетской цивилизации на Восток и Америку", *Bull. of the John Rylands Library*, Jan.-March, 1916, pp. 3, 4.
- [787] Cp. W. J. Perry, "The Relationship between the Geographical Distribution of Megalithic Monuments and Ancient Mines," reprinted from *Manchester Memoirs*, Vol. LX. (1915), pt. 1.
- [788] W. J. Perry, *Mem. and Proc. Manchester Lit. and Phil. Soc.* LX. 1916, No. 6.
- [789] *Loc. cit.* No. 5.
- [790] *Loc. cit.* No. 4.
- [791] *Loc. cit.* No. 8.
- [792] *Loc. cit.* No. 7.
- [793] *Putnam Anniversary Volume*, 1909, p. 365.
- [794] *Nature*, 25 ноября и 16 декабря 1915 г.
- [795] Н. Н. Bancroft, *The Native Races of the Pacific States of North America*, 1875.
- [796] Э. Б. Тайлор, "Об игре патолли в Древней Мексике и ее, вероятно, азиатском происхождении", *Журн. Anthr. Inst.* VIII. 1878, p. 116. *Rep. Brit. Ass.* 1894, p. 774.
- [797] Зелия Натталл, "Основополагающие принципы цивилизаций Старого и Нового Света", *Arch. and Eth. Papers, Peabody Mus. Cambridge, Mass.* II. 1901.
- [798] Дж. Макмиллан Браун, *Маори и полинезийцы*, 1907.
- [799] К. Р. Енох, *Тайна Тихого океана*, 1912.
- [800] Ливингстон Фарранд, *Основы американской истории*, 1904, стр. 88-9.
- [801] *7th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1885-6 (1891).
- [802] "Первобытная американская история", *Am. Anth.* XVI. 1914, pp. 410-11.
- [803] Роланд Б. Диксон, *Am. Anth.* XV. 1913, pp. 538-9.
- [804] "Области характеристики американской культуры, предварительно очерченные в качестве помощи при изучении древностей", *Am. Anth.* XVI. 1914, pp. 413-46.
- [805] Кларк Висслер, "Материальные культуры североамериканских индейцев", *Am. Anth.* XVI. 1914, pp. 447-505.
- [806] "Центральные эскимосы", *6th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1884-5 (1888), p. 419.
- [807] Считается, что название происходит от абнаки эскимантсик, или от эшкимек, эквивалента оджибвеев, означающего "едоки сырой плоти". Они называют себя иннуитами, что означает "люди".
- [808] Х. Ринк, "Эскимосские племена, их распространение и характерные черты", *Meddelelser om Grönland*, II. 1887.
- [809] Ф. Боас, "Этнологические проблемы в Канаде", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910, p. 529.

[810] H. P. Steensby, "Contributions to the Ethnology and Anthropogeography of the Polar Eskimos", *Meddelelser om Grønland*, XXXIV. 1910.

[811] H. P. Steensby, *loc. cit.* p. 384.

[812] *Loc. cit.* pp. 366, 376.

[813] В. Стефанссон, *Моя жизнь с эскимосами*, 1913, с. 194 и далее.

[814] Ф. Боас, "Эскимосы", *Ежегодный археологический отчет* за 1905 год, Торонто (1906), p. 112 и далее.

[815] А. Г. Морис, "Заметки о западных дреeneaх", *Trans. Canadian Inst.* IV. 1895; "The Western Dénés," *Proc. Canadian Inst.* XXV. (3-я серия, VII.) 1890; "The Canadian Dénés," *Ann. Arch. Rep.* 1905 (1906), p. 187.

[816] От слова нутка "*potlatsh*", "дарение" или "подарок", названного так потому, что эти большие зимние церемонии были особенно отмечены раздачей большого количества товаров, обычно одеял. См. Дж. Р. Суонтон в "*Справочнике американских индейцев*" (редактор Ф. У. Ходж), 1910.

[817] Кроме К. Уисслера, *loc. cit.* p. 457 и А. Г. Мориса, *loc. cit.*, см. J. Jette, *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVII. 1907, p. 157; C. Hill-Tout, *British North America*, 1907; и G. T. Emmons, "The Tahltan Indians", *Anthr. Pub. University of Pennsylvania*, IV. 1, 1911.

[818] C. Wissler, *loc. cit.* p. 454.

[819] J. G. Frazer, *Totemism and Exogamy*, III. 1910, p. 319.

[820] *Loc. cit.* p. 333.

[821] См. p. 367.

[822] F. Boas, *Brit. Ass. Reports*, 1885-98; *Social Organisation of the Kwakiutl Indians*, 1897; A. P. Niblack, "The Coast Indians," *U.S. Nat. Mus. Report*, 1898.

[823] По этому району см. J. Teit, "The Thompson Indians of British Columbia", "The Lillooet Indians" и "The Shushwap," in *Memoirs, Am. Mus. Nat. Hist.* Vol. II. 4, 1900; Vol. IV. 5, 1906; и Vol. IV. 7, 1909; F. Boas, "The Salish Tribes of the Interior of British Columbia", *Ann. Arch. Rep.* 1905 (Торонто, 1906); К. Хилл-Таут, "Салишские племена побережья и дельты Нижнего Фрейзера", *Ann. Arch. Rep.* 1905 (Toronto, 1906); H. J. Spinden, "The Nez Percés Indians", *Memoirs, Am. Anth. Ass.* II. 3, 1908; R. H. Lowie, "The Northern Shoshone," *Anth. Papers, Am. Mus. Nat. Hist.* II. 2, 1908; A. B. Lewis, "Tribes of the Columbia Valley," etc., *Memoirs, Am. Anth. Ass.* I. 2, 1906.

[824] К. Хилл-Таут, *Британская Северная Америка*, 1907, с. 37.

[825] *Loc. cit.* p. 50.

[826] *Loc. cit.* pp. 158-9.

[827] А. Л. Крёбер, "Типы индейской культуры в Калифорнии", *публикации Калифорнийского университета Am. Arch. and Eth.* II. 3, 1904; см. также специальные антропологические публикации Калифорнийского университета.

[828] *Loc. cit.* p. 81 ff.

[829] П. С. Спартман, *Публикации Калифорнийского университета, Am. Arch. and Eth.* VIII. 1908, р. 221 и далее; А. Л. Крёбер, "Типы индейской культуры в Калифорнии", там же, II. 1904, р. 81 ff.

[830] А. Л. Крёбер, *ibid.* VIII. 1908, р. 72.

[831] К. Г. Дюбуа, "Религия индейцев луисеньо", *том. cit.* р. 73 и далее.

[832] Дакота - название крупнейшего подразделения языковой семьи сиу, обычно называемой сиу; санти, янктон и тетон составляют, вместе с ассинибойнами, четыре основных диалекта.

[833] См. примечание 4, с. 370.

[834] *Ваконда* - термин, используемый "когда к силе, которая, как считается, одушевляет все природные формы, обращаются или говорят о ней в мольбах или ритуалах" многими племенами семьи сиу. *Манито* - алгонкинское название "таинственных и неизвестных потенциалов и сил жизни и вселенной". "*Ваконда*, - говорит мисс Флетчер, - трудно поддается определению, поскольку точные термины превращают ее из ее родного некристаллизованного состояния в нечто чуждое мышлению аборигенов. Каким бы расплывчатым ни казалось это понятие представителю другой расы, для индейца оно так же реально и таинственно, как звездная ночь или всполохи наступающего дня", "Handbook of American Indians" (ed. F. W. Hodge), *Bur. Am. Eth. Bull.* 30, 1907.

[835] См. G. A. Dorsey, "Handbook of American Indians" (ed. F. W. Hodge), *Bur. Am. Eth. Bull.* 30, 1907.

[836] Г. Б. Гриннелл отмечает, что личные мучения, часто связанные с церемониями, не имеют к ним никакого отношения, а представляют собой исполнение индивидуальных обетов. "The Cheyenne Medicine Lodge", *Am. Anth.* XVI. 1914, р. 245.

[837] См. G. A. Dorsey, "Arapaho Sun Dance", *Pub. Field Col. Mus. Anth.* IV. 4 (Chicago), 1903; "The Cheyenne", *том. cit.* IX. 1905.

[838] А. К. Флетчер, в "Справочнике по американским индейцам" (ред. Ф. В. Ходж), *Bur. Am. Eth.*, *Bull.* 30, 1907; *Am. Anth.* IV. 4, 1902; "Хако, церемония пауни", *22nd Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1900-1, 2 (1904); G. A. Dorsey, "Traditions of the Skidi Pawnee," *Mem. Am. Folklore Soc.* VIII. 1904.

[839] От *siksinam* "черный" и *ka*, корня *oqkatsh* "нога". Происхождение названия обычно объясняют тем, что их мокасины почернели от пепла, оставшегося после пожаров в прериях.

[840] Дж. Муни, "Справочник по американским индейцам" (ред. Ф. У. Ходж), *Bur. Am. Eth.*, *Bull.* 30, 1907; К. Висслер, "Материальная культура индейцев блэкфут", *Anth. Papers, Am. Mus. Nat. Hist.* V. 1, 1910; J. W. Schultz, *My Life as an Indian*, 1907.

[841] A. L. Kroeber. "The Arapaho", *Bull. Am. Mus. Nat. Hist.* XVIII. 1900; G. A. Dorsey и A. L. Kroeber, "Traditions of the Arapaho," *Pub. Field Col. Mus. Anth.* V. 1903; G. A. Dorsey, "Arapaho Sun Dance," *ib.* IV. 1903.

[842] J. Mooney, "The Ghost Dance Religion", *14th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1896.

[843] G. A. Dorsey, "The Cheyenne", *Pub. Field Col. Mus. Anth.* IX. 1905; G. B. Grinnell, "Social organisation of the Cheyennes," *Rep. Int. Cong. Am.* XIII. 1902.

[844] Обратитесь к следующим источникам: A. C. Parker, "Iroquois uses of Maize and other Food Plants," *Bull.* 144, *Паб. Калифорнийского университета, Арх. и эт.* VII. 4, 1909; W. J. Hoffman, "The Menomini Indians", *14th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1892-3, I. (1896); A. E. Jenks, "The Wild Rice Gatherers of the Upper Lakes", *19th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1897-8, II. (1912); A. F. Chamberlain, "The Kootenay Indians and Indians of the Eastern Provinces of Canada," *Ann. Arch. Rep.* 1905 (1906); A. Skinner, "Notes on the Eastern Cree and Northern Saulteaux," *Anth. Papers, Am. Mus. Nat. Hist.* IX. 1, 1911; *The Indians of Greater New York*, 1914; J. N. B. Hewitt, "Iroquoian Cosmology," *21st Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1899-1900 (1903) и т. д.

[845] О лисах (правильно - маскаки) см. M. A. Owen, *Folklore of the Musquakie Indians*, 1904.

[846] C. Wissler, *loc. cit.* p. 459.

[847] Оджибвей, означающее "жарить до тех пор, пока не зарумянится", относится к зарумяненному шву на мокасынах. Чиппева - популярная адаптация этого слова.

[848] У. Джонс, *Ann. Arch. Rep.* 1905 (Торонто), 1906, p. 144. Ср. примечание на с. 372.

[849] У. Дж. Хоффман, "Мидевивин или "великое общество медицины" оджибва", *7 Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1886 (1891).

[850] От алгонкинского слова, означающего "настоящие гадюки", с французским суффиксом.

[851] Отвар, приготовленный путем кипячения листьев *илекса кассина* в воде, использовался как "лекарство" для церемониального очищения. Это было мощное средство для создания нервного состояния и беспорядочного воображения, необходимых для "духовной" власти.

[852] К. Висслер, *loc. cit.* стр. 462-3.

[853] A. J. Pickett, *Hist. of Alabama*, 1851 (ed. 1896), p. 87.

[854] Ср. A. S. Gatschet, "A migration legend of the Creek Indians," *Trans. Acad. Sci. St Louis*, V. 1888.

[855] Ф. Г. Спек, "Некоторые очертания культуры аборигенов в юго-восточных штатах", *Am. Anth.* N. S. IX. 1907; "Этнология индейцев ючи", *Anth. Pub. Mus. Univ. Pa.* I. 1, 1909.

[856] W. H. Holmes, "Areas of American Culture," etc., *Am. Anth.* XVI. 1914, p. 424.

[857] *L'Anthropologie*, 1897, p. 702 sq.

[858] *16th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.*, Washington, 1897, p. lvi sq.

[859] Вальпи, сичумови, хано (тева), шипаулови, мишонгнови, шунопови и орайби.

[860] Собственно Зуњи, Пескадо, Нутрия и Охо-Кальенте.

[861] Таос, Пикурис, Сан-Хуан, Санта-Клара, Сан-Ильдефонсо, Тесуке, Похуаке, Намбе, Хемес, Пекос, Сандиа, Ислета - все из племени таноа; Сан-Фелипе, Кочити, Санто-Доминго, Санта-Ана, Сиа-Лагуна и Акома - из племени кересанов.

[862] Об этом районе см. A. F. Bandelier, "Final Report of Investigations among the Indians of the S. W. United States," *Arch. Inst. of Am. Papers*, 1890-2; P. E. Goddard, "Indians of the Southwest," *Handbook Series, Am. Mus. Nat. Hist.* 2, 1913; F. Russell, "The Pima Indians," *26th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1904-5 (1908); G. Nordenskiöld, *The Cliff Dwellers of Mesa Verde, S. W. Colorado*, 1893;

C. Mindeleff, "Aboriginal Remains in Verde Valley, Arizona," *13th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1891-2 (1896). Хронологию см. в L. Spier, *Am. Mus. Nat. Hist. Anth.* XVIII.

[863] *16th Ann. Report*, p. xciv. Cp. E. Huntington, "Desiccation in Arizona", *Geog. Journ.*, Sept. and Oct. 1912.

[864] По поводу религии обратитесь к F. H. Cushing, "Zuñi Creation Myths," *13th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1891-2 (1896); *Zuñi Folk Tales*, 1901; Matilda C. Stevenson, "The Religious Life of the Zuñi Child," *5th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1887; "Индейцы зуны, их мифология, эзотерические братства и церемонии", *23rd Rep.* 1904; J. W. Fewkes, "Tusayan Katcinas", *15th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1893-4 (1897); "Tusayan Snake Ceremonies", *16th Rep.* 1894-5 (1897); "Tusayan Flute and Snake Ceremonies", *19th Rep.* 1897-8, 11. (1900); "Hopi Katcinas", *21st Rep.* 1899-1900 (1903), и другие работы. О танцах см. W. Hough, *Moki Snake dance*, 1898; G. A. Dorsey and H. R. Voth, "Mishongnovi Ceremonies of the Snake and Antelope Fraternities," *Pub. Field Col. Mus. Anth.* III. 3, 1902; J. W. Fewkes, "Snake Ceremonials at Walpi," *Jour. Am. Eth. and Arch.* IV. 1894 и "Tusayan Snake Ceremonies", *16th Ann, Rep. Bur. Am. Eth.* 1897; H. Hodge, "Pueblo Snake Ceremonies", *Am. Anth.* IX. 1896.

[865] p. xcvi.

[866] *Amer. Anthropologist*, Jan. 1898.

[867] p. 13.

[868] G. W. James, *Indians of the Painted Desert Region*, 1903, p. 90.

[869] Л. Фарранд, *Основы американской истории*, 1904, с. 184.

[870] W. H. Holmes, "Pottery of the ancient Pueblos," *4th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1882-3 (1886); F. H. Cushing, "A study of Pueblo Pottery," etc., *ib.*; J. W. Fewkes, "Archaeological expedition to Arizona," *17th Rep.* 1895-6 (1898); W. Hough, "Archaeological field work in N.E. Arizona" (1901), *Rep. U.S. Nat. Mus.* 1903.

[871] "Род и клан зуны", *Anth. Papers, Am. Mus. Nat. Hist.* XVIII. 1917, p. 39.

[872] p. 167.

ГЛАВА XI

АМЕРИКАНСКИЕ АБОРИГЕНЫ (продолжение)

Культуры Мексики и Центральной Америки - Сценарии и календари ацтеков и майя - Науа и шошони - Империи чичимеков и ацтеков - Некультурные народы Мексики: *Отоми*; *Сери* - ранний человек на Юкатане - Майя сегодня - Переходы из Северной в Южную Америку - *Чонталь* и *Чоко* - *Катио* - Культуры Анд - Колумбийская *Чибча* - Империя *Инков* - Раса и язык инков - Происхождение и история инков - Культура *аймара* - *Чиму* - Перуанская политическая и социальная система - Арауканы. Социальная система - Арауканы - Индейцы *Пампаса* - *Гаучос* - *Патагонцы* и *Фуэги* - Языковые отношения - Яхганы - Кашибо - Семья *Пана* - *Карибы* -

Араваканская семья - *Семья Гес (Тапуян)* - Ботокудо - Тупи - *Гуаранская* семья - *Чикито - Матако* и *Тоба* из Гран-Чако.

Культуры Мексики и Центральной Америки.

В Мексике и Центральной Америке интерес представляют две большие этнические группы - *науатлан* и *уастекан*, чьи культурные, исторические и даже географические связи настолько тесно переплетены, что их едва ли можно рассматривать отдельно. Так, хотя их цивилизации сосредоточены, соответственно, на плато Анауак (Мексика) и на Юкатане и Гватемале, эти две области полностью перекрываются с обеих сторон, так что существуют изолированные ветви уастеканской семьи в Мексике (уастеки (тотонаки) из Веракруса, от которых названа вся группа, и нахуатлан в Никарагуа (пипилы, никиранцы и другие) .[873]

Это обстоятельство, несомненно, увеличивает трудности, связанные с вопросами их происхождения, миграций и взаимного культурного влияния. Некоторые из этих трудностей исчезают, если исключить "тольтеков" (см. с. 342), которые до сих пор были большим мешающим элементом в этой связи, а все остальные, на мой взгляд, были удовлетворительно решены Э. Фёрстеманном, ведущим авторитетом по всем вопросам ацтеков-маяя[874] . Этот выдающийся археолог ссылается прежде всего на взгляды Селера[875] , который предполагает южное движение племен маяя из Юкатана и аналогичное движение ацтеков из Табаско в Никарагуа и даже в Юкатан. С другой стороны, Дизельдорф считает, что искусство маяя развивалось независимо, а связь между ним и ацтеками показывает, что происходил взаимообмен, в котором маяя были дарителем, а ацтеки - получателем. Он также приписывает ацтекам свержение власти маяя за 100 или 200 лет до завоевания и считает, что ацтеки или науа заимствовали своего бога Кецалькоатля у "тольтеков", которые были народом маяя. Доктор философии Дж. Валентини также полагает, что маяя были изначальным народом, а ацтеки - "простыми паразитами"[876] ."

Теперь Фёрстеманн излагает принцип, согласно которому любая теория, чтобы быть удовлетворительной, должна соответствовать таким фактам, как: (1) согласие и разнообразие обеих культур; (2) древность и исчезновение загадочных тольтеков; (3) полная изоляция на 22° северной широты. (4) столь же полная изоляция гватемальских пипилов и других южных (никарагуанских) групп ацтеков от остальных народов науа; (5) поразительное отсутствие ацтекских местных названий на Юкатане, в то время как они сотнями встречаются в Чьяпасе, Гватемале, Гондурасе и Никарагуа, где от названий маяя не осталось почти никаких следов.

Чтобы объяснить эти факты, он предполагает, что в самые ранние известные времена Центральная Америка от 23° до 10° северной широты была в основном заселена племенами маяя, которые даже достигли Кубы. Пока эти маяя находились на довольно низкой стадии культуры, ацтеки продвинулись на север по меньшей мере до 26° с. ш., но только со стороны Тихого океана, оставив уастеков почти нетронутыми на востоке. Ацтеки называли маяя "тольтеками", потому что впервые вступили в контакт с одной из их северных ветвей, жившей в районе Тулы (к северу от Мехико)[877] . Но когда все отношения прояснились, тольтеки постепенно отошли на второй план и, наконец, перешли в область сказочного.

Теперь ацтеки многое заимствовали у маяя, особенно богов, имена которых они просто переводили. Типичный случай - Кукулькан, который превращается в Кецалькоатля, где *suc* = *quezal* = птица *Trogon resplendens*, а *can* = *coatl* = змея[878] . С более высокой культурой, развитой в Гватемале, ацтеки впервые вступили в контакт, пройдя через территорию миштеков и сапотек, незадолго до колумбовой эпохи, так что здесь у них не было времени на укрепление своей империи и ассимиляцию маяя. Напротив, ацтеки сами слились с ними,

все, кроме пипилов и поселений на озере Никарагуа, которые сохранили свои национальные особенности.

Но откуда взялись сотни ацтекских названий на землях между Чиapasом и Никарагуа? Здесь следует отметить, что эти названия почти исключительно приурочены к более важным станциям, в то время как менее заметные места везде имеют названия, заимствованные из языков местных племен. Но даже сами ацтекские названия встречаются, как положено, только в официальном обиходе, а значит, и на картах, и не бытуют по сей день среди туземцев, которые держатся в стороне от испаноязычного населения. Отсюда можно сделать вывод, что такие названия в основном были введены испанцами и их мексиканскими войсками во время завоевания этих земель, скажем, примерно до 1535 года, и не появляются на Юкатане, который не был отвоеван у Мексики. Фёрстеманн неохотно принимает эту точку зрения, выдвинутую Саппером[879], не имея ничего лучшего.

Прибрежные города Юкатана, посещенные испанцами с Кубы в 1517 году и позже, в архитектурном отношении явно уступали великим храмовым сооружениям внутренних районов, хотя, несомненно, были возведены теми же людьми. Внутренние города Чичен-Ица и Уксмаль к тому времени уже утратили свою древнюю славу, хотя все еще оставались религиозными центрами .[880]

Письменность ацтеков и майя

Таким образом, майя, по-видимому, стояли на более высокой ступени культуры, чем их соперники ацтеки, и тот же вывод можно сделать на основе их соответствующих систем письма. Из всех аборигенов только эти двое разработали то, что можно с полным основанием назвать письмом в строгом смысле этого слова, хотя ни один из них не достиг такого уровня эффективности, как вавилонские клинописи, китайские или египетские иероглифы, не говоря уже о слоговых и алфавитных системах Старого Света. Некоторые даже варварские народы, такие как большинство индейцев прерий, достигли стадии графического символизма и, таким образом, стояли на пороге письменности в момент открытия. "Искусство было рудиментарным и ограничивалось грубой пиктографией. Пиктограммы были нарисованы или изваяны на скалах, валунах, стенах пещер и даже на деревьях, а также на шкурах, коре и различных искусственных предметах. Среди некоторых мексиканских племен также использовались автографические записи, причем некоторые из них были гораздо лучше, чем любые другие в пределах современной территории США. Записи были не только нарисованы и изваяны на камне и вылеплены из лепнины, но и вписаны в книги или кодексы из местного пергамента и бумаги; при этом знаки были в значительной степени произвольными, т.е. идеографическими, а не пиктографическими[881]."

Письменность ацтеков можно лучше всего описать как пиктографическую, причем изображения были символическими или, в случае имен, объединены в ребус. Несомненно, мнения о том, являются ли символы майя фонетическими или идеографическими, сильно расходятся, и это факт, что ни один текст, каким бы коротким он ни был, еще не был удовлетворительно расшифрован. Похоже, что многие символы обладали истинно фонетическим значением и использовались для выражения звуков и слогов, хотя нельзя утверждать, что писцы майя достигли той стадии развития, когда они могли обозначить каждый звук буквы глифом или символом[882]. Согласно Сайрусу Томасу, символ выбирался потому, что имя или слово, которое он представлял, имело в качестве основного фонетического элемента определенный согласный звук или слог. Если это был *b*, то символ использовался там, где *b* был главным элементом обозначаемого слова, при этом, однако,

не обязательно сохранялась ссылка на его первоначальное значение. Так, символ *sab*, "земля", может быть использован при написании *Caban*, названия дня, или *sabil*, "мед", поскольку *sab* - их основной фонетический элемент..... Одной из причин неудачных попыток дешифровки является неправильное понимание особенностей письма, которое находится на переходном этапе от чисто идеографического к фонетическому[883] . Из приведенного здесь примера следует, что письменность майя частично достигла стадии ребуса, который также играет столь большую роль в египетской иероглифической системе. *Каб*, очевидно, является ребусом, и переход от ребуса к настоящим слоговым и алфавитным системам уже был объяснен[884] . Немецкие американисты, с другой стороны, всегда считали письменность майя более идеографической, и Г. Бешат принимает эту точку зрения, поскольку "ни один символ никогда не читался фонетически со значением, отличным от того, которое он имеет как идеограмма[885] ."

и календари.

Но не только дневные символы майя были фонетическими; сам календарь майя, впоследствии заимствованный ацтеками, был описан как даже более точный, чем юлианский. "Среди равнинных индейцев календари просты и обычно состоят из записи зим ("зимних счетов") и заметных событий, произошедших либо зимой, либо в другое время года; в то время как более короткие временные деления исчисляются "ночами" (днями), "мертвыми лунами" (лунациями) и сезонами листопада, цветения или плодоношения растений, миграции животных и т. д., и нет никакой определенной системы сокращения дней до лун или лун до лет. Среди индейцев пуэбло календарные записи незаметны или отсутствуют, хотя существует гораздо более определенная календарная система, которая фиксируется и увековечивается религиозными церемониями; в то время как среди некоторых мексиканских племен существуют сложные календарные системы в сочетании с полными календарными записями. На совершенство календаря у индейцев майя и науа указывает тот факт, что не только 365 дней считались годом, но и високосный день была признана[886] ."

Науа и шошони.

В другом важном отношении превосходство народов майя-киче над северными науа неоспоримо. Если сравнить их религиозные системы, сразу становится ясно, что к моменту открытия Мексики ацтеки были не более чем безжалостными варварами, облаченными в заимствованные одежды развитой культуры, к которой они не успели как следует приспособиться и в которой они могли лишь маскироваться по своему дикарскому образцу.

Следует помнить, что ацтеки были лишь одной из ветвей семьи науатлан, чье родство Бушман[887] проследил на север до грубых шошонских аборигенов, кочевавших на территории современных штатов Монтана, Айдахо и Орегон до Юты, Техаса и Калифорнии[888] . К этому народу науатлан принадлежали варварские орды, которые свергли цивилизацию, процветавшую на территории Анауака (Мексика) примерно в шестом веке нашей эры и связанную с руинами Тулы и Чолулы. Теперь кажется очевидным, что так называемые "тольтеки", "строители пирамид", были не науатлями, а уастеками, которые были поглощены переселенцами или вытеснены на юг.

Империи чичимеков и ацтеков.

К северу и северо-западу от оседлых народов долины жили кочевые охотничьи племена, называемые чичимеками[889] , объединенные в рыхлую политическую систему, которая в местных традициях получила название "империя чичимеков". Главную роль в ней играли

племена нахуанского происхождения[890] , чье господство длилось примерно с XI по XV век, когда они, в свою очередь, были свергнуты и поглощены исторической нахуанской конфедерацией *ацтеков*[891] , столицей которой был Теночтитлан (современный город Мексика), *акольхуа* (столица Тескуко) и *тепанеков* (столица Тлакопан).

Таким образом, империя ацтеков, разрушенная конкистадорами в 1520 году, имеет лишь краткую историю, хотя сами ацтеки, как и многие другие племена, говорящие на языке науатль, должны были контактировать с более цивилизованными народами уастеков в течение многих веков до появления испанцев на этой сцене. Именно в эти века науа "многое заимствовали у майя", как выражается Фёрстеманн, не извлекая из этого большой пользы. Так боги майя, в большинстве своем относительно мягкого типа, как и сами майя, превратились в отвратительном пантеоне ацтеков в свирепых демонов с ненасытной жаждой крови, так что теокалли, "дома богов", были превращены в человеческие развалины, где в торжественных случаях жертвы, как говорят, исчислялись десятками тысяч .[892]

Бескультурные народы Мексики.

Помимо ацтеков и их союзников, возвышенные мексиканские плоскогорья занимали еще несколько относительно цивилизованных народов, таких как *мицтеки* и *сапотеки* из Оахаки, *тараско* и соседние *матлальцинки* из Мичоакана[893] , все из которых говорили на самостоятельных языках, а также *тотонаки* из Веракруса, говорившие на уастекском языке и поддерживавшие связь на севере с уастекками, примитивным народом майя. О высокой степени цивилизации, достигнутой некоторыми из этих народов до того, как их покорили ацтеки, свидетельствуют великолепные руины Митлы, столицы сапотеков, которая была захвачена и разрушена мексиканцами в 1494 году[894] . О королевском дворце Виолле-ле-Дюк отзывается в восторженных выражениях, заявляя, что "только памятники золотого века Греции и Рима равны красоте каменной кладки этого великого здания[895] ." В целом их обычаи и религиозные обряды напоминали ацтеков, хотя у сапотеков, помимо гражданского правителя, был верховный жрец, принимавший участие в управлении. "Его ногам никогда не разрешалось касаться земли; его несли на плечах его помощники; и когда он появлялся, все, даже сами вожди, должны были падать перед ним ниц, и никто не смел поднять глаза в его присутствии[896] ." На языке сапотеков до сих пор говорят около 260 туземцев в штате Оахака.

Отоми-сери.

Дальше к северу равнины и возвышенности продолжали населять множество диких племен, говоривших на неизвестном количестве языков, представлявших собой хаос этнических и языковых элементов, сравнимый с тем, что преобладает на северо-западном побережье. Из этих грубых народностей одними из самых распространенных являются отоми из центрального региона, отмеченные за моносложность их языка, который Нахера, местный грамматист, сравнивает по этому признаку с китайским, от которого, однако, он в корне отличается. Еще более примитивными являются индейцы сери с острова Тибурон в Калифорнийском заливе и прилегающего материка, которых в 1895 году посетил У. Дж. Макги и обнаружил, что они, вероятно, более изолированы и дики, чем любое другое племя, оставшееся на североамериканском континенте. Они охотятся, ловят рыбу и собирают растительную пищу, причем большую часть еды едят сырой, у них нет домашних животных, кроме собак, они полностью лишены сельского хозяйства, а их промышленные искусства немногочисленны и грубы. Они пользуются луком и стрелами, но не имеют ножа. Их дома - хлипкие хижины. Они делают гончарные изделия и плоты из тростника. Сери организованы в несколько экзогамических, матрилинейных, тотемических кланов. Материнское право

существует в большей степени, чем у любого другого народа. При вступлении в брак муж становится привилегированным гостем в семье матери жены, и только в погоне или на тропе войны мужчины занимают важное место. Преобладает полигиния. Наиболее яркой церемонией является праздник полового созревания девочек. Умерших хоронят в скорченном положении. "Самой сильной чертой племени является непримиримая враждебность к чужакам..... В их представлении самая светлая добродетель - это пролитие чужой крови, а самое черное преступление в их календаре - это чужой супружеский союз[897]."

Ранний человек на Юкатане.

Примечательно, что на Юкатане пока обнаружено лишь несколько следов такой дикости. Исследования Генри Мерсера[898] в этом регионе убедительно подтверждают взгляды Фёрстеманна на ранние миграции уастеков и общее распространение культуры майя на юг с мексиканской равнины. Почти тридцать пещер, исследованных этим исследователем, не обнаружили останков мастодонта, мамонта и лошади, а также раннего человека, которого так часто связывают с этими животными. Отсюда Мерсер делает вывод, что майя достигли Юкатана уже в развитом состоянии культуры, которое оставалось неизменным до завоевания. В пещерах было найдено большое количество хорошей керамики, как правило, хорошо обожженной и симметричной формы, древнейшей, столь же хорошей, как и поздней, где они встречаются в слоистых пластах, не показывая никакого прогресса.

В пещерах Лолтун (Юкатан) и Копан (Гондурас), исследованных Э. Х. Томпсоном и Г. Байрон-Гордоном, из глубоких слоев были найдены обломки домайской керамики. Возможно, это очень древнее население принадлежало к той же расе, что и малоизвестные племена, до сих пор живущие в лесах Гондураса и Сан-Сальвадора .[899]

Майя в наши дни.

После завоевания ацтеки и другие культурные народы Анауака поддались европейскому влиянию в гораздо большей степени, чем майя-киче Юкатана и Гватемалы. В городе Мехико язык науатль почти вымер, и это место долгое время было ведущим центром испанского искусства и литературы[900]; тем не менее мексиканцы ежегодно отмечают праздник в память о своих великих предках, погибших при защите своей страны[901]. Но Мерида, стоящая на месте древнего Ти-хоу, почти снова превратилась в город майя, где сами белые поселенцы в значительной степени ассимилировались в речи и обычаях с туземцами. Сами улицы по-прежнему обозначены резными изображениями ястреба, фламинго или других божеств-покровителей, а дома в пригородах продолжают строиться в старом стиле майя, на два-три фута выше уровня улицы, с обнесенным стеной крыльцом и каменной скамьей, идущей вокруг корпуса.

Одна из причин этого поразительного контраста может заключаться в том, что культура науа, как уже говорилось выше, была в значительной степени заимствована в относительно недавние времена, в то время как цивилизация майя, как теперь выясняется, восходит к эпохе строителей пирамид Толана и Чолулана. Поэтому первая уступила первому потрясению, а вторая до сих пор в какой-то степени сохраняется на Юкатане. Здесь около 1000 года н. э. города Чичен-Ица, Уксмаль и Майяпан образовали конфедерацию, в которой каждый должен был поровну участвовать в управлении страной. В мирных условиях следующих двух столетий наступила вторая и последняя великая эпоха майя, эпоха архитектуры, как ее называют, в отличие от первой эпохи, эпохи скульптуры, со второго по шестой век н.э. В эту раннюю эпоху процветали великие города юга, Паленке, Квиригуа,

Копан и другие[902] . Несмотря на свой более мягкий нрав, выраженный в более мягких и почти женственных чертах лица, майя более доблестно, чем ацтеки, противостояли испанцам, а часть народа, занимающая полосу территории между Юкатаном и Британским Гондурасом, до сих пор сохраняет свою независимость. Варвары", как называют жителей этого района, похоже, не менее цивилизованы, чем их соседи, хотя они забыли учение падресов и превратили католические церкви в придорожные трактиры. Потомки испанцев в значительной степени забыли свой родной язык, и диалекты майя-киче распространены почти повсеместно, за исключением района Кампеачи. Те, кто называет себя католиками, также сохраняют и практикуют многие из старых обрядов. После погребения дорожка от могилы до дома тщательно вычерчивается мелом, чтобы душа усопшего могла знать дорогу назад, когда придет время войти в тело новорожденного младенца. Потомки народных астрологов повсюду занимаются своим искусством, определяя события, предсказывая урожай и так далее по соединениям звезд, и в каждой деревне есть свой "Задкиэль", который читает будущее по вездесущему хрустальному глобусу. Даже некоторые священники продолжают праздновать "полевую мессу", на которой петух приносится в жертву майянскому Эскулапию, с воззваниями к Троице и их помощникам, четырем джиннам дождя и урожая. "Эти божества-покровители, однако, приняли христианские имена: Красный, или Бог Востока, стал Святым Домиником; Белый, или Бог Севера, - Святым Гавриилом; Черный, или Бог Запада, - Святым Иаковом; а "Желтая богиня" Юга - Марией Магдалиной[903] ."

Переходы из Северной в Южную Америку.

Для наблюдателя, переходящего из северной части Нового Света в южную, поначалу нет заметных контрастов ни во внешнем облике, ни в социальном положении аборигенов. Существенное единообразие, которое в этих отношениях преобладает от Арктики до Австралийских вод, на самом деле хорошо иллюстрируется сравнительно небольшими различиями, представленными первобытными народами, живущими к северу и югу от Панамского перешейка.

На момент открытия Вест-Индии ее населяли два разных народа, оба, по-видимому, южноамериканского происхождения. Население Больших Антильских островов, Кубы, Ямайки, Санто-Доминго и Порто-Рико было аравакским, как и лукайцы на Багамах. Малые Антильские острова были заселены карибами, чья культура была несколько изменена предшествующими им араваками. Что касается влияния с северо-запада и запада, Джойс считает, что сношения между Юкатаном и Западной Кубой сводились к случайным торговым рейсам и не задерживались до прибытия испанцев. То же самое относится и к Флориде, где, однако, можно проследить антильское влияние, особенно в гончарных изделиях[904] . Однако, по мнению Бешата, гуаканабибес на Кубе имеют общее происхождение с текестас во Флориде. Другие племена из Флориды распространились на Багамы, Кубу[905] , и, возможно, на Хайти, но были оттеснены араваками из Южной Америки, которые освоили всю Вест-Индию. Последними пришли более энергичные, но менее развитые карибы, также с южного материка (аравакского происхождения, по мнению Джойса и Бьючата). Заявление Колумба о том, что лукайцы[906] были "хорошего роста, с большими глазами и более широкими лбами, чем он когда-либо видел у любой другой расы людей", полностью подтверждается характером некоторых старых черепов с Багамских островов, измеренных У. К. Бруксом, который считает их принадлежащими "хорошо выраженному типу североамериканской индейской расы, которая в то время была распространена на Багамских островах, Хайти и большей части Кубы". Поскольку эти острова находятся всего в

нескольких милях от полуострова Флорида, эта раса должна была когда-то обитать по крайней мере на юго-восточной оконечности континента, и поэтому чрезвычайно интересно отметить, что североамериканские черепа, которые демонстрируют наиболее близкое сходство с черепами с Багамских островов, были получены из Флориды[907]. "Этот наблюдатель обращает внимание на массивность и массивность черепов лукайцев, что роднит их с расами как равнин Миссисипи, так и побережья Бразилии и Венесуэлы, хотя общая этнография Панамы и Коста-Рики не обнаруживает активного влияния племен Колумбии и Венесуэлы, за исключением восточной Панамы .[908]

Чонталь и Чоко.

Столь же тесной является связь, установленная между сохранившимися истмийскими и колумбийскими народами бассейнов Аtrato и Магдалены. Чонталь из Никарагуа едва ли можно отличить от некоторых горцев Санта-Марты, в то время как чоко и, возможно, куна из Панамы были связаны с чоко рек Аtrato и Сан-Хуан. Культурная связь между племенами перешейка и Колумбии проявляется, прежде всего, в золотых изделиях и керамике чирикуи; в лагуне Чирикуи, однако, ощутимо влияние науанов[909]. Были даже предприняты попытки, которые, однако, вряд ли можно считать успешными, установить языковые связи между костариканскими гуатусо и тимоте из Меридских нагорий Венесуэлы, которые сами являются ветвью ранее широко распространенной семьи муисков.

Катио.

Но с этими муисканами мы сразу же вступаем в новую этническую и культурную область, в которой можно изучать сходства, обусловленные общим происхождением всех американских аборигенов, и различия, очевидно, вызванные долгой изоляцией и независимым развитием местных особенностей в двух континентальных подразделениях. В целом южные народы представляют более резкие контрасты, чем северные, в своем социальном и интеллектуальном развитии, так что в то время как дикие племена касаются более низкой глубины дикости, некоторые, по крайней мере, из цивилизованных народов поднимаются до более высокой степени совершенства, если не в письме - где неполноценность очевидна - то уж точно в инженерном искусстве, архитектуре, сельском хозяйстве и политической организации. Так, не нужно отъезжать на много миль вглубь острова от перешейка, чтобы не встретить катио, дикое племя между Аtrato и Каукой, более деградировавшее, чем сери острова Тибурон, самая униженная из всех североамериканских орд. Эти катио, ныне почти вымершая ветвь племени чоко, как говорят, жили, подобно антропоидным обезьянам, на ветвях деревьев; они в основном ходили голыми, и, по слухам, подобно мангбатту и другим неграм Конго, "откармливали своих пленников для стола". Их соседи дариены из долины Норе, давшие альтернативное название Панамскому полуострову, имели обыкновение красть женщин враждебных племен, сожительствовав с ними и заботливо воспитывать детей до четырнадцати лет, когда их съедали с большим ликованием, причем матери в конечном итоге разделяли ту же участь[910]; а кокома из Мараньона "имели привычку есть своих собственных мертвых родственников и перемалывать их кости, чтобы пить их перебродивший ликер. Они говорили, что лучше быть внутри друга, чем быть поглощенным холодной землей[911]". О колумбийских аборигенах Эррера рассказывает, что "живые являются могилой для мертвых; муж съедает свою жену, брат - своего брата или сестру, сын - своего отца; пленников также едят зажаренными[912]".

Так поднимается вопрос о каннибализме в Новом Свете, где на момент открытия он был несравненно более распространен к югу, чем к северу от экватора. Сравните эскимосов и фуэгийцев - две крайности: первые практически освобождены от этого обвинения, в беде

щадят жен и детей и едят своих собак; вторые щадят своих собак, потому что они полезны для ловли выдр, и курят и едят своих старух, потому что они бесполезны для дальнейших целей[913]. На севере вкус к человеческой плоти угас, и эта практика сохранилась только в качестве церемониального обряда, главным образом у жителей Британской Колумбии и ацтеков, за исключением, конечно, случаев голода, когда даже высшие расы способны пожирать своих братьев. Но на юге каннибализм в самых отвратительных его формах был распространен почти повсеместно. Убийство и поедание немощных и престарелых членов племени по доброте душевной все еще распространено; но майорунас в водах Верхней Амазонки не ждут, пока они исхудают с годами или истощатся от болезней[914]; и один крещеный член того же племени жаловался на смертном одре, что теперь он не сможет обеспечить едой своих друзей-христиан, а должен быть съеден червями.[915]

Культуры Андского региона.

Чибча.

На южном континенте социальные условия, проиллюстрированные этими практиками, преобладали повсюду, кроме возвышенных плато западных Кордильер, которые на протяжении многих веков до открытия были местом смены нескольких культур, в некоторых отношениях соперничавших, но в других значительно уступавших культурам Центральной Америки. Когда конкистадоры достигли этой части Нового Света, куда их привлекли не совсем беспочвенные сообщения о сказочных богатствах, воплощенные в легенде о *Эльдорадо*, "человеке из золота", они обнаружили, что она занята культурной зоной, которая простиралась почти непрерывно от нынешней республики Колумбия через Эквадор, Перу и Боливию до Чили. На севере доминирующим народом были полуцивилизованные чибча, уже упоминавшиеся под именем муиска[916], которые разработали организованную систему управления на столовой земле Боготы и сумели распространить свои несколько более утонченные социальные институты на некоторых других аборигенов Колумбии, хотя и не на многих представителей своей собственной расы. Как в Мексике многие племена наuatlan до последнего оставались не более чем дикарями, так и в Колумбии цивилизованных муисков окружали многочисленные родственные племена - койаима, натагайма, токаима и другие, известные под общим названием панчи - настоящие дикари, почти не имевшие родовой организации, не носившие одежды и, согласно ранним рассказам, все еще пристрастившиеся к каннибализму.

У самих муисков существовала традиция, согласно которой своим превосходством они были обязаны своему культурному герою Бочике, который давным-давно пришел с востока, научил их всему, а затем был поставлен вместе с Чиминигауа, творцом, во главе их пантеона, и почитался с торжественными обрядами и даже человеческими жертвоприношениями. Среди приобретенных таким образом искусств было искусство ювелира, в котором они превзошли все другие народы Нового Света. Говорят, что драгоценный металл даже чеканили в форме дисков, что является почти единственным примером настоящей металлической валюты среди американских аборигенов[917]. Броши, подвески и особенно гротескные фигурки из золота, часто сплавленного с серебром и медью, были найдены в огромном количестве и до сих пор время от времени встречаются на плато. Эти находки отчасти объясняются практикой подношения таких предметов под открытым небом олицетворенным созвездиям и силам природы, ведь первобытная религия всех андских племен состояла из культов природы, в частности солнца. Недалеко от Боготы находился храм Солнца, где выращивали детей для жертвоприношения[918]. Любой таинственный звук, исходящий из леса, скалы, горного перевала или мрачного ущелья, принимался за проявление некоего божественного присутствия; воплощенному духу

воздвигалось святилище, и таким образом вся земля становилась буквально переполненной местными божествами. Сам этот мир возвышался на плечах Чибчакума, национального Атласа, который время от времени облегчал себя, сдвигая ношу, и тем самым вызывал землетрясения. В большинстве земель, подверженных подземным волнениям, преобладают аналогичные идеи, и когда их источник столь очевиден, кажется неразумным искать объяснения в расовом родстве, контактах, иностранном влиянии и так далее.

Часто отмечалось, что при появлении белых туземные цивилизации, как правило, казались пораженными как рукой смерти, так что даже если бы их внезапно не остановили вторженцы, они рано или поздно должны были бы погибнуть сами. Подобные рассуждения редко бывают убедительными, ведь мы никогда не знаем, какие восстановительные силы могут быть задействованы, чтобы отгородиться от злого дня. Когда испанцы прибыли в Колумбию, на одном конце шкалы они обнаружили голых и диких каннибалов, на другом - народ с феодальной формой правления, чья политическая система была прогрессивной, который, хотя и не имел письменности, имел систему мер и календарь, а также был искусен в ткацком, гончарном и металлургическом искусствах^[919]. Все вожди чибча были абсолютными монархами, и назначение жрецов оставалось за ними. Преемственность вождей была матрилинейной, а вступление в должность сопровождалось многочисленными церемониями. Большая пропасть разделяла знатных и простолюдинов; рабство существовало как институт, но к рабам относились хорошо. Полигиния была разрешена, но родственники в определенных степенях не могли вступать в брак^[920]. Эта слабо организованная политическая система распалась на куски при первом же ударе извне, и народ настолько разочаровался в своих полутеократических правителях, что едва ли поднял руку в защиту правительства, которое в его сознании ассоциировалось только с тиранией и угнетением. Завоеванию в любом случае способствовала гражданская война, бушевавшая в то время между северным и южным царствами, которые вместе с несколькими другими полунезависимыми государствами составляли империю муисков. Эта империя практически граничила на юге с империей инков. По крайней мере, многочисленные термины, встречающиеся в диалектах паэс, коконуко и других южноколумбийских племен, показывают, что перуанское влияние распространилось за политические границы далеко на север, не достигнув, однако, пределов владений муисков.

Империя инков.

Раса и речь кичуанов.

Но за несколько столетий до открытия Перу власть перуанских инков была установлена почти на всей территории Анд, и территория, непосредственно управляемая ими, простиралась от района Кито около экватора примерно на 2500 миль на юг до Рио-Мауле в Чили, а средняя ширина между Тихим океаном и восточными склонами Кордильер составляла 400 миль. Таким образом, их владения включали значительную часть нынешних республик Эквадор, Перу, Боливия, Чили и Аргентина, площадь которых, по приблизительным подсчетам, составляет 1 000 000 квадратных миль, а население - более 10 000 000 человек. Здесь правящей расой были кичуа, чья речь, называемая ими самими *румасими*, "язык людей", до сих пор сохранилась в нескольких хорошо заметных диалектах во всех провинциях старой империи. В Лиме и всех морских портах и внутренних городах преобладает испанский язык, но в сельских районах кичуань остается родным языком для более чем 2 000 000 местных жителей и даже стал *лингва франка* западных регионов, так же как тупи-гуарани является *lingua geral*, "общим языком", восточной части Южной Америки. Попытки найти родство с арийскими языками (особенно с санскритом) и другими языковыми семьями восточного полушария потерпели крах перед применением здравых

филологических принципов в этих исследованиях, и теперь кичуань признается как обычный американский язык, не связанный ни с каким другим, кроме языка боливийских аймаров. Даже эта связь рассматривается некоторыми студентами как вербальная, а не структурная, обмен значительным количеством терминов легко объясняется тесным контактом, в котором долгое время жили два народа.

Происхождение и история инков.

Что касается происхождения инков, мы не можем сделать ничего лучше, чем следовать взглядам сэра Клементса Маркхэма, который тщательно изучил различные ранние источники. Его рассказ (*The Incas of Peru*, 1910) в значительной степени основан на работах испанских военных писателей, таких как Сьесо де Леон и Педро Писарро (двоюродный брат завоевателя), священников, таких как Молина, Монтесинос и полукровка Блас Валера, а также на работах инки Гарсилассо де ла Вега, сына испанского рыцаря и принцессы инков. Мегалитические руины Тиауанако, расположенные в южной части озера Титикака, представляют собой самый ранний из известных культурных центров на юге Перу. Они расположены на возвышенном плато, на высоте более 13 000 футов над уровнем моря, и представляют собой остатки большого города, построенного высококвалифицированными каменщиками, использовавшими огромные камни. Размещение таких монолитов, не имеющих себе равных разве что в Древнем Египте, свидетельствует о плотном и хорошо организованном населении. Знаменитый монолитный дверной проем искусно высечен, центральная фигура, очевидно, представляет божество, а по обеим сторонам расположены фигуры, человеческие или птичьи головы, преклоняющие колени в знак поклонения (*op. cit.*, pls. at pp. 26, 28). Теперь кажется вероятным, что строители этого мегалитического города были предками инков, если предположить, что в основе мифа о Паккари-тампу лежит некий субстрат правды.

Считается, что конец ранней цивилизации был вызван великим нашествием с юга, когда король был убит в битве в Коллао, к северу от озера Титикака. Наступило состояние варварства. Остатки королевского дома укрылись в районе под названием Тампу-Токко ("Оконная таверна")^[921] и там сохранили остатки своих древних традиций и цивилизации. В других местах религия деградировала до поклонения природе, здесь же короли объявили себя детьми солнца. Список царей Монтесиноса дает 27 имен для этого периода Тампу-Токко, который может охватывать 650 лет.

Миф, который "несомненно, является результатом реальной традиции, ... сказочной версией далекого исторического события", рассказывает, как Манко Какапак и три других Айара, его братья, дети солнца, вышли со своими женами из центрального отверстия или окна в холме Тампу-Токко. Они медленно продвигались во главе нескольких *аилов* (шеренг). Во главе шел Айар Манко, с ним была соколоподобная птица, почитаемая священной, и золотой посох, который он пускал в ход; когда он достигал почвы, столь плодородной, что погружался в нее на всю длину, там следовало сделать последний привал. Это произошло в плодородной долине Куско. Эти события произошли примерно за четыре века до испанского завоевания.

По мнению Уле, цивилизации инков предшествовала очень древняя цивилизация Ики и Наски, где жили люди, которые делали керамику, но не умели ткать. Тот же авторитет обнаружил в окрестностях Лимы останки высокого народа, который изготавливал грубую керамику, сети и предметы из кости.^[922]

Аймара.

Манко утвердился в долине Куско, а его третий преемник окончательно подчинил себе тамошние племена. Раннее положение инков, закрепленное разумными браками, похоже, было одним из приоритетных в очень свободной конфедерации. Возвышение инков было обусловлено амбициями владычицы Сиуяку, чей сын, Инка Рокка, по-видимому, стал пионером империи; при нем началось материальное процветание, были построены школы и начаты ирригационные работы. Затем с полосы земли длиной 250 миль между ущельем Апуримак и широкой плодородной долиной Вилькамайу империя была расширена и образовала Ттауа-нтин-суйу, "четыре провинции", из которых северная, Чинчай-суйу, доходила до Кито, а южная, Колья-суйу, до Чили. Это расширение на юг произошло благодаря усилиям Пачакути, которому после упорных боев удалось присоединить регион вокруг озера Титикака, и новая территория была названа в честь Коллас, самого многочисленного и могущественного племени в этих местах. Для постоянного умиротворения региона большое количество кольяс было отправлено в качестве *митимаэ*, или колонистов, вплоть до границ Кито, а их места были заполнены лояльными колонистами из районов инков. Среди них было несколько аймара из района Кичуань на реке Пачачака, левом притоке Апуримака, которые были поселены среди оставшихся лупака на западном берегу озера Титикака в Хули. В 1572 году туда прибыли отцы-иезуиты и изучили язык лупака у этих колонистов-аймара, которые прожили там три поколения; название "аймара" священники дали не только языку лупака, но и языку колас и других титикаканских племен. Таким образом, название "аймара" теперь обычно, но совершенно ошибочно применяется к языку и народу этого региона; впервые оно было использовано в 1575 году. Однако следует отметить, что другие авторитеты рассматривают аймара и кичуа как совершенно разные народы. А. Червин^[923] подробно рассматривает физические различия и приходит к выводу, что это два отдельных брахицефальных народа.

Перуанцы были в первую очередь земледельцами, основными культурами которых были кукуруза и картофель на больших высотах. Их акведуки и ирригационные системы вызывали восхищение у первых летописцев, так же как и их дороги и подвесные мосты^[924]. Верховным божеством и творцом был Уйра-коча, которому поклонялись более интеллектуальные люди и который имел храм в Куско. Народной религией было поклонение основателю каждого *айлью*, или клана, и все объединялись в поклонении солнцу как предку суверенных инков. Поклонение солнцу сопровождалось пышным ритуалом, верховным жрецом был чиновник высшего ранга, часто брат государя, а с культом в Куско было связано более 3000 Дев Солнца (*аклья*). Крестьяне доверяли *конопам*, или домашним богам, которые управляли их урожаем и ламами. Календарь был рассчитан с большой изобретательностью, а определенные праздники проходили ежегодно и обычно сопровождались обильным питьем чичи. Примечательно, что столь развитый народ вел все свои сложные записи с помощью *килу* (цветных ниток с узелками).

Чиму.

Здесь не место вдаваться в подробности удивительных архитектурных, инженерных и художественных памятников, которые часто приписывают инкам, чья империя поглотила на севере старую цивилизацию *чиму*, , возможно, *атакаменьо* и другие культурные народы, названия которых исчезли. Юнга (мочика или чиму), завоеванные инкой Тупаком Юпанки, имели язык, радикально отличающийся от чичуанского, но уже давно ассимилировались со своими завоевателями.

Руины Большого Чиму (современный Трухильо) занимают огромную территорию, почти 15 миль на 6, которая повсюду усеяна остатками дворцов, водохранилищ, акведуков, крепостных валов и особенно *хуаками*, то есть усеченными пирамидами, не похожими на мексиканские, откуда и появилась теория, что чиму, неизвестного происхождения, были "тольтеками" из Центральной Америки. Один из таких хуаков описывается Сквайером как 150 футов в высоту с основанием 580 футов в квадрате и площадью 8 акров, представляя издали вид огромного кратера[925]. Еще больше так называемый "Храм Солнца", 800 на 470 футов, 200 футов высотой и площадью 7 акров. В доинкские времена здесь проживало огромное население, исчислявшееся сотнями тысяч человек; но по некоторым приблизительным исследованиям, проведенным в 1897 году, можно сделать вывод, что большая часть территории, находящейся в границах этих территорий, представляет собой пустыри, которые никогда не застраивались, и можно предположить, что в то время число жителей не могло значительно превышать 50 000 человек.

Политическая система Перу.

Нам нет нужды останавливаться на описании своеобразных гражданских и социальных институтов перуанцев, которые общеизвестны. Достаточно сказать, что здесь все было спланировано в интересах теократических и всемогущих инков, которым более чем повиновались, почти почитали божественное поклонение их многократно преклоненные и оскотеленные жрецами подданные. "Деспотическая власть инков была основой правительства; эта власть основывалась на религиозном почтении, оказываемом потомку солнца, и поддерживалась искусно скомбинированной иерархией[926]." С далекой древности народы этой области были организованы в *айлью*, каждый из которых занимал часть долины или ограниченную территорию. Это была патриархальная система, земля принадлежала *айлью*, который представлял собой группу семей. Инки систематизировали этот институт: в *айлью* входило 100 семей под началом деревенского чиновника, который ежегодно выделял землю главам семей. Глава каждой семьи делил ее на 10 классов по возрасту. Десять *айлу* (теперь они называются *пачака*) образовывали *уаранку*. Долина с разным количеством *уаранка* называлась *хуну*; над четырьмя *хуну* стоял имперский офицер. "Это был настоящий социализм, - замечает Маркхэм, - существующий под властью неумолимого деспотизма" (с. 169).

Арауканы.

За Мауле, самым южным пределом всех этих увядших цивилизаций, человек вновь утвердился в "южноамериканских ирокезах", как называют чилийских аборигенов, которые называли себя *Molu-che*, "воины", но более известны под их кичуанским обозначением *Aucaes*, "мятежники", откуда и пошло испанское *Aucans* (*Araucan*, *Araucanian*). Эти "мятежники", которые до сих пор не были побеждены оружием какого-либо народа и чьи героические подвиги в долгих войнах, которые вели белые захватчики против их свободы, стали темой благородной испанской эпической поэмы[927], до сих пор сохраняют определенную национальную автономию, являясь друзьями и верными союзниками Чилийской республики. Свобода личности и равенство были ведущими чертами общественного строя, который в основном был патриархальным. Во главе арауканов стояли четыре независимых вождя, каждого из которых поддерживали пять *ульменов*, или окружных начальников, чьи должности передавались по наследству, но власть была не более чем номинальной. Только во время национальных войн племена объединялись под началом вождя[928]. Не только все племена абсолютно свободны, но и все кланы, септы и семейные группы. Нет необходимости говорить о том, что у них нет ни рабов, ни крепостных. "Закон возмездия был единственным понятным, хотя коммерческий дух араукано заставлял его

отказываться от личной мести ради ее наживы. Таким образом, каждая обида имела свою цену[929]."

В основе их веры лежит грубая форма поклонения природе, главные божества были злобными и требовали умиловивления. Главным богом был Пиллан, бог грома. Духи умерших уходят на запад через море в место изобилия, куда нет входа злым духам[930]. И эта простая вера - почти единственная замена наградам и наказаниям, которые служат мотивом для соблюдения искусственного этического кодекса во многих более развитых религиозных системах.

В звучном арауканском языке, на котором до сих пор говорят около 40 000 полнокровных туземцев, термин *che*, означающий "народ", встречается как постфикс нескольких этнических групп, которые, однако, являются не племенными, а чисто территориальными подразделениями. Так, если *Молу-че* - это собирательное название всего народа, то *Пикун-че*, *Хуилли-че* и *Пуэль-че* - это просто северные, южные и восточные люди соответственно. Центральное и самое многочисленное подразделение - *пуэн-че*, то есть жители соснового района, которые одновременно являются самыми типичными и самыми умными из всей арауканской семьи. Замечание Эренрайха о том, что многие американские аборигены похожи на европейцев не меньше, а то и больше, чем азиатские монголы, безусловно, подтверждается выражением лица этих пуэнче. Сходство распространяется даже на психические особенности, отраженные в их устной литературе. Среди образцов национального фольклора, сохранившихся на диалекте пуэнче и отредактированных с испанскими переводами Родольфо Ленцем[931], есть история об ушедшем любовнике, который возвращается с того света, чтобы потребовать свою суженую, и уносит ее в могилу. Хотя это может показаться адаптацией "Леноры" Бюргера, Ленц считает, что это подлинная арауканская легенда.

Индейцы Пампаса.

Из вышеупомянутых групп пуэльче в настоящее время политически включены в состав Аргентины. Их первоначальная родина, по-видимому, находилась к северу от Рио-Негро, но они совершали набеги на запад и некоторые из них перешли на арауканский язык[932], а также распространили на них чилийский аффикс *che*. Действительно, термин пуэльче, означающий просто "восточные", применяется не только к аргентинским молуче, чья территория простирается к востоку от Кордильер вплоть до Мендосы в Куйо, но и ко всем аборигенам, которых европейцы обычно называют *пампеанцами* (*индейцами Пампаса*), а патагонцы - *ленек*. Таким образом, под названием "пуэльче" подразумеваются ныне исчезнувшие *ранкуальче* (ранкелес), которые в прошлом совершали набеги до Буэнос-Айреса и других испанских поселений на реке Плате, *малоче* из Нижнего Саладо и вообще все кочевники к югу от Рио-Негро.

Гаучос.

В настоящее время эти аборигены лучше всего представлены *гаучо*, которые в основном испанцы по отцовской линии и индейцы по материнской, и отражают это двойное происхождение в своей полукочевой, полукцивилизованной жизни. Эти гаучо, которые сейчас также исчезают под натиском "грингос[933]", то есть белых иммигрантов почти из всех стран Европы, были окутаны незаслуженным ореолом романтики, в основном благодаря их бродячим привычкам, великолепному владению лошадью, любви к нарядам и гениальному нраву в сочетании с той врожденной грацией и вежливостью, которая присуща всем представителям испанской крови. Но те, кто знал их лучше всего, описывали их как людей с гнусной натурой, жестоких к своим женщинам, безрассудных азартных игроков и

распутников, безжалостных политических партизан, порой даже религиозных фанатиков без искры истинной религии, а в душе - не более чем кровожадных дикарей.

Патагонцы.

За Рио-Негро следуют гигантские патагонцы, то есть *теуэльче* или *чуэльче* арауканцев, у которых нет настоящего коллективного названия, разве что *тсонека*, слово неопределенного происхождения. Большинство племенных групп - *якана*, *пильма*, *чао* и другие - распались, и прежнее деление на северных теуэльче (теуэльхет), включающих *каллилехет* (серранос или горцев) Верхнего Чупата, с калиланом между Риос Чупат и Негро, и южных теуэльче (якана, сехуан и т.д.), к югу до Фуэгии, уже не работает, поскольку все эти колеблющиеся кочевые орды были перемещены. Ветвью техуэльче, несомненно, являются *оны* восточной части Фуэгии, истинными аборигенами которой являются *яхганы* центральной части и *алакалуфы* западных островов.

До сих пор на вопрос, откуда появились эти высокие патагонцы, нельзя было ответить ничего, кроме предположения, что они могли быть специализированы в своем нынешнем месте обитания, где, тем не менее, они кажутся явными нарушителями. Однако теперь, возможно, стоит поискать их первоначальный дом среди *бороро* из Матто-Гроссо, некогда могущественной расы, которая владела регионом между Риос-Куяба и Парагваем. Этих *бороро*, о которых слышал Мартиус, посетили Эренрайх[934] и Карл фон ден Штайнен[935], которые обнаружили, что это кочевой охотничий народ с замечательной социальной организацией, центром которой был мужской клуб (*baitó*). Их физические характеристики, описанные первым наблюдателем, близко соответствуют характеристикам патагонцев: "Исключительно высокая раса, соперничающая с островитянами Южного моря, патагонцами и краснокожими; безусловно, самые высокие индейцы, обнаруженные до сих пор в тропиках", их рост почти достигает 6 футов 4 дюймов, с очень большими и округлыми головами (мужчины 81,2; женщины 77,4). С этим следует сравнить очень большой круглый череп старого патагонца из Рио-Негро, измеренный Рудольфом Мартином[936]. Этот рассказ выглядит как описание некоего предтечи доисторического вторжения *бороро* в степные земли Патагонии.

Языковые связи.

Упомянутое выше использование термина "пуэльче", возможно, связано с разногласиями, которые до сих пор преобладают в отношении количества языков-носителей в этой южной части континента. Резкое заявление д'Орбины[937] о том, что пуэльче говорили на языке, в корне отличном как от арауканского, так и от патагонского, было поставлено под сомнение на основании некоторых слов пуэльче, которые были собраны Хейлом в Кармене на Рио-Негро и лишь незначительно отличаются от патагонских. Но Рио-Негро лежит на этническом разрыве между двумя расами, что в достаточной степени объясняет сходство, в то время как слов слишком мало, чтобы что-то доказать. Хейл называет их "южными пуэльче", но на самом деле они были теуэльче (патагонцами), настоящие пампейские пуэльче исчезли из этого региона еще до времени Хейла[938]. Теперь у меня есть неоспоримый авторитет Т. П. Шмида, который в течение многих лет был миссионером среди этих аборигенов, чтобы утверждать, что заявление д'Орбины абсолютно верно. Его пуэльче были пампейцами, потому что он помещает их в регионе между Риос Негро и Колорадо, то есть к северу от Патагонии и к востоку от Араукании, и Шмид уверяет меня, что все три языка - арауканский, пампейский и патагонский - несомненно, являются фондовыми языками, различными как по словарному запасу, так и по структуре, не имеющими ничего общего, кроме общей полисинтетической формы. В списке из 2000 патагонских и арауканских слов он нашел

только два одинаковых: *patac* = 100 и *huarunc* = 1000 - числительные, очевидно, заимствованные грубыми Tehuelche у более культурных Moluche. В Фуэгии есть по крайней мере один радикально отличный язык, яхганский, изученный Бриджесом. Здесь она, вероятно, является патагонским диалектом, а алакалуфский, возможно, имеет отдаленное родство с арауканским. Таким образом, во всем регионе к югу от реки Платэ количество языков не превышает четырех: Арауканский, Пампеанский (Пуэльче), Патагонский (Техуэльче) и Яхганский.

Яхганы.

Немногие аборигенные народы были предметом более вопиюще противоречивых заявлений, чем яхганы, которым за последние несколько десятилетий было посвящено несколько объемных монографий. Насколько противоречивы заявления умных и даже подготовленных наблюдателей, чья добросовестность не вызывает подозрений и которым не нужно служить ничему, кроме правды, лучше всего будет видно, если привести в сопоставление рассказы о семейных отношениях Г. Бове, известного итальянского наблюдателя, и П. Гиадеса из французской экспедиции на мыс Горн, кратко изложенные на сайте[939] :-.

Бове.

К женщинам относятся как к рабыням. Чем больше жен или рабынь у мужчины, тем легче ему жить; поэтому полигамия глубоко укоренилась, а четыре жены - обычное явление. Из-за сурового климата и плохого обращения смертность детей до 10 лет чрезмерна; материнская любовь длится до отлучения ребенка от груди, после чего она быстро ослабевает и полностью исчезает, когда ребенок достигает возраста 7 или 8 лет. Единственная продолжительная любовь фуэгийца - это любовь к себе. Поскольку семейные узы отсутствуют, слово "авторитет" лишено всякого смысла.

Гиады.

Фуэгийцы способны на большую любовь, что объясняет ревность мужчин к своим женам и кокетство, которое иногда проявляют женщины и девушки.

Некоторые мужчины имеют двух или более жен, но моногамия является правилом.

Дети нежно заботятся о своих родителях, которые в свою очередь относятся к ним с нежностью и почтением.

Фуэгийцы отличаются щедрым нравом и любят делиться своими удовольствиями с другими. Мужья осуществляют должный контроль и сурово наказывают за неверность.

Эти кажущиеся противоречия можно отчасти объяснить общим улучшением нравов благодаря благотворной деятельности английских миссионеров в последние годы, и со времен рассказов Кинга, Фиц-Роя и Дарвина здесь, несомненно, достигнут большой прогресс .[940]

Кашибо.

Но даже в более благоприятных регионах бассейнов Параны и Амазонки встречаются племена, которые мало чем уступают фуэгийцам ранних писателей, если вообще уступают им в дикости и разврате. Так, *кашибо* или *карапаче* из Укаяли, которых описывают как "белых, как немцы, с длинными бородами"[941], "можно сказать, что они едва ли не лучше, чем любая другая человеческая группа, отвечают старой поговорке, *homo homini lupus*. Они

бродят по лесам, как дикие звери, почти полностью питаюсь дичью, в число которой входит и сам человек. "Когда один из них преследует в лесу и слышит, как другой охотник подражает крику животного, он немедленно издает такой же крик, чтобы подманить его ближе, и, если тот принадлежит к другому племени, он убивает его, если может, и (как утверждается) съедает его". Поэтому они, естественно, "находятся в состоянии вражды со всеми своими соседями[942]."

Семья Пано.

Эти касибо, *то есть* "летучие мыши", являются членами широко распространенной языковой семьи, которая в этнологических трудах носит название *пано*, от пано рек Уальяга и Мараньон, которые в настоящее время распались или сильно сократились, но язык которых распространен среди касибо, конибо, карипуна, сетебо, сипивию (шипибо) и других в верховьях Амазонки в Перу, Боливии и Бразилии, вплоть до Мадейры. Среди них, как и среди моксо и многих других речных племен Амазонии, происходит медленная трансформация. Некоторые из них приняли крещение, и, хотя они по-прежнему занимают свои старые места обитания и сохраняют племенную организацию, их побуждают отказаться от дикарского образа жизни и перейти к мирным занятиям. Они начинают носить одежду, обычно хлопчатобумажные халаты ярких цветов, обрабатывать землю, служить у белых торговцев или даже торговать на своих каноэ вверх и вниз по притокам Амазонки. Однако за пределами Каучукового пояса многие племена совершенно не подвержены внешнему влиянию. Каннибалы Боро и Витото, живущие между Иссой и Джапурой, не знают никаких способов добывания огня, а их женщины ходят полностью обнаженными, хотя некоторые из их искусств и ремесел демонстрируют значительное мастерство, в частности, плетение косичек и духовые трубки Боро. [943]

Этнические отношения в Амазонии.

В этом безбрежном амазонском регионе влажных бессолнечных лесов, окаймленных с севера и востока хребтами атлантического побережья, разнообразных открытых венесуэльских льяносов и сливающихся югом в обширные аллювиальные равнины бассейна Параны и Парагвая, много света на неясные этнические отношения пролили недавние исследования, особенно Пауля Эренрайха и Карла фон ден Штайнена в районе рек Сингу, Пурус, Мадейра и других южных притоков великой артерии[944]. Эти наблюдатели объединяют бесчисленных бразильских аборигенов в четыре основные языковые группы, которые в соответствии с терминологией Пауэлла можно назвать карибанской, араваканской, гезанской и тупи-гуаранской семьями. Остаются, однако, многочисленные группы, которые нельзя так классифицировать, например, бороро и карайя из Матто-Гроссо, а в относительно небольшой области между Джапурой и Ваупе Кох-Грюнберг обнаружил еще две языковые группы, бетойя и маку, в дополнение к карибам и аравакам. [945]

Карибы.

До сих пор считалось, что карибы изначально жили далеко на севере, возможно, на возвышенностях Аллегани или во Флориде, где их с сомнением отождествляли с вымершими тимуканцами, откуда они распространились через Антильские острова на юг в Венесуэлу, Гвианы и северо-восточную Бразилию, за пределами которых, как известно, они не распространялись нигде к югу от Амазонки. Но теперь эта точка зрения оказалась несостоятельной, и несколько племен карибов, таких как бакаири и наукуа[946] в верховьях Сингу, говорящих на архаичных формах языка карибов, были встречены немецкими исследователями в самом сердце Бразилии; Отсюда следует вывод, что колыбель этой расы следует искать скорее в центре Южной Америки, возможно, на столовых землях Гойас и

Матто Гроссо, откуда они двинулись на север, если не во Флориду, то, по крайней мере, в Карибское море, названное в их честь[947]. О широком распространении этой группы свидетельствует существование в бассейне Рио-Магдалены за Андами племени карибов.[948]

На севере главными группами являются макирифаре из Венесуэлы и макуси, калина и галиби из Британской, Голландской и Французской Гвианы[949] соответственно. В целом все карибы обладают одинаковыми физическими данными, хотя южане довольно высокие (5 футов 4 дюйма) с менее круглой головой (индекс 79,6), чем гвианские карибы (5 футов 2 дюйма и 81,3).

Семейство араваков.

Возможно, немецкие исследователи еще больше расширили род араваков, который, как и род карибов, до сих пор считался в основном ограниченным регионом к северу от Амазонки, но теперь известно, что он простирается на юг до Верхнего Парагвая, около 20° южной широты (*Лаяна*, *Квана* и т. д.), на восток до устья Амазонки (*Аруан*) и на северо-запад до полуострова Гоахира. К этой большой семье, которую фон ден Штайнен предлагает называть *Ну-Аруак* от прономинальной приставки *ну* = я, общей для большинства племен, принадлежат также *Майпурес* на Ориноко; *Атараи* и *Ваписиана* в Британской Гвиане; *Манао* на Рио-Негро; *Юмана*; *Паумари* и *Ипурина* в бассейне Ипури; *Моксо* в Верхнем Маморе, а также *Механаку* и *Кустенау* в Верхнем Сингу.

Физически араваки отличаются от карибов едва ли, если вообще отличаются, больше, чем их амазонская и гвианская части друг от друга. На самом деле, если бы не их радикально отличающаяся речь, было бы невозможно выделить эти два этнических подразделения, которые, по общему признанию, основаны на лингвистических основаниях. Но если карибы зародились в Центральной Бразилии и мигрировали на север, то араваки, по-видимому, зародились в восточной Боливии, а затем распространились на восток, северо-восток и юго-восток вдоль Амазонки и Ориноко и в бассейн Парагвая.[950]

Семейство гезанов.

Наша третья большая бразильская группа, семья Гесан, получила свое название от слога гес, который, как и арауканский че, является конечным элементом нескольких племенных названий в Восточной Бразилии. Наиболее характерными из них являются *айморы* из прибрежной полосы Серра-дус-Айморес, более известные как ботокудо, и именно к родственным племенам провинции Гойас Мартиус впервые применил произвольное собирательное название "гес". Возможно, более подходящим общим названием было бы "*тапуйя*", "чужаки", "враги" - термин, которым народ тупи называл всех других уроженцев этого региона, не принадлежащих к их расе или речи, или, скорее, не являющихся "тупи", то есть "союзниками" или "соратниками". Тапуйя в этом смысле было принято ранними португальскими писателями, которые, однако, применяли его довольно вольно не только к айморам, но и к большому числу родственных и других племен вплоть до устья Амазонки.

К этой же связи относятся несколько групп в Гоязе, уже описанных Миллиетом и Мартиусом, а также недавно посещенных Эренрайхом, фон ден Штейном и Краузе. Это каяпо или суйя, большой народ с несколькими подразделениями между реками Арагуайя и Сингу; и акуа, более известные как чентес, в верхнем течении реки Токантинс. Отдельные племена тапуянов, такие как каме или кайнганги, ошибочно называемые "короадос", и чоленг из Санта-Катарины и Рио-Гранд-ду-Сул, рассеяны по южным провинциям Бразилии.

Таким образом, тапуйя, по-видимому, ранее занимали всю Восточную Бразилию от Амазонок до реки Плате и на неизвестное расстояние вглубь страны. Здесь они должны рассматриваться как истинные аборигены, на которых в отдаленные времена уже посягали и разбивали на изолированные фрагменты племена тупи-гуарани, распространявшиеся из внутренних районов страны по морю .[951]

Ботокудо.

Но по своим физическим характеристикам и крайне низкому культурному уровню, а точнее, почти полному отсутствию чего-либо, что можно назвать "культурой", тапуйя являются ближайшими представителями и, вероятно, прямыми потомками первобытной расы, чьи костные останки были найдены в пещерах Лагоа-Санта и раковинных курганах (*самбаки*) Санта-Катарины. По анатомическим признакам ботокудо сходны как с ископаемым человеком из Лагоа-Санта, так и с расой *самбаки* по мнению J. R. Пейшото, который описывает череп, характеризующийся выдающейся глабеллой и надглазничными дугами, килевидным или крышеобразным сводом, вертикальными боковыми стенками, простыми швами, покатыми бровями, глубоко вдавленным корнем носа, высоким прогнатизмом, массивной нижней челюстью и длинной головой (индекс 73,30) с объемом черепа 1480 куб. см для мужчин и 1212 для женщин[952]. Примечательно также, что некоторые из ботокудо[953] называют себя *Nacnapuk*, *Nac-poruc*, "Сыны почвы", и у них нет никаких традиций о том, что они когда-либо мигрировали с какой-либо другой земли. Все их орудия труда - копья, лук и стрелы, ступки, сосуды для воды, сумки - сделаны из дерева или растительных волокон, так что можно сказать, что они еще не достигли даже каменного века. Однако они не находятся в распутном состоянии, как утверждает, поскольку союзы, хотя и временные, ревностно охраняются, пока они длятся, и, как и у фуэгийцев, на которых они похожи во многих отношениях, женщины постоянно подвергаются самому варварскому обращению, их бьют дубинками или рубят бамбуковыми ножами. У одной из участниц группы Рибейро, посетившей Лондон в 1883 году, руки, ноги и все тело были покрыты шрамами и порезами, нанесенными во время минутных приступов жестокой ярости ее эфемерным партнером. Их жилища - это просто воткнутые в землю ветки, скрепленные между собой лыком, и, хотя они редко превышают 4 фута в высоту, вмещают две или более семей. Ботокудо - чистые кочевники, они бродят голыми по лесам в поисках корней, ягод, меда, лягушек, змей, личинок, людей и другой крупной дичи, которые составляют их рацион, и едят их сырыми или готовят в огромных бамбуковых тростях. Раньше у них не было гамаков, и они спали без всякого укрытия либо на земле, усыпанной лыком, либо в пепле костра, разожженного для вечерней трапезы. Что касается их каннибализма, в котором сомневались, то здесь нет никаких сомнений. Они носили зубы съеденных ими людей, нанизанные на ожерелья, и ели не только врагов, убитых в бою, но и членов родственных племен, причем все, кроме голов, которые в качестве трофеев насаживали на колья и использовали в качестве прикладов для стрельбы из лука.

На могилах умерших некоторое время поддерживают костры, чтобы отпугнуть злых духов, и на основании этого обычая ботокудо можно приписать некоторые представления о сверхъестественном. Все хорошие влияния они приписывают "дневному огню" (солнцу), все плохие - "ночному огню" (луне), который вызывает грозу и, как предполагается, сам временами падает на землю, сокрушая вершины холмов, затопляя равнины и уничтожая множество людей. Во время бурь и затмений пускают стрелы, чтобы отпугнуть демонов или пожирающих драконов, как у многих индокитайских народов. Но помимо этого нет никакого представления о высшем существе или творческой силе, термины *yanhong*, *tapan*, которые,

как говорят, означают "Бог", означают лишь дух, демона, гром или, в крайнем случае, бога грома.

Тупи-гуаранская семья.

Из-за того, что миссионеры выбрали язык тупи в качестве *лингва гераль*, или общего языка для общения между многочисленным населением Бразилии и Парагвая, сложилось несколько преувеличенное представление об ареале распространения семьи тупи-гуарани. Многие племена на станциях, после того как падре побудили их выучить этот удобный *лингва франка*, со временем забыли свой родной язык и, таким образом, стали считаться членами этой семьи. Но если допустить такой источник ошибки, то не может быть никаких сомнений в том, что на момент открытия тупи, или восточная, и гуарани, или западная, секция совместно занимали огромную территорию, которую можно оценить примерно в одну четвертую часть южного континента. Племена тупи встречались вплоть до запада Перу, где они были представлены омагуа ("Плоскоголовые"[\[954\]](#)), во Французской Гвиане к ним принадлежат эмерильоны и оямпи, а также камаюра и ауэто на верхнем Сингу и мундуруку в среднем Тапахосе.

Некоторое внимание было уделено речи тикуну из Мараньона, которая, по-видимому, представляет собой фондовый язык с сильным сходством с пана и слабым с аймара[\[955\]](#). Хотя его система числительных останавливается на 2, он все еще опережает соседний язык *чикито*, который, как говорят, вообще не имеет числительных, *etama*, предположительно 1, на самом деле означает "один".

Чикито.

Однако было бы ошибкой полагать, что эти боливийские чикито, занимающие самые южные верховья Мадейры, - особенно глупый народ. Напротив, накиньюсцы, "люди", как они себя называют, в некоторых отношениях удивительно умны, и, как ни странно, в их богатом и гармоничном языке (предположительно имеется в виду доминирующий диалект *Монкока*) есть термины для выражения таких различных различий, как высота дерева, дома, башни, и других тонких оттенков различий, игнорируемых в более культурных языках[\[956\]](#). Но следует учесть, что, по словам Макса Мюллера, диапазон мышления и речи не одинаков, и у всех народов, несомненно, есть множество понятий, для которых они не имеют эквивалентов в своих неизбежно несовершенных языках. Чикито, то есть "маленькие люди", были названы так потому, что "когда страна была впервые захвачена, индейцы бежали в леса; а испанцы приходили в их брошенные хижины, где дверные проемы были настолько низкими, что бежавших индейцев принимали за карликов"[\[957\]](#). "Это мирный трудолюбивый народ, занимающийся несколькими ремеслами, производящий собственные медные котлы для изготовления сахара, плетущий пончо и соломенные шляпы, а когда им нужны синие брюки, они сажают ряды индиго и ряды белого и желтого хлопка, когда в моде полосатые брюки. Отсюда возникает вопрос, не могли ли эти умные маленькие люди изначально обладать какой-то несовершенной системой счисления, которая была просто заменена испанскими цифрами.

Матако и Тоба.

Гран-Чако - еще одна область, подвергшаяся значительным изменениям под европейским влиянием, и здесь остались только гибридизированные потомки многих древних народов, например, абипоне из рода гуайкуру. Чистые представители этой семьи - матако и тоба с рек Вермехо и Пилкомайо. Эти два племени посетил Эренрайх, который обратил внимание на их непропорционально короткие руки и ноги и чрезмерное развитие грудной клетки[\[958\]](#).

Повседневная жизнь, обычаи и верования этих и других индейцев Чако были прекрасно описаны и проиллюстрированы Эрландом Норденшельдом^[959], который жил и путешествовал среди них. Тоба и Матако часто ссорятся с соседними чороти и ашлуслай из Пилкомайо из-за прав на рыбную ловлю и т. д., но конфликты сводятся к засадам и предательству, а не к сражениям. Оружие состоит из лука, стрел и дубинок, а на лошадях используются копья. С врагов снимают скальпы, и эти трофеи очень ценятся, их вывешивают у хижины победителя, когда он в порядке, и играют роль на торжественных мероприятиях. При заключении мира обе стороны платят цену за кровь убитых ими овец, лошадей и т. д. В деревне Чороти или Ашлуслай все равны, и хотя имущество хранится индивидуально, удачливые всегда делятся с нуждающимися, так что воровство неизвестно. Убийство стариков или маленьких детей не считается преступлением.^[960]

ССЫЛКИ:

^[873] Некоторых нахуа, которых испанцы называли "мексиканцами" или "чичимеками", Васкес де Коронадо встречал даже южнее лагуны Чирики (Панама). Эти сегуа, как они себя называли, с тех пор исчезли, и теперь невозможно сказать, как они забрели так далеко от своих северных домов.

^[874] "Последние исследования майя", *Bur. Am. Eth. Bull.* 28, 1904, p. 555.

^[875] *Alterthümer aus Guatemala*, p. 24.

^[876] Анализ пиктографического текста, начертанного на двух табличках Паленке, Н. Йорк, 1896.

^[877] Однако Х. Бюшат считает, что "тольтекский вопрос остается неразрешимым"; хотя гипотеза о том, что тольтеки были частью движения с севера на юг, привлекательна, она еще не доказана, *Manuel d'Archéologie américaine*, Paris, 1912, pp. 258-61.

^[878] Кецалькоатль, "Яркокрылый змей", был одним из трех главных богов пантеона нахуанов. Он был богом ветра и изобретателем всех искусств, вокруг которого группируется большая часть мифологии, а также живописного и пластического искусства мексиканцев.

^[879] *Globus*, LXVI. pp. 95-6.

^[880] Герберт Дж. Спинден, "Исследование искусства майя", *Mem. Peabody Mus.* VI., Cambridge, Mass. 1913, p. 3 ff., и *Proc. Nineteenth Internat. Congress Americanists*, 1917, p. 165.

^[881] J. W. Powell, *16th Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1894, p. xcv.

^[882] Сильванус Грисуолд Морли ("Введение в изучение иероглифов майя", *Bur. Am. Eth. Bull.* 57, 1915), кратко резюмирует теории, выдвинутые для интерпретации письменности майя (стр. 26-30). "В настоящее время наиболее общепринятой является теория, согласно которой, хотя глифы в основном идеографические, они иногда являются фонетическими". Автор считает, "что по мере расшифровки письменности майя будет выявляться все больше и больше фонетических элементов, хотя идея, передаваемая глифом, всегда будет преобладать над его фонетическим значением" (с. 30).

^[883] "Дневные символы года майя", *16 Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1894, p. 205.

^[884] p. 32 ff.

^[885] *Manuel d'Archéologie américaine*, p. 506.

[886] 16 Ann. Rep. Bur. Am. Eth. 1894, p. xcvi. В работе "Год майя" (1894) Сайрус Томас показывает, что "год, записанный в Дрезденском кодексе, состоял из 18 месяцев по 20 дней в каждом, с 5 дополнительными днями, или из 365 дней" (ib.). С. Г. Морли указывает (*Bur. Am. Eth. Bull.* 57, pp. 44-5), что, хотя майя, несомненно, знали, что истинная продолжительность года превышает 365 дней на 6 часов, на самом деле интерполяция интеркалярных дней не производилась, так как это привело бы к путанице во всем календаре. Жрецы, очевидно, исправляли календарь путем дополнительных расчетов, чтобы показать, насколько записанный год опережает истинный. Тем, кто упорно апеллирует к календарным системам майя-ацтеков как к убедительным доказательствам азиатского влияния на эволюцию американских культур, теперь придется показать, где это влияние проявилось. На самом деле эти системы принципиально различны, причем американская демонстрирует самые явные признаки местного развития, как видно из того факта, что дневные знаки кодексов майя были фонетическими, *то есть* в значительной степени ребусами, объяснимыми только на языке майя, который не имеет родственных связей за пределами Америки. Тщательное исследование календарной системы майя на основе кодексов и надписей было проведено К. П. Боудичем (C. P. Bowditch, *The Numeration, Calendar Systems and Astronomical Knowledge of the Mayas*, Cambridge, Mass. 1910. На то, что месяц ацтеков состоял из 20 дней, также ясно указывают 20 соответствующих знаков на большом Календарном камне, который сейчас закреплен в стене Кафедральной башни Мехико. Этот базальтовый камень весом 25 тонн и диаметром 11 футов кратко описан и изображен Т. А. Джойсом, *Mexican Archaeology*, 1914, pp. 73, 74; ср. Pl. VIII. fig. 1. См. также рассказ Альфредо Чаверо в *Anales del Museo Nacional de Mexico* и превосходную репродукцию Календарного камня в T. U. Brocklehurst's *Mexico To-day*, 1883, p. 186; также исследование Зеили Натталл "Мексиканская календарная система", *Tenth Internat. Конгресс американистов*, Стокгольм, 1894. "Регулярное чередование рыночных дней и день принудительного отдыха каждые 20 дней были выдающимися и постоянными чертами гражданского солнечного года" (ib.).

[887] *Spuren der Aztek. Spuren der Aztek. Sprache*, 1859, *passim*.

[888] Лингвистическое и мифологическое родство, по мнению Спенса, существует также между народом науан и группой цимшиан-ноотка в Колумбии. Ср. *Цивилизация древней Мексики*, 1912, с. 6.

[889] "В основном из расы науатль" (De Nadaillac, p. 279). Однако следует отметить, что это общее название чичимек (означающее не более чем "кочующие охотники") включало в себя большое количество варварских племен - памес, пинто и т. д., - которые описываются как странствующие.-которые описываются как бродящие нагишом или в шкурах зверей, живущие в пещерах или скалах, вооруженные луками, пращами и дубинами, постоянно воюющие между собой или с окружающими народами, питающиеся сырой плотью, пьющие кровь своих пленников или обращающиеся с ними с неслыханной жестокостью, в общем, вызывающие ужас и страх у всех более цивилизованных сообществ. Поэтому "Империю чичимеков" можно воспринимать лишь как эвфемистическое выражение для обозначения царства варварства, воздвигнутого на руинах ранней цивилизации тольтеков. Тем не менее, у нее были свои династии, даты и легендарная последовательность событий, согласно туземному историку Икстлильксочитлю, который сам происходил из королевского рода, и он утверждает, что у Ксолотля, основателя империи, было под началом 3 202 000 мужчин и женщин, что его решающая победа над тольтеками произошла в 1015 году, что он принял титул "Чичимекатль Текухти", Великий вождь чичимеков, и что после череды восстаний, войн, заговоров и революций Макстла, последний из династии, был свергнут в 1431 году ацтеками и их союзниками.

[890] Н. Beuchat, *Manuel d'Archéologie américaine*, pp. 262-6.

[891] Ацтеки были названы по тенистой стране Ацтлан на севере, где они долгое время жили в семи легендарных пещерах Чикомозтока, а затем в неизвестный период переместились в район озер, где основали Теночтитлан, резиденцию своей империи.

[892] "Боги майя, похоже, были менее кровожадными, чем боги науа. Для случая, который у науа праздновался бы гекатомбами жертв, им было достаточно сожжения собаки. Человеческие жертвоприношения все же имели место" (De Nadaillac, p. 266), хотя они были ничто по сравнению с бесчисленными жертвами, которых требовали боги ацтеков. "Посвящение Ахуицотлем великого храма Уицилопочтли в 1487 году, как утверждается, было отмечено резней 72 344 жертв", а "при Монтесуме II. 12 000 пленников, как говорят, погибли" по одному случаю (ib. p. 297); все это, несомненно, грубые преувеличения, но оставляющие большой запас для, возможно, самой ужасной главы ужасов в записях естественных религий. Ср. Т. А. Джойс, *Мексиканская археология*, стр. 261-2.

[893] Популярный и хорошо иллюстрированный рассказ об уичолях и тараско, а также о тарахумаре, живущих дальше на севере, приводится в книге Карла Лумхольца *"Неизвестная Мексика"*, 2 тома. New York, 1902.

[894] См. Ганс Гадоу, *"Через Южную Мексику"*, 1908 г., карта, стр. 296, также стр. 314.

[895] Цитируется по De Nadaillac, p. 365.

[896] p. 363.

[897] *17 Ann. Rep. Bur. Am. Eth.* 1895-6, Pt. 1 (1898), p. 11.

[898] *The Hill Caves of Yucatan*, New York, 1903.

[899] Н. Beuchat, *Manuel d'Archéologie américaine*, 1912, p. 407.

[900] "В городе Мехико все имеет испанский вид" (Brocklehurst, *Mexico To-day*, p. 15). Однако язык ацтеков все еще распространен в близлежащих районах и вообще в провинциях, входивших в состав бывшей империи ацтеков.

[901] К. Ламхольц, *Неизвестная Мексика*, II. с. 480; ср. с. 477-80.

[902] Сильванус Гриссуолд Морли, "Введение в изучение иероглифов майя", *Bur. Am. Eth. Bull.* 57, 1915, pp. 2-5.

[903] Э. Реклю, *Универсальная география*, XVII. с. 156.

[904] Т. А. Джойс, *Археология Центральной Америки и Вест-Индии*, 1916, с. 157, 256-7. В книге дается замечательный отчет о материальной культуре и образе жизни этих народов во время открытия.

[905] Быстрое исчезновение кубинских аборигенов стало предметом многочисленных комментариев. В период с 1512 по 32 год погибли все, кроме 4000 человек, хотя предполагается, что первоначально их насчитывалось около миллиона, распределенных по 30 племенным группам, названия и территории которых были тщательно сохранены. Но они практически не оказали сопротивления безжалостным конкистадорам, а один из кубинских вождей даже под пытками отказался креститься, заявив, что никогда не попадет в один рай с испанцем. Вспоминаются аналогичные случаи с норвежским ярлом Хаконом и саксонским

Витикиндо, которые отвергли христианство, предпочтя разделить участь своих языческих предков на том свете.

[906] Н. Beuchat, pp. 507-11, 526-8.

[907] Доклад, прочитанный в Национальной академии наук, Америка, 1890 г.

[908] Т. А. Джойс, стр. 2, который занимается археологией Никарагуа, Коста-Рики и Панамы, насколько она пока известна. См. особенно лингвистическую карту на с. 30 для распределения племен.

[909] Т. А. Джойс, *Археология Южной Америки*, 1912, с. 7.

[910] "Путешествия П. де Съеса де Леона" (Hakluyt Soc. 1864, p. 50 f.).

[911] Сэр К. Р. Маркхэм, "Список племен" и т. д., *Journ. Roy. Anth. Inst.* XI. 1910, p. 95. "Эта идея была широко распространена, и многие народы Амазонии заявляли, что предпочитают быть съеденными своими друзьями, чем червями".

[912] Цитируется по Steinmetz, *Endokannibalismus*, p. 19.

[913] Ч. Дарвин, *Журнал исследований*, 1889, с. 155. Благодаря частым контактам с европейцами после экспедиций Фицроя и Дарвина фуэгийцы отказались от этой практики, отсюда сомнения или отрицания Бриджеса, Хайада и других более поздних наблюдателей.

[914] V. Martius, *Zur Ethnographie Brasiliens*, 1867, p. 430.

[915] Герберт Спенсер, *Принципы этики*, 1892, I. p. 330.

[916] Национальное название - муйска, "люди", "человеческое тело" и число двадцать (в связи с десятью пальцами на руках и десятью на ногах, составляющими этот счет). Чибча - миметическое имя, содержащее аллюзию на звук *ch* (как в слове Charles), который часто встречается в языке муйска. С *map* = 20, ср. у беллакула (Британская Колумбия) 19 = 1 *map* - 1; 20 = 1 *map*, и т.д.; и это опять же с лат. *undeviginti*.

[917] W. Bollaert, *Antiquarian, Ethnological, and other Researches in New Granada*, etc. 1860, *passim*.

[918] Т. А. Joyce, *South American Archaeology*, 1912, p. 28.

[919] *Ibid.* p. 44.

[920] Т. А. Joyce, *loc. cit.* pp. 18-22.

[921] Маркхэм помещает его в провинции Паруро, департамент Куско; Хайрам Бингем, директор Перуанской экспедиции Национального геологоразведочного общества, считает, что он не может найти его в Перу. Geog. Soc. и Йельского университета, отождествляет его с Мачу-Пикчу (*Nat. Geog. Mag.*, Washington, D. C., Feb. 1915, p. 172).

[922] Н. Beuchat, pp. 573-5. О последовательностях культур в районе Анд см. Р. А. Means, *Proc. Nineteenth Internat. Congress of Americanists*, 1917, p. 236 ff., и *Man*, 1918, No. 91.

[923] *Anthropologie Bolivienne*, 3 vols. Paris, 1907-8.

[924] Восхитительный отчет о материальной культуре Перу дает Т. А. Джойс, *Археология Южной Америки*, 1912, сар. VI.

[925] *Peru*, p. 120.

[926] De Nadaillac, *Pre-Historic America*, 1885, p. 438.

[927] Араукана Алонзо де Эрсилья.

[928] T. A. Joyce, *South American Archaeology*, 1912, p. 243; R. E. Latham, "Ethnology of the Araucanos," *Journ. Roy. Anth. Inst.* XXXIX. 1909, p. 355.

[929] Latham, p. 356.

[930] *Ibid.* pp. 344-50.

[931] В "*Anales de la Universidad de Chile*" за 1897 год.

[932] T. A. Joyce, p. 240.

[933] Правильно *григос*, "греки", названные так потому, что должны были говорить на "греческом", то есть на любом другом языке, кроме испанского.

[934] *Urbewohner Brasiliens*, 1897, pp. 69, 110, 125.

[935] *Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens*, 1894, pp. 441-3, 468 ff.

[936] *Quarterly Journal of Swiss Naturalists*, Zurich, 1896, p. 496 ff.; ср. T. A. Joyce, *South American Archaeology*, 1912, pp. 241-2.

[937] *L'Homme Américain*, II. p. 70.

[938] Их частично заменили или поглотили патагонцы, но главным образом арауканы пуэльче, которые много лет назад мигрировали вниз по Рио-Негро до Эль-Кармен и даже до побережья в Баия-Бланка. Следовательно, пуэльче Хейла на самом деле были арауканами с патагонским оттенком.

[939] *Mission Scientifique de Cap Horn*, VII., par P. Hyades et J. Deniker, 1891, pp. 238, 243, 378.

[940] Последние сведения и полную библиографию см. в J. M. Cooper, *Bureau Am. Eth. Bull.* 63, 1917, и *Proc. Nineteenth Internat. Congress Americanists*, 1917, p. 445; также C. W. Furlong, *ibid.* pp. 420 и далее, 432 и далее.

[941] Маркхэм, "Список племен" и т. д., *Journ. Roy. Anth. Inst.* XI. 1910, pp. 89-90.

[942] Там же.

[943] T. Whiffen, *The North-West Amazons*, 1915, pp. 48, 78, 91 и т. д.

[944] О материальной культуре арагуайских племен см. Fritz Krause, *In den Wildnissen Brasiliens*, 1911.

[945] T. Koch-Grünberg, *Zwei Jahre unter den Indianern*, 2 vols. Berlin, 1910. См. т. II. Карта после с. 319.

[946] Ehrenreich, *loc. cit.* p. 45 и далее; von den Steinen, *loc. cit.* p. 153 и далее.

[947] Следует отметить, что к такому же выводу пришел Люсьен Адам на основании словарей, привезенных Крево из племен Верхней Джапуры - витото, корекайес, каригинас и других - все они говорили на карибском языке.

[948] A. C. Haddon, *The Wanderings of Peoples*, Cambridge, 1911, p. 109.

[949] Описаны Э. Ф. им Турном, *Среди индейцев Гвианы*, Лондон, 1883.

[950] A. C. Haddon, *The Wanderings of Peoples*, pp. 110-11.

[951] V. d. Steinen, *Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens*, p. 157. "D'après Gonçalves Dias les tribus brésiliennes descendraient de deux races absolument distinctes: la race conquérante des Tupi ... et la race vaincue, pourchassée, des Tapuya...."; V. de Saint-Martin, p. 517, *Nouveau Dictionnaire de Géographie Universelle*, 1879, A-C.

[952] *Novos Estudos Craniológicos sobre os Botocudos*, Rio Janeiro, 1882, *passim*.

[953] Возможно, так называется от португальского *botoque*, бочковая пробка, от деревянной пробки или диска, который раньше носили все племена как украшение для губ и ушей, расширяя мочки, как большие кожистые крылья летучей мыши, вплоть до плеч. Но у бразильцев это украшение называется *tembeitera*, а у ботокудо, возможно, связано с *betó-арос*, туземным названием затычки для ушей.

[954] Это *камбебы* тупи, термин, также означающий плоские головы, и называются они так потому, что "apertão aos recém-nascidos as cabeças entre duas taboas afim de achatá-las, costume que actualmente han perdido" (Milliet, II. p. 174).

[955] Такие "тождества", как тик. *drejà* = аим. *chacha* (человек); *etai* = *utax* (дом) и т.д., не являются убедительными, особенно в отсутствие какого-либо научного исследования законов *Lautverschiebung*, если таковые существуют между фонетическими системами аймара-тикуна. К тому же, прежде чем делать какие-либо безопасные выводы на основе предполагаемых сходств, необходимо решить вопрос о заимствованных словах. Этот вопрос важен в данной связи, поскольку современные заявления о предполагаемом сокращении числа родственных языков в Южной Америке в значительной степени основаны на ненаучном сравнении списков слов, которые могут не иметь ничего общего, кроме, возможно, одной-двух букв, как, например, *m* в Македонском и Монмутском. Два языка (например, турецкий и арабский) могут иметь сотни или тысячи общих слов и при этом принадлежать к принципиально разным языковым семьям.

[956] A. Balbi, *Atlas Ethnographique du Globe*, XXVII. В отношении числительных этот авторитет сообщает нам, что "il a emprunté à l'espagnol ses noms de nombres" (ib.).

[957] Markham, *List of the Tribes*, p. 92.

[958] *Urbewohner Brasiliens*, p. 101.

[959] "La vie des Indiens dans le Chaco," trans. by H. Beuchat, *Rev. de Géog. annuelle*, t. VI. Paris, 1912. См. также готовящуюся к изданию книгу Р. Карстена из Гельсингфорса, который недавно посетил некоторые из этих племен.

[960] Пока этот рассказ о Центральной и Южной Америке находился в печати, была опубликована ценная книга Кларка Висслера "Американские индейцы", Нью-Йорк, 1917. Он описывает (стр. 227-42) следующие области культуры:

X. Область науа (древние майя и поздние ацтеки).

XI. Область чибча (от чибчаязычных Таламанки и Чирики в Коста-Рике до Колумбии и западной Венесуэлы включительно).

XII. Область инков (Эквадор, Перу и север Чили).

XIII. Область гуанако (нижняя половина Чили, Аргентина, Патагония, Огненная Земля).

XIV. Область Амазонки (вся остальная Южная Америка).

XV. Антильские острова (Вест-Индия, соединяющаяся с Амазонией).

ГЛАВА XII

ПРЕДДРАВИДИЙЦЫ: ПЛЕМЕНА ДЖУНГЛЕЙ ДЕКАНА, ВЕДДЫ, САКАИ, АВСТРАЛИЙЦЫ

Преддравидийцы - кадир - паниян - ирула - курумба - ведда - сакаи - *тоала* - Австралия: Физические условия - Физический тип - Происхождение австралийцев - Доказательства языка и культуры - Четыре последовательные иммиграции - Ранние взгляды - Материальная культура - Социология - Церемонии посвящения - Тотемизм - Семья - Родство - Собственность и торговля - Магия и религия.

Конспект.

Распространение.

Современный ареал. *Племена джунглей, Декан; ведда, Цейлон; сакаи, Малайский полуостров и Восточная Суматра; австралийцы, незаселенные районы Австралии и резервации.*

Волосы волнистые или курчавые, длинные, обычно черные.

Физические особенности.

Окрас темно-коричневый. **Череп**, как правило, долихоцефалический. Череп ведда долихоцефальный (70,5) и очень маленький, сакаи мезатицефальный (78), тоала (смешанный) низкий брахицефальный (82). **Челюсти** ортогнатические. У австралийцев, как правило, прогнатные. **Нос**, как правило, пластинчатый. **Рост** низкий. Ведда - 1,53 м. (5 футов 0½ дюйма), австралийцы - 1,575 м. (5 футов 2 дюйма).

Психические особенности.

Речь джунглевых племен, обычно заимствованная у соседей. Австралийские языки агглютинативны, не едины на всем континенте и не связаны ни с какой другой группой.

Культура, низшая стадия охоты, простое сельское хозяйство было заимствовано несколькими племенами у своих соседей.

Дравидийцы.

Термин "преддравидийцы", первое употребление которого, по-видимому, принадлежит Лапику, теперь используется для обозначения некоторых племен джунглей Южной Индии, ведда на Цейлоне, сакаи на юге Малайского полуострова, базального элемента в некоторых

племенах Ост-Индского архипелага и основного элемента в австралийцах. Додравидийские признаки - это грубые волосы, более или менее волнистые или курчавые, узкая голова, очень широкий нос, темно-коричневая кожа и низкий рост.

Кадир.

В качестве примера дравидийских племен джунглей Южной Индии можно привести следующие[961]. *Кадир* с холмов Анаймалай и горных хребтов к югу от Траванкора - невысокого роста (1,577 м. 5 футов 2 дюйма), с темной кожей, долихоцефалические и платирриновые. Они скалывают резцы, как и *мала-ваданы*, и расширяют мочки ушей, но не делают татуировок. Они носят бамбуковые гребни, похожие на гребни сакаи. Они говорят на тамильском наречии. "Кадиры, - по словам Терстона, - представляют собой типичный пример счастья без культуры; они кочующие охотники и сборщики продуктов джунглей, почти не занимающиеся земледелием; они не имеют земли, но имеют право собирать всю мелкую лесную продукцию и продавать ее правительству. Больше всего они торгуют воском и медом. Они полигиничны. Их мертвых хоронят в джунглях, голову полностью покрывают листьями и кладут на восток; памятников нет. Их религия - грубый политеизм с неопределенным поклонением каменным изображениям или невидимым богам; это "экуляторная религия".

Панийцы.

Панийцы, живущие в Малабаре, Винаде и Нилгири, имеют толстые, иногда вывернутые губы, волосы - у одних масса коротких завитков, у других длинные волнистые локоны. Они темнокожие, долихоцефалические (индекс 74), платирриновые и невысокого роста (1,574 м. 5 футов 2 дюйма). Они иногда татуируются, а мочки ушей расширены. Огонь добывают методом пиления. Они занимаются сельским хозяйством и были практически крепостными; они смелы и безрассудны и раньше часто работали ворами. Говорят они на искаженном малаяламском наречии. Умерших хоронят; они практикуют моногамию и верят в различных духов.

Ирула.

Ирула - самое темное из племен Нилгири. Они долихоцефалы (индекс 75,8), платиррины и низкого роста (1,598 м, почти 5 футов 3 дюйма). Татуировки не зафиксированы, но они расширяют мочки ушей. Их язык - искаженная форма тамильского. Они занимаются сельским хозяйством и едят все виды мяса, кроме мяса буйволов и крупного рогатого скота. Как правило, они моногамны. Их покойников хоронят в сидячем положении, а могилу отмечают камнем. Они поклоняются Вишну.

Курумба.

Курумба из джунглей Нилгириса, по-видимому, являются остатками большого и широко распространенного народа, который возводил дольмены. У них немного шире голова (индекс 77), чем у других племен, но они похожи на них широким носом, темной кожей и низким ростом (1,575 м. 5 футов 2 дюйма). Они немного обрабатывают землю, но в основном являются лесорубами, охотниками и собирателями продуктов джунглей. Говорят, что у них нет брачного обряда, и несколько братьев делят одну жену. Некоторые хоронят своих мертвых. После смерти длинный обточенный камень обычно кладут в один из старых дольменов, разбросанных по плато Нилгири, но иногда в знак погребения ставят небольшой дольмен. Они пользуются большой репутацией благодаря магической силе. Одни поклоняются Сиве, другие - Курибаттрайе (Владыке многих овец) и жене Сивы. Они также

поклоняются грубому камню, устанавливая его в пещере или в круге из камней, которому совершают *пуджу* и предлагают вареный рис во время посева. Каду Курумба из Майсура хоронят детей, но кремируют взрослых; в каждой деревне есть отдельный дом для незамужних девушек и еще один в конце деревни для неженатых мужчин.

Ведда.

У *ведда* на Цейлоне длинные черные грубые волнистые или слегка вьющиеся волосы. Цефалический индекс составляет 70,5, нос вдавлен у корня, почти платирриновый; широкое лицо отличается необычайной ортогнатией, лоб слегка отступает назад с выдающимися надбровными дугами; губы тонкие, а кожа темно-коричневая. Рост крайне низкий, всего 1,533 м. (5 футов 0½ дюйма). Береговые и менее чистые ведды в среднем на 43 мм. (1¾ дюйма) выше и имеют более широкую голову. Истинные ведды - серьезный, но счастливый народ, спокойный, прямой, гостеприимный, с сильной любовью к свободе. Ложь и воровство им неизвестны. Они робки и очень боятся незнакомцев. Лук и стрелы - их единственное оружие, а стрела с железным наконечником, полученная от сингальцев, является универсальным инструментом. Они говорят на модифицированном сингальском языке, но используют только одну цифру и считают палочками. Они живут под скальными навесами или в простых хижинах из веток. Они строго моногамны и живут изолированными семьями без вождей и регулярных клановых собраний. В прежние времена у каждой группы ведда были свои охотничьи угодья, где они питались исключительно рыбой, дичью, медом и ямсом. Дикие ведды просто оставляют своих мертвецов в пещере, которая затем опустошается. Три вещи, которые занимают самое большое место в сознании туземцев, - это охота, мед и культ мертвых. Последний составляет почти всю религиозную жизнь и магические практики народа; он является *мотивом* почти каждого танца и, возможно, был источником всех. После смерти они исполняют определенные танцы и обряды через *шамана* в связи с недавно ушедшим призраком, *яка*. Они также умиляют могущественных *яку*, мужчин и женщин, жертвоприношениями и церемониальными танцами .[962]

Сакаи.

Сакаи или *сенои* - это жители джунглей, некоторые из которых смешались с семангами и другими народами. Кожа у них средне-коричневого цвета. Волосы длинные, в основном волнистые или слабо вьющиеся, черные с рыжеватым оттенком. Средний рост составляет от 1,5 до 1,55 м (59-61 дюйм), индекс головы колеблется от 77 до 81. Лицо довольно широкое, с выдающимися скулами и надбровными дугами; низкий широкий нос с расширяющимися алеями и коротким вогнутым гребнем; губы толстые, но не вывернутые. Они ведут преимущественно кочевой образ жизни, а их сельское хозяйство является самым примитивным, их обычным орудием является палка для копания. Их дома построены на земле и, как правило, имеют прямоугольную форму, хотя иногда и коническую, а иногда хижины строятся на деревьях как убежище от диких зверей. Раньше они носили скудную одежду из коры, и, как и семанги, делают бахрому из черного нитевидного гриба. Их отличительное оружие - духовая трубка, которую они довели до совершенства, а пища состоит из продуктов джунглей, включая множество ядовитых корней и клубней, которые они научились обрабатывать, чтобы сделать их безвредными. Они не делают каноэ и редко используют плоты. Во время брачной церемонии мужчина должен преследовать девушку вокруг земляного кургана и поймать ее до того, как она обойдет его в третий раз. Брачный союз строго соблюдается. В каждой деревне есть мелкий вождь, влияние которого сугубо личное. Индивидуальной собственности не существует, только семейная. Земледелие также общинное. Обитатели верхнего неба состоят из Тухана или Пэн, "бога" сакаев, и великанши по имени "Бабушка Длинногрудая", которая оmyвает в горячей воде оскверненные грехом

человеческие души; хорошие души в конце концов попадают в облачную страну. Здесь обитает множество демонов, и всякий раз, когда сакаи поступают неправильно, Тухан дает демонам разрешение напасть на них, и его указ невозможно оспорить. Ему не молятся, так как его воля непреложна .[963]

Тоала.

Тоала с юго-западного полуострова Целебес в основе своей, по мнению сарасинов[964] , являются додравидийским народом, хотя произошло некоторое смешение с другими расами. Волосы очень волнистые и даже курчавые, кожа темно-коричневая, голова низкая брахицефалическая (индекс 82), рост 1,575 м. (5 футов 2 дюйма). Лицо несколько короткое, с очень широким носом и толстыми губами. Возможно, *улу-айяр* с запада Борнео, родственные даякам суши, частично имеют пре-дравидийское происхождение, а другие следы этой расы, вероятно, будут найдены на Ост-Индском архипелаге .[965]

Австралия: Физические условия.

Австралия похожа на Южную Африку засушливыми условиями, характерными для внутренних районов, а восточная горная цепь препятствует теплым ветрам, несущим влагу с Тихого океана. В результате ограниченного количества осадков здесь нет речных систем, имеющих важное значение, за исключением реки Муррей и ее притока Дарлинг. На севере и северо-востоке, благодаря более обильным осадкам, имеется множество водотоков, но они не открывают внутренних районов страны. Отсутствие равномерного водоснабжения оказывает далеко идущее влияние на все живые существа. Засушливые условия, нерегулярность и кратковременность осадков вынуждают туземцев постоянно мигрировать, не позволяя этим необустроенным группам никогда не достигнуть какого-либо размера, а иногда они с трудом добывают достаточно пищи для поддержания жизни.

Можно предположить, что отсталость культуры австралийцев отчасти объясняется низким уровнем культуры их предков, когда они прибыли в страну, а отчасти - особенностями страны, а также ее флоры и фауны, поскольку в Австралии никогда не было диких животных, опасных для жизни человека, или каких-либо подходящих для одомашнивания.

Относительная изоляция от других народов оказала тормозящее влияние, и австралиец развивался в основном по своим собственным линиям, не имея стимула, который давала конкуренция с другими народами. Записи о простой миграции редки. Не было волн агрессии, а межплеменная вражда не является очень серьезным делом. Австралийцы никогда не оказывали влияния на другие народы и постепенно обречены на исчезновение.

Физический тип.

Болдуин Спенсер говорит: "В том, что касается внешности, хотя она в целом соответствует тому, что известно как австралийский тип, существует значительная вариативность. Рост мужчины варьируется примерно от максимальных 6 футов 3 дюймов до минимальных 5 футов 2 дюймов..... Как правило, мало кто из них выше 5 футов 8 дюймов. Рост женщин колеблется между 5 футами 9 дюймами и 4 футами 9 дюймами. Их средний рост не превышает 5 футов 2 дюймов. Надбровные дуги сильно выражены, особенно у мужчин, а лоб наклонен назад. Нос широкий, с глубоко посаженным корнем. Цвет кожи - темный шоколадно-коричневый, не черный. Волосы... могут быть почти прямыми, явно волнистыми - их обычная особенность - или почти, но никогда не пушистыми..... Борода также может быть хорошо развита или почти отсутствовать[966] ." Череп долихоцефалический со средним черепным индексом 72, прогнатический и платириновый.

Австралийское происхождение.

Существует много спекуляций относительно происхождения нынешней австралийской расы. По словам Болдуина Спенсера, "не может быть никаких сомнений в том, что в прошлые времена весь континент, включая Тасманию, был занят одной расой. Это первоначальное и, вероятно, негритто[967] население в ранний период было широко распространено по Малайзии и Австралии, включая Тасманию, которая в то время не была отгорожена Бассовым проливом. У тасманийцев не было лодок, способных пересечь последний, и [предполагается, что их предки] должны были перебраться по суше[968] ."

Впоследствии, когда суша затонула, остатки старого улотского населения "оказались на Тасмании, где *Homo tasmanianus* выживал до тех пор, пока не вступил в контакт с европейцами и не был уничтожен". У него были вьющиеся волосы. "Его оружие и орудия труда были самыми примитивными: длинные заостренные копья без колючек, ни копьеметалки, ни бумеранга, ни простой метательной палки и только самые грубые формы каменных топоров, ножей и скребков, которые никогда не были . К сожалению, о его организации, обычаях и верованиях мы знаем мало подробностей[969] ."

В настоящее время принято считать, что в более поздний период произошла иммиграция народа, находящегося на несколько более высокой стадии культуры; одни считают, что он принадлежит к дравидийской, а другие, и это более вероятно, к преддравидийской расе. Дж. Мэтью[970] предполагает, что "эти две расы представлены двумя первичными классами, или фратриями, австралийского общества, которые обычно обозначались названиями, указывающими на контраст цвета, такими как ястреб-орляк и ворон. Ворон, черный какаду и т.д. представляют тасманийский элемент; орлан, белый какаду и т.д. - так называемый дравидийский". Болдуин Спенсер не считает, что однокоренные названия оказывают серьезную поддержку теории смешения двух рас, различающихся по цвету. Далее он говорит: "Мистер Мэтью также предполагает сравнительно недавнее небольшое вливание малайской крови в северную половину Австралии. Однако практически никаких доказательств малайского вливания нет. Одна из самых ярких черт малайца - его длинные, вислокоченные волосы, и все же именно в этих северных районах встречаются самые пушистые волосы[971] ."

Доказательства на основе языка и культуры.

Что касается лингвистики, то С. Х. Рэй говорит: "Нет никаких доказательств африканской, андаманской, папуасской или малайской связи с австралийскими языками. Есть основания считать, что австралийские языки находятся на сходной морфологической стадии с дравидийскими, но генеалогическая связь не доказана[972] .". До сих пор не доказана связь австралийских языков с австронезийской или океанической ветвью австронезийской семьи языков, впервые систематически описанной В. Шмидтом[973] . Изучение австралийских языков представляет особую трудность из-за очень малого количества пригодных грамматик и словарей, а также большого количества очень неполных словарей, разбросанных в недоступных работах и журналах. Главный вывод, к которому пришел Шмидт[974] , заключается в том, что австралийские языки не являются, как предполагалось ранее, в основном однородной группой. Хотя на большей части Австралии языки обладают сильными общими элементами, в Северной Австралии есть языки, не имеющие сходства в лексике и очень мало в грамматике с этой большой группой или друг с другом. Область распространения североавстралийских языков охватывает линию от юга залива Роубак на западе до мыса Флэттери на востоке, с изгибом на юг до Арунты (Аранда), прерываемую ветвью южных языков, идущей на север по рекам Флиндерс и Лейчхардт[975] . В этом районе

существуют две или три языковые группы, которые лучше всего различаются по окончаниям, состоящим соответственно из гласных и согласных - самая древняя группа; только гласных - самая поздняя группа; и гласных и жидких, вероятно, представляющих собой переход между этими двумя группами.

В Южной Австралии, несмотря на различия, языки обладают общими чертами как в грамматике, так и в лексике, имеют схожие личные местоимения и некоторые общие слова для обозначения частей тела. Языковые различия связаны с различиями в социальной группировке: область чисто гласных окончаний совпадает с областью двухклассовой системы и матрилинейного происхождения, а область жидких окончаний частично совпадает с четырехклассовой системой и (часто) патрилинейным наследованием.

Четыре последовательные иммиграции.

Шмидт пытается проследить связь между распределением языков и типов социальных групп, в частности, в связи с культурными зонами, которые Грэбнер[976] проследил по всему Тихоокеанскому региону, представляя собой последовательные волны миграции. Первая иммиграция, соответствующая грэбнеровскому *Ur-периоду*, представлена языками с постпозитивным генитивом, причем самый ранний пласт чист только в Тасмании; остатки первого и второго пласта встречаются в Виктории, а остатки второго пласта - на севере и северо-востоке. По мнению Шмидта, этот культурный слой характеризуется отсутствием группового или брачного тотемизма и наличием половых покровителей ("секс-тотемизм"). Вторая иммиграция представлена языками с предлогом генитива, начальными *r* и *l*, гласными и взрывными окончаниями, и встречается в достаточно чистом виде только на крайнем северо-западе и севере, а также местами на северо-востоке. Большое количество языков, относящихся к этому пласту, можно объяснить преобладанием строго локального типа тотемных групп. Это языки "тотемной культуры" Грэбнера. Третья иммиграция представлена языками с препозицией генитива, отсутствием начальных *r* и *l* и чисто гласными окончаниями. Это языки южно-центральной группы племен с двухклассовой системой и матрилинейным происхождением. Эта единая группа занимает самую большую территорию и оказала влияние на всю массу австралийских языков, только Северная Австралия и Тасмания остались неприкосновенными. Их социологическая структура без локализации тотемов и классов способствовала их экспансии. Четвертая иммиграция представлена языками промежуточного типа, с гласными и жидкими окончаниями, но без начальных *r* и *l*. Это племена с 4- и 8-классовой системой, всеобщим правом отца (что доказывает сильное влияние более древних тотемических представлений), любопытными обрядами плодородия, представлениями о зачатии и миграционными мифами.

Более ранние взгляды.

Как видно, выводы Шмидта опровергают эволюционную теорию, разработанную Фрейзером, Хартлендом, Хоуиттом, Спенсером и Гилленом, Дюркгеймом и (частично) Эндрю Лангом, согласно которой Австралия была по сути однородной в фундаментальных идеях, которые развивались по-разному из-за географических и климатических вариаций. По мнению Шмидта, в Австралию последовательно входили несколько совершенно разных племен, так что различия, с которыми мы сейчас сталкиваемся, обусловлены радикальными различиями и многочисленными смешениями, возникающими в результате миграций и стратификации народов. Лингвистические данные не позволяют предположить, что в центре живут древнейшие племена с материнским правом, двухклассовой системой, следами группового брака и отсутствием моральных и религиозных идей, и что оттуда пошло продвижение к побережью, принесшее отцовское право, отказ от классовой системы и тотемизма,

индивидуальный брак, а также более высокие этические и религиозные идеи. Напротив, кажется, что центр континента - это великое русло, в котором все еще происходят движения; более старые народы вытесняются на окраины и там сохраняют старые социологические, этические и религиозные условия. На самом деле, чем старше люди, судя по их лингвистическому слою, тем меньше среди них тех, кого принято считать начальной стадией для Центральной Австралии[977]. Таковы взгляды Шмидта, и они подтверждают культурные результаты, установленные Грэбнером. Но поскольку вопрос о культурных слоях в Тихом океане все еще находится в стадии обсуждения, на данном этапе наших знаний не стоит делать каких-либо определенных заявлений. Стоит, однако, отметить, что[978] распространение простых захоронений мертвых совпадает в основном с южноавстралийской языковой областью Шмидта, а также с областью, приблизительно ограниченной с востока долготой 140° в.д. и с севера - долготой 140° в.д. 140° в.д. и на севере 20° ю.ш., по-видимому, образует технологическую провинцию, отличную от остальной Австралии.[979]

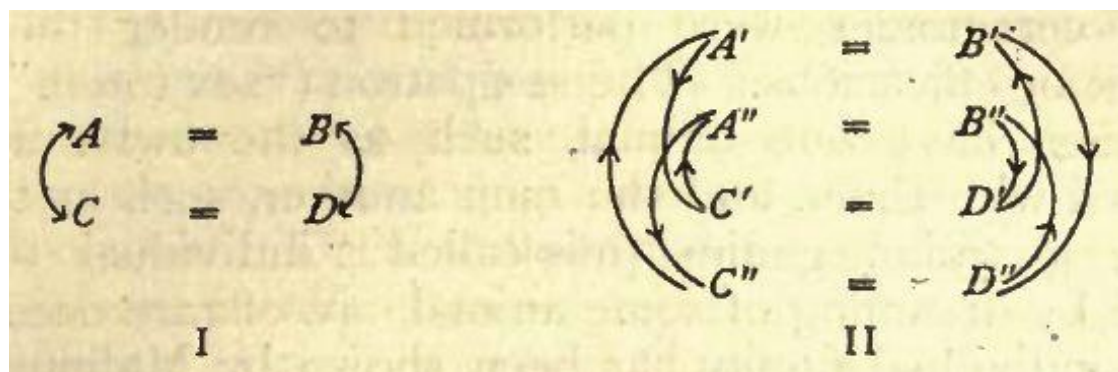
Материальная культура.

Австралиец редко может рассчитывать на регулярное снабжение пищей. Он питается плотью, рыбой, личинками и насекомыми, а также дикой растительной пищей; вероятно, в пищу употребляется все, что съедобно. Канныбализм широко распространен, но человеческая плоть нигде не является обычным продуктом питания. Одежду, кроме украшений, носят редко, но на юге довольно распространены кожаные плащи и меховые фартуки. Скарификация тела - частое и заметное явление. Мужчины обычно отращивают длинные волосы, а женщины - короткие. Жилища самые простые, обычно это просто ломы или небольшие хижины, но там, где есть большие запасы растительной пищи, хижины строят из сучьев, покрытых корой или травой, а иногда обмазывают глиной. Орудия труда изготавливаются из раковин, костей, дерева и камня. Болдуин Спенсер отмечает: "Не будет лишним сказать, что в настоящее время мы можем провести параллель между австралийскими каменными орудиями всех типов, известных в Европе под названиями хеллеанских, мустьерских, ауриньякских и др. Термины "эолит", "палеолит" и "неолит" не применимы в Австралии как обозначающие ни временные периоды, ни уровни культуры[980]. Копья и деревянные дубины универсальны, а использование копья-метателя распространено повсеместно. Бумеранг встречается почти по всей Австралии; разновидность, которая возвращается при броске, как правило, служит только для игр или для метания в птиц. В разных частях страны формы различных орудий различны, а в некоторых районах некоторые из них могут полностью отсутствовать. Например, бумеранг не встречается в северных районах полуострова Кейп-Йорк и на Северной территории, а копьёметатель отсутствует в юго-восточном Квинсленде. Луки и стрелы неизвестны, а гончарное дело не ведется. Плоты делаются из одного или нескольких бревен, а самой распространенной формой каноэ является каноэ, сделанное из одного листа коры. В нескольких местах встречаются выемки, а одинарные и двойные аутригеры встречаются только на побережье Квинсленда. Эти единичные случаи дают дополнительную поддержку современному мнению о том, что расовая и культурная история Австралии отнюдь не так проста, как считалось до недавнего времени.[981]

Социология.

Австралийские социологи были настолько впечатлены некоторыми выдающимися чертами социальной организации, что не уделяли достаточного внимания родству и семье; однако первое было недавно исследовано А. Р. Брауном[982], а информация о втором была тщательно просеяна Б. Малиновским[983]. Основными признаками социальных групп

являются племя, локальные группы, классы, тотемические кланы и семьи. Племя состоит из нескольких локальных групп, которые сохраняются в одних и тех же местах сыновьями, охотящимися на территории своих отцов; это и есть "локальная организация". Местная группа является единственной политической единицей, и *внутригрупповая* справедливость была распространена *на межгрупповую* справедливость, где единицы отсчета не основаны на родстве; это можно рассматривать как самую раннюю стадию того, что известно как международное право[984]. В так называемой "социальной организации" племя как сообщество делится на две части (мотивы или фратрию), которые совершенно отличны от локальных групп, хотя в редких случаях они могут совпадать. Каждая часть может подразделяться на две или четыре экзогамные секции, которые обычно называются "классами" и характерны для Австралии. Происхождение в классах, как правило, не прямое матрилинейное или не прямое патрилинейное, то есть, пока ребенок еще принадлежит к материнской или отцовской группе (в зависимости от ситуации), его относят к классу, к которому мать или отец не принадлежат; внуки же принадлежат к классу бабушки или дедушки. На диаграмме I (ниже) A и C - это классы одного общества, B и D - другого. Таким образом, когда мужчина A женится на женщине B, дети будут D. Мужчина B женится на женщине A, и дети будут C и так далее. Если в каждой моете четыре класса, то диаграмма выглядит следующим образом (II) :[985]

Очень важными в социальной жизни являются церемонии инициации, с помощью которых юноша обретает статус мужчины племени. Эти церемонии сильно различаются в разных племенах, но они сходятся в некоторых основополагающих моментах. "(1) Они начинаются в возрасте полового созревания. (2) Во время церемоний посвящения женщины играют важную роль. (3) По завершении первой части церемоний, таких как выбивание зубов или обрезание, разыгрывается определенное представление, символизирующее тот факт, что юноши вышли из-под контроля женщин. (4) Во время основных частей женщины, как правило, отсутствуют, а юношам демонстрируют точило, объясняют тайные верования и обучают моральным предписаниям и обычаям, включая ограничения в еде, которые они должны соблюдать впредь под угрозой сурового наказания. (5) Последний класс не проходит до тех пор, пока человек не достигнет зрелости[986]."

Тотемизм.

Практически повсеместно существует объединение людей под именами растений, животных или различных предметов; они называются тотемами, а человеческие группы - тотемными кланами. Члены тотемного клана обычно считают себя потомками или родственниками своего тотема, а все члены клана, к какому бы племени они ни принадлежали, считаются братьями, у которых есть общие обязанности, запреты и привилегии. Так, член тотемного клана должен помогать и никогда не причинять вреда своему собрату. "Говоря в целом, можно сказать, что каждая тотемическая группа имеет определенные церемонии, связанные

с ней, и что они относятся к старым тотемическим предкам. Во всех племенах они являются частью тайного ритуала, в котором могут принимать участие только посвященные. В большинстве племен определенное количество показывается юношам на ранних стадиях инициации, но в более поздний период он видит гораздо больше[987]."

В некоторых племенах, и, вероятно, это было очень распространено, проводились определенные магические церемонии, чтобы сделать тотем обильным или эффективным. Половой покровитель ("половой тотем"), когда у женщин с ними ассоциируется одно животное, например сова-ночница, а у мужчин - другое, например летучая мышь, и гений-хранитель (ошибочное название "индивидуальный тотем"), приобретаемый путем сновидения с каким-либо животным, встречаются редко.

Семья.

Индивидуальная семья, как показал Малиновский[988], является "ячейкой, играющей важную роль в социальной жизни туземцев и четко определенной рядом моральных, обычных и правовых норм; она также определяется половым разделением труда, образом жизни аборигенов и особенно интимными отношениями между родителями и детьми. Индивидуальные отношения между мужем и женой (браки) укоренены в единстве семьи... и в четко определенном, хотя и не всегда исключительном, сексуальном праве, которое муж приобретает над своей женой". Любая сексуальная свобода регулируется и подчиняется строгим правилам. Обычай *пиррауру*, согласно которому люди распределяются между супругами, "доказывает, что эти отношения не имеют характера брака. Ведь он полностью отличается от брака почти по всем существенным пунктам, по которым определяется брак в Австралии. И прежде всего отношения *пиррауру*, по-видимому, не связаны с фактами семейной жизни в ее истинном смысле" (с. 298).

Родство.

А. Р. Браун[989] утверждает, что, насколько нам известно, единственным методом регулирования брака является система родства. В каждом племени существует закон, согласно которому мужчина может жениться только на женщинах, которые находятся с ним в определенных отношениях, и нет никаких доказательств того, что существует какой-либо другой метод регулирования брака. Так называемое классовое правило, согласно которому мужчина из особого подразделения или группы обязан жениться на женщине из другого подразделения, - это всего лишь закон взаимоотношений, изложенный в менее точной форме. Именно тот факт, что мужчина может жениться только на родственнице определенного рода, обуславливает необходимость вступления в брак в рамках определенного разделения отношений. Правило тотемической экзогамии, по мнению А. Р. Брауна, также не может существовать отдельно от правила отношений. Если тотемическая группа представляет собой клан и состоит из родственников по одной линии происхождения, мужчине запрещено жениться на женщине из своей группы в соответствии с обычным правилом родства. С другой стороны, если тотемическая группа не является кланом, а представляет собой локальную группу (как у племени бурдуна) или культовое общество (как у племени арунта), то не существует правила, запрещающего мужчине жениться на женщине из той же тотемической группы, что и он сам. Так называемое правило локальной экзогамии в некоторых племенах (возможно, во всех) является лишь следствием того, что локальная группа является кланом, *то есть* группой лиц, связанных только по одной линии происхождения. Известно только два способа регулирования брака, существующих на большей части Австралии[990]: Тип I. Мужчина женится на дочери одного из мужчин, которых он обозначает тем же термином, что и брата своей матери. Тип II.

Мужчина женится на женщине, которая является дочерью какого-либо мужчины, которого он обозначает тем же термином, что и брата своей матери. В обоих случаях он не может жениться ни на каком другом родственнике. Наличие в племени двух фратрий или обществ или четырех названных подразделений ("классов") не дает никакой информации о брачных правилах племени. Термины "класс" и "подкласс", по мнению А. Р. Брауна, лучше отбросить, поскольку авторы используют их для обозначения нескольких совершенно разных видов делений.

Собственность и торговля.

Племя имеет право на сбор и охоту на территории с установленными границами, меньшие общины, вплоть до семейной ячейки, имеют аналогичные права в пределах племенных границ. В некоторых случаях племени, не имевшему в своих пределах камня, пригодного для изготовления каменных орудий, разрешалось посылать племенных гонцов в каменоломни, чтобы те без всяких притеснений добывали необходимое, хотя Хауитт говорит о семейной собственности на каменоломни[991]. Орудия труда являются личной собственностью. Существует обширная система межплеменного общения и обмена, осуществляемая, по-видимому, признанными посредниками, и племена встречаются в определенных случаях в установленных торговых центрах для регулируемого бартера.

Магия и религия.

Благотворная и злоторная магия практикуется повсеместно, а тотемизм имеет не только социальный, но и религиозный аспект. Между членами тотемного клана и их тотемами часто существует эмоциональная связь, и считается, что последние иногда предупреждают или защищают своих человеческих сородичей. Можно отметить, что широко распространенные и тщательно продуманные церемонии, направленные на то, чтобы сделать тотем плодовитым или обеспечить его изобилие, хотя и проводятся исключительно членами соответствующего тотемного клана, но не столько для их собственного блага, сколько для блага сообщества[992]. Возможно, из-за сложности разграничения чисто социальных и религиозных институтов примитивных народов даже среди лучших наблюдателей существует большое разнообразие мнений относительно религиозных взглядов австралийских аборигенов. Существование "племенного Всеотца", пожалуй, наиболее четко подчеркивает А. В. Хауитт[993], который находит эту веру широко распространенной во всей Виктории и Новом Южном Уэльсе, вплоть до восточных границ племен реки Дарлинг. Среди племен Нового Южного Уэльса - эуалайи, которых К. Ланглох Паркер описывает[994] как имеющих более развитую теологию и более развитое богослужение (включая молитвы, стр. 79-80), чем любое другое австралийское племя. Теперь они без оглядки едят свой наследственный тотем - верный признак того, что тотемическая система отмирает, хотя внешне она все еще в силе. Среди арунта, кайтиш и других центральных и северных племен, изученных Спенсером и Гилленом, тотемизм все еще сохраняется, и тотемы даже приписываются таинственным сущностям *ирунтариниа*, смутным и невидимым воплощениям призраков предков, живших во времена *Альчеринги*, туманного далекого прошлого, стоящего у истоков всего сущего. Они гораздо могущественнее живых людей, потому что их духовная часть связана с так называемыми *чурингами*, состоящими из камней, кусков дерева или любых других предметов, которые считаются священными как обладающие некой *маной*, заставляющей расти ямс и траву, позволяющей человеку ловить дичь и так далее. "То, что *чуринга* - это просто предметы, наделенные *маной*, - счастливое предположение Сиднея Хартленда[995], чье объяснение рассеяло густой туман мистификации, до сих пор окутывавший странные верования и обычаи этих центральных и северных племен[996]. " N. W. Томас[997] рассматривает весь вопрос австралийской

религии, и после описания Тванджирака, Мальбанга и Ултаана у арунта, Байаме или Бьями, известных в антропологических спорах[998] , Дарамулун у юин, Мунган-нгауа (наш отец) у курнаи, Нуррундере у нарриньери, Бунджил или Пунджел, которого часто называют Мамингорак (наш отец) из Виктории, и другие, он заключает: "Это далеко не единственные боги, известные австралийским племенам; Напротив, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что есть или было хоть одно племя, у которого не было бы подобной веры[999] ."

FOOTNOTES:

[961] E. Thurston, *Castes and Tribes of Southern India*, 1909.

[962] Р. и F. Sarasin, *Ergebnisse Naturwissenschaftlicher Forschungen auf Ceylon. Die Steinzeit auf Ceylon*, 1908; Н. Parker, *Ancient Ceylon*, 1909. Наиболее полное описание дано К. Г. и Б. З. Селигманами, *The Veddas*, 1911.

[963] W. W. Skeat и С. О. Blagden, *Pagan Races of the Malay Peninsula*, 1906; R. Martin, *Die Inlandstämme der Malayischen Halbinseln*, 1905.

[964] Fritz Sarasin, *Versuch einer Anthropologie der Insel Celebes. Zweiter Teil: Die Varietäten des Menschen auf Celebes*, 1906.

[965] А. К. Хэддон, Приложение к книге К. Хоуза и В. Макдугалла "Языческие племена Борнео", II. 1912.

[966] *Федеральный справочник, Brit. Ass. for Advancement of Science*, 1914, p. 36.

[967] Тасманийцев едва ли можно назвать негритосами. Важно отметить, что это раннее население было улотриховым, см. с. 159.

[968] *Loc. cit.* p. 34. Или же пролив тогда мог быть очень узким.

[969] *Loc. cit.* p. 34.

[970] *Two Representative Tribes of Queensland*, 1910, p. 30.

[971] *Loc. cit.* p. 34.

[972] *Reports Camb. Exped. to Torres Straits*, III. 1907, p. 528.

[973] *Die Mon-Khmer Völker*, 1906. Шмидт в течение многих лет изучал австралийские языки и опубликовал свои результаты в *Anthropos*, Vols, VII., VIII. 1912, 1913, из которых, а также из *Man*, No. 8, 1908, взяты следующие краткие выдержки.

[974] См. *Man*, No. 8, 1908, pp. 184-5.

[975] См. карту, составленную П. В. Шмидтом и П. К. Штрейтом, *Anthropos*, VII. 1912.

[976] См. *Globus*, XC. 1906, и "Die sozialen Systeme d. Südsee", *Ztschr. f. Sozialwissenschaft*, XI. 1908. Расхождения Шмидта со взглядами Грэбнера рассматриваются в *Zeitschr. f. Ethnologie*, 1909, pp. 372-5, и *Anthropos*, VII. 1912, p. 246 и далее.

[977] *Anthropos*, VII. 1912, pp. 247, 248.

[978] Н. В. Томас, "Утилизация мертвых в Австралии", *Фольклор*, XIX. 1908.

[979] А. Р. Браун, MS.

[980] *Федеральный справочник, Британская ассоциация содействия развитию науки*, 1914, с. 76.

[981] A. C. Haddon, "The Outrigger Canoes of Torres Straits and North Queensland", *Essays and Studies Presented to W. Ridgeway*, 1913, p. 621, и W. H. R. Rivers, "The Contact of Peoples", в том же томе, p. 479.

[982] *Человек*", № 32, 1910.

[983] *Семья у австралийских аборигенов*, 1913.

[984] Г. К. Уилер, "Племя и межплеменные отношения в Австралии", 1910, с. 163.

[985] А. Р. Браун, "Брак и происхождение в Северной Австралии", *Man*, № 32, 1910.

[986] У. Болдуин Спенсер, *loc. cit.* p. 50.

[987] W. Baldwin Spencer, *loc. cit.* p. 44.

[988] *The Family among the Australian Aborigines*, 1913, p. 304.

[989] MS.

[990] A. R. Brown, "Three Tribes of Western Australia", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913.

[991] A. W. Howitt, *The Native Tribes of South-east Australia*, 1904, p. 311.

[992] У. Болдуин Спенсер и Ф. Дж. Гиллен, *Коренные племена Центральной Австралии*, 1899, гл. VI, и *Северные племена Центральной Австралии*, 1904, гл. IX.

[993] *Коренные племена Юго-Восточной Австралии*, 1904, с. 500.

[994] *Племя эуалайи*, 1905 г.

[995] Президентская речь (секция Н) Brit. Ass. York, 1906.

[996] А. Х. Кин, ст. "Австралазия", в *Энциклопедии религии и этики* Гастингса, 1909, с. 244.

[997] *The Natives of Australia*, 1906, Chap. XIII. Религия.

[998] E. B. Tylor, *Journ. Anthr. Inst.* XXI. p. 292; A. Lang, *Magic and Religion*, p. 25; *Myth, Ritual and Religion*, Chap. XII.; K. Langloh Parker, *The Euahlayi Tribe*, 1905, Chap. II.; M. F. v. Leonhardi, *Anthropos*, IV. 1909, p. 1065, и многие другие.

[999] Следует обратиться к следующим источникам:

Оригинальные мемуары: C. Strehlow, *Die Aranda- und Loritza-Stämme in Zentral-Australien*, 1907; W. E. Roth, *Ethnological Studies among the north-west-central Queensland Aborigines*, 1897; *North Queensland Ethnography, Bulletins* 1-8, 1901-6, and *Bulletins* 9-18; *Records of the Australian Museum*, VI.-VIII. Сидней, 1890-1910.

Сборники и обсуждения: Э. Дюркгейм, "Элементарные формы религиозной жизни: исследование по социологии религии" (перевод Дж. В. Суэйна), очень наводящее на размышления исследование, основанное на австралийских обычаях и верованиях; Дж. Г. Фрейзер, "Экзогамия и тотемизм", I. 1910; "Вера в бессмертие и поклонение мертвым", I. pp. 67-169, 1913.

ГЛАВА XIII

КАВКАЗСКИЕ НАРОДЫ

Общие соображения - Составные элементы - Прошлое и настоящее - Ареал - Колыбель земли: Африка к северу от Судана - четвертичная "Сахара" - ранние европейские и мавританские типы - *гуанчи*, типы и родство - происхождение европейских брахицефалов - резюме ортодоксального взгляда - лингвистические свидетельства - баски - иберы - *лигурийцы* в Рейнской области и Италии. Сицилийское происхождение - сиканийцы; *Сикулы* - *Сарды* и *корсиканцы* - Этнологические отношения в Италии - Средиземноморский домен Серги - Ареал средиземноморцев - *Пеласги* - Теория доЭллинские пеласги - Теория доэллинской пеласги - Пеласги и микенская цивилизация - Эгейская культура - Другие взгляды - Диапазон хамитов в Африке - Восточные хамиты - Западные "мавры" - Общий хамитский тип - Инородные элементы в Мавритании - Арабские и берберские контрасты - *Тибус* - Египетские хамиты - Происхождение - Теория азиатского происхождения - Прото-Египетский тип - Арменоидный тип - Азиатское влияние на египетскую культуру - Негроидная смесь - *Фула* - Другие восточные хамиты - *Бехас* - *Сомалы* - Сомалийские генеалогии - *Галла* - *Масаи*.

Конспект.

Распространение.

Современный ареал. Все внутритропические обитаемые земли, кроме Китайской империи, Японии и арктической зоны; межтропическая Америка, Аравия, Индия и Индонезия; спорадически повсеместно.

Три основных вида: -1. южные долихоцефалы, **средиземноморские**; 2. северные долихоцефалы, **северные**; 3. брахицефалы, **альпийские**.

Физические признаки.

Волосы: 1. Очень темно-каштановые или черные, жилистые, вьющиеся или кольчатые. 2. Очень светло-коричневые, льняные или рыжие, довольно длинные, прямые или волнистые, гладкие и блестящие. 3. Светло-каштановые или красновато-коричневые, волнистые, довольно короткие и тусклые. Все овальные в сечении; борода у всех полная, кустистая, прямая или волнистая, часто светлее волос на голове, иногда очень длинная. **Окрас:** 1. Очень изменчив - белый, светло-оливковый, все оттенки коричневого и даже черноватый (восточные хамиты и другие). 2. Цветочный. 3. Бледно-белый, смуглый или очень светло-коричневый. **Череп:** 1 и 2 длинный (72 - 79); 3 круглый (85 - 87 и выше); все ортогнатные. Скуловая кость у всех небольшая, никогда не выступающая вбок, иногда довольно высокая (у некоторых берберов и шотландцев). **Нос,** в основном, большой, узкий, прямой, дугообразный или крючковатый, иногда довольно широкий, тяжелый, вогнутый и короткий. **Глаза:** 1. Черные или темно-карие, но бывают и голубые. 2. В основном голубые. 3. Карие, орехово-серые и черные.

Рост: 1. Низкорослые (в среднем 1,630 м. 5 футов 4 дюйма), но изменчивые (некоторые хамиты, индусы и другие среднего или высокого роста). 2. Высокие (в среднем 1,728 м. 5 футов 8 или 9 дюймов). 3. Средние (в среднем 5 футов 6 дюймов), но встречаются и очень

высокие (индонезийцы от 1,750 до 1,830 м. 5 футов 9-6 футов). **Губы**, в основном довольно полные и хорошо очерченные, но иногда тонкие, или верхняя губа очень длинная (многие ирландцы), а нижняя губа маятниковая (многие евреи). **Руки**, довольно короткие по сравнению с неграми. **Ноги** стройные, икры обычно хорошо развиты. **Ноги**: 1 и 3 маленькие с высоким голенищем; 2 довольно крупные.

Психические особенности.

Темперамент: 1 и 3. Блестящие, быстро соображающие, возбудимые и импульсивные; общительные и вежливые, но непостоянные, недоверчивые и даже вероломные (иберийцы, южноитальянцы); часто зверски жестокие (многие славяне, персы, семиты, индонезийцы и даже южные европейцы); эстетическое чувство высоко, этика развита слабо. Все они храбры, изобретательны, музыкальны и богато одарены интеллектуально. 2. Серьезные, энергичные и предприимчивые; стойкие, твердые и непоколебимые; внешне сдержанные, задумчивые и глубоко религиозные; гуманные, твердые, но обычно не жестокие.

Речь, в основном, склоняемая, с сильной тенденцией к аналитическим формам; очень мало языков (арийских, иберо-хамито-семитских), за исключением Кавказа, где много языков высокого агглютинативного типа, и Индонезии, где преобладает один агглютинативный язык.

Религия, в основном монотеистическая, со священством и жертвоприношениями или без них (иудейская, христианская, мухаммеданская); политеистическая и анимистическая в некоторых районах Кавказа, Индии, Индонезии и Африки. Во многих местах до сих пор распространены грубые суеверия.

Культура, в целом высокая, все виды искусства, промышленности, науки, философии и литературы находятся в процветающем состоянии в настоящее время почти везде, кроме Африки и Индонезии, и продолжают прогрессировать. В некоторых регионах цивилизация берет свое начало с раннего периода (Египет, Южная Аравия, Вавилония; минойская, эллинская, хеттская и итальянская культуры). Индонезийцы и многие хамиты все еще грубы, с примитивными обычаями, немногими искусствами, без науки и письма, с каннибализмом, распространенным в некоторых местах (Галлаланд).

Основные разделы.

Средиземноморский тип: большинство иберов, корсиканцев, сардов, сицилийцев, итальянцев; некоторые греки; берберы и другие хамиты; арабы и другие семиты; некоторые индусы; дравиды, тоды, айны, индонезийцы, некоторые полинезийцы.

Нордический тип: Скандинавы, северо-западные немцы, голландцы, фламандцы, большинство англичан, шотландцев, некоторые ирландцы, англо-американцы, англо-австралийцы, англичане и голландцы Южной Африки; фрако-геллы, истинные курды, большинство западных персов, афганцы, дарды и сиях-пост-кафиры.

Альпийский тип: большинство французов, южных немцев, швейцарцев и тирольтцев; русские, поляки, чехи, юго-славяне; некоторые албанцы и румыны; армяне, таджики (восточные персы), галчане.

Общие соображения.

Примечательно, что кавказский отдел человеческой семьи, членами которого являются почти все студенты, изучающие этот предмет, с которым мы, так или иначе, находимся в самых близких отношениях, и с составными элементами которого мы, следовательно, могли бы быть предположительно лучше всего знакомы, является наиболее спорной областью во всем диапазоне антропологических исследований. Почему так происходит, на первый взгляд не совсем очевидно, хотя, возможно, отчасти это явление можно объяснить тем, что составные части действительно имеют более сложный характер и, следовательно, представляют собой более запутанные проблемы для решения, чем те, которые относятся к любому другому разделу. Но в какой-то степени это также похоже на один из тех случаев, когда мы не видим дерева за деревьями. Говоря прямо, мало кто решится отрицать, что присущие этому предмету трудности в последнее время скорее увеличились, чем уменьшились благодаря смелым и часто взаимно разрушительным теориям, а в некоторых случаях, можно добавить, и действительно диким спекуляциям, выдвинутым в искреннем желании устранить бесконечные неясности, в которые, несомненно, все еще вовлечены более фундаментальные вопросы. Спорные вопросы, которые казались исчерпанными, были открыты вновь, в игру вступили несколько новых факторов, и война, связанная с такими животрепещущими темами, как происхождение арийцев, иберо-пеласгические отношения, европейские круглоголовые и длинноголовые, приобрела новый накал на фоне соперничества теорий выдающихся поборников новых идей.

Вопрос не упрощается из-за частых нападок, которые с разных сторон направлены против давно устоявшейся кавказской терминологии, и выдвигаются аргументированные возражения против использования таких проверенных временем названий, как "хамитский", "семитский" и даже "кавказский" как таковой. Однако действительно удовлетворительной замены "кавказскому" пока не предложено, и сомнительно, что можно найти достаточно полное название, чтобы включить в него все расы, длинноголовые и короткоголовые, светлые и смуглые, высокие и низкие, которые мы в настоящее время вынуждены объединять под этим неконкретным заголовком. Несомненно, термин "кавказцы" не может быть защищен по этническим соображениям. "Нигде в мире, вероятно, не собрано в одном месте такое разнородное множество людей, языков и религий, как вдоль цепи Кавказских гор[1000]." Но мы не в большей степени обязаны верить в то, что "кавказские" народы произошли на Кавказе, чем в то, что все семиты - потомки Шема или хамиты - Хама. У "кавказцев" есть одна претензия, которая никогда не может быть оспорена, - это приоритет, и было бы хорошо, если бы новаторы в этих вопросах приняли к сердцу трезвый язык Эренрайха, который напоминает нам, что принятые названия являются, как и должно быть, "чисто условными" и "исторически оправданными", и "должны оставаться в силе до тех пор, пока не будет найдено что-то лучшее, чтобы занять их место[1001]." Именно эти соображения, столь весомо свидетельствующие в пользу нынешнего использования, побудили меня *придерживаться принципа per vias antiquas* в "Этнологии", а следовательно, и в настоящей работе. Поэтому, как здесь, так и там, кавказский отдел сохраняет свое название, а также названия его основных подразделений - хамитского, семитского, кельтского, славянского, эллинского, тевтонского, иранского, галльского и так далее.

Главным исключением является "арийский" - лингвистическое выражение, насильственно перенесенное филологами в область этнологии, где ему нет места и смысла. Конечно, было время, когда сообщество или группа сообществ существовали, вероятно, в степном регионе между Карпатами и Гиндукушем, [1002], у которых развился арийский родной язык, и которые все еще некоторое время представляли определенное единообразие в своих физических характеристиках, были, по сути, арийской речью и типом. Но хотя их арийская речь сохраняется в бесконечно измененных формах, сами они давно исчезли как отдельная

раса, слившись с бесчисленными другими расами, которым они, возможно, в качестве завоевателей, навязали свой арийский язык. Поэтому мы можем и должны говорить об арийских языках и об арийской языковой семье, которая продолжает процветать и распространяться по всему миру. Но об арийской расе не может быть и речи с тех пор, как в далекие доисторические времена ее первоначальный носитель был поглощен сотней других рас. Поэтому там, где необходимо сделать всеобъемлющие ссылки, я заменяю арийцев и арийскую расу выражением "народы арийской речи", по крайней мере там, где неконкретный термин "арийцы" может привести к недоразумениям.

Такой взгляд на вопрос, который сейчас стал более острым, чем когда-либо, имеет то преимущество, что он безразличен к любым предвзятым теориям относительно физических характеристик той давно исчезнувшей протоарийской расы. Насколько велико это преимущество, можно судить по одному лишь утверждению: в то время как немецкие антропологи почти до конца остаются верны традиционному мнению, что первые арийцы были лучше всего представлены высокими, длинноголовыми, таунированными, голубоглазыми тевтонскими варварами Тацита - которые, как говорит нам Вирхов, полностью исчезли из поля зрения современного населения, - итальянская школа, или, по крайней мере, ее главный представитель Серджи, была в равной степени убеждена, что эта картина - миф, что таких арийцев никогда не существовало, что "истинные первобытные арийцы были не длинными, а круглоголовыми, не светлыми, а темными, не высокими, а короткими, и на самом деле сегодня лучше всего представлены круглоголовыми кельтами, славянами и южными германцами[1003]."

Факт заключается в том, что арийский прототип исчез так же полностью, как и арийский родной язык, и может быть предположительно восстановлен только с помощью процессов, аналогичных тем, с помощью которых Шлейхер и другие филологи пытались с сомнительным успехом восстановить органическую арийскую речь в том виде, в котором она была до рассеяния.

Составные элементы.

Но здесь возникает более важный вопрос, по какому праву столь многочисленные и разнообразные народы сгруппированы вместе и названы "кавказцами"? Действительно ли они объективно едины, или это лишь искусственные группировки, произвольно расставленные абстракции? Безусловно, это кавказское подразделение состоит из самых разнородных элементов, более разнородных, чем, возможно, любое другое. Поэтому, чтобы свести в единую категорию, пусть даже эластичную, столько разных народов - европейцев, североафриканцев, западноазиатов, иранцев и других, вплоть до индо-гангетических равнин и возвышенностей, - чей цвет лица представлен всеми оттенками, кроме желтого, от белого до темно-коричневого или даже черного.

Но они объединены в одно подразделение из-за некоторых общих характеристик, а также потому, что, как отмечает Эренрайх, который сам подчеркивает эти возражения, их существенное единообразие говорит глазу, который видит под поверхностью. С первого взгляда, за исключением, возможно, нескольких крайних случаев, для которых было бы бесполезно создавать независимые категории, мы распознаем общую расовую печать в выражении лица, структуре волос, частично также в пропорциях тела, во всех этих пунктах они больше сходятся друг с другом, чем с другими основными делениями. Даже в случае некоторых черных или очень темных рас, таких как беджа, сомали и некоторые другие восточные хамиты, мы инстинктивно больше напоминаем европейцев или берберов, чем негров, благодаря их более правильным чертам и более яркому выражению лица. "Те, кто

ничего не признает, если это не может быть измерено, взвешено и пронумеровано, могут подумать, что в соответствии с современными представлениями это обращение к внешнему выражению ненаучно. Тем не менее никто не может отрицать очевидных физических различий между кавказцами, африканскими неграми, монголами, австралийцами и так далее. В конце концов, сама физическая антропология возникла лишь с того момента, когда мы осознали эти различия, еще до того, как смогли дать им точное выражение с помощью измерений. Именно общая картина говорила мощно и прямо в глаза^[1004]. " Этот аргумент не нуждается в дальнейшем изложении, поскольку он будет в изобилии проиллюстрирован в последующих деталях.

Прошлое и настоящее.

С момента открытия Нового и Австралийского миров кавказское деление, представленное главными европейскими народами, получило огромное расширение. Здесь, конечно, необходимо различать политические и этнические завоевания, как, например, завоевание Индии военным путем и Австралии путем фактического заселения. Политически весь мир стал кавказским, за исключением полудюжины государств, таких как Китай, Турция, Япония, Сиам, Марокко, которые все еще пользуются реальной или фиктивной автономией. Но с этнической точки зрения те регионы, в которых кавказские народы могут утвердиться и увековечить свой род в качестве колонистов, должны рассматриваться только как новые присоединения к первоначальным и более поздним (историческим) кавказским владениям. Такие новые присоединения, однако, имеют огромные размеры, включая большую часть Сибири и прилегающих регионов, где славянские ветви арианоязычных народов в настоящее время основывают новые постоянные дома; всю Австралию, Тасманию и Новую Зеландию, которые стали наследством кавказских жителей Британских островов; большие территории Южной Африки, уже занятые переселенцами, в основном из Голландии и Великобритании; наконец, Новый Свет, где большая часть северного континента заселена полнокровными европейцами, в основном англичанами, французами и немцами, а в остальных частях (Центральная и Южная Америка) кавказские иммигранты (в основном с Пиренейского полуострова) образовали новые этнические группы путем слияния с аборигенами. Эти новые территории, приобретенные за последние 400 лет, можно приблизительно оценить в 28 миллионов квадратных миль, что с учетом 12 миллионов, удерживаемых в течение исторического периода (Африка к северу от Судана, большая часть Европы, Юго-Западная и часть Центральной и Южной Азии, Индонезия), дает 40 миллионов квадратных миль нынешних кавказских владений, либо фактически занятых, либо находящихся в процессе заселения. Так как вся суша едва ли превышает 52 миллиона, это оставляет не более 12 миллионов для сокращенных теперь владений всех других подразделений, и даже из них большая часть (например, столовая земля Тибета, Гоби, тундры, Гренландия) едва или совсем не обитаема. Это, кстати, можно считать лучшим ответом тем, кто в последние годы высказывал мрачные предчувствия относительно конечной судьбы кавказских рас. "Желтый испуг" можно отбросить, подумав, что кавказскому населению, унаследовавшему или приобретшему почти четыре пятых земной поверхности и абсолютное господство в открытом море, не суждено быть затопленным никаким мыслимым сочетанием всех других элементов, тем более одним только монголом^[1005].

Колыбель Кавказа - Северная Африка.

Где же искать первобытную родину этой самой энергичной и доминирующей ветви человеческой семьи? Поскольку прямых доказательств привести невозможно, ответ неизбежно принимает форму гипотезы и должен опираться в основном на косвенные

свидетельства, поставляемые нашими смутными знаниями о географических условиях в плейстоценовые времена, о распределении зоологов в прошлом и настоящем, а кое-где и на подсказки, почерпнутые из археологических находок. Сначала мы рассмотрим аргументы, выдвинутые в пользу Африки к северу от Судана. В четвертичное время здесь имелись все физические элементы, которые зоологи требуют для большой специализации - например, пространство, благоприятный климат и изобилие пищи, а также непрерывная сухопутная связь в двух или трех точках через Средиземное море, по которой фауны плиоцена и раннего плейстоцена свободно перемещались между двумя континентами.

Четвертичная Сахара".

Многие спекуляции на эту тему не убедили, в основном потому, что авторы, так сказать, убрали почву из-под собственных ног, погрузив большую часть суши под обширное "четвертичное море Сахары", которое не существовало, и которое, более того, свело всю Северную Африку к острову Мавритания, простому "приложению Европы", как его в одном месте прямо называют. Затем от этого неудобного внутреннего бассейна избавились не путем оттока - он находился на одном уровне с Атлантикой, в которую он, собственно, и входил, - а путем "испарения", которое, однако, каким-то образом ограничивается этим входом и не затрагивает ни Средиземное море, ни саму Атлантику. Не объясняется и то, как океанические воды не могли устремиться внутрь, "как море Сахара испарилось и превратилось в пустыню". Попытка вывести "евроафриканскую расу" в такой невозможной местности неизбежно потерпела крах, поскольку в первоначальное геологическое заблуждение были вовлечены другие бесконечные недоумения.

Сахара не только была сухой землей во времена плейстоцена, но и находилась тогда на значительно большей высоте, чем в настоящее время, хотя ее средняя высота по-прежнему оценивается Chavanne в 1500 футов над уровнем моря. "Четвертичные отложения занимают обширные территории, и одно время предполагалось, что они имеют морское происхождение. Считалось даже, что огромные песчаные дюны должны были образоваться под водой; но сейчас вряд ли стоит обсуждать такую точку зрения. Сторонники четвертичного Сахары аргументировали свою точку зрения главным образом находками морских раковин в нескольких местах в центре Сахары. Но Турнуэр показал, что призывать на помощь огромный океан, чтобы объяснить присутствие одной или двух раковин, - это ненужная трата энергии[1006]."

На высоте, вероятно, более 2000 футов Сахара должна была наслаждаться почти идеальным климатом во времена позднего плиоцена и плейстоцена, когда Европа подвергалась более чем одному ледниковому вторжению, и в значительной степени была покрыта через большие промежутки времени чередой твердых ледяных шапок. Теперь мы знаем, что эти каменистые и песчаные пустоши во всех направлениях пересекали великие реки, такие как Массарава, текущая на юг к Нигеру, или Игаргар[1007], текущий на север к Средиземному морю, и что эти ныне высохшие русла до сих пор можно проследить на сотни миль по цепочкам бассейнов или озер, по длинным эрозионным долинам и другим признакам действия текущих вод.

Не могло быть и речи о недостатке растительной или животной жизни в благоприятном регионе, который был в изобилии снабжен естественными ирригационными артериями, а тропическая жара сдерживалась большой высотой и временами освежающими бризами из субарктической Европы.

С этих хорошо орошаемых и плодородных земель, некоторые из которых даже в римские времена продолжали оставаться житницей империи, пришла та чередя южных животных -

гиппопотамов, гиен, носорогов, слонов, пещерных львов, - которая сделала Европу похожей на "зоологическое приложение Африки". Вместе с этой фауной мог появиться и сам человек, поскольку, хотя Северная Африка пока не дала свидетельств широкого распространения культуры, сравнимой с европейской культурой палеолита, негроидные черты скелетов Гримальди доказывают раннюю связь между противоположными берегами Средиземного моря. Гипотеза об африканском происхождении подкрепляется археологическими свидетельствами присутствия раннего человека по всей Северной Африке от берегов Средиземного моря через Египет до Сомалиленда. Так, один из важных выводов Ж. де Моргана заключался в том, что время существования цивилизованных людей в Египте можно исчислять тысячами, а аборигенов - мириадами лет. Этих аборигенов он отождествлял с людьми древнего каменного века, для которых, по его мнению, были открыты четыре стоянки - Дахшур, Абидос, Тух и Фивы [\[1008\]](#)

Арсен Дюмон заявил, что "огромный период времени, в течение которого человек пользовался каменными орудиями, нигде не показан так поразительно". Здесь некоторые кремни были найдены в изобилии под толстым слоем четвертичного известняка, отложенного водами исчезнувшего потока. Таким образом, "происхождение человека в Мавритании должно быть отнесено к отдаленной эпохе, которая нарушает всю хронологию и ставит в тупик сами мифологии [\[1009\]](#)."

Скелет, найденный в 1914 году Гансом Реком в Олдовее (тогдашняя Германская Восточная Африка), был заявлен как плейстоценовый, но, по словам А. Кита, "свидетельства ... не могут быть приняты как окончательно доказавшие такую степень древности [\[1010\]](#)."

Доктрина специализации долихоцефальных европейских типов в Африке, до их миграции на север, лежит в основе взглядов Серджи на африканское происхождение этих типов. Аргументируя против азиатского происхождения хамитов, которого придерживались Причард, Вирхов, Сайс и другие, он указывает, что эта раса, едва ли представленная в Азии, имеет огромный ареал в Африке, где ее несколько подвариантов должны были развиваться до их рассеяния по большей части этого континента и Европы. Затем, рассматривая хамитов и семитов как единое целое, он приходит к выводу, что Африка является колыбелью, откуда этот первобытный народ "распространился на север в Европу, где он все еще сохраняется, особенно в Средиземноморье и на трех его главных полуостровах, и на восток в Переднюю Азию [\[1011\]](#)."

Теория африканской колыбели долихоцефального средиземноморского типа не лишена сторонников, но когда, опираясь на неоспоримое присутствие брахицефалов, некоторые авторы выводят альпийский тип из той же области, более широкий аспект континентальных миграций, похоже, упускается из виду (см. с. 451-2 ниже). Для формирования отдельной расы, говорит Заборовский, необходима широкая географическая область, которую представляют оба берега Средиземного моря "со всей Северной Африкой, включая Сахару, которая до недавнего времени была еще густо заселена [\[1012\]](#)." Затем на вопрос, кем был заселен этот североафриканский и средиземноморский регион с четвертичных времен, он отвечает: "Предками наших ливийцев, египтян, пеласгов, иберов"; и, отвергнув азиатскую теорию, он в другом месте приходит к "великому обобщению, что вся Северная Африка, связанная сушей с Европой в четвертичную эпоху, составляла часть географической области древней белой расы, из которой египтяне, так далеко не являющиеся родительским стволом, были, по-видимому, лишь ответвлением [\[1013\]](#)."

Ранние европейские и мавританские типы.

Переходя к деталям, Бертолон[1014], на основании человеческих останков, найденных Картоном в Булла-Регия, определил для Туниса и прилегающих земель два основных длинноголовых типа, один - как неандерталец (встречается как в Хумерии, так и в местах, изобилующих палеолитами), другой - как более поздние кроманьонцы, строившие дольмены, которых де Кватрефаж уже отождествлял с высокими, длинноголовыми, светлыми и даже голубоглазыми берберами, до сих пор встречающимися в различных частях Мавритании и ранее представленными на Канарских островах[1015]. Бертолон соглашается с Коллиньоном, что мавританские мегалитостроители принадлежат к той же расе, что и европейские, и кроме двух длинноголовых рас описывает (1) короткий круглоголовый тип на острове Герба и в Восточном Тунисе[1016], представляющий собственно ливийцев, и (2) светловолосый тип в Сахеле, Хумерии и других частях, которых он отождествляет с мазикиами Геродота, с "афри", чье название было распространено на весь континент, и со светловолосыми гетульцами гор Аурес.

Три великие европейские этнические группы.

Возражают, что, как установили де Лапуж и Рипли, в Европе существуют три отдельные этнические зоны: (1) Нордическая: высокий, светлый, длинноголовый северный тип, обычно отождествляемый немцами с расой, представленной костными останками из "Reihengräber", т.е. "германцами". Т.е. "германской", которую французы называют кимрской или арийской, за которой де Лапуж сохранил *Homo europaeus* Линнея, и к которой Рипли применяет термин "тевтонская", потому что вся комбинация характеров "в точности соответствует описаниям, переданным нам древними". Такими были готы, остготы, вестготы, вандалы, лангобарды, а также датчане, норманны, саксы..... Таким образом, история подтверждается естественными науками". (2) Средиземноморье: южная зона коротких, темных, длинноголовых, т.е. первобытный элемент в Иберии, Италии, Южной Франции, Сицилии, Корсике, Сардинии и Греции, называемый англичанами иберийцами и отождествляемый многими с лигурийцами, пеласгами и родственными народами, объединенными Рипли в группу Mediterraneans[1017]. (3) Альпийцы: центральная зона невысоких, среднего роста круглоголовых людей со светлыми или каштановыми волосами и серыми или ореховыми глазами, *Homo alpinus* де Лапужа и Рипли, кельты или кельто-славяне французов, лигурийцы или арверны Беддоу и других английских писателей. Сюда же относятся высокие арменоиды, армяне - потомки хеттов.

Вопрос в том, могли ли все эти народы прийти из Северной Африки? Мы видели, что в этом регионе были найдены останки одного круглоголового и двух длинноголовых доисторических типов. Анри Мальбо указал, что, насколько мы можем судить, мы встречаем два совершенно разных длинноголовых типа берберов, и он считает, что этот расовый дуализм доказывают мегалитические гробницы (дольмены) Рокнии между Джеммапсом и Гельмой, которым, возможно, около 4000 или 5000 лет. Останки, найденные здесь Л. Л. К. Фейдербе, принадлежат двум разным расам, обе они долихоцефалические, но одна высокая, с выдающимися скуловыми дугами и очень сильным носовым хребтом (это читается почти как описание мускулистого каледонца), другая короткая, с хорошо сбалансированным черепом и небольшим носовым хребтом[1018]. В самых ранних (египетских) записях говорится о смуглых и светловолосых людях, живших в Северной Африке около 5000 лет назад, и утверждается, что сырье, так сказать, было здесь, чтобы получить как светлые северные, так и темные южные европейские длинноголовые головы.

Гуанчи - типы и родство.

Эти различные расы были представлены даже среди вымерших гуанчей Канарских островов, как показывает изучение 52 голов, добытых в 1894 году Г. Мейером из пещер архипелага[1019]. Определены три различных типа: (1) гуанчи, родственные кроманьонцам, высокие (от 5 футов 8 дюймов до 6 футов 2 дюймов), крепкие, долихо (78), низкое, широкое лицо; большие глаза, довольно короткий нос; светлые, рыжеватые или светло-каштановые волосы; кожа и глаза светлые; распространены по всем островам, но в основном на Тенерифе; (2) "семитские", короткие (5 футов 4 или 5 дюймов.), стройный, узкая мезоцефалическая голова (81), узкое, длинное лицо, черные волосы, светло-коричневая кожа, темные глаза; ареал - Гран Канария, Пальма и Иерро; (3) арменоидный, сродни малоазиатским пресемитам фон Лушана; ниже ростом, чем 1 и 2; очень короткий, широкий и высокий череп (гипербрахия, 84); волосы, кожа и глаза, вероятно, западноазиатского брюнетистого типа; ареал - в основном Гомера, но встречается повсюду. Многие из черепов были подвергнуты трепанации, и это наводит на прямую ассоциацию с полнокровными берберами гор Аурес в Алжире, которые до сих пор практикуют трепанацию для лечения ран, головной боли и других причин. Этот тип едва ли можно отличить от лапужского низкорослого коричневого *Homo alpinus*, который датируется каменным веком и встречается в самых плотных массах в Центральных Альпах, но истинные арменоиды отличаются более высоким ростом.[1020]

Происхождение европейских брахицефалов.

О том, насколько многочисленными были жители Франции в то время, можно судить по длинному списку из не менее чем 4000 неолитических стоянок, приведенному для этого региона доктором философии Салмоном. Из 688 черепов с этих стоянок, измеренных им, 57,7 процента отнесены к долихо-, 21,2 - к брахицефалам и 21,1 - к промежуточным. Этот выдающийся палетнолог рассматривает промежуточные типы как результат скрещивания двух других, а первыми, по его мнению, были круглоголовые, которые обитали на обширной территории между Бретанью, Ла-Маншем, Пиренеями и Средиземноморьем. 60 процентов изученных до сих пор могил содержат черепа этого типа[1021]. Бельгия, где среди мужчин Фурфуза встречается смесь длинноголовых и круглоголовых черепов, также должна быть включена в эту неолитическую область брахий, которая может быть прослежена вплоть до Британских островов[1022]. Как указывалось выше, были предприняты попытки вывести этих брахицефалов, а также долихоцефалов из Северной Африки, в соответствии с мнением, что этот регион был истинным центром эволюции и рассеяния всех основных ветвей кавказской семьи, но эта теория имеет мало сторонников в настоящее время. Серджи признавал азиатское происхождение неолитических круглоголовых и рассматривал их как "мирные инфильтрации"[1023], предтечи великих вторжений позднего Металлического века. Верно отмечает[1024], что если нанести на карту Европы все неолитические стоянки, в которых были обнаружены брахицефалические черепа, то можно легко распознать течение, идущее почти прямо с востока на запад. Более того, к западу это течение разделяется, четко отделяясь зонами долихоцефалии.

Свидетельства присутствия в ранние времена в Африке высоких светловолосых людей бок о бок с низкорослым темным населением, а также брахицефалов вместе с долихоцефалами доказывают, что даже в каменном веке уже происходили этнические смешения, и расовую чистоту - если она вообще существовала - нужно искать в еще более отдаленных периодах.

С мнением Серджи, который прослеживает неолитических жителей северных берегов Средиземноморья (иберов, лигурийцев, мессапийцев, сикулов и других итальянцев, пеласгов) до Северной Африки, согласны большинство антропологов[1025]. Кроме того, все или большинство из них были преимущественно темного (коричневого), короткого, долихо-

типа, который до сих пор сохраняется как в Южной Европе, так и в Северной Африке, и фактически является расой, которую Рипли правильно называет "средиземноморской", хотя на западе они почти наверняка распространялись на Бретань и Британские острова. Но есть и те, кто считает, что миграция происходила в обратном направлении, и североафриканская ветвь происходит из Европы, а европейская - из Африки. "Антропологи, специально изучавшие вопрос о берберях или кабылах, пришли к выводу, что они являются потомками доисторических европейских захватчиков, которые заняли те территории, которые подходили им больше всего[1026] ." Во Франции неолитический "средиземноморский тип" рассматривается как линейно происходящий от палеолитических предшественников *in situ*[1027] . Некоторые идут еще дальше и утверждают, что Европа является местом происхождения не только средиземноморской, но и альпийской и северной ветвей. "Так называемые три расы Европы - это в основном результат вариации от общеевропейской массы, вариации, обусловленной изоляцией и естественным отбором[1028] ."

Резюме православного взгляда.

Не претендуя на окончательность, нижеприведенное, пожалуй, лучше всего отражает ортодоксальное мнение на сегодняшний день. Можно предположить, что человек развился где-то в Южной Азии в плиоценовые времена, и что ранние группы обладали склонностью к изменчивости, которая была направлена в определенной степени географическими условиями и закрепились в результате изоляции. Высокие светлые голубоглазые долихоцефалы (северная раса) и низкорослые темные долихоцефалы (средиземноморская раса) могут рассматриваться как две разновидности общей популяции, первые из которых обитали в степях к северу от плоскогорий Евро-Азии и мигрировали на восток и запад по мере высыхания страны после последнего оледенения. Южная ветвь, проникшая в Восточную Африку из Южной Азии, распространилась по всей Северной Африке; на востоке жили архаичные египтяне, на западе - ливийцы, потомками которых являются берберы; те, кто пересек Средиземное море, образовали европейскую ветвь средиземноморской расы. Что касается третьего типа, то если центральные плоскогорья Азии были центром расселения истинных монголов, то западные плоскогорья стали областью распространения немонгольской брахицефальной расы, которая включает в себя короткие и высокие разновидности. Это альпийская раса, которая простирается от Гиндукуша до Бретани, а ранее распространялась дальше на запад до Британских островов .[1029]

Лингвистические свидетельства.

В прошлом проблема происхождения европейцев часто затушевывалась, а не освещалась обращением к лингвистике, но лингвистические факторы нельзя игнорировать. Несомненно, самое раннее население средиземноморских берегов в каменном веке говорило на неарийских языках, но лишь местами можно обнаружить следы - в основном неразборчивые. В Африке до сих пор в полной силе берберский язык, который, очевидно, мало изменился за тысячи лет. Но в Европе примитивные языки повсеместно были вытеснены арийскими (эллинскими, итальянскими, кельтскими), за исключением района Пиренеев. В Италии этрусский - единственный язык, который с уверенностью можно назвать неарийским[1030] , хотя место лигурийского до сих пор оспаривается[1031] . О пеласгийском языке ничего не сохранилось, кроме утверждения Геродота, опасного гида в этом вопросе, что это был варварский язык, как и сами народы[1032] , но Риджуэй считает его индоевропейским[1033] . Далее к востоку, в Малой Азии, ни карийские надписи и глоссы, ни случайные лидийские[1034] и мисийские глоссы не дают надежной основы для установления отношений[1035] ; более полные свидетельства ликийского языка оставляют его положение неопределенным[1036] , а критская письменность до сих пор не расшифрована .[1037]

Баски.

Но в Иберии, помимо иберийских надписей, которые пока остаются нерасшифрованными[1038], сохранился баскский язык западных Пиренеев, который, вне всякого сомнения, представляет собой форму речи, бытовавшую на полуострове в доарийские времена, и при предположении общего происхождения населения по обе стороны Гибралтарского пролива можно было бы ожидать следов родства с берберами. В посмертной работе на эту тему[1039] выдающийся филолог Г. фон дер Габеленц идет гораздо дальше простых следов и утверждает, что устанавливает не только фонетическое и словесное сходство, но и структурные соответствия, так что его редактор Граф фон дер Шуленберг был удовлетворен родством двух языков[1040]. Этот вывод, однако, не получил всеобщего признания[1041], и сходство баскского с финно-угорским нельзя не признать[1042]. Изучение физических особенностей современных басков усложняет проблему. Большинство наблюдателей согласны с тем, что существует отдельный баскский тип, и это физическое и языковое своеобразие привело к появлению различных более или менее причудливых теорий, "связывающих басков со всеми необычными языками и разорившимися народами под солнцем[1043], " в то время как Г. Эрве[1044] рассматривает их как отдельную этническую группу, "четвертую европейскую расу." С другой стороны, Фейст[1045] имеет основания утверждать, что баски в антропологическом отношении не отличаются по существу от своих испанских или французских соседей (с. 357), а Джуллиан[1046] отказывает им в более чем поверхностном единстве. Эти, казалось бы, противоречивые мнения примиряются выводами Р. Коллиньона[1047], одного из лучших авторитетов по данному вопросу. "Физические черты, характерные для басков, неоспоримо ("indiscutablement") причисляют их к большой хамитской ветви белых рас, то есть к древним египтянам и различным группам, обычно объединяемым под общим названием берберы. Их брахицефалия, как бы незначительна она ни была, не может перевесить совокупность других признаков, которые они представляют..... Поэтому именно в этом направлении, а не среди финнов или эстонцев, следует искать родительский ствол этой парадоксальной расы. Он североафриканский или европейский, но точно не азиатский". Коллиньон объясняет баскский тип тем, что это подвид средиземноморской расы, сформировавшийся в результате длительной и полной изоляции и размножения, в первую очередь благодаря особенностям языка. Влияние наследственности, возможно, при помощи искусственного отбора, породило местные особенности и развило их до крайности .[1048]

Иберийцы.

"Иберийский вопрос, - говорит Райс Холмс, - является самым сложным и трудным из всех проблем галльской этнологии[1049]." На основании свидетельств греческих и римских авторов он делает следующие выводы. "Название "иберы", вероятно, вначале применялось только к тем, кто жил между Эбро и Пиренеями. Когда-то иберы занимали морское побережье Галлии между Роной и Пиренеями, но лигурийцы посягнули на эту часть их территории. Вероятно, они также занимали всю восточную часть Испанского полуострова. Но, - добавляет он, - мы должны помнить, что эти данные недостаточны и неопределенны" (с. 288). Позже (с. 301), рассматривая свидетельства, собранные филологами и краниологами, он продолжает: "Мне кажется вероятным, что иберы состояли как из людей, говоривших или чьи предки говорили на баскском, так и из людей, говоривших на языке или языках[1050] из "иберийских" надписей; что наблюдателям, не научившимся измерять черепа и не знавшим научных методов, они казались однородными; что преобладающим типом был тот, который сейчас называют иберийским и который в чистом виде можно увидеть на Сардинии, Корсике и Сицилии; но определенная часть всего населения могла характеризоваться физическими

особенностями, более или менее близко напоминающими те, которыми обладают современные баски, французы и испанцы, и которые, как говорят ММ. Брока и Коллиньон, отличают их от всех других европейских народов. Наконец, кажется вероятным, что истинными иберами были люди, говорившие на языках надписей, и что на баскском говорил народ, занимавший Испанию и Южную Галлию до прихода иберов. Но пока не будет найден ключ к этим ужасающим надписям, проблема никогда не будет решена".

Лигурийцы.

Лигурийский вопрос еще более сложен, чем иберийский. Ведь если в отношении иберов нельзя привести ни одного факта, прямо опровергающего предположение о том, что они были низкорослым темным долихоцефальным населением, населявшим Пиренейский полуостров в каменном веке и говорившим на неиндоевропейском языке, то в отношении лигурийцев таких обобщений относительно расы, физического типа, культуры, географического распространения или языка не принято. Одни, как и Серджи[1051], считают лигурийцев просто еще одной ветвью средиземноморской расы. Другие, как Заборовски[1052], прослеживая их присутствие среди современных жителей Лигурии, считают их представителями маленькой, темной, брахицефальной расы в ее чистом виде. В то время как многие, кто признает принадлежность лигурийцев к средиземноморскому физическому типу, отрицают их родство с иберийцами. Мейер[1053] считает такое родство "неправдоподобным", но Дешелетт[1054] показывает, что оно абсолютно несостоятельно по археологическим основаниям. Географический ареал столь же неопределенен. К. Юллиан[1055] распределяет лигурийцев не только по всей Галлии, но и по всей Западной Европе, и приписывает им всю славу неолитической цивилизации; А. Бертран[1056] считает, что даже в Галлии они играли лишь второстепенную роль; Дешелетт[1057] на основании археологических данных доказывает, что лигурийский период был *по преимуществу* эпохой бронзы, а Риджуэй[1058] отождествляет его с цивилизацией Террамаре. Наконец, если следовать Серджи, лигурийцы должны были говорить на неиндоевропейском языке; но самые выдающиеся авторитеты в основном согласны с тем, что сохранившиеся следы лигурийского языка обнаруживают родство с индоевропейским[1059]. Что касается их физического типа, Серджи выдвигает мнение, что истинные лигурийцы, как и иберийцы, были частью длинноголового средиземноморского (афроевропейского) племени. Из доисторических стоянок в долине реки По он собрал 59 черепов, все этого типа и все лигурийские; история и традиция сходятся в том, что до прихода кельтов этот регион принадлежал к лигурийским владениям. "Если верно, что доисторическая Италия была занята средиземноморской расой и двумя ветвями этой расы - лигурийской и пеласгийской, то древние обитатели долины По, ныне эксгумированные в этих 59 черепах, были лигурийцами[1060]."

Лигурийцы в Рейнской области и Италии.

Этих лигурийцев проследили от мест их проживания на Средиземноморье до Центральной Европы. На основании изучения неолитических находок, сделанных в Германии, в районе между Нойштадтом и Вормсом, К. Мехлис[1061] делает вывод, что первыми поселенцами здесь были лигурийцы, которые проникли вверх по Роне и Соне в Рейнскую область. В Кирхерийском музее в Риме он с удивлением обнаружил заметную аналогию между предметами с Ривьеры и с Рейна; черепа (оба dolicho), вазы, каменные орудия, мельничные камни и т.д., все одинаковые. Такие лигурийские предметы, встречающиеся повсеместно в Северной Италии, встречаются в рейнских землях в основном на левом берегу главного

потока между Базелем и Майнцем, а также дальше на север в Рейнгау у Висбадена и в долине Лана.

Лигурийцы, конечно, могли добраться до Ривьеры по побережью из Иллибериса и Иберии; но та же раса встречается в качестве исконного элемента и на "каблуке сапога", и фактически по всей Италии и на всех прилегающих островах. Этот факт теперь твердо установлен, и не только Серджи, но и некоторые другие ведущие итальянские авторитеты считают, что ранними жителями полуострова и островов были лигурийцы и пеласги, которых они рассматривают как представителей одной и той же расы, пришедшей из Северной Африки, и что, несмотря на последующие вторжения и пересечения, эта средиземноморская раса все еще сохраняется, особенно в южных провинциях и на островах - Сицилии, Сардинии и Корсике. Поэтому кажется более разумным принести этот аборигенный элемент прямо из Африки по ступеням Пантелларии, Мальты и Гоццо (в прошлом более обширным, чем сейчас, и все еще усеянным мегалитическими останками, сравнимыми с останками обоих континентов), чем окольными путями из Иберии и Южной Галлии[1062]. Это простое решение проблемы, но возникает вопрос, оправданно ли распространять название "лигурийцы" на всю ту ветвь средиземноморской расы, которая, несомненно, составляет субстрат населения Италии и части Галлии, игнорируя наличие или отсутствие "лигурийской" культуры или следов лигурийского языка. Дешелетт[1063], опираясь главным образом на археологические и культурные данные, подводит следующий итог: мы должны рассматривать лигурийцев как индоевропейские племена, чья область господства имела центр в бронзовом веке в Северной Италии и на левом берегу Роны. Они были предприимчивы и энергичны в сельском хозяйстве и торговле. Вместе с соседними народами иллирийского происхождения они вели непрямую, но, тем не менее, регулярную торговлю с северными регионами, где собирали янтарь. Среди лигурийцев, как и среди иллирийцев и гиперборейцев, была распространена форма гелиолатрии, популяризовавшая старые солнечные мифы, в которых лебедь, по-видимому, играл важную роль. Райс Холмс[1064] более точно определяет их географический ареал. "Лигурийцы, несомненно, жили в Юго-Восточной Галлии, где они встречались по крайней мере до Беллегарда в департаменте Эна; и, смешиваясь в большей или меньшей степени с иберами, в департаментах Гард, Эро, Ауд и Пиренеи-Ориенталь. Скорее всего, когда-то они занимали весь восточный регион на севере до Марны, но были вытеснены кельтами; возможно, они также продвинулись на запад до Аквитании". Он продолжает: "Если бы можно было рассматривать теорию ММ. д'Арбуа де Жюбенвиля и Юллиана как нечто большее, чем интересная гипотеза, мы должны были бы заключить, что лигурийцы были просто длинноголовыми и короткоголовыми народами, которые, возможно, время от времени усиливаясь ордами переселенцев, населяли всю Галлию с неолита, и из которых первые, или многие из них, происходили от палеолитических охотников; Другими словами, это были те же самые люди, которые после того, как их завоевали или объединили с кельтскими захватчиками, называли себя *кельтами*: Но сказать, кто из них первым стал известен как лигурийцы или ввел лигурийский язык, было бы совершенно безнадежно. Наконец, те немногие свидетельства, которыми мы располагаем, говорят о том, что люди, называемые лигурийцами, когда они стали известны греческим писателям, которые их описывали, представляли собой смесь различных рас".

Сицилийское происхождение - сиканы; сикулы.

Для Сицилии, к которой практически можно отнести юг Италии, у нас есть выводы Г. Патрони, основанные на многолетних умных и терпеливых трудах[1065]. В Африке этот археолог прослеживает палеолитических людей западного побережья Сицилии и пещер

близ Сиракуз, исследованных фон Адрианом[1066] . "Мы вынуждены заключить, что человек прибыл на Сицилию из Африки в то время, когда перешеек, соединяющий остров с этим континентом, все еще находился над уровнем моря. Он появился примерно в то же время, что и слон, чьи останки ассоциируются с человеческими костями, особенно на западе. Он следовал вдоль морских побережий, раковины которых давали ему достаточно пищи[1067] ." За ним последовал неолитический человек, присутствие которого было обнаружено благодаря исследованиям Паоло Орси на стоянке Стентинелло на побережье к северу от Сиракуз.

Орси также обязан открытием того, что он называет "энеолитической эпохой"[1068] , представленной бронзами из района Гирдженти. Орси относит эту культуру к *сикулам* и делит ее на три периода, а неолитических людей из Стентинелло считает *досикулами*. Но Патрони считает, что энеолитические народы имеют право на историческое название *Сикани*, и что истинными сикулами были те, кто прибыл из Италии во второй период Орси. Кажется, уже невозможно определить истинные отношения этих двух народов, которые выделяются на протяжении всего раннего исторического периода. Многие[1069] считают их представителями одной расы, хотя оба (*Σικανός*, *Σικελός*) уже упоминаются в "Одиссее". Но факты говорят о том, что сиканы представляют собой древнейший элемент, пришедший в каменном веке непосредственно из Африки, а сикулы были ветвью лигурийцев, переселенных в эпоху металлов из Италии на остров, который уже был занят сиканами, о чем рассказывает Дионисий Галикарнасский[1070] . На самом деле это переселение сикулов можно считать почти историческим событием, которое, согласно Фукидиду, произошло "примерно за 300 лет до прихода эллинов на Сицилию[1071] ." Сикулы носили это национальное имя на материке, так что современное выражение "Королевство двух Сицилий" (позднее Неаполитанское королевство) имеет свое обоснование в самых ранних традициях этого народа. Позже обе расы слились в одну, и нынешняя сицилийская нация постепенно формировалась за счет присоединения финикийских (карфагенских), греческих, римских, вандальских, арабских, норманнских, французских и испанских элементов.

Сарды и корсиканцы.

Очень примечателен контраст между условиями, преобладающими в этом этническом микрокосме, и условиями Сардинии, населенной со времен каменного века одной из самых однородных групп в мире. По статистике, приведенной в книге Р. Ливи "*Военная антропология*" (*Antropologia Militare*[1072]), сарды кажутся почти полностью отлитыми в одной форме: большая часть туземцев имеет самый низкий рост, самые карие глаза и волосы, самые длинные головы, самый смуглый цвет лица среди всего итальянского населения. "Следовательно, они представляют собой довольно заметное разнообразие среди итальянских рас, что вполне естественно, если вспомнить об уединении, в котором этот остров пребывал на протяжении стольких веков[1073] ." Кажется, что они были сохранены как будто в каком-то естественном музее, чтобы показать нам, какой могла быть лигурийская ветвь средиземноморской расы в неолитические времена. Однако им, вероятно, предшествовала микроцефальная карликовая раса, описанная Серджи как одна из ранних средиземноморских групп. Их присутствие на Сардинии теперь установлено А. Ничефоро и Э. А. Оннисом, которые обнаружили, что из примерно 130 черепов из старых могил тридцать имеют объем всего 1150 см³ или ниже, в то время как рост нескольких живых людей варьируется от 4 футов 2 дюймов до 4 футов 11 дюймов. Ничефоро согласен с Серджи в том, что эта карликовая раса также происходит из Северной Африки .[1074]

С поразительной однородностью черепа схожие явления демонстрируют корсиканцы, у которых "такая же преувеличенная длина лица и узкий лоб. Цефалический индекс падает с

87 и выше в Альпах до примерно 75 по всей линии. При этом цвет волос и глаз становится очень темным, почти черным. Фигура становится менее пропорциональной, люди - легкими и довольно подвижными. Несомненно, что рост при этом падает до чрезвычайно низкого уровня: на 9 дюймов ниже среднего для тевтонской Европы", хотя "жители Северной Африки, чистые средиземноморские европейцы, имеют средний рост[1075] ."

На Итальянском полуострове Серджи не только утверждает, что аборигены были исключительно лигурийского, *то есть* средиземноморского происхождения, но и что этот род до сих пор сохраняется во всем регионе к югу от Тибра, хотя то тут, то там к нему примешиваются "арийские" элементы. К северу от этой реки эти элементы постепенно увеличиваются вплоть до Итальянских Альп, и в настоящее время преобладают в долине реки По[1076] . Таким образом он объясняет растущий процент круглоголовых в этом направлении: лигурийцы для него, как уже говорилось, были длинноголовыми, а "арийцы" - круглоголовыми.

Аналогичным образом Беддо, комментируя статистику Ливи, показывающую преобладание высокого роста, круглых голов и светлого цвета лица в Северной Италии, делает вывод, "что тип, который мы обычно называем средиземноморским, действительно преобладает на юге и существует в состоянии сравнительной чистоты на Сардинии и Калабрии; В то время как на севере широкоплечий альпийский тип является мощным, но почти везде он более или менее изменен или перемежается с другими типами - германскими, славянскими или сомнительного происхождения, которым, вероятно, можно, по крайней мере частично, приписать вариации роста и цвета лица[1077] ."

Пеласги.

Аналогичные отношения преобладают на Балканском полуострове, где средиземноморский фонд представлен субстратом "пеласгов[1078] ". Придуманые, как уже говорилось, для того, чтобы сбить с толку будущих этнологов, эти пеласги, безусловно, представляют собой чрезвычайно сложную расовую проблему, решение которой до сих пор не поддавалось совместным атакам древних и современных студентов. Когда Дионисий прямо говорит нам, что они были греками[1079] , нам кажется, что вопрос решен, пока мы не находим Геродота, описывающего их несколькими сотнями лет ранее как пришельцев, грубых в речи и обычаях, явно не греков, и в его время здесь и там (Фракия, Геллеспонт) все еще говорящих на явно неэллинических диалектах[1080] . Затем Гомер, несколькими столетиями ранее, своим эпитетом Ὀϊοί, встречающимся и в "Илиаде", и в "Одиссее"[1081] , возвышает их почти над уровнем самих греков. Поэтому представляется практически невозможным найти ключ к загадке, который бы вписывался и в средиземноморскую теорию Серги, и в результаты последних археологических исследований в Эгейских землях. Следующая гипотеза подтверждается определенным количеством доказательств. Если предмикенская культура, обнаруженная Шлиманом и другими в Трое, Микенах, Аргосе, Тирине, Эвансом и другими на Крите, Чеснолой на Кипре, будет приписана не протоэллиническому, а доэллиническому народу, то классические ссылки объяснятся, а эта доэллиническая раса будет легко идентифицирована с пеласгами, как этот термин понимает Серги.

Теория о доэллинических пеласгах.

Полагаю, общепризнанно, что Греция действительно была заселена до прихода эллинов, под которыми здесь подразумеваются все вторгшиеся с севера племена, среди которых ахейцы были, пожалуй, самыми ранними. Поэтому по прибытии эллины обнаружили, что земля не только заселена, но и населена культурным народом, более цивилизованным, чем

они сами, который, таким образом, можно отождествить с пеласгической ветвью средиземноморского или афроевропейского племени Серги, которых протоэллины естественно считали своими начальниками, и которых их первые певцы также естественно называли *δῖ οἱ Πελασγοί*[1082]. Но в течение нескольких столетий[1083] эти пеласги стали эллинизированными, все, кроме нескольких разрозненных групп, которые отстали от общего социального прогресса, теперь также рассматриваются как варвары, говорящие на варварских языках, и так описываются современными историками. Затем эти немногие остатки славного, но забытого прошлого также вливаются в эллинский поток, и современные писатели уже не могут отличить их от других греков. Таким образом, для Дионисия пеласги - просто греки, что в определенном смысле может быть достаточно верно. Все разнородные элементы слились в единую эллинскую национальность, построенную на грубом пеласгическом субстрате и украшенную всеми достоинствами эллинской культуры.

Теперь, чтобы оправдать эту гипотезу, необходимо показать, во-первых, что пеласги не были непонятым племенем, небольшим народом, ограниченным каким-то отдаленным уголком Эллады, но широко распространенным народом, рассеянным по всей земле; во-вторых, что этот народ, насколько можно определить сейчас, имел умственные и другие характеристики, соответствующие средиземноморцам Серги, а также такие, которые можно было бы искать в расе, способной развивать великолепную эгейскую культуру доэллинических времен.

Пеласги и микенская цивилизация.

По первому вопросу утверждается, что пеласги были настолько широко распространены[1084], что труднее всего обнаружить район, где их присутствие было неизвестно. Они заполнили фон эллинского происхождения и даже распространились за пределы эллинского горизонта в такой степени, что, кажется, между Адриатикой и Геллеспонтом не осталось места для какого-либо другого народа. Таким образом, Риджуэй[1085] собрал воедино множество отрывков, которые ясно указывают на их универсальный ареал, а также на то, что они занимали особенно те места, где были найдены предметы микенской и домикенской культуры, такие как гравированные геммы, керамика, орудия труда, здания, надписи на пиктографических и слоговых письменах. На Крите у них был "великий город Кносс" времен Гомера[1086]; не только Микены были их, но и весь Пелопоннес получил название Пеласгия; цари Тирина были пеласгами, а Эсхил называет Аргос пеласгийским городом; старая стена в Афинах приписывается им, а жители Аттики с давних пор были пеласгами[1087]. Орхомен в Беотии был основан колонией из Пеласгиотиса в Фессалии; Лесбос также назывался Пеласгией, а Гомер знал о пеласгах в Троаде. Далее их поселения прослеживаются в Египте, на Родосе, Кипре, в Эпире, где их древним святилищем была Додона, и, наконец, в различных частях Италии.

Эгейская культура.

Более того, пеласги традиционно были цивилизующим элементом, научившим людей печь хлеб, запрягать вола в плуг и измерять землю. Из этих и других намеков следует, что существовали воспоминания о еще более ранних аборигенах, среди которых пеласги предстают как культурный народ, привнесший, возможно, искусство и индустрию домикенской эпохи. Но это предположение, не основанное ни на каких известных данных, излишне, и более разумным представляется рассматривать эту культуру как местную, в некоторой степени развившуюся под восточным (египетским, вавилонским, хеттским?) влиянием[1088]. Здесь важно отметить, что пеласгам приписывалось знание письма[1089], и все это было выдвинуто как достаточное подтверждение нашего второго постулата. Тем не менее, следует признать, что трудности не все преодолены этой гипотезой, и дальнейший

вопрос о языке разделяет даже самых ярых ее сторонников на противоположные группы, поскольку в то время как средиземноморцы Серги обязательно говорят на неиндоевропейском языке[1090], пеласги Риджуэя говорят на эолийском греческом.[1091]

Другие взгляды.

Наиболее строго ограничивает ареал и значение пеласгов Дж. Л. Майрес[1092], который считает, что альпийский тип может быть даже примитивным в Морее, а средиземноморский человек является вторженцем с юга, лишь окаймляющим побережье и никогда не проникающим вглубь страны. Исследования фон Лушана в Ликийи подтверждают эту точку зрения[1093], а на карте Рипли с изображением современных жителей Балканского полуострова "греческий контингент тесно примыкает к морскому побережью[1094]." Рипли, однако, тщательно избегая любого втягивания "пеласгов" в этот вопрос, предполагает наличие примитивного субстрата средиземноморского типа по всей Греции. "Свидетельства этих древнегреческих черепов совершенно гармоничны. Все авторитеты согласны с тем, что древние эллины были явно длинноголовыми, выдавая в этом отношении свое родство со средиземноморской расой..... Из Аттики ли, из последовательных городов Шлимана, раскопанных на месте Трои, или с побережья Малой Азии[1095]; во все времена с 400 г. до н.э. до третьего века нашей эры, кажется, доказано, что греки были этого долихоцефального типа..... Все характеристики их современных потомков и все аналогии с соседними народами приводят нас к выводу, что классические эллины были явно средиземноморского расового типа, мало чем отличаясь от финикийцев, римлян или иберийцев[1096]." Тем не менее, Дёрпфельд[1097] утверждает, что в Греции с самого начала существовали две расы - южная, или эгейская, и северная, которая и была историческими арийцами-ахейцами, и последние археологические открытия, безусловно, подтверждают эту точку зрения.

Еще одна попытка решить пеласгийскую проблему принадлежит Э. Мейеру[1098]. Перечислив различные области, которые, как говорят, были заняты пеласгами, "*ein grosses Urvolk*", простиравшимися от Малой Азии до Италии, он надует пузырь, говоря, что в действительности пеласгов не было только в Фессалии, на плодородной равнине Пеней, которую называют "пеласгическим Аргосом[1099]," и позже Пеласгиотисом. Они, как и дорийцы, вторглись на Крит из Фессалии и в начале первого тысячелетия были разбиты и поработаны пришедшими фессалийцами. Это единственные истинные пеласги. Остальные так называемые пеласги - потомки одноименного Пеласга, который в генеалогической поэзии становится прародителем человечества. Поскольку аркадяне считались самыми ранними из коренных народов, Пеласг стал прародителем аркадян. Название "пеласгический Аргос" было перенесено из Фессалии в пелопоннесский город. Аттические пеласги произошли от ошибки Гекатея[1100]. Так росла легенда. Единственная реальная проблема пеласгов, заключает Мейер, заключается в том, были ли фессалийские пеласги греческим или догреческим народом, и он склоняется к последней точке зрения. Идентичность "самого загадочного народа древности" еще больше затуманивается филологией, поскольку, как отмечает П. Джайлс, их название, по-видимому, означает просто "люди моря", так что "они не во всех случаях представляются одним и тем же народом[1101]."

Назовем ли мы их пеласгами или нет, но, похоже, мало кто сомневается, что великолепие эгейской цивилизации, которое было и продолжает постепенно раскрываться благодаря исследованиям британских, итальянских, американских и немецких археологов, должно быть приписано коренному народу средиземноморского типа, занимавшему территорию, центром которой был Крит, начиная с каменного века, вплоть до бронзового века и северных вторжений во втором тысячелетии и внедрения железа. По ареалу распространения эта

культура включала Грецию с островами, Кипр и Западную Анатолию, а ее влияние распространялось на запад до Сицилии, Италии, Сардинии и Испании, а также на восток до Сирии и Египта. Ее главные характеристики: (1) местная письменность, как пиктографическая, так и линейная, с возможным родством с хеттской, кипрской и юго-западной анатолийской письменностью, но до сих пор не поддающаяся расшифровке; (2) характерное искусство, пытающееся "выразить идеал в формах, все более и более приближенных к реальности[1102] , " представленное во фресках, керамике, рельефах, скульптурах, украшениях и т.д.; (3) характерный архитектурный стиль и (4) тип гробниц, не имеющих аналогов в других местах. Раскопки в Кноссе позволили установить хронологию для Эгейского региона. В основании находится огромная толща неолитических отложений, над которыми возвышаются керамика и другие предметы минойского периода I. 1, которые Петри соотносит с предметами, найденными в Абидосе, отнесенными им к I династии (4000 г. до н. э.). Минойский период II. 2 соотносится с египетской XII династией (2500 г. до н.э.), характерная критская керамика этого периода была найдена в Фаюме. Минойский период III. 1 и 2 синхронизируется с XVIII династией (1600-1400 гг. до н.э.). Железо начинает использоваться для изготовления оружия после периода III. 3, и обычно приписывается вторжению с севера, дорийскому вторжению греческих авторов, около 1000 г. до н. э., которое привело к разрушению Кноссского дворца и замене "геометрического" на "микенское" искусство.

Распространение хамитов в Африке.

Обращаясь к африканской ветви средиземноморского типа, мы видим, что она составляет не просто субстрат, а большую часть жителей на протяжении всего зафиксированного времени от Атлантики до Красного моря и от Средиземного моря до Судана, хотя с мусульманских времен в значительной степени смешалась с родственными семитскими племенами (в основном арабами) на севере и западе, а на востоке (Абиссиния) - с теми же племенами с доисторических времен. Все они объединены Сержем[1103] в два основных подразделения:...

1. Восточные хамиты, отвечающие *эфиопской ветви* некоторых писателей, несколько изменчивого типа, включающие *древних и современных египтян*, теперь смешанных с семитскими (арабскими) элементами; *нубийцы, беджас, абиссинцы*, собирательное название всех народов между Хор-Баркой и Шоа (в некоторых местах со значительным вкраплением химьяритской или раннесемитской крови из Южной Аравии); *галласы* (собственно галласы, сомалы и афары или данакилы); *масаи и ба-хима*.

2. Северные хамиты, *ливийская раса* или *берберская (западная) ветвь* некоторых авторов, включающая *средиземноморских берберов* Алжира, Туниса и Триполи; *атлантических берберов (шлухов и других)* Марокко; *западносахарских берберов*, обычно называемых *туарегами*; *тибу* из Восточной Сахары; *фулахов*, рассеянных среди суданских негров; *гуанчей* Канарских островов.

Восточные хамиты.

О восточных хамитах он в целом отмечает, что они не образуют однородного подразделения, а скорее представляют собой несколько различных народов, либо теснящихся в отдельных областях, либо рассеянных по территориям других народов. Они сходятся больше в своих внутренних, чем во внешних чертах, не составляя единого этнического типа. Черепные формы изменчивы, хотя и сходятся, и, очевидно, должны рассматриваться как очень старые разновидности исходного фонда. Черты лица также изменчивы, сходятся и характерны: прямой или дугообразный (аквилоидный) нос, совершенно отличный от негритянского; губы

довольно толстые, но никогда не оттопыренные, как у негров; волосы обычно вьющиеся, а не волнистые; борода тонкая; кожа очень изменчива, коричневая, красно-коричневая, черно-коричневая, румяно-черная, шоколадно-кофейная, красноватая или желтоватая; эти вариации обусловлены скрещиванием и внешними физическими условиями.

Западные "мавры".

В этом предположении Серджи помогает аналогичный случай с западными берберами между Сенегалом и Марокко, к которым Коллинзон и Деникер[1104] применяют термин "мавр" как этническое название. Главными группами, которые простираются от Атлантического побережья на восток до мест стоянок настоящих туарегов[1105], являются трарсас и брактас у реки Сенегал, а дальше на север - двайш (идоеш), улед-белла, улед-эмбарк и улед-ан-насур. Изучение четырех этих мавров, посетивших Париж в 1895 году, показало, что они не арабо-берберы, как принято считать, а настоящие хамиты, с явным негритянским оттенком, что особенно заметно по их вьющимся волосам, бронзовому цвету кожи, короткому широкому носу и толстым губам, а их общий вид демонстрирует удивительное сходство с бежами, афарами, сомалами, абиссинцами и другими восточными хамитами. Это не связано с прямым происхождением, и разумнее предположить, "что на двух концах континента одни и те же причины привели к одинаковым последствиям, и что от вливания определенной доли черной крови в египетскую [восточную] и берберскую ветви хамитов произошли близко похожие смешанные группы[1106]." От настоящего негра их также отличает серьезная и величественная осанка, а еще - гораздо более высокий интеллект.

Общий хамитский тип.

Оба подразделения хамитов, продолжает Серджи, в значительной степени согласуются в своем костном строении и, таким образом, образуют единую антропологическую группу с изменчивым черепом - пятиугольным, яйцевидным, эллипсоидным, сфеноидным и т. д, как выражается его терминология, но постоянный, то есть каждая разновидность повторяется во всех ветвях; лицо также переменное (четыреугольное, эллипсоидное и т.д.), но одинаковое во всех ветвях; профиль непрогнатический; глаза темные, прямые, не выдающиеся; нос прямой или дугобразный; волосы гладкие, вьющиеся, длинные, черные или каштановые; борода полная, также скудная; губы тонкие или слегка опущенные, никогда не выступающие; кожа различных коричневых оттенков; рост средний или высокий.

Таково великое антропологическое деление, которое постоянно распространялось по большей части Африки и вокруг северных берегов Средиземного моря. По мнению Штульмана[1107], он зародился в Южной Аравии, если не дальше на восток, и проник в Африку в районе Эритреи. Он считает, что Красное море не является препятствием для миграции, но предполагает возможную сухопутную связь между противоположными берегами.

Иностранные элементы в Мавритании.

Нет ничего более удивительного, чем странное сохранение не только берберского типа, но и берберского темперамента и национальности со времен каменного века, несмотря на последовательные вторжения иноземных народов в течение исторического периода. Первыми пришли сидонские финикийцы, основавшие Карфаген и Утику, вероятно, около 1500 года до н.э. За греческой оккупацией Киренаики (628 год до н.э.) последовало пришествие римлян на руины карфагенской империи. Римляне, безусловно, оставили явные следы своего присутствия, и некоторые горцы Ауреса до сих пор с гордостью называют себя *руманийцами*. Эти *шавиа* ("пасторы") составляют многочисленную группу, все они заявляют

о своем римском происхождении и даже до сих пор соблюдают некоторые римские и христианские праздники, такие как *Бу Ини*, то есть Рождество; *Иннар* или *Январь* (Новый год); Весна (Пасха) и т. д. Сохранилось также несколько латинских слов, таких как *urtho* = hortus; *kerrúsh* = quercus (вечнозеленый дуб); *milli* = milliarium (веха).

После временной вандальской оккупации последовали великие арабские вторжения седьмого и последующих веков, но даже им предшествовали родственные *руадиты*, которые еще в домусульманские времена достигли Мавритании из Аравии. С учетом евреев, некоторые из которых также достигли Триполитании еще до новой эры, постоянного проникновения негров из Судана и недавних французских, испанских, итальянских и мальтийских поселенцев, мы имеем все элементы, которые составляют космополитическое население Мавритании.

Арабские и берберские контрасты.

Но среди всех них берберы и арабы выделяются как чрезвычайно преобладающие факторы, которые все еще отличаются друг от друга, несмотря на, вероятно, общее происхождение в далеком прошлом и более поздние слияния. Араб остается прежде всего кочевником-скотоводом, живущим в палатках, без дома или селения, хорошим скотоводом, но плохим земледельцем, да и то лишь по принуждению. "Лемех и позор входят в семью рука об руку", - гласит народная пословица. Чтобы найти место для своих отар и стад, он продолжает разрушительную работу карфагенян и римлян, которые много лет назад расчистили огромные лесные массивы для своих флотов и торговых кораблей и таким образом сделали большие территории бесплодными и пустынными.

Бербер, напротив, любит укрытые леса; он, по сути, горец, который тщательно обрабатывает лесные поляны, селится в постоянных домах и часто развивает процветающую промышленность. Арабское общество феодально и теократично, им правит деспотичный шейх, в то время как бербер со своей *Джемаа*, или "Витенагемот", и своим *Кануном*, или неписаным кодексом, чувствует себя свободным человеком; и, возможно, именно этот демократический дух, унаследованный его европейскими потомками, позволил западным нациям возглавить движение человечества вперед. Араб - фанатик, которого всегда нужно бояться, потому что он слепо повинуется воле Аллаха, провозглашенной его пророками, марабутами и махди[1108]. Но бербер, прирожденный скептик, с опаской смотрит на теологические догмы; бессознательный философ, он гораздо меньший фаталист, чем его семитский сосед, который ассоциирует с Аллахом бесчисленных демонов и джинов в управлении миром.

В физическом облике эти две расы также представляют собой поразительные контрасты: у араба правильная овальная мозговая оболочка и лицо истинного семита, в то время как голова бербера более угловатая, менее тонко вылепленная, с более выдающимися скулами, более коротким и менее аквильным носом, что в сочетании с легкой степенью подносового прогнатизма придает чертам лица более грубые и менее гармоничные очертания. В то же время он заметно выше и мускулистее, с меньшей однородностью цвета глаз и волос, как и следовало ожидать от многочисленных элементов, входящих в конституцию нынешнего берберского населения.

В социальном конфликте между арабской и берберской расами представляется любопытное зрелище двух почти равных элементов (одинаковое происхождение, одна и та же религия, одно и то же правительство, одни и те же или аналогичные племенные группы, примерно одинаковое культурное развитие), отказывающихся слиться в какой-либо значительной степени, хотя живущих в непосредственной близости друг от друга уже более тысячи лет. В

этой борьбе арабы, похоже, пока имеют преимущество. Случаи берберизации арабов встречаются, но крайне редко, в то время как берберы не только повсеместно приняли Коран, но и целыми племенами ассимилировались в речи, costume и обычаях с семитскими вторженцами. Поэтому может показаться, что в конечном итоге араб должен одержать победу. Но французские наблюдатели уверяют нас, что в Алжире и Тунисе видимость обманчива, как бы ни обстояли дела в Марокко и Сахаре. "Араб, - пишет Мальбот, которому я обязан некоторыми из этих подробностей, - пришелец из Мавритании, перенесенный на почву, которая не всегда ему подходит, далеко не всегда процветает и стремится исчезнуть, тогда как берберы, особенно под щитом Франции, становятся все более агрессивными и ежегодно увеличиваются в численности. В настоящее время он составляет не менее трех пятых населения Алжира, а в Марокко его доля еще больше. Это раса будущего, как и прошлого[1109]."

Однако, похоже, это относится только к расам, а не к их языкам, поскольку в другом месте нам говорят, что арабский язык неуклонно вытесняет несколько более грубые берберские диалекты[1110]. Учитывая огромное пространство, на котором они распространены, и тысячи лет, в течение которых некоторые из групп перестали контактировать, эти диалекты демонстрируют удивительно незначительные расхождения с давно исчезнувшей речью, от которой все они произошли. Как бы он ни назывался - кабийский, зенатский, шавийский, тамашекский, шлухский - берберский язык все равно по сути своей един, и сходство между формами, существующими в Марокко, Алжире, Сахаре и отдаленном оазисе Сивах на границе Египта, гораздо ближе, чем, например, между норвежским и английским в субарийской тевтонской группе.[1111]

Тибус.

Но когда мы пересекаем условную границу между смежными областями туарегов и тибу в центральной Сахаре, расхождения настолько велики, что филологи до сих пор сомневаются, связаны ли эти два языка хотя бы отдаленно или вообще. С тех пор как Лепсиус отказался от обобщения, согласно которому хамитские и негритянские языки были единственными языковыми корнями, сложность африканских лингвистических проблем становится все более очевидной, и тибу - лишь одна из многих загадок, относительно которой существуют большие разногласия даже среди самых последних и компетентных авторитетов.[1112]

Сами тибу, очевидно, прямые потомки древних гарамантов, имеют свою первобытную родину в хребте Тибести, *то есть* "Скалистых горах", откуда они и взяли свое название[1113]. Есть две отдельные части: северные *теда*, название которых напоминает о *тедамансиях*, ветви гарамантов, расположенной по Птолею где-то между Триполитанией и Фазанией (Феццаном), и южные *даза*, через которых тибу постепенно сливаются с негроидным населением центрального Судана. Это смешение с чернокожими произошло в далекие времена, откуда и замечание Птолемея о том, что гараманты казались скорее "эфиопами", чем ливийцами[1114]. Но нет никаких сомнений в том, что полнокровные тибу, представленные северной частью, в основном средиземноморцы, и хотя тип мужчин несколько грубее, чем у их соседей туарегов, тип женщин почти самый лучший в Африке. "Их женщины очаровательны, пока еще находятся в расцвете молодости, и не имеют себе равных среди своих сестер из Северной Африки по физической красоте; упругие и грациозные фигуры[1115]."

Интересно отметить, что среди этих уединенных кочевников Сахары медленно развивается культура и сохраняются обычаи, которые объясняются примитивными социальными условиями. "Тибу всегда недоверчив, поэтому, встретив в пустыне соплеменника, он

старается не приближаться к нему без должной предосторожности. При виде друг друга оба обычно внезапно останавливаются; затем, приседая и накидывая литам на нижнюю часть лица по туарегской моде, они хватают неразлучное копье в правой руке и шангер-мангор, или билль-крюк, в левой. После этих предварительных церемоний они начинают обмениваться комплиментами, расспрашивать друг друга о здоровье и семейных связях, встречая каждый ответ выражением благодарности Аллаху. Эти формальности обычно длятся несколько минут[1116]. " Очевидно, что все это означает не более чем снятие шляпы или рукопожатие у более развитых народов; но это указывает на времена, когда каждый незнакомец был *hostis*, который позже стал *hospes* (хозяин, гость).

Египетские хамиты.

Следует заметить, что область Тибу, с ныне абсолютно непроходимой Ливийской пустыней[1117], почти полностью отделяет средиземноморскую ветвь от собственно хамитов. Однако преемственность сохраняется как на севере вдоль берегов Средиземного моря до дельты Нила (Нижний Египет), так и на юге через Дарфур и Кордофан до Белого Нила, а затем вниз по главному течению до Верхнего Египта и через Абиссинию, Галлу и Сомали до Индийского океана. Между Нилом и восточным побережьем владения хамитов простираются от экватора на север до Египта и Средиземноморья.

Таким образом, получается, что Египет, занятый на протяжении многих тысяч лет, по общему признанию, хамитским народом, мог быть достигнут либо с запада по средиземноморскому пути, либо по Нилу, либо, наконец, можно предположить, что хамиты специализировались в самой долине Нила. Решить этот вопрос нелегко, поскольку, обращаясь к свидетельствам каменного века, мы не находим ничего, что позволило бы сделать выбор между такими широко разделенными регионами, как Сомалиленд, Верхний Египет и Мавритания, все из которых дали сверхдоказательства присутствия человека на протяжении неисчислимых веков, оцениваемых некоторыми палеонтологами в несколько сотен тысяч лет. В Египте палеолиты свидетельствуют не только о чрезвычайной древности, но и о том, что ход цивилизации не прерывался никакими кризисами, которые в Западной Европе позволили получить средства хронологической классификации. Различия в технике носят локальный и географический, а не исторический характер. Неолит рассказывает ту же историю, а использование меди в начале исторического периода лишь постепенно вытеснило кремневую промышленность, которая продолжалась во времена ранних династий вплоть до периода Средней империи и достигла степени совершенства, нигде не превзойденной. Доисторическая керамика еще больше усиливает свидетельства медленного, постепенного развития, причем новые формы нигде не вытесняли старые, а сосуществовали бок о бок [1118].

Происхождение.

Поэтому может показаться, что вопрос о происхождении египтян решен простым изложением дела, и что можно без колебаний утверждать, что египетские хамиты развились на египетской земле, следовательно, являются истинными автохтонами в долине Нила. И все же нет более горячо обсуждаемого этнологического вопроса, чем вопрос о происхождении и культуре египтян, поскольку эти два вопроса кажутся неразделимыми. В целом существует две школы: африканская, чьи основополагающие взгляды кратко изложены, и азиатская, которая переносит египтян со всеми их произведениями с соседнего континента. Но, учитывая, что египтяне теперь признаны хамитами, что в Азии нет хамитов, о которых можно было бы говорить (скажем прямо, вообще нет), и что они в течение несметного количества

веков занимали большие территории Африки, есть несколько представителей азиатской школы, которые допускают, что не сам народ, а его культура пришла только из западной Азии (Месопотамии). Если это так, то эта культура, предположительно, укоренилась бы в дельте, куда сначала попал Суэцкий перешеек из Азии, а затем распространилась, скажем, от Мемфиса вверх по Нилу до Фив и Верхнего Египта, и здесь возникает трудность. Ведь в то время еще не было дельты[1119], или, по крайней мере, она была только в процессе формирования, своего рода спорный регион между сушей и водой, населенный в основном крокодилами, и совершенно не подходящий для того, чтобы стать местом обитания культуры, характерной чертой которой являются огромные каменные памятники, одни из самых больших, когда-либо возведенных человеком, и, следовательно, нуждающиеся в прочном фундаменте на *твердой земле*. Кроме того, оказывается, что хотя Мемфис очень древний, Фивы гораздо старше, иными словами, египетская культура зародилась в Верхнем Египте и распространилась не вверх, а вниз по течению Нила. С другой стороны, сами египтяне рассматривали дельту как колыбель своей цивилизации, хотя никаких следов материальной культуры не сохранилось, да и не могло сохраниться на такой почве[1120]. Более того, не обязательно вводить азиатских захватчиков через Нижний Египет. Ф. Штульман постулирует наличие сухопутной связи между Африкой и Аравией, но даже без этого предположения он считает Красное море не препятствием для ранних проникновений[1121]. Флиндерс Петри, отвергая возможность значительного водного транспорта для некультурных доисторических египтян (которых он выводит из Ливии), обнаруживает последовательность последующих вторжений из Азии, династическую расу, пересекавшую Красное море в районе Коптоса, и сирийские вторжения, приведшие к цивилизации Двенадцатой династии, помимо более поздних вторжений гиксосов семито-вавилонского происхождения.[1122]

Теория азиатского происхождения.

Теория азиатского происхождения четко сформулирована Х. Х. Джонстоном[1123]. Он рассматривает первых жителей Египта как карликовую негроидную расу, не похожую на современных пигмеев Конго (стр. 375), с возможными следами бушменов (стр. 378), но это население было вытеснено более 15 000 лет назад средиземноморским человеком, который мог проникнуть вплоть до Абиссинии, и мог быть лингвистическим родителем фулахов[1124]. Тип фула был вытеснен вторжениями хамитов и ливийцев или берберов. "Хамиты были, несомненно, общего происхождения, лингвистического и расового, с семитами, и, возможно, возникли в этом великом рассаднике народов-завоевателей, Юго-Западной Азии. Они предшествовали семитам и (как мы можем предположить) после длительного пребывания и концентрации в Месопотамии вторглись и колонизировали Аравию, Южную Палестину, Египет, Абиссинию, Сомалиленд и Северную Африку до ее атлантических берегов. Династические египтяне также были в некотором смысле хамитами, как в языковом, так и в физическом смысле; но они, похоже, достигли высокой цивилизации в Западной Аравии, пересекли Красное море на судах и сделали свою первую базу на египетском побережье около Береники в естественной гавани, образованной Рас-Бенасом. Отсюда длинный, широкий вادي или долина - в то время, несомненно, плодородная - привел их к Нилу в Фиваиде, первом месте их царской власти[1125]. Предки династических египтян, возможно, были родоначальниками великих плотин и ирригационных сооружений в Западной Аравии; а длительная борьба с усиливающейся засухой, возможно, впервые научила их добывать каменные блоки и строить из камня. Возможно, перенаселенность и усиливающаяся засуха заставили их переселиться за Красное море в поисках другого дома; или же их миграция была частично стимулирована семитскими ордами с севера, которых мы можем представить себе в этот период - примерно 9000-10 000 лет назад - продвигающимися на юг в Аравию и завоевывающими или сливающимися с предшествующими хамитами;

точно так же, как эти последние, без сомнения, в более ранние времена вырвали Аравию из владений негроидов и дравидов" (стр. 382).

Протоегипетский тип.

То, что основание Первой династии совпало с физическим изменением населения, доказывают тысячи скелетов и мумий, исследованных Эллиотом Смитом^[1126], который считает додинастических египтян "вероятно, ближайшим приближением к той антропологической абстракции, чистой расе, о которой мы знаем (стр. 83)". Он описывает этот тип следующим образом (гл. IV.).

Протоегиптянин (*т.е.* додинастический) был человеком небольшого роста, его средний рост оценивается в чуть менее 5 футов 5 дюймов, в плоть до мужчин, и почти 5 футов в случае женщин, , что является чуть ли не средним показателем для человечества в целом, тогда как современный египетский *феллах* в среднем составляет около 5 футов 6 дюймов. Он был очень стройного телосложения с признаками слабого развития мускулатуры. Фактически, в его костях прослеживается женственная грация и хрупкость, которых не хватает в более грубых очертаниях скелетов его более мужественных преемников. Волосы протоегиптянина были точно такими же, как у брюнетистых южноевропейских или иберийских народов современности. Они были очень темного коричневого или черного цвета, волнистые или почти прямые, иногда вьющиеся, но никогда не "шерстяные". Нет никаких сомнений в том, что эти темные волосы ассоциировались с темными глазами и бронзовым цветом лица. Эллиот Смит решительно поддерживает мнение Серджи о том, что древний египтянин принадлежал к средиземноморской расе. "Сходство между раннеолитическими народами Британских островов и Средиземноморья и основной массой населения, как древнего, так и современного, Египта и Восточной Африки настолько поразительно, что описание костей раннего британца может во всех существенных деталях относиться к жителю Сомалиленда". Но он также указывает, что существуют столь же тесные отношения, связывающие протоегиптян с населением на востоке, от Красного моря до Индии, включая как семитов, так и хамитов. Отвергая термины "средиземноморцы" или "хамиты" как неадекватные, он классифицирует свою средиземноморско-хамитско-семитскую группу как "коричневую расу"^[1127]."

Удачное стечение обстоятельств предоставило Эллиоту Смитсу возможность определить этническое родство египетского народа.

Экспедиция Херста Калифорнийского университета под руководством Г. А. Рейснера с 1901 года занималась раскопками в Нага-эд-Дере в Фиваиде, где кладбище, раскопанное А. М. Литгоу, содержало хорошо сохранившиеся тела и скелеты самого раннего из известных додинастических периодов. Рядом находился ряд могил Первой и Второй династий; в нескольких сотнях ярдов - гробницы Второй - Пятой династий (их исследовал А. К. Мейс), а также большое количество гробниц, начиная со времен Шестой династии и заканчивая Двенадцатой. "Таким образом, был получен хронологически непрерывный ряд человеческих останков, представляющих каждую эпоху в истории Верхнего Египта с доисторических времен, приблизительно оцениваемых в 4000 лет до н.э., до конца Средней империи , более чем две тысячи лет спустя". В довершение истории на том же месте были обнаружены коптские (христианские египетские) могилы пятого и шестого веков.

"Изучение этой необычайно полной серии человеческих останков, дающей такие материалы для реконструкции расовой истории одного места на протяжении более чем сорока пяти веков, как ни одно другое место, убедительно показало, что люди, чьи останки были захоронены незадолго до введения ислама в Египте, были из той же плоти и крови, что и их

предшественники в той же местности до начала истории. А девятилетний опыт работы в анатомическом отделении медицинской школы в Каире, - продолжает Эллиот Смит, - не оставил у меня никаких сомнений в том, что основная масса нынешнего населения Египта соответствует точно такому же расовому типу, который, таким образом, был доминирующим в северной части долины Нила на протяжении шестидесяти веков[1128]."

Арменоидный тип.

Уже при Второй династии начали появляться некоторые чужеродные черты, которые стали сравнительно распространенными в сериях с Шестой по Двенадцатую. Неегипетские черты можно наблюдать в останках из многочисленных мест, раскопанных Флиндерсом Петри в Нижнем и Среднем Египте, и особенно заметны на кладбище вокруг пирамид Гизы (раскопано экспедицией Херста в 1903 году), содержащем останки более пятисот человек, живших во времена строителей пирамид; поэтому Эллиот Смит называет их "чертами Гизы" и приписывает арменоидному влиянию. Вскоре после объединения египетских царств Верхнего и Нижнего Египта Менесом (Меной), возможно, в результате открытия меди и изобретения металлических орудий[1129], за пределы Соединенного Королевства были отправлены экспедиции за медной рудой, деревом и другими предметами. Еще во времена Первой династии египтяне начали разрабатывать рудники на Синайском полуострове для добычи медной руды. Мейер[1130] утверждает, что Палестина и финикийское побережье были зависимыми территориями Египта, и есть множество доказательств того, что до конца правления Третьей династии между Египтом и Палестиной существовали тесные связи вплоть до Ливана. С этого времени физические характеристики жителей Нижнего Египта демонстрируют результаты иноземной примеси и представляют собой заметный контраст с чистым типом Верхнего Египта. Любопытное смешение характеров наводит на мысль, что процесс расовой примеси происходил скорее в Сирии, чем в самом Египте[1131]. Чужеземный тип лучше всего проявился в некрополе Гизы, и его представителей можно считать строителями и хранителями пирамид. Рост примерно такой же, как у протоегиптян, возможно, даже ниже, но они были построены гораздо прочнее, их кости более массивны, с хорошо развитыми мышечными гребнями и отпечатками, и в них нет ни капли женственности или инфантилизма, свойственных доисторическим скелетам. Мозговой корпус обладает большей емкостью, без следов скудного и плохо заполненного мозга, характерного для последних. Характерными особенностями были "греческий профиль" и челюсть, близко напоминающая круглоголовые альпийские расы.

Эти "черты Гизы" не были местным развитием, поскольку они были отмечены во всех частях Палестины и Малой Азии, а также в изобилии в Персии и Афганистане. Они встречаются в Пенджабе, но отсутствуют в Индии, имея область наибольшей концентрации в окрестностях Памира; в то время как в западном направлении, помимо спорадически разбросанных по Северной Африке, они снова признаны в вымерших гуанчах Канарских островов. Из этих соображений Эллиот Смит формирует следующую "рабочую гипотезу".

"Египтяне, арабы и шумеры, возможно, были родственниками коричневой расы, каждый из которых был разнообразно специализирован в результате долгого проживания в своих владениях; и в додинастические времена, прежде чем была осознана широкая польза меди как военного инструмента огромной силы, средняя додинастическая фаза культуры распространилась далеко и широко по Аравии и Шумеру. Затем пришло пробуждение к осознанию превосходства, которое давало владение металлическим оружием тем, кто им владел в бою против тех, кто не был так вооружен. Верхний Египет победил Нижний Египет благодаря этому знанию и владению таким оружием. Великобритания проложила себе путь в Сирию, чтобы добывать древесину и руду, и попутно научила арабов ценить металлическое

оружие. Таким образом, арабы получили превосходство над арменоидами Северной Сирии, а образовавшаяся из этой смеси гибридная раса семитов смогла спуститься по Евфрату и победить более культурных шумеров, поскольку последние не имели металлических орудий войны. Несемитские арменоиды Малой Азии перенесли новые знания в Европу[1132]."

Азиатское влияние на египетскую культуру.

Эта гипотеза может объяснить некоторые из сложных проблем, связывающих Египет и Вавилонию[1133]. На неазиатское происхождение египетского народа указывают недавние раскопки, но, как уже говорилось выше, до сих пор есть немало тех, кто считает, что египетская культура и цивилизация произошли в основном, если не полностью, от азиатских (вероятно, шумерских) источников. Семитские элементы, существующие в древнеегипетском языке, некоторые сходства между именами шумерских и египетских богов, а также сходство иероглифов с шумерской системой письма были приведены в качестве доказательств зависимости одной культуры от другой; в то время как введение знаний о металлах, металлообработке и ремеслах изготовления кирпича и строительства гробниц, наряду с луковичной булавой, цилиндрической печатью и одомашненными животными и растениями[1134], были отнесены к Вавилонии.

Но раскопки Рейснера в Нага-эд-Дере и Навилля в Абидосе (1909-10 гг.), похоже, ставят под сомнение исконное развитие египетской культуры. Выводы Рейснера[1135] заключаются в том, что между неолитической и раннединастической культурами Египта не было резкого разрыва преемственности. Не произошло никаких существенных изменений ни в египетском представлении о жизни после смерти, ни в обрядах и практиках, сопровождавших погребение. Наиболее заметные изменения - в характере гончарных и хозяйственных сосудов, в материалах для изготовления орудий труда и оружия, а также введение письменности - происходили постепенно, и один период перетекает в другой без какой-либо ярко выраженной линии разделения между ними. Египет, несомненно, имел торговые отношения с окружающими странами. Египтяне и вавилоняне наверняка встречались на рынках Сирии и в шатрах бедуинских вождов. Тем не менее, как отмечает Мейер, Египет отнюдь не перенял готовую цивилизацию из Вавилонии, а в том, что касается культурного влияния, был дарителем, а не получателем.[1136]

Негроидная смесь.

Осталось обсудить еще один чужеродный элемент в Египте. Большинство авторов по египетской этнологии обнаруживают негритянский или, по крайней мере, негроидный элемент в европеоидном населении и, хотя обычно отдают предпочтение неграм, предполагают сосуществование двух рас с незапамятных времен до наших дней. К. С. Майерс провел измерения более 1000 особей, и вот его выводы. "Нет никаких антропометрических (несмотря на исторические) доказательств того, что население Египта, в прошлом или настоящем, состоит из нескольких различных рас. Наши новые антропометрические данные говорят в пользу мнения, которое рассматривает египтян всегда как однородный народ, который менялся то в сторону европеоидных, то в сторону негроидных черт (в зависимости от окружающей среды), показывая такое близкое антропометрическое родство с ливийскими, арабскими и подобными соседними народами, показывая такую изменчивость и, возможно, такую способность к поглощению, что с антропометрической точки зрения нет никаких доказательств того, что современные египтяне подверглись заметному влиянию иной, чем спорадическая суданская примесь[1137]."

Фула.

Выше (гл. III.) было показано, что негроидные элементы встречаются по всему Судану от Сенегала почти до Дарфура, нигде не составляя всего населения, но почти всегда доминируя среди коренной расы. Это фула (фула, фульбе или фулани), этническое родство которых породило огромное количество спекуляций. Их языковые особенности заставили многих этнологов считать их потомками первых белых колонистов Северной Африки, "европеоидных захватчиков", 15 000 лет назад, до хамитского вторжения с востока[1138]. Таким образом, объясняется тот факт, что их язык не обнаруживает абсолютно никакого структурного родства с семитскими или ливийско-хамитскими группами, или с любыми другими речевыми семьями за пределами Африки, хотя и имеет слабое сходство по структуре с лесгийской[1139] речью Кавказа и дравидийскими языками Белуджистана и Индии. Физически, кажется, ничто не отличает их от других смесей[1140] хамитов-негров. Физический тип чистокровного фулаха Х. Х. Джонстон описывает следующим образом: "Высокого роста (но не гигантские, как у нилоте и юго-восточных суданцев), с оливковой кожей или даже бледно-желтой; хорошо пропорциональные, с тонкими руками и ногами, без стетопигии, с длинным, овальным лицом, большим носом (у мужчин), прямым носом у женщин (нос тонко обрезан, как у кавказцев), глаза большие и "тающие", с египетским взглядом, волосы на голове длинные, черные, спутанные или колечками, никогда не бывают совсем прямыми[1141]". Поначалу они были тихим народом, пастухами и скотоводами с высоким и сложным типом языческой религии, которая до сих пор сохранилась в некоторых частях Нигерии. Но начиная с двенадцатого века многие из них приняли ислам и, совершая паломничество в Мекку, получили некоторые знания о мире за пределами Африки. В конце восемнадцатого и начале девятнадцатого веков подъем мухаммаданского фанатизма и гордое сознание своего расового превосходства над простыми неграми вооружили их как аристократию, чтобы вырвать политический контроль над всей Нигерией из рук негритянских правителей или угасающей власти туарегов и сонгаев. Эта раса бессознательно продолжала кавказское вторжение и проникновение в Африку.

Другие восточные хамиты-беи-сомалы.

Менее спорную проблему представляют восточные хамиты, которые образуют непрерывную цепь темных кавказских народов от Средиземноморья до экватора, и чье этническое единство теперь установлено Серги на анатомических основаниях[1142]. Граничащая с Верхним Египтом и простирающаяся далее до подножия Абиссинского плато область беджа, основные подразделения которой - абабде, хадендоа, бишарин, бени амер - с древнейших времен занимали весь регион между Нилом и Красным морем.

С. Г. Селигман проанализировал физические и культурные особенности племен беджа (*бишарин*, *хадендоа* и *бени амер*), *барабра*, арабов-кочевников (таких как *кабабиш* и *кавахла*), нилотов (*шиллук*, *динка*, *нуэр*) и полухамитов (*ба-хима*, *масаи*), пытаясь, исключив негритянские и семитские элементы, вывести основные черты, которые могут свидетельствовать о хамитском влиянии. Он считает, что *Бени Амер* наиболее близки к первоначальному типу *Беджа*, который он описывает следующим образом. "Обобщая их физические характеристики, можно сказать, что это невысокие, небольшого роста мужчины, с красновато-коричневой или коричневой кожей, в которой присутствует больший или меньший оттенок черного, а в некоторых случаях кожа определенно темнее и представляет собой оттенок коричнево-черного. Волосы обычно вьются, в некоторых случаях их можно назвать волнистыми, но принятый способ укладки затрудняет точное описание их состояния. Часто, как это повсеместно распространено среди носителей тюрбанов, голова выбрита..... Лицо обычно длинное и овальное, или приближается к овалу по форме, челюсть часто слегка развита, что при наличии довольно острого подбородка может привести к тому, что верхняя

часть лица будет казаться непропорционально широкой. Нос имеет хорошую форму и является полностью кавказским по типу и форме[1143]. Среди хадендоа нередко встречается "арменоидный" или так называемый "еврейский" нос. Селигман обращает внимание на близкое сходство между типом *носа беджа* и древних египтян.

Сомалийские генеалогии.

Через афаров (данакиль) засушливого побережья между Абиссинией и морем беджа связаны с многочисленным хамитским населением земель Сомали и Галлы. Для термина "сомал", который появился совсем недавно и, конечно, неизвестен аборигенам, Х. М. Абуд[1144] предлагает интересное и правдоподобное объяснение. Будучи гостеприимным народом, а молоко - его основной пищей, "первое слово, которое мог услышать чужестранец, посетив их краалы, было "Só mál", *то есть* "Иди и принеси молока"". Чужаки могли назвать их по этому обстоятельству, а другие названия племен, несомненно, могут быть отнесены к более невероятным источникам.

Туземцы считают, что землю населяют две расы: (1) аша, истинные сомалы, среди которых есть два больших подразделения, *дарод* и *ишак*, оба претендующие на происхождение от некоторых знатных арабских семей, хотя и не говорящие больше на арабском языке; (2) хавия, которых другие не считают истинными сомалами, а только "язычниками", и которые также состоят из двух основных ветвей, *айса* и *гадабурси*. В национальных генеалогиях, собранных Абудом и Коксом, многие мифические герои похоронены в Мейте или рядом с ним, который можно назвать колыбелью сомалийской расы. Отсюда они распространились во всех направлениях: Дароды продвинулись на юг и вытеснили Галлу за Веббе-Шебель, а до недавнего времени совершали набеги вплоть до реки Тана. Следует заметить, что эти генеалогические таблицы далеко не полны, так как в них не учтена большая часть южных районов, в частности *раханвины*, которые имеют очень широкий ареал по обе стороны Джуба.

В высказываниях местных жителей об истинных сомалийцах и "язычниках" раса и религия перепутаны, а различие между аша и хавийя - это просто различие между мусульманами и неверными. Последние, вероятно, гораздо чище первых, чьи генеалогии свидетельствуют о смешении арабских мусульманских завоевателей с языческими аборигенами.

Несмотря на темный цвет кожи, К. Келлер[1145] без труда относит сомалийцев к "европеоидной расе". Семитский тип четко выделяется в нескольких группах, и в целом они отличаются прекрасным телосложением, хорошим ростом, гордой осанкой и часто классическим профилем, хотя тип очень изменчив из-за пересадки арабов и негров на хамитскую основу. Шерсть никогда не бывает шерстяной, но, как и у беджа, она кольчатая и менее густая, чем у абиссинцев и галла, а иногда даже совсем прямая. Лоб тонко закруглен и выдается вперед, глаза умеренно большие и довольно глубоко посаженные, нос прямой, но также курносый и аквилинный, рот правильный, губы не слишком толстые, голова субдолихоцефальная.

Большое внимание всем этим восточным хамитским народам уделяет доктор философии Пауличке[1146], который считает галла как интеллектуально, так и морально выше сомалов и афаров, и главная причина заключается в том, что пагубное влияние, оказываемое арабами и абиссинцами, в гораздо большей степени затрагивает двух последних, чем первую группу.

Галлы.

Галлы, по-видимому, достигли африканского побережья раньше данакилов и сомалийцев, но были вытеснены на юго-восток под давлением последних, оставив остатки галла в качестве крепостных среди южных сомалийцев, а наличие подневольных негроидных племен среди галла свидетельствует о существовании более раннего населения, которое они частично вытеснили. Последующее давление масаи с юга заставило галла вступить в контакт с данакилами, и часть их, проникшая вглубь страны, обосновалась на севере и востоке Виктория-Ньянза, где они известны сегодня как ба-хима, ва-туси, ва-руанда и родственные им племена, описанные на с. 91.

Масаи.

Масаи, наводящие ужас на своих соседей, представляют собой смесь галла и нилотских негров, что позволяет говорить о них как о самом лучшем типе в Африке. Телосложение стройное, а рост часто превышает шесть футов, лицо хорошо сформировано, с прямым носом и тонко вырезанными ноздрями, волосы обычно вьются, а кожа темная или красновато-коричневая. Они занимаются исключительно скотоводством, имея огромные стада крупного рогатого скота, которым они очень гордятся, но в первую очередь они примечательны своей военной организацией, которую едва ли превзошли зулусы. Они повсюду находили в земледельческих народах легкую добычу, и до тех пор, пока их богатства не сократились из-за чумы (с 1891 года) и сдерживающего влияния белого человека, масаи считались вечно страшным бичом для всех менее воинственных жителей Восточной Африки.
.[1147]

Абиссинские хамиты: Религия.

Среди абиссинских хамитов мы находим странное сплетение примитивных и более развитых религиозных идей. На кипящую массу африканского язычества, уже в доисторические времена затронутую ранними семитскими идеями, привнесенными химьяритами из Южной Аравии, была несколько неожиданно наложена неразвитая форма христианства проповедью Фрументия в четвертом веке, результаты которой нельзя назвать удовлетворительными. В то время как разнородные этнические элементы слились в единую абиссинскую национальность, противоречивые религиозные идеи так и не были объединены в последовательную единую систему. Поэтому "абиссинское христианство" - это своего рода ругательство даже среди восточных церквей, а социальные институты характеризуются элементарными представлениями о справедливости и парадоксальными "шаманскими" практиками, перемежающимися с несколькими возвышенными моральными заповедями. Многие вещи стали неожиданностью для членов миссии Реннела Родда[1148], которые не могли понять столь странную смесь дикости и возвышенных понятий в христианской общине, где, например, случайная смерть приравнивается к умышленному убийству. Упоминается случай, когда человек упал с дерева на стоявшего внизу друга и убил его. "Было решено, что он погибнет от рук семьи, понесшей утрату, так же, как и труп. Но семья отказалась принести в жертву второго члена, и преступник сбежал". Для раскрытия преступления, как и во времена фараонов, прибегают к помощи снов. Посылают жреца, и если его молитвы и проклятия не помогают, маленького мальчика накачивают наркотиками и велят ему увидеть сон. "Тот, кто ему приснится, и будет преступником; никаких других доказательств не требуется..... Если мальчику не снится человек, которого священник определил в качестве преступника, его держат под наркотиками, пока он не сделает то, что от него требуется".

Постороннему человеку общество кажется странным смешением железного деспотизма, запрещающего продавать лошадь дороже 10 фунтов стерлингов под страхом сурового

наказания, и личной свободы или лицензии, позволяющей рабочему требовать свою зарплату после недельной работы и тут же отправляться тратить ее, возвращаясь на следующий день или через месяц, как ему взбредет в голову. Тем не менее, все как-то держится вместе, и несколько семитских иммигрантов из Южной Аравии на протяжении более 2000 лет умудряются сохранять некий контроль над хамитскими аборигенами, которые всегда составляли основную часть населения Абиссинии .[1149]

FOOTNOTES:

[1000] *The Races of Europe: A Sociological Study*, W. Z. Ripley, 1900, p. 437.

[1001] "Diese Namen sind natürlich rein conventionell. Они исторически обязательны... и должны быть в гелтунге, так что пока мы не можем установить их на их стелле" (*Anthropologische Studien*, etc., p. 15).

[1002] Э. Мейер, *Geschichte des Altertums*, 1909, l. 2, рассуждая о первоначальной родине индоевропейцев (§ 561, *Das Problem der Heimat und Ausbreitung der Indogermanen*), отмечает (p. 800), что открытие тохарского языка (Sieg und Siegling, "Tocharish, die Sprache der Indoskythen," *Sitz. d. Berl. Ak.* 1908, p. 915 и далее), языка, принадлежащего, по-видимому, к группе *centum* (западной и европейской), ниспровергает все прежние представления о распространении индогерманцев и придает вес гипотезе об их азиатском происхождении.

[1003] "Io non dubito di denominare *aria* questa stirpe etc." (*Umbri, Italici, Aarii*, Bologna, 1897, p. 14, и в других местах).

[1004] *Anthrop. Studien*, p. 15, "Diese Gemeinsamkeit der Charakteren beweist uns die Blutverwandschaft" (ib.).

[1005] Предсказание сэра В. Крука о возможном будущем сбое в поставках пшеницы как о влиянии на судьбы кавказских народов (*Президентская речь на собрании Бристольской ассоциации*, 1898 г.) - это экономический вопрос, который здесь не обсуждается.

[1006] Ph. Lake, "The Geology of the Sahara," in *Science Progress*, July, 1895.

[1007] Это название, означающее на берберском языке "бегущая вода", передается с тех времен, когда Игаргаргар еще был могучим потоком с северным течением протяженностью около 800 миль, осушающим территорию в много тысяч квадратных миль, на которой в настоящее время нет ни одного многолетнего ручейка. Похоже, что даже крокодилы все еще сохранились с тех далеких времен в так называемом озере Михаро в районе Тассили, где фон Бэри обнаружил очень отчетливые следы их присутствия в 1876 году. А. Э. Пиз также ссылается на француза, "который убедился в существовании крокодилов, отрезанных в давние времена от исчезнувших водотоков" (*Contemp. Review*, July, 1896).

[1008] *Recherches sur les Origines de l'Egypte: L'Age de la Pierre et des Métaux*, 1897.

[1009] *Bul. Soc. d'Anthrop.* 1896, p. 394. Этот неутомимый исследователь отмечает, говоря о преемственности человеческой культуры в Тунисе на протяжении Старого и Нового каменных веков, что "эти популяции, сильно смешанные из неандертальских элементов в Кромирии, изготавливали вазы, аналогичные неолитическому горшку" (ib.).

[1010] *The Antiquity of Man*, 1915, p. 255.

[1011] *Africa, Antropologia della Stirpe Camitica*, Turin, 1897, p. 404 sq.

[1012] "Le nord de l'Afrique entière, y compris le Sahara naguère encore fort peuplé," т.е., конечно, относительно говоря, "Du Dniester à la Caspienne," in *Bul. Soc. d'Anthrop.* 1896, p. 81 sq.

[1013] *Ibid.* p. 654 sq.

[1014] *Résumé de l'Anthropologie de la Tunisie*, 1896, p. 4 sq.

[1015] Эта идентичность подтверждается характеристиками трех черепов из дольменов Мадрасена близ Батны (Алжир), хранящихся сейчас в Музее Константины, которые, по мнению Летурно и Папийо, имеют поразительное сходство с длинноголовыми кроманьонцами (Ceph. Index 70, 74, 78); лептопрозоп с выдающейся глабеллой, заметным альвеолярным прогнатизмом и подзатылочной костью, выступающей шиньоном назад (*Bul. Soc. d'Anthrop.* 1896, p. 347).

[1016] Он показывает ("Exploration Anthropologique de l'Ile de Gerba", in *L'Anthropologie*, 1897, p. 424 sq.), что североафриканские коричневые брахицефалики, составляющие субстрат в Мавритании и очень чистые в Гербе, похожи на европейские популяции тем больше, чем больше они избегали контакта с иностранными расами. Он цитирует Х. Мартина: "Le type brun qui domine dans la Grande Kabylie du Jurjura ressemble singulièrement en majorité au type français brun. Если бы на этих людях была европейская одежда, вы бы не отличили их ни от пайсанов, ни от французов". Он особенно сравнивает их с бретонцами и соглашается с Мартином, что "среди берберов есть брахицефалы; я считаю, что брахицефалы - это лигуры". Libyens et Ligures paraissent avoir été originairement de la même race." Он считает, что сами названия одинаковы: "Λιβύες - это точно такой же мотив, как и Λιγύες; rien n'était plus fréquent dans les dialectes primitifs que la mutation du b en g."

[1017] *The Races of Europe*, 1900, *passim*.

[1018] "Les Chaouias," etc., в *L'Anthropologie*, 1897, p. 1 sq.

[1019] *Ueber eine Schädelammlung von den Kanarischen Inseln*, с приложением Ф. фон Лушана; также "Ueber die Urbewohner der Kanarischen Inseln", в *Bastian-Festschrift*, 1896, p. 63. Выводы, сделанные здесь, в значительной степени согласуются с выводами Генри Уоллака в его статье о "гуанчах" в *Журн. Anthr. Inst.* June, 1887, p. 158 sq.; а также с Дж. К. Шрубсоллом, который, однако, выделяет четыре доиспанских типа на основе изучения многочисленных черепов и других останков с Тенерифе в *Proc. Cambridge Phil. Soc.* IX. 154-78. 152 пещерных черепа, измеренные фон Детлоффом фон Бером, "*Metrische Studien an 152 Guanchenschädeln*", 1908, в основном согласуются с более ранними результатами.

[1020] Интерпретацию значения арменоидных черепов на Канарских островах см. в G. Elliot Smith, *The Ancient Egyptians*, 1911, pp. 156-7.

[1021] "Dénombrement et Types des Crânes Néolithiques de la Gaule", in *Rev. Mens. de l'École d'Anthrop.* 1896.

[1022] Т. Райс Холмс, *Древняя Британия*, 1907, с. 424.

[1023] "Infiltrazioni pacifiche." (*Arii e Italici*, p. 124.)

[1024] *L'Anthr.* XII. 1901, pp. 547-8.

[1025] Cp. G. Elliot Smith, *The Ancient Egyptians*, 1911, p. 58 ff.

- [1026] T. Rice Holmes, *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 266, со списком авторитетов. См. также Sigmund Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913, p. 364, и Н. Н. Johnston, "A Survey of the Ethnography of Africa," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, pp. 386 и 387.
- [1027] Т. Райс Холмс, *loc. cit.* p. 272.
- [1028] W. Wright, *Middlesex Hospital Journal*, XII. 1908, p. 44.
- [1029] См. A. C. Haddon, *The Wanderings of Peoples*, 1911, pp. 16, 17, 55.
- [1030] R. S. Conway, *The Italic Dialects*, 1897, и ст. "Этрурия: Язык", *Ency. Brit.* 1911.
- [1031] Ср. T. Rice Holmes, *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 283. "Правда в том, что лингвистические данные недостаточны".
- [1032] I. 57.
- [1033] См. p. 465.
- [1034] О лидийском языке см. E. Littmann, *Sardis*, "Lydian Inscriptions", 1916, кратко резюмированный P. Giles, "Some Notes on the New Lydian Inscriptions", *Camb. Univ. Rep.* 1917, p. 587.
- [1035] S. Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913, p. 385.
- [1036] "Попытки связать язык с индоевропейской семьей были безуспешными", - А. Х. Сайс, ст. "Lycia," *Ency. Brit.* 1911. Но ср. также S. Feist, *loc. cit.* pp. 385-7; и Th. Kluge, *Die Lykier, ihre Geschichte und ihre Inschriften*, 1910.
- [1037] A. J. Evans, *Scripta Minoa*, 1909.
- [1038] T. Rice Holmes, *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 289 n. 4.
- [1039] *Die Verwandtschaft des Baskischen mit den Berbersprachen Nord-Afrikas nachgewiesen*, 1894.
- [1040] "Die Sprachen waren mit einander verwandt, das stand ausser Zweifel." (Pref. IV.)
- [1041] Дж. Винсон (*Rev. de linguistique*, XXXVIII. 1905, p. 111) говорит, что "за последние годы не появилось более абсурдной книги о баскском языке". См. T. Rice Holmes, *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 299 n. 3.
- [1042] "В общем ряду организованных языковых семей он [баскский] занял бы промежуточное место между американским, с одной стороны, и угро-алтайским или угорским, с другой". Уэнтворт Вебстер и Джулиен Винсон, *Ency. Brit.* 1910, "Баски".
- [1043] См. W. Z. Ripley, *The Races of Europe*, 1900, Chap. VIII. "Баски", с. 180-204.
- [1044] *Rev. mensuelle de l'École d'Anthr.* X. 1900, pp. 225-7.
- [1045] S. Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913.
- [1046] *Hist. de la Gaule*, I. 1908, p. 271.
- [1047] "La Race Basque", *L'Anthrop.* 1894.
- [1048] W. Z. Ripley, *loc. cit.* p. 200.

[1049] *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 287. Ср. у Ж. Дешелье (*Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1910, p. 27): "Как правило, разумно придавать этому выражению (Iberian) лишь географическое значение". Рассматривая проблемы происхождения иберов (которые, по его мнению, остаются нерешенными), он приводит в качестве примера их диапазона мнение К. Джуллиана (*Revue des Études Anciennes*, 1903, p. 383): "Иберийской расы не существует. Иберийцы были государством, образованным не позднее VI века в долине Эбро, которое получило от чужеземцев или от коренных жителей название реки как *nom de guerre*".

[1050] Дж. Винсон (*Rev. de linguistique*, XL. 1907, pp. 5, 211) делит иберийские надписи на три группы, каждая из которых, по его мнению, представляет отдельный язык.

[1051] *Средиземноморская раса*, 1901.

[1052] *Dict. des sc. anthr.* p. 247, и *Rev. de l'École d'Anthr.* XVII. 1907, p. 365.

[1053] *Geschichte des Altertums*, I. 2, 1909, p. 723.

[1054] *Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1910, p. 27 n., см. также p. 22 об археологических доказательствах "этнографических различий".

[1055] *Hist. de la Gaule*, I. Chap. IV. Автор, однако, ясно дает понять, что его "лигурийцы" не обязательно являются этнической единицей: "De l'unité de nom, ne concluons pas à l'unité de race" (119), и позже (с. 120): "Ne considérons donc pas les Ligures comme les représentants uniformes d'une race déterminée. Они - это население, обитавшее в Западной Европе до нашествия кельтов или этрусков, до рождения латинского или иберийского народов. Ils ne sont pas autre chose".

[1056] *Gaule av. Gaulois*, p. 248.

[1057] *Loc. cit.* p. 23 n. I.

[1058] *Early Age of Greece*, 1901, p. 237 ff., и "Who were the Romans?". *Proc. Brit. Acad.* III. 19, 1908, p. 3.

[1059] См. R. S. Conway, Art. "Liguria," *Ency. Brit.* 1911. Однако, как отмечает Фейст (*Ausbreitung und Herkunft des Indogermanen*, 1913, p. 368), эта гипотеза покоится на слабом фундаменте ("ruht auf schwachen Füßen").

[1060] *Arii e Italici*, p. 60.

[1061] *Corresbl. d. d. Ges. f. Anthropol.*, Feb. 1898, p. 12.

[1062] Тем не менее, лигурийцы действительно высажены на североатлантическом побережье Испании С. Семпере и Мигелем (*Revista de Ciencias Historicas*, I. v. 1887).

[1063] *Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1910, p. 22.

[1064] *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 287.

[1065] "La Civilisation Primitive dans la Sicilie Orientale", in *L'Anthropologie*, 1897, p. 130 sq.; и p. 295 sq.

[1066] *Præhistorische Studien aus Sicilien*, цитируется Patroni.

[1067] p. 130.

[1068] См. с. 21.

[1069] Можно отметить, что Пенка относит сикулийских иллирийцев к Верхней Италии ("Zur Paläoethnologie Mittel- u. Südeuropas", in *Wiener Anthropol. Ges.* 1897, p. 18), Э. А. Фриман считает, что они были не только арийцами, но и близкородственными римлянам, говорившими на "неразвитой латыни", или "чем-то, что отличалось от латыни не больше, чем один диалект греческого от другого" (*The History of Sicily, etc.*, I. p. 488). О сикулах и сиканах см. E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, 1909, I. 2, p. 723, также Art. "Сицилия, история", *Ency. Brit.* 1911. Дешелетт (*Manuel d'Archéologie préhistorique*, II. 1910, p. 17) предполагает, что Сикелос или Сикулус, одноименный герой Сицилии, возможно, был просто олицетворением типичного лигурийского орудия, бронзового серпа (лат. *secula, sicula*).

[1070] I. 22.

[1071] VI. 2.

[1072] *Parte I. Dati Antropologici ed Etnologici*, Rome, 1896.

[1073] p. 182.

[1074] *Atti Soc. Rom. d' Antrop.* 1896, pp. 179 и 201.

[1075] Cp. W. Z. Ripley, "Racial Geography of Europe", *Pop. Sci. Monthly*, New York, 1897-9, и *The Races of Europe*, 1900, pp. 54, 175.

[1076] *Arii e Italici*, p. 188. Поэтому для этих итальянских лигурийцев он утверждает название "Italici", которое он отказывается распространить на арийских вторженцев на полуостров. "A questi primi abitatori spetta legittimamente il nome di Italici, non a popolazioni successive [Aryan Umbrians], che avrebbero sloggiato i primi abitanti" (p. 60). Результат немного запутан: "италик" - это принятое название итальянской ветви арийской языковой семьи, которое также обычно применяется к арийцам, говорящим на итальянском языке, хотя само слово *Italia* могло быть местным (лигурийским), а не привнесенным арийцами. Возможно, лучше рассматривать "Италию" как "географическое выражение", применимое ко всем ее жителям, независимо от их происхождения и речи.

[1077] *Science Progress*, июль, 1894. Следует заметить, что факты, признаваемые всеми, по-разному интерпретируются Беддо и Серги, причем последний считает длинноголовый элемент в Северной Италии исконным (лигурийским), измененным более поздним вторжением круглоголовых арийских славян, тевтонов и особенно кельтов, в то время как Беддо, похоже, считает широкоголового альпийца исконным, впоследствии измененным вторгшимися длинноголовыми типами "германского, славянского или сомнительного происхождения". Любая из этих точек зрения, несомненно, объясняет нынешние отношения; но исследование Серги доисторических останков (см. выше), кажется, заставляет принять его объяснение. Согласно статистике, средний рост по всей Италии не превышает 5 футов 4 дюйма.

[1078] Об идентификации средиземноморской расы в Греции с пеласгами см. W. Ridgeway, *Early Age of Greece*, I. 1901, хотя Рипли утверждает (*The Races of Europe*, 1900, p. 407), что "антропологических данных по этому вопросу не существует".

[1079] Τὸ τῶν Πελασγῶν γένος Ἑλληνικόν.

[1080] I. 57.

[1081] Il. X. 429; Od. XIX. 177.

[1082] "Мы признаем в пеласгах древнюю и почтенную расу, доэллинскую, правда, но отличающуюся от эллинов только политическим и социальным развитием их возраста". Геродот и другие придерживаются предвзятого мнения, когда, отталкиваясь от последующих тирренских пеласгов, называют древних пеласгов грубой и никчемной расой, их язык - варварским, а божества - безымянными. Многочисленные предания, несомненно достоверные, описывают их как храбрый, нравственный и благородный народ, который был не столько отдельным родом и племенем, сколько расой, объединенной сходством нравов и форм жизни" (W. Wachsmuth, *The Historical Antiquities of the Greeks*, etc., Engl. ed. 1837, I. p. 39). Замечательные слова, написанные до недавних археологических открытий в Элладе.

[1083] О том, что две культуры долгое время существовали бок о бок, свидетельствуют различные социальные институты и религиозные идеи, господствовавшие в разных частях Эллады в строго исторический период.

[1084] κατὰ τὴν Ἑλλάδα πᾶσαν ἐπεπόλασε (Strabo, V. 220). Это можно почти перевести как "они затопили всю Грецию".

[1085] *Ранняя эпоха Греции*, 1901, гл. I. и II.

[1086] Од. XIX.

[1087] Thus. I. 3.

[1088] Эта идея независимой эволюции западной (европейской) культуры неуклонно набирает силу, и ее энергично отстаивает, среди прочих, М. Саломон Рейнах, который предпринял энергичную атаку на то, что он называет "восточным миражом", то есть на заблуждение, которое не видит ничего, кроме азиатских или египетских влияний повсюду. Серджи, конечно, идет дальше, рассматривая средиземноморские (иберийские, лигурийские, пеласгийские) культуры не только как местные порождения, но и как независимые как от азиатов, так и от грубых арийских орд, которые пришли скорее как разрушители, чем как цивилизаторы. Это одна из основополагающих идей, пронизывающих всю его "*Arii e Italici*" и некоторые более ранние работы.

[1089] Павсаний, III. 20. 5.

[1090] G. Sergi, *The Mediterranean Race*, 1901. В основном его поддерживают филологи. "Принято считать, что языки коренных народов Малой Азии и Эгейского региона были неиндоевропейскими". H. M. Chadwick, *The Heroic Age*, 1912, p. 179 n.

[1091] W. Ridgeway, *The Early Age of Greece*, 1901, p. 681 ff.

[1092] *The Dawn of History*, 1911, p. 40. Его взгляды на пеласгов см. в *Journ. Hell. St.* 1907, p. 170, и ст. "Pelasgians" в *Ency. Brit.* 1911.

[1093] Э. Петерсен и Ф. фон Лушан, *Reisen in Lykien*, 1889.

[1094] W. Z. Ripley, *The Races of Europe*, p. 404 ff. Карта (на стр. 402) не включает Грецию, и группировка основана на языке, а не на расе.

[1095] Микенский череп, найденный Бентом на Антипаросе, описывается как "аномально долихоцефалический". W. Ridgeway, *Early Age of Greece*, I. 1901, p. 78.

[1096] Но, по мнению Риджуэя, "классические эллины" были потомками высоких светловолосых захватчиков с севера, и в этом с ним согласен Дж. Л. Майрес, *The Dawn of History*, 1911, p. 209.

- [1097] *Mitt. d. K. d. Inst. Athen.* XXX. См. H. R. Hall, *Ancient History of the Near East*, 1913, pp. 61-4.
- [1098] *Geschichte des Altertums*, I. 2, 1909, § 507.
- [1099] Обсуждение значения "пеласгического Аргоса" см. в H. M. Chadwick, *The Heroic Age*, 1912, pp. 274 ff. и 278-9, а также его критику Мейера, p. 285.
- [1100] Но см. W. Ridgeway, *Early Age of Greece*, I. 1901, p. 138 ff.
- [1101] ст. "Индоевропейские языки", *Ency. Brit.* 1911.
- [1102] Р. С. Конвей, ст. "Эгейская цивилизация", в *Ency. Brit.* 1911, откуда и взято это резюме, включая хронологию, которая не во всех отношениях общепринята (см. с. 27). Полное обсуждение хронологии см. в J. Déchelette, *Manuel d'Archéologie préhistorique*, Vol. II. 1910, *Archéologie celtique ou protohistorique*, Ch. II. § V. Chronologie égéenne, p. 54 ff.
- [1103] В своей ценной и всеобъемлющей работе "Африка: *Antropologia della Stirpe Camitica*", Turin, 1897. Не следует думать, что эта классификация не вызывает сомнений. Т. А. Джойс, "Хамитские расы и языки", *Ency. Brit.* 1911, указывает, что невозможно доказать связь между восточными и северными хамитами. Первые имеют коричневую кожу, вьющиеся волосы и являются кочевыми или полукочевыми пасторами; вторые, которых он называет не хамитами вообще, а ливийской разновидностью средиземноморской расы, - это белый народ с вьющимися волосами, а их чистейшие представители, берберы, занимаются сельским хозяйством. Наиболее полное и современное изложение этой темы см. в монументальном труде Орика Бейтса "Восточные ливийцы: *An Essay*", 1913, с библиографией.
- [1104] "Les Maures du Sénégal", *L'Anthropologie*, 1896, p. 258 sq.
- [1105] То есть *санхаджа-ан-литам*, те, кто носит *литам* или чадру, которая необходима для защиты от песка, но теперь приобрела религиозное значение и никогда не носится "маврами".
- [1106] p. 269.
- [1107] См. бесценный труд Ф. Штульмана о культуре Африки и распределении рас, "*Handwerk und Industrie in Ostafrika*", 1910, особенно карту, показывающую распределение хамитов, Pl. II. B.
- [1108] Племена кабабиш и баггара, главные оплоты бывших суданских восстаний, утверждают, что они имеют незапятнанное арабское происхождение с длинными вымышленными родословными, восходящими к ранним мухаммеданским временам (см. с. 74).
- [1109] "Les Chaouias", *L'Anthropologie*, 1897, p. 14.
- [1110] P. 17.
- [1111] Слова, собранные сэром Х. Х. Джонстоном в Дуирате в Тунисе, обнаруживают большое сходство с языком сахарских туарегов, а шейх этого места "признал, что его люди могут понимать и изъясняться на языке этих свирепых кочевников, которые обитают между южной границей Алжира и Туниса и Суданом" (*Geogr. Jour.*, June, 1898, p. 590).
- [1112] Cp. Meinhof, *Die Moderne Sprachforschung in Africa*, 1910.

[1113] *Tu-bu* = "люди скал"; ср. *Канем-бу* = "люди Канема", самая южная ветвь семьи на северной стороне озера Чад.

[1114] Ὅτων δὲ καὶ αὐτῶν ἥδη μᾶλλον Αἱ θιόπων (I. 8). Я принимаю ἥδη, вызвавшее некоторые затруднения у комментаторов, за то, что, продвигаясь на юг от побережья Средиземного моря, вы оказываетесь на территории Гарамантии уже скорее среди эфиопов, чем среди ливийцев.

[1115] Reclus, Eng. ed. Vol. XI. p. 429. О сложной родовой смеси, породившей тибу, см. Sir H. Johnston, "A Survey of the Ethnography of Africa", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, p. 386.

[1116] Reclus, Eng. ed. Vol. XI. p. 430.

[1117] Судя по огромным пластам туфов вблизи оазиса Харга, Цеттель, геолог экспедиции Г. Рольфа в 1876 году, считает, что даже на этих песчаных отходах в четвертичное время могла существовать богатая растительность.

[1118] См. *Histoire de la Civilisation Égyptienne*, G. Jéquier, 1913, p. 53 ff. Также о гончарных изделиях пишет Э. Навиль, "Происхождение египетской цивилизации", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVII. 1907, p. 203.

[1119] У самих египтян есть предание, что когда Менес двинулся на север, он обнаружил, что дельта все еще находится под водой. Море доходило почти до Фаюма, а вся долина, за исключением Фиваиды, представляла собой злокачественное болото (Herod. II. 4). Таким образом, в исторические времена все еще сохранялись воспоминания о том, что дельта образовалась относительно недавно и что *рету* (*Ромиту* из текстов пирамид, позднее *Рому*, *Роми* и т. д.) уже создали свою социальную систему до того, как долина Нижнего Нила стала пригодной для жизни. Таким образом, независимо от того, потребовалось ли Нилу 20 000 лет (Швайнфурт) или более 70 000, как считают другие, чтобы заполнить свое устье, начало египетского доисторического периода все равно должно быть отложено на много тысячелетий назад до наступления новой эры. "То, что мы знаем о Сахаре, также покрытой реками, говорит о том, что она [дельта] не должна быть обитаемой, не должна быть образована в эпоху четвертого века" (M. Zaborowski, *Bul. Soc. d'Anthrop.* 1896, p. 655).

[1120] G. Jéquier, *Histoire de la Civilisation Égyptienne*, 1913, p. 95, но см. E. Naville, "The Origin of Egyptian Civilisation," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVII. 1907, p. 209.

[1121] *Handwerk und Industrie in Ostafrika*, 1910, p. 143.

[1122] "Миграции", *Журн. Anthr. Inst.* XXXVI. 1906.

[1123] "Обзор этнографии Африки", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913.

[1124] См. стр. 482 ниже.

[1125] Альтернативный маршрут см. в E. Naville, "The Origin of Egyptian Civilisation," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVII. 1907, p. 209; J. L. Myres, *The Dawn of History*, 1911, pp. 56-7, также p. 65, и критику Elliot Smith, *The Ancient Egyptians*, 1911, pp. 88-9.

[1126] *Древние египтяне*, 1911.

[1127] *Древние египтяне*, 1911, с. 56, 58, 62.

[1128] *The Ancient Egyptians*, 1911, pp. 104-5.

[1129] Г. Эллиот Смит, *loc. cit.* pp. 97 и 147.

[1130] E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I. 2, 1909, §§ 229, 232, 253.

[1131] G. Elliot Smith, *The Ancient Egyptians*, 1911, p. 108, но для другой интерпретации см. J. L. Myres, *The Dawn of History*, 1911 pp. 51 и 65.

[1132] *Loc. cit.* p. 147.

[1133] Х. Р. Холл (*The Ancient History of the Near East*, 1913, p. 87 n. 3) не видит "никакого сходства между чертами лица мемфитских грандов Старого царства и хеттов, сирийцев или современных анатолийцев, армян или курдов. Они были гораздо больше похожи на южных европейцев, на современных итальянцев или критян".

[1134] Ср. Н. Н. Johnston, "A Survey of the Ethnography of Africa", *Journ. Roy. Anthr. Soc.* XLIII. 1913, p. 383, а также E. Naville, "The Origin of Egyptian Civilisation," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVII. 1907, p. 210.

[1135] Г. А. Рейснер, "Раннединастические кладбища Нага-эд-Дера", часть 1. Том II. публикаций Калифорнийского университета, 1908 г., в кратком изложении Л. В. Кинга, *История Шумера и Аккада*, 1910 г., стр. 326, 334.

[1136] *Geschichte des Altertums*, I. 2, 1909, p. 156.

[1137] *Journ. Anthr. Inst.* XXXIII. 1903, XXXV. 1905, XXXVI. 1906, и *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVIII. 1908.

[1138] Ср. Н. Н. Johnston, "A Survey of the Ethnography of Africa", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, p. 382.

[1139] Физическое родство не предполагается. Лесгианские племена "демонстрируют подчеркнутую брахицефалию, такую же, как у чистых монголов около Каспия". W. Z. Ripley, *The Races of Europe*, p. 440.

[1140] Дж. Деникер, *The Races of Man*, 1900, p. 439, помещает фулахов в отдельную группу, группу фулахов-зандехов. Ср. также A. C. Haddon, *The Wanderings of Peoples*, 1911, p. 59.

[1141] *Loc. cit.* p. 401 n.

[1142] *Africa*, 1897, *passim*.

[1143] "Некоторые аспекты хамитской проблемы в англо-египетском Судане", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIII. 1913, p. 604. См. также К. Кроссланд, *Пустыня и водные сады Красного моря*, 1913.

[1144] *Генеалогии сомалийцев*, 1896.

[1145] "Reisestudien in den Somaliländern", *Globus*, LXX. p. 33 sq.

[1146] *Ethnographie Nord-Ost-Afrikas: Die geistige Kultur der Danákil, Galla u. Somâl*, 1896, 2 vols.

[1147] М. Меркер, *Die Masai*, 1904; A. C. Hollis, *The Masai, their Language and Folklore*, 1905. К. Дандас, "Организация и законы некоторых племен банту в Восточной Африке", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLV. 1915, pp. 236-7, считает, что сила масаи была переоценена и что галла на самом деле были более свирепой расой. Он цитирует Крапфа: "Дайте мне галла, и у меня

будет Центральная Африка". *Нанди* (родственное племя) описаны А. К. Холлисом, 1909, и Сук - М. В. Х. Бичем, 1911.

[1148] A. E. W. Gleichen, *Rennell Rodd's Mission to Menelik*, 1897.

[1149] Среди последних работ об Абиссинии можно упомянуть А. В. Wylde, *Modern Abyssinia*, 1901; Н. Weld Blundell, "A Journey through Abyssinia", *Geog. Journ.* XV. 1900, и "Разведка в бассейне Абай", *ib.* XXVII. 1906; "Антропологический обзор Абиссинии", опубликованный французским правительством в 1911 году; а также различные публикации экспедиции Принстонского университета в Абиссинию под редакцией Э. Литтманна.

ГЛАВА XIV

Кавказские народы (продолжение)

Семиты - колыбель, происхождение и миграции - разделения: Семитские миграции - Вавилония, народ и цивилизация - Ассирия, народ и цивилизация - Сирия и Палестина - *Канаанеи*: *Амориты*: Финикийцы - *Иудеи* - *Происхождение* - *Ранние* и поздние рассеяния - Различные физические типы - Современный ареал и население - Хетты - Противоречивые теории - *Арабы* - *Распространение* арабской расы и языка - Семитский монотеизм - Его эволюция.

Семиты - колыбель, происхождение и миграции.

Химьяритские переселенцы, которые до сих пор властвуют на чужбине, давно перестали существовать как отдельная национальность в своей стране, где они, тем не менее, много веков назад основали процветающие империи, центры одной из самых древних цивилизаций, о которых сохранились какие-либо сведения. Если будущие исследования подтвердят общепринятое мнение о том, что хамиты и семиты в основе своей принадлежат к одному роду, - мнение, основанное как на физических, так и на лингвистических данных[1150], - то колыбель семитской ветви, вероятно, также будет отнесена к Южной Аравии, и в особенности к юго-западному региону, известному древним как Аравия Феликс, то есть Йемен арабов. Если до образования дельты Нила Азия и Африка все еще были частично разделены на севере широким морским заливом, то дальше к югу, в верховьях Аденского залива, где они до сих пор почти соприкасаются, между двумя континентами было налажено удобное сообщение. По этому пути примитивные хамито-семитские популяции могли продвигаться либо на запад в Африку, либо, как также предполагается, на восток в Азию, где с течением веков семитский тип стал специализированным.

Разделение.

Если исходить из этого предположения, то Южная Аравия должна была стать первой родиной семитов, которые в более поздние времена распространились на север и восток. Они появляются как *вавилоняне* и *ассирийцы* в Месопотамии; как *финикийцы* на сирийском побережье; как *арабы* в Нейдской степи; как *ханаанеи*, *моавитяне* и другие в Палестине и около нее; как *амориты* (*арамеи*, *сирийцы*) в Сирии и Малой Азии.

Это общепринятая точка зрения на семитское происхождение и ранние миграции, но поскольку в Аравии практически не проводились систематические раскопки из-за политических условий и отношения жителей, то конкретных археологических или антропологических доказательств до сих пор нет. Тем не менее, гипотеза хорошо согласуется со всеми известными условиями. Прежде всего, следует учитывать очень узкую территорию, занимаемую семитами, как абсолютно, так и относительно владений других основных этнических групп. В то время как монголы владеют большей частью Азии, а хамиты со средиземноморцами рассеяны по всей Северной Африке, Южной и Западной Европе с каменного века, семиты, не считая более поздних экспансий - гимаритов в Абиссинию, финикийцев к берегам Средиземного моря, арабов-мусульман в Африку, Иран и Трансоксиану - всегда были ограничены юго-западным углом Азии, включающим в себя не более чем Аравийский полуостров, Месопотамию, Сирию и (сомнительно) часть Малой Азии. Более того, весь менталитет семитов, их образ мыслей, религия и организация указывают на их происхождение от народа пустыни; в то время как в Аравии в настоящее время можно найти самые чистые образцы не только семитского типа, но и семитской речи[1151]. Однако их ранняя история, как указывалось выше, еще ждет лопаты археолога, а самые ранние миграции, которые можно точно проследить, происходят в виде вторжений в уже созданные государства.[1152]

Семитские миграции.

Первая большая волна семитской миграции из Аравии относится к четвертому тысячелетию до н.э., 3500-2500 гг. или раньше; она затронула Вавилонию и, вероятно, Сирию и Палестину, судя по палестинским географическим названиям, относящимся к этому "вавилоно-семитскому" периоду, и тесной связи между Палестиной и Вавилонией в культуре и в религиозных представлениях, что указывает на доисторические отношения[1153]. Вторая волна, ханаанская или аморейская миграция Винклера, последовала в третьем тысячелетии, охватив Вавилонию, заложив основы Ассирийской империи, вторгшись в Сирию и Палестину (финикийцы, амориты) и, возможно, позднее в Египет (*гиксосы*). Третьей волне, арамейской, охватившей Вавилонию, Месопотамию и Сирию во втором тысячелетии, предшествовало проникновение в Сирию из пустыни хаби́ров (хаби́ру) или евреев (эдомиты, моавиты, аммониты и израильтяне среди прочих). Из той же области около 1100 года в Вавилонию хлынули су́ти, за ними последовала другая ветвь - халдеи из Восточной Аравии.

Это лишь некоторые из ранних волн миграции с юга, следы которых можно обнаружить в Западной Азии. Из всех вторжений с севера вторжение хеттов является самым важным и самым запутанным. Хетты, по-видимому, двинулись на юг из Каппадокии около 2000 года до н. э., и в XVIII веке их можно встретить воюющими против Вавилонии. Хеттская династия процветала в Миттанни 1420-1411, а в четырнадцатом и тринадцатом веках они завоевали и в значительной степени оккупировали Сирию[1154]. Вторжения фригийцев и филистимлян с запада последовали за распадом Хеттской империи. Последняя великая семитская миграция была самой масштабной из всех. "Она, как и ее предшественники, шла по всему краю пустыни и в течение столетия наводнила не только Сирию и Египет, но и всю Северную Африку и Испанию; она заняла Сицилию, совершила набег на Констанцию, а во Франции была остановлена только в Пуатье в 732 году. На восток она затопила Персию, основала империю в Индии, вела войну и торговлю по морю мимо Сингапура[1155]."

"Таким образом, Западная Азия снова и снова, почти без числа, подвергалась нашествию завоевательных орд и не менее жестоким этническим беспорядкам мирных инфильтратов, сходящихся со всех точек компаса в повороте..... Как же сегодня можно чему-то научиться из содержимого этого котла, наполненного таким ассортиментом ингредиентов и все еще

кипящего от последствий возмущений, вызванных резким смешением столь несовместимых элементов[1156] ?" Некоторые из этих проблем на сегодняшний день должны считаться неразрешимыми, но с помощью свидетельств, предоставленных археологами и антропологами, можно попытаться прочесть этнологическую историю в этих туманных регионах.

Вавилония, народ и цивилизация.

Самая ранняя семитская волна прослеживается в Вавилонии, но, как видно из вышеизложенного, мнения о ее происхождении и дате расходятся. "В какой период семиты впервые вторглись в Вавилонию, когда и где они впервые достигли господства - это еще не вопросы истории. Мы находим семитов в этой стране и обладающих значительной властью почти так же рано, как мы можем вернуться назад[1157] ." Характерные семитские черты четко выражены, а язык тесно связан с ханаанейским и ассирийским[1158] . Из памятников мы узнаем, что вавилонские семиты имели полные бороды и носили длинные волосы, резко контрастируя с бритыми шумерами, за что и получили эпитет " чернокудрые". По носу и губам, как и по одежде, они явно отличаются от шумерского типа .[1159]

Когда начинается история, жители Вавилонии уже были высокоцивилизованными. Они жили в городах, содержащих большие храмы, были организованы в отдельные классы или профессии и обладали большим богатством в виде овец и скота, промышленных товаров, золота, серебра и меди. Гравировка на металлах и драгоценных камнях, статуи, архитектура, гончарное дело, ткачество и вышивка - все это свидетельствует о высоком уровне мастерства. Они обладали сложной и эффективной системой письма, широко использовавшейся и широко понимавшейся, состоявшей из ряда знаков, очевидно, восходящих к форме картинного письма, но конвенционализированных до такой степени, что обычно не позволяет распознать оригинальные изображения. Эта письменность создавалась оттиском стилуса на блоках или лепешках из тонкой глины, когда она была еще совсем мягкой. Эти "таблетки" высушивались на солнце, но иногда запекались. Эта клинопись была перенята многими соседними народами или была общей для них, ее свободно использовали в Эламе, Армении и Северной Месопотамии вплоть до Каппадокии.

Ассирия, народ и цивилизация.

Ассирийская культура была основана на культуре Вавилонии, но ассирийцы, по-видимому, отличались от вавилонян по характеру, хотя и не по физическому типу[1160] , в то время как они были тесно связаны по речи. "Ассирийцы заметно отличались от вавилонян по национальному характеру. Они были более крепкими, воинственными, свирепыми, чем мягкий промышленный народ юга. Сомнительно, что они много занимались сельским хозяйством или отличались мануфактурой, искусствами и ремеслами. По сути, они были военным народом. Король был деспотом дома, но генералом армии за границей. Вся организация государства была ориентирована на войну. Сельское хозяйство было отдано на откуп крепостным или рабам. Производством, во всяком случае, ткачеством, занимались женщины. Рабочие гильдии, вероятно, были иностранцами, как и купцы. Великие храмы и дворцы, стены и рвы были построены невольниками..... На протяжении большей части своего существования Ассирия была бичом народов и высасывала кровь других рас. Она жила за счет дани с подвластных государств, а завоевание всегда означало добавление дани во все предметы первой необходимости и роскоши, помимо ежегодной потребности в людях и лошадях, скоте и овцах, зерне и шерсти для обеспечения нужд армии и города[1161] ."

Сирия и Палестина. Ханаанеи: Амориты: финикийцы: евреи.

Ранняя история Сирии и Палестины отнюдь не ясна, хотя в последние годы много света пролили раскопки Р. А. С. Макалестера в Гезере[1162], где были найдены останки досемитской расы, Эрнста Селлина в Телль-Таанеке и Иерихоне[1163], а также труды *Deutscher Palästina-Verein* и особенно Г. Шумахера в Мегиддо[1164]. В Гезере были обнаружены пещеры, по-видимому, занятые человеком в эпоху неолита, которые датируются периодом от 3500 до 3000 лет до н. э. на основании их расположения под слоями, в которых появляются египетские скарабеи. Фрагменты костей дают представление о физическом типе человека. Ни один из людей не превышал 5 футов 7 дюймов (1,702 м) в высоту, а большинство было ниже 5 футов 4 дюймов (1,626 м). Они были мускулистыми, с удлинённым черепом и толстыми тяжёлыми черепными костями. По их физическим характеристикам было ясно видно, что они не принадлежат к семитской расе. Они сжигали своих мертвых, что было несемитским обычаем: пещеру оборудовали под крематорий, а дымоход прорубили в твёрдой скале, чтобы обеспечить хорошую тягу.[1165]

Предполагается, что первый большой поток семитских кочевников достиг Вавилонии не с юга, а с северо-запада, пройдя через земли сирийского побережья. В этом регионе они оставили после себя колонистов, которые впоследствии под именем амурру (амориты) продвинулись в Вавилонию и основали в Вавилоне самую раннюю независимую династию.[1166]

Вторая большая волна семитской миграции, по-видимому, включала финикийцев[1167], которых так называли греки, хотя они называли себя ханаанеями и свою землю Ханааном[1168], и упоминаются в Ветхом Завете, а также в надписях в Тире как "сидонцы". У них самих была традиция, согласно которой их ранняя родина находилась на берегу Персидского залива; этого мнения придерживаются Теодор Бент и другие[1169], а недавние открытия подчеркивают тесную культурную (не обязательно расовую) связь между Палестиной и Вавилонией.[1170]

Ослабление египетских позиций в Палестине примерно в XIV веке до н. э. способствовало вторжениям беспокойных хабиру (хабири) из сирийских пустынь, которых обычно отождествляют с евреями, и вторжениям хеттов с севера. В тринадцатом веке Египет вернул себе Палестину, оставив хеттов во владении Сирии. Примерно в это время на побережье вторглись левантийцы, в том числе пурасаты, в которых, возможно, можно узнать филистимлян, давших название Палестине.[1171]

Евреи.

Евреи или израильтяне, населяющие южную Сирию (Ханаан, Палестину, "Землю обетованную"), рассматриваются нами лишь в той мере, в какой они составляют отдельную ветвь семитской семьи. Термин "евреи[1172]", правильно обозначающий детей Иуды, четвертого сына Иакова, долгое время применялся в целом ко всему народу, который после исчезновения десяти северных колен был представлен в основном коленом Иуды, остатком Вениамина и несколькими левитами, *то есть* той частью народа, которая в количестве около 50 000 человек вернулась в южную Палестину (царство Иудеи) после вавилонского плена. К ним, несомненно, позднее присоединились некоторые из рассеянных северных колен, которые от альтернативного имени Иакова стали называться "десятью коленами Израилевыми". Но все эти израильтяне потеряли свою отдельную национальность и, следовательно, были поглощены царским коленом Иуды. После подавления различных восстаний под властью Империи иудеи стали разрозненной народностью, и еще до этих событий в разных частях греческого и римского миров были созданы многочисленные поселения, вплоть до Триполитании, а также в Аравии и Абиссинии.

Но большинство современных общин, вероятно, происходят от тех, что были созданы во время великого рассеяния после падения Иерусалима (70 г. н. э.), увеличившись за счет значительного притока обращенных "язычников", поскольку предположение о том, что они обратили в свою веру мало или совсем не обратили, уже не выдерживает критики. В изгнании они были скорее религиозной организацией, чем разбитым народом, и как таковые они не могли не распространять свои учения при благоприятных условиях не только среди своих рабов-христиан, но и среди народов, таких как абиссинские фалаши, более низких по культуре, чем они сами. В домухаммадовские времена многие арабы Йемена и других районов подчинились им, и некоторые из их еврейских царей (Асад Абу-Кариб, Ду Новас и другие) до сих пор помнят. Примерно в седьмом веке все хазары - знаменитый тюркский народ на Волге, в Крыму и на Каспии - приняли иудаизм, хотя позже перешли в русское православие. Преследование вестготами испанских евреев (V и VI века) было во многом обусловлено их прозелитским рвением, против которого, а также против смешанных браков между иудеями и христианами в средневековые времена издавались многочисленные папские декреты.

Различные физические типы.

Этому процессу смешения приписывается большое разнообразие физических черт, наблюдаемое среди евреев разных стран^[1173], в то время как ярко выраженный красный тип, появляющийся почти повсеместно, был отнесен Сайсом и другими к первобытному смешению с аморитами ("красными людьми"). "Единообразие существует только в книгах, но не в реальности. Есть евреи со светлыми и с темными глазами, евреи с прямыми и с вьющимися волосами, евреи с высокими и узкими и евреи с короткими и широкими носами; их цефалический индекс колеблется между 65 и 98 - настолько, насколько этот индекс вообще колеблется в *роду homo*^[1174]!" Тем не менее некоторые характерные черты - большой крючковатый нос, выдающиеся водянистые глаза, толстая и почти оттопыренная нижняя губа, грубые вьющиеся волосы без блеска - являются достаточно общими, чтобы считаться расовыми признаками.

Раса богато наделена самыми разнообразными качествами, о чем свидетельствует весь ход ее истории. Изначально чистые кочевники, они стали превосходными земледельцами после поселения в Ханаане и с тех пор демонстрируют высочайшую способность к науке, письму, эрудиции всех видов, финансам, музыке и дипломатии. Репутация средневековых арабов как восстановителей образования во многом объясняется их мудрой терпимостью к просвещенным еврейским общинам в их среде. С другой стороны, Испания и Португалия так и не оправились от национальных потерь, понесенных в результате изгнания евреев в XIV и XV веках. В последние годы гонения, особенно в России, вызвали новый исход с востока Европы, и с помощью капиталистов-филантропов были основаны процветающие сельскохозяйственные поселения в Палестине и Аргентине. По статистике, собранной в различных местах до 1911 года, еврейские общины в настоящее время оцениваются примерно в 12 000 000 человек, из которых три четверти находятся в Европе, 380 000 - в Африке, 500 000 - в Азии, остальные - в Америке и Австралии.^[1175]

Хетты.

Со всеми этими арамейскими ханаанейскими семитами был тесно связан загадочный народ, который был отождествлен с *хеттами*^[1176] Писания, и к которому это название было распространено по общему согласию. Их также отождествляют с *хеттами* из египетских памятников^[1177], а также с *хатти* из ассирийских клинописных текстов. Фактически все они, без каких-либо четких доказательств, считаются одним и тем же народом, и им

приписывается значительное количество камней, цилиндров и драгоценных камней, время от времени подбираемых в различных точках между Средним Евфратом и Средиземноморьем, выгравированных на своего рода иероглифическом или скорее пиктографическом письме, которое по-разному расшифровывалось в зависимости от пристрастия или фантазии эпиграфистов. Это просто означает, что "хеттские тексты" еще не интерпретированы и, скорее всего, останутся необъяснимыми, пока не будет найдена разгадка в каком-нибудь двуязычном документе, таком как Розеттский камень, который раскрыл тайну египетских иероглифов. Л. Мессершмидт, редактор ряда хеттских текстов[1178], заявил (в 1902 году), что только один знак из двухсот был интерпретирован с какой-либо уверенностью[1179], и хотя система А. Х. Сайса[1180] основана на научном плане, его дешифровки должны пока оставаться неопределенными. Важные таблички, найденные Г. Винклером в 1907 году[1181] в Богаз Кеуи в Каппадокии, отождествляемой с Хатти, столицей хеттов, пролили много света на историю хеттов и подтвердили многие предположения Сайса. Записи показывают, что хетты были одним из великих народов древности, с властью, простиравшейся в период своего расцвета от азиатского побережья Эгейского моря до Месопотамии, и от Черного моря до Кадеша на Оронте, властью, которой не могли противостоять ни Египет, ни Ассирия. "До сих пор точно не известно, к какому из великих семейств народов они принадлежали. Высказывалось предположение, что их язык имеет некоторые индоевропейские черты, но в настоящее время безопаснее рассматривать их как коренную расу Малой Азии. Их сильно выраженный тип лица, с длинным прямым носом и покатым лбом и подбородком, поразительно воспроизводится на всех их памятниках, и не предполагает сравнения с арийскими или семитскими остатками[1182]."

Однако Ф. фон Лушан может пролить свет на этнологическую историю хеттов. Исследуя ранних жителей Западной Азии, он постоянно поражался появлению явно несемитского типа, который он назвал "арменоидным". Наиболее типичными были тахтаджи или лесорубы Западной Ликии, жившие в горах и во всех отношениях совершенно отличные от своих соседей-магометан. "Их соматические характеристики удивительно однородны; у них матово-белая кожа, много волос на лице, прямые волосы, темно-карие глаза, узкий, обычно аквилинный нос, очень короткая и высокая голова. Цефалический индекс варьируется от 82 до 91, с максимальной частотой 86[1183].". Подобные типы были обнаружены у бекташей, городских жителей Ликии, и у ансарийцев в Северной Сирии. В Верхней Месопотамии эти черты снова встречаются у кызылбашей, а в Западном Курдистане - у езидов. "Мы находим небольшое меньшинство групп, обладающих сходством вероучения и замечательным единообразием типа, разбросанных по обширной части Западной Азии. Я не вижу другого способа объяснить этот факт, кроме как предположить, что члены всех этих сект являются остатками старого однородного населения, которое сохранило свою религию и поэтому воздерживалось от браков с чужаками и таким образом сохранило свои старые физические характеристики[1184].". Все они говорят на языках своих ортодоксальных соседей, турецком, арабском и курдском, но абсолютно однородны по своим соматическим характеристикам. Две другие группы с таким же физическим типом - это друзья Ливана и Антилебаноса, которые говорят на арабском языке и официально считаются магометанами, хотя их тайное вероучение содержит множество христианских, иудейских и пантеистических элементов. К северу от друзей живут христианские марониты, которые, как говорят, являются потомками монофизитской секты, отделившейся от общей христианской церкви после Халкидонского собора 451 года н. э. "Отчасти благодаря своей изоляции в горах, отчасти благодаря тому, что они не вступали в браки со своими соседями-магометанами или друзьями, современные марониты сохранили старый тип в почти удивительной чистоте. Ни в одной другой восточной группе нет такого количества мужчин с экстремальной высотой черепа и чрезмерным уплощением затылочной части, как среди маронитов..... Очень часто их затылок настолько

крут, что снова и снова склоняешься к мысли об искусственной деформации". Но "такой возможности не обнаружено[1185]."

Гипсибрахицефалические группы с высокими узкими носами, встречающиеся также в Персии, у турок, греков и еще чаще у армян, были впервые (1892) названы фон Лушаном "арменоидными", но "не может быть сомнений, что все они происходят от племен, принадлежащих к великой Хеттской империи". Таким образом, именно хеттский тип сохраняется во всех этих группах на протяжении более 3000 лет[1186]. "Что касается их прародин, фон Лушан связывает их с "альпийской расой" Центральной Европы, но оставляет открытым вопрос, пришли ли хетты из Центральной Европы, или альпийская раса из Западной Азии, хотя склоняется к последнему мнению. Высокий узкий нос (существенное соматическое отличие хеттов от других брахицефальных арабов) "возник как случайная мутация и затем был локально закреплен либо определенной тенденцией вкуса и моды, либо долгим, возможно, тысячелетним размножением". Хеттский нос" наконец стал доминирующей характеристикой в менделевском смысле, и мы видим его не только в реальной географической провинции Альпийской расы, но и достаточно часто здесь, в Англии[1186]."

Аравия и арабы.

В самой Аравии надписи указывают на раннее существование цивилизованных царств, среди которых наиболее ярко выделяются сабейское[1187] и минейское [1188], хотя их даты и даже хронологический порядок вызывают много споров. Возможно, оба они просуществовали до прихода к власти химьяритов в начале христианской эры. Однако все согласны с тем, что аравийская цивилизация достигла очень высокого уровня в века, предшествовавшие рождению Пророка, прежде чем увеличение судоходства привело к отказу от караванной торговли.

Современные жители делятся на южных аравийцев, в основном оседлых земледельцев Йемена, Хадрамаута и Омана, которые ведут свое происхождение от Шема, и северных аравийцев (бедуинов[1189]), скотоводческих племен, которые ведут свое происхождение от Измаила. Эти две группы даже считались этнологически различными, но, как отмечает фон Лушан, "полуостровная Аравия - наименее известная земля в мире, и большие ее регионы даже сейчас являются абсолютно *terrae incognitae*, поэтому необходимо с большой осторожностью делать выводы на основании измерений нескольких десятков человек относительно антропологии земли, более чем в пять раз превышающей по площади Францию[1190]. "Его измерения "единственных настоящих семитов, бедави", дали цефалический индекс от 68 до 78, а нос был коротким и довольно широким, что очень редко характерно для "еврейского типа". Недавно Селигман[1191] показал, что если семиты Северной Аравии более или менее соответствуют только что упомянутому типу, то семиты Южной Аравии имеют низкий или средний рост (1,62-1,65 м., 63¾-65 дюймов) и преимущественно брахицефальны, цефалический индекс колеблется от 71 до 92, а средний составляет около 82.

В других странах - Иберии, Сицилии, Мальте[1192], Иране, Средней Азии, Малайзии - арабским захватчикам не удалось сохранить ни свою речь, ни расовую индивидуальность. В некоторых местах (Испания, Португалия, Сицилия) они исчезли совсем, не оставив после себя ничего, кроме незначительных языковых следов и памятников своей замечательной архитектуры - разрушающихся Альгамбр или грандиозных мечетей, переделанных под христианские храмы. Но в восточных землях их влияние до сих пор ощущают толпы людей, исповедующих ислам и использующих арабскую письменность в написании своих

персидских, тюркских или малайских языков, потому что несколько веков назад эти регионы были охвачены смерчем грубых фанатиков-бедуинов, или же их посетили мирные торговцы и миссионеры с Аравийского полуострова.

Семитский монотеизм.

О монотеизме, провозглашаемом этими ревностными проповедниками, часто говорят как об особом наследии семитских народов или, по крайней мере, о том, что он уже был присущ им в столь ранний период их истории, что казался неотъемлемым от самого их бытия. Но это было не так. До времен Аллаха или Яхве на каждой вершине холма было свое божество-покровитель; пещеры, скалы и сама атмосфера кишели "джинами"; ассирийский и финикийский пантеоны с их Ваалами, Молохами, Астартами и Адонаидами были так же густо населены, как и эллинские и индуистские, и в этой, как и во всех других естественных системах верований, монотеистическая концепция постепенно развивалась путем медленного процесса элиминации. Этот процесс не был доведен до совершенства всеми семитскими народами - канаанитами, ассирийцами, аморитами, финикийцами и другими, которые всегда оставались на стадии политеизма, - но только евреями и арабами, двумя более богатыми представителями семитской семьи. Но даже здесь необходимо сделать оговорку, поскольку теперь мы знаем, что на самом деле существовала только одна эволюция - эволюция Яхве, а принятие идеи, воплощенной в Аллахе, исторически прослеживается в иудейской и христианской системах. Как отмечает Джастроу, высшее религиозно-этическое движение началось с Моисея, который наделил национального Яхве этическими чертами, тем самым проложив путь к более широким концепциям пророков. "Точка отхода еврейской религии от семитской в целом наступила только после появления группы людей, которые установили новый идеал божественного управления вселенной, а вместе с ним, как необходимое следствие, и новый стандарт религиозного поведения. Отбросив племенные барьеры, ограничивающие юрисдикцию божества, именно древнееврейские пророки впервые наглядно и убедительно представили представление о божественной силе, понятой в духовных терминах, которая, председательствуя во вселенной и управляя судьбами народов и отдельных людей, действует на основе самосогласованных законов праведности, одобренных милосердием[1193]."

ССЫЛКИ:

[1150] Расхождения во взглядах востоковедов на семитское (языковое) происхождение суммированы В. З. Рипли, *The Races of Europe*, 1900, p. 375.

[1151] Э. Мейер, *Geschichte des Altertums*, I. 2, 1909, § 336. О. Прокш, однако, считая происхождение семитов нерешенной проблемой, рассматривает Аравию как центр их рассеяния, а не как их первоначальную родину. Насколько можно проследить ранние семитские миграции, он считает, что они указывают на направление с севера на юг, и не видит причин оспаривать библейский рассказ (*Быт.* ii. 10 и далее), выводящий потомков Шема "из окрестностей Арарата, то есть Армении, через Тавр на северосирийскую равнину". "Die Völker Altpalästinas", *Das Land der Bibel*, I. 2, 1914, p. 11. Ср. также J. L. Myres, *The Dawn of History*, 1911, p. 115.

[1152] Обсуждение вопроса о том, кто был более ранними обитателями Вавилонии - семиты или шумеры - см. выше, с. 263.

[1153] Хуго Винклер, "Die Völker Vorderasiens", *Der Alte Orient*, I. 1900, pp. 14-15 и *Auszug aus der Vorderasiatische Geschichte*, 1905, p. 2.

[1154] Cp. A. C. Haddon, *Wanderings of Peoples*, 1911, p. 21.

[1155] J. L. Myres, *The Dawn of History*, 1911, pp. 118-9. Восхитительное описание семитских миграций см. на с. 104-5, а географический аспект - в E. C. Semple, *Influences of Geographic Environment: on the basis of Ratzel's System of Anthro-Geo-graphy*, 1911, с. 6-7 и в разделе "Кочевники" в Указателе.

[1156] Г. Эллиот Смит, *Древние египтяне*, 1911, с. 133.

[1157] С. Н. W. Johns, *Ancient Babylonia*, 1913, pp. 18-19. О культуре см. с. 16-17.

[1158] О. Прокш, "Die Völker Altpalästinas", *Das Land der Bibel*, I. 2, 1914.

[1159] Cp. E. Meyer, "Sumerier und Semiten in Babylonien", *Abh. der Königl. Preuss. Akad. der Wissenschaft*. 1906; L. W. King, *History of Sumer and Akkad*, 1910, p. 40 ff.

[1160] В ассирийцах фон Лушан обнаруживает следы гипербрахицефалического народа Малой Азии и Армении, поскольку они отличаются от чистых семитов, в частности, формой носа. Мейер считает, что эта вариация, возможно, связана с доисторической популяцией, но, добавляет он, исследования физических типов как в историческом, так и в антропологическом плане находятся в зачаточном состоянии. E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I. 2, 1909, § 330 A.

[1161] С. Н. W. Johns, *Ancient Assyria*, 1912, p. 8.

[1162] Ежеквартальные отчеты Фонда исследования Палестины, 1902 и далее. См. также Л. Б. Патон, ст. "Ханаанеи", в "Энциклопедии религии и этики" Гастингса.

[1163] Телль Таанек, 1904 г., *Denkschriften*, Венская академия, и "Немецкие раскопки в Иерихоне", *Pal. Expl. Fund Quart. St.* 1910.

[1164] Телль-эль-Мутеселлим, 1908.

[1165] Ежеквартальные отчеты Фонда исследования Палестины, 1902, с. 347 и далее.

[1166] L. W. King, *History of Sumer and Akkad*, 1910, p. 55; С. Н. W. Johns, *Ancient Babylonia*, 1913, pp. 61-2; L. B. Paton, Art. "Canaanites", *Hastings' Ency. of Religion and Ethics*, 1910; E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I. 2, 1909, §§ 396, 436; O. Procksch, "Die Völker Altpalästinas", *Das Land der Bibel*, I. 2, 1914, p. 25 ff.; G. Maspero, *The Struggle of the Nations, Egypt, Syria, and Assyria*, 1910.

[1167] Φοίνικες, вероятно, означает красный, либо из-за их обожженной солнцем кожи, либо из-за краски, которой они славились. О физическом типе финикийцев см. W. Z. Ripley, *Races of Europe*, 1900, pp. 287, 444.

[1168] В Ветхом Завете слова "ханаанеянин" и "аморит" обычно являются синонимами.

[1169] A. C. Haddon, *Wanderings of Peoples*, 1911, p. 22. Общее изложение финикийской истории см. в J. P. Mahaffy, in *Hutchinson's History of the Nations*, 1914, p. 303 ff.

[1170] См. Morris Jastrow, *Hebrew and Babylonian Traditions* (Haskell Lectures), 1913.

[1171] См. S. A. Cook, Art. "Jews," *Ency. Brit.* 1911; O. Procksch, "Die Völker Altpalästinas," *Das Land der Bibel*, I. 2, 1914, p. 28 ff.

[1172] От старофранцузского *Juis*, лат. *Judaei*, т. е. сыновья Иегуды (Иуды). См. мою статью "Евреи" в *Cassell's Storehouse of General Information*, 1893, из которой я взял многие из следующих сведений.

[1173] У. М. Флиндерс Петри объясняет эту вариацию окружающей средой, а не скрещиванием. "История и обычные наблюдения приводят нас к столь же обоснованному выводу, что череп определяется страной, а не расой". "Миграции", *Журн. Anthr. Inst.* XXXVI. 1906, p. 218. Здесь он критикует превосходное обсуждение всего вопроса в книге У. З. Рипли "*Расы Европы*", 1900, гл. XIV. "Евреи и семиты", с. 368-400, с библиографией. Ср. также R. N. Salaman, "Heredity and the Jews," *Journ. of Genetics*, I. p. 274.

[1174] Ф. фон Лушан, "Ранние обитатели Западной Азии", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLI. 1911, p. 226.

[1175] M. Fishberg, *The Jews*, 1911, p. 10.

[1176] Как Хет, поселившийся в Хевроне (*Быт.* xxiii. 3) и на центральных возвышенностях (*Числ.* xiii. 29), а также как конфедерация племен на севере (1 *Цар.* x. 29, 2 *Цар.* vii. 6).

[1177] Эта идентификация основана на "слепках хеттских профилей, сделанных Петри с египетских памятников. Профили своеобразны, не похожи на профили любого другого народа, изображенного египетскими художниками, но они идентичны профилям, которые встречаются среди хеттских иероглифов" (A. H. Sayce, *Acad.*, Sept. 1894, p. 259).

[1178] "Corpus insc. Hetticarum", *Zeitschr. d. d. morgenländ. Gesellsch.* 1900, 1902, 1906 и др.

[1179] "Die Hettiter", *Der Alte Orient*, I. 4, 1902, p. 14 n. Знак, о котором идет речь, расчлененный овал, интерпретируется как "бог".

[1180] "Расшифровка хеттских надписей", *Soc. of Bibl. Archaeology*, 1903, и "Хеттские надписи", *ib.* 1905, 1907.

[1181] *Ориент. Literaturzeitung*, 1907, и *Orient-Gesellsch.* 1907. См. D. G. Hogarth, "Recent Hittite Research," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVI. 1909, p. 408.

[1182] L. W. King, "The Hittites," *Hutchinson's History of the Nations*, 1914, p. 263. Для этого типа см. иллюстрацию хеттских божеств, Pl. XXXI. в статье Ф. фон Лушана, на которую мы ссылаемся ниже. О языке см. теперь C. J. S. Marstrander, "Caractère Indo-Européen de la langue Hittite," *Videnskapsselskapets Skrifter II Hist. filos. Klasse*, 1918, No. 2.

[1183] "Ранние обитатели Западной Азии", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLI. 1911, p. 230. Об этом регионе см. D. G. Hogarth, *The Nearer East*, 1902, с этнологической картой.

[1184] *Loc. cit.* p. 232.

[1185] F. von Luschan, *loc. cit.* p. 233.

[1186] *Loc. cit.* pp. 242-3.

[1187] Саба, Шеба в Ветхом Завете, где есть различные упоминания о ее богатстве и торговом значении со времен Соломона до Кира.

[1188] Маин из надписей.

[1189] Арабское *badawīy*, житель пустыни.

[1190] *Loc. cit.* p. 235.

[1191] C. G. Seligman, "The physical characters of the Arabs," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLVII. 1917, p. 214 ff.

[1192] Грубый семитский диалект, до сих пор бытующий на этом острове, по-видимому, в основе своей финикийский (карфагенский), на который позднее оказали влияние арабский и итальянский языки. (M. Mizzi, *A Voice from Malta*, 1896, *passim*.)

[1193] M. Jastrow, *Hebrew and Babylonian Traditions*, 1910.

ГЛАВА XV

Кавказские народы (продолжение)

Народы арийской речи-Европейские торговые пути-"арийские" миграции-Индоевропейская колыбель-Индоевропейский тип-Дата индоевропейской экспансии-Происхождение северных народов-Цимбры и тевтоны-Бастарны-Мозо-готы-Скандинавия-Модификация северного типа-Кельто-славяне: Их этническое положение определено - Аберрант Тирольский тип - Реаты и этруски - Этрусское происхождение - Кельты - Определения - Кельты в Британии - Пикты - Брахицефалы в Британии - Круглый курган - Альпийский тип - Этнические отношения - Формирование английской нации - Этнические отношения в Ирландии - Шотландии и в Уэльсе - Современная конституция британских народов - Английский язык - Французская нация - Составные элементы - Ментальные черты - Испанцы и португальцы - Этнические отношения в Италии - Лигурийцы, Иллирийские и арийские элементы - Современные итальянцы - Искусство и этика - Румыны - Этнические отношения в Греции - Эллыны - Происхождение и миграции - Литовский фактор - Эолы; дорийцы; ионийцы - эллинская легенда - греческий язык - славяне - происхождение и миграции - сарматы и будины - венды, чехи и поляки - южные славяне - миграции - сербы, хорваты, Боснийцы - Албанцы - Русские - Панславизм - Русское происхождение - Аланы и Осетины - Аборигены Кавказа - Иранцы - Этнические и языковые отношения - Персы, Таджики и Галча - Афганцы - Низменные и Горные Таджики - Галчинская языковая семья - Галча и Таджикские типы - Ното *Europaeus* и *H. Alpinus* в Центральной Азии - Индусы - Этнические отношения в Индии - Классификация типов - Колы - Дравиды - Дравидийские и арийские языки - Касты индусов - Океания - Индонезийцы - Микронезийцы - Восточные полинезийцы - Происхождение, типы и разделение - Миграции - Полинезийская культура.

В результате последних исследований было покончено с теорией о том, что бронза появилась вместе с "арийцами", и именно с этой точки зрения открытие независимой эгейской культуры, соприкасавшейся с Вавилонией и Египтом примерно за четыре тысячелетия до новой эры, имеет такое важное значение для определения этнических связей исторического, то есть современного европейского населения.

Европейские торговые пути.

Некоторое представление о культурных связях в доисторические времена можно получить, ознакомившись с торговыми связями, о которых свидетельствует археология в бронзовый

век, длившийся на протяжении всего третьего тысячелетия вплоть до середины второго. Как мы видели, в долине Нила, в Месопотамии и в Эгейском регионе остатки, характерные для культуры бронзового века, покоятся на неолитическом субстрате, и переходный этап, когда золото и медь были единственными известными металлами, часто соединяет эти два периода. С момента наступления эпохи металлов жители долины Нила, Крита, Кипра и материковой части Греции свободно обменивались своими товарами. Мореплавание уже процветало, и море скорее объединяло, чем разделяло население островов и побережья. Постепенно эгейско-микенская цивилизация распространилась с Крита и греческих земель на запад, оказав непосредственное влияние на Сицилию и оставив отчетливые следы в Южной Италии, Сардинии и на Пиренейском полуострове, а Иберия, в свою очередь, способствовала развитию Западной Галлии и Британских островов. Знания о меди, а вскоре после этого и о бронзе, распространились по атлантическому пути в Ирландию, а в Центральную Европу попали непосредственно с юга. Благодаря торговле янтарем, всегда востребованным населением Средиземноморья, существовал непрерывный торговый путь в Скандинавию, которая, таким образом, имела прямую связь с Южной Европой. По мере развития цивилизации северные и западные земли становились как экспортерами, так и импортерами, в каждой из них развивалась своя промышленность, не всегда уступавшая более развитой культуре юга .[1194]

"Арийские" миграции.

Поскольку торговые связи простирались через всю Европу с юга на север и с востока на крайний запад, не исключено, что перемещения народов были столь же неограниченными, и это объясняет появление на пороге истории различных народов, ранее объединенных по признаку языка как "арийские". Дж. Л. Майрес, однако, склонен приписывать "приход Севера" тому же типу климатического импульса, который вызвал семитские стаи, описанные выше (с. 489). Упомянув о самом раннем появлении индоевропейских имен[1195], он продолжает: "До эпохи Восемнадцатой династии Египта происходили очень обширные набеги индоевропейцев, говоривших на индоевропейском языке, через персидское плато, вплоть до сирийского побережья и внутренних районов Малой Азии". Эти набеги совпадают с новой культурной особенностью, имеющей огромное значение. "В первую очередь важно обнаружить, что именно в темный период, который непосредственно предшествует возрождению Восемнадцатой династии - когда Египет находился под властью таинственных "царей-пастухов", а Вавилон - под властью столь же таинственных касситских захватчиков - цивилизованный мир впервые познакомился с одним из величайших благ цивилизации, одомашненной лошадью. Период аравийской засухи, изгнавший "ханаанских" эмигрантов, возможно, имел свой аналог в северной степи, чтобы спровоцировать миграцию этих всадников". Однако, добавляет он, "наши знания о масштабах этих засух и хронологии обеих миграций слишком туманны, чтобы можно было считать это более чем предварительной основой для более точного исследования[1196]."

Индоевропейская колыбель.

Попытка определить местонахождение первоначальной родины индоевропейцев часто предпринималась путем обращения к филологии, и были нарисованы идиллические картины "арийской семьи", состоящей из отца-защитника, матери-производительницы и детей, "чье имя подразумевает, что они содержали все в чистоте и порядке[1197]". Они считались первоначально скотоводческими, а затем земледельческими, обитавшими на обширной территории с центром в Бактрии. С развитием знаний о примитивном индоевропейском языке эта косвенная картина рассыпалась, и Фейст[1198] сводит все выводы, выводимые из лингвистической палеонтологии, к единственному "аргументу из молчания" (который он

считает явно недостоверным сам по себе), что "Ургеймат" был страной, в которой в середине третьего тысячелетия до н. э. были неизвестны такие южные животные, как лев, слон и тигр. Принято было считать, что "арийская колыбель" находилась в Азии, а предположение Р. Г. Лэтхема в 1851 году о том, что первоначальная родина находилась в Европе, было отвергнуто одним из самых выдающихся авторов по этому вопросу - Виктором Хэном - как безумие, возможное только для того, кто живет в стране чудаков[1197]. Но с тех пор "урхаймат" смещается все дальше и дальше на запад. О. Шрадер[1199] помещает его в Южную Россию, Г. Коссинна[1200] и Х. Хирт[1201] поддерживают претензии Германии, а К. Пенка и многие другие идут еще дальше на север, выводя как язык, так и высокий рост долихоцефальных носителей (прото-тевтонов) из Скандинавии.[1202]

Ф. Кауффман[1203], отмечая контраст между культурами, связанными с кухонными остатками до и после неолита, готов отнести первые к аборигенам, лигурийцам и, далее на север, кваенцам (финнам, саамам), а неолитическую цивилизацию Европы - к индоевропейцам. "Таким образом, неолитические индоевропейцы уже должны были продвинуться до Южной Швеции в период Литорины на Балтике, в период дуба".

С другой стороны, открытие языка тохариш склонило Э. Мейера[1204] к пересмотру версии об азиатском происхождении, но информация об этом языке слишком фрагментарна, чтобы быть окончательной. После рассмотрения различных теорий Джайлс[1205] приходит к выводу, что "на великой равнине, которая простирается через всю Европу к северу от Альп и Карпат и через всю Азию к северу от Гиндукуша, существует мало географических препятствий, чтобы предотвратить быстрое распространение народов из любой части ее территории в любую другую, и, как мы видели, кельты, венгры и т.д. в исторический период продемонстрировали быстроту, с которой такие миграции могут быть осуществлены. Такими миграциями, возможно, объясняется появление народа, использующего язык *центр*, так далеко на востоке, в Туркестане[1206]."

Индоевропейский тип.

Более ожесточенным, чем дискуссия о первоначальной родине, является спор о первоначальном физическом типе индоевропейцев. Для германцев было почти само собой разумеющимся, что язык был привнесен высокими светлокожими долихоцефалами нордического типа. С другой стороны, галльская школа стремилась идентифицировать альпийскую расу как единственных и первоначальных арийцев. Бесполезность всей этой дискуссии прекрасно продемонстрировал У. З. Рипли в своем протесте против смешения языка и расы[1207]. Фейст[1208] резюмирует нашу информацию следующим образом. Все, что мы можем сказать о физическом типе "урволков", это то, что, поскольку индоевропейцы пришли из северного региона[1209] (пока не идентифицированного), можно предположить, что они принадлежали к светлокожим людям. Наблюдение, что горцы, говорящие на индогерманских языках в южных районах, такие как осетины на Кавказе, курды на возвышенностях Армении и Ирана и таджики на западном Памире, нередко демонстрируют светлые волосы или голубые глаза, подтверждает эту точку зрения. Тем не менее, как он отмечает, брахицефалы не исключаются. Его собственный вывод, который, естественно, вытекает из анализа всех доказательств, заключается в том, что "урволк" не был чистой расой, а представлял собой смесь различных типов. Уже в неолитические времена расы в Европе перестали быть чистыми, а во Франции "образовали почти неразрывную смесь", и Фейст предполагает вместе с Э. де Микелисом[1210], что индоевропейцы были конгломератом народов различного происхождения, которые в доисторические времена были сварены в этническое единство, как нынешние англичане образовались из

доиндоевропейских каледонцев (пиктов и шотландцев), кельтов, римских торговцев и солдат, а позднее тевтонских поселенцев .[1211]

Дата индоевропейской экспансии.

О том, что индоевропейцы уже существовали в Месопотамии, Сирии и Иране примерно в середине второго тысячелетия до нашей эры, уже говорилось. Примерно в это же время ведические гимны свидетельствуют о появлении ариев в Западной Индии. Формирование арийской группы с общим языком, религией и культурой - процесс, неизбежно требующий значительного времени, так что их отпочкование от индоевропейской материнской группы следует отнести далеко назад, в третье тысячелетие. В этот период есть указания на заселение греками южных мысов Балканского полуострова не позднее 2000 года до н.э., в то время как фракийские и иллирийские народы, возможно, заполнили материк, хотя дорийцы занимали Эпир, Македонию и, возможно, Южную Иллирию. Индоевропейские племена уже занимали Центральную Италию. Поэтому представляется, что период существования индоевропейской общности до миграций следует отнести к концу каменного века, ко времени, когда впервые появилась медь. Таким образом, представляется правомерным предположить, что экспансия индоевропейцев началась около 2500 г. до н.э., а наиболее продвинутые ветви вошли в регионы более древних популяций и культур не позднее начала второго тысячелетия[1212]. Около 1000 г. до н.э. мы видим три области, занятые индоевропейскими народами, все они были широко отделены друг от друга и, по-видимому, независимы. Это (1) арийские группы в Азии; (2) Балканский полуостров вместе с Центральной и Нижней Италией, а также мисийцы и фригийцы Малой Азии (возможно, фракийцы уже продвинулись за Дунай); и (3) тевтоны, кельты и летто-славяне на большей части Германии и Скандинавии, возможно, уже в Восточной Франции и Польше. В последующие века произошло продвижение иранцев на юг России и далее на запад, натиск фригийцев на Армению и, наконец, миграция кельтов в Западную Европу.

Происхождение северных народов.

Согласно лингвистическим и ботаническим данным, приведенным польским ботаником Ростафинским[1213], предки кельтов, германцев и балто-славян должны были обитать в регионе к северу от Карпат и к западу от линии между Кенигсбергом и Одессой (зона бука и тиса). Впоследствии балто-славяне утратили слово "бук" и перенесли слово "тис" на ольху красную и ольху черную (обе с красной древесиной), но наличие у них слова "граб" указывает на их первоначальную родину в Полесье - болотистой местности, пересекаемой Припечетом, но не к югу или востоку от Киева.

Хотя из-за отсутствия тевтонских надписей до третьего-четвертого веков нашей эры трудно с уверенностью проследить, как северные народы жили в бронзовом или раннем железном веках, все же довольно четко определенная группа древностей бронзового века, охватывающая бассейн Эльбы, Мекленбург, Гольштейн, Ютландию, Южную Швецию и острова Пояса, с большой долей вероятности представляет собой раннюю тевтонскую цивилизацию. "Оправдано ли говорить о тевтонской расе в антропологическом смысле, по меньшей мере, сомнительно, поскольку наиболее яркие характеристики этих народов [выведенные из доисторических скелетов, описаний древних писателей и современной статистики] в значительной степени встречаются и у их восточных и западных соседей, где их вряд ли можно полностью приписать тевтонской примеси. Единственный результат антропологических исследований, который пока можно считать определенно установленным, заключается в том, что старые тевтонские земли в Северной Германии, Дании и Южной Швеции были населены людьми одного типа с эпохи неолита, если не

раньше[1214] ." Этот тип характеризуется высоким ростом, длинным узким черепом, светлым цветом лица со светлыми волосами и глазами .[1215]

Кимбри и Тевтони.

Бастарны.

В эпоху национальных миграций, с IV по VI век, территории северных народов были значительно расширены, частично путем завоевания, а частично по договоренности с римлянами. Но эти перемещения начались еще до новой эры, так как мы слышим о вторжении *кимбров* в Иллирикум, Галлию и Италию во втором веке до нашей эры, вероятно, из Ютландии[1216] , где они, очевидно, были связаны с *тевтонами*. Еще раньше, в третьем веке до нашей эры, *бастарны*, о происхождении которых многие древние писатели говорили как о тевтонцах, вторглись и поселились между Карпатами и Черным морем. Уже упомянутые Страбоном как сомнительное разделение германцев и скифов (тирагетов) в районе Днестра и Днепра, их передвижения теперь можно проследить по подлинным документам от Балтики до Эвксинского моря. Фуртвенглер[1217] показывает, что самые ранние известные германские фигуры - это фигуры на памятнике Адамклисси в Добрудже, посвященном победе Красса над бастарнами, гетами и фракийцами в 28 г. до н. э. Бастарны мигрировали до кимбров и тевтонов через долину Вислы на Нижний Дунай около 200 г. до н. э. Они поддерживали отношения с македонцами, и успехи Митридата над римлянами были обусловлены их помощью. Рассказ об их свержении Крассом в "Дио Кассиусе" поразительно совпадает со сценами на памятнике Адамклиси. Здесь они изображены одетыми в нечто вроде трико, с длинными остроконечными бородами, с вызывающими, но благородными чертами лица. Тот же тип повторяется и на колонне Траяна, который привлекал их в качестве вспомогательных войск в своих дакийских войнах, и на арке Марка Аврелия, но здесь они одеты в тунику, что, возможно, свидетельствует о более позднем римском влиянии. Таким образом, спустя 2000 лет современная археология дала ответ на сомнения Страбона.

Мозэсо-готы.

Гораздо позже по тому же проторенному пути между Балтийским и Черным морями проследовала часть готов, которые, как мы видим, впервые поселились в балтийских землях по соседству с финнами. Исход из этого региона вряд ли мог произойти раньше второго века новой эры, поскольку Страбон о них ничего не знает, а Тацит помещает их на Балтике между Эльбой и Вислой. Позднее Кассиодор и другие авторы переносят их из Скандинавии на Вислу, а оттуда вверх по реке до Эвксинского моря и Нижнего Дуная. Хотя эту миграцию часто считают легендарной[1218] , она подтверждается археологическими данными. В 1837 году в Петроасе в Валахии была найдена золотая монета с готской надписью, а в 1858 году под Ковелем на Волыни был обнаружен железный наконечник копья с готским именем, написанным тем же шрифтом, который датируется первым железным веком. Наконечник копья идентичен найденному в 1865 году в Мюнхенберге в Бранденбурге, по поводу которого Виммер замечает, что "из 15 рунических надписей в Германии две самые ранние встречаются на железных пиках". Нет сомнений, что руны на ковельском наконечнике копья и на кольце пришли от готских племен[1219] ." Эти южные готы, позже названные мозэсо-готами, поскольку они поселились в Моззии (Болгария и Сербия), имели некоторые физические и даже моральные черты древних тевтонов, что видно на примере императора Максимиана, родившегося во Фракии от гота и аланской женщины - очень высокого, сильного, красивого, со светлыми волосами и молочно-белой кожей[1220] , умеренного во всем и обладавшего большой умственной энергией.

До того, как моэсо-готы были поглощены окружающим болгарским и славянским населением, они были евангелизированы в IV веке своим епископом Ульфиласом ("Волком"), чей фрагментарный перевод Священного Писания, сохранившийся в *Кодексе Аргентеуса* из Упсалы, является самым ценным памятником ранней тевтонской речи, дошедшим до нас.

Скандинавия.

Чтобы найти чистый нордический тип в наши дни, мы должны искать его в Скандинавии, которая обладает одной из самых высокоиндивидуализированных популяций в Европе. Остердаль и окрестности Вааге в Верхнем Гудбрандсдале в Норвегии, а также район Даларна в Швеции содержат, возможно, самый чистый тевтонский тип во всей Европе, цефалический индекс которого значительно ниже 78. Но вдоль норвежского побережья наблюдается сильная тенденция к брахицефалии (индекс поднимается до 82-3), в сочетании с потемнением волос и цвета глаз (этот тип встречается также в Дании), что указывает на выход альпийской расы из Центральной Европы. Антропологическая история Скандинавии, по мнению Рипли, выглядит следующим образом: "Норвегия... вероятно, была заселена с двух сторон: один элемент пришел из Швеции, а другой - с юга через Данию. Последний тип, который сейчас встречается на морском побережье и особенно вдоль наименее привлекательной его части, был тесно ограничен тевтонской иммиграцией из Швеции^[1221]." Брахицефалические люди населяли часть Дании уже в каменном веке^[1222], и, судя по имеющейся скудной информации, нынешнее население крайне неоднородно. У трети детей светлые волосы и светлые глаза, а высокий рост в основном совпадает со светлым цветом кожи, но на Борнхольме, где цефалический индекс составляет 80, есть более высокий темный тип и более низкий светлый тип, последний, возможно, сродни восточной разновидности альпийской расы.^[1223]

Модификация нордического типа.

Оригинальный нордический тип далеко не всегда представлен среди современных германских народов. Из обследования, проведенного несколько лет назад среди 6 758 000 школьников^[1224], следует, что около 31 процента живущих немцев можно отнести к блондинам, 14 - к брюнетам и 55 - к смешанному типу; кроме того, около 43 процентов блондинов сосредоточены в Северной, 33 - в Центральной и 24 - в Южной Германии. Брюнеты увеличиваются, в целом говоря, на юг, в Южной Баварии только около 14 процентов блондинов, и тот же закон действует для длинноголовых и круглоголовых соответственно. Чем же объясняется столь глубокая модификация этой ветви нордического типа в направлении юга?

О том, что тевтоны в значительном количестве распространились далеко за пределы своих северных владений, свидетельствует распространение немецкого языка на центральных нагорьях, а за ними и на южных склонах, где в так называемых "семи коммунах" Веронского района вплоть до девятнадцатого века сохранялся грубый высокогерманский диалект. Но после пересечения Майна, который, судя по всему, долгое время служил этническим водоразделом для Центральной Европы, они попали в зону обитания смуглых альпийских круглоголовых^[1225], которым они передавали свою речь, но от которых они в значительной степени изменили свой внешний вид. В течение долгих веков процесс был во многом одинаков - многолетние потоки тевтонизма, неуклонно идущие с севера, последовательно погружались в великий океан темного круглоголового человечества, которое под разными названиями занимало центральные возвышенности и восточные равнины с эпохи неолита, переполняя в более поздние времена также Балканский полуостров.

Это поглощение того, что считается высшим типом в низшем, может быть обусловлено условиями общего движения - воинственные группы, сопровождаемые немногочисленными женщинами, появлялись как завоеватели среди альпийцев и сливались с ними в огромную массу брахицефальных народов. Или же трансформация объясняется доктриной де Лапужа, согласно которой формы черепа зависят не столько от расы, сколько от социальных условий, и что из-за все более неблагоприятного характера этих условий существует общая тенденция к поглощению высших длинноголовых низшими круглоголовыми .[1226]

Тот факт, что долихоцефалия чаще встречается в городах, а брахицефалия - в сельской местности, интерпретируется по-разному. Де Лапуж[1227] утверждал, что во Франции беспокойные и более предприимчивые длинноголовые мигрировали из сельских районов в непропорционально большом количестве в города, где и вымерли. Для департамента Авейрон он приводит таблицу, показывающую постоянный рост цефалического индекса с 71,4 в доисторические времена до 86,5 в 1899 году, и объясняет это тем, что долихосы тяготели в основном к большим городам, как О. Аммон также показал для Бадена. Л. Лалуа подвел итоги таким образом: Франция обезлюдела, и, что еще хуже, исчезает именно лучшая часть жителей, часть, наиболее плодовитая на выдающихся людей во всех областях знаний, в то время как невежественные и грубые *rescus* только увеличиваются".

Эти взгляды нашли поддержку даже за Атлантикой, но отнюдь не получили всеобщего признания. Как представляется, почву из-под всей этой теории выбил А. Макалистер, прочитавший на заседании Британской ассоциации в Торонто в 1897 году доклад "Причины брахицефалии", в котором показал, что череп младенцев и примитивных людей относительно длинный и что происходит постепенное изменение, филогенетическое (расовое), а также онтогенетическое (индивидуальное), в сторону брахицефалии, которая, безусловно, коррелирует с мозговой деятельностью и ростом и, очевидно, является их результатом; в процессе развития индивида и расы лобные доли мозга растут быстрее и имеют тенденцию к заполнению и расширению черепа[1228] . Таким образом, эта тенденция не имеет ничего общего с деревенской и городской жизнью, и круглолицые не обязательно, если вообще возможно, уступают длинноголовым. Некоторые из обобщений де Лапужа также рассматриваются Ливи[1229] , Деникером[1230] , Сержи[1231] и другими, а весь вопрос замечательно обобщен У. З. Рипли .[1232]

Кельто-славяне.

Но какова бы ни была причина, следует признать тот факт, что *Homo Europaeus* (нордики) сливается на юге с *Homo Alpinus*, чьи имена, как уже говорилось, многочисленны. Брока и многие континентальные авторы используют название *Kelt* или *Slavo-Kelt*, что привело к большой путанице. Но это всего лишь означает для них огромную массу брахицефальных народов в Центральной Европе, где в разное время преобладали кельтские и славянские языки.

Аберрантный тирольский тип.

Реаты и этруски.

Примечательно, что в Альпийском регионе, особенно в Тироле, где брахический элемент сходит на нет, встречается особая форма круглоголовых, которая сильно озадачила де Лапужа, но, возможно, может быть объяснена гипотезой о двух брахических типах, слитых в один. Для объяснения чрезвычайно круглой головы тирольцев, которая показывает родство с одной стороны со швейцарцами, с другой с иллирийцами и албанцами, то есть с нормальными альпийцами, был предложен монгольский штамм, но справедливо отвергнут

Францем Таппейнером как неприемлемый по многим основаниям[1233] . Де Ужфалви[1234] , последователь де Лапужа, рассматривает гипербрахических тирольцев как потомков древних разтов или расенов, которых многие считают родительским фондом этрусков.

Этрусские истоки.

Но Монтелиус (как и большинство других современных этнологов) отвергает сухопутный путь с севера и приводит этрусков морским путем прямо из Эгейского моря и Лидии (Малая Азия). Это фессалийские пеласги, которых Элланик Лесбосский привел в Кампанию, или тирренские пеласги, которых Антиклид перевез из Малой Азии в Этрурию, и он "совершенно уверен, что археологические факты в Центральной и Северной Италии... доказывают истинность этой традиции[1235] ." Конечно, пока не будет определено родство этрусского языка, от которого мы все еще далеки, как никогда[1236] , этрусское происхождение должно оставаться главным образом археологическим вопросом. Даже помощь, которую оказывают черепа из этрусских гробниц, невелика: и длинные, и круглые головы встречаются здесь в самой тесной связи. Серги, который также переносит этрусков с востока, объясняет это тем, что, будучи пеласгами, они принадлежали к тому же долихо-средиземноморскому роду, что и сами итальянцы (лигурийцы), и отличались только от брахидных умбрийцев с арийской речью. Таким образом, черепа из гробниц принадлежат к двум типам: вторгшимся арийцам и средиземноморцам, причем последние, будь то коренные лигурийцы или вторгшиеся этруски, неотличимы друг от друга. "Я могу показать, - говорит он, - этрусские черепа, которые ни в чем не отличаются от итальянских [лигурийских], из самых древних могил, как я могу также показать головы из этрусских могил, которые не отличаются от тех, которые все еще находят в арийских землях, будь то славянские, кельтские или германские[1237] ." Возможно, эту трудность лучше всего объясняет предположение Фейста о том, что этруски были всего лишь высокоцивилизованной воинственной аристократией, рассеянной по завоеванному населению, которым они в конечном итоге были поглощены .[1238]

Кельты.

Миграции кельтов предшествовали миграциям тевтонских народов, с которыми они, вероятно, были тесно связаны как по расе, так и по языку[1239] . В начале исторического периода кельты встречаются на западе Германии в районе Рейна и Везера. Возможно, около 600 года до н. э. они заняли Галлию и часть Пиренейского полуострова, впоследствии перейдя на Британские острова. В Италии они вступили в конфликт с растущей мощью Рима и после битвы при Аллии (390 г. до н. э.) заняли сам Рим. Они также спустились в долину Дуная и на Балканы, а позднее (280 г. до н. э.) - в Фессалию. В период расцвета своего могущества они простирались от севера Шотландии до южных берегов Испании и Португалии, а также от северных берегов Германии до немного южнее Сенегалии. На западе их границей была Атлантика, на востоке - Черное море .[1240]

Определение слова "кельт".

К сожалению, беспорядочное использование термина "кельт" привело к большой путанице. Для историков и географов кельты - это народ в центре и на западе Европы, упоминаемый античными авторами под названиями *кельты*, *кельты*, *галлы* и *галаты*. Однако многие антропологи, особенно на континенте, считают кельтов и галлов представителями двух четко определенных физических типов: первые - брахицефалы, с коротким крепким телосложением и каштановым цветом волос (альпийский тип), вторые - долихоцефалы с высоким ростом, светлым цветом лица и светлыми волосами (нордический тип). Лингвисты, не обращая внимания на физические характеристики, относят к кельтам людей, говорящих на индоевропейском языке, характеризующемся, в частности, утратой *r* и изменениями,

связанными с мутацией начальных согласных, а для многих археологов кельты были народом, ответственным за распространение цивилизации гальштатского и латенского периодов, то есть раннего и позднего железного века .[1241]

Поэтому неудивительно, что слово "кельты" предлагается исключить из антропологической номенклатуры, как не имеющее этнического значения. Но это, говорит Райс Холмс[1242] , "потому что авторы этнологии не держат голову в чистоте". В частности, упускается из виду один момент. "Как французы называются по имени одного народа-завоевателя, франков; как англичане называются по имени одного народа-завоевателя, англов; так и разнородные кельты Трансальпийской Галлии назывались по имени одного народа-завоевателя; и этим народом были кельты, или, скорее, ветвь кельтов в истинном смысле этого слова. Короче говоря, кельты - это народ, который привнес кельтский язык в Галлию, Малую Азию и Британию; народ, в который входили победители Аллии, завоеватели Галлии Кельтики и завоеватели Галлии Белгики; народ, который Полибий называл безразлично галлами и кельтами; народ, который, как сказал Павсаний, первоначально назывался кельтами, а затем галлами. Если некоторые древние писатели путали высоких красивых кельтов, говоривших на кельтском языке, с высокими красивыми германцами, говорившими на германском языке, то древние писатели, которые были лучше осведомлены, избегали такой ошибки..... Поэтому давайте вернем слову "кельт" то этническое значение, которое по праву принадлежит ему".

Кельты в Британии.

Неизвестно, когда именно кельтские племена обосновались в Великобритании, но многие считают, что самые ранние вторжения произошли не ранее шестого, а возможно, и пятого века. Во времена римского завоевания кельты делились на две языковые группы: *гойдельскую*, представленную в наши дни ирландским, манкским и шотландским гэльским, и *бритонскую*, включающую валлийский, корнуоллский и бретонский языки. Эти группы должны были быть практически идентичными, за исключением двух особенностей. В бриттском языке лабиальный велярный q стал p (изменение, которое, очевидно, произошло до времен Пифея), в то время как в гойдельском этот звук остался неизменным. q сохранился в ранних надписях огама, но к концу седьмого века он утратил лабиальный элемент, появившись в древнеирландском как c. Таким образом, древнеирландское *sepp*, голова, как в Кенмаре, Кинтайре, Кинсейле, приравнивается к брайтонскому *rep*, как в Пенрине (Корнуолл), Пенрине (Уэльс), Пенкридже (Стаффордшир), Пенруддоке, Пенрите и многих других. Поэтому две группы выделяются как кельты Q и кельты P[1243] . На основании того, что гойдельский язык сохранил q, было принято считать, что гойделы отделились от основной кельтской массы в период, предшествовавший лабиализации, но многие ученые утверждают, что родительский гойдельский язык сформировался в Ирландии и был перенесен с этого острова в Ману и Шотландию в первые века нашей эры .[1244]

Пикты.

С антропологической точки зрения пиктов идентифицировать, по возможности, сложнее, чем кельтов. Но вопрос стоит не между высокими светлыми длинноголовыми и короткими темными круглоголовыми, а между короткими темными длинноголовыми (аборигены неолита) и кельтами. Вопрос о пиктах подытожил Райс Холмс[1245] , а различные теории были недавно рассмотрены Виндишем[1246] , который дал ценное резюме более ранних работ. С одной стороны, поддерживается "наиболее жизнеспособная гипотеза, что пикты были неарийцами, которых первые кельтские миграции нашли уже поселившимися здесь... потомками аборигенов[1247] ." Виндиш[1248] , придерживающийся другой крайности,

считает их поздними переселенцами в Северную Британию, когда Шотландия уже была занята племенами бритонов. Но географическое распределение пиктов в исторические времена говорит скорее о народе, загнанном в горные районы сменяющими друг друга завоевателями, чем о поселениях успешных захватчиков. Также не исключено, что язык бронзового века сохранился в этих диких районах, и это объясняет тот факт, что святому Колумбе приходилось пользоваться услугами переводчика в отношениях с пиктами; хотя другие объясняют это предположением, что пиктский язык был британским.

Лингвистические свидетельства, однако, крайне незначительны: сохранилось лишь несколько слов, предположительно пиктских, и те через кельтских писателей.

"Единственный абсолютно определенный вывод, к которому может прийти студент-этнолог, заключается в том, что не доказано, что название пиктов имеет доарийское происхождение^[1249]." "Для меня, - продолжает Райс Холмс (стр. 417), - пикты были смешанным народом, состоящим из потомков неолитических аборигенов, расы Круглого Кургана и кельтских захватчиков - смешанным народом, который [или, по крайней мере, чья аристократия] говорил на кельтском диалекте".

Брахицефалы в Британии.

Прежде чем приступить к обзору этнологии Британии, необходимо выяснить, какие этнические элементы существовали на этой территории до прихода кельтов. Жители неолита, низкорослые, смуглые долихоцефалы средиземноморского типа, уже были описаны (гл. XIII.). С их останками связаны характерные формы погребальных памятников - дольмены и длинные курганы. Но уже к концу каменного века на острова проникает брахицефалическая раса. По-видимому, это было мирное проникновение, во всяком случае, в некоторых районах, где останки двух типов встречаются бок о бок и есть свидетельства расового смешения. Брахицефалы привнесли новую форму погребения, сделав свои курганы круглыми, а не вытянутыми, отсюда и удобная формула Турнама: "длинный курган - длинный череп; круглый курган - круглый череп". Однако прежнее мнение о том, что существовал определенный переход от длинных голов, неолитической культуры и длинных курганов, к круглым головам, бронзовой культуре и круглым курганам, больше не может быть поддержано. "Часто считается само собой разумеющимся, что круглые курганы не возводились в Британии до конца неолита, и что самые ранние из брахицефальных захватчиков, чьи останки были найдены в них, высадились с бронзовым оружием в руках^[1250]." Однако существует множество доказательств того, что брахицефалический элемент предшествовал знанию металлов, и в ряде круглых курганов в Йоркшире и далее на север не обнаружено никаких следов бронзы.

Тип круглого кургана.

Тем не менее большинство круглых курганов относится к бронзовому веку, и физический тип их строителей достаточно хорошо выражен. Рост необычайно высок, достигая 1,763 м. или более 5 футов 9 дюймов. Череп брахицефалический со средним индексом около 80. Он также характеризуется большой силой и грубостью очертаний, с (часто) покатым лбом, заметными надглазничными гребнями и определенной степенью прогнатизма.

Согласно описанию Роллестона, "брови должны были придавать верхней части лица жуткий и, возможно, даже грозный вид, в то время как смело выдающиеся и тяжелые скулы должны были производить впечатление сырой и грубой силы. Нос, нависающий над корнем, должен был смело выступать вперед". А Турнам добавляет: "Выступ крупных резцов и клыков настолько велик, что придает черепу почти звериное выражение^[1251]."

Альпийский тип.

Хотя этот тип удобно называть типом круглого кургана или даже расой круглого кургана, круглые курганы содержат останки другого расового характера. Форма черепа демонстрирует более экстремальную брахицефалию, с индексом 84 или 85, и не имеет ни одной из грубых черт, связанных с настоящим типом круглых курганов. Напротив, из двух типичных групп, одна из круглых курганов в Гламорганшире, а другая из коротких курганов в Абердиншире, ни один череп не является прогнатическим, надглазничные гребни развиты слабо, скуловые кости не выделяются, лицо одновременно широкое и короткое, а нижняя челюсть маленькая. Но наибольший контраст наблюдается в росте, который в обеих группах составляет в среднем 1,664 м. и 1,6 м. соответственно, т.е. 5 футов 5¾ дюйма и 5 футов 3 дюйма. Все эти характеристики тесно связывают данный тип с альпийским типом на континенте.

Эти круглоголовые народы были предметом многочисленных дискуссий, умело подытоженных и раскритикованных Райсом Холмсом, чье заключение, возможно, лучше всего отражает точку зрения, принятую сейчас в отношении их родства и происхождения.

"Большая ошибка, которая была допущена при обсуждении этого вопроса, заключается в нередком предположении, что брахицефалические иммигранты, хоронившие своих мертвых в круглых курганах, прибыли в Британию в одно время и из одного места. Некоторые из них, несомненно, появились до конца неолита: другие, возможно, принесли с собой бронзовые орудия или украшения; третьи, несомненно, приходили, сменяя друг друга, в течение бронзового века. Некоторые из тех, кто принадлежал к расе Гренель [альпийский тип], которые, несомненно, пришли из Восточной Европы и, возможно, из Азии, и чьим центром рассеяния был Альпийский регион, могли происходить из Галлии; другие могли вести свое происхождение от какого-нибудь рейнского племени; и я склонен полагать, что те, кто принадлежал к характерному грубому типу Круглого Кургана, перешли, по большей части, из Дании или с близлежащих островов[1252]."

Формирование английской нации.

После прихода римлян, которые мало смешивались с аборигенами и, возможно, произвели незначительное впечатление на речь или тип британского населения, с приходом исторических тевтонских племен произошла большая трансформация в этих отношениях. Вместе с тевтонскими вторжениями в Ирландию пришла жажда экспансии. Они поселились в Южном Уэльсе и на острове Англси, на острове Мэн и в Аргайле, а также, вероятно, в Северном Девоне и Корнуолле. На протяжении многих поколений юг и восток Англии были ареной ожесточенной борьбы, в ходе которой погибла романо-британская цивилизация. Только в более труднодоступных районах, таких как болотистая местность, могло сохраниться британское население, хотя кельтские языки еще не вырвались из своих горных твердынь в Уэльсе и Шотландии и на многие века задержались в Стратклайде и Корнуолле. После усиления тевтонского элемента в результате прихода скандинавов и норманнов, которые все были очень похожи друг на друга по физическому типу, серьезного пополнения этой составной этнической группы, которая на востоке простиралась непрерывно от Ла-Манша до Грампианов, не произошло. Позже экспансия продолжилась на север за Грампианами и на запад через Стратклайд в Ирландию, а сейчас распространение образования и развитие промышленности уже грозит поглотить последние оплоты кельтской речи в Уэльсе, Горных горах и Ирландии.

Этнические отношения в Ирландии.

Благодаря своей изоляции на крайнем западе, Ирландия осталась незатронутой некоторыми из описанных выше этнических движений. Сомнительно, что палеолитический человек когда-либо достигал этого региона, но даже немногие из круглоголовых заходили так далеко на запад в бронзовом веке[1253]. Колебания суши в послеледниковое время, по-видимому, были практически одинаковыми на территории, включающей северную Ирландию, южную половину Шотландии и северную Англию. Был период депрессии, за которым последовал период подъема. Пляжные отложения Ларна доказывают, что неолитический человек существовал практически с самого начала отложения этой серии и до его завершения. Эстуарные глины Белфаст-Лоу соответствуют депрессии, и неолитический период длился, по крайней мере, от верхней части нижней эстуарной глины до пляжных отложений желтого песка, которые ее покрывают, или, возможно, до более позднего времени. Именно к этому периоду возвышения относятся неолитические стоянки среди песчаных дюн Северной Ирландии; например, стоянки в Уайтпарк-Бей и Портстюарте достигают максимального возвышения. Небольшое движение оседания примерно на пять футов в недавние времена оставило поверхность такой, какой мы ее находим сейчас. Орудия труда, найденные в гравии Ларне, в некоторой степени соответствуют датским кухонным мидденам; этот сайт был не жильем, а каменоломней или местом для черновой работы, где пригодные для использования чешуйки отбирались для дальнейших манипуляций; таким образом, он относится к самой ранней фазе неолита. Стоянки на песчаных холмах были заняты, постоянно и эпизодически, во времена неолита, в бронзовом веке, в железном и христианском периодах[1254]. Нина Ф. Лейард недавно исследовала поднятый пляж Ларна и открыла новый участок. Она утверждает: "Если брать в целом, то кремни, конечно, совершенно не соответствуют ни палеолиту, ни неолиту, найденным до сих пор в Англии..... Некоторые из них сильно напоминают известные типы дрифта..... Опять же, есть формы, которые имеют более близкое сходство с некоторыми из самых ранних неолитических типов[1255]". Она считает, что, судя по их обкатанному состоянию, они были получены из другого источника.

Ф. Дж. Биггер[1256] описал несколько кухонных могильников в Портнафедоге, близ Раундстоуна, Коннемара, в которых были найдены каменные молотки, но не обработанные кремни, керамика или металлические изделия. Главный интерес этой статьи связан с тем, что это первая запись о находке огромного количества раковин *Purpura lapillus*, все из которых были разбиты таким образом, что животное можно было легко извлечь. Нет никаких сомнений в том, что пурпурный краситель производился здесь в доисторические времена[1257]. У. Дж. Ноулз[1258] предполагает, что на основании близкого сходства - фактически идентичности - большого количества неолитических предметов в Ирландии с палеолитическими формами во Франции (типы Сен-Ашель, Мустье, Солютре, Ла-Мадлен), ирландские предметы преодолевают разрыв между двумя эпохами и были изготовлены племенами с континента после миграции северных оленей на север. Эти народы, возможно, продолжали изготавливать орудия палеолитического типа и в то же время попали под влияние неолитической культуры, постепенно пришедшей из какого-то южного региона. Удивительное развитие этой неолитической культуры на отдаленном острове на западе, как показано в роскошных томах В. К. Борласа[1259], является вечным сюрпризом, но становится менее необъяснимым, если мы предположим огромную продолжительность нового каменного века на Британских островах. Ирландские дольменостроители, предположительно, были из той же длинноголовой породы, что и британские[1260], а за ними последовали кельтязычные гойделы, которые, возможно, пришли прямо с континента[1261], и есть свидетельства Птолемея и других источников о присутствии племен бритонов из Галлии на востоке. С тех ранних исторических времен вторженцы были почти исключительно тевтонской расы, а захватчики-викинги из Норвегии и Дании основали

самые ранние города, такие как Дублин, Уотерфорд и Лимерик. Теперь все они, за исключением почти незначительного и быстро сокращающегося меньшинства, перешли на речь английских и шотландских переселенцев, которые начали прибывать в конце XII века и сейчас в основном проживают в Ольстере, Лейнстере и во всех крупных городах. На богатом и поэтичном ирландском языке написана обширная средневековая литература, имеющая огромное значение для изучающих европейское происхождение.

Отношения в Шотландии.

В Шотландии со времени колонизации западной части страны гэлоязычными шотландскими племенами из Ирландии и оккупации Лотинанса англичанами этнических изменений и перемещений произошло немного. Грампианы в исторические времена образовали главный этнический водораздел между двумя элементами, и ручьи, которые можно взять в прыжок, показывают, где противоположные берега в течение сотен лет соответственно удерживались ранее враждебными, а теперь дружественными сообществами гэльской и широкой шотландской речи. Главными вторженцами здесь были скандинавы, чьих потомков до сих пор можно узнать в Китнесе, на Гебридах, в Оркнейской и Шетландской группах. Слабые отголоски старого норренского языка, как говорят, все еще сохраняются среди крепких шетландцев, чья ассимиляция с доминирующей расой началась только после их перехода из Норвегии под власть шотландской короны.

С 1901 года исследования Грея и Точера[1262] по изучению пигментации около 500 000 школьников Шотландии расширили нашу информацию о расовом распределении. Средний процент светловолосых мальчиков составляет почти 25 человек по всей стране, и если сравнить этот показатель с 82 в Шлезвиг-Гольштейне, то можно сделать вывод, что чисто норвежский или англосаксонский элемент в нашем населении отнюдь не является преобладающим. Очевидно, существует также темный или брюнетистый элемент, который по крайней мере равен по количеству, а возможно, и превышает норвежский" (стр. 380). Чисто голубых глаз в целом по Шотландии в среднем 14,7 процента, что можно сравнить с 42,9 в Пруссии. Наибольшая плотность светлых волос и глаз наблюдается в долинах великих рек, выходящих к Немецкому океану, а также на Западных островах. На реках Твид, Форт, Тэй и Дон есть признаки поселений светловолосой расы, "вероятно, в результате англосаксонских вторжений", но максимальный показатель наблюдается в устье реки Спей. Высокий процент здесь, а также на Гебридах и противоположных побережьях авторы связывают с вторжением викингов. Процент темных волос у мальчиков и девочек составляет 25,2 по сравнению с 1,3 у прусских школьников, причем максимальная плотность, как и следовало ожидать, наблюдается на западе страны. Максимальная плотность черных волос (1,2%) наблюдается в центральных горных районах и на диком западном побережье. Беддоу[1263], комментируя результаты Грея и Точера, подсчитал еще более высокий процент черных волос (более 2 %) "в пределах или на границе Хайленда". За исключением Пейсли, нет ни одного случая к югу от Форты, ни одного между Спей и Ферт-оф-Тей. Несомненно, здесь есть что-то "расовое". Карта Беддоу, построенная на основе статистики Грея и Точера, четко показывает распределение расовых типов.

И в Уэльсе.

Работа, проводившаяся в Уэльсе в течение нескольких лет Г. Дж. Флером и Т. К. Джеймсом[1264], дала ряд чрезвычайно интересных результатов. Основные типы (основанные на измерениях и наблюдениях за головой, лицом, носом, цветом кожи, волос и глаз, ростом и т. д.) делятся на следующие группы.

1. "Основной тип - это, безусловно, длинноголовый брюнет болот и внутренних долин. Он общепризнан как принадлежащий к средиземноморской расе сергов и восходящий в этой стране к раннему неолиту". Цефалический индекс составляет около 78, при высоком цвете кожи, темных волосах и глазах, а также росте ниже среднего. Возможное смешение с более ранними видами показано в длинноголовом типе (с.і. около 75), с хорошо обозначенным затылком, очень темными волосами и глазами, смуглым цветом лица и средним ростом (около 1690 мм = 5 футов 6½ дюймов). Иногда в Северном Уэльсе встречаются длинные черные волосы, смуглый цвет лица и выдающиеся скулы, что наводит на мысль о "монголоидном" типе; а тип с маленьким ростом, черными, плотно завитыми волосами и довольно широким носом имеет негроидные черты. В болотах Плинлимона находится "гнездо" с крайней долихоцефалией и необычно высоким процентом рыжих волос.

2. Нордическо-альпийский тип, с цефалическим индексом в основном между 76 и 81. Эта группа включает (а) "местный вариант нордического типа", встречающийся в Ньюкасл-Эмлин и в Южном и Юго-Западном Пемброкшире, со светлыми волосами и глазами, обычно высоким ростом и большой силой бровей, челюстей и подбородка; (b) более тяжелый вариант на валлийской границе, часто с цефалическим индексом выше 80 и очень высоким ростом; (с) тип Borreby или Beaker-Maker, широкоплечий и коротколицый с более темной пигментацией, вероятно, скрещивание альпийского и нордического, характерный для длинной расщелины от Corwen через Bala до Tabyllyn и Towyn.

3. Темные пулеголовые коротконогие толстокожие мужчины общего типа, обозначаемого термином "альпийский" или, точнее, термином "сэвенольский", встречаются, хотя и не часто, в долинах Северного Монтгомеришира.

4. Мощно сложенные, часто очень смуглые, широкоплечие, широколицые, крепкие мужчины с квадратными челюстями характерны для побережья Ардудви, побережья Южного Гламоргана, района Ньюквей (Кардиганшир) и других мест.

Авторы отмечают, что тип 1 с его разновидностями вносит "значительный вклад в служение различных церквей, возможно, отчасти из-за врожденных и расовых склонностей, но отчасти и потому, что это люди болот. Идеализм таких людей обычно выражается в музыке, поэзии, литературе и религии, а не в архитектуре, живописи и пластических искусствах в целом. У них редко бывает достаточно материальных ресурсов для последней деятельности. Эти типы также способствуют притоку людей в медицину..... Успешные коммерсанты, благодаря которым валлийцы заняли необычайно заметное место в британской торговле (например, судоходные фирмы), обычно принадлежат скорее ко второму или четвертому, чем к первому типу, как и большинство валлийских членов парламента, хотя есть и исключения первой важности. Северный тип отличается изобретательностью и предприимчивостью в освоении новых линий. Тип 2 (с) в Уэльсе отличается способностью к административному управлению, а также независимостью мышления и критической силой" (с. 119).

Современная конституция британских народов.

Теперь у нас есть все необходимые элементы для того, чтобы распутать этнический клубок нынешних жителей Британских островов. Удивительное преобладание повсеместно умеренно-долиховых голов сразу же объясняется отсутствием брахийных иммигрантов, за исключением бронзового периода, а они могли сделать не больше, чем поднять цефалический индекс с 70 или 72 до нынешнего среднего значения около 78. С другими, возможно, менее стабильными характеристиками дело обстоит не всегда так просто. Брюнеты, представляющие средиземноморский тип, конечно, увеличиваются, как и

следовало ожидать, с северо-востока на юго-запад, хотя даже здесь есть значительная темная полоса, обусловленная местными причинами, в домашних ширах около Лондона[1265]. А вот рост, почти повсеместно являющийся проблемным фактором, похоже, несколько незаконно блуждает по земле.

Хотя низкий рост более или менее совпадает с брюнетистостью в Англии и Уэльсе, а наблюдения в Ирландии слишком малочисленны, чтобы на них можно было положиться, в Шотландии такого параллелизма не прослеживается. Запад (Инвернесс и Аргайлшир), хотя и такой же темный, как Южный Уэльс, демонстрирует средний рост от 1,73 до 1,74 м (от 5 футов 8 дюймов до 5 футов 8½ дюймов), что выше, чем в среднем по всей Британии. А на юго-западе Шотландии, где распространен довольно темный тип, проживает самое высокое население в Европе, если не в мире. Рипли предполагает, что "какой-то этнический элемент, от которого не осталось и следа, послужил увеличению роста западных горцев, не приведя в то же время к блондинистости; или же за это ответственны какие-то местные влияния естественного отбора или окружающей среды[1266]"; и он также намекает, что языковое различие между гэлами и бритами могло быть связано с физическими изменениями.

Английский язык.

Английский язык не должен нас долго задерживать. Его качества, проиллюстрированные в самой благородной из всех литератур, очевидны для всего мира[1267], более того, они заслужили у Якоба Гримма титул *Welt-Sprache*, "всемирная речь". Он принадлежит, как можно было бы предположить, исходя из северного происхождения тевтонского элемента в Британии, к нижненемецкому подразделению тевтонской ветви арийской семьи. Несмотря на сильнейшее давление со стороны нормандского французского, продолжавшееся более 200 лет (1066-1300), он остался верен этой связи в своей внутренней структуре, которая не обнаруживает ни малейших следов неолатинского влияния. Фонетическая система претерпела глубокие изменения, которые лишь косвенно и в малой степени могут быть обусловлены французским влиянием. Французскому и латинскому языкам английский язык обязан большим количеством, многими тысячами, слов, некоторые из которых дополняют, некоторые заменяют свои саксонские эквиваленты, но в целом значительно увеличивают богатство его выражения, обеспечивая ему переходное положение между несколько резко контрастирующими германским и романским мирами.

Французская нация.

Среди романских народов, то есть французов, испанцев, португальцев, итальянцев, румын, многих швейцарцев и бельгийцев, которые были полностью ассимилированы в речи и в значительной степени в своих гражданских институтах со своими римскими хозяевами, первостепенное положение, своего рода международную гегемонию, заняла французская нация со времен упадка Испании при слабых преемниках Филиппа II. Составные элементы этих галло-римлян, как их можно назвать, во многом совпадают с элементами британских народов, но отличаются по своему распределению и относительным пропорциям. Так, иберийцы (аквитанцы, пиктоны и более поздние васконцы), которых, возможно, можно отождествить с неолитическими длинноголовыми[1268], похоже, никогда не распространялись дальше Бретани, а в доримские времена были арианизированы Р-говорящими кельтами повсюду к северу от Гаронны. Доисторические тевтоны, которые в ранний период (Цезарь говорит об *античности*) продвинулись за Рейн и попали на территорию нынешней Бельгии, были в основном ограничены северными провинциями. Даже исторические тевтоны (в основном франки и бургунды) мало проникли за Сену на

севере и нынешнюю Бургундию на востоке, в то время как вандалы, вестготы и некоторые другие быстро прошли в Иберию за Пиренеями.

Таким образом, большая часть земли, скажем, от бассейна Сены-Марны до Средиземноморья, продолжала удерживаться романизированной массой альпийского типа во всех центральных и большей части южных провинций, а на юге - романизированным длинноголовым средиземноморским типом. Это значительное преобладание романизированных альпийских масс объясняет быстрое поглощение тевтонских вторженцев, которые все, за исключением флеминговской части белгов, были полностью ассимилированы с галло-римлянами до конца десятого века. Это также объясняет тот, возможно, еще более примечательный факт, что норманны, поселившиеся (912) под властью Ролло в Нормандии, были практически французами, когда несколько поколений спустя они последовали за своим герцогом Вильгельмом на завоевание саксонской Англии. Таким образом, единственными непримиримыми группами оказались баски[1269] и бретонцы, которые и по сей день сохраняют свою речь в отдельных уголках страны. За этими исключениями вся Франция, за исключением спорной области Эльзас-Лотарингии, представляет в своей речи определенную однородность, стандартный язык (*langue d'oïl*[1270]) распространен во всех северных и центральных провинциях, в то время как он неуклонно набирает силу в южной форме (*langue d'oc*[1270]), все еще сохраняющейся в сельских районах Лимузена и Прованса.

Ментальные черты.

Но до тех пор, пока не произойдет более глубокого слияния таких живучих элементов, как баски, бретонцы, овернцы и савойцы, мы едва ли можем говорить об общем французском типе, а только об общей национальности. Высокий рост, длинный череп, светлый или светло-коричневый цвет кожи, серые или голубые глаза, как и следовало ожидать, преобладают на севере, эти черты одинаково характерны для доисторических белгов, франков империи Меровингов и Карловингов, а также норманнов Ролло. С ними контрастируют южные народы невысокого роста, с оливково-коричневой кожей, круглыми головами, темно-кариыми или черными глазами и волосами. Тенденция к единообразию в городах развивалась гораздо быстрее, чем в сельской местности. Поэтому жители Парижа, Лиона, Бордо, Марселя и других крупных городов представляют меньше и менее яркие контрасты, чем уроженцы старых исторических провинций, где до сих пор выделяются болтливый и задиристый гасконец, податливый и разносторонний баск, медлительный и настороженный норманн, мечтательный и фанатичный бретонец, быстрый и предприимчивый бургундец и яркий, умный, более уравновешенный уроженец Турени - типичный француз, занимающий сердце земли и удерживающий, так сказать, баланс между всеми окружающими элементами.

Испанцы и португальцы.

В Испании и Португалии мы снова имеем те же этнологические элементы, но опять же в разных пропорциях и по-разному распределенные, с добавлением других - протофиникийцев и более поздних финикийцев (карфагенян), римлян, вестготов, вандалов, а еще позже берберов и арабов. Здесь кельтскоязычные смешанные народы смешались в доисторические времена с длинноголовыми средиземноморцами - этнический сплав, известный древним, которые называли его "кельтиберийским"[1271]. Но, как и в Британии, другие вторженцы были в основном длинноголовыми, что привело к поразительному результату: сегодня на Апеннинском полуострове представлен точно такой же единый тип черепа, как и на Британских островах. Даже диапазон (76 - 79) и среднее значение (78) цефалического индекса одинаковы, поднимаясь в Испании до 80 только в баскском углу. Как

утверждает Рипли, "средний цефалический индекс 78 не встречается нигде в Европе так равномерно", кроме Норвегии, и эта равномерность "является сопутствующим признаком двух относительно чистых, хотя и сильно различающихся этнических типов - средиземноморского в Испании, тевтонского в Норвегии[1272]."

Провинциальные группы.

В других отношениях социальные, можно даже сказать национальные, группы на Апеннинском полуострове более многочисленны и, возможно, даже более резко дискриминированы, чем во Франции. Помимо басков и португальцев, в которых течет негритянская кровь[1273], мы имеем такие весьма своеобразные группы населения, как надменные и пунктуальные кастильцы, которые под внешней демонстрацией гордости и чести способны на большую подлость; энергичные и тщеславные андалузцы, которых называют гасконцами Испании, но с изящной речью и соблазнительными манерами; угрюмые и бесстрастные мурсийцы, безразличные и фаталисты; веселые валенсийцы, любящие танцевать и веселиться, но при этом подверженные внезапным приступам убийственной ярости, жизнь которых настолько дешева, что они нанимаются в убийцы и режут свой хлеб окровавленным ножом своей последней жертвы; тупые и суеверные арагонцы, также склонные к кровопролитию и настолько упрямые, что, как говорят, "вбивают гвозди головой"; наконец, каталонцы, шумные и ссорящиеся, но храбрые, трудолюбивые и предприимчивые, в целом лучший элемент в этой пестрой совокупности неуравновешенных темпераментов. Различные аспекты испанского темперамента рассматриваются Хэвелоком Эллисом[1274] как проявления исконно примитивной расы, которая под воздействием особого стимулирующего и в то же время закаляющего окружения сохранила на всех этапах развития необычную степень одаренности свежей молодостью, элементарной дикостью, с которой она начинала. Этим объясняются прекрасные качества Испании и ее недостатки, великолепная инициатива и отсутствие устойчивой способности ее реализовать, важность вопроса чести и прославление примитивной добродетели доблести.

Этнические отношения в Италии.

В Италии прошлые и нынешние отношения, как их особенно подробно описали Ливи и Серджи, могут быть кратко описаны следующим образом. После первого каменного века, о котором сохранилось меньше свидетельств, чем можно было бы ожидать[1275], в неолитические времена вся земля была густо заселена темными длинноголовыми средиземноморскими народами. Позже к ним присоединились пеласги из Греции и иллирийцы сомнительного происхождения с Балканского полуострова. Действительно, К. Пенка[1276], у которого так много парадоксальных теорий, считает иллирийцев первыми жителями Италии, о чем свидетельствует поразительное сходство культуры *террамары* в Аэмилии с венецианскими и лайбахскими свайными жилищами. Недавние находки в Боснии и[1277], а также исторически доказанная (?) миграция сикулов из Верхней Италии на Сицилию и их иллирийское происхождение указывают в том же направлении. Но факты по-другому интерпретирует Серджи[1278], который считает, что вся земля была занята средиземноморцами, потому что мы находим даже в Швейцарии свайные жилища того же типа.[1279]

Затем пришли народы с арийской речью, кельтоязычные альпийцы с северо-запада и славяне с северо-востока, которые подняли цефалический индекс на севере, где брахический элемент, как уже видно, все еще сильно преобладает, но неуклонно уменьшается к югу[1280]. Они заняли всю Умбрию, которая сначала простиралась через весь полуостров от Адриатики до Средиземного моря, но позже была захвачена

вторгшимися этрусками с западной стороны. Затем некоторые из этих умбрийцев, мигрировав на юг, в Лаций за Тибром, смешались, по словам Серги, с итальяскими (лигурийскими) аборигенами и стали основателями римского государства^[1281]. С распространением римского оружия латинский язык, который, как утверждает Серджи, является своего рода арианизированным лигурийским, но должен рассматриваться как истинный член арийской семьи, распространился по всему полуострову и островам, сметая все следы не только исконных лигурийских и других средиземноморских языков, но также этрусского и родственных ему языков, таких как умбрийский, осканский и сабеллинский.

После падения империи на землю пришли остготы, герулы и другие тевтоны, никто из которых не образовал постоянных поселений, кроме лонгобардов, давших название нынешней Ломбардии, но сами они быстро ассимилировались по речи и общей культуре с окружающим населением, которое мы теперь можем назвать итальянцами в современном смысле этого слова.

Искусство и этика.

Если вспомнить, что эгейская культура проникла в Италию очень рано, что ее продолжили под эллинским влиянием этруски и умбрийцы, что греческие искусства и письменность были заложены на итальянской земле (*Magna Graecia*) еще до основания Рима, что все эти цивилизации сошлись в самом Риме и затем распространились по всему Западу, что традиции предыдущих культурных эпох никогда не угасали, обрели новую жизнь в эпоху Возрождения и таким образом сохранились до наших дней, то можно утверждать, что одаренный итальянский народ дольше других находился под неусыпным влиянием общих гуманизирующих воздействий.

Румыны.

Эти "латинские народы", как их называют потому, что все они говорят на языках латинского происхождения, не ограничиваются Западом. К итальянским, французским, испанским, португальским, менее известным и более грубым валлонским в Бельгии и романским в Швейцарии, Тироле и Фриули, следует отнести *румынское* течение среди девяти миллионов так называемых "дако-румын" в Молдавии и Валахии, то есть в современном королевстве Румыния. На этом же неолатинском языке говорят *цинцары* или *куцо-влахи*^[1282] из районов горы Пинд на Балканском полуострове, а также многочисленные румыны, которые в более поздние времена мигрировали в Венгрию. Они образуют компактную и энергичную национальность, которая утверждает, что происходит непосредственно от римских военных колонистов, поселенных к северу от Нижнего Дуная Траяном после завоевания даков (107 г. н.э.). Но эта теория, отвергаемая многими этнологами, сопряжена с большими трудностями, особенно на том основании, что после Траяна Дакия неоднократно очищалась гуннами, финнами, аварами, мадьярами и другими грубыми монголо-тюркскими ордами, а также многими почти более грубыми славянскими народами в течение многих веков, когда восточное население находилось в состоянии непрерывной текучести после ухода римских легионеров с Нижнего Дуная. Кроме того, Рёслер^[1283] и др. показывают, что при Аврелиане (257 г. н.э.) колонисты Траяна ушли телом на юг до Гемуса и за него на территорию старых бессов (фракийцев), т.е. в район, который до сих пор занимают македо-румыны. Но в XIII веке, во время распада Византийской империи, большая часть этих беглецов была вновь изгнана на север, на свои прежние места за Дунаем, где они с тех пор удерживают свои позиции и представляют собой отдельную и далеко не слабую ветвь неолатинской общины. Поэтому Пинд, а не Карпаты, следует считать последним районом рассеяния этих доблестных и умных потомков дако-римлян. Это кажется наиболее рациональным решением

того, что А. Д. Ксенополь называет "исторической загадкой", хотя сам он отвергает выводы Рёслера в пользу старой точки зрения, столь дорогой для национальной гордости нынешнего румынского народа[1284]. Составной характер румынского языка - фундаментально неолатинский или скорее раннеитальянский, с сильным иллирийским (албанским) и славянским родством - почти подразумевает, что Дакия никогда не была романизирована под властью империи, и что на самом деле этот регион *впервые* был заселен его нынешними романоязычными жителями в XIII веке[1285]. Кочевая жизнь румын сама по себе, как указывает Пейскер[1286], опровергает их происхождение от оседлых римских колонистов и указывает на среднеазиатское происхождение. Конные кочевники паслись летом "на большинстве гор Балканского полуострова, а зимой устраивались на морских побережьях среди крестьянского населения, говорящего на другом языке. Затем они постепенно распространились, незаметно для летописцев, вдоль всех горных хребтов, через все Карпаты Трансильвании, Северной Венгрии и Южной Галиции, до Моравии; на северо-запад от Черногории и далее через Герцеговину, Боснию, Истрию, вплоть до Южной Штирии; на юг через Албанию далеко в Грецию..... И как крестьянство, среди которого они зимовали (и перезимовали) достаточно долго, они стали (и становятся) после преходящего двуязычия, греками, албанцами, сервами, болгарами, русинами, поляками, словаками, чехами, словенцами, хорватами ... подвижной кочевой прослойкой среди странного по языку и более многочисленного крестьянского элемента, и только позже они постепенно перешли к сельскому хозяйству и сами стали оседлыми".

Этнические отношения в Греции.

Пеласги и минойская цивилизация были кратко рассмотрены выше (гл. XIII.). Более поздние проблемы греческой этнологии до сих пор остаются предметом споров. Серги, считающий протоариев круглоголовыми варварами с кельтской, славянской и тевтонской речью, не делает исключения в пользу эллинов. Они также попадают в Грецию не как цивилизаторы, а скорее как разрушители процветающей микенской культуры, развитой здесь, как и в Италии, средиземноморскими аборигенами. Но со временем вторженцы вливаются в пеласгическую или восточную ветвь средиземноморцев, и то, что мы называем эллинизмом, на самом деле является возрожденным пеласгизмом, в некоторой степени модифицированным арийским (эллинским) элементом.

Эллины.

Если допустить, что к моменту своего появления эллины были менее цивилизованными, чем коренные эгейцы, которым они навязали свою арийскую речь, то откуда и когда они появились? По мнению Пенки[1287], для которого балтийские земли были бы первоначальной родиной не только германской ветви, но и всех ариев, колыбель эллинов находится в бассейне Одера между Эльбой и Вислой. Поскольку дорийское, несомненно, последнее греческое вторжение в Элладу, хронологически фиксируется в 1149 году до н. э., начало эллинских миграций можно отнести к XIII веку. Когда эллины мигрировали из Центральной Европы в Грецию, период общей этнической дисперсии был уже закрыт, а последовавший за ним миграционный период начался с эллинов и был продолжен италийцами, галлами, германцами и т.д. Трудности, которые создает эта точка зрения, непреодолимы. Таким образом, нам придется предположить, что из этой относительно узкой арийской колыбели в Европу с XIII века до н. э. хлынули бесчисленные племена, говорившие на совершенно разных языках (греческом, кельтском, латинском и т. д.), которые дифференцировались с того времени на берегах Балтики. Протоарийцы с их уже специализированными языками достигли берегов Средиземноморья задолго до этого времени и, согласно Масперо[1288], были известны египтянам 5-й династии (3990-3804 гг.

до н.э.), если не раньше. Допуская, что это могли быть скорее доэллины (пеласги), мы все равно знаем, что ахейцы традиционно прибыли около 1250 года до н.э. и уже говорили на языке Гомера.

"Показатели археологии и легенд удивительно хорошо согласуются с данными египетских записей, - говорит Х. Р. Холл[1289], - и делают третий позднеминойский период периодом непрекращающихся волнений..... Весь бассейн Восточного Средиземноморья, кажется, был кипящей суматохой миграций, изгнаний, войн и пиратства, начавшихся сначала с микенского (ахейского) завоевания Крита, а затем усиленных постоянным натиском северных железорудодобытчиков на Грецию". Геродот говорит о великом нашествии племен феспротов из-за Пинда, которое произошло, вероятно, в XIII веке до н.э.[1290] В результате "в Грецию впервые было завезено подавляющее арийское население, использующее железо. Более ранние ахейские (?) племена ариев в Фессалии, которые, возможно, жили там с незапамятных времен и, вероятно, уже проникли на юг, чтобы сформировать смешанное ионийское население около перешейки, были рассеяны, только небольшая часть народа осталась в своем первоначальном доме, в то время как остальная часть завоевала юг, а другая часть эмигрировала через море к фригийскому побережью. Из этой эмиграции в Азию первым событием должна была стать война в Трое..... Беотийское и ахейское вторжение на юг рассеяло минийцев, пеласгов и ионийцев. Остатки минийцев эмигрировали на Лемнос, пеласги и ионийцы были сосредоточены в Аттике, ионийцы - в более поздней Ахайе, а южные ахейцы продвинулись в Пелопоннес[1291]."

Греческий язык.

Из национальных традиций следует, что протогреки прибывали не *единым блоком*, а отдельными и часто враждебными группами, носившими разные названия. Но все эти группы - ахейцы, данайцы, аргивяне, долопы, мирмидоны, лелеги и многие другие, некоторые из которых встречались и в Малой Азии, - сохраняли сильное чувство общности своего происхождения. Это чувство, которое можно назвать скорее расовым, чем национальным, получило окончательное выражение, когда на всех них распространилось собирательное название эллинов (первоначально селлинов), то есть потомков сына Девкалиона Эллина, чьи два сына Эол и Дорус, а также внук Ион должны были стать прародителями эолийцев, дорийцев и ионийцев. Но такие традиции - всего лишь воспоминания о временах, когда еще преобладали племенные группировки, и можно считать само собой разумеющимся, что три основные ветви эллинского рода не произошли от конкретной семьи, которая сравнительно недавно достигла могущества в фессалийском районе Фтиотис. Какая бы правда ни скрывалась за эллинской легендой, весьма вероятно, что к моменту расцвета Эллады (около 1500 г. до н. э.) эолязычные общины Фессалии, Аркадии и Беотии, тесно связанные с ними дорийцы[1292] из Фокеи, Аргоса и Лаконии и ионийцы из Аттики уже были четко специализированы, фактически сформировали особые группы еще до прихода в Грецию. Позднее их диалекты, приобретая определенный лоск и оставив нетленные следы многогранного греческого гения, постепенно слились в литературный неоионийский или аттический, который, таким образом, стал κοινή διάλεκτος, или текущей речью греческого мира.

Восхитительный как своими разнообразными способностями, так и удивительной живучестью, язык Эсхила, Фукидида и других великих афинян пережил все превратности Византийской империи, во время которой он был на некоторое время изгнан из Южной Греции, и даже до сих пор сохранился, хотя и в несколько деградированном виде, в ромейском или неоэллинском языке современной Эллады. Ромейский язык, название которого напоминает о том времени, когда византийцы были известны как "римляне" на всем

Востоке, гораздо меньше отличается от классического стандарта, чем любой из романских языков, образованных от латинского. После восстановления независимости Греции были предприняты большие усилия, чтобы возродить старый язык во всей его чистоте, и некоторые современные писатели теперь сочиняют в стиле, мало отличающемся от классического периода.

Однако сама эллинская раса на материке почти исчезла. Следы старого греческого типа были обнаружены Ленормантом и другими, особенно среди женщин Патры и Миссолонги. Но на памяти людей Аттика все еще оставалась албанской землей, и Фоллмерайер убедительно показал, что Пелопоннес и прилегающие районы были основательно славянизированы в течение VI и VII веков[1293]. "В течение многих веков, - пишет внимательный Рёслер, - греческий полуостров служил колониальным владением для славян, принимая приток их населения из сарматских низменностей[1294]." Об их присутствии свидетельствуют многочисленные географические термины, такие как *Варсова* в Аркадии, *Глогова*, *Цилихова* и т.д. Тем не менее, с момента возрождения эллинских чувств наблюдается постоянный приток греческой иммиграции из Архипелага и Анатолии; и албанские, славянские, итальянские, турецкие, румынские и норманнские элементы уже стали в современной Греции почти полностью эллинизированными, по крайней мере, в речи. Из старых диалектов только дорийский, кажется, сохранился в Цаконике на Лаконских холмах. Греческий язык, однако, исчез из Южной Италии, Сицилии, Сирии и большей части Египта и Малой Азии, где он долгое время был доминирующим.

Славяне.

Чтобы понять появление славян на Пелопоннесе, мы должны вернуться в евразийскую степь, вероятную колыбель этих многочисленных народностей. Здесь их часто путают с древними сарматами, которые еще до начала истории владели южнорусскими равнинами между скифами на востоке и протогерманскими племенами до их миграции в Балтийские земли. Но даже в то время, до завершения неолита, должно быть, происходило смешение если не с западными тевтонами, то почти наверняка с восточными скифами, что помогает объяснить в целом неопределенный характер упоминаний классических писателей как о сарматах, так и о скифах, которые иногда кажутся неотличимыми от диких монгольских орд, а в других случаях представляются полукультурными народами, такими, какими могли быть арии бронзового периода в районе Ольвии и других ранних милетских поселений на северном берегу Эвксинского моря.

Сарматы.

Из-за этих ранних пересечений Андре Лефевр заходит так далеко, что говорит, что "нет никакой славянской расы[1295], а есть только народы различных более или менее чистых типов, более или менее скрещенных, говорящих на диалектах одного языка, которые позже получили название славян, носимое доисторическим племенем *сарматов* и означающее "знаменитый", "прославленный"[1296]." Как их язык, так и мифология, продолжает Лефевр, указывают на обширный регион вблизи Ирана как на прародину славян, а также кельтского и германского населения. Савроматы или сарматы Геродота[1297], которые дали свое имя массе славянских или славянизированных народов, все еще обитали к северу от Кавказа и к югу от *Будини* между Каспием, Доном и Азовским морем; "после перехода через Танаис (Дон) мы уже не в Скифии; мы начинаем вступать в земли савроматов, которые, начиная от угла Палус Меотис (Азовское море), занимают пространство в 15 дней пути, где нет ни деревьев, ни плодовых деревьев, ни дикарей. Выше отведенного им участка будины занимают другую область, которая заросла всеми видами деревьев[1298]." Далее Геродот, похоже,

отождествляет сарматов со скифами, откуда и все последующие сомнения и путаница. И те, и другие говорили на одном языке, в котором упоминаются семь различных диалектов, однако ряд личных имен, сохранившихся у греков, имеет определенный иранский облик, так что эти скифские языки, похоже, были действительно арийскими, образуя переход между азиатской и европейской ветвями семьи.

Вероятное объяснение заключается в том, что скифы[1299] были ордой, пришедшей из Верхней Азии, завоевавшей ираноязычный народ и со временем перенявшей речь его подданных. Э. Х. Миннс[1300] предполагает, что оседлые скифы представляют собой остатки иранского населения, а кочевники - народы-завоеватели. Позже они были вытеснены сарматами, и Скифия стала просто географическим термином. Черепки, откопанные в скифских могилах, не дают представления о расовом родстве, некоторые из них длинные, а некоторые короткие, но в обычаях прослеживается близкая аналогия с монголами, хотя, как отмечает Миннс, "природные условия степного раздолья диктовали большую их часть".

И славянские, и германские племена, вероятно, в отдаленные времена проникали вверх по Дунаю и Волге, а некоторые из первых под именем *вендов* (Venedi[1301]), по-видимому, достигли Карпат и балтийских берегов вниз по Висле. Движение продолжалось вплоть до средневековья, когда произошли большие пересечения, и многочисленные славянские племена, некоторые из которых все еще известны как венды, а другие как *сорбы*, *хорваты* или *чехи*, распространились по Центральной Европе до Померании и за Верхней Эльбой до Суабии. Большинство из них давно тевтонизировано, но несколько *полабов*[1302] сохранились как венды в прусском и саксонском Лаузаце, в то время как чехи и *словаки* по-прежнему удерживают свои позиции в Богемии и Моравии, как *поляки* - в Позене и долине Вислы, а *русняки* или *рутены* с тесно связанными с ними "малороссами" - в Карпатах, Галиции и Украине.

Южные славяне.

Именно из карпатских земель[1303] пришли *юго-славяне* ("южные славяне"), которые под собирательным названием сорбы (сербы, сервины) двинулись на юг за Дунай и захватили большую часть Балканского полуострова и почти всю Грецию в VI и VII веках. Это были хорваты[1304] или хробаты[1304] из горных долин Одера и Вислы, которых после персидских войн Ираклий пригласил поселиться в опустошенных провинциях к югу от Дуная, надеясь, как позже Надир-шах поступил с курдами в Хорасане, сделать их северным оплотом империи против вторжений аваров и других монголо-тюркских орд. Так образовалось первое постоянное поселение юго-славян в Хорватии, Истрии, Далмации, Боснии и долине Неренты в 680 году под началом пяти братьев Ключаса, Лобола, Косенца, Мукла и Хробата с их сестрами Тугой и Бугой. За ними последовали родственные племена Срп (Сорб) с Эльбы, которые покинули свои дома в Миснии и Лужице и получили в качестве своей вотчины всю область между Македонией и Эпиром, Дарданию, Верхнюю Моезию, Дакию Аврелиана и Иллирию, то есть Боснию и Сервию. В то же время низовья Дуная были заняты *северенами*, "семью народами", также славянами, которые доходили до подножия Гемуса за нынешней Варной. Ничто не могло остановить это великое славянское наводнение, которое вскоре перекинулось в Македонию (Румелию), Фессалию и Пелопоннес, так что на некоторое время почти все балканские земли, от Дуная до Средиземного моря, стали владением славян - за исключением части Иллирии и Эпира (Албании) с греческими районами вокруг Константинополя.

Албанцы.

Эллада, как уже было сказано выше, восстановилась, а *албанцы*^[1305], прямые потомки древних иллирийцев, все еще держат свои позиции и сохраняют последние отголоски старого иллирийского языка, который почти наверняка был протоарийской формой речи, вероятно, промежуточной, как уже говорилось выше, между италийской и эллинской ветвями. Они даже сохранили старую племенную систему, так что есть не только две основные части, северные *геги* и южные *тошки*, но каждая часть делится на ряд мелких групп^[1306], таких как маллисоры (Клементи, Пулати, Хоти и т.д.) и мирдиты (Дибри, Фанди, Матиа и т.д.) на севере, и тошкиды (отсюда Тошк) и япиды (Лापиды) на юге. Южане в основном православные греки и в других отношениях полуэллинизированные эпироты, северяне - частично мусульмане и частично римские католики латинского обряда. Из этой части произошли главным образом те албанцы, которые после смерти (1467) своего доблестного защитника Георгия Кастриоты (*Скандербег*, "Александра Великого"), бежав от турецкого гнета, образовали многочисленные поселения, особенно в Калабрии и Сицилии, и до сих пор сохраняют свои национальные традиции.

Русские.

На своей исконной родине, расположенной по некоторым данным между Бугом и Днепром, славяне не только оправались от свирепых монголо-тюркских и финских смерчей, которые неоднократно прокатывались по восточным степям на протяжении более 1500 лет после возведения Великой стены, но и в последние исторические времена проявили невиданную экспансивную силу, уступающую лишь британским народам. *Русские* (великороссы, малороссы и белоруссы), чья политическая империя сегодня простирается от Балтики до Тихого океана, уже поглотили почти все монгольские элементы в Восточной Европе, основали компактные поселения на Кавказе и в Западной Сибири, а также выбросили многочисленные пионерские группы колонистов вдоль всех торговых и миграционных путей и по великим речным артериям между Обью и Амурским лиманом. Их общая численность превышает 100 миллионов человек, а площадь их владений составляет около девяти миллионов квадратных миль. Большинство принадлежит к восточной расе Деникера^[1307] (разновидность альпийского типа), они белокурые, суббрахицефалические и невысокие, 1,64 м. (5 футов 4½ дюйма). Малороссы на юге, в поясе Черной плесени, более брахицефальны, имеют более темную окраску и более высокий рост. Белые русские на западе между Польшей и Литвой - самые светлые из всех.

Русское происхождение.

Нас не задерживают споры, которые ведут Серги и Заборовский о доисторическом распространении средиземноморской расы в России^[1308]. Черепка из нескольких старых курганов, отождествляемые Серги со средиземноморским типом, не были достаточно определены в отношении даты или культурных периодов, чтобы решить этот вопрос, в то время как их долихокранный тип является общей чертой как для средиземноморцев, так и для протоариев североευропейского типа^[1309]. К этой группе протославян причисляют Заборовский и многие другие^[1310], хотя нынешние славяне все отчетливо круглоголовые. Рипли почти в отчаянии спрашивает, что же делать с нынешним славянским элементом, и решает применить "термин *Homo Alpinus* к этой широколобой группе, где бы она ни встречалась, на горах или равнинах, на западе или на востоке^[1311]".

Осетины.

Мы сталкиваемся с теми же трудностями, когда переходим вместе с *осетинами* Кавказа в иранские и индийские владения протоарийских народов. Эти осетины, которые являются единственными аборигенами арийской речи в Кавказе, Заборовский^[1312] отождествляет с

аланами, которые упоминаются уже в I веке н.э. и были скифами с иранской речью, блондинами, смешанными с медами, и, возможно, потомками массагетов. Из истории известно, что готы и аланы тесно объединились, и, возможно, именно от готов осетинские потомки аланов (некоторые до сих пор называют себя аланами) научились варить пиво. В другом месте[1313] Заборовский представляет осетин как европейского происхождения, до недавнего времени в большинстве своем светловолосых, хотя теперь демонстрирующих многие скифские черты. Но физически они не являются иранцами, "несмотря на иранское и азиатское происхождение их языка", как показал Макс Ковалевский[1314]. В целом, таким образом, осетин можно принять за изначально светловолосых европейцев, тесно смешавшихся со скифами, а затем и с другими современными кавказскими народами, которые в основном являются смуглыми брахисами. Но Эрнест Шантр[1315] объединяет эти группы со своими смуглыми и брахидными соседями-татарами и отрицает, что осетины являются последними остатками германских переселенцев в Кавказ.

Аборигены Кавказа.

Таким образом, на Кавказе мы имеем очень любопытное и загадочное явление - несколько отдельных групп аборигенов, в основном альпийского типа де Лапужа, но все, кроме осетин, говорящих на удивительном количестве неарийских языков. Филологи некоторое время упорно работали в этой лингвистической пустыне, "Горе языков" ранних арабо-персидских писателей, не сильно уменьшая количество независимых групп, в то время как многие идиомы, прослеживаемые к одному стволу, все еще так глубоко отличаются друг от друга, что они практически являются многими запасами. Из действительно отдельных семейств наиболее важными являются: *картвельское* на южных склонах, включающее исторический грузинский, культивируемый с V века, мингрельский, имеритский, лазский и многие другие; *черкесское* (черкесское), *абхазское* и *кабардинское* на Западном и Центральном Кавказе; *чеченское* и *лесгуанское*, *андийское*, *удэ*, *кубачинское* и *дуодезское* в Дагестане, *то* есть на Восточном Кавказе. Откуда взялся этот лепет языков? Мы знаем, что 2500 лет назад отношения были примерно такими же, как и сейчас, потому что греки говорят о десятках языков, существовавших в порту Диоскуров в их время. Таким образом, если аборигены - это "выметенные равнины", то они должны были быть выметены задолго до исторического периода. Принесли ли они с собой свои различные языки, или они были специализированы в их новых домах на возвышенностях? Соображение о том, что открытая среда способствует единообразию, а уединенные горные долины - разнообразию, кажется, в значительной степени говорит в пользу последнего предположения, которое подкрепляется установленным ныне фактом, что, хотя следов эпохи палеолита осталось мало, Кавказ был довольно густо заселен в новом каменном веке.

Иранцы.

Перейдя в Иран, мы сразу же сталкиваемся с совершенно иными условиями. Для этнолога этот регион включает в себя, помимо равнины между Тигром и Индом, оба склона Гиндукуша и Памир, а также возвышенности, ограниченные с юга и севера верховьями Оксуса и Сир-дарьи. Не обращая внимания на более поздние монголо-тюркские вторжения, общий обзор, я думаю, покажет, что с древнейших времен весь этот регион был частью кавказских владений; что основная масса коренного населения, должно быть, принадлежала к темному, круглоголовому альпийскому типу; что они, все еще встречающиеся компактными массами во многих местах, были, по-видимому, завоеваны, но, несомненно, арийизированы в речи, в очень отдаленные доисторические времена длинноголовыми светловолосыми арийцами иранской и гальчинской ветвей, которые в большом количестве прибыли из смежной евразийской степи, смешались в целом с брахийными аборигенами, но также держались в

стороне в нескольких районах, где они все еще сохранились с более или менее измененными протоарийскими чертами. Таким образом, нас сразу же поражает тот замечательный факт, что абсолютное единообразие речи, всегда за исключением поздних монгольских вторжений, преобладало в течение исторического периода во всей Ирании, которая в этом отношении была так же полностью арийской, как и сама Европа; и далее, что все современные арийские языки, за одним, возможно, незначительным исключением[1316], являются членами либо иранской, либо гальчинской ветви семьи. Таким образом, и иранский, и галльский языки - это скорее лингвистические, чем этнические термины, и это настолько верно, что филолог всегда знает, что подразумевается под иранским языком, в то время как антрополог не может определить или сформировать какое-либо четкое представление об иранце, который может быть либо длинноголовым нордическим, либо круглоголовым альпийским типом. Здесь можно избежать путаницы, оставив для первых историческое название персов[1317], а всех альпийцев объединив под также проверенным временем, но менее известным названием таджиков.

Таджики.

Афганцы.

Ханикофф показал, что эти таджики представляют собой первобытный элемент в древнем Иране. К истинным персам на западе, а также к родственным им афганцам на востоке, оба из которых относятся к типу долихо, этот термин применяется редко. Но почти везде оседлых и земледельческих аборигенов называют таджиками и говорят о них как о *парсиванах*, то есть *парсизабанах*[1318], "персидской речи", или иначе *дихканах*[1318], то есть "крестьянах", все они в основном земледельцы "персидской расы и языка[1319]". Они образуют бесконечные племенные или, по крайней мере, социальные группы, которые держатся несколько в стороне от своих протоарийских завоевателей, так что, особенно на востоке, этническое слияние еще далеко не завершено, различные части сообщества все еще скорее смешаны, чем слиты в единую национальность. Если к этим первобытным различиям добавить племенную систему, все еще сохраняющуюся в полной силе среди самих вторгшихся афганцев, мы увидим, насколько невозможно пока говорить об афганской нации, а только о разнородных массах, слабо удерживаемых вместе главным племенем - в настоящее время *Дуран* из Кабула.

Впервые таджики упоминаются Геродотом, чьи *дадики*[1320] отождествляются Хаммером и Ханиковым с ними[1321]. В настоящее время их принято делить на равнинных и горных таджиков, из которых первые всегда были парсиванами, в то время как горные таджики изначально говорили не на персидском, а, как многие и сейчас, на самостоятельном родственном языке галчи, распространенном на Памире, Зерафшане и Сирдарьинской возвышенности и занимающем несколько промежуточное положение между иранской и индийской ветвями.

Галча.

Этот термин "галча", хотя и новый для науки, уже давно применяется к арийцам памирских долин, их отождествляют с *Calcienses populi* светского иезуита Бенедикта Гёза, который пересек Памир в 1603 году и описывает их как "светловолосых и бородатых, как бельгийцы". Мейендорф также называет зерафшанцев "восточными персами, галчи, галчами". Это слово объясняется как "голодный ворон, удалившийся в горы", вероятно, имея в виду тех таджиков, которые укрылись на возвышенностях от хищных орд тюрков. Но, несомненно, это персидское *galcha* - крестьянин или клоун, затем бродяга и т. д., откуда *galchagi* - грубость.

Как показывает Дж. Биддильф[1322], племена, говорящие на галхическом языке, распространены по обоим склонам Гиндукуша и включают в себя уроженцев Саракола, Вахана, Шигнана, Мунджана (с йидоками верховьев Луд-хо или реки Читрал), Санглича и Ишкашима. К ним он склонен добавить пахпусов и шакшусов Верхней Яркенд-дарьи, а также жителей долины Коча, к которым теперь следует отнести и зерафшанских галчасов (магийцев, кштутов, фалгаров, мачасов и фанов), но не ягнобцев. Все они образуют также одну этническую группу альпийского типа, с которой Биддильф по лингвистическим основаниям также включает две другие группы, хос из Читрала и сиях-пош из Кафиристана, а также шин (дарды), горы, чиласи и другие мелкие племена верхнего Инда и боковых долин, все они, очевидно, являются длинноголовыми светловолосыми арийцами. Учитывая это различие, можно смело следовать ценному трактату Биддильфа о населении Гиндукуша. Он относит идиомы галча к старому бактрийскому языку (Восточная Персия, так называемая "Зенд Авеста"), шин, однако, склоняется к санскриту, а ховар, речь читрала (хос), занимает промежуточное положение между бактрийским и санскритом. Но в этих деталях преобладают разногласия, которые еще долго будут занимать филологов.

Галча и таджикские типы.

[1323]Говоря в целом, все галчи северных склонов (большинство первой группы Биддильфа) физически связаны со всеми остальными равнинными и горными таджиками, к которым также, вероятно, следует отнести южных таджиков, живущих к югу от Гиндукуша (кохистанцы, берраки, пурмули или фермули, сирдехи, систанцы и другие, рассеянные по Афганистану и северному Белуджистану). Их тип ярко выражен альпийский, настолько, что французские антропологи называют их "запоздалыми савойцами из Кохистана"[1324]. Де Ужфальви, который тщательно изучил их, описывает их как высоких, смуглых или бронзовых и даже белых, с румяными щеками, напоминающими англичанина, черные или каштановые волосы, иногда рыжие и даже светлые, гладкие, волнистые или курчавые, полная борода, коричневая, русая или светлая (он встретил двух братьев около Пенджакенда с волосами "blanc comme du lin"); карие, голубые или серые глаза, никогда не косые, длинный, фигурный нос, слегка изогнутый, тонкие, прямые губы, овальное лицо, крепкое, энергичное телосложение, круглая голова с цефалическим индексом до 86.50. Это описание, подтвержденное Бонвалотом и другими недавними наблюдателями, относится к дарвази, вахи, бадахши и фактически ко всем группам, так что мы, вне всякого сомнения, имеем восточное продолжение альпийской брахицефальной зоны через Армению и Бахтиарийские нагорья в Центральную Азию, вывод, подтвержденный исследованиями М. А. Штейна в Китайском Туркестане и на Памире (1900-8)[1325]. Действительно, это азиатское продолжение альпийского типа склоняет В. Лушана[1326] рассматривать европейскую ветвь как одно ответвление, а высокий и узкий ("хеттский") тип носа как другое, или, скорее, как специализированную группу, чистейшими примерами которой являются армяне, персы, друзы и другие сектантские группы Сирии и Малой Азии. Согласно его краткому описанию этого сложного региона, "вся Западная Азия первоначально была населена однородной меланохроичной расой, с крайней степенью гипсибрахицефалии и "хеттским" носом. Около 4000 года до н. э. началось семитское вторжение с юго-востока, вероятно из Аравии, людей, похожих на современных бедави. Две тысячи лет спустя началось второе вторжение, на этот раз с северо-запада, ксантрохромированных и длинноголовых племен, похожих на современных курдов, наполовину диких, и тем или иным образом, возможно, связанных с историческими харри, аморитами, тамеху и галатами[1327]."

Этнические отношения в Индии.

Но эта богатая событиями драма еще не завершена. Задержанные, возможно, на некоторое время барьером Гиндукуша и Сулимана, протоарийские завоеватели прорвались, наконец, вероятно, через ущелья реки Кабул, на равнины Индии и тем самым добавили еще один мир к кавказским владениям. Здесь они столкнулись с новыми условиями, которые вызвали новые изменения и адаптации, приведшие к нынешним этническим отношениям на полуострове. Есть все основания полагать, что в этом регионе заквасочный арийский элемент никогда не был многочисленным, а арийские захватчики даже при своем первом прибытии нашли землю уже несколько густо заселенной аборигенами .[1328]

Заметные языковые и этнические различия между Восточным и Западным Индостаном породили теорию о двух отдельных потоках иммиграции, возможно, продолжавшихся на протяжении многих веков[1329] . Первые пришли с северо-запада, пригнав с собой стада и семьи, потомками которых стало однородное и красивое население Пенджаба и Раджпутаны. Более поздние стаи пришли через труднопроходимые перевалы Гилгит и Читрал - маршрут, который не позволял женщинам сопровождать их. "Здесь они вступили в контакт с дравидами; здесь под влиянием этого контакта сформировались касты; здесь были составлены Веды и построена вся фантастическая структура ортодоксального ритуала и обычаев..... Мужчины более сильной расы брали себе женщин более слабой, и из этих союзов развился смешанный тип, который мы находим в Индостане и Бихаре[1330] ."

Классификация типов.

Попытка проанализировать сложные этнические элементы, содержащиеся на огромной территории Индии, была предпринята Х. Х. Рисли[1331] , который выделил семь типов, его классификация основывалась на теориях происхождения.

1. Турко-иранский тип, включающий *белуджей, брахуи и афганцев* Белуджистана и Северо-Западных пограничных провинций, все они мухаммедане, с широкой головой, длинным выдающимся носом, обильными волосами, светлым цветом лица и высоким ростом.
2. Индоарийский тип в Пенджабе, Раджпутане и Кашмире, наиболее заметные представители которого - *раджпуты, кхатри и яты* - по всем признакам, кроме цвета кожи, очень похожи на европейский тип и мало отличаются от высших и низших социальных слоев. Их характерными чертами являются высокий рост, светлый цвет лица, обильные волосы на лице, длинная голова и узкий выдающийся нос.
3. Арио-дравидийский или индусский тип в Соединенных провинциях, части Раджпутаны, Бихара и Цейлона, с более низким ростом, переменным цветом лица, длинной головой и индексом носа, точно соответствующим социальному положению.
4. Скифо-дравиды Западной Индии, включая *маратхских брахманов, кунби и кургов*, среднего роста, со светлым цветом лица, широкой головой с редкими волосами на лице и тонким носом.
5. Дравидийцы, обычно рассматриваемые как представители коренного населения. Характерные черты довольно однородны от Цейлона до долины Ганга, Мадраса, Хайдарабада, Центральных провинций, Центральной Индии и Чота-Нагпура, и это название теперь используется для включения массы населения, не затронутой иностранной (арийской, скифской, монголоидной) иммиграцией. Типичными представителями являются *найры* из Малабара и *санталы* из Чота-Нагпура. Рост невысокий, цвет лица очень смуглый, почти черный, волосы обильные с тенденцией к завиванию, голова длинная, нос очень широкий .[1332]

6. Монголо-дравидийский или бенгальский тип Бенгалии и Ориссы, демонстрирующий слияние с тибето-бирманскими элементами. Рост средний, цвет лица темный, голова заметно широкая, нос переменный.

7. Монголоиды Гималаев, Непала, Ассама и Бирмы, представленные *канетами* из Лахула и Кулу, *лепча* из Дарджилинга, *лимбу*, *мурми* и *гурунг* из Непала, *бодо* из Ассама и *бирманцами*. Рост невысокий, цвет лица темный с желтоватым оттенком, волосы на лице скудные. Голова широкая, с характерным плоским лицом и часто косыми глазами.

Эта классификация, хотя и является более или менее общепринятой в общих чертах, не может остаться неоспоренной, особенно в том, что касается предполагаемых теорий происхождения. Что касается брахицефалического элемента Западной Индии, то мнение Рисли о том, что он является результатом так называемых "скифских" вторжений, не подкреплено достаточными доказательствами. "Инородный элемент, несомненно, альпийский, а не монгольский, и он может быть обусловлен миграцией, история которой еще не написана[1333] ." Рамапрасад Чанда[1334] идет дальше и прослеживает широколобые элементы как в "скифо-дравидийцах" (гуджаратцы, маратхи и курганцы), так и в "монголо-дравидийцах" (бенгальцы и ория) до одного общего источника, "*Homo alpinus* Памира и Китайского Туркестана", и пытается восстановить историю миграции альпийских захватчиков из Центральной Азии через Гуджарат, Декан, Бихар и Бенгалию. Его выводы подкрепляются сообщениями сэра Аурела Стейна о типе *Homo Alpinus*, обнаруженном в районе Лоб-Нор, , датируемом первыми веками н.э. Этот тип "до сих пор является преобладающим элементом в расовой конституции коренного населения Китайского Туркестана, и в чистом виде встречается у ираноязычных племен вблизи Памира[1335] ."

Но любая схема классификации должна быть лишь предварительной, подверженной изменениям по мере постепенного сбора статистических данных об этой огромной территории. И В. Крук[1336] , признавая ценность схемы Рисли[1337] , указывает на необходимость осторожности в принятии измерений форм черепа и носа, применяемых к смешанным расам и полукровкам, которые составляют большинство людей. "Все миграции рас носят доисторический характер, а слияние рас продолжалось на протяжении веков среди людей, для которых моральные ограничения являются неприятными и непривычными. Существующие касты - вполне современное творение, относящееся лишь к позднему буддийскому периоду". "Современное население, таким образом, представляет собой пшик и струи, собранные из многих потоков этнического движения, и любая попытка рассортировать существующие расы в набор голубятен, каждая из которых представляет определенный тип расы, является, при нынешнем состоянии наших знаний, невозможной[1338] ."

Колы.

В чертах лица, говорит Далтон, колс[1339] демонстрируют "большое разнообразие, и я думаю, что в очень многих семьях есть значительная примесь арийской крови. У многих высокие носы и овальные лица, а иногда встречаются молодые девушки с тонкими и правильными чертами, точеными прямыми носами, идеально сформированными ртами и подбородками. Глаза, однако, редко бывают такими большими, яркими и похожими на газель, как у чистокровных индусских девушек, и я встречал ярко выраженные монгольские черты. По цвету они сильно различаются, чаще всего встречаются медные оттенки [хотя мирзапурские колхи очень темные]. Глаза темно-карие, волосы черные, прямые или волнистые [как и по всей Индии]. И мужчины, и женщины отличаются прекрасной, прямой осанкой и длинной, свободной походкой[1340] ."

Дравиды.

Такие же вариации встречаются и среди дравидов, где, как и следовало ожидать, есть множество aberrantных групп, демонстрирующих расхождения во всех направлениях, как, например, среди *курумба* и *тода* из Нилгириса, первые из которых приближаются к монгольскому, а вторые - к арийскому стандарту. В. Сикемайер, проживший среди них несколько лет, отмечает, что "многие из курумба имеют явно монголоидное лицо и рост, и, похоже, являются аборигенами этого региона^[1341]". Тот же корреспондент добавляет, что о тодасах, ставших козырной картой популярных этнографов, написано много чепухи. "Будучи разграбленными европейскими гостями, они придумывают всевозможные предания, которые, как выяснилось, нравятся их расспросчикам, и за которые им платят". Тем не менее, тип замечательный и поразительно европейский, "хорошо сложенный и крепкий, с прямым носом, правильными чертами лица и идеальными зубами", главной особенностью которого является развитие волосяного покрова, однако в меньшей степени, чем у айнов, которых они так близко напоминают^[1342]. На основании иллюстраций, приведенных в ценной серии работ Терстона, можно сделать вывод, что группа протоарийцев достигла этого крайнего предела своих азиатских владений, и хотя У. Х. Р. Риверс очистил эту загадку и установил связи между тода и племенами Малабара и Траванкора, проблема их происхождения еще не полностью решена.^[1343]

Дравиды занимают большую часть Декана, где они представлены несколькими большими народами - телугусами (телингами), тамилами (многие из которых перешли на Цейлон и заняли северную и центральную части острова, работая в кофейных районах), канаресами и малаялимами западного побережья. Эти и некоторые другие народы рано попали под арийское (индуистское) влияние, но сохранили свою высокоагглютинативную дравидийскую речь, которая не имеет родства с другими народами, за исключением, возможно, языка брахуи, которых многие считают запоздалыми дравидийцами, оставшимися в Восточном Белуджистане.

Дравидийские и арийские языки.

Если бы не этот очень древний, но высококультурный дравидийский язык, на котором до сих пор говорят около 54 миллионов человек между Гангом и Цейлоном, было бы невозможно отличить этих южных индусов от арийцев, которые занимают всю остальную часть полуострова вместе с южными склонами Гиндукуша и западными Гималаями. Их основное деление - кашмирцы, многих из которых можно назвать типичными арийцами; пенджабцы с несколькими подгруппами, среди которых сикхи, религиозные сектанты, наполовину мусульмане, наполовину индусы, также великолепного телосложения; гуджаратцы, махраты, хинди, бенгальцы, ассамцы и ораоны из Ориссы, все говорящие на неосанскритских идиомах, которые в совокупности составляют индийскую ветвь арийской семьи. Хиндустани или урду, упрощенная форма хинди, распространенная особенно в Доабе, или "Двух водах", области между Гангом и Джумной выше Аллахабада, стала своего рода *лингва франка*, главным средством общения на всем полуострове, и ее понимают, безусловно, более 100 миллионов человек, в то время как все население, говорящее на неосанскритском языке, насчитывало в 1898 году значительно более 200 миллионов.

Касты индусов.

Классификация мало чем поможет при рассмотрении каст, какой бы точки зрения на происхождение этого института мы ни придерживались. Довольно очевидная теория о том, что она была введена горсткой арийских завоевателей, чтобы предотвратить затопление расы в великом океане черных или темных аборигенов, в настоящее время отвергается

многими исследователями, которые считают, что ее происхождение является профессиональным, вопрос скорее о социальных или промышленных занятиях, ставших наследственными в семейных группах, чем о расовых различиях, санкционированных религией. Они отмечают, что трактовка комментатором *Панча Кшитайи*, "пяти классов", как *брахманы* (жрецы), *кшатрии* (воины), *вайшьи* (торговцы), *судры* (крестьяне и ремесленники всех видов) и *нишады* (дикари или изгои), является недавней и отражает лишь современные настроения эпохи. Она никогда не имела никакой существенной основы, и даже в сравнительно поздних "Институтах Ману" "правила питания, *суппубиум* и общения между различными кастами сильно отличаются от тех, что мы находим в настоящее время"; кроме того, далеко не вечная и неизменная, каста подвергалась бесконечным изменениям на протяжении всего периода индуистского мифа и истории. Не является она и институтом, свойственным Индии, хотя даже здесь стереотипные четыре или пять делений не соответствуют существующим фактам и не отвечают стольким отдельным этническим группам.

Все это совершенно верно, как верно и то, что на протяжении многих поколений признанные касты, скажем так, социальных занятий, находились в состоянии постоянной текучести, непрерывно претерпевая процессы сегментации, так что их число на данный момент уже не поддается подсчету. Тем не менее, система могла быть, и, вероятно, была, сначала вдохновлена расовыми мотивами, инстинктивным чувством самосохранения, которое выражалось неформально в местных классовых различиях, впоследствии санкционированных религией, но в конце концов разрушилось или выродилось в нынешние отношения под внешним давлением настоятельных социальных потребностей .[1344]

Индонезийцы Океании.

Микронезийцы.

За пределами материка и Цейлона, как известно, в неолитические или доисторические времена не проживали кавказские народы с арийской речью. Но мы уже проследили миграции родственной[1345], хотя и смешанной расы, называемой здесь индонезийцами, в Малайзию, на Филиппины, Формозу и Японский архипелаг, которые они, должно быть, заняли в новом каменном веке. Здесь происходит большой перерыв, так как они больше не встречаются, пока мы не достигнем Микронезии и еще более отдаленных островных групп за пределами Меланезии. В Микронезии отношения крайне запутаны, потому что, как кажется, эта группа уже была занята папуасами с Новой Гвинеи до прибытия индонезийцев, а после их прибытия за ними через определенные промежутки времени последовали малайцы, возможно, с Филиппин и Формозы, а еще позже - японцы, если не китайцы с материка. Таким образом, типы здесь столь же разнообразны, как и цвет кожи, который, кажется, по направлению к востоку, меняется от темно-коричневого у жителей Пелева и Каролинских островов к светло-коричневому у групп Маршалла и Гилберта, где мы уже касаемся юбки истинно индонезийских владений .[1346]

Полинезийцы.

Линия, проведенная через Тихий океан от Новой Зеландии через Фиджи до Гавайских островов, примерно отсекает эту область от остального океанического мира, где все на западе - меланезийцы, папуасы или смешанные народы, а все справа - *маори*, некоторые восточные *фиджийцы*, *тонганцы*, *самоанцы*, *таитяне*, *маркизцы*, *гавайцы* и жители *острова Пасхи* - объединены под названием полинезийцев, тип которых образовался в

результате смешения протомалайского и индонезийского. Долихоцефалия и мезатицефалия преобладают по всему региону, но на Тонга, Маркизских и Гавайских островах есть брахицефалические центры. Волосы в основном черные, прямые, но бывают и волнистые, хотя никогда не пушатся и не вьются. Окрас также светло-коричневый по сравнению с корицей или *café-au-lait*, а иногда приближается к почти белому оттенку, а высокий рост составляет в среднем 1,72 м. (5 футов 7¾ дюйма).

Миграции.

Мигрировав в неизвестное время на восток с Ост-Индийского архипелага[1347], первые постоянные поселения, по-видимому, образовались на Самоа, и особенно на острове *Савау*, первоначально *Савауки*, название которого под разными формами и еще более разными значениями сопровождало все их последующие миграции по водам Тихого океана. Так, на Таити мы имеем *Havaii*[1348], "вселенная", и старую столицу Раиатеа; на Паротонге *Avaiki*, "земля под ветром"; в Новой Зеландии *Hawaiki*, "земля, откуда пришли маори"; на Маркизских островах *Хавауки* - "нижние области мертвых", а также *to fenua Havaiki* - "вернись на землю праотцев твоих", словами, с которыми жертвы человеческих жертвоприношений отправлялись в мир иной; наконец, на *Гавайях* - название главного острова группы Сандвичей.

Культура полинезийцев.

Полинезийцы жизнерадостны, достойны, вежливы, изобретательны и умны, различаются по темпераменту от дикого, энергичного и политически способного маори до его вялых и политически бесплодных сородичей на севере, которых нервирует неизменное постоянство температуры. Там, где это возможно, они занимаются сельским хозяйством, выращивая ямс, сладкий картофель и таро. На многих островах основной пищей являются кокосы, хлебные фрукты и бананы. Скудные плодородной почвой и съедобными растениями, полинезийцы овладели морем, которое повсеместно окружает их, и превратились в лучших моряков среди примитивных рас. Раньше использовались большие парусные двойные каноэ, а одиночные каноэ с аутригером изготавливаются до сих пор. Мужская одежда туземцев сшита из коры, а женская - из расщепленных и плетеных листьев. Украшения, за исключением цветов, носят скупое. Лук и стрелы неизвестны, используются короткие копья, дубины и рогатины, но нет щитов. Письменность, гончарное дело, ткачество и использование металлов, за редким исключением, неизвестны, но плетение циновки, корзин и изготовление *тапы* достигли высокого уровня, а полинезийская ткань из коры - лучшая в мире.

По всей Полинезии общество делится на вельмож или вождей, свободных и рабов, причем это деление, в силу *табу*, столь же четкое, как и кастовое. Они делятся на тех, кто участвует в божественном, и тех, кто полностью исключен из него. Женщины занимают высокое положение, а мужчины выполняют свою долю работы. Полигиния распространена повсеместно, ограничиваясь лишь богатством мужа или численным перевесом мужчин. Жрецы имеют значительное влияние, существует множество богов, которым иногда поклоняются в виде идолов, а предки обожествляются.

Полинезийская культура была проанализирована У. Х. Р. Риверсом[1349], и ниже кратко изложены его результаты. На первый взгляд, культура очень проста, особенно в том, что касается языка и социальной структуры, а в религиозных верованиях наблюдается значительная степень единообразия. Повсюду мы находим один и тот же вид высшего существа или бога, и сходство распространяется даже на имя, обычно это какая-то форма слова "*атуа*". В материальной культуре также наблюдается поразительное сходство, хотя здесь различия более определены и очевидны, а кажущееся единообразие, вероятно,

объясняется тем, что внимание уделяется обычаям вождей, а не культуре простых людей, где можно обнаружить больше разнообразия.

Многое указывает на двойственную природу полинезийской культуры. Свидетельства, полученные при изучении ритуала, указывают на присутствие двух народов: более раннего, который хоронил своих мертвых в сидячей позе, как дуальные народы Меланезии[1350], и более позднего, который стал вождем и верил в необходимость сохранения мертвых среди живых. Все имеющиеся свидетельства, физические и культурные, указывают на предположение, что ранний слой населения Полинезии был сформирован народом-иммигрантом, который также нашел путь в Меланезию.

Более поздний поток переселенцев можно отождествить с кава-людьми[1350]. Каву пили, прежде всего, вожди, и сопутствующий церемониал показывает ее связь с высшими слоями народа. Тесная связь *ареои* (тайного общества) восточной Полинезии с вождями - еще одно доказательство. Таким образом, и в Меланезии, и в Полинезии вожди, сохранявшие своих умерших, отождествляются с основателями тайных обществ - организаций, возникших благодаря желанию народа-иммигранта тайно отправлять свои религиозные обряды. Погребение в вытянутой позе встречается в Тикопии, Тонга и Самоа - возможно, это был обычай какой-то особой группы людей кава. Вождей помещали в склепы, сложенные из больших камней, - эта особенность неизвестна в других странах Океании. Можно также с уверенностью приписать кава-людям человеческий дизайн, который подвергся конвенционализации в Полинезии. Геометрическое искусство, с помощью которого была создана эта условность, принадлежало более ранним жителям, которые хоронили своих умерших в сидячем положении.

Полинезийский коммунизм.

Деньги, если они вообще существуют, занимают очень незначительное место в культуре народа. Нет никаких свидетельств использования в Полинезии каких-либо предметов с определенной шкалой ценностей, которой обладают несколько видов денег в Меланезии. Полинезийцы в значительной степени коммунистичны, возможно, в большей степени, чем меланезийцы, и представляют собой один из лучших примеров имущественного коммунизма, с которым мы знакомы. Эта особенность может быть приписана ранним поселенцам. Предположение о том, что кава-люди никогда не образовывали независимых общин в Полинезии, а сразу были приняты в качестве вождей тех, среди кого они поселились, объясняет отсутствие денег (в которых не было нужды) и неспособность нарушить в значительной степени коммунизм более ранних жителей. Имущественный коммунизм был связан с сексуальным коммунизмом. Есть свидетельства, что полинезийские вожди редко имели более одной жены, а разнузданность, которая, вероятно, стояла в определенной связи с коммунизмом народа, как говорят, была более выражена среди низших слоев общества. Как коммунизм, так и разнузданность, по-видимому, были гораздо менее выражены на островах Самоа и Тонган, и здесь нет никаких свидетельств погребения в сидячем положении. Эти и другие факты подтверждают мнение о том, что влияние кава-людей здесь было больше, чем на более восточных островах: вероятно, оно было наибольшим в Тикопии, которая во многих отношениях отличается от других частей Полинезии.

Магия и религия.

Магия полностью отсутствует в культуре Тикопии, и, вероятно, она занимала относительно малозначимое место во всей Полинезии. В Тикопии призраки умерших предков и родственников, а также животные являются *атуа*, и это значение слова, по-видимому,

является общим для других частей Полинезии. Их можно рассматривать как представителей призраков и духов Меланезии. *Вуи* Меланезии могут быть представлены *тии* Таити, существами, не пользующимися большим уважением, которые в некоторой степени имели местный характер. Это сравнение позволяет предположить, что призраки предков принадлежат к культуре народа кава, а местные духи происходят от культуры людей, которые хоронили своих умерших в сидячем положении, от которых двойные народы Меланезии получили свои верования и практики.

Подведем итоги. Полинезийская культура состоит как минимум из двух элементов: более раннего, связанного с практикой погребения умерших в сидячем положении, коммунизмом, геометрическим искусством, местными духами и магическими обрядами, и более позднего, который практиковал сохранение мертвых. Этим последних можно отождествить с кава-людьми, а более ранний полинезийский пласт - это тот, который вошел в состав дуального народа Меланезии в еще более ранний период и привнес австронезийский язык в Океанию.
[1351]

ССЫЛКИ:

[1194] Ср. J. Déchelette, *Manuel d'archéologie préhistorique*, Vol. II. 1910, p. 2, а о неолитических торговых путях - ib. Vol. I. p. 626.

[1195] Переписка из Телль-эль-Амарны содержит имена вождей в Сирии и Палестине около 1400 г. до н. э., включая имя Тушратты, царя Митанни; документ Богаз Кеуи с иранскими божественными именами и вавилонские записи иранских имен с Персидского нагорья датируются несколько позже.

[1196] J. L. Myres, *The Dawn of History*, 1911, p. 200.

[1197] Ср. П. Джайлс, ст. "Индоевропейские языки" в *Ency. Brit.* 1911.

[1198] S. Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913, pp. 40 и 486-528.

[1199] O. Schrader, *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, 3-е изд. 1906-7.

[1200] G. Kossinna, *Die Herkunft der Germanen*, 1911.

[1201] H. Hirt, *Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur*, 1905-7.

[1202] S. Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913, pp. 40 и 486-528.

[1203] *Deutsche Altertumskunde*, I. 1913, p. 49.

[1204] См. примечание 3, с. 441 выше.

[1205] Ст. "Индоевропейские языки", *Ency. Brit.* 1911, p. 500.

[1206] Группа Centum (твердые гортанные) - название, применяемое к западной и полностью европейской ветвям индоевропейской семьи, в отличие от группы satem (сибилянтные), расположенной в основном в Азии.

[1207] *The Races of Europe*, 1900, p. 17 и chap. XVII. Европейское происхождение: Раса и язык: Арийский вопрос.

[1208] S. Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913, pp. 497, 501 ff.

[1209] Cp. T. Rice Holmes, *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 273.

[1210] E. de Michelis, *L'origine degli Indo-Europei*, 1905.

[1211] Даже в Швеции, считающейся родиной самого чистого нордического типа, уже в каменном веке наблюдалась брахицефалическая смесь. См. G. Retzius, "The So-called North European Race of Mankind", *Journ. Roy. Anthropol. Inst.* XXXIX. 1909, p. 304.

[1212] Cp. E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, 1909, I. 2, § 551.

[1213] Разработку этой гипотезы см. в работе Т. Пейскера "Экспансия славян", *Кембриджская средневековая история*, т. II. 1913.

[1214] H. M. Chadwick, Art. "Teutonic Peoples" в *Ency. Brit.* 1911. Cp. S. Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913, p. 480.

[1215] См. Р. Мач, ст. "Germanen", J. Hoops' *Reallexikon d. Germ. Altertumskunde*, 1914.

[1216] H. M. Chadwick, *The Origin of the English Nation*, 1907, pp. 210-215. Полный отчет о родстве кимбров и тевтонов см. в Т. Rice Holmes, *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, pp. 546-553.

[1217] Доклад, прочитанный на заседании Гер. Anthropol. Soc., Spiers, 1896. Фигуры бастарнов из памятника Адамклиси и других мест воспроизведены в книге Х. Хане "Времена и культуры Европы: культуры и народы", 1910, рис. 144, 149. Cp. Т. Пейскер, "The Expansion of the Slavs," *Camb. Med. Hist.* Vol. II. 1913, p. 430.

[1218] Cp. H. M. Chadwick, *The Origin of the English Nation*, 1907, pp. 174 и 219.

[1219] *Monuments runiques* in *Mém. Soc. R. Ant. du Nord*, 1893.

[1220] "Lactea cutis" (Sidonius Apollinaris).

[1221] W. Z. Ripley, *The Races of Europe*, 1900, p. 205 ff. См. также О. Montelius, *Kulturgeschichte Schwedens*, 1906; G. Retzius и С. М. Fürst, *Anthropologica Suecica*, 1902.

[1222] Обычно называется типом Борребя из-за черепов, найденных в Борребя на острове Фальстер, которые напоминают черепа из Круглого кургана в Британии.

[1223] По Дании см. *Meddelelser om Danmarks Antropologi* udgivne af den Antropologiske Komité, with English summaries, Bd. I. 1907-1911, Bd. II. 1913.

[1224] Результаты были протабулированы Вирховым, и их можно увидеть, не обращаясь к немецким источникам, в карте В. З. Рипли, стр. 222, в книге "Расы Европы", 1900, где полностью рассматривается этот вопрос.

[1225] См. краниологическую карту Рипли в "Une carte de l'Indice Céphalique en Europe", *L'Anthropologie*, VII. 1896, p. 513.

[1226] Альфред Фуйе излагает дело бескомпромиссным языком: "Другая причина, признаваемая в целом, заключается в том, что начиная с доисторических времен брахицефалы стремятся вытеснить долихоцефалов путем прогрессивного вторжения в нижние слои и поглощения аристократов в демократиях, где они и остаются" (*Rev. des Deux Mondes*, 15 марта 1895 г.).

[1227] *Recherches Anthropol. sur le Problème de la Dépopulation*, in *Rev. d'Économie politique*, IX. p. 1002; X. p. 132 (1895-6).

[1228] *Nature*, 1897, p. 487. Ср. также A. Thomson, "Consideration of ... factors concerned in production of Man's Cranial Form", *Journ. Anthr. Inst.* XXXIII. 1903, и А. Кит, "Захватчики бронзового века в Британии", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLV. 1915.

[1229] Результаты Ливи по Италии (*Antropometria Militare*) в некоторых отношениях отличаются от результатов де Лапужа и Аммона по Франции и Бадену. Так, он обнаружил, что в брахических районах городское население менее брахическое, чем сельское, в то время как в долиховых районах города более брахические, чем равнины.

[1230] Касаясь некоторых исследований литовской расы, Деникер пишет: "Ainsi donc, contrairement aux idées de MM. de Lapouge et Ammon, en Pologne, comme d'ailleurs en Italie, les classes les plus instruites, dirigeantes, urbaines, sont plus brachy que les paysans" (*L'Anthropologie*, 1896, p. 351). Аналогичные противоречия возникают в связи со светлыми и темными волосами, глазами и т. д.

[1231] "E qui non posso tralasciare di avvertire un errore assai diffuso fra gli antropologi ... i quali vorrebbero ammettere una trasformazione del cranio da dolicocefalo in brachicefalo" (*Arii e Italici*, p. 155).

[1232] W. Z. Ripley's *The Races of Europe*, 1900, p. 544 ff.

[1233] Этот специалист настаивает на том, что "для монгольского проникновения в Европу нет ничего лучше" (*Der europäische Mensch. u. die Tiroler*, 1896). Разумеется, он говорит о доисторических временах, а не о поздних (исторических) вторжениях монголов. Ср. Т. Peisker, "The Expansion of the Slavs," *Camb. Med. Hist.* Vol. II. 1913, p. 452, со ссылкой на монголоидные черты в Баварии.

[1234] "Malgré les nombreuses invasions des populations germaniques, le Tyrolien est resté, quant à sa conformation crânienne, le Rasène ou Rhætien des temps antiques-hyperbrachycéphale" (*Les Aryens*, p. 7). Средний индекс так называемого типа Disentis реетских черепов составляет около 86 (His and Rüttimeyer, *Crania Helvetica*, p. 29 и Plate E. 1).

[1235] "Тирренцы в Греции и Италии", в *Журн. Anthropol. Inst.* 1897, p. 258. В этой великолепно иллюстрированной статье дата иммиграции отнесена к XI веку до н. э. на том основании, что первый этрусский сакулум считается начавшимся около 1050 года до н. э., предположительно даты их прибытия в Италию (p. 259). Но Серджи считает, что они прибыли не ранее конца VIII века (*Arii e Italici*, p. 149).

[1236] См. R. S. Conway, Art. Etruria: Language, *Ency. Brit.* 1911.

[1237] *Op. cit.* p. 151. Под германцами он подразумевает круглоголовых южногерманцев.

[1238] S. Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913, p. 370.

[1239] S. Feist, *loc. cit.* p. 65. О культурном и языковом влиянии кельтов на германцев см. с. 480 и далее. Свидетельства о кельтских именах в Германии рассматриваются в работе Н. М. Chadwick "Some German River names", *Essays and Studies presented to William Ridgeway*, 1913.

[1240] H. d'Arbois de Jubainville, *Les Celtes depuis les Temps les plus anciens jusqu'en l'an 100 avant notre ère*, 1904, p. 1.

[1241] G. Dottin, *Manuel pour servir à l'étude de l'Antiquité Celtique*, 1915, p. 1.

[1242] T. Rice Holmes, *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 321. У. З. Рипли, "*Расы Европы*", 1900 г., рассматривая "кельтский вопрос, более серьезного камня преткновения на пути нашего ясного мышления не существует" (стр. 124), приходит к другому выводу. Он утверждает, что "термин "кельт", если он вообще используется, относится к ... брахицефальному, смуглому населению Альпийского нагорья", и утверждает, что это мнение "полностью единодушно среди физических антропологов" (с. 126). Однако его собственное мнение заключается в том, что "лингвисты имеют большее право на название "кельт", в то время как широкоплечий тип, обычно называемый континентальными писателями кельтским, "мы будем... повсеместно... называть... альпийским" (с. 128). альпийским" (с. 128).

[1243] Ср. аналогичное двойственное отношение к итальянскому языку.

[1244] "Ни один гэл [т. е. кельт] никогда не ступал на британскую землю иначе, как на судне, вышедшем из Ирландии". Куно Мейер, *Trans. Hon. Soc. Cymmrodorion*, 1895-6, p. 69.

[1245] *Древняя Британия*, 1907, с. 409-424.

[1246] *Das keltische Britannien*, 1912, pp. 28-37.

[1247] J. Rhys, *The Welsh People*, 1902, pp. 13-14.

[1248] *Das keltische Britannien*, 1912, pp. 28-37.

[1249] *Древняя Британия*, 1907, с. 414. Название пиктов, очевидно, имеет индоевропейскую форму, и если кельты пришли в Британию поздно (см. выше), то им вполне могли предшествовать захватчики с индоевропейской речью.

[1250] Т. Райс Холмс, *Древняя Британия*, 1907, с. 408. Ср. A. Keith, "The Bronze Age Invaders of Britain," *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLV. 1915.

[1251] Цитируется в T. Rice Holmes, *Ancient Britain*, 1907, pp. 426-427.

[1252] T. Rice Holmes, *Ancient Britain*, 1907, p. 443. См. также John Abercromby, *A Study of the Bronze Age Pottery of Great Britain and Ireland and its associated Grave Goods*, 1912, где прослеживается распространение и миграция форм керамики: и следующие работы Н. J. Fleure, "Archaeological Problems of the West Coast of Britain," *Archaeologia Cambrensis*, Oct. 1915; "The Early Distribution of Population in South Britain," *ib.* April, 1916; "Географическое распределение антропологических типов в Уэльсе", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLVI. 1916, и "Предложение о местных исследованиях британского народа", *Arch. Camb.* Jan. 1917.

[1253] W. Z. Ripley, *The Races of Europe*, 1900, p. 310; T. Rice Holmes, *Ancient Britain*, 1907, p. 432.

[1254] Г. Коффи и Р. Ллойд Прагер, "Поднятый пляж в Антриме: вклад в неолитическую историю севера Ирландии", *Proc. Roy. Irish Acad.* XXV. (с.) 1904. См. также ценную серию "Отчеты о доисторических останках из песчаных холмов на побережье Ирландии", *P. R. I. A.* XVI.

[1255] *Man*, IX. 1909, No. 54.

[1256] *Proc. Roy. Irish Acad.* (3), III. 1896, p. 727.

[1257] Ср. также J. Wilfred Jackson, "The Geographical Distribution of the Shell-Purple Industry," *Mem. and Proc. Manchester Lit. and Phil. Soc.* LX. No. 7, 1916.

[1258] *Survivals from the Palaeolithic Age among Irish Neolithic Implements*, 1897.

[1259] *The Dolmens of Ireland*, 1897.

[1260] Однако они не обязательно должны были прибыть из Британии, и упоминания в ирландской литературе о прямой иммиграции из Испании, достаточно вероятные сами по себе, слишком многочисленны, чтобы их можно было игнорировать. Так, Джеффри Монмутский: "Hibernia Basclensibus [to the Basques] incolenda datur" (*Hist. Reg. Brit.* III. § 12); и Гиральд Камбрэнский: "De Gurguntio Brytonum Rege, qui Rasclenses [читай Basclenses] in Hiberniam transmisit et eandem ipsis habitandam concessit." Я обязан Уэнтворту Вебстеру за эти ссылки (Академия, 19 октября 1895 г.).

[1261] Н. Zimmer, "Auf welchen Wege kamen die Goidelen vom Kontinent nach Irland?". *Abh. d. K. preuss. Akad. d. Wiss.* 1912.

[1262] Дж. Грей, "Мемуары об исследовании пигментации в Шотландии", *Журн. Roy. Anthr. Inst.* XXXVII. 1907.

[1263] "Последний вклад в шотландскую этнологию", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XXXVIII. 1908.

[1264] "Географическое распределение антропологических типов в Уэльсе", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLVI. 1916.

[1265] Объяснение см. в W. Z. Ripley, *The Races of Europe*, 1900, p. 322 ff.

[1266] W. Z. Ripley, *loc. cit.* p. 329.

[1267] "Француз, немец, итальянец, англичанин, для каждого из которых его собственная литература и великие традиции его национальной жизни наиболее дороги и знакомы, не может не чувствовать, что язык, в котором они воплощены и выражены, превосходит и должен превосходить чуждые и неудобные языки его соседей". L. Pearsall Smith, *The English Language*, p. 54.

[1268] См. выше с. 455. Т. Райс Холмс указывает, что аквитанцы уже были смешанного типа. *Caesar's Conquest of Gaul*, 1911, p. 12.

[1269] См. выше p. 454.

[1270] То есть языки, чьими аффирмациями были латинские местоимения *hoc illud* (oil) и *hoc* (oc), первые были более сжатыми, вторые - более расширенными, как мы видим в самих именах соответствующих северных и южных бардов: *Труверы* и *Трубадуры*. В средневековые времена было принято называть языки подобным образом, например, Данте называл итальянский язык *la lingua del sì*, "язык да"; и, как ни странно, тот же обычай в значительной степени преобладает среди австралийских аборигенов, которые, однако, используют как утвердительные, так и отрицательные частицы, так что здесь мы имеем *не-*, а *также да-племена*.

[1271] С. Фейст отмечает, что в древности признавались два физических типа: темный и светлый, а упоминание о рыжих волосах и светлой коже говорит о кельтском влиянии. *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, 1913, p. 365.

[1272] *Science Progress*, p. 159.

[1273] "Португальцы сильно смешались с неграми, особенно на юге и вдоль побережья. Работоторговля существовала задолго до того, как негры из Гвинеи были вывезены на

плантации Америки. Дамиан де Гоэс оценивал количество негров, ввозимых в один только Лиссабон в XVI веке, в 10 000 или 12 000 человек в год. Если верить современным очевидцам, количество негров, встречавшихся на улицах Лиссабона, равнялось количеству белых. Ни в одном доме не было слуг-негров, а богатые люди владели целыми бандами" (Reclus, I. p. 471).

[1274] "Испанский народ", *Cont. Rev.* May, 1907, и "Душа Испании", 1908.

[1275] Т. Э. Пит, "Каменный и бронзовый века в Италии и Сицилии", 1909, дает полный отчет об археологии.

[1276] "Zur Paläoethnologie Mittel- u. Südeuropas" in *Mitt. Wiener Anthropol. Ges.* 1897, p. 18. Здесь следует отметить, что в своей "Истории греческого языка" (1896) Кречмер связывает надписи венетов на севере Италии и мессапийцев на юге с иллирийской языковой семьей, которую он рассматривает как арийскую, промежуточную между греческой и итальянской ветвями, а современный албанский является ее выжившим членом. К этой же иллирийской семье У. М. Линдсей относит и "древнесабеллианский" язык Пиценума, "который считается древнейшим из надписей на итальянской земле". Очевидная идентичность имени *Aodatos* и слова *meitimon* с иллирийскими именами *Aŭđáta* и *Meitima* почти достаточна сама по себе, чтобы доказать, что эти надписи являются иллирийскими. Кроме того, весь характер их языка, с его греческими и итальянскими чертами, соответствует тому, что мы знаем и что мы можем с уверенностью предположить об иллирийской семье языков" (*Академия*, 24 октября 1896 г.). Ср. R. S. Conway, *The Italic Dialects*, 1897.

[1277] Р. Манро, *Босния, Герцеговина и Далмация*, 1900. См. также W. Ridgeway, *The Early Age of Greece*, 1901, ch. V., где показано, что остатки железного века в Боснии тесно связаны с культурами Гальштата и Ла Тена.

[1278] *Arii e Italici*, p. 158 sq.

[1279] "Liguri e Pelasgi furono i primi abitatori d'Italia; e Liguri sembra siano stati quelli che occupavano la Valle del Po e costrussero le palafitte, e Liguri forse anche i costruttori delle palafitte svizzere: Mediterranei tutti" (*Ib.* p. 138).

[1280] Диаграмма Рипли показывает диапазон от 87 в Пьемонте до 76 и 77 в Калабрии, Апулии и Сардинии, и 75 и ниже на Корсике. *The Races of Europe*, 1900, p. 251.

[1281] Но ср. W. Ridgeway, *Who were the Romans?* 1908.

[1282] Настоящее название этих южных или македо-румын, как указывает Густав Вейгланд (*Globus*, LXXI. p. 54), - *Aramáni* или *Armáni*, т. е. "римляне". *Цинцар*, *Куцо-Влак* и т.д. - это просто прозвища, под которыми они известны своим македонским (булгарским и греческим) соседям. См. также У. Р. Морфилл в "Академии", 1 июля 1893 г. Влахи Македонии описаны Э. Пирсом, *Турция и ее народ*, 1911, а полный рассказ о балканских влахах дан А. Дж. Б. Уэйсом и М. С. Томпсоном, *Кочевники Балкан*, 1914.

[1283] *Romänische Studien*, Leipzig, 1871.

[1284] *Les Roumains au Moyen Age, passim*. Хунфальви, которого цитирует А. Дж. Паттерсон (*Academy*, Sept. 7, 1895), также показывает, что "на протяжении тысячи лет нет никаких достоверных упоминаний о латиноязычном или романском населении к северу от Дуная".

[1285] Этого мнения придерживается Л. Рети, также цитируемый Паттерсоном, а термин *Vlack* (*Welsch*, отсюда *Wallachia*), применяемый к румынам всеми их славянскими и греческими соседями, указывает в том же направлении.

[1286] Т. Пейскер, "Азиатский фон", *Camb. Med. Hist.* Vol. I. 1911, p. 356, и "Экспансия славян", *ib.* Vol. II. 1913, p. 440.

[1287] *Mitt. Wiener Anthropol. Ges.* 1897, p. 18.

[1288] *Рассвет цивилизации*, с. 391.

[1289] *The Ancient History of the Near East*, 1913, p. 69.

[1290] Холл отмечает (стр. 73), что "именно вторжению феспротийцев, вытеснивших ахейцев, по всей вероятности, следует приписать общее введение железа в Греции. Захватчики пришли в конечном итоге из Придунавья, где железо, вероятно, впервые было использовано в Европе, в то время как их сородичи, ахейцы, возможно, уже жили в Фессалии в каменном веке и получили знания о металле от эгейцев. Быстрая победа новоприбывших над более древними арийскими жителями Северной Греции может быть объяснена тем, что они владели железным оружием". Риджуэй, однако, без особого труда доказывает, что ахейцы сами были высокими светлокожими кельтами из Центральной Европы. *The Early Age of Greece*, 1901, особенно гл. IV., "Откуда пришли ахейцы?". С другой точки зрения этот вопрос рассматривает Дж. Л. Майрес в книге *"Рассвет истории"*, 1911, гл. IX., "Приход с севера", прослеживая вторжение из евразийских степей.

[1291] H. R. Hall, *loc. cit.* p. 68; ср. H. Peake, *Journ. Roy. Anth. Inst.* 1916, p. 154.

[1292] C. H. Hawes, "Some Dorian Descendants," *Ann. Brit. School Ath.* No. XVI. 1909-10, доказывает, что дорийский или иллирийский (альпийский) тип все еще сохраняется в Южной Греции и на Крите.

[1293] *Geschichte der Halbinsel Morea*, Stuttgart, 1830. См. также G. Finlay's *Mediaeval Greece*, and the *Anthropol. Rev.*, 1868, VI. p. 154.

[1294] *Romänische Studien*, 1871.

[1295] *Bul. Soc. d'Anthropol.* 1896, p. 351 sq.

[1296] По мрачной иронии судьбы это слово на Западе стало означать "раб", благодаря множеству славян, захваченных и поработченных во время средневековых пограничных войн. Но многие относят этот термин к корню *slovo*, слово, речь, подразумевая народ, способный говорить внятно, и это подтверждается формой *Slovene*, встречающейся у Нестора и до сих пор носимой одной из групп южных славян. См. T. Peisker, "The Expansion of the Slavs", *Camb. Med. Hist.* Vol. II. 1913, p. 421 n. 2.

[1297] IV. 21.

[1298] Эти будины описываются как многочисленный народ с "удивительно голубыми глазами и рыжими волосами", на основании чего Заборовский считает, что они могли быть предками нынешних финнов. Но они также вполне могли быть запоздалыми протогерманцами, оставленными основной частью народа *на пути* к своим новым балтийским домам.

[1299] Ср. с. 304.

[1300] *Скифы и греки*, 1909.

[1301] Значение венда неясно. Оно привело к путанице с армориканскими *венетами*, пафлагонскими *энетами* и адриатическими *энетами-венетами* - всеми неславянскими

народами. Шахматов считает его названием, унаследованным славянами от своих завоевателей, кельтских венеков, которые заняли регион Вислы в III или II веке до н. э. См. Т. Peisker, "The Expansion of the Slavs," *Camb. Med. Hist.* Vol. II. 1913, p. 421 n. 2.

[1302] То есть Эльбские рабы, от *po=by*, около, и *Labe=Elbe*; ср. *поморы* (поморяне), "у моря"; Боруссия, Поруссия, Пруссия, первоначально населенные *пруссам*, ветвью литовцев, германизированных в XVII веке.

[1303] *Карпат*, *Хробат*, *Хорват* - все это одно и то же слово, означающее нагорье, горы, следовательно, не совсем этнический термин, хотя в настоящее время его используют *кроаты* или *хорваты*, значительная часть юго-славян к югу от Дуная.

[1304] См. примечание 5, с. 537.

[1305] То есть "горцы" (корень *alb, alp*, высота, холм). От *албанитов* через византийских *арванитов* происходит турецкое *Arnaut*, а национальное название *Skipetar* имеет точно такое же значение (корень *skip, scop*, как в *σκόπελος*, *scopulus*, утес, скала).

[1306] Среди гегов насчитывается около двадцати таких *фис* или *фар* (фратрий), а практика экзогамных браков все еще сохраняется среди мирдитов к югу от Дрина, которые, хотя и являются католиками, ищут себе жен среди окружающего враждебного турецкого и магометанского населения гегов.

[1307] J. Deniker, "Les Six Races composant la Population actuelle de l'Europe", *Journ. Anthr. Inst.* XXXIV. 1904, pp. 182, 202.

[1308] *Bul. Soc. d'Anthrop.* VII. 1896.

[1309] Поэтому Вирхов (Собрание герм. антроп. соч. 1897 г.) заявил, что масштабы и продолжительность вторжения славян на территорию Германии не могут быть определены по старым черепам, поскольку невозможно сказать, является ли данный череп славянским или нет.

[1310] Особенно Любору Нидерле, для которого протославяне, несомненно, являются длинноголовыми блондинами, как тевтоны, хотя он и признает, что круглые черепа встречаются даже в древности, и практически отказывается от попытки объяснить переход к современному славянину.

[1311] "Расовая география Европы" в журнале "*Popular Science Monthly*", июнь, 1897.

[1312] *Bul. Soc. d'Anthrop.* 1896, p. 81 sq.

[1313] *Bul. Soc. d'Anthrop.* 1894, p. 36.

[1314] *Droit Coutumier Osséthien*, 1893.

[1315] Цитируется по Ujfalvy, *Les Aryens* etc. p. 11.

[1316] *Ягноби* из одноименной реки, притока Зерафшана; но даже он показывает лексическое сходство с иранским, а его структура, кажется, связывает его с каджуна Лейтнера и буриш Биддульфа, неарийским языком, распространенным в Гилгите, Ясине, Хунзе и Нагаре, жителей которых Биддульф считает потомками юэ-чи. Сами ягнобцы, однако, являются ярко выраженными альпийцами: невысокого роста, очень волосатые и смуглые, с широким лицом, большой головой и савойским выражением лица. У них есть

любопытный обычай: они никогда не режут, а всегда ломают свой хлеб, поскольку использование ножа непременно повышает цену на муку.

[1317] Ф. В. Лушан отмечает, что об антропологии Персии известно очень мало. "В стране, населенной примерно десятью миллионами, не более двадцати или тридцати человек были регулярно измерены, и ни один череп не был изучен". Старый тип, сохранившийся у парсов, - короткоголовый и смуглый. "Ранние обитатели Западной Азии", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLI. 1911, p. 233.

[1318] *Дух, дех, деревня. Zabán*, язык, язык.

[1319] Н. Walter, *From Indus to Tigris*, p. 16. Разумеется, этот путешественник имеет в виду только таджиков плоскогорья (Персия, Афганистан). О гальских таджиках он ничего не знал; да и европейские этнологи до сих пор не вполне понимают это различие.

[1320] III. 91.

[1321] Даже у Птолемея $\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\chi\alpha\iota$, по-видимому, тот же народ, причем τ является ошибкой для τ , так что $\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\chi\alpha\iota$ было бы ближайшей возможной греческой транскрипцией *таджика*.

[1322] *Племена Индо-Куша*, 1880, *passim*.

[1323] *Рассказ о королевстве Кабул*, 1815 г.

[1324] "Ces Savoyards attardés du Kohistan" (Ujfalvy, *Les Aryens* etc.).

[1325] Антропологические данные рассматриваются Т. А. Джойсом, "Заметки по физической антропологии Китайского Туркестана и Памира", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLII. 1912.

"Первоначальным обитателем... является тот тип человека, который Лапуж описал как *Homo Alpinus*", p. 468.

[1326] F. v. Luschan, "The Early Inhabitants of Asia", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLI. 1911, p. 243.

[1327] Свидетельства распространения этого элемента на востоке Центральной Азии см. в гл. IX.

[1328] R. B. Foote, *Madras Government Museum. Коллекция индийских доисторических и протоисторических древностей Foote Collection of Indian Prehistoric and Protohistoric Antiquities. Notes on their ages and distribution*, 1916, является самым последним вкладом в изучение доисторического периода, но его выводы не являются общепринятыми.

[1329] А. Ф. Р. Хоернле, "Грамматика восточного хинди в сравнении с другими гаудийскими языками", 1880, впервые предложил (стр. xxxi. и далее) различие между языками Срединной и Внешней полосы, которое было подтверждено Г. А. Гриерсоном, "Языки Индии", 1903, стр. 51; "Имперский вестник Индии", 1907-8, том I. стр. 357-8.

[1330] Н. Н. Risley, *The People of India*, 1908, p. 54. См. также J. D. Anderson, *The Peoples of India*, 1913, p. 27.

[1331] *Племена и касты Бенгалии* и др. 1892, *Отчет о переписи населения Индии*, 1901, и *Имперский справочник*, том I. гл. VI.

[1332] Племена этой группы, живущие в джунглях, такие как *паниян*, *курумба* и *ирула*, классифицируются как пре-дравидийские. См. гл. XII.

[1333] A. C. Haddon, *Wanderings of Peoples*, 1911, p. 27.

[1334] *The Indo-Aryan Races*, 1916, pp. 65-71 и 75-78.

[1335] "Третье путешествие по Центральной Азии в 1913-16 годах", *Geog. Journ.* 1916.

[1336] *Туземцы Северной Индии*, 1907, с. 19, 24. См. также его статью "Rājputs and Marāthas", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XL. 1910.

[1337] "Его отчет, составленный во время неизбежных отвлечений, связанных с подсчетом населения численностью около 300 миллионов человек, был выдающимся произведением и останется одним из классиков индийской антропологии". "Стабильность каст и племенных групп в Индии", *Journ. Roy. Anthr. Inst.* XLIV. 1914, p. 270.

[1338] За последние годы было собрано огромное количество материала, помимо этнографических обзоров различных провинций, Имперского справочника 1909 года и великолепных отчетов о переписи населения 1901 и 1911 годов. Некоторые из наиболее важных работ следующие: -H. H. Risley, *Ethnography of India*, 1903, *The People of India*, 1908; E. Thurston, *Ethnographical Notes on Southern India*, 1906, *Castes and Tribes of Southern India*, 1909; H. A. Rose, *Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and N.W. Frontier Province*, 1911; E. A. de Brett, *Gazetteer, Chhatisgarh Feudatory States*, 1909; C. E. Luard, *Ethnographic Survey, Central India*, 1909; L. K. Anantha Krishna Iyer, *The Cochin Tribes and Castes*, 1909, *Tribes and Castes of Cochin*, 1912; M. Longworth Dames, *The Baloch Race*, 1904; W. H. R. Rivers, *The Todas*, 1906; P. R. T. Gurdon, *The Khasis*, 1907; T. C. Hodson, *The Meitheis*, 1908, *The Naga Tribes of Manipur*, 1911; E. Stack and C. J. Lyall, *The Mikirs*, 1908; A. Playfair, *The Garos*, 1909; S. Endle, *The Kacharis*, 1911; C. G. and B. Z. Seligman, *The Veddars*, 1911; J. Shakespear, *The Lushei Kuki Clans*, 1912; S. Chandra Roy, *The Mundas and their Country*, 1912, *The Oraons*, 1915; и R. V. Russell, *Tribes and Castes of the N.W. Central Provinces*, 1916.

[1339] Термин "кол", который встречается как элемент во многих названиях племен и впервые был введен Кэмпбеллом в собирательном смысле (1866 г.), неизвестного происхождения, но, вероятно, связан с корнем, означающим "человек" (W. Crooke, *Tribes and Castes*, III. p. 294).

[1340] *Descriptive Ethnology of Bengal*, p. 190.

[1341] В письме автору от 18 июня 1895 года.

[1342] Edgar Thurston, *Anthropology etc.*, Bul. 4, Madras, 1896, pp. 147-8. Более подробные сведения см. в его "Касты и племена Южной Индии", 1909.

[1343] *Тоды*, 1906. См. гл. XXX. "Происхождение и история тода".

[1344] Обсуждение каст см. в статье Э. А. Гейта в *Ency. of Religion and Ethics*, 1910, с библиографией; также V. A. Smith, *Caste in India, East and West*, 1913.

[1345] См. гл. VII.

[1346] См. A. Krämer, *Hawaii, Ostmikronesien und Samoa*, 1906.

[1347] О странствиях полинезийцев см. S. Percy Smith, *Hawaiki: the original home of the Maori*, 1904; J. M. Brown, *Maori and Polynesian; their origin, history and culture*, 1907; W. Churchill, *The Polynesian Wanderings*, 1911.

[1348] Н везде занимает место S, которое сохранилось только в родном языке самоанцев; ср. гр. ἑπτάс лат. *septem*, англ. *seven*.

[1349] *История меланезийского общества*, 1914.

[1350] Ср. с. 139 и далее.

[1351] Среди последних работ по Полинезии см. H. Mager, *Le Monde polynésien*, 1902; B. H. Thomson, *Savage Island*, 1902; A. Krämer, *Die Samoa-Inseln*, 1902; J. M. Brown, *Maori and Polynesian*, 1907; G. Brown, *Melanesians and Polynesians*, 1910; F. W. Christian, *Eastern Pacific Islands*, 1910.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. (стр. 5)

Со времени появления в печати первых страниц этой книги У. К. Грегори опубликовал важный мемуар "Филогения недавних и вымерших антропоидов с особым учетом происхождения человека" (*Bull. Am. Mus. Nat. Hist.* Vol. XXXV., Article XIX, pp. 258 ff., New York, 1916). Поскольку ясное изложение Грегори затронутых проблем основано на длительном изучении очень разнообразного и богатого материала, мы сочли целесообразным представить его резюме. Основные выводы, которые, как представляется, носят консервативный характер, таковы (с. 341).

Происхождение человека.

1. Только сравнительно-анатомические (включая эмбриологические) данные показали, что человек и антропоиды произошли от примитивных антропоидов и что существующие родственники человека - шимпанзе и горилла.
2. Шимпанзе и горилла сохранили, с незначительными изменениями, привычки и габитус предков в области мозга, зубов, черепа и конечностей, в то время как предшественники гоминид, благодаря глубокому изменению функций, утратили примитивный антропоидный габитус, отказались от дендроидной плодоядной адаптации и рано стали наземными, двуногими и хищными, используя грубые кремни для разрезания и измельчения разнообразной пищи.
3. Предки шимпанзе и гориллы представлены верхнемиоценовыми родами *Sivapithecus* и *Dryopithecus*, первый из которых более близок к гоминидам или является их прямым предком, а второй - к шимпанзе и горилле.
4. Многие из различий, отделяющих человека от антропоидов типа *Sivapithecus*, являются регрессивными изменениями, последовавшими за глубоким изменением пищевых привычек, о котором говорилось выше. Сюда относятся ретракция лица и зубной дуги, уменьшение размеров клыков, сокращение челюстных мышц, утрата прехензильного характера hallux. Многие другие различия являются вторичными изменениями относительных пропорций, связанными с переходом от полуборейского, полупрямого и полуквадропедального развития к полностью наземному двуногому развитию. Самые ранние антропоиды, будучи небольшого размера, несомненно, имели стройные конечности; более поздние полуназемные полупрямые формы, вероятно, не отличались от молодой гориллы, с довольно короткими ногами и не слишком удлиненными руками. Длинные ноги и короткие руки человека объясняются, как мне кажется, вторичным изменением пропорций. Очень короткие ноги и очень длинные руки старых самцов горилл вполне могут быть специализацией.

5. В настоящее время я не знаю веских оснований считать, что отделение гоминид от симиид произошло раньше миоцена, а возможно, и верхнего миоцена. Изменения в структуре за этот огромный промежуток времени (два или более миллиона лет) у Hominidæ гораздо больше, чем у консервативных антропоидов, но не исключено, что во время глубокого изменения жизненных привычек эволюция иногда протекает быстрее, чем в более привычных случаях, когда непрерывные адаптации идут в одном направлении.

6. *Homo heidelbergensis*, по-видимому, является прямым предком всех поздних Hominidæ.

Об эволюции пищевых привычек человека.

Несмотря на то, что все человекообразные обезьяны в основном питаются пищей, и даже их предшественники в нижнем олигоцене имеют зубы, хорошо приспособленные для прокалывания жесткой кожуры фруктов и пережевывания растительной пищи, они также, по-видимому, обладают, по крайней мере, скрытой способностью к смешанному питанию. Пищеварительный тракт, особенно у шимпанзе и гориллы, по сути, похож на человеческий, и, по крайней мере, некоторые шимпанзе в неволе питаются смешанной пищей, включающей большое количество фруктов, овощей и хлеба и небольшое количество мяса[1352]. Мистер Р. Л. Гарнер, который потратил много лет на изучение африканских антропоидов в их диком состоянии, утверждает[1353], что "их пища в основном растительная, но мясо является неотъемлемой частью их рациона". Другие наблюдатели утверждают[1354], что горилла и шимпанзе с жадностью пожирают молодых птиц, а также яйца, паразитов и мелких грызунов.

Даже существующие антропоиды, хотя и весьма консервативные как в развитии мозга, так и в общих привычках, демонстрируют начало использования рук, а обученные антропоиды могут совершать довольно сложные действия. В те времена, когда жесткие клубни и фрукты были еще основным элементом рациона, зарождающиеся гоминиды могли искать логова и гнездовья многих животных, чтобы украсть птенцов, и таким образом они могли научиться драться с разъяренными родителями и убивать их. Они также научились драться, защищая свои собственные гнезда и птенцов. И, возможно, они убивали как путем укуса, как хищники, так и путем удушения или, в случае мелкого животного, яростно сбивая его с ног.

Можно предположить, что обезьянолюди верхнего третичного периода в ходе своего расселения из южно-центральной части Азии[1355] попали в регионы, где в изобилии встречались кремневые образования. Возможно, они каким-то образом узнали, что эти "эолитовые" кремни можно использовать для того, чтобы размозжить голову небольшого задушенного животного, расколоть жесткие овощи или измельчить вещества до съедобного состояния. Гораздо позже, после того как мысленная ассоциация "рука и камень" прочно укоренилась, могли наносить удары по незванным гостям кремнями, которыми они готовили пищу, и таким образом они могли научиться использовать более тяжелые кремни в качестве ручных топоров и кинжалов. Очень рано они научились бросать тяжелые камни на предмет, чтобы разбить его, что в итоге привело к метанию кремней в людей и мелкую дичь. Очень рано они также научились размахивать тяжелым куском дерева или тяжелой костью в качестве оружия. Для всех этих целей более короткие и коренастые руки более выгодны, чем длинные стройные руки полукопытных предков, и я утверждал выше (стр. 333), что произошло вторичное укорачивание и утолщение рук.

Одним из первых животных среднего размера, которых зарождающимся гоминидам удалось убить, был дикий кабан, который в плейстоцене был широко распространен в Палеарктике.

С самого начала обезьянолюди были более или менее социальны по своим привычкам и научились охотиться в стаях. Независимо от того, где зародилось искусство охоты - в южной части Центральной Азии или в Европе, - возможно, одним из первых крупных животных, которых люди научились убивать после вторжения в открытую местность, была лошадь, поскольку, когда стая людей окружала лошадь, одного хорошего удара с переворотом по мозговой оболочке могло быть достаточно, чтобы убить ее.

Выше (с. 321) я утверждал, что ретракция зубной дуги и уменьшение клыков не соответствует использованию мяса в пищу, поскольку люди научились использовать грубые кремни вместо зубов, чтобы разрывать плоть и колоть кости, и поскольку прямые резцы, короткие клыки и бикуспиды были очень эффективны для обеспечения прочной фиксации жесткой шкуры и соединительной ткани. Следует помнить, что при определенной мускульной силе мелкие зубы легче вонзаются в мясо, чем крупные.

После каждого пиршества оставались шкуры и кости, которые постепенно приобретали экономическую ценность. Сначала шкуры животных грубо сдирали, чтобы добраться до мяса. Для этого использовались небольшие природные кремни с острыми краями, а также для разрезания сухожилий и плоти. Через некоторое время выяснилось, что меховые бока этих шкур пригодятся для укрытия тела ночью или во время бури. Таким образом, начальный этап изготовления одежды мог быть побочным продуктом охоты.

Доктор Мэтью (*loc. cit.* pp. 211, 212) высказал предположение, что человек научился покрывать тело шкурами животных в прохладном умеренном климате (например, на северных склонах Гималаев), а затем смог проникнуть в более холодные регионы. Использование грубых шкур для покрытия тела должно было привести к появлению новых источников раздражения и инфекций, но мы не можем утверждать, что естественный отбор был причиной уменьшения количества волос на теле и многих связанных с этим изменений в деятельности желез. Мы можем лишь утверждать, что у голой расы млекопитающих обязательно должны были быть волосатые предки и что потеря волос на теле, вероятно, произошла после принятия хищнических привычек.

Пищевые привычки ранних Hominidæ, а значит, косвенно и челюсти и зубы, были позже изменены благодаря использованию огня для размягчения пищи. Люди рано научились собираться вокруг угасающих углей лесных пожаров, разжигаемых молнией, кормить огненное чудовище ветками и носить с собой огниво. Со временем они узнали, что замороженное мясо можно размягчить, подвергнув его воздействию огня. Таким образом, жарить и запекать мясо и овощи можно было научиться еще до того, как были открыты способы разжигания огня с помощью ударов и трения. Но полноценное искусство приготовления пищи и последующие этапы редукции челюстей и зубов у высших рас, вероятно, должны были дожидаться развития сосудов для хранения горячей воды, возможно, в неолитические времена.

Этот рассказ об эволюции пищевых привычек гоминид, вероятно, будет осужден экспериментаторами, которые привели убедительные доказательства в пользу доктрины о том, что "приобретенные черты" не могут передаваться по наследству. Но, каким бы ни было объяснение, это факт, что прогрессивные изменения в пищевых привычках и коррелирующие с ними изменения в структуре произошли в тысячах фил, история которых более или менее полно известна. Никто, кто практически знаком с механическим взаимодействием верхних и нижних зубов млекопитающих или с прогрессивными изменениями в эволюции колющих и скрежещающих зубов, не может сомневаться в том, что зубной ряд развивался *параллельно* с изменениями в пищевых привычках. Независимо от

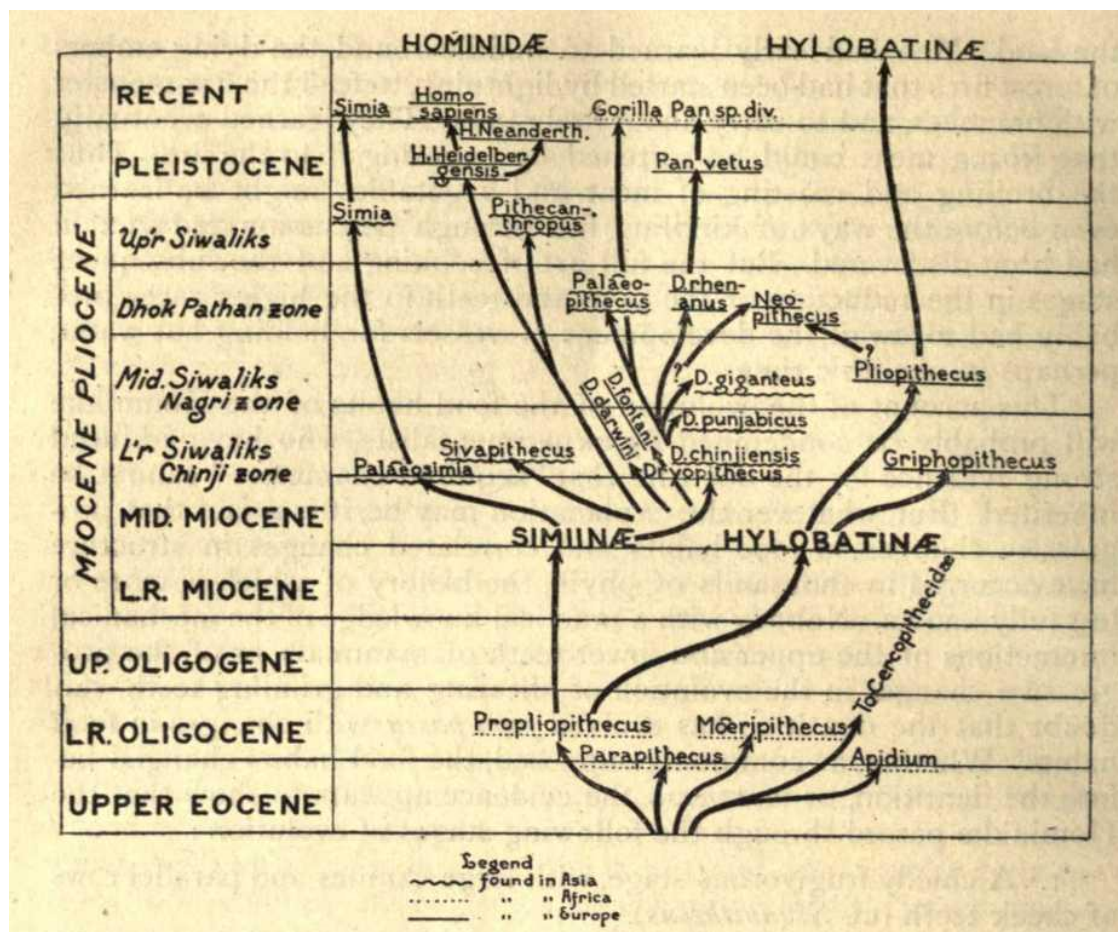
того, изменились ли, как принято считать, пищевые привычки до появления зубов, или *наоборот*, факты свидетельствуют о том, что гоминиды прошли следующие стадии эволюции:

1. Стадия преимущественно плодоядного питания, с большими клыками и параллельными рядами щечных зубов (ср. *Sivapithecus*).
2. Хищная, всеядная стадия, с уменьшенными клыками и сходящимися зубными рядами (ср. *Homo heidelbergensis*).
3. Стадия, на которой пища размягчается при приготовлении, а зубной ряд более или менее уменьшен в размерах и имеет ретроградный характер, как у модернизированных видов *H. sapiens*.

Ниже приводится сокращенный вариант расположения приматов, предложенный Грегори (стр. 266, 267).

Порядок Приматы
Подотряд Lemuroidea
Подотряд Anthroidea
Серия Platyrrhinæ [обезьяны Нового Света]
Fam. Cebidæ
Семейство. Napalidæ [Мармозетки]
Серия Catarrhinæ [обезьяны Старого Света]
Fam. Parapithecidae [вымершие]
Fam. Cercopithecidae
Семейство. Simiidae
Подсем. Hylobatinae [Gibbons]
Подсем. Simiinae [симы или антропоидные обезьяны]

По любезности автора нам разрешено воспроизвести его предварительную схему филогении Hominidae и Simiidae (стр. 337).

Для удобства тех, кто не знаком с используемыми здесь техническими терминами, предлагается следующее пояснение.

Simia - род, содержащий орангутанга.

Pan - название, которое иногда используется для рода, содержащего шимпанзе. Большинство авторитетов относят шимпанзе и гориллу к роду *Anthropopithecus*.

Гилобатыновые (*Hylobatinae*) - подсемейство, содержащее гиббонов.

Palæopithecus, *Dryopithecus*, *Palæosimia* и *Sivapithecus* - вымершие симы.

Pan vetus - это название, предложенное Миллером [1356] для предполагаемого шимпанзе, чья челюсть была найдена вместе с пилтдаунским черепом. Он говорит: "Пилтдаунские останки включают части мозговой коробки, демонстрирующие фундаментальные признаки, до сих пор не известные, кроме как у представителей рода *Homo*, и нижнюю челюсть, два моляра и верхний клык, демонстрирующие столь же диагностические признаки, до сих пор не известные, кроме как у представителей рода *Pan* [*Anthropopithecus*]. На основании этих признаков можно предположить, что окаменелости представляют либо одну особь, принадлежащую к неизвестному до сих пор вымершему роду (*Eoanthropus*), либо две особи, принадлежащие к двум ныне существующим семействам (*Hominidae* и *Pongidae*)". Он утверждает, что челюсть на самом деле принадлежала шимпанзе, а череп - настоящему человеку, которого он называет *Homo Dawsoni*. Грегори принимает эту гипотезу. У. П. Пайкрафт [1357] подверг данные и выводы Миллера тщательной критике и основывает свои умозаключения на гораздо более обширном материале, чем тот, которым располагал Миллер. Он говорит: "То, что пилтдаунская челюсть действительно имеет много точек поразительного сходства с челюстью шимпанзе, не подлежит сомнению. Доктор Смит

Вудворд уже давно указал на эти сходства в своем первоначальном описании челюсти. Но мистер Миллер утверждает, что из-за этих сходств, следовательно, *это* челюсть шимпанзе" (*loc. cit.* p. 408). Пайкрафт указывает, что челюсти шимпанзе отличаются друг от друга гораздо сильнее, чем это было известно Миллеру, и что большинство особенностей пилтдаунской челюсти вполне укладывается в рамки человеческих вариаций; Обсуждая конформацию внутренней поверхности тела челюсти, он говорит: "Между двумя крайностями, наблюдаемыми в челюстях шимпанзе, можно найти любую градацию, но ни в коем случае нельзя путать пилтдаунский фрагмент или любой подобный фрагмент челюсти современного человека с аналогичными фрагментами челюстей шимпанзе" (с. 407).

ССЫЛКИ:

[1352] А. Кит, "О шимпанзе и их родстве с гориллой", *Proc. Zool. Soc. London*, 1899, I. p. 296.

[1353] *Science*, Vol. XLII. Dec. 10, 1915, p. 843.

[1354] А. Н. Keane, *Ethnology*, 1901, p. 111.

[1355] У. Д. Мэтью, "Климат и эволюция", *Ann. New York Acad. Sci.* XXIV. 1915, pp. 210, 214.

[1356] Геррит С. Миллер, "Челюсть пилтдаунского человека", *Smithsonian Misc. Coll.* Vol. 65, No. 12, 1915.

[1357] "The Jaw of the Piltdown Man, a Reply to Mr Gerrit S. Miller," *Science Progress*, No. 43, 1917, p. 389.

КЕМБРИДЖ: НАПЕЧАТАНО ДЖ. Б. МИРОМ, М. А., В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПРЕССЕ

PLATE I

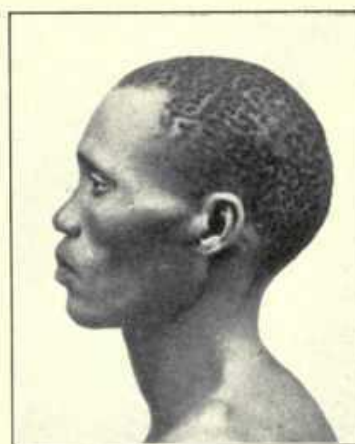
1. Hausa, Western Sudanese Negro

2. Zulu, Bantu Negroid

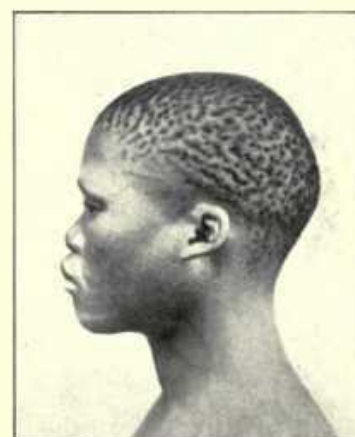
3. Koranna Hottentot

4. Koranna Hottentot

5. Bushman

6. Bushman

PLATE II

1. Andamanese, Negrito

2. Semang, Negrito

3. Aeta, Negrito

4. Central African, Negrito

5-7. Tapiro, Negrito

PLATE III

1. Tasmanian

2. Tasmanian

3. Kiwai, Papuan

4. Kiwai, Papuan

5. Hula, Papuo-Melanesian

6. Hula, Papuo-Melanesian

PLATE IV

1. Chinese

2. Chinese

3. Kara-Kirghiz, Mongolo-Turki

4. Kara-Kirghiz, Mongolo-Turki

5. Kara-Kirghiz

6. Manchu-Tungus

PLATE V

1. Iban, mixed Proto-Malay

2. Buginese, Malayan

3. Bontoc Igorot, Malayan

4. Bagobo, Malayan

5, 6. Kenyah, mixed Proto-Malay

PLATE VI

1. Samoyed

2. Tungus

3. Yenesei Ostiak, Palaeo-Siberian

4. Kalmuk, Western Mongol

5. Gold of Amur River, Tungus

6. Gilyak (N.E. Mongol)

PLATE VII

1. Ainu, Palaeo-Siberian

2. Ainu, Palaeo-Siberian

3, 4. Japanese, mixed Manchu-Korean and Southern Mongol

5. Korean

6. Lapp

PLATE VIII

1. Eskimo

2. Indian, North-west coast of
North America

3. Cocopa, Yuman

4. Navaho, Athapascan

5. Dakota, Siouan

6. Dakota, Siouan

PLATE IX

1. Carib

2. Guatuso, Costa Rica

3. Native of Otavalo, Ecuador

4. Native of Zambisa, Ecuador

5. Tehuel-che, Patagonia

6. Tehuel-che, Patagonia

PLATE X

1. Vedda, Pre-Dravidian

2. Sakai, Pre-Dravidian

3. Irula, Pre-Dravidian

4. Paniyan, Pre-Dravidian

5. Kaitish, Australian

6. Australian

PLATE XI

1. Dane, Nordic

2. Dane, Nordic

3. Dane, mixed Alpine

4. Breton, mixed Alpine

5. Swiss, Nordic

6. Swiss, Alpine

PLATE XII

1. Catalan, Iberian

2. Irishman, Mediterranean

3. Kababish, mixed Semite

4. Kababish, mixed Semite

5. Egyptian Bedouin, mixed Semite

6. Afghán, Iranian

PLATE XIII

1. Bisharin, Hamite

2. Bisharin, Hamite

3. Ben Amer, Hamite

4. Masai, mixed Nilotic Hamite

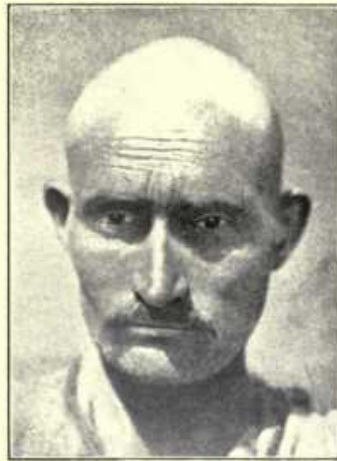

5. Shilluk, Hamitic Nilote

6. Shilluk, Nilote

PLATE XIV

1. Kurd, Nordic

2. Kurd, Nordic

3. Armenian, Armenoid Alpine

4. Armenian, Armenoid Alpine

5. Tajik, Alpine

6. Tajik, mixed Alpine and Turki

PLATE XV

1. Sinhalese, mixed "Aryan"

2. Sinhalese, mixed "Aryan"

3. Hindu, mixed "Aryan"

4. Kling, Dravidian

5. Linga, Dravidian

6. Vakkaliga, mixed Alpine

PLATE XVI

1, 2 Raiatea, Polynesian

3. Maori, Polynesian

4. Maori, Polynesian

5, 6 Caroline Islands, Micronesian

ПЛАТЬЕ XVI

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИБЕРА:

1. Изображения перемещены из середины абзаца в ближайший разрыв абзаца.

2. Сноски были перенумерованы и перенесены в конец главы, в которой они упоминаются.

3. Исправлены очевидные пунктуационные ошибки.

4. Текст содержит несколько фраз на греческом языке с транслитерацией, отмеченной всплывающими подсказками при наведении мыши:

σκόπελος .

5. Исправлены следующие опечатки:

"идентичность" исправлено на "идентифицировать" (стр. 82)

"археологический" исправлено на "археологический" (стр. 351)

"моменклатура" исправлено на "номенклатура" (стр. 514)

6. Кроме перечисленных выше исправлений, сохранены типографские несоответствия в правописании, дефисах и использовании лигатур.